ГЛАВНЫЙ КОРПУС

СТО ИМЕН

в судьбе Воронежского университета

Воронеж
Издательский дом ВГУ
2018

УДК 378(470.324)
ББК 74.48(2Рос-2Вор)
Г52

Составитель –
доктор филологических наук, профессор *Л. Е. Кройчик*

Под общей редакцией
доктора экономических наук, профессора *Д. А. Ендовицкого*

Главный корпус : сто имен в судьбе Воронежского университета / сост. : Л. Е. Кройчик ; под общ. ред. Д. А. Ендовицкого ; Воронежский государственный университет. – Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2018. – 554 с.
Г52
ISBN 978-5-9273-2633-4

Эта книга предоставляет читателям возможность познакомиться со ста сотрудниками Воронежского государственного университета за разные периоды его 100-летней истории. Рассказы о них – попытка создать коллективный портрет университетских людей, деяниями которых складывалась, укреплялась и продолжает сохраняться репутация главного вуза Черноземья.

Издание приурочено к 100-летию Воронежского государственного университета.

Для широкого круга читателей, интересующихся историей и современным состоянием отечественных науки и образования.

УДК 378(470.324)
ББК 74.48(2Рос-2Вор)

ISBN 978-5-9273-2633-4

© Кройчик Л. Е., составление, 2018
© Воронежский государственный университет, 2018
© Оформление, оригинал-макет. Издательский дом ВГУ, 2018

100-летию
Воронежского
государственного университета
посвящается

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Это книга о людях.

Главный корпус университета – корпус его сотрудников.

Мудрые люди меня предупреждали:

– Обо всех рассказывать невозможно, а отбор – дело субъективное. Народ обидится.

И все-таки для сборника «Главный корпус» отобрано только сто имен.

Сто – по числу лет, прожитых университетом.

Малая часть из тех, кто прожил с университетом положенный срок.

Конечно, этот отбор субъективен.

Доброго слова заслуживает каждый, кто работал в университете.

У каждого своя история, своя судьба.

Каждый имеет право на свою строку в книге, рассказывающей об университете.

Такая книга, я уверен, обязательно появится.

Сегодня мы предлагаем читателю только отдельные ее страницы.

Как повод для воспоминаний и размышлений о всех.

В том числе – и о нас самих.

Лев Кройчик

Анатолий Михайлович

АБРАМОВ

(1917–2005)

Доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР, член Союза писателей СССР (Союза российских писателей).

Участвовал в литературной жизни страны как критик, член Советов по критике и литературоведению Союза писателей СССР и РСФСР, член редколлегии журнала «Подъем» и член редколлегий ряда других изданий; участник многих научных конференций (Гданьск, Варшава, Сопот), семинаров Советов по критике и литературоведению Союза писателей СССР и РСФСР. Особое внимание всегда уделял работе с молодыми, из поэтов, «открытых» им, выделяются В. Кубанев, А. Жигулин, А. Прасолов. В центре научной деятельности – русская поэзия XX века; художественное сознание эпохи Возрождения; история творчества писателей Воронежского края.

В ВГУ преподавал в 1949–2005 годах. Основатель и заведующий кафедрой советской литературы ВГУ (1960–1982).

ЛИРИКА И ЭПОС ПРОФЕССОРА АБРАМОВА

Так случилось, что история Воронежского государственного университета оказалась тесно связанной с историей мировых войн, коренным образом менявших жизнь не только нашей страны. Появление в Воронеже 1918 года Юрьевского университета было продуцировано военным противостоянием. Первые годы истории университета в нашем городе теснейшим образом связаны с именами и научными достижениями ученых, сложившихся в дореволюционные годы в рамках российской традиции.

Новый этап университетской истории, а по сути дела нового университета, начался в конце Отечественной войны, когда студенты и преподаватели вернулись из эвакуации, когда в учебных аудиториях появились фронтовики-студенты и фронтовики-преподаватели. Их гражданский опыт был сформирован Отечественной войной, она же определила их путь в науке. Анатолий Михайлович Абрамов был одним из них. На рубеже 1940-х и 1950-х он появился на филологическом факультете и сразу стал его легендой.

Анатолий Михайлович Абрамов всегда остро чувствовал время, даже год своего рождения – 1917 – воспринимал как предопределенность судьбы человека своего поколения. В 14 лет талантливый мальчик покинул родную станицу Качалинскую, что на Дону, чтобы учиться в Саратовском художественном училище. Несмотря на то что училище он успешно закончил (1935) и даже был рекомендован к продолжению обучения в Ленинграде, художником Абрамов не стал. Тому помешал ряд обстоятельств, в том числе и состояние здоровья, но на всю жизнь он сохранил глубокий интерес к живописи, вдохновенно говорил о ней при каждом удобном случае, поражая слушателей умением «проживать» тончайшие переливы цвета и света, общую атмосферу поразившей его картины, вовлекая всех в чудо постижения художественного полотна.

Поступив на филологический факультет Саратовского педагогического института, Абрамов, уже осознавший свой интерес к поэтическому слову, увлекся его научным изучением. А потому, закончив институт (1939), по совету профессора А. П. Скафтымова, он поступает в аспирантуру знаменитого МИФЛИ. Однако обучение было прервано военным призывом, последовавшей затем службой в Военно-политическом училище РККА (Брянск), а затем и начавшейся войной. Политрук Абрамов воевал на Карельском фронте, был корреспондентом красноармейской газеты «Вперед» (1943–1946), после одного из боев, в котором был ранен, был ошибочно занесен в списки погибших. Об этом факте своей послевоенной биографии профессор ВГУ А. М. Абрамов узнал через много лет.

Окончив аспирантуру МГУ, молодой преподаватель, вчерашний фронтовик А. М. Абрамов в 1949 году появился в Воронеже. Живой, энергичный, пафосный, не умеющий говорить скучно и обыденно, он так естественно вписался в молодежную аудиторию, что стал ее кумиром, ее голосом.

В 1950 году Абрамов защитил кандидатскую диссертацию «Поэтическое мастерство В. Маяковского в поэме “В. И. Ленин”» (МГУ). Ее научным руководителем был член-корреспондент АН СССР Леонид Иванович Тимофеев, с которым Анатолий Михайлович поддерживал научные и дружеские связи все оставшиеся годы.

В 1960 году в ВГУ была создана кафедра советской литературы, которую А. М. Абрамов возглавлял 21 год (1960–1981). В 1969 году в диссертационном совете МГУ он защитил докторскую диссертацию «Лирика и эпос Великой Отечественной войны. Проблематика. Стиль. Поэтика». В 1971 году Абрамову было присвоено звание профессора.

Круг научных интересов Анатолия Михайловича Абрамова определялся магистральным развитием советской поэзии. В. Маяковский, романтики 1920-х годов, поэзия Великой Отечественной войны, А. Твардовский, поэты-фронтовики, вступающие в жизнь литераторы – его интересовало всё, всё требовало его отклика. Анатолий Михайлович понимал и чувствовал внутреннюю человеческую неустроенность, глубинный трагизм жизни, противоречивую сложность человеческой натуры. Именно они рождали его научные работы, статьи и рецензии, всегда бывшие живым откликом на живое поэтическое слово. Он был истинным ученым, организатором науки, пропагандистом и популяризатором художественного слова. И ему по праву было присвоено звание заслуженного деятеля науки РФ.

Первая публикация А. Абрамова, которая открывает список его научных трудов, была посвящена поэме Н. Асеева «Маяковский начинается» («Брянский рабочий», 1941, 2 апр.). В это время Абрамов был преподавателем Военно-политического училища РККА. В той же газете Абрамов опубликовал рецензию, посвященную поэме А. Твардовского «Страна Муравия» (1941, 11 апр.). Эти публикации обозначили главные литературные приоритеты ученого – В. Маяковский и А. Твардовский станут «героями» его монографий, войдут содержательным и оценочным фоном в его статьи, лекции, выступления.

В 1953 году вышла первая монография А. Абрамова, написанная на основе его кандидатской диссертации – «Поэтическое мастерство Маяковского в поэме “В. И. Ленин”». В традиционных рамках советского времени Анатолий Михайлович сумел найти свой поворот, казалось бы, хорошо освоенного произведения. Он предложил глубокий и содержательный разговор о ритмике поэмы, доказательно заговорил о творческом использовании Маяковским традиционных размеров русской классической поэзии.

Самым плодотворным и ярким периодом в научной карьере А. М. Абрамова были 1960-е годы, когда он работал над докторской диссертацией (защищена в 1969 году в МГУ). Его талантливые, блестяще написанные статьи, рецензии появлялись во многих «толстых» журналах («Русская литература», «Нева», «Вопросы литературы», «Новый мир», «Волга» (Саратов), «Север» (Петрозаводск), «Подъем» (Воронеж) и мн. др.), вызывая живой интерес не только литературоведов и критиков, но и всех, кому была дорога советская поэзия.

В эти годы продолжается сотрудничество А. М. Абрамова с коллективом кафедры советской литературы МГУ. Он становится одним из авторов «Истории советской литературы», учебного пособия для вузов (изд-во МГУ, 1963), соавтором глав «Литература периода Великой Отечественной войны (1941–1945)» и «Литература послевоенного периода (1946–1956)».

Главной книгой А. М. Абрамова, делом его жизни стала монография «Лирика и эпос Великой Отечественной войны. Проблематика. Стиль. Поэтика», вышедшая тремя изданиями (М., 1972, 1975, Воронеж, 1987). В монографии анализировалась фронтовая лирика, Абрамов вводил новый, до него не исследовавшийся материал. Так, он писал о поэзии советских военнопленных («узников» – называл их Абрамов), оказавшихся в фашистских лагерях. И это был не только впервые вводимый исследовательский материал, но и гражданский поступок: несмотря на годы «оттепели», во многом заставившей по-новому посмотреть на отдельные события и факты Отечественной войны, ее военнопленные и их судьбы по-прежнему оставались «закрытой» темой.

Научные приоритеты А. М. Абрамова определили научную жизнь созданной им кафедры. Возникшая в «оттепельные» годы, кафедра советской литературы ВГУ была не только ее порождением, но и питалась теми идеями, той проблематикой, которые были первоочередными для самого времени. Она была динамичным, по сути молодым коллективом, живо откликавшимся на внутрифакультетскую и университетскую жизнь, на литературную ситуацию в стране. Один пример: университетская журналистика начиналась на нашей кафедре доцентом Г. В. Антюхиным, доцентом В. В. Ситенко, Б. В. Кривенко, преподавателями М. И. Стюфляевой, Л. Е. Кройчиком, В. Г. Кулиничевым, А. Т. Смирновым, которые позже выделятся в отдельный факультет.

На «абрамовской» кафедре начиналось серийное издание литературоведческих научных трудов. В 1960–70-е годы кафедра советской литературы издала

серию сборников статей под общим названием «Революция. Жизнь. Писатель». Научным редактором серии был проф. Абрамов. На нашей кафедре начиналось систематическое научное изучение творчества А. Платонова, увидел свет первый не только в нашей стране сборник научных трудов (отв. ред. В. П. Скобелев, 1970), ныне известный во всём мире.

Созданная А. М. Абрамовым кафедра в 2010 году отметила свое пятидесятилетие. Сегодня она существует под новым названием, откликаясь, как и при Абрамове, на требования времени. Изменилась страна, расширился круг изучаемых материалов, родились новые литературные явления и имена, и кафедра теперь называется кафедрой русской литературы XX и XXI веков. Анатолию Михайловичу это понравилось бы как подтверждение значительности, серьезности того дела, которое было начато им в годы первой «оттепели». Теперь у кафедры два серийных издания, посвященных творчеству Платонова и Бунина, кафедра и сегодня существует почти в том же (количественно) составе, что и в последние абрамовские годы. Уверенно я могу говорить и о научном росте кафедры, на которой работают в настоящее время пять докторов и два кандидата филологических наук. Как и при Абрамове, на кафедре много аспирантов, – русская литература XX века, ее современное состояние до сих пор волнуют филологическую молодежь, и в этом залог продолжения жизни и трудов нашего первого заведующего. Послевоенная история Воронежского государственного университета продолжается.

Тамара Никонова

Печатается по: Университетская площадь. 2013. № 6.

Прокопий Гаврилович

АДЕРИХИН

(1904–1988)

Доктор биологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР, лауреат премии имени В. Р. Вильямса, член Центрального совета Всесоюзного общества почвоведов при Академии наук СССР, председатель Воронежского отделения Всесоюзного общества почвоведов. Один из авторов почвенной карты Воронежской области, карт почв, районирования Центрально-Черноземной области и других карт.

Сфера научных интересов: агрохимия, почвоведение, водный режим и свойства черноземов, изучение поглотительной способности почв (P_2O_5; SO_4^{2}), лучепоглощающая способность почв в разных природных зонах страны.

В ВГУ преподавал в 1935–1985 годах, заведующий (с 1936) кафедрой почвоведения, в 1943–1946 годах – декан геологического факультета, в 1948–1955 годах проректор, в 1967–1985 годах директор Научно-исследовательского института почвоведения ВГУ.

ЕГО НАЗЫВАЮТ «УЧИТЕЛЬ»

* * *

Прокопий Адерихин более 60 лет своей жизни посвятил науке. Глубоко интеллигентный, скромный, голоса никогда не повышал, к студентам обращался исключительно по имени-отчеству – таким Прокопия Гавриловича помнят ученики и коллеги.

Родился Прокопий Гаврилович Адерихин 27 июля 1904 года в селе Репец Задонского уезда в семье крестьянина. Закончив в 1916 году сельскую школу, юноша поступает в Конь-Колодезьское сельскохозяйственное училище. А в 1922 году приходит на вступительные экзамены в Воронежский сельскохозяйственный институт на агрономический факультет.

По воспоминаниям очевидцев – в лаптях.

– Большое влияние на студента оказали лекции профессора Глинки. На третьем курсе Прокопий Адерихин стал участвовать в полевых экспедициях. Это был очень увлеченный человек! – рассказывает Ольга Антоновна Йонко, старший преподаватель кафедры почвоведения и управления земельными ресурсами, студентка Адерихина.

Научная деятельность Прокопия Гавриловича была связана с изучением почв, влиянием на нее тех или иных компонентов. Студентом он участвовал в исследовании и картировании почв Каменностепной сельскохозяйственной опытной станции имени Докучаева. После института, его интерес к выбранной профессии стал только сильнее. В то время почти ни одна научная экспедиция в Каменной степи не обходилась без Адерихина. Ученые изучали влияние лесных полос на почвы, их состав, свойства, динамику грунтовых вод.

Результаты исследований, проведенных в Каменной степи, были опубликованы в научной работе, где впервые вводился термин «род черноземов». Впоследствии это послужило толчком для разработки классификации черноземов. Немаловажно и то, что благодаря этим исследованиям Каменная степь появилась на почвенной карте.

Адерихин в 1927–1929 годах активно изучал плодородие почв, характер поглощения катионов в черноземах. С апреля 1933 года стал доцентом Высшей коммунистической сельскохозяйственной школы и заведующим кабинетом почвоведения и агрохимии.

– Наша кафедра, можно сказать, начиналась с кабинета Прокопия Гавриловича, – рассказывает Ольга Антоновна. – Но Прокопий Гаврилович мечтал о создании факультета! К сожалению, мечта его не воплотилась в жизнь. У нас в стране существует факультет почвоведения только в Московском университете.

Тем не менее благодаря Прокопию Адерихину в Воронежском университете появилась кафедра почвоведения. С 1936 года судьба Адерихина тесно переплетается с ВГУ. Здесь создались кафедра почвоведения, музей и лаборатория, которыми Адерихин будет бессменно руководить на протяжении полувека.

Раньше считалось, что почва – образование геологическое, – поэтому кафедра почвоведения изначально возникла на геологическом факультете; сегодня почву рассматривают как продукт живого вещества, то есть биологический. И кафедра почвоведения «переехала» на биофак. По инициативе Адерихина открыли здесь еще две кафедры – агрохимии и географии почв.

– Прокопий Гаврилович был неутомим – сам много работал и другим старался помогать, – вспоминает Анатолий Беляев, доктор биологических наук, профессор кафедры почвоведения и управления земельными ресурсами, аспирант Прокопия Адерихина.

– Профессор внимательно относился к каждому студенту. Когда у нас была практика, Адерихин брал такси и приезжал к нам. Это могла быть не только соседняя деревня, но и соседняя область! На третьем курсе мы брали образцы чернозема в Белгородской области, и Адерихин неделю проводил с нами, помогал и подсказывал, как правильно вести картирование, – рассказывает Ольга Антоновна.

Студенты обследовали почвы в Краснодарском и Ставропольском краях, Брянской, Тамбовской, Курской, Орловской, Ярославской областях. И, конечно, изучили родную землю – Воронежскую. В шесть утра поднимались и отправлялись в поле за образцами, потом обрабатывали их, задерживались, бывало, до полуночи. Возвращались не с пустыми руками – выполняли задание особой важности: монолиты везли в Воронеж. Так, один монолит за другим появлялся в почвенном музее университета. Другого такого музея в городе и Центрально-Черноземном регионе не найти.

Экспозиции музея дают широкое представление о почвенном покрове в меридиональном направлении от Балтийского до Черного морей и являются фон-

дом эталонных почв России и Центрального Черноземья. Здесь открывается уникальный мир почв, здесь можно познакомиться с особенностями происхождения и формирования в разных природных зонах и функциями в биосфере, рассказывает Аркадий Громовик, руководитель почвенного музея ВГУ.

Коллекция почв, которая хранится в университетском музее, имеет большую историческую ценность, ведь монолиты были собраны в разных уголках России – от тундровых почв Кольского полуострова до красноземов Колхиды, от горных почв Урала до бурых лесных почв Закарпатья и коричневых почв Крыма. В музее хранятся рисунки, картины, стенды, которые также дают наглядное представление об истории изучения почв ЦЧО. Всего в музее хранится более 80 наименований монолитов.

– Редко бывают такие ученые, – говорит Ольга Антоновна. – Он душой болел за создание этого музея и за знания своих студентов. Прокопий Гаврилович хотел, чтобы они знали, откуда пошла наша история.

В годы Великой Отечественной войны университет оказался в Елабуге. И Адерихин тоже был там в эвакуации. А потом, уже в мирное время, когда ездили по стране, приезжал и в Тарту – чтобы знали, откуда мы родом.

Во всех экспедициях Прокопия Гавриловича сопровождала Екатерина Петровна Тихова – его жена. Все лабораторные исследования проходили под ее руководством. Отношения у них всегда складывались замечательные – любой мог бы позавидовать.

– Летом супруги уезжали на дачу, – вспоминает Анатолий Борисович. – Перед отъездом он давал мне ключи от своей квартиры, чтобы я за ней присматривал. Прокопий Гаврилович мне разрешал пользоваться его домашней библиотекой. И я всё лето работал с его книгами. Даже после окончания университет я с Адерихиным работал.

Он столько мне дал. Это – Учитель с большой буквы.

Прокопий Гаврилович Адерихин является автором более 400 научных работ, 20 монографий и учебных пособий. Работы профессора получили широкое признание, многие из них переведены на иностранные языки. Прокопий Адерихин был прекрасным педагогом, который воспитал и выпустил более 50 кандидатов и 4 докторов наук.

Из воспоминаний Ирины Лазаревой

* * *

Ближе узнать Прокопия Гавриловича нам довелось уже в эвакуации, в Елабуге, куда мы добрались из Свердловска в день Нового, 1943 года. Он был первый человек, из университетских, кого мы, приехав на попутных лошадях в Елабугу, встретили на улице, шагая с окраины города к зданию местного учительского института, где нашел пристанище наш университет.

Когда геологический факультет вновь обрел независимость, Прокопий Гаврилович стал нашим деканом.

Он съездил в Казань, в университет, привез оттуда карту Европейской части СССР и Карту четвертичных отложений, почвенную карту Татарии. Небольшой кабинет на первом этаже решили сделать геологическим. Повесили там привезенные карты, на столах разложили коллекции, оставшиеся от естественного отделения Елабужского педучилища, на стены повесили таблицы из атласа руководящих ископаемых.

Здесь, в Елабуге, Прокопий Гаврилович читал нам курс почвоведения, экзамен по которому мы сдали 12 мая. Мне Прокопий Гаврилович посоветовал на будущее добиваться места в аспирантуре: «Нужно готовить кадры преподавателей».

После летней производственной практики на Алтае, октябрьского сидения в Елабуге в ожидании отъезда, после долгого пути на пароходе и по железной дороге начался липецкий период университетской жизни. Прокопий Гаврилович оставался деканом геологического факультета. Первокурсникам нового набора он читал лекции по геологии. Кроме него, профессора Дамперова и приезжавшего из Воронежа для чтения лекций доцента Сысоева преподавателей на геологическом факультете не было. Не было ни одного ассистента. По предложению профессора Дамперова, поддержанному Прокопием Гавриловичем, я был утвержден исполняющим обязанности ассистента кафедры геологии.

Еще раз я встретился с Прокопием Гавриловичем, когда он был уже проректором университета по учебной работе, доктором наук, профессором. К нам, бывшим питомцам университета, особенно тем, кто пережил вместе с университетом елабужскую эпопею, Прокопий Гаврилович относился по-дружески тепло и доброжелательно.

Последняя наша встреча состоялась в 1984-м, на торжественном собрании, посвященном пятидесятилетию геологического факультета. Прокопию Гавриловичу тогда было уже 80 лет, но он по-прежнему помнил нас, елабужан, выпускников 1944 года.

К сожалению, больше встреч уже не будет.

Адерихин скончался в 1988 году.

Из воспоминаний Ростислава Сегедина

Виктор Михайлович

АКАТКИН

(1939 г.р.)

Доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР, отличник народного образования, член Союза писателей СССР (Союза российских писателей, Союза писателей России).

Сфера научных интересов: исследование проблем русской литературы XIX–XX веков, в особенности проблем поэзии. Основное внимание обращается на взаимоотношение писателя со временем, проблемы героя, жанра, языка и стиля. В центре внимания такие авторы, как А. Кольцов, И. Никитин, И. Бунин, А. Платонов, А. Ахматова, В. Маяковский, О. Мандельштам, А. Твардовский, С. Есенин и др. Публиковался в журналах «Подъем», «Вопросы литературы», «Русская литература», «Литературное обозрение» и других.

ЗВЕНЬЯ СУДЬБЫ

Очеркисты любят напоминать, что профессор ВГУ Виктор Михайлович Акаткин родился в многодетной крестьянской семье села Березняговка Липецкой области, что с 12 лет он работал в колхозе, учился, вышагивая по двадцать километров до ближайшей десятилетки и обратно, как и многие в те несладкие 1940–50-е, голодал…

Затем строка за строкой ложились счастливые и трудные страницы жизни: служба в Заполярье, учеба на филологическом факультете Воронежского университета, аспирантура, прием в Союз писателей по секции литературной критики, защита кандидатской, а затем докторской диссертации.

Биография ученого складывается, конечно же, не из полученных званий и титулов, а из научных трудов. Подсчитано, что у Виктора Михайловича Акаткина их более двухсот. Еще студентом он написал первую рецензию для журнала «Подъем» (1966, № 3). Монография «Александр Твардовский. Стих и проза» вышла в 1977-м; книга «Река времен. О поэтах и поэзии» – в 1998-м.

Между этими датами – годы напряженной работы, доклады, лекции, выступления перед учителями, многочисленные статьи, учебные пособия, книги. Среди них такие заметные, как «Василий Тёркин» А. Твардовского – народная эпопея» (написана в соавторстве, 1981), «Песня о человеке. Статьи о поэзии» (1986), «Ранний Твардовский. Проблемы становления» (1986), «Дорога и память. О Твардовском» (1989), «Прощание с утопией. Статьи о литературе» (1991), «Живые письмена (статьи о поэтах Центрально-Черноземного края)» (1996).

Из приведенного перечня видно, что основные научные интересы В. М. Акаткина сосредоточены на изучении истории русской поэзии, жанровой динамики произведений, литературно-критическом восприятии текстов.

В биографии любого серьезного ученого, как правило, есть и невидимые звенья, не учитывая которые, трудно составить целостное представление о его судьбе.

Одним из таких звеньев, очевидно, является осознанный выбор научной темы.

В студенческие годы Виктор Акаткин не искал проторенных путей. На кафедре советской литературы, по которой он специализировался, всячески поощрялся интерес к творчеству В. В. Маяковского, но, покоренный испепеляющей правдой и изобразительной силой повести А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича», начинающий исследователь свою дипломную работу решил посвятить анализу этого неожиданного для советской литературы произведения. На закате «оттепели» тему вроде бы утвердили: идеологические грозы тогда еще только собирались над создателем «Матрёнина двора» и «Случая на станции Кречетовка». Но после начавшихся вскоре нападок на Солженицына преподаватель, согласившийся быть руководителем студента Акаткина, от дипломника отказался.

Эта история, преподав первый урок, многому научила.

Характерно и следующее звено в судьбе будущего ученого. В изменившихся и усложнившихся общественных условиях он пишет дипломное сочинение об истинно великих, но, по советским меркам, не очень-то «благонадежных» русских поэтах XX века: о Н. Заболоцком, отбывшем лагерный срок, ссылку и безвременно скончавшемся вскоре после официальной реабилитации, и А. Твардовском, литературная и гражданская позиция которого всё более становится неугодной властям.

Позднее Акаткин напишет об этом великом сыне России: «Твардовский родился в середине лета, когда стоит на земле самый длинный день, родился в хуторской смоленской глуши, прямо на поле. А умер холодной зимой, на подходе к самым коротким дням, умер в многомиллионной Москве. Символично, не правда ли? В одном сопоставлении этом просматривается большая и стремительная судьба, как бы включенная в ритмы самой природы» (*Акаткин В.* Дорога и память. О Твардовском. Воронеж, 1989. С. 4.).

Кандидатскую диссертацию о творчестве А. Твардовского В. Акаткин писал и готовил к защите на рубеже 1960–1970-х, в годы, очень трудные для поэта и главного редактора журнала «Новый мир». Со второй половины 1960-х маятник идеологических оценок, применяемых к автору «Книги про бойца», качнулся от неуклюжих панегирических формулировок до резких отповедей в центральной печати.

Когда весной 1971-го В. М. Акаткин принес автореферат кандидатской диссертации в кабинет работника воронежского ЛИТа, тот недобро скривился: «Что-то ваш Твардовский задурил!» А в ответ на возмущенное «да разве можно так о народном поэте!?» прищурился, уверенный в полной своей безнаказанности: «Полегче, а то реферат не пропустим…»

В. М. Акаткин одним из первых приподнял завесу непонимания над непростой судьбой Твардовского. В диссертации молодого исследователя была предпринята смелая попытка, отказавшись от догматической скованности, от стереотипов восприятия и интерпретации творчества поэта, показать, по каким внутренним законам происходило это эстетическое взаимообогащение стиха и прозы. В опу-

бликованной на основе диссертации монографии, в сущности, было предложено новое видение узловых проблем художественной системы А. Твардовского.

Атмосфера времени для науки была удушлива. В провинции контроль за научными изданиями был не просто мелочным и жестким – подчас он был нелепым и архаичным, даже по советским меркам. Так, очевидно, по инерции прежних лет, ссылки В. Акаткина на работы В. Шкловского и Б. Эйхенбаума вызывали у малообразованного цензора опасения: «А это тоже поэты? А за границу они не уехали?»

Вместе с тем «именно в семидесятые годы иконо- и чинопочитание перестало быть априорным условием публикации и превратилось в проблему личного выбора. Нормативные “словник” и “темник” литературной критики были окончательно расшатаны, и выражения, некогда считавшиеся обязательными, словно бы удостоверявшими идеологическую благонадежность автора статьи или книги, сначала ритуализировались, а потом – под пером одних авторов – и вовсе редуцировались, попали под сокращение, а под пером других стали индивидуальной речевой краской» (*Чупринин С.* Критика – это критики. М., 1988. С. 290).

Как представляется, личный выбор Виктора Михайловича Акаткина был связан прежде всего с нравственными и профессиональными уроками главного редактора «Нового мира». Работая над диссертацией, а затем и над своей первой книгой, литературовед многому учился у Твардовского-художника и редактора.

С этой внутренне диалогичной учебой связано еще одно важное звено в научной биографии исследователя. Он как будто сверяет с эстетикой Твардовского свое литературно-критическое восприятие современной и русской классической литературы.

Творческий опыт Твардовского постоянно «имеется в виду» ученым, и когда им анализируется наследие А. Кольцова, И. Никитина, и когда он обращается к произведениям И. Бунина, А. Платонова, О. Мандельштама или Е. Носова, и когда он вступает в спор по вопросам теории искусства. («Правдивость в мелочах и враньё в существенном», – это высказывание А. Твардовского о социалистическом реализме послужило важным аргументом в полемике литературоведа с защитниками «превратностей метода» (См.: *Акаткин В.* Заметки по поводу // Подъем. 1990. № 5. С. 231–238).

На эту особенность творческого почерка В. Акаткина одним из первых обратил внимание Г. Троепольский: «…Через творчество этого выдающегося поэта нашего времени В. Акаткин смотрит и на его предшественников, и на современников, и на последователей».

В условиях подцензурного общения с читателем «сверять с Твардовским» жизнь современной критики и художественной литературы было, разумеется, непросто. В том числе и психологически. Вспоминая те годы, ученый откровенно напишет: «У многих из нас возникал в душе тревожный и опасный вопрос: а нужен ли я как критик? Как честный собеседник, как первооткрыватель неведомого, имеющий право пробить тревогу там, где нарастают опасные нарывы и шлаки?»

В годы, позднее названные застойными, через коросту запретов честное слово о наболевшем всё же пробивалось к читателю. Правда, воспринималось оно

или в иносказательном, или в не полностью проявленном, словно выписанном симпатическими чернилами контексте. Вероятно, и по этой причине.

Очень актуальной для В. Акаткина в семидесятые годы стала проблема трансформации исследовательского жанра. Строго научные, в том числе и теоретические, исследования в перечне публикаций ученого всё чаще чередуются с литературно-критическими. Заметным явлением в семидесятые годы стали его статьи о творчестве Анатолия Жигулина и Алексея Прасолова, почти все написанные в жанре историко-литературного эссе.

И всё же главная тема – творчество Твардовского – ученого не отпускает. Виктор Михайлович стал одним из инициаторов научной конференции, посвященной вопросам интерпретации «Книги про бойца». По итогам конференции был подготовлен и издан коллективный труд «“Василий Теркин” А. Твардовского – народная эпопея», без преувеличения ставший новым этапом в научном восприятии этой «чистозвонной» книги (выражение А. Солженицына).

Серьезный анализ художественного наследия Твардовского был неполон без добросовестного изучения истоков его творчества. Ситуация усугублялась тем, что после безвременной кончины поэта над многими страницами его произведений и биографии был опущен плотный занавес молчания. И вновь В. Акаткин не пасует перед «непроходимой» темой; он решает «пойти дорогами юного Твардовского», в «сопоставлениях, связях, отталкиваниях» изучает проблемы становления художественного мира поэта. Итогом многолетней работы ученого стала монография «Ранний Твардовский: Проблемы становления». В этой книге «вызывающе» подробно были освещены вопросы литературно-критической полемики, отшумевшей в 1920-е годы на Смоленщине, в непривычно полном объеме анализировались ранние стихотворения и поэмы, дневники, рабочие тетради и письма поэта.

Изданной в 1998-м году книге «Река времен» ученый придает особое значение. На ее страницах анализируются не только явленные в поэтическом слове искушения, заблуждения и болезни времени, но и его высокий трагедийный пафос. А иначе как говорить на исходе XX века о Бунине, Маяковском, Ахматовой, Есенине, Мандельштаме, Платонове, Твардовском, Жигулине, Прасолове?

К мысли о том, что главным судьей для искусства (и тем более для науки и литературной критики) было и будет большое историческое время, В. М. Акаткин всё чаще возвращается в работах последних лет. Ученый не устает напоминать, что «судьбы многих поэтов XX века нельзя представить себе вне основного вектора исторического развития России», что творчество каждого Мастера не укладывается в «тесные групповые клетушки», и потому произведения каждого большого художника нужно рассматривать «в потоке истории, в общем движении литературы и языка, поверяя творчество каждого высшими критериями Правды, Добра, Красоты, Народности».

Биография ученого продолжается…

Олег Алейников

Эдуард Константинович

АЛГАЗИНОВ

(1943 г.р.)

Доктор физико-математических наук, профессор.

Научные интересы лежат в области СВЧ-электроники. К основным научным результатам относятся: создание нелинейных теорий многочастотных режимов практически всех основных типов входных СВЧ-усилителей; объяснение и систематизация характеристик электромагнитной совместимости этих усилителей. Создатель и руководитель Воронежской научной школы в области СВЧ-электроники.

Окончил физический факультет ВГУ (1965). В ВГУ преподает с того же года. На кафедре электроники прошел путь от ассистента до заведующего кафедрой, которую возглавил в 1985 году. В 1988 году стал деканом физического факультета, а в 1994–1998 годах был проректором факультетов естественно-математического цикла. Организатор и декан (с 1999) факультета компьютерных наук – первого факультета такого направления, открытого в университетах РФ.

КАК ДЕКАНУ СТАТЬ ОТЦОМ ФАКУЛЬТЕТА?

У кабинета декана ФКН сидит, уткнувшись в ноутбуки, троица студентов. Во-первых, здесь тихо, во-вторых, за стенкой – Алгазинов. Ребята, щелкая мышками, смеются:

– Наверное, по воздуху передаются интеллектуальные посылы. Плодотворнее, знаете ли, работается, когда ОН поблизости.

Кто он? Для второкурсников Эдуард Константинович Алгазинов – профессор, доктор физико-математических наук, но самое главное – отец факультета:

– Не подумайте, что мы называем Эдуарда Константиновича отцом, чтобы ему угодить. Просто ничего другого на ум не приходит. Когда мы говорим о родителях, сначала вспоминаем, что они подарили нам жизнь, а уж потом идут другие характеристики: добрые, умные, сердечные. Вот Эдуард Константинович – отец факультета уже 17 лет.

Родители беспокоятся о своих «чадах» круглосуточно. Алгазинов уходит домой не раньше девяти часов. До пяти работать нормально не получается: в кабинет непрерывно идут люди. Весь день декан подписывает бумаги и вникает в проблемы, а потом до темноты сидит за письменным столом:

– Можно быть деканом двух типов, – объясняет Эдуард Константинович. – Один сидит на троне. Так можно жить, когда факультет стабильный, что называется, классический. Другой сам находит себе заботы: создает учебные центры, лаборатории, отправляет преподавателей повышать квалификацию. Это тоже творчество, и я обязан быть деканом второго типа. ФКН нужен университету, пока он – инновационный факультет. Нам нельзя не развиваться.

И факультет развивается, продолжая следовать главной традиции университета: преподаватели и студенты непрерывно ведут

диалог. Взаимопонимание достигает пика, когда на одном языке говорят «настоящие ученые» с «идеальными (ну почти что) учениками».

– Ученых на самом деле мало, – размышляет Алгазинов. – Даже не все доктора наук имеют право так себя называть, что уж говорить о кандидатах. Есть средний выпускник среднего вуза. Научный руководитель дал ему задание, тот аккуратно его выполнил, выпустил пару статей, без всякого блеска защитился. И вот он может стать доцентом, но дальше из такого «ремесленника» ничего не получится.

Настоящий ученый другой, он постоянно генерирует идеи. У людей, пришедших в науку по призванию, нормированного рабочего дня не бывает. У таких людей стоит учиться. Нашим студентам повезло: в ВГУ серьезные научные школы.

Эдуард Константинович не говорит о том, какой он ученый. Зато его студенты не сомневаются: настоящий. А еще он настоящий педагог, потому что отвечает за каждого своего выпускника – много дает и многого требует:

– Идеальный в моем понимании студент должен обладать двумя качествами: желанием учиться и умением это делать. Звучит просто, а как мало тех, кто действительно понимает, зачем пришел в вуз. То и дело слышу: зачем нам история, мы хотим больше профильных предметов. Но ведь классическое образование складывается из множества предметов.

Я как-то был в Мюнхенском техническом университете. Представьте, первый курс, огромная аудитория амфитеатром. Мы затаились на балкончике второго этажа. Рядом сидят инвалиды, строчат что-то в тетрадках. Внизу – 500 человек и… гробовая тишина. Все пишут, вникают. Вот эти люди пришли учиться. А у нас больше сотни студентов вместе не посадишь, шумно, невозможно вести занятия. Процентов тридцать сидят в социальных сетях и думают о своем. Даже я властью декана не могу «повернуть» их мозги в нужную сторону.

И все-таки «почти идеальные» студенты на ФКН были и есть. Эдуард Константинович распахивает дверь кабинета. Стена напротив увешана фотографиями первых выпускников. Кажется, он помнит каждого: с этими людьми начал складываться факультет.

Профессор Алгазинов говорит о достижениях подопечных – с явным удовольствием. Почти все выпускники ФКН сегодня – люди успешные, а нынешние студенты еще на втором-третьем курсах побеждают в престижных конкурсах.

Эдуард Константинович демонстрирует грамоты студентов и преподавателей. Награды в кабинете лежат ровными стопками, к победам здесь привыкли. В свои 17 лет ФКН – едва ли не самый «титулованный» факультет ВГУ.

– Вы не подумайте, что я грамоты к вашему приходу готовил, – улыбается декан.

Алгазинов не просто руководитель. В самом деле, было бы странно, если бы «папа» думал только об учебе. Как всякий заботливый родитель, Эдуард Константинович воспитывает своих подопечных:

– На наш этаж нельзя войти с чашкой кофе. Есть буфет – там студенты и обедают. На парах вы не увидите ребят, сидящих в верхней одежде. Преподаватель,

который не делает «замерзающим» замечания, получает выговор от меня. Можете сколько угодно бродить по факультету, но вы не встретите студента не то что с банкой пива, даже с бутылкой «Колы». Зачем ребята приходят в вуз? Учиться. И мы на ФКН учим их тому, что знаем, – это моя принципиальная позиция.

* * *

Троица студентов всё также щелкает мышками:

– Эдуард Константинович для нас как локомотив для поезда. В Алгазинове столько задора, что он даст фору самому молодому преподавателю.

Спрашиваю:

– А вы знаете, сколько лет Эдуард Константинович работает в ВГУ?

Осторожно предполагают:

– Тридцать?

– Да ну, больше. Кажется, Алгазинов был всегда.

Последнее предположение близко к истине. В ВГУ нынешний декан ФКН пришел в 1959 году. Тогда еще девятиклассник Алгазинов посещал при университете воскресную математическую школу. Он не собирался поступать на физфак – так сложились обстоятельства.

Во-первых, Эдик разбирался в физике. В Бобруйске, где Алгазиновы жили до переезда в Воронеж, он освоил теорию так, что мог ответить на любой вопрос – «завалить» такого знатока невозможно. Во-вторых, родители привили ему серьезное отношение к учебе – умение учиться. Алгазинов окончил школу с золотой медалью.

Попробуй-ка прочитать от корки до корки все произведения одного автора. Эдик брал в руки сначала том Джека Лондона, потом второй. Перевернув последнюю страницу, хватался за собрание сочинений Толстого. Казалось бы, с такой подготовкой нечего беспокоиться о поступлении в вуз. Но то, что он стал студентом ВГУ, Алгазинов считает первым подарком судьбы:

– Физфаки в 1960 году были самыми модными факультетами, конкурс – невероятный, особенно – у радиофизиков. На первый курс приняли 75 человек. Но школьников брали процентов двадцать от общего числа, большая часть поступивших имела два года производственного стажа. Мне нужно было попасть на одно из пятнадцати оставшихся мест.

Поступив на первый курс, Эдик быстро адаптировался – и к языку, и к среде. Учился хорошо. До красного диплома не хватило двух-трех баллов, но не так уж и расстроился, получив синие «корочки». Ведь именно ему предложили остаться в университете. И это был второй подарок судьбы.

Декан ФКН занимается наукой большую часть своей жизни. Между тем он не учился ни в аспирантуре, ни в докторантуре. Пришло время служить в армии и попал в танковые войска. Вернувшемуся через год Алгазинову места в аспирантуре не нашлось, зато ему предложили преподавать:

– Я стал работать со студентами и параллельно писал диссертацию. У меня не было научного руководителя, никто не подбирал мне тему и не искал оппонентов. Но это и хорошо – самостоятельный творческий поиск закаляет. Карьеру я делал целенаправленно – в те годы иметь ученую степень было очень престижно.

* * *

Иногда, возвращаясь с работы затемно, Эдуард Константинович вздыхает: «Пора на пенсию».

Настроение меняется: падает работа.

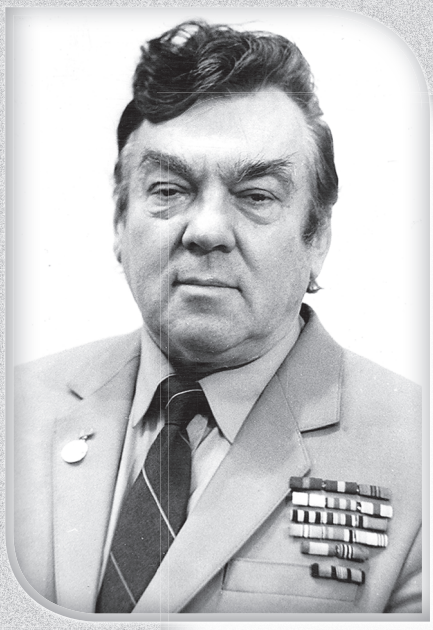
– Есть у нас неделя выходных. Жена говорит: «Махнем в Дивноморск». Я сажусь за руль, чтобы проехать 1500 километров – люблю водить машину. ГИБДД останавливает, спрашивает: «Не тяжело в таком возрасте без перерыва крутить баранку?» А я получаю удовольствие: и от поездки, и от моря, и от новых впечатлений.

– Помните, я говорил, что мое присутствие в университете – подарок судьбы? ВГУ дал мне всё, что я имею. Не только образование, не только возможность заниматься наукой. Здесь я встретил большинство своих друзей.

Я был деканом физфака, проректором, кандидатом в ректоры. Есть пафосная фраза: «Университет – второй дом». Так вот, для меня ВГУ – дом первый.

Эдуард Константинович хочет написать об этом доме книгу, да всё нет времени. Мне кажется, что профессор Алгазинов пишет свою книгу о ВГУ в реальном времени.

Мария Репина

Георгий Владимирович

АНТЮХИН

(1923–2003)

Доктор филологических наук, профессор, заслуженный работник культуры РФ, член Союза журналистов СССР, редактор отдела критики и публицистики журнала «Подъем» (1956–1958), историк русской провинциальной журналистики, краевед, лауреат премии «Золотой фонд Воронежской области» (2002).

Участник Великой Отечественной войны.

Сфера научных интересов: история региональной печати России, история отечественной журналистики. Организатор Всероссийской конференции по истории местной печати. Автор двух монографий по истории Воронежской печати 1798–1945 годов (1973, 1976).

Окончил филологическое отделение историко-филологического факультета ВГУ (1950). В ВГУ преподавал в 1960–2003 годах, один из организаторов факультета журналистики Воронежского государственного университета, заведующий кафедрой истории журналистики и журналистского мастерства.

И ОЖИВАЛИ ЛЕГЕНДЫ…

Сентябрьским днем неспешно брожу по пустым коридорам отделения журналистики в стареньком корпусе университета на Пушкинской, 16. Занятия уже закончились, но мне почему-то не хочется уходить. Я читаю объявления на стенах, рассматриваю плакаты, в который раз изучаю расписание. «Основы журналистики», «Теория и практика журналистики», «Техника газетно-журнального дела» – для меня названия этих дисциплин звучат, как музыка. Мне всё еще не верится, что вступительные экзамены позади (лето восьмидесятого года было трудным для нашего брата-абитуриента, на отделении журналистики конкурс был неслыханный), и я уже студентка. В сентябре занимаемся только мы, первокурсники; все остальные студенты в колхозе.

Я пока мало кого знаю на факультете – только однокурсников и тех преподавателей, которые ведут у нас занятия. Уже не в первый раз за сегодняшний день вижу энергичного мужчину, который идет по коридору второго этажа. Сейчас у него в руке связка книг. До этого была картина, какие-то дощечки, стекла. Он заходит в один из кабинетов, и я, сгорая от любопытства, подхожу к двери, на которой целых две таблички: «Кафедра истории журналистики и журналистского мастерства» и «Музей истории печати Воронежского края». За приоткрытой дверью – особый мир: витрины со старинными журналами (в память врезалось название одного из них – «Филологические записки»), стенды, портреты. Внезапно оробев, я так и не решаюсь войти…

Через несколько дней этот неутомимый человек, теперь уже с картиной в руках, зашел в нашу 226-ю аудиторию. Бережно прислонив свою ношу к стене, он внимательно осмотрел нас и поинтересовался:

– Это и есть легендарный первый курс, который так хвалит Горислав Валентинович?

Польщенные, мы радостно закивали.

– Я тоже с вами буду заниматься, правда, со второго курса. Будем изучать историю печати Воронежского края. Зовут меня Георгий Владимирович Антюхин, я доцент кафедры истории журналистики и журналистского мастерства. Заходите в Музей на нашей кафедре, у нас интересно. Кстати, кто изображен на этой картине?

Мы теряемся в догадках, вглядываясь в безбородое лицо мужчины в одежде прошлого столетия.

– Эх вы, это же Кольцов, наш знаменитый земляк, который…

Вошедший в аудиторию лектор прервал его эмоциональные объяснения. А мы запомнили Георгия Владимировича и, заинтригованные, ждали, когда же у нас начнутся занятия по истории местной печати.

Став второкурсниками, на лекциях Георгия Владимировича Антюхина мы сидели как завороженные и, открыв рты, слушали о том, что на воронежской земле творили талантливые литераторы и журналисты, выходило множество интересных периодических изданий. Кстати, «Филологическим запискам» была посвящена отдельная лекция. На третьем курсе он читал нам курс «История русской журналистики». И по-прежнему рассказывал вкусно, пробуя слова «на вкус, ощупь и цвет», на его занятиях легенды отечественной журналистики представали перед нами с их неповторимыми силуэтами и судьбами. Георгий Владимирович обладал удивительным даром «оживлять» явления и события прошлого, делать их осязаемыми. Во время его лекций наша аудитория наполнялась звуками, ароматами, красками «давно минувших дней».

Многие детали врезались в память на всю жизнь. Я до сих пор помню, как, рассказывая о Кольцове, Георгий Владимирович обрисовал в красках участие поэта в воронежских масленичных гуляниях: Кольцов с аппетитом ел блины – румяные, ноздреватые, пропитанные маслом и щедро посыпанные сахаром…

Георгий Владимирович часто проводил свои занятия в Музее печати Воронежского края, отделе редких книг научной библиотеки ВГУ.

Георгий Владимирович приобщил нас к миру литературы и публицистики, привил нам любовь к старинным книгам, журналам, газетам, рукописям. Вдохнув однажды особый запах архивных документов, его уже нельзя забыть. Это – «болезнь» на всю жизнь.

Увлекшись публицистикой Льва Николаевича Толстого, я, как и многие мои однокурсники, пришла в научный студенческий кружок при кафедре истории журналистики и журналистского мастерства, которым руководил Георгий Владимирович. Каждую неделю мы собирались в Музее, за обсуждениями сообщений и докладов, спорами, подготовкой выставок время пролетало незаметно.

Георгий Владимирович вел занятия в созданном им при музее имени Никитина городском клубе литературных встреч. Мы слушали выступления Г. В. Антюхина и его коллег из других вузов страны на республиканской научной конференции по проблемам истории местной печати, которая проходила в 1982 году в ВГУ. Георгий Владимирович организовывал для нас интересные экскурсии по литературным местам Воронежа и области. О каждой городской улице он мог рассказывать часами, и мы замечали, как к его словам прислушивались все новые и новые прохожие, которые, забыв о своих неотложных делах, присоединялись к нам.

Георгий Владимирович разрабатывал экспозиционный план, по которому был оформлен новый Музей русской литературы кольцовского времени, открытый в 1984 году.

Когда я пришла, по приглашению Георгия Владимировича, работать на кафедру, то сразу обратила внимание на неформальные, теплые взаимоотношения, которые он смог выстроить в коллективе (Г. В. Антюхин с 1984 года возглавлял кафедру). Они проявлялись в неизменной взаимопомощи, шефстве старших над младшими, проведении необычных заседаний кафедры, которые заканчивались традиционным чаепитием с домашними пирогами и вареньем. На этих кафедральных «посиделках» и серьезные учебные вопросы решались, и по душам поговорить получалось. Георгий Владимирович много рассказывал о литературной жизни Воронежа, старого и современного. Вспоминал он и о разных этапах своей жизни.

Например, о том, как в детстве выпускал рукописный журнал «Белочка» – в единственном экземпляре, для своих друзей. Как стал курсантом Военной школы в Риге и в ночь 22 июня 1941 года, находясь на учениях в Литве, стоял на посту и слышал гул вражеских самолетов. Как, пройдя всю войну, встретил Победу в Померании капитаном, кавалером боевых орденов и медалей. Как в составе первого послевоенного набора увлеченно учился на историко-филологическом факультете ВГУ, став на третьем курсе председателем научного студенческого общества факультета. Как после окончания университета работал старшим научным сотрудником государственного архива Воронежской области и имел счастливую возможность знакомиться со многими ценными документами. Как стал редактором отдела литературной критики и публицистики журнала «Подъем» и тесно общался с писателями М. Подобедовым, Н. Задонским, В. Кораблиновым, Г. Троепольским, Е. Люфановым, Ю. Гончаровым.

В 1960 году Георгий Владимирович перешел на постоянную работу в университет и активно включился в процесс создания отделения журналистики на филологическом факультете. Первое время был единственным преподавателем журналистских дисциплин на новом отделении: читал лекции и вел практические занятия по курсам «Теория и практика журналистики», «Техника производства газет и журналов», «Радио и тележурналистика». В 1963 году начал преподавать новый, им разработанный, историко-журналистский курс «История печати Воронежско-

го края». Создал научный студенческий кружок журналистов и основал Музей истории печати Воронежского края, плодотворно работавший четверть века, вовлекавший в научную работу многие поколения студентов.

В те годы Антюхин работал над книгами «Встречи на воронежской земле», «Друзья Л. Н. Толстого Г. А. Русанов и В. Г. Чертков», «Очерки по истории печати воронежского края 1798–1917 гг.», «Очерки истории Советской печати Воронежской области 1917–1945 гг.», «Литературное былое», «Печатное слово России. История журналистики Черноземного Центра страны».

Он был инициатором создания Академии наук региональной печати, которую впоследствии возглавил.

Георгий Владимирович был страстным собирателем книг, его домашняя библиотека насчитывала тысячи томов. Особое место в его собрании занимал сборник стихов А. С. Пушкина, купленный в декабре 1941 года в Москве и прошедший со своим хозяином дорогами войны до Берлина. Книги тесными рядами размещались на стеллажах в его кабинете вплоть до потолка (в его доме старой постройки высота стен – 3,5 м.) Но он легко ориентировался в этом масштабном книгохранилище – ловко взбирался по складной лестнице и безошибочно доставал нужный том. Он мог гладить любимую книгу, как ребенка, но при этом щедро делился сокровищами своей библиотеки. Пока я писала диссертацию, несколько его книг находилось в моем бессрочном пользовании.

Георгий Владимирович поражал своим жизнелюбием, умением радоваться самым обычным вещам – солнечному дню, пению птиц, вкусному обеду, малышу, делающему первые шаги. Наверное, это свойственно в первую очередь фронтовикам, выжившим в ту страшную войну. К детям у Георгия Владимировича было особое, невероятно трепетное, отношение. Вспоминается случай, связанный с моим сыном.

Однажды, когда не с кем было оставить девятимесячного сына дома, мне пришлось взять его с собой на работу. Общительный малыш быстро освоился на кафедре, охотно шел ко всем на руки, но в положенное время захотел спать. Зная, что у Георгия Владимировича в тот день не было занятий по расписанию, я взяла на вахте ключ от его кабинета и уложила сынишку в профессорском кресле. Ничего не подозревающий шеф, пришедший в корпус по каким-то делам, оторопел, когда увидел у себя в кабинете сладко спящего розовощекого малыша. Появившись в дверях кафедры, он выдохнул восторженным шепотом:

– Вы не поверите, у меня в кабинете ребенок спит. Такой славный оладушек…

Я сразу засуетилась, извиняясь:

– Ой, это мой сын. Сейчас я его унесу…

Георгий Владимирович возмущенно замахал на меня руками:

– Ни в коем случае! Разве можно такого маленького будить?!

И пока Коля спал, он строго следил за тишиной в окрестностях кабинета, урезонивая шумящих студентов. А Коля с легкой руки Георгия Владимировича так и остался для моих коллег «оладушком».

Жизнелюбие помогало Георгию Владимировичу четыре года мужественно бороться с болезнью. Он до последнего дня продолжал работать за письменным столом, выступал по радио и телевидению, руководил аспирантами и соискателями.

Мои однокурсники, собираясь на журфаке, всегда с благодарностью вспоминают наших преподавателей. Конечно же, о Георгии Владимировиче Антюхине говорится немало теплых слов. И не только потому, что он стоял у истоков подготовки журналистских кадров в университете, сформировал в журналистской науке новое направление – историю местной печати, стал организатором и первым президентом Академии наук региональной печати России, являлся заслуженным работником культуры Российской Федерации, его имя внесено в «Золотой фонд Воронежской области». Прежде всего мы вспоминаем «вкусные» лекции Георгия Владимировича, на которых удивительным образом оживали легенды русской журналистики.

Думаю, что он сам – живая легенда нашего факультета. А легенды, как известно, в памяти людской живут вечно.

Светлана Гладышева

Валерий Григорьевич

АРТЮХОВ

(1941 г.р.)

Доктор биологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ.

Создатель научно-педагогической школы в области биофизики и биохимии: «Закономерности функционирования сложных (олигомерных) белковых систем в условиях различного микроокружения». Школой проведено систематическое и разностороннее изучение закономерностей, особенностей и кинетики УФ-индуцированных структурных и функциональных изменений ацетилхолинэстеразы, гемоглобина, цигохромас, каталазы, лактатдегидрогеназы, супероксиддисмутазы, пероксидазы, белков системы комплемента в условиях различного микроокружения.

Окончил биолого-почвенный факультет ВГУ (1965). На преподавательской работе в ВГУ с 1965 года, с 1984 года заведующий кафедрой биофизики и биотехнологии, в 1986–2017 годах декан биологического факультета. Действительный член Нью-Йоркской академии наук (1995), Российской академии наук и искусств (1995).

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНОГО ПРОФЕССОРА АРТЮХОВА

Если когда-нибудь будет выходить серия «Жизнь замечательных ученых ВГУ», книга о Валерии Григорьевиче Артюхове будет иметь все основания стать одной из самых объемных. Что поделаешь – несколько листов займет только перечисление регалий: профессор, доктор наук, декан биолого-почвенного факультета, общественный деятель… Не каждая знаменитость может гордиться таким послужным списком.

И кто сказал, что играть на сцене труднее, чем писать научные статьи, которых у Валерия Григорьевича, кстати, 1100(!)?

Так почему бы и не рассказать о жизни этого замечательного профессора?

Страница первая. Об «умницах, лапочках и нормальных бабах»

Пока книг о профессорах не издают, Валерий Григорьевич читает о «звездах». Читает и огорчается:

– Вот спрашивают у одного известного артиста: «Ты сколько раз был женат?» Тот делает вид, что вспоминает: «То ли пять, то ли шесть». А я негодую! Дело даже не в количестве штампов, а в том, что человек ведет себя не по-мужски. Лицемерия и манерности я не терплю.

В самом Артюхове – ни капли актерства. Про таких говорят – «душа нараспашку». Кажется, бери и читай профессора, будто раскрытую на нужной странице энциклопедию. Своей «жизнеописательнице» он обещает рассказать всё как есть:

– Можно себя так представить, что получится восковая фигура. Всё правильно, грамотно, как по трафарету. А человека – нет.

В Артюхове «человеческое» преобладает над «официальным». Своим «девочкам»- коллегам он не объявляет благодарность приказом.

– Если кто-то поступил правильно, подойду и поцелую его. Все на факультете знают, если я чмокнул в макушку – ты молодец. Талантливых девушек, которые хорошо себя ведут, я называю умницами и лапочками. Часто говорю: «Вот эта нормальная баба!» Некоторые сначала обижались: «Мы женщины!» Потом поняли, что это – главный комплимент.

«Нормальные бабы» окружают Валерия Григорьевича и в деканате, и на кафедре, которой он заведует. Ее на БПФ называют сарайчиком. Если вспомнить о персидских корнях слова – микродворцом. На подоконниках теснятся горшки. Артюхов еще и знатный цветовод. Своими «зелеными питомцами» он гордится как учениками-отличниками:

– Это еще что! Вот в парадной комнате (то бишь в кабинете декана) у меня во-о-от такая пальма растет.

В «сарайчике» пальма бы не уместилась, здесь и столу тесно. Зато всё под рукой и перед глазами. Куда без блокнота, в котором записаны планы на день? Сделал – вычеркнул, не успел – перенес на завтра. Главное – не останавливаться: работать в будни, в праздники, в выходные.

– Я прихожу на факультет к десяти утра, а ухожу в восемь вечера. Читаю лекции, решаю бытовые вопросы, подписываю бумаги, принимаю посетителей и… не устаю. Для меня всё это – нормальный рабочий процесс. Видите толстенную стопку бумаг?.. Всё это нужно сегодня прочитать, я готовлюсь к конференции. Другой ужаснется, а для меня это пустяк. Привык к своим способностям, они еще в детстве проявились.

Страница вторая.
О конкуренции и «чокнутых» ученых

– Я класса с четвертого понимал, что никому из ровесников не уступаю по уровню знаний. Тогда же уяснил еще одну важную вещь: мы – одноклассники-конкуренты. Все оценивали друг друга: кто хорошо учится, кому благоволят учителя, кем восхищаются девочки. И мне хотелось быть не то что не хуже – лучше других. Я шел на «золотую» медаль. В те времена это была награда значительная, количество отличников согласовывалось. Школа за год подавала заявку: такой-то претендует на «золото». Заявок могло быть не больше трех. И мы боролись за право войти в число лидеров.

«Золотой» медали ученик Артюхов не получил, хотя и был номер один в классе. Он пострадал… из-за своей амбициозности:

– Мы писали итоговое сочинение, эпиграф к которому нужно было взять у классика. А я, начинающий поэт, дерзнул процитировать свое стихотворение. Проверяющие были в тупике: ни одной ошибки, а эпиграф – не понятно откуда.

Как оценить? Мою работу отправили высшей комиссии в Краснодар, там поставили «четверку». Я получил «серебро», уступив первенство девочке. Был огорчен, но понимал: знаний-то у меня меньше не стало.

Тогда он понял: отличники – разные бывают, а конкуренция будет всегда. Школьный урок пригодился уже профессору Артюхову. Оказалось, что и доктора наук не всегда одинаково профессиональны:

– В ВГУ около трехсот профессоров. Есть ученые, а есть люди с ученой степенью. Они тоже конкурируют. Но у настоящего доктора особый мозг, нетривиальная реакция на события. Его поведение и речь не соответствуют стандарту. В народе людей науки часто называют «чокнутыми» – ведь у них другое восприятие мира. И сколько бы «вымученный» доктор не соперничал с ученым по призванию, последний без усилий его опередит. Я без самолюбования говорю: могу назвать себя профессионалом. Просто потому, что этот термин окаймляется показателями, которые у меня есть.

Валерий Григорьевич входит в пятерку самых цитируемых ученых ВГУ. Одних только «статусных статей» в серьезных журналах у него почти 600. А между тем быть биофизиком, и уж тем более преподавателем, Артюхов не собирался.

Страница третья.
Военным не стал, в Ригу не поехал

Он мечтал летать. С детства любил военные самолеты. Первое воспоминание тоже связано с небом:

– Мне четыре года – это самый конец войны. Мы с бабушкой стоим в огороде. Почти над головами проносятся «металлические птицы», а мы кричим: «Наши, наши самолеты!». Этот эпизод отчетливо зафиксировался в моей памяти. Я бредил полетами. Метрах в трехстах от моего дома находилось военное училище, и я ходил смотреть на курсантов. Думал: вырасту и тоже стану таким. У меня была мечта – увидеть самолет близко-близко. Я выбирался за город и становился в такое место, где железная махина спускается почти до земли, а потом резко взлетает. Во время одного такого «эксперимента» я чуть не погиб. Кажется, у испуганного пилота не было цензурных слов в мой адрес.

Вполне естественно, что поступать Валера собрался в Краснодарское военное училище. Сдал все экзамены и не сомневался, что будет зачислен. В кармане одни «пятерки», а рядом ждут решения приемной комиссии ребята, которые еле получили шаткую «троечку»:

– Я-то ждал, что меня вызовут в первых рядах. Называют фамилии поступивших. Первая десятка, вторая – меня нет. Уже всех троечников осчастливили, а я покрываюсь потом от волнения. Объявляют: работа приемной комиссии закончена. «Как, – кричу, – закончена!?». В бешенстве влетел в аудиторию, потребовал объяснений. Тогда-то и узнал, какими могут быть военные – меня прямым

текстом послали по известному адресу. Я, парень не робкого десятка, настаивал: объясните, почему меня со всеми «пятерками» не приняли. Наконец, один спокойно сидящий полковник сжалился: «Ребята, да скажите вы ему наконец, что мы принимаем с восемнадцати лет. Тебе-то, отличник, семнадцать».

В правилах приема возраст прописан не был. Что же оставалась делать будущему профессору? Только поступать на «фундаментальное направление». И он выбрал биофак.

– Уже тогда я понимал, что биология – наука номер один в мире. Всегда с гордостью говорю: я – биолог-профессионал. На факультет поступил легко. Правда, с последнего экзамена чуть не выгнали за попытку помочь «тонущим». Но нашелся один профессор, который за меня заступился. Говорит: «Давайте посмотрим, чего он стоит. Ну-ка решай задачу». «Да чего там решать!» – возмутился я. В момент разложил всё по полочкам и, конечно, был зачислен.

В 1960-е годы биофизика только начинала развиваться. Студентов нового направления в СССР ценили, и первого выпуска (всего-то девять человек) ждала вся страна:

– Обо мне узнал президент Латвийской Академии наук. Предложил поехать в Ригу, обещал двухъярусную квартиру: на первом этаже – лаборатория, на втором – жилое помещение. Я соблазнился и дал согласие. Кто же предполагал, что у заведующего кафедрой на меня другие планы? Еще когда был на пятом курсе, меня оформили ассистентом на 0,5 ставки. Получается, что я читал лекции своим же одногодкам, но преподавать уж точно не собирался.

На распределение президент Академии приехал лично. Зав. кафедрой спрашивает: «Где бы вы, Валера, хотели работать?» Гость латвийский заявляет: мол, Артюхов уже согласился ехать в Ригу. Мой шеф оторопел: «Да он у меня уже полгода преподает!». Я притих. Старший лаборант, которую мы на полном серьезе называли мамой, говорит: «Что за разговоры? Валерик, мы же тебя для себя готовили».

Я смалодушничал, лепечу: «Будет, как заведующий скажет». Он и сказал: «Артюхов меня на должности заменит». Ох, как ругался президент! А я стоял, залитый краской, в самом начале своего пути в науку.

Заведующим кафедрой Валерий Григорьевич действительно стал. По карьерной лестнице шагал, перепрыгивая ступеньки, но иногда червячком точила мысль: «А дали бы квартиру-то в Риге?». Своего жилья у молодого ученого не было – обитал у тещи, о тишине только мечтал:

– Когда я работаю, мне мешает всё. Даже жена, которая тенью скользит по комнатам, отвлекает. О двухъярусной квартире мечтаю до сих пор – чтобы ни звука, ни огонька. Как-то поехал в Латвию отдыхать. Не выдержал, пошел к местным ученым, спрашиваю: «Правда, что вам такое жилье дают?» Оказалось, что так и есть – квартиру мне даже показали. Совсем я пригорюнился, стал сожалеть, и тут… СССР распался. А я по духу русский, мне нечего делать в другой республике. Теперь думаю: как же хорошо, что не уехал.

Страница четвертая.
Об оценках, возрасте и футболе

И действительно, хорошо. Иначе БПФ лишился бы своего никогда не устающего декана, а студенты – блестящего лектора:

– Мне нравится работать в аудитории. Конечно, у меня есть свои методы воздействия на публику, но главное, что я могу, – подать пример. Формализованное воспитание ни к чему хорошему не приводит: не надо навязывать студентам знания, если они не собираются их брать. Видят ребята: профессор Артюхов хорошо читает лекции. Должны сами сделать вывод: «Ага, и я хочу быть не хуже».

Все знают, что я требую системных знаний, понимания сути вопроса. Нельзя открыть книгу на 581-й странице, прочитать интересующую главу и думать, что этого достаточно. Я всё читаю от корки до корки. Пока дойду до нужного раздела, столько всего узнаю! Но студенты редко вникают в прочитанное. Как они сдают экзамены? Заучат лекцию и расскажут как стихотворение. Слабый преподаватель поставит «пять». Но я за одну только хорошую память «отлично» не ставлю. Хотя и оценки не «зажимаю». Говорю студенту: «Не думай о том, что появится в зачетке. Хочешь “четверку” – получишь. Только сначала вопрос на *понимание*».

Валерий Григорьевич строго спрашивает студентов, но от себя он требует еще больше. После каждой лекции ставит себе оценку. Если получает «4,5» – страшно расстраивается:

– Важно, чтобы, когда я ухожу из аудитории, говорили: «Вот Артюхов – нормальный мужик, не зря пришел». Изредка могу забыть какой-то термин, запнуться на долю секунды, и тогда «пятерки» уже нет. Это всё возраст.

Иногда семидесятипятилетнего Валерия Григорьевича посещают невеселые мысли:

– Мечтаю умереть… нет, не на работе, а дома за работой. Ученые умирают то от рака, то инсульта. А я бы предпочел уйти сейчас, но сознательно, понимая, что есть мир вокруг меня.

Впрочем, профессор быстро спохватывается. Он старается не думать не то что о смерти, а даже о пенсии. Говорит: мозг не стареет:

– Я еще могу генерировать идеи. Соображаю быстрее молодых. Они только думают, как подойти к решению задачи, а я ее уже решил.

Как близнец (а в силу гороскопа он верит), Валерий Григорьевич постоянно тянется к новому. Сейчас хочет освоить компьютер, чтобы ни от кого не зависеть: пока отправлять электронную почту приходится на пару с лаборанткой. Выпадать из графика «совершенствования» нельзя, расслабляться – тем более.

Отдохнуть профессор Артюхов позволяет себе редко – у телевизора:

– Я – страстный болельщик. Только футбол может отвлечь меня от работы. Когда «болею» – выплескиваю эмоции, кричу на весь дом. Жена ругается: «Сейчас соседи сбегутся». Вот такой я человек – когда любимый ЦСКА проигрывает, могу ночь не спать.

Страница пятая.
Открытый эпилог

Валерий Григорьевич говорит, что у него две страсти – цветы и футбол. Но, думается, он лукавит. Главная его страсть – университет (после семьи, конечно):

– На факультете я провожу половину своего времени. Многие смотрят на часы, считают минуты до освобождения. Для них университет – тюрьма. А меня работа не гнетет, о неприятностях не успеваю думать. Только если у меня дома что-то не так, это сразу заметно. Как всякий нормальный мужик, я понимаю, что порядок в семье – прежде всего. Вот я сижу и знаю, что меня ждет жена, она уже спросила, что приготовить на ужин, и даст посмотреть футбол. Вечером мне хочется спешить домой, а утром – на работу. Может, в этом созвучии и есть счастье?

«Жизнь замечательного профессора Артюхова» еще пишется. Но каждому, кто прочитал хотя бы несколько страниц этой «Жизни», Валерий Григорьевич открывает секрет благополучия:

В – вера в лучшее.

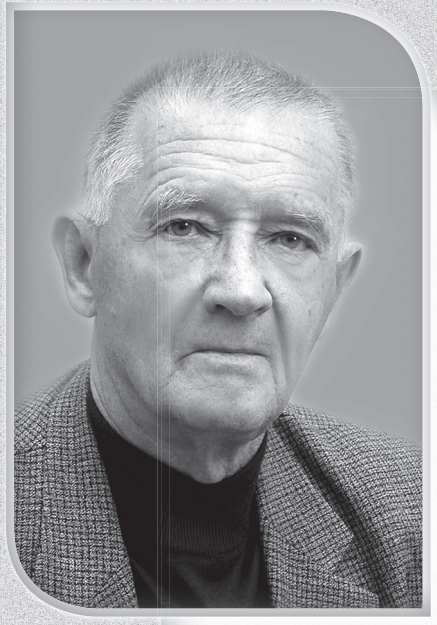
Г – гармония.

У – удовольствие от жизни.

ВГУ.

Мария Репина

Печатается по: Университетская площадь. 2016. № 9. С. 155–158.

Юрий Петрович

АФИНОГЕНОВ

(1934 г.р.)

Кандидат химических наук, доцент, заслуженный работник высшей школы РФ.

Научные интересы связаны с исследованиями в области физико-химического анализа сложных многокомпонентных систем взаимного обмена и вытеснения (солевых и типа соль – металл) в расплавленном состоянии.

Окончил химический факультет ВГУ (1957). На преподавательской работе в ВГУ с 1957 года, декан факультета повышения квалификации преподавателей вузов (1971–1975), декан химического факультета (1964–1967; 1977–2007). Под его руководством был разработан оригинальный учебный план, удачно сочетающий учебную, педагогическую и научно-исследовательскую работу, нашедший одобрение в Министерстве. При его непосредственном участии в ВГУ были открыты новые специализации «Медицинская химия», «Химия окружающей среды, химическая экспертиза и экологическая безопасность».

«33 ГОДА В КРЕСЛЕ ДЕКАНА – РЕКОРД ДЛЯ НАШЕГО УНИВЕРСИТЕТА»

Юрий Петрович в университете появляется редко, он вышел на пенсию, я могу Вам дать номер его сотового, – отвечает голос в телефонной трубке.

Юрия Петровича на химфаке знает каждый. Для химиков он – настоящая легенда. Тридцать три года работы деканом. Не часто такое бывает. А ведь декан – должность выборная.

Мы беседуем с Юрием Петровичем Афиногеновым дома, в просторной, уютной квартире, что находится в нескольких шагах от «Северной слободки» – жилых домов и учебных корпусов. Семейные фотографии украшают стены, под ногами путается маленькая смешная собачонка, из кухни доносятся голоса внука и дочки. Весело, шумно, хлопотно.

– Юрий Петрович, вы родом из Петербурга. А как оказались в Воронеже и почему выбрали именно химический факультет?

– Шел сорок четвертый год. Мой отец служил замполитом в госпитале, который перевели из Свердловска в Воронеж. Вот так в десятилетнем возрасте я приехал сюда. Почему я выбрал химический факультет, сейчас сказать трудно. Это точно не была детская мечта, я не увлекался химией, да и учитель химии был не самым любимым учителем для меня. Возможно, это называется судьбой. Я закончил 35-ю школу и единственный из класса поступил в университет.

– Вы какое-то время работали лекционным ассистентом. Сейчас есть такая должность в университете?

– Нет, нет. Эта должность закончилась на мне. Дело в том, что мой учитель – Александр Павлович Палкин – профессор кафедры, был последним человеком, для которого должность лекционного ассистента была предназначена. Если сравнить лекционного ассистента с аспирантом, то аспирант учится три года, а лекционный ассистент за год сдает кандидатский минимум и одновременно пишет

квалификационную работу, выполняет определенные учебные функции, поручения и, одновременно, помогает профессору при подготовке и проведении лекций. Много лет и я готовил химические эксперименты к каждой лекции, и во время лекции профессор демонстрировал их студентам. Это было полезно (опыт накопил огромный), но это отнимало очень много времени, и, естественно, работать над диссертацией было трудно. Поэтому с защитой диссертации задержался.

Но, несмотря на трудности, я считаю, что быть лекционным ассистентом – превосходная возможность подготовки диссертации. Но позже на этой должности поставили крест. Жаль. Очень жаль.

– Юрий Петрович, в вашей работе был интересный эпизод: вы работали деканом в 1964–1967 годы, потом был перерыв в десять лет, а затем вас снова позвали на «царство», где вы проработали до 2007 года. Как вы отнеслись к этой превратности карьеры?

– Это был 1964 год, мне всего тридцать, я был самым молодым деканом. Как мне казалось, дело шло на лад, однако, когда в 1967 году ректором университета стал Валентин Пименович Мелешко, он решил, что деканами факультетов должны быть доктора наук. А поскольку докторскую я к этому моменту никак не успел бы защитить, то на мое место пришел Ростислав Эрнестович Нейман (он проработал в этой должности восемь лет, с 1967 по 1975 год). Замечательный был человек, но не организатор. И ученый, и доктор наук.

– Дело, получается, не в звании?

– Получается, так. В это время создали факультет повышения квалификации преподавателей высшей школы – ФПК. На создание этого факультета «бросили» меня.

– С нуля?

– Не совсем. Факультет где-то полгода уже существовал. Четыре года я там проработал, факультет существует и по сей день.

– А потом вас вернули на родной факультет?

– В 1977 году проректором университета был Геннадий Афанасьевич Чикин. Он сам был химик. И он вновь предлагает мне вернуться в деканат.

– И вы согласились?

– Конечно! Дело интересное, вокруг много молодых лиц. И я вернулся еще на тридцать лет. Получается, всего непрерывно я проработал деканом 33 года. Голосование было единогласным. Это очень дорогого стоит, когда тебя поддерживает весь факультет.

В 2007 году я на перевыборы не пошел, сказал «хватит». Возглавил факультет Семенов Виктор Николаевич (доктор химических наук, профессор) – бывший заместитель декана.

– Стало тяжело работать?

– Тяжело. В последние годы появилось много бумажной работы. Да и вообще, надо уметь вовремя остановиться.

– Вы неоднократно награждались грамотами, знаками «Победитель соцсоревнования», есть у вас и правительственные награды: орден «Знак Поче-

та», медаль «Ветеран труда», «В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина», нагрудный знак «За отличные успехи в работе», почетное звание «Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации». Какая из наград для вас самая дорогая?

– Знак Почета и звание заслуженного работника высшей школы – вот эти награды мне особенно дороги. Я получил их в 1980-е. Тогда наш факультет разработал план. Шло бурное развитие факультета.

– На факультете была внедрена многоуровневая подготовка студентов, открыты новые специализации («Медицинская химия», «Химия окружающей среды, химическая экспертиза и экологическая безопасность»).

Вместе с деканом биолого-почвенного факультета вы были инициатором открытия в университете (при факультетах) специальности «Фармация», давшей начало впоследствии созданию фармацевтического факультета. Как вы считаете, фармацевтический факультет оправдал ваши ожидания?

– Могу с уверенностью сказать, что всё задуманное получилось: факультет этот сегодня сильный, очень хорошо развивается. Им руководит Алексей Иванович Сливкин. Но, думаю, инновации всегда нужны.

– Юрий Петрович, когда я училась в школе, в нашем химико-биологическом классе появились дополнительные уроки химии, которые вели преподаватели из университета. Такая была усиленная подготовка. А сейчас существует эта практика?

– Раньше при каждом факультете существовали школы, которые курировал вуз. Преподаватели приезжали в школы и, наоборот, школьники приходили к нам в университет. Это были 9-е, 10-е, 11-е классы. Ученики специализированных классов, желающие получить больший объем знаний по химии, слушали лекции, которые читали преподаватели университета. Я сам преподавал в школе. Профессор Евгений Григорьевич Гончаров до сих пор работает.

Но когда появились ЕГЭ, число этих классов резко уменьшилось.

Репетиторство убивает учебный процесс. Он превращается в обыкновенное натаскивание. О логическом мышлении речь вообще не идет. Сейчас стараются как-то улучшить эту систему: вводят дополнительные вопросы. Но мне кажется, что ЕГЭ не решает проблемы.

– Юрий Петрович, чем заполнен день пенсионера?

– Чем занимаюсь? Здоровьем. На балконе у меня велотренажер, гантели, рядом с домом лес, где я ежедневно делаю пробежки, а под окнами цветет вишня. Этот уют и красота придают мне сил. Утром зарядка, вечером зарядка. Читаю. А, положа руку на сердце, конечно, хотелось бы вернуться в университет.

С кухни доносится голос дочери:

– Кто тебя отпустит назад? Внуку нравится быть с дедушкой, и мы рады видеть тебя дома.

Проснулась собачонка, весело завиляла хвостом. Все отправились на кухню пить чай.

Юлия Рафаэльян

Олег Яковлевич

БАЕВ

(1941–2017)

Доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ.

Научные исследования посвящены актуальным проблемам общей теории криминалистики, криминалистической тактике и тактике защиты от обвинения в уголовном процессе. Цикл работ по криминалистике и конфликтам на предварительном следствии рассматривал как этап формирования развитых криминалистических теорий.

Окончил юридический факультет ВГУ (1964). В 1962–1973 годах следователь прокуратуры в Калужской области. С 1973 года младший научный сотрудник, преподаватель, доцент, профессор кафедры криминалистики Воронежского государственного университета, с 1986 года заведующий той же кафедрой. В 1992 году основал и возглавил адвокатскую контору «Баев и партнеры».

Один из признанных научным сообществом ученых-криминалистов России, основатель Воронежской школы криминалистики.

ПРОФЕССИЯ – КРИМИНАЛИСТ

На рабочем столе профессора Баева под стеклом лежали несколько листков с афоризмами. Первый – перл политика и известного златоуста В. С. Черномырдина: «Если мы поймем, что нужно работать, вреда особого не будет, и не так много мы потеряем».

Олега Яковлевича эта мысль «утешала» – не давала расслабиться, позволяла работать.

Вторая цитата принадлежала Фридриху Великому: «Каждый человек стоит столько, сколько он сделал, минус тщеславие».

– Все мы в той или иной степени тщеславны, – признавался профессор Баев. – А так, прочитаешь и перестаешь выпендриваться. Как говаривал в таких случаях Булат Шалвович Окуджава, «когда я кажусь себе гениальным, я иду мыть посуду».

Впрочем, со своими заслугами Олег Яковлевич мог «выпендриваться» вполне обоснованно. Он был и доктором наук, и академиком РАЕН, и заслуженным деятелем науки РФ, под руководством которого написано и успешно защищено 4 докторских и более 30 кандидатских диссертаций, а также автором около 300 научных работ, в том числе более 50 монографий и учебно-практических пособий.

Кстати, Олег Яковлевич считал, что печатное слово, даже в научных работах, не должно быть сухим: «Во многих публикациях известных ученых видна авторская позиция, но не слышна авторская интонация. И это жаль», – полагал он. В молодые годы профессор Баев писал не только монографии, учебники и статьи – он публиковал в газетах очерки и даже основанные на реальных событиях детективы. Только до мемуаров руки так и не дошли.

Рассказывал же о себе так:

– О детстве я не то что не люблю вспоминать – просто нечего. Родился в 1941 году, 28 июня, в Воронеже. Далее: эвакуация в Куй-

бышев, барак в пригороде с символичным названием «Безымянка». Мама потом вспоминала, что зимой мои пеленки примерзали к стенке барака, летом они становились влажными от жары, и она стирала их каждые два часа. Из куйбышевского детства, бликом неким, вспоминается, что сижу в кинотеатре на коленях матери и оглушительно воплю: «За-а-за, хочу домой! Пошли домой, за-а-за!».

В 1946-м Баевы переехали в Ялту. Отец Олега умер, когда мальчику шел седьмой год. Мать, никогда раньше не работавшая, работала сначала счетоводом в бухгалтерии, потом кассиром в кинотеатре, продавцом в киосках «Союзпечати». Киоск она всегда выбирала поближе к дому, чтобы быть рядом с детьми:

– Я никогда по-настоящему не голодал, как голодали многие мои сверстники. Но недоедал – часто. Сейчас – десятилетия спустя – не могу, чтобы дома не было хлеба…

В Воронеж семья вернулась в 1957 году, когда Олегу было уже 16. В школе он учился, как вспоминал, «мягко скажем, удовлетворительно». Окончив 10 класс «вечерки», стал думать, чем заниматься дальше. Мечтал строить самолеты, но врачи сказали: с такой близорукостью только на гуманитарный факультет.

Сдал экзамены в ВЮЗИ (Всесоюзный юридический заочный институт), но его Воронежский филиал в 1968 году ликвидировали, и Олег стал студентом-вечерником первого набора юрфака ВГУ:

– На курсе было нас всего около 20–25 человек. В основном, люди в возрасте, многие из них – с войны. Учился со мной и боевой летчик, Герой Советского Союза штурмовик Василий Павлович Сидякин. То, что я общался с такими громадами, для меня было неким воспитанием.

* * *

В 21 год Олег Яковлевич стал следователем прокуратуры Калужской области. С радостью взяли. Поехал в один из самых отдаленных районов. Помните у Семена Гудзенко: «И Сухиничи, и Думиничи, и лесная тропа на Людиново – отдаленное, нелюдимое…» – вот там и работал.

– Трудности бытовые были разные… Помню, печку мне топила техничка тетя Таня. Как-то она заболела, я попробовал справиться сам – не получилось. Звоню в милицию, спрашиваю: «Мелкие хулиганы есть? Пришли одного печь топить». С пустыми руками встречать гостя неудобно, взял чекушку. Пришедший парень – «мелкий хулиган», чуть старше меня по возрасту, с синяком на всю щеку, печку растопил, посидели с ним. Перед уходом говорит: «Мне еще 10 суток сидеть. Вы зовите меня каждый день».

В тех местах Олег Яковлевич прослужил около пяти лет. Затем, будучи уже достаточно опытным следователем, перевелся «ближе к дому» – в прокуратуру Рамонского района, потом и в Воронеж. Следователем Баев проработал ровно 11 лет.

Много в эти годы вошло: и осмотры мест происшествий с обезображенными трупами, и многочасовые допросы всяких, хороших и плохих (что случалось чаще) людей… И дела о взятках, в том числе за… холодильники и машины (не удивляйтесь – в те годы, чтобы их купить, надо было давать взятки). Особо запомнилась беседа с шестилетней девочкой, на глазах которой отец убил мать (нанес

около 40 ударов ножом!). Папаша ушел, закрыв дверь на английский замок. Кроха пыталась маму разбудить, а потом около нее – в ее крови – заснула. Разбудили соседи, которые заметили кровь, вытекшую из-под двери…

Профессор Баев следствие любил, считал его настоящей мужской работой:

– Да оно как будто у меня «получалось». Но в какой-то момент появилось тревожное чувство безразличия к людям – то, что, как я сейчас знаю, называется профессиональной деформацией. А людей жалко, значит, уходить надо…

* * *

Олег Яковлевич принял предложение тогдашнего декана Р. В. Литвинова: сменил петлицы со звездой майора на должность старшего лаборанта кафедры уголовного процесса и криминалистики:

– При этом я потерял треть зарплаты. Но, если нынешний следователь рискнет повторить тот мой шаг, он потеряет гораздо больше. Убежден: в этом и кроется причина того, что сейчас зачастую криминалистике студентов обучают преподаватели, знающие, как расследовать преступление по монографиям, учебным пособиям и фильмам да детективным сериалам. Они место происшествия только там и видели…

В 1976 году Баев защитил кандидатскую диссертацию, ровно через десять лет – докторскую. Почти 30 лет заведовал кафедрой криминалистики:

– Большинство преподавателей кафедры – мои ученики, писали у меня диссертации, за которые не стыдно… С одной стороны, это хорошо – школа. С другой – неожиданных, столь любимых мной, еретических научных идей у них маловато. Жаль…

От адвокатской деятельности (а Баев ее совмещал) отказался – после тридцати лет практики. Пояснял: «Уходить надо уметь, желательно на взлете». Созданной Олегом Яковлевичем юридической конторой теперь руководит Баев-младший, тоже доктор наук и профессор.

– Самое сложное в адвокатской работе – постоянное перманентное ощущение того, что ты упираешься в стенку, что ни следствие, ни прокуратура, ни суд не только не слышат, но и не хотят слышать твоих доводов, не хотят разбираться даже в делах о тяжких преступлениях – а ведь, как говорят, «есть убийство, а есть – убийство»… В нашем деле с годами мало что меняется. Заповеди адвоката сформулированы давно. «Не верь полиции, не верь газетам, не верь клиентам». Все врут… Я своих подзащитных сразу предупреждал: буду строить защиту исходя из того, что вы скажете: обманите меня – аукнется. А у защиты одна функция – доказать, как писал Александр Федорович Кони, что его клиент не виновен вовсе, или виновен вовсе не в том, в чем его обвиняют.

* * *

– По большому счету, – признался однажды Олег Яковлевич, – я человек счастливый. Воспитывали меня хорошие люди… Как-то я побывал в Царском Селе. На стене лицея увидел «справку-уведомление»: «Здесь воспитывался Пушкин».

Не учился – воспитывался. Воспитывают и те, с кем ты не был лично знаком, но которых читал или слушал.

Профессор Баев был воспитателем. Об университете говорил так: «Здесь мне дали чувство права».

Дважды в месяц Баев проводил теоретические семинары кафедры (их он называл «посиделками»), аудитория заполнена. Студенты приходили без обязаловки – им было интересно.

Распространенного мнения о том, что в университете нынче «срок отбывают диплома ради», Олег Яковлевич не разделял:

– Студенты у нас в большинстве своем ребята хорошие – без ханжества и старческого брюзжания говорю. Им только бы хотелось пожелать, чтобы чаще вспоминали слова Пети Трофимова из «Вишневого сада» (кстати, тоже студента): «Надо перестать восхищаться собой. Надо бы только работать».

Сам Олег Яковлевич следовал именно этому принципу:

– Несколько дней перерыва (командировки, дача), и уже чего-то не хватает. Писать (мысль, несомненно, свежая!) – всегда трудно. Но всё равно каждый день в девять утра я сажусь за компьютер. Пишу, пока есть силы… а потом с чистой совестью могу балдеть.

«Балдел» Олег Яковлевич за чтением. Признавался:

– Не умею не читать. И смотреть телевизор не умею.

Как-то увидел баннер асфальтоукладочной фирмы: «Мы кладем на совесть». Проворчал: «По-моему, не только рабочие на нее кладут…»

* * *

Из дома профессор Баев выходил редко – ему комфортно было в кабинете, где на полках зачитанные книги, в шкафу покривившаяся табличка «Заведующий кафедрой криминалистики» (оставил на память), на стенах – картины.

Живопись он любил. Говорил, что мальчишкой увидел у друга альбом Ван Гога: «Взял полистать, увидел, как трепещутся лепестки у подсолнухов, и сказал: “Ты как хочешь, а я его тебе не отдам”. Сам пытался рисовать».

Статуэтку Наполеона, доставшуюся от отца, Олег Яковлевич берег. Глядя на фигурку, усмехался:

– Французы до сих пор пользуются кодексом Наполеона… То ли дело в нашем «криминальном» законодательстве – полторы тысячи изменений за десять лет. Для ученого-юриста это хорошо: есть, о чем писать, над чем работать.

И он работал.

Олег Яковлевич ежедневно садился за стол, смотрел на листки с афоризмами и работал.

До самого своего ухода.

Мария Репина

Илья Ильич

БАРАБАШ-НИКИФОРОВ

(1894–1980)

Доктор биологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР.

Сфера научных интересов: экология, зоогеография и систематика позвоночных животных, организация исследований по акклиматизации калана в Баренцевом море. Основатель научной школы зоологов в Воронежском государственном университете.

В 1920–1930-е годы участвовал в ряде крупных научных экспедиций к Баренцеву и Черному морям, Командорским островам. Преподавал в Московском университете.

Во время Великой Отечественной войны возглавлял коллектив зоологов по исследованию грызунов – переносчиков туляремии по заданию Юго-Западного фронта.

В ВГУ в 1938–1980 годах – заведующий кафедрой зоологии. Организатор и руководитель зоологического музея Воронежского государственного университета, директор биостанции Воронежского государственного университета (1947–1955).

ВЕХИ МОЕЙ ЖИЗНИ

Родился я в 1894 году в Екатеринославе (Днепропетровске), в семье агронома-опытника. Семья жила зимою в городе, летом – в степном хуторе, на берегу живописной речки Суры (приток Днепра), где находился опытный плодовый питомник отца – его детище, которому он отдавался до самозабвения.

Моими любимыми предметами были естествознание и география. Ненавидел арифметику. Правда, с переходом к алгебре и геометрии математика открыла передо мною другие свои стороны, и я стал охотно ею заниматься, но на первом месте всё же стояло естествознание, точнее – биология, а еще точнее – зоология.

Перейдя вскоре в классическую гимназию, я стал помогать гимназическому учителю природоведения Н. И. Подосинникову в изготовлении экспонатов для кабинета естествознания и биологического отдела местного краеведческого музея, собирал недостающие материалы в природе. Естественно, по окончании гимназии я продолжал свои связи с музеем, где занял вскоре должность хранителя одного из отделов. К мизерному жалованью приходилось дорабатывать репетиторством, что, конечно, отнимало много времени и сил.

Пора была тяжелая. Первая мировая война, гражданская война. Наш город служил ареной необычайно бурных событий. Ложась спать вечером, мы не знали, при какой власти встанем утром. Двенадцать раз город переходил из рук в руки. Голодное существование, непрестанные тревоги, тяжелая болезнь и смерть старшего брата, начавшийся процесс в легких… Всё было пережито. Но увлечение наукой осталось.

Я стал студентом физико-математического факультета, открывшегося в 1918 году в нашем городе университета. Как сложившийся

уже натуралист я занимал несколько особое положение на кафедре зоологии. Будучи студентом, я выполнял обязанности лаборанта, а временами, по поручению зав. кафедрой проф. Л. В. Рейнгарда, и ассистента.

Зоологические коллекции краеведческого музея были переданы университету и легли в основу его зоологического музея. Много пришлось поработать в нем вместе с директором музея проф. В.В. Стаховским.

Моим правилом стало все каникулы проводить в длительных экскурсиях и экспедициях. Светлое воспоминание сохранилось у меня о поездках с профессором М. П. Акимовым, выполнявшим тогда обязанности окружного инспектора по охране природы.

Решающую роль в жизни сыграло мое выступление с докладом о фауне наземных позвоночных Среднего Приднепровья на Всеукраинском съезде по изучению производительных сил страны в 1924 году. Некоторые факты, приведенные в моем докладе, привлекли внимание научной общественности.

Летом 1925 года, по направлению университета, я принял участие в качестве зоолога-коллектора в работе Днепровского отряда Первой Украинской гельминтологической экспедиции академика К. И. Скрябина. Летом 1927 года я был командирован кафедрой биологии мединститута и кафедрой зоологии университета на Мурманскую биологическую станцию Академии наук за материалами для практических занятий и для общего ознакомления с работой станции. Директор биологической станции Г. А. Клюге предложил мне принять участие в работах экспедиции по изучению промысловой фауны Кольского залива.

В 1929 году, по направлению Бориса Михайловича Житкова, я принимал участие в работах Западносибирской охотоустроительной экспедиции «Пушногосторга», в задачи которой входил также выпуск с целью акклиматизации в Сибири ондатры – одной из первых партий североамериканского пушного грызуна.

Одновременно выпуск ондатры был произведен и в ряде других пунктов Сибири. Всюду зверек прижился и через короткий промежуток времени был включен в промышленное разведение. Она дала большой экономический эффект: ондатра вышла на одно из первых мест в общей меховой продукции страны.

Возвращался я очарованный тайгой и полный решимости в следующем году опять поработать здесь. Но 1930 год оказался переломным в моей жизни. В начале года пришло от Б. М. Житкова исключительно заманчивое предложение включиться в работу Тихоокеанской научно-промысловой экспедиции, которую организовало Бюро исследований Акционерного Камчатского Общества (АКО). Взвесив все «за» и «против», я дал согласие и по окончании занятий в институте отправился через Москву во Владивосток. Выехали мы с группой сотрудников и рабочих камчатских промыслов поздней осенью, с последним в навигации этого года рейсовым пароходом.

Почти непрерывные, штормы трепали зафрахтованный у одного из шанхайских судовладельцев пароход. Старое судно, скрипя по всем швам, ложилось то

на один, то на другой борт, зарывалось носом в волны. По временам, казалось, что вот-вот оно не выдержит и переломится пополам на поднявшей его огромной волне. Плохо прикантованные бочки с бензином и керосином, оторвавшись и носясь по палубе, дали течь, и зловещий запах горючего стал проникать в полутрюм, отведенный для пассажиров. Когда к этому запаху присоединился запах дыма, выбивавшегося снизу, из бункерной ямы, где, как оказалось, самовозгорался уголь, было мгновение, когда началась паника. Угроза взрыва висела над нами на протяжении всего пути, длившегося более двух месяцев. В довершение ко всему, достигнув конечной остановки – острова Медного (Командоры), – пароход смог высадить путников только с их ручным багажом. Трюмный багаж выгрузить не удалось из-за сильного шторма и отсутствия здесь гавани. Таким образом, мы остались без вещей и, что особенно нас огорчило, без экспедиционного снаряжения. Всё это было доставлено лишь весной следующего года с первым рейсовым пароходом.

К лету 1932 года основная моя задача – изучение годичного цикла жизни каланов – была закончена, и мы выехали на материк. Согласно положению о работающих на далеких окраинах, мне полагался трехмесячный отпуск. Он целиком ушел на обработку собранного материала. Для облегчения этой трудной задачи С. И. Огнев и Б. М. Житков, с которыми я поддерживал регулярную связь, предложили мне работу в Московском университете. Лучшего я желать не мог, и, таким образом, с середины 1932 года начался московский период моей жизни, длившийся три года. За это время была закончена и опубликована монография калана, переиздававшаяся в последующем несколько раз (всего вышло 4 издания, включая одно переводное, в ГДР). На основе командорских материалов был подготовлен и опубликован также ряд научных статей по биологии отдельных видов и фауне Командорских островов в целом и 2 научно-популярные книжки.

К середине 1935 года определилась тема и структура моей докторской диссертации, посвященной биологии и систематике морских промысловых млекопитающих СССР. Писать ее в сутолоке столичной жизни было невозможно. Летом 1935 года я обратился в соответствующие инстанции с просьбой о переводе в провинцию. Мне предложили принять участие в конкурсе на должность заведующего кафедрой зоологии Саратовского сельскохозяйственного института.

В 1937 году был объявлен всесоюзный конкурс на должность зав. кафедрой зоологии позвоночных Воронежского университета. Наличие достаточно большого научного багажа к этому времени позволило мне отважиться подать на конкурс. Избрание состоялось, несмотря на весьма серьезную конкуренцию; весной 1938 года я уже читал курс студентам этого университета и приступил к организации кафедры зоологии позвоночных.

В 1939 году на ученом совете Воронежского университета состоялась защита моей докторской диссертации. Это была первая в истории университета защита, и обставили ее очень торжественно. Официальными оппонентами выступали

профессора МГУ С. И. Огнев, Б. С. Матвеев, С. С. Туров. Члены совета единогласно проголосовали за присуждение искомой степени.

Работа наладилась, но разразившаяся Великая Отечественная война смешала всё. Часть сотрудников кафедры ушла на фронт. Из них трое пали смертью храбрых. Коллектив переключился на выполнение военных задач, из которых наиболее важной было признано обслуживание нужд Военно-Санитарного управления Юго-Западного фронта.

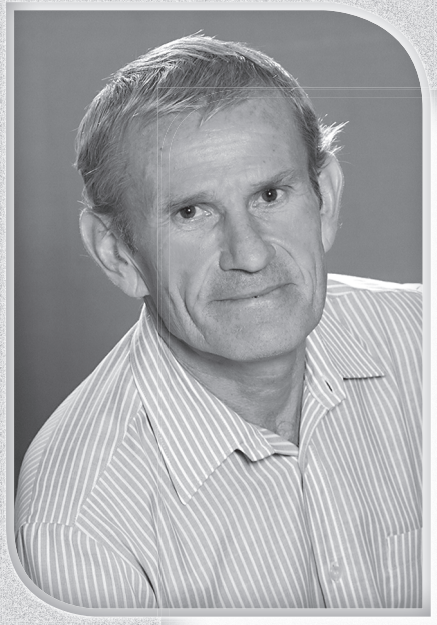
Далее – эвакуация, возвращение из нее, восстановление разрушенного города…

Постепенно были воссозданы биологическая станция и зоологический музей, возобновило работу Общество естествоиспытателей при университете, снова развернулась научно-исследовательская работа кафедры.

Окидывая мысленным взором вехи своей жизни, я могу сказать с удовлетворением – жизнь прожита хорошо, и если бы мне была отпущена еще одна, она пошла бы по тому же пути…

Илья Барабаш-Никифоров

Печатается по: Воронежский университет. 1969. 18 нояб.

Анатолий Григорьевич

БАСКАКОВ

(1944 г.р.)

Доктор физико-математических наук, профессор.

Основные темы научной деятельности: получены спектральные критерии почти периодичности абстрактных уравнений в банаховых пространствах. Определен и изучен новый класс коммутативных регулярных банаховых алгебр с радикалом. Построена спектральная теория банаховых модулей над такими алгебрами. Для возмущенных линейных операторов с дискретным спектром развит метод подобных операторов. Методами теории полугрупп исследованы спектральные свойства абстрактных параболических операторов. Заложены основы спектральной теории линейных отношений (линейных многозначных операторов) и получены приложения к вырожденным дифференциальным уравнениям.

Окончил механико-математический факультет ВГУ (1969). В ВГУ преподает с 1969 года, заведующий кафедрой математических методов исследования операций.

«Я – ЧИСТЫЙ МАТЕМАТИК»

На заседаниях Ученого совета регулярно упоминаются его достижения. Студенты говорят о его особом подходе к обучению и называют «великим математиком». Интервью дал Анатолий Григорьевич Баскаков, доктор физико-математических наук, профессор, заведующий кафедрой математических методов исследования операций факультета ПММ.

– Анатолий Григорьевич, если честно, когда я открыла страницу с информацией о Вас в «Википедии» и узнала, чем Вы занимаетесь, я увидела столько непонятных терминов и подумала: «Почему же мне достался именно математик, ведь я в этом совершенно не разбираюсь». А Вы как ответите на вопрос: почему Вы – математик?

– Я не сразу хотел стать математиком. Класса до седьмого я об этом точно не думал. В какой-то момент мне хотелось стать биологом, учителем или даже токарем. Вообще у каждого человека есть особые склонности. У меня по математике не было проблем. Хотя я и сочинения писал очень хорошо, был одним из лучших в классе. Может быть, сыграло роль то, что был парень, который в математике успевал лучше меня. Повлияли и учителя, многие из которых, кстати, получили образование в Воронежском университете. Среди них тогда было больше мужчин. У меня математику вел военный. На уроки в форме ходил. Сейчас женщин больше. Это плохой признак. Вот у вас в школе было много мужчин-учителей? Наверняка нет. А я считаю, что в образовании большую роль должны играть мужчины. Да, были и такие женщины-математики, как Софья Ковалевская. Но мое мнение о ней таково: она была в первую очередь красивой женщиной, просто рядом с ней был наставник – великий математик. Это одна история. Но была такая женщина-математик, как Эмми Нётер. Как-то во время доклада у нее сползла юбка. Нётер

сначала терпела, а потом отфутболила ее! Вот это настоящий математик! Значит, так она была увлечена докладом. Так вот, в образовании преимущество должно отдаваться мужчинам, особенно в математике. Мне в этом повезло. Когда я собирался поступать на математико-механический факультет ВГУ (тогда еще не было факультета ПММ), мой учитель немецкого сказала, что ее сын, доцент, работает в университете. Это был Анатолий Иванович Перов. Он потом стал моим научным руководителем. Ему сейчас 81 год. Я тогда поступил, хотя даже не ходил на собеседование. Родителям пришла бумажка – меня вызвали работать в колхоз. Поэтому ни о каком собеседовании я не знал. А по его результатам давали место в общежитии. Пришлось год жить на квартире, потом в общежитии, которое мы сами строили. Позже мое образование разделилось на две части: на 3 курсе меня забрали в армию на 3 года, в топографические войска. Занимались съемкой ракетных площадок. Были командировки в Сибирь, на Дальний Восток, Север. Когда мы вернулись из армии, те, кто учился хорошо, стали учиться плохо. Как я говорю своим студентам: «Представьте, что вы занимались гимнастикой 15 лет, а вас на 3 года оторвали от этого. Что тогда будет с вашей пластикой?». Но я как-то выдержал это.

Пока мы беседовали с Анатолием Григорьевичем, его жена принесла нам чай со сладостями. Я рассказала, как в поиске его дома я попросила женщину на улице помочь мне. Тогда она спросила: «Вы к профессору?».

– Значит, все в округе знают, что к Вам домой часто приходят студенты?

– Да, и дорогу подсказывают. Мы не только математикой занимаемся, но и праздники отмечаем: Новый Год, День учителя, День знаний. Летом мы со студентами сидим в беседке, а в холодное время здесь, за столом. В университете неуютно. Пошло это, наверное, с тех времен, когда два великих математика, Красносельский и Крейн, фактически образовали нашу математическую школу. Их влияние было огромным. Кроме них у нас докторов наук не было. Главная их заслуга состояла в том, что они искали и выращивали будущих преподавателей. Они и создали особую атмосферу. Принимали молодых людей дома, кормили их, часто голодных. Это передавалось. Вот и я хочу, чтобы студенты «жили» рядом с подобными себе. Ко мне приходят те, кто хочет потом попасть в аспирантуру. Еще на первом курсе по итогам коллоквиумов я отбираю лучших студентов и предлагаю им заниматься. В университете мне за это ничего не платят. Ну и что. Человек живет, пока он может что-то отдать.

– Анатолий Григорьевич, я всегда думала, что человеку в быту математика может пригодиться только на уровне знаний 5–6 класса. А какой математикой занимаетесь Вы?

– Действительно, в повседневной жизни человеку достаточно школьных знаний математики. Но в мире без нее ничего не обходится. В той же филологии пользуются математическими методами. Мой бывший студент, к примеру, занимается математической лингвистикой. Это связано с использованием моделей для обработки текстов. Люди ведь не могут искать одни и те же закономерности

каждый раз, когда изучают миллионы книг. Есть теория академика Фоменко о том, что Христос родился не две тысячи лет назад, а тысячу. Дело в том, что время солнечного затмения можно просчитать как вперед, так и назад. Так вот, когда изучали тексты Библии, выяснили, что затмений, которые в ней описываются, в то время быть не могло. Это лишь теория, но факт в том, что даже в таком деле пользуются математикой. Если нужно пройти лес, нам могут показать тропинки, а могут показать целую карту местности или вовсе поднять на вертолете, чтоб посмотреть сверху, – это математика.

– Что сейчас с ней происходит?

– Математика становится недоступной в том смысле, что в ней образовался свой язык. Происходит наслоение понятийного аппарата и становится всё меньше людей, которые его понимают. А в обществе с высокой культурой должно быть много математиков. У нас «бросили» деньги на нанотехнологии. Но они не могут развиваться сами по себе. Здесь нужны и химия, и физика, и математика. А вкладывать деньги в одно место – это неправильно. Я знаю, что преподаватель-математик в Анголе, к примеру, получает 8000 $ в месяц. Происходит утечка кадров. Много моих бывших студентов уехало заграницу.

– Если бы Вам предложили одним словом описать факультет, что это было бы за слово?

– Сложно выбрать одно слово. Могу назвать положительные и отрицательные моменты, связанные с факультетом. Существует проблема смены поколений. В нашем Совете по защите диссертаций почти все пенсионеры. Это кризис. Как его преодолевать – зависит от государства. Начинать надо с зарплаты. Такие же преподаватели получают в других странах совершенно другие деньги. У меня есть люди, которые работают на полставки, потому что хотят зарабатывать где-то еще. А науке надо отдавать себя всего. Если б у меня отнимали хоть три дня в неделю от того, чем я занимаюсь, мне было бы плохо. К положительным сторонам относится то, что факультет востребован. Но всё равно надо работать в школах, в университете преподавать математику для школьников. Должна быть связь с будущими абитуриентами.

– Вы увлекаетесь чем-то, кроме науки?

– Я бегал почти всегда. Раньше по 5–6 км, а последние 33 года меньше 10 км не пробегаю. И я считаю, что это должно быть систематическим. Жена меня ругала, когда я побежал в дождь, а я ответил: «Слушай, кто в дождь не бегает – тот вообще не бегает». Говорят, что в таком возрасте бегать уже опасно. Но если человек чувствует себя нормально, почему нет. Участие в спортивных соревнованиях, особенно серьезного уровня, – это опасно, я считаю. Надо заниматься именно физкультурой. Все говорят о пропаганде здорового образа жизни. А я когда бегу в свои 70 лет, я сам как популяризатор.

– Вы получаете от этого что-то большее, чем просто поддержание здоровья?

– А вы думаете, у немощного человека голова работает? Физическое состояние и умственная деятельность – это вещи взаимосвязанные. Я иногда смотрю на студентов, вижу, что молодые люди, которым по 18 лет, сидят все сгорбленные. Однажды я сказал: «Мальчики, что ж вы такие сутулые! Давайте будем соревноваться в подтягивании». Они согласились, а потом один из них спросил: «А сколько вы подтягиваетесь?». И вот я думаю: сказать, что много – будет плохо, мало – тоже. Ну я и сказал, что меньше 10 раз не подтягиваюсь. В итоге они со мной не пошли.

– Так сколько вы подтягиваетесь?

– 20 раз.

– Никого не удалось привлечь к бегу?

– Был один мальчик, однажды он пришел ко мне и сказал, что начал бегать. Только пожаловался на то, что у него что-то с ногой. Я говорю ему: «Тебе сколько лет?» – «25». – «Ну что ты хочешь? – Возраст!».

Так вот сейчас он участвует в триатлоне с женой.

– Можете назвать свои самые значимые достижения?

– Это мои 43 ученика. Если говорить о материальных вещах, то я лауреат премии Фонда Сороса, Международной программы образования в области точных наук. В России всего 50 Соросовских профессоров по математике, я в том числе. Чтобы получить эту премию, нужно предоставить несколько научных показателей, но главное – иметь 6 защищенных кандидатов наук. Будучи лауреатом, я обязан был ездить по школам, читать лекции учителям. Также больше 20 лет я получаю грант Российского фонда фундаментальных исследований. В этом году я планирую поехать с аспирантами и студентами в Германию на семинар по эволюционным уравнениям. Мы уже два раза там были, кстати, единственные из России участники-математики.

– Анатолий Григорьевич, я пообщалась с Вашими студентами и попросила описать Вас как человека. Вас называют лучшим преподавателем, великим математиком, болеющим наукой. Как Вы это прокомментируете?

– Я – чистый математик. Не ухожу в физику, биологию. Я занимаюсь тем, чем мне хочется заниматься. Несмотря на все жизненные сложности, я старался работать в науке. Я считаю, что мужчина должен делать свое дело до конца жизни. В одном интервью я уже говорил фразу: «Математика – это не та женщина, которой изменяют».

В разговор вступила жена: «Он настолько любит эту женщину, математику, что было бы странно, если бы она не отвечала ему взаимностью».

Светлана Шеина

Печатается по: Университетская площадь. 2015. № 7–8. С. 113–115.

Петр Григорьевич

БОГАТЫРЕВ

(1893–1971)

Доктор филологических наук, профессор, почетный доктор Карлова университета в Праге и университета им. А. Коменского в Братиславе, член Союза писателей СССР.

Научную деятельность начал как исследователь народных обрядов и магических действий. Также занимался изучением народного театра, сравнительным анализом фольклора различных славянских народов.

Его работы были опубликованы на русском, чешском, английском, немецком и французском языках. Также он являлся редактором и одним из авторов учебника «Русское народное поэтическое творчество».

В 1921–1939 годах находился в научной командировке в Чехословакии, преподавал в Братиславском университете (1933–1938). Автор первого перевода с чешского языка знаменитого романа Ярослава Гашека «Похождения бравого солдата Швейка».

В ВГУ преподавал в 1952–1958 годах, профессор кафедры русского языка.

БОГАТЫРЕВ, О КОТОРОМ ПИСАЛ ШКЛОВСКИЙ

В Воронеж я попала по распределению, после окончания аспирантуры в МГУ. Это было в 1949 году. В министерстве мне предложили несколько университетских городов: Минск, Кишинев, Рига, Вильнюс, Воронеж. Я могла выбирать. Воронеж казался более близким и знакомым (в моем сознании с ним прочно связывались имена Кольцова и Никитина).

Первый год работы запомнился как очень тяжелый. Трудно было всё: вживание в коллектив, жизнь в неблагоустроенной комнате общежития, где зимой бывало так холодно, что за ночь замерзала вода в чайнике. И самое трудное – лекции. Их надо было готовить и читать ежедневно, к тому же по всей истории зарубежной литературы: сегодня – Эсхил, завтра – Бальзак, послезавтра – Шоу, и т. д. Старалась спать через ночь по четыре–пять часов. И хотя я считаю, что в Московском университете нас готовили хорошо, но ведь одно дело – знать для себя, другое – объяснять другим. Нужных книг недоставало. Учебников в ту пору по отдельным разделам курса и вовсе не было. И учиться, по сути дела, было не у кого.

На факультете, тогда еще историко-филологическом, собрались в основном такие же молодые преподаватели, только-только приступавшие к работе в вузе. На несколько месяцев раньше меня приехал в Воронеж С. Г. Лазутин, чуть позже – А. М. Абрамов; были еще молодые историки Е. Г. Чистякова, В. А. Дунаевский, А. Н. и А. Е. Москаленко. Собравшись, обсуждали, как лучше читать лекции. Профессор Илья Николаевич Бороздин, незадолго до нас появившийся в университете, был для всех нас высотой недосягаемой.

И вот двумя или тремя годами позже на факультете появилось новое лицо: профессор Петр Григорьевич Богатырев – крупный ученый, фольклорист, этнограф, театровед, переводчик. Я видела его

еще в Москве. Его показал мне один приятель в старом зале Ленинской библиотеки: «Посмотри, вот Богатырев. Это о нем писал Шкловский». В ту пору я и мои друзья только открыли для себя ранние книжки Шкловского, такие как «Сентиментальное путешествие», «Zoo, или Письма не о любви». Пассаж о Богатыреве запомнился. Шкловский писал: «Глаза у него голубые, рост маленький, брюки короткие; брюки бывают особенно коротки у коротконогих. Ботинки Богатырева не зашнурованы. По улицам он то идет медленно на цыпочках, то бегает наискось зайцем, – не говорит, а галдит».

Человек, увиденный в Ленинской библиотеке, удивительно походил на созданный Шкловским образ. Небольшого роста, встрепанный, полы пиджака висят косо, маленькие глаза спрятаны за толстыми стеклами очков… Но о самом Богатыреве я в ту пору знала очень мало. Были какие-то смутные представления об ученом, закладывавшем основы нашей литературной науки в 20-е годы, и только. Ведь социологический крен в литературоведении, характерный для 30-х и отчасти 40-х годов, полностью заслонил научные направления предшествующего периода.

В Воронеже я встретилась с Петром Григорьевичем в маленькой комнатке деканата историко-филологического факультета, располагавшегося тогда в здании общежития № 1 на улице Ф. Энгельса. Я сразу узнала его. Только теперь бросился в глаза его внимательный, чуть хитроватый и удивительно добродушный взгляд. Нас познакомили. По его просьбе мы вместе отправились на рынок, покупали там какие-то яблоки. Потом зашли ко мне в общежитие. Постепенно подружились. Петр Григорьевич часто приходил попить чаю. Иногда трогательно приносил цветы. Но всегда помятые, потому что нес он их обычно в портфеле.

Первое впечатление от него – ощущение какой-то абсолютной, почти невероятной житейской беспомощности. В ту первую «ознакомительную» прогулку на рынок он ухитрился захватить с собой набитый книгами тяжелый портфель. Ему тоже дали комнату в общежитии. В первое же утро он постучал ко мне и имел очень озабоченный вид. Сказал, что не может включить электрическую плитку, потому что вилка не влезает в розетку. Отправились в его комнату. Всё оказалось очень просто: он пытался всунуть вилку от плитки в розетку радиосети. Его неприспособленность бросалась в глаза. Он мог прийти в университет в разных башмаках, с одной подвернутой штаниной. Беспрерывно что-то забывал или уносил по ошибке. За этой анекдотической профессорской рассеянностью, мне думается, скрывалась сосредоточенность на главном, беспрерывная работа мысли. Но было и что-то от защитной маски, продуманной позиции человека, не желающего тратить время на мелочи.

В их семье вопросами бытового устройства занималась жена – Тамара Юльевна. Помню, как она при мне полушутливо укоряла его в том, что он никогда не подходит к газовой плите. С хитрой улыбкой он защищался: «Это что! Вон профессор Розанов и к телефону не подходит, вдруг убьет током».

В Петре Григорьевиче поражала какая-то доверчивость к людям, естественная благорасположенность. Он никогда не поучал, как бы не отдавая себе отчета в том, что он большой ученый. Держался просто, охотно отвечал на все расспросы. Жизнь у него была интересная. Он знал многих крупных людей: Маяковского, Пастернака, Эренбурга. В числе его друзей был Роман Якобсон. Долгие годы он провел в Чехословакии, занимаясь там изучением чешского народного театра, народного творчества. Помнил и Ярослава Гашека, перевод романа которого принес ему, как одному из лучших советских переводчиков, заслуженную известность, Юлиуса Фучика. Рассказывая об этих людях, себя непременно оставлял в тени.

Он любил детей и любил игрушки. Дома у него была целая коллекция кукол, чаще кукол-актеров из разных стран. Больше других он любил Гурвинека – известного персонажа чешского театра марионеток. Он вообще любил игры всякого рода, и театральные, и народные, и любительские. В доме у Богатыревых увлекались игрой в шарады. Сейчас уже мало кому знакома эта игра. Ее участники разыгрывают слова по слогам. Помню, как на одном из дней рождения Петра Григорьевича в их маленькой квартирке, в Москве на Якиманке (впоследствии они переехали в писательский дом вблизи от станции метро «Динамо»), разыгрывалось какое-то слово, составная часть которого – «кит». Петр Григорьевич изображал кита. Он улегся на пол вверх животом и, держа над головой маленькую детскую клизму, сосредоточенно пускал из нее струю. Смеялись все. Он оставался серьезен.

Серьезная сосредоточенность была свойственна П. Г. Богатыреву в любом деле. Он работал много. В неуютной комнате общежития с незашторенными окнами и единственным застеленным газетой столом всё было завалено книгами и рукописями. В какое бы время дня я к нему ни заходила, он сидел за столом и писал. Позже, когда ему уже стало отказывать зрение, он работал с лупой, но почти непрерывно.

Сейчас, вспоминая прошлое, я размышляю над тем, какие уроки я извлекла из знакомства с ним. Занимались мы разными проблемами. Прямой помощи в том, что меня интересовало, я от него, пожалуй, не получила. Но общение с ним давало мне нечто большее. Одна из самых главных черт Богатырева – преданность делу, которым занимаешься. У самого Петра Григорьевича эта преданность делу принимала порой крайние формы. Он рассказывал, например, как в Чехии, собирая образцы народных вышивок для этнографического музея, он переодевался старьевщиком и, разъезжая по деревням, выменивал у крестьянок на мыло старые вышитые тряпки. От него я узнала, что образцы вышивок – опознавательные знаки, способные дать не меньшую информацию, чем археологические находки.

От него я вообще впервые узнавала о многом, будь то содержание деятельности Пражского лингвистического кружка или основы семиотики. Но это не главное. Он научил меня уважению к факту, необходимости твердой опоры на него в

любой концепции. Читая главы моей кандидатской диссертации, Петр Григорьевич неназойливо, но настойчиво требовал абсолютной доказательности каждого положения.

И еще. Он внушал мне мысль о необходимости научной работы для вузовского преподавателя. Вспоминаю, как в начале нашего знакомства, озабоченная прежде всего составлением лекционных курсов, я заявила ему, что преподавателю вовсе не обязательно заниматься наукой, достаточно просто хорошо читать лекции. Он решительно не согласился со мной. Позже я поняла его абсолютную правоту. Но тогда до этого еще предстояло дорасти.

Сейчас, когда Петра Григорьевича уже нет, часто ловлю себя на сожалении, что не обо всём расспросила его, может быть, не всегда была внимательна к его словам. Теперь уж ничего не исправишь. Остается только радоваться, что судьба подарила мне знакомство и дружбу с этим замечательным человеком и большим ученым, о котором теперь написано во всех энциклопедиях, и наших, и зарубежных.

Алла Ботникова

Печатается по: *Ботникова А. Б.* В те времена… Воронеж, 2008.

Василий Васильевич

БОЛОЗНЕВ

(1898–1978)

Гвардии генерал-майор. Окончил учительскую семинарию (1916), Алексеевское военное училище (1917), Военную академию им. М. В. Фрунзе (1927). В армии с 1918 года. Участник Гражданской войны, сражался на Восточном фронте против армии А. В. Колчака. В 1922–1941 годах служил на командных и штабных должностях в Сибирском, Уральском и Прибалтийском военных округах (прошел путь от командира роты до начальника штаба армии). Участник Великой Отечественной войны, начальник штаба 27-й армии. В конце 1941 года отозван на преподавательскую работу в Академию Генштаба РККА. С 1943 года начальник Харьковского пехотного училища. В 1944–1946 годах начальник Казанского суворовского военного училища, в 1946–1949 годах начальник штаба 10-го гвардейского стрелкового корпуса.

В 1949–1957 годах начальник военной кафедры Воронежского государственного университета. С 1957 года в запасе.

ОТ СОЛДАТА ДО ГЕНЕРАЛА

В январе 1898 года в захолустной деревне Архангельской губернии в бедной крестьянской семье родился Вася Болознев. Сурова и дика природа севера, но и там есть свои жемчужины. Кен-озеро – родина генерала, сейчас отстоящее от станции железной дороги на 200 километров – один из красивейших уголков Архангельского края. Недаром его называют издавна Каргопольской Швейцарией.

Отец Васи погиб, когда мальчику было два месяца. Больная мать и старший на два года братишка – вот семья, в которой рос и мужал будущий генерал.

Рано познал он тяжелый труд, нужду и голод. Но все эти условия жизни и выработали, и закалили тот характер, который необходим солдату.

В шесть лет мальчик освоил грамоту. Читал всё, что попадало под руки, и выучивал наизусть вплоть до рекламных стихотворений на коробках папирос. Цепкая память ребенка удивляла окружающих, но направить его развитие было некому. В восемь лет он выучил церковнославянскую азбуку.

Работа в семье не давала ему возможности регулярно посещать школу, но всё положенное по программе он всегда знал и из класса в класс переводился с отличными отметками. Начальную школу закончил с похвальным листом.

Как подающий большие надежды, мальчик был направлен в двухклассное училище, где блестяще выдержал экзамен и был принят на казенный счет (фунт хлеба в день, пшенная похлебка и пирог на 12 человек).

Отлично окончив двухклассное училище, с котомкой за плечами и парой запасных лаптей, с тремя рублями на все расходы юноша

через тайгу и болота архангельских лесов отправился искать счастья в большом городе.

В Петрозаводске он отлично выдержал экзамен в учительскую семинарию и как лучший получил стипендию.

Зимой учился, а летом работал в хозяйстве. Брат был на Германской войне, а мать – больная.

1916 год – призыв. Теперь и он солдат царской армии. В 1917 году окончил четырехмесячные курсы военного училища и стал прапорщиком. А в октябре вместе с полком перешел на сторону революции, был выбран солдатами на должность инструктора роты.

После увольнения из старой армии едет на родину, где уже заочно выбран в волостной исполнительный комитет, а с организацией волостных военных комиссариатов входит в состав волостного военного комиссариата Кенозерской волости.

В июне 1918 года Болознев – член уездного исполнительного комитета и уездный военный комиссар Каргопольского уезда.

В конце 1928 года Болознев – на Восточном фронте. На командных должностях. Прошел от Волги до Оби, от Куйбышева до Новосибирска, через Уфу, Челябинск, Омск, до полной ликвидации Колчака. Еще около двух лет – ликвидации банд Новоселова, Кайгородова, Сальникова в Горном Алтае.

С 1924 по 1927 год – учеба в Военной академии им. Фрунзе. После окончания академии – на должностях высшего начсостава в частях Красной армии.

С первого дня – участник Великой Отечественной войны.

Тяжелая контузия на восемь месяцев приковала Болознева к госпитальной кровати; но сильный организм справился с болезнью.

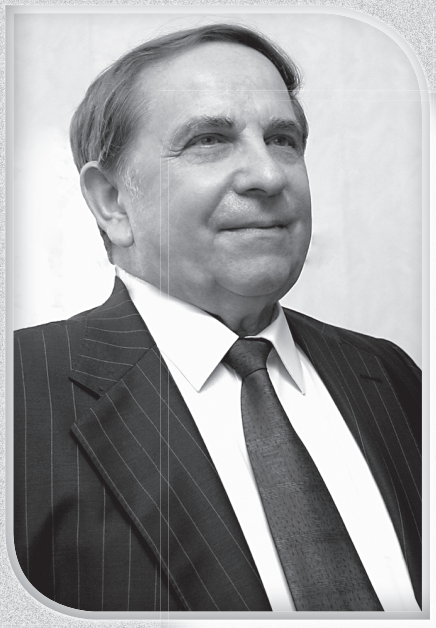
С 1950 по 1957 год в течение восьми лет он работает в Воронежском госуниверситете.

За время работы Василий Васильевич Болознев активно участвует во всей общественной и партийной работе университета. Неоднократно избирается в состав партийного бюро университета, в двух составах является заместителем секретаря партбюро.

Василий Васильевич Болознев награжден пятью орденами Советского Союза; орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны 1-й степени, орденом Красной Звезды и четырьмя медалями.

Владимир Пластинин

Печатается по: Воронежский университет. 1968. 16 февр.

Иван Иванович

БОРИСОВ

(1936 г.р.)

Доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ.

Научные интересы: проблемы отношений субъекта и объекта в материалистической философии, вопросы онтологии.

Секретарь комитета Всесоюзного Ленинского коммунистического союза молодежи Воронежского государственного университета (1961–1962). С 1964 года ассистент, аспирант, старший преподаватель, доцент, профессор кафедры философии Воронежского государственного университета. Преподаватель-консультант по философии в Республике Куба (1977–1979). Председатель профкома ВГУ (1980–1987), проректор (1988–1998), ректор Воронежского государственного университета (1998–2005). Председатель совета ректоров вузов Воронежской области. В 2006–2014 годах профессор кафедры истории философии факультета философии и психологии ВГУ.

ЧЕЛОВЕК С УНИВЕРСИТЕТОМ В СЕРДЦЕ

Когда слышишь слово «ректор», невольно начинаешь трепетать. Высокий человек, глава университета! Но не все ректоры такие «страшные». Иван Иванович Борисов – не просто важный руководитель, семь лет возглавлявший университет. Он открытый, простой человек, который взахлеб рассказывает истории из детства, юношества. Он человек, болеющий университетом, в его сердце по сей день живет ВГУ. С нежностью листает он сохранившиеся со времени ректорства отчеты, приказы, постановления и с улыбкой говорит: «Я – в университете, а университет – во мне».

* * *

– Родился я в глухом селе Турово Воронежской области в большой трудовой семье, – рассказывает Иван Иванович. – Отец железнодорожником работал на станции рядом с селом, мать – колхозница. Нас было четверо детей: трое братьев – я, Василий, Михаил – и сестра Анна. Жили бедно, трудно, но дружно. Работали все: каждому находилось дело «по росту», и поблажек никаких не было. Помню, еще в пятом-шестом классе работал в колхозах. Нужно же было семью как-то кормить, я ведь старший сын. А куда денешься. Иногда приходишь в школу, рано, печка топится, круглая такая, прислонишься спиной и заснешь. Смотришь сквозь сон, уборщица учителю говорит: «Да пусть поспит, он же матери помогает». Вот так я спал урок, потом меня будили, и я дальше учиться шел.

В школе преподавали хорошо. И Конституцию изучали, и астрономию. До сих пор помню, как учительница читала стихотворение «Плакала Саша, как лес вырубали…». Потом, когда ходили в лес за дровами, никогда не трогали березы. Я любил литературу. Уже столько лет прошло, а нет-нет да и придет на память то Маяковский, то

Некрасов. В школах часто не было учебников и многого другого, но как-то учителя давали нам знания. Да и родители, несмотря на то что сами были неграмотные, все силы приложили, чтобы мы учились. Никто в селе не ожидал, что я стану доктором философских наук, Василий – доктором технических наук, а Михаил – кандидатом экономических.

* * *

– После армии я поступил в ВГУ на исторический факультет. Хотел на философский в Москву, но денег на это не было. Когда сдавал экзамены, мой брат Василий стоял на проспекте и ждал меня. Он к тому времени окончил первый курс, опытный уже был! – смеется Иван Иванович. – Сдал на 5 баллов, хотя помню, как коленки дрожали. Мы потом шутили, что я поступил только потому, что брат стоял тогда на проспекте.

Трудно было учиться. Ну не запоминал я никак, когда какие войны были, всех этих членов политбюро… Я как наслушаюсь, думаю, не пойду больше. Зато, когда нам читали курс философии, я понял что это мое. Хотя истфак я окончил с отличием…

На втором курсе студента Борисова избрали секретарем комитета комсомола университета. И началась бурная общественная работа, в которую он, как и во всё, за что брался, погрузился с головой. После окончания университета по распределению работал старшим лаборантом на кафедре философии. Через несколько лет Иван Иванович защитил кандидатскую и стал преподавать.

– Помню свою первую лекцию. Месяц к ней готовился. Стою за кафедрой, читаю. Вижу, что-то не то выходит: мучаю и себя и ребят. В перерыве я закрыл папку, и всё как-то само собой получилось.

* * *

В 1977 году доцента Борисова направили работать на Кубу преподавателем-советником по философии.

– Я не любитель путешествовать, но нужно было зарабатывать, и мы поехали. Помню, когда только прилетели на Кубу, выходим из аэропорта, а там дерево лимонное стоит, а рядом прямо на земле лимоны лежат, желтые, большие, как у нас в магазинах. Меня это так удивило тогда!

Только мы обосновались, а через две недели партийное собрание. «Есть мнение избрать секретарем парткома Борисова», – объявляют. А я в России устал от общественной работы и приехал на Кубу, чтобы работать по специальности. Но мне сказали: «Партия не ошибается, так что не спорь». Так я снова общественной деятельностью занялся.

Что касается основного контракта, то я должен был просто консультировать преподавателей по вопросам философии. На Кубе я много узнал об истории философии, много читал, но больше всего времени уходило на общественную работу.

На Кубе семья Борисовых прожила два года. Раиса Егоровна, супруга, стала председателем женского комитета. Дочь Лиля была пионер-вожатой, пела с детьми песни на испанском. Все были в работе.

– А знаете, как мы по России скучали? Словами не передать. Приезжаешь на пляж, увидишь кораблик и думаешь: «Вот бы на него и домой…».

Мне предлагали еще на год остаться на Кубе, потому что коллектив проявил себя хорошо, двоих я даже подготовил к защите кандидатской. Можно было бы остаться, изучать революционные настроения кубинцев. Но я отказался. Это было очень почетно, но дочке нужно было получать образование…

Когда вернулись в Россию, доцента Борисова назначили председателем профкома.

– Никак не удавалось мне избежать дополнительной работы. Я как-то даже с иронией к этому относился. Но ирония не ирония – паши. Часто звонили и говорили: «Ставьте меня первым в очереди на квартиру от университета». Но не на того напали. Сколько же разбирательств разных было! Так я и не дал квартиру, поэтому и ушел из профкома.

* * *

10 лет Иван Иванович работал проректором по научной и учебной работе гуманитарных факультетов.

– Главная моя гордость – открытие факультета философии и психологии. Ведь тогда философской подготовки толковой ни в университете, ни в городе не было. Правда, пришлось воспользоваться запрещенным приемом: я тогда в программу ректората по развитию университета вписал: «Открытие факультета философии и психологии». Совету до фонаря, он всё утвердит, а потом выполнять надо. Надо было просто условие поставить. Ректор мне говорил: «Да зачем тебе эта философия, у нас же ни одного психа нет». А я говорю: «Нету, но если будет место – приведем». И всё получилось.

Вот так всё время как в бурлящей воде. Я постоянно думал о работе. Когда корпус юридического факультета строили, я смотрел в окно и всё думал: «Как там стройка идёт?». А жена мне говорила: «Ты лучше на потолок смотри, надо ремонт делать, а ты все “как там идет, как там идет”…»

В это же время Иван Иванович работал над докторской. Каждый день он вставал в четыре утра, раскладывал на столе книги, статьи и писал до семи–восьми часов. А потом к девяти шел на работу в ВГУ.

* * *

В 1998 году в ВГУ развернулась мощная предвыборная кампания. Университету нужен был новый ректор.

– Я не рвался в ректоры и даже не входил в группу претендентов. Но обстановка была такая, что люди боялись браться за эту работу. А у меня «боязнь» вообще плохо развита. Я же крестьянин, а крестьяне не очень-то чего-то боятся. А еще я танкист. Так что чувство страха у меня напрочь отсутствует. Избрали меня. Очень сложный момент был: зарплаты нет, к университету большой интерес молодежи, конкурсы большие, а площадей нет. И мы решили, что в трудное время нужно не выживать, а развиваться.

И постепенно мы выполняли программы. Все вопросы приходилось решать без помощи городской администрации, министерства. Нужно было восстановить то, что развалила перестройка. Правда, пришлось тогда отдать часть университетской земли застройщикам. А они за право использовать эту землю строили нам корпусы бесплатно. Мы каждый год принимали новый учебный корпус.

Открыли ФКН. Хотя эта специальность не классического университета, а политехнического. Мы тогда направили в США на месяц проректора и будущего декана, чтобы они поработали, посмотрели, как можно компьютерные науки включить в университетские специальности. И так и сделали. В итоге, ФКН стал одним из лучших факультетов России. Мы построили несколько домиков в Веневитиново. Полностью обновили Ботанический сад. В то время часто приходилось брать удар на себя, но мне казалось, что мы всё делаем правильно.

Говорят, что ректором быть трудно, но я не чувствовал тяжести. Здоровье позволяло, да и с детства я привык работать. Единственная трудность – мне постоянно не хватало времени, ведь приходилось во все стороны жизни университета вникать, часто весь ректорат до девяти часов вечера работал.

Двери моего кабинета всегда были открыты, я получал информацию от общения с людьми. По-другому-то как? Открытая, дружелюбная обстановка была. Видел я многие недостатки, не всегда их можно было решить, но что делать…

Мне хотелось помогать людям. Однажды подхожу к юрфаку, а там старик стоит, с бородой седой, прямо как Толстой, а с ним мальчик. Жили они в лесничестве, мальчик школу окончил с золотой медалью, между прочим, и приехал поступать, а все экзамены уже прошли, это август был. Естественно, у них уже не принимали ни документы, ни экзамены. Я и велел включить его в список абитуриентов. Мне говорили: «Нарываетесь на жалобу». Я ответил «Ну и что. Если я принимаю решение – я за него отвечаю». Да, иногда приходилось быть жестким, но я больше добрый человек, чем жесткий. А мальчик-то тогда все экзамены на «отлично» сдал, отучился и аспирантом стал.

* * *

В 2014 году Иван Иванович вышел на пенсию. Он читает Горького, выписывает «Аргументы и факты», «Коммуну», цитирует Маяковского и вспоминает «Плакала Саша, как лес вырубают…». А еще Иван Иванович каждый год ждет лето, чтобы поехать на любимую дачу: пусть огород там маленький, зато соседи прекрасные. Большая часть энергии и сегодня уходит на переживания об университете, но приходить в ВГУ Иван Иванович стесняется, говорит: «Да что я пойду, там молодые все, все заняты, что мне там – со своей фотографией на стене разговаривать? Пусть молодые работают».

Ирина Ковган

Печатается по: Университетская площадь. 2016. № 9. С. 150–152.

Юрий Григорьевич

БОРИСОВИЧ

(1930–2007)

Доктор физико-математических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ.

Научные исследования вел по направлению «Топологические методы в нелинейном и глобальном анализе». Основу исследований составляли методы, разработанные им и его учениками по теории топологических характеристик отображений конечномерных и бесконечномерных многообразий с приложениями к проблемам разрешимости нелинейных уравнений и бифуркаций в задачах геометрии, матфизики, оптимизации, многозначном анализе. Один из создателей Воронежской школы топологических методов в нелинейном функциональном анализе.

Окончил физико-математический факультет Казанского госуниверситета (1953). С 1955 года в ВГУ: преподаватель, доцент кафедры функционального анализа и дифференциальных уравнений, с 1964 года профессор, заведующий (до 2000) кафедры алгебры и топологических методов анализа.

ДЕЛИКАТНЫЙ БОРИСОВИЧ

Если бы меня спросили, какое личное качество отличает Юрия Григорьевича Борисовича, я бы ответил, почти не задумываясь:

– Деликатность.

У Даля «деликатный» – это «нежный, тонкий, хрупкий, мягкий, вежливый, тонкий в обращении, чувствительный и сочувствующий, внимательный к чувствам других, тонко разборчивый». Такое ощущение, что автор «Толкового словаря живого великорусского языка» был лично знаком с заслуженным деятелем науки Российской Федерации, профессором, доктором наук, заведующим кафедрой Юрием Григорьевичем Борисовичем. Но они, как вы понимаете, никогда не встречались. Просто понятие «деликатный человек» со временем претерпело мало изменений.

Родился Борисович на Алтае, в маленьком городишке Камень-на-Оби, куда железную дорогу провели много лет спустя после того, как семейство Борисовичей этот город покинуло, переехав в Кемерово, где отец Григорий Петрович стал работать заместителем главного бухгалтера шахты, а мама Антонина Васильевна Драчева – машинисткой в гидрометбюро.

Фамилия «Борисович» досталась отцу от прадеда, жившего в Польше и замеченного в противоправительственных действиях в 70-е годы прошлого века. Прадед был сослан в Сибирь. Правда, в семье об этом не говорили, и о своих польских корнях Юрий Григорьевич узнал от матери только после смерти отца.

Изгибы человеческой судьбы невероятно причудливы. Я как-то спросил Юрия Григорьевича:

– А почему вы поехали в Казань, а не в Томск? До Томска двести километров, и университет там неплохой.

– В Томске не было специалистов по небесной механике.

– А зачем вам небесная механика?

Потому что она меня интересовала. Я написал письмо в Томск. Мне ответили: доцент, специалист по небесной механике есть, а специальности нет. А я интересовался астрономией. Посмотрел справочник для поступающих в вузы – астрофизика и небесная механика значились среди специальностей Казанского университета. И я отправился в Казань, к профессору Александру Дмитриевичу Дубяге, чьи работы по эффективному способу исчисления орбит я знал.

– Откуда?

А у нас в школе подобралась группа, которая самостоятельно изучала математику. Я занимался математикой, готовя себя в астрономы.

Через полстраны Юрий Борисович отправляется в Казань. Не один – вместе с отцом, который очень любил старшего сына и не мог оставить мальчика в незнакомом городе.

Судя по всему, был Григорий Петрович личностью незаурядной. Воевал. Чинов не заслужил, но вернулся с войны с высшей солдатской наградой – орденом Славы III степени и медалью «За отвагу». Награды эти робким людям не давали. Так что не было ничего удивительного, что много лет спустя, в 70-е, Григорий Петрович, рассерчав на власть, выбросил свои награды в окно:

Что это за власть такая, если она мне, фронтовику, дает пенсию всего в шестьдесят рублей! Мне семью кормить надо!

И полетели награды в снег. Осталась на память только отцова фотография при ордене и медалях. Да еще – кадры в кинохронике, посвященной очередному юбилею Победы. Отец брал Берлин, и увидел однажды Юрий Григорьевич кадры поверженной фашистской столицы, обожженный, побитый пулями и снарядами рейхстаг и четкую надпись «Борисович Г.П., Мещеряков». Во весь экран показали. Написал тогда отцу: видел ли фильм, помнит ли, как расписывался на рейхстаге? Отец ответил, что не помнит, как это было.

И вот этот неробкий и пытливый человек отправляется в Казань, чтобы сын не остался без родительского пригляда. Устраивается на работу. Получает казенное жилье – халупу-развалюшку, в которой стены зимой промерзали. Потом в этот домик приведет Юрий Борисович молодую свою жену – сокурсницу Галю. И будут Борисовичи здесь жить-поживать, но добро не наживать. Потому что, во-первых, стипендия (студенческая, а потом – аспирантская) мала; во-вторых, дочь Ольга, заявив о своем существовании, требовала не только внимания, но и расходов, а в-третьих… Впрочем, достаточно вполне и первых двух причин, чтобы понять, почему нелегко приходилось молодой чете в Казани.

Человек по натуре своей твердый и целеустремленный, первокурсник Борисович отправился к декану факультета с просьбой перевести его на математическое отделение. Профессор Тумашев, декан факультета, отнесся к просьбе студента философски:

– Я-то не возражаю, но что скажет профессор Дюков.

А профессор Иван Александрович Дюков, крупный специалист по астрометрии, выслушав просителя и узнав, что тот золотой медалист, сказал просто:

– Цыц! Не переведу!

Настойчивый Борисович, который к этому времени уже начитался работ Пуанкаре на языке оригинала (для чего специально перевелся в группу, изучавшую французский язык), окрика известного астронома не слишком испугался (весь в папу!) и пошел снова в деканат. В тот день вместо декана его принял профессор Михаил Тихонович Нужин, заместитель Тумашева (впоследствии ректор КазГУ). То ли Нужин был моложе своего непосредственного начальника и потому более либерален, то ли Борисович, чувствуя, что решается его судьба, был настроен более решительно, но из деканата он вышел уже студентом математического отделения…

Много лет спустя я спросил Юрия Григорьевича:

– Ну, а если бы Нужин не отпустил вас? Так бы и остались астрономом?

Юрий Григорьевич ответил быстро, как давно решенное:

– Добился бы своего. Понимаете, знакомясь с работами Пуанкаре, я понял, что они ставили задачи, ведущие в топологию.

О топологии – разговор особый. Группе, специализировавшейся на кафедре матанализа, удалось уговорить заведующего кафедрой профессора Бориса Михайловича Гагаева прочитать им спецкурс по функциональному анализу с началами топологии – новому для провинциальных университетов курсу, представленному тогда единственным в стране учебником (1951 года издания), авторами которого были москвич Л. А. Люстерник и воронежец В. И. Соболев.

Видимо, тогда впервые в биографии казанского студента Борисовича появилось «воронежское направление». Работая над трудами Ж. Лере, Ю. Шаудера, Л. А. Люстерника, В. И. Соболева, а также М. А. Красносельского, в которых развивались топологические методы функционального анализа, Юрий Борисович открыл для себя необычайно красивую область математики. Трудности, связанные с изучением топологии, молодого математика не страшили.

Поэтому не было ничего удивительного в том, что Борис Михайлович Гагаев предложил своему ученику место в аспирантуре.

В аспирантуру приняли, и 23-летний соискатель кандидатского звания с головой ушел в интересующие его проблемы. Работать с Гагаевым было интересно: работы Бориса Михайловича имели международное признание. Финский математик Неванлинна ссылался на труды своего казанского коллеги. К тому же Гагаев дал возможность своему аспиранту заниматься тем, чем тот хотел заниматься, – топологическими вариационными методами в функциональном анализе.

Именно в этот период – примерно к 1954-му – Борисович окончательно расстается с небесной механикой и занимается только топологией. Тому способствовал и приезд в Казань на защиту одного из аспирантов профессора Марка Александровича Красносельского, чьи работы молодой математик штудировал уже года три.

Встреча с Красносельским определила дальнейшую судьбу Борисовичей: защитив за два года (вместо положенных трех) диссертацию, Юрий Григорьевич вместе с женой переезжает в Воронеж.

Многие годы Борисовичи жили в студенческом общежитии (что это такое, хорошо известно). Галина Николаевна работала в вечерней школе, расположенной в районе пивзавода, и ежевечерне, в 11 часов, Юрий Григорьевич выходил на трамвайную остановку встречать жену.

Надо сказать, Галина Николаевна не просто хранительница семейного очага, но и тот человек, без которого профессору Борисовичу невозможно обойтись. Жена всегда знает всё, что следует помнить мужу: где и в каком порядке лежат его рукописи, на чьи письма необходимо срочно ответить, словом, все эти годы Галина Николаевна выполняет функции секретаря.

– Если я чего-то добился, – искренне признается Юрий Григорьевич, – то только потому, что мне попалась такая жена.

В 1964-м Борисович защитил докторскую диссертацию и вскоре возглавил кафедру общей математики и топологии, переименованную через несколько лет в КАТМА – кафедру алгебры и топологических методов анализа. К этому времени Борисович был уже опытным преподавателем, прошедшим педагогическую школу Марка Александровича Красносельского.

Одним из первых аспирантов профессора стал Владимир Филаретович Субботин. Рекомендовал его Юрию Григорьевичу всё тот же неистощимый и энергичный Красносельский:

– Вот тут приехал из Кабардино-Балкарии молодой человек, – сказал он както Борисовичу, – человек талантливый, но, конечно, мало знает. Надо дать ему программу, чтобы он дома позанимался, а потом вы его возьмете в аспирантуру.

Так и вышло. Юрий Григорьевич объяснил молодому человеку из Кабардино-Балкарии, как надо готовиться к поступлению в аспирантуру. И через год тот вернулся в Воронеж, сдал экзамен, стал аспирантом, защитил диссертацию и сегодня работает на кафедре Юрия Григорьевича.

Юрий Григорьевич, возглавив кафедру, стал постепенно создавать свою школу: защищают диссертации аспиранты Борисовича – П. Менц (из ГДР), А. Турбабин, А. Бодоев.

В 1966-м Юрий Григорьевич организует семинар по топологии для студентов первого и второго курсов. Сегодня бывшие «семинаристы» – Юрий Сапронов, Борис Гельман, Валерий Обуховский, Яков Израилевич, Петр Шерман, Татьяна Фоменко, Юрий Гликлих, Виктор Звягин – сами стали докторами и кандидатами наук.

В 1980-е годы школа профессора Юрия Григорьевича Борисовича осваивает новые прикладные научные исследования, связанные с выявлением и исследованием новых универсальных топологических свойств нелинейных уравнений, теории сверхпроводимости и сверхтекучести, теории оптимального управления, и

т. д. У школы прочные научные контакты с институтом математики им. В. А. Стеклова, школами академиков П. С. Александрова, А. Т. Фоменко, В. П. Маслова, В. И. Арнольда, профессоров А. С. Мищенко, М. М. Постникова. Расширяются международные связи с коллегами из Германии, Польши, Канады, Англии, США, Франции, Италии.

Двадцать шесть кандидатских и пять докторских диссертаций защитили ученики профессора Борисовича. Перу Юрия Григорьевича принадлежат 220 первоклассных работ по топологии и по нелинейным краевым задачам для обыкновенных дифференциальных уравнений, функционально-дифференциальных уравнений и уравнений в частных производных.

А еще профессор Борисович был главным редактором периодического межвузовского сборника «Новое в глобальном анализе» (с 1982 года вышло 15 выпусков, 11 из которых переведены на английский язык), членом трех редколлегий научных изданий, выходящих в Нидерландах, штате Флорида, Казани; участником престижных международных математических форумов в Афинах, Эдмонтоне, Варшаве, Гданьске, Москве, Казани, Воронеже, Великих Луках (там проходил II симпозиум по классической и небесной механике, и Юрий Григорьевич вернулся к тому, с чего начинал когда-то, – к Пуанкаре, топологическим методам решения некоторых нелинейных задач механики и геометрии).

И всюду – поспевал!..

Деликатный Борисович – человек удивительной стойкости, удивительной цепкости. Если что решил – сбить его невозможно. Будет бороться до конца: даже проигрывая – остается при своем мнении.

Так было в 1967-м, когда университетское начальство принуждало уйти Марка Александровича Красносельского. Воспользовавшись удобным предлогом, ректор настаивал: Красносельский должен уйти. Юрий Григорьевич вместе со своими коллегами отправился переубеждать ректора. Борисович аргументированно отметал все выдвинутые ректором резоны, но, к сожалению, не смог убедить ректора в ошибочности принимаемого им решения.

– Вы не понимаете, кого лишается университет! – воскликнул в конце беседы Юрий Григорьевич.

Не убедил…

А несколько лет назад Борисович демонстрировал мужество несколько иного порядка. Дело в том, что Юрия Григорьевича часто приглашают быть оппонентом по докторским диссертациям. Девять раз за последние годы выступал Борисович на таких защитах. Поэтому, когда пригласили быть оппонентом в Тбилиси, Юрий Григорьевич согласился. Но в тот день, когда ничего не подозревающий профессор подъезжал к Москве, чтобы пересесть там на самолет, летевший в Тбилиси, услышал новость – сторонники Звиада Гамсахурдия подняли в Грузии мятеж. Лететь – не лететь? Благоразумие подсказывало: «Не лететь!» Но в Тбилиси его ждал молодой талантливый математик Георгий Химшиашвили. Да и рейс не отменен.

И Юрий Григорьевич отправился к самолету, в то время как его московский коллега-оппонент отправился домой, – страшно!

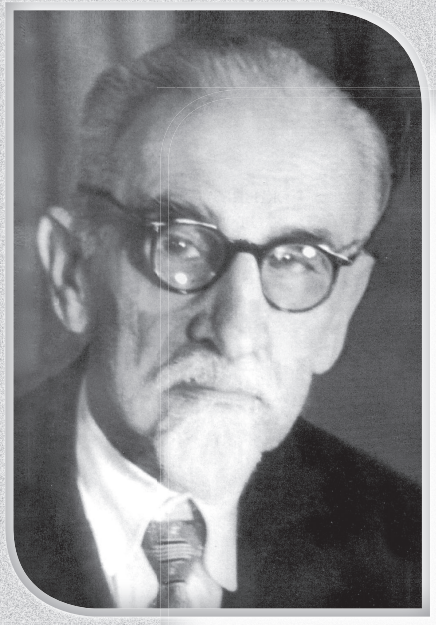
Как рассказывал, воротясь в Воронеж, Юрий Григорьевич, самолет приземлился в 10 вечера. Летное поле пустынно, людей не видно. Пассажиров повели не к главному входу, а к незаметной боковой калитке, у которой с автоматами в руках стояла группа военных.

«...Пространство – лишь многообразие форм. Есть не одна, а много математик», – писал Максимилиан Волошин. Слова эти Юрий Григорьевич Борисович взял эпиграфом к статье, посвященной Николаю Ивановичу Лобачевскому. Известно, что работы великого математика в корне изменили все наши представления о геометрии. «У Лобачевского, – пишет профессор Борисович, – хватило мужества заменить V постулат Евклида новым».

Шаг в неведомое всегда требует мужества. И мне кажется, что говорящий негромко, как бы стесняющийся своего голоса, Юрий Григорьевич Борисович – человек удивительно мужественный.

Николай Близняков

Печатается по: Университетская площадь : Очерки. Воспоминания. Воронеж, 1998. С. 25–36.

Илья Николаевич

БОРОЗДИН

(1883–1959)

Профессор.

Окончил историко-филологический факультет Московского университета (1907). Преподавал историю в гимназиях Москвы, затем занялся научной и литературной деятельностью. После 1917 года преподавал в высших учебных заведениях Москвы. В 1935 году необоснованно репрессирован, приговорен к ссылке на три года в Казахстан. В 1935–1937 годах профессор кафедры древней истории Казахстанского пединститута (город Алма-Ата). В 1937 году вновь арестован и приговорен к 10 годам лагерей. В 1943–1949 годах заведующий кафедрой всеобщей истории Ашхабадского пединститута.

Обладал энциклопедическими знаниями и широким кругом научных интересов, включая историю и историографию всеобщей истории, археологию, литературоведение, историю международных отношений.

В ВГУ преподавал в 1949–1959 годах, заведующий кафедрой всеобщей истории ВГУ.

ВОРОНЕЖ И АШХАБАД В ЖИЗНИ И СУДЬБЕ ПРОФЕССОРА БОРОЗДИНА

* * *

До 1935 года профессор Бороздин успешно работал и жил в Москве, где занимался научной, педагогической, журналистской и общественной деятельностью. В 1935 году он был арестован, судим, причем суд даже не мог сформулировать обвинение, и сослан на три года в Алма-Ату, где работал в Казахском пединституте. В 1937 году вновь был арестован, обвинен в антисоветской агитации и приговорен к 10 годам исправительных лагерей.

Благодаря неутомимым хлопотам своей сестры, египтолога Тамары Николаевны Козьминой-Бороздиной, сумевшей привлечь к борьбе за освобождение несправедливо осужденного брата очень известных и влиятельных москвичей, он был в 1943 году досрочно освобожден и приехал в Ашхабад, где в то время находилась эвакуированная из Москвы семья Козьминых.

Жить он имел право только в маленьком районе Кзыл-Арват, но благодаря усилиям мужа Тамары Николаевны, профессора Б. П. Козьмина, сумевшего убедить Первого секретаря ЦК ВКП(б) Туркмении Шаджа Батырова в том, что Илья Николаевич будет очень полезен Республике, он был оставлен в Ашхабаде и назначен заведующим кафедрой всеобщей истории Ашхабадского государственного пединститута. Профессора Бороздина знали в Туркмении и помнили его заслуги перед Республикой. Он, в частности, был одним из организаторов Союза писателей Туркмении, находясь там в составе писательской бригады в 1934 году вместе с Андреем Платоновым и другими советскими писателями. Известен он был в Республике и как археолог.

Едва оправившись после труднейшей дороги (с Дальнего Востока до Ашхабада пришлось добираться месяц), Илья Николаевич развернул активную антифашистскую деятельность, за что был награжден в 1946 году медалью «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны».

Много сделал он и как организатор науки и народного образования, за что получил нагрудный знак «Отличник народного просвещения».

Туркмены относились к нему с необыкновенным почтением, но климат Средней Азии стал оказывать губительные воздействия на подорванный ГУЛАГом организм ученого. Врачи настоятельно требовали перемены климата. Он писал почти во все институты центральной России, но отовсюду получал вежливый отказ. Ограничение в правах стало каиновой печатью в жизни профессора Бороздина.

И вдруг, в середине сентября 1948 года письмо от декана историко-филологического факультета ВГУ Ефима Герцовича Шуляковского. Директор АГПИ Ахундов (к сожалению, не могу вспомнить его имени), понимая, что жить Бороздину осталось считанные дни, дал ему «отпускную». Мы стали потихоньку готовиться к отъезду, но в ночь на 6 октября 1948 года – сокрушительное землетрясение, полностью разрушившее город. Мы чудом спаслись. К Илье Николаевичу приходили студенты. Одни – чтобы найти утешение, другие – желая помочь.

Не забуду одну сцену. Во двор нашего разрушенного дома зашел студент, туркмен, бросился, рыдая, на грудь Ильи Николаевича и рассказал, что вся его семья погибла, и он остался один. О чем с ним говорил Илья Николаевич, я не знаю, но студент ушел от нас совершенно в другом состоянии. Наутро Илья Николаевич потихоньку от меня пробрался в разрушенную квартиру, чтобы вынести оттуда фотографию матери, книги с автографами своих учителей и «Снежную маску» А. Блока с автографом поэта. Я в это время пыталась отыскать документы и необходимые для нас вещи. Увидев Илью Николаевича, пришла в ужас. И тут нас вновь затрясло. К счастью, мы выбрались из дома.

Вскоре во дворе появился полковник, пообещавший прислать солдат для спасения библиотеки. Солдаты вынесли книги (к счастью, основная часть библиотеки оставалась в Москве).

Восьмого октября Илья Николаевич в сопровождении своего ученика А. А. Рослякова пошел в институт. Как мне рассказывали, появление старого профессора на руинах института произвело на студентов огромное впечатление. Илья Николаевич твердо пообещал им, что через две недели будут возобновлены занятия: сначала – в палатках, потом – в восстановленном самими студентами здании-времянке.

Вернувшись домой, Илья Николаевич сказал, что не оставит институт в беде и уедет только по окончании семестра.

Мы спали на развалинах рухнувшего рядом глиняного дома: на принесенном из института огромном текинском ковре, потом – в палатке, а затем – в построенном студентами дощатом домике. Занятия начались, как сказал Илья Николаевич, ровно через две недели после катастрофы, несмотря на то что подъемные

толчки повторялись ежедневно, а иногда и по несколько раз в день. С работы муж возвращался после занятий совершенно больным, так что мне приходилось почти каждый день вливать ему камфару. И в этих условиях Илья Николаевич, привыкший к ночным занятиям, читал научную литературу или готовился к лекциям.

Трудно передать словами, какое воздействие мужественное поведение профессора Бороздина производило на коллектив института. Мы уехали только после того, как в институте был благополучно закончен семестр.

В конце января 1949 года мы приехали в Воронеж. Город был так разрушен, что напоминал нам наш Ашхабад. Илью Николаевича встретили очень доброжелательно и коллектив кафедры, и университетское начальство. Он сразу же стал активно налаживать работу кафедры. В статье, посвященной памяти И. Н. Бороздина (1963), доцент Анатолий Евсеевич Москаленко пишет: «С приходом профессора на кафедру всеобщей истории мы получили возможность иметь аспирантуру, и кафедра пополнилась отрядом способных аспирантов, которые внесли в нашу работу большое оживление. К нам начали обращаться за квалифицированной научной консультацией не только работники местных вузов. Для сдачи кандидатского минимума и защиты диссертаций в Воронеж приезжали молодые ученые из Харькова, Баку, Томска, Казани и других городов Советского Союза. Это расширило наши научные связи и способствовало установлению контактов с другими вузами».

Илья Николаевич наладил связи с крупными учеными, которые приезжали в Воронеж в качестве оппонентов. На факультете возникла традиция: известные ученые Москвы, Ленинграда и других городов, приезжая в Воронеж либо для оппонирования, либо для участия в научных конференциях, обязательно выступали с докладами.

За годы работы Бороздина на кафедре всеобщей истории сложилось два научных направления: славяноведческое и историографическое. В течение ряда лет складывалась школа славистов, куда входили Г. И. Липатникова, А. Е. Москаленко, Н. Т. Сапронова, С. П. Боброва, Е. А. Югансон и др. Воронежский государственный университет стал заметным славяноведческим центром. С большим успехом проходили славяноведческие конференции, в которых принимали участие ученые Москвы, Ленинграда, Киева, Казани и других городов. Славяноведческое направление развивалось параллельно с историографическим. В научных трудах учеников (Виктор Андреевич Афонюшкин, Виктор Михайлович Тупикин, Владимир Васильевич Гусев, И. И. Романова, Андрей Николаевич Мерцалов) историография так или иначе связывалась со славистикой.

Приехав в Воронеж, Илья Николаевич стал читать студентам курс «Историография всеобщей истории». Курс строился нетрадиционно: русская историческая мысль рассматривалась в его курсе во взаимоотношениях с мировой историографией.

В воронежский период Бороздин опубликовал ряд историографических работ и одновременно готовил курс лекций по историографии к изданию. К сожалению, он успел написать лишь первый вариант этого объемного труда. Рукопись кур-

са лекций сейчас находится в архиве Российской академии наук. Большой интерес представлял прочитанный студентам курс истории средневековой культуры, над которым он начал работать еще в Ашхабаде. Не оставлял Илья Николаевич без внимания и археологию и методику преподавания истории в школе. Готовил большую историографическую конференцию, которая состоялась уже после его кончины, последовавшей 13 октября 1959 года. Похоронили Илью Николаевича, как он и завещал, в Москве, в Донском монастыре, рядом с могилой матери.

После смерти ученого были учреждены Бороздинские научные чтения. На доме № 19 по улице Театральной в 2010 году была открыта мемориальная доска в честь профессора Ильи Николаевича Бороздина.

Из воспоминаний Полины Бороздиной

Печатается по: Жизнь и судьба профессора И. Н. Бороздина. Воронеж, 2000

* * *

Из тех, что остались на поверхности памяти, назову в первую очередь и по хронологии профессора Илью Николаевича Бороздина. Его личность для всех, кто с ним соприкасался, всегда была притягательной. Секрет обаяния, думается, заключался в том, что в этом человеке с самого начала угадывался носитель большой культуры, причем культуры, не вчера приобретенной, а как бы изначально ему присущей. Илья Николаевич приехал в Воронеж незадолго до меня. То есть во время, когда университет, а вместе с ним и историко-филологический факультет в совершенно разрушенном городе только возрождались к новой жизни. В эту пору всё там как бы создавалось заново. Большинство преподавателей составляли люди молодые, только что с учебы. Им еще многому предстояло учиться, и, как воздух, был необходим опыт старших. Но старшее поколение преподавательского корпуса составляли в основном те, кто постигал азы науки в первые десятилетия советской власти, период бесчисленных и малоэффективных реформ образования. Их образованность в гуманитарной сфере, чаще по не зависящим от них причинам, оставляла желать лучшего. Илья Николаевич контрастно выделялся на этом фоне. Выделялся и возрастом, и – главное – своей интеллигентностью, которая проявлялась во всём: разносторонности интересов, широкой начитанности, особенностях жизненного опыта и, наконец, в самой манере поведения. В первый свой воронежский день, придя в университет, в приемной ректора, одновременно бывшей чем-то вроде профессорской комнаты, я увидела человека необычной внешности. Совсем седой, волосы отливают голубым, старомодная бородка клинышком, каких тогда никто не носил. Лицо смуглое (в предках числились и Ганнибалы), особенно оттененное белизной волос, живые черные глаза. Он был поразительно красив. Во всём его облике было что-то непривычное, несовременное, изысканное. Изящество высокой худощавой фигуры, строгая форма

безукоризненно сидящего костюма, тонкие длинные пальцы рук. Это был явно представитель другой эпохи. Позже в доме Бороздиных я видела портрет Ильи Николаевича кисти художницы Ксении Успенской. Выполненный, помнится, в голубоватой гамме, он хорошо передавал облик ученого, его принадлежность к иному времени, в ту пору казавшемуся очень далеким, почти баснословным, прячущимся в туманной голубой дали. Бороздину посчастливилось быть знакомым со многими крупными людьми своего времени. Вехи его биографии, написанной его женой Полиной Андреевной Бороздиной, вырисовывают в сознании образ эпохи, возникающий в череде фактов и имен. Среди последних – Сергей Соловьев и Андрей Белый, Александр Блок и Максимилиан Волошин, Владимир Маяковский и др. В библиотеке Бороздина сохранились их книги с дарственными надписями. На стене в кабинете висела акварель М. Волошина. Он охотно показывал свои раритеты: книги с автографами, старые фотографии, рисунки. Меня потряс маленький томик «Снежной маски» Блока с рисунком Бакста на обложке и собственноручным автографом поэта, подарившего Бороздину свою книжку. Эту книгу я знала по библиотеке, но увиденная здесь, она протянула мостик между эпохами, приблизила к нам, людям 50-х, «серебряный век», его поэзию, тогда полузапрещенную. Это был мир Снежной маски, красоты, изысканности и напряженных исканий русской философской мысли. Причастность к этому миру и создавала особый ореол вокруг фигуры И. Н. Бороздина в глазах его коллег и учеников. Он как бы изначально принадлежал к другим сферам, и ему было ведомо то, чего не знали мои сверстники и о чем только догадывались. И. Н. Бороздин – фигура во многом знаковая. Воплощение переломной, чреватой катаклизмами эпохи, какой оказалась первая половина XX столетия. Он застал культурный взлет века, его начало, исполненное сомнений, надежд и обещаний, – залитую кровью и смертями историю 30–40-х годов. Жизнь сделала его участником и очевидцем многих событий времени: три русские революции, реформы в сфере культуры и образования… Он был государственником по убеждению. Не исключено, что влияла семейная дворянская традиция. Очень деятельный по натуре, в 20–30-е годы он принимал участие во многих археологических экспедициях, научных конференциях, занимался редакторской работой, писал статьи… В своей многообразной культурно-просветительской деятельности он, по всей вероятности, видел служение стране и народу… Родная страна, однако, вознаградила ученого и общественного деятеля восемью годами ГУЛАГа. Ему пришлось разделить участь многих представителей старой русской интеллигенции, которые после Октября не покинули родину, а пошли на службу новому режиму. Но этот режим всеми силами старался избавиться от таких людей. Однажды я осмелилась спросить Илью Николаевича, что ему приходилось делать в лагере. Время, когда был задан этот вопрос, отнюдь не располагало к откровенности. Он ответил, но односложно, резко, как бы пресекая дальнейшие расспросы: «Возил тачку». Картина невероятная, непредставимая… Изящный, интеллигентный господин с тяжелой тачкой в тонких руках… За что? Вспомнился Гумилев: «За то, что эти руки, эти пальцы

не знали плуга, были слишком тонки»... Впрочем, такой удел выпадал на долю не только людям с тонкими пальцами. Время прошлось колесом по миллионам судеб. В Воронеже он занимал особое место. Его отличие от других было совершенно очевидно. Необычность привлекала. Люди тянулись к нему. Я тоже в последние годы жизни ученого часто бывала у них. С его женой Полиной Андреевной мы тогда сдружились, и по вечерам я часто забегала в этот гостеприимный дом, благо жили мы по соседству. Профессор имел обыкновение работать по ночам. Поэтому перед вечером спал. А потом появлялся посвежевший и охотно принимал участие в общей беседе, обычно за чашкой чая. В молодом возрасте полезно бывает соприкоснуться с людьми старшего поколения, разумеется, если это личности. Многое узнаешь незаметно для себя. Илья Николаевич попросил меня почитать курс литературы XX века на историческом факультете. И сам пришел на лекцию. Лекция была об Анатоле Франсе. Прослушав, одобрил. Но спросил, почему я не упомянула франсовскую работу о Жанне д'Арк. А я и слыхом не слыхала о таком сочинении писателя. И извлекла для себя урок: коль говоришь о творческом пути художника, надо знать этот путь в подробностях. Позже прочитала. Надо сказать, с пользой для себя. Настоящего филолога-литературоведа, как, наверное, каждого гуманитария, среди прочего создает еще и количество прочитанных книг. Со временем оно обязательно переходит в качество. Это – закон. Все большие наши отечественные филологи – эрудиты.

Вспоминаются еще какие-то мелочи. Даря мне однажды оттиск своей опубликованной в одном из московских исторических журналов статьи, Илья Николаевич написал: «Не для прочтения, а в знак почтения». И объяснил: книга или статья с автографом – знак подчеркнутого внимания. Он научил меня не пользоваться словом «уважаемый» в письменном обращении: так-де в прежние времена обращались только к кучеру. Не знаю, насколько это правило сохраняет и по сию пору свою аутентичность, но с тех пор в аналогичных ситуациях пользуюсь только словом «глубокоуважаемый». И этот урок засел прочно. Для меня является своеобразным тестом. В Воронеже Илья Николаевич работал очень интенсивно. Его разносторонняя образованность позволила ему создать на факультете несколько научных направлений. И по сию пору его ученики работают на разных кафедрах факультета. Его не забыли.

Из воспоминаний Аллы Ботниковой

Печатается по: *Ботникова А. Б.* В те времена… Воронеж, 2008. С. 160–164.

Алла Борисовна

БОТНИКОВА

(1924 г.р.)

Доктор филологических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, член Всероссийского театрального общества (Союз театральных деятелей РФ).

Основные направления научной деятельности: немецкая литература XIX–XX веков, главным образом – литература немецкого романтизма, ее поэтика и культурно-исторический контекст; русско-немецкие литературные связи; теоретические аспекты изучения романа. Участница международного конгресса германистов (город Аугсбург, ФРГ, 1991). Член редакционной коллегии «Филологических записок» (Воронеж, 1994).

Окончила западное отделение филологического факультета Московского государственного университета (1945), там же – аспирантуру. В ВГУ преподавала с 1949 года, основатель и заведующая (1969–1990) кафедрой зарубежной литературы ВГУ.

Автор книги воспоминаний «В те времена...» (Воронеж, 2008).

ВО ВСЕ ВРЕМЕНА…

Преодолев затверженность природы…

О. Э. Мандельштам

В филологическом сообществе профессор Алла Борисовна Ботникова известна самыми разными своими работами, но прежде всего – уже ставшей классической монографией «Э. Т. А. Гофман и русская литература. (Первая половина XIX века)» (Воронеж, 1977) и обобщающей книгой «Немецкий романтизм: диалог художественных форм», вышедшей двумя изданиями (Воронеж, 2004; Москва, 2005) и растиражированной в Интернете. Высокая научная репутация обеих этих больших работ, равно как и многочисленных не менее элегантных статей, которые принесли их автору славу крупнейшего отечественного знатока литературной судьбы Гофмана на русской почве и вообще германского романтизма, напрямую обусловлена особым, неподдельным исследовательским почерком Аллы Борисовны.

Может быть, наиболее эффектно он проявился в своеобразной дополнительной главе к первой из двух монографий – в статье о Гофмане и Лермонтове в коллективном сборнике «Художественный мир Э. Т. А. Гофмана» (Москва, 1982). В фокусе статьи – прочтение на фоне Гофмана незаконченной повести Лермонтова «Штосс», одного из самых «неудобных» для лермонтоведов произведений. К примеру, такой проницательный мыслитель, как Я. Э. Голосовкер, усмотрел в повести изначальную мистификацию – и не только в ситуации «исполнения» повести (пообещав избранному кругу гостей в салоне Е. П. Ростопчиной четырехчасовое чтение нового романа, Лермон-

тов занял их внимание не более пятнадцати минут), но и в нарочито озадачивающем соединении трех планов – «оккультно-спиритического», «психопатологического» и «романтико-реалистического» (как их назвал Голосовкер), ни один из которых в отдельности не дает ключа к пониманию «Штосса». В студенческие годы автору этих строк также довелось – без особого успеха – прикоснуться к этой повести, и среди прочитанного о ней статья Аллы Борисовны еще тогда поразила наблюдением, которое дает возможность совершенно определенно разрешить вопрос об «иррациональном» элементе в сюжете. Герой повести Лугин проигрывает загадочному старичку не мнимые, а вполне реальные золотые и, для того чтобы продолжать игру, даже продает свои вещи. Это точное наблюдение снимает вопрос об иллюзорности приключившихся с героем событий и одним фехтовально изящным уколом позволяет попасть прямо в цель. Такое умение, всмотревшись в подробность, вдруг увидеть сложное как простое – не банализируя сложное, но вскрывая, обнаруживая его суть – составляет едва ли не самую характерную черту научного стиля профессора Ботниковой.

И дело не просто в исследовательской оптике. Когда несколько лет тому назад в газете «Воронежский курьер» начали появляться мемуарные очерки Аллы Борисовны, собранные затем в книгу «В те времена…» (Воронеж, 2008), для меня, как и для многих, это стало открытием. Замечательный ученый оказался не менее интересным прозаиком, со своим выразительным – пластичным и простым, без аффектации – языком. Но, пожалуй, главное в мемуарах – очень внимательный взгляд наблюдателя, напрочь лишенный какой бы то ни было фальшивой сентиментальности, к которой жанр предрасполагает. О подобных аберрациях памяти сама Алла Борисовна не раз высказывалась – и устно, и письменно – крайне иронически, ссылаясь на одну свою почтенную знакомую, которая говаривала, что в их пору и колокольчики цвели по-другому (или, в иной версии, были крупнее).

Повествовательный этос воспоминаний Аллы Борисовны в чем-то созвучен позиции Герцена в его «Былом и думах»: «Отражение истории в человеке, случайно попавшемся на ее дороге». Но всё же за этим сходством проглядывает глубинное различие. В предисловии к мемуарам и в начале первого очерка Алла Борисовна повторяет, с некоторыми вариациями, одну чрезвычайно значимую для нее идею: «Время утекает безвозвратно, как вода, зачерпнутая в ладони. В книгах историков оно задерживается лишь частично. Во всех же своих подробностях остается только в памяти его переживших»; «Любые мемуары во все времена пишутся из желания задержать все разрушающее время, хоть на малость сохранить то, что неумолимо подлежит уничтожению». Память мемуариста – вместилище тех мелочей, по которым узнается та или иная эпоха и которые обречены на исчезновение, если их хранителем не сделается тот, кому выпало стать свидетелем разрушительной работы времени. Такое восприятие истории можно было бы назвать элегическим стоицизмом, когда власть времени признается как нечто неотменяемое, но не фатально насильственное, а изнутри переживаемое и прини-

маемое, что бы ни готовили впереди неизбежные перемены. (Одна из любимых присказок Аллы Борисовны: «Хуже может быть всегда».)

Подобным переживанием времени обусловлено не только внимание к ускользающим подробностям жизни. В одном из интервью Алла Борисовна заметила: «Если задуматься, есть что-то призрачное в человеческом существовании. Прежде всего – его кратковечность, неоднократно оплаканная поэтами всех времен». В ином развороте та же мысль возникает в панорамной статье о Гофмане и русской литературе; комментируя сценарий А. А. Тарковского «Гофманиана», Алла Борисовна напишет: «Жизнь столь же призрачна, как фантазия, а фантазия реальна, как жизнь. Только искусство способно возместить жизненные утраты». И особенно такое искусство, которое находится на некоторой дистанции от реальности; отсюда, несомненно, исследовательское пристрастие к романтизму, а в нем – к фантастической и сказочной стихии (ей посвящена значительная часть книги о немецком романтизме). Но и литература как таковая позволяет, хотя бы на миг преодолев несправедливость существования, выбраться из потока событий и зарезервировать за собой толику внутренней свободы. Неудивительно, что Алла Борисовна в полной мере принадлежит к той сейчас уже почти исчезнувшей породе людей, которые непрерывно читают и не мыслят себя вне того мира, где поэзия и правда перемешиваются друг с другом и где факты жизни предстают не в сиюминутной голой истине, а в преображающей их «цитатной» подсветке, закутанными в «цветной туман» (по словам Блока). Имея в виду занятия филологией, Алла Борисовна определит это так: «…мы, обреченные (или назначенные судьбой) толковать то, что Мандельштам определил как “чужих певцов блуждающие сны”, тоже в охотку рассказываем уже свои сны по поводу их снов». Отсюда же любовь к путешествиям – не ради созерцания красот природы, а по обжитому, наполненному следами минувшего урбанистическому пространству (Алла Борисовна не однажды рассказывала о том, как ей нравится бродить по незнакомому городу, открывая его для себя). А в последние годы к перемещениям в географических координатах добавились путешествия по сети и общение по скайпу с друзьями и знакомцами со всего света. «Блуждающие сны» (нынче обретшие и электронную форму), навещая человека, ниспосылают ему возможность освободиться от давления времени и обрести внутреннюю независимость и покой.

С этим непосредственно связано и еще одно. Алла Борисовна обладает открытым умом, что нечасто и в науке, и в жизни, где большинство пробавляется раз и навсегда затверженными мифологизированными правилами и мнениями и мыслить «от первого лица» решительно отказывается. И умом поэтому очень трезвым, скептическим – и по отношению к другим, и по отношению к себе, и по отношению ко всякого рода условностям, которые нужно уметь соблюдать (на то они и условности), не впадая в патетику, не преувеличивая меры их серьезности. Для того чтобы дать некоторое представление об этой особой, фирменной манере смотреть на вещи, приведу лишь один пример. Когда несколько лет тому назад я

собирался на высокоученую конференцию в Геттинген, Алла Борисовна посоветовала перечитать «Путешествие на Гарц» Гейне и не без удовольствия процитировала оттуда: «В общем жители Геттингена делятся на студентов, профессоров, филистеров и скотов, каковые четыре сословия однако далеко не строго различаются между собою. Сословие скотов – преобладающее» (эта реплика приводится и в опубликованной лекции Аллы Борисовны о Гейне как образчик презрения поэта ко всему филистерскому и надежды на то, что немецкий народ рано или поздно пробудится от своего политического долготерпения).

Именно эта открытость придает Алле Борисовне удивительную стойкость перед всякого рода жизненными невзгодами и столь же удивительную, не выставляемую напоказ скромность и доброту. Рассказывая о какой-нибудь очередной выпавшей на ее долю удаче или почести, Алла Борисовна привычно сравнивает себя – без малейшего намека на кокетство – с крошкой Цахес, гофмановским персонажем, которому благодаря колдовству приписывали достоинства и заслуги окружавших его людей. Когда Алле Борисовне попадает в руки чья-нибудь не слишком качественная научная продукция (дальнейшая участь которой так или иначе зависит от нее), она тут же – естественным и бескорыстным образом – берется эту продукцию совершенствовать просто потому, что по-другому не может. И мне – человеку иных лет – не однажды приходилось выслушивать в ответ на слова о нехватке времени и сил абсолютно искреннее предложение приехать и чем-то помочь.

Во все времена хороших людей было не слишком много. Когда всерьез осознаешь эту нехитрую истину, начинаешь вдвойне ценить то счастье, которое дарует присутствие рядом такого человека. Не уверен, повезло ли Алле Борисовне с местом ее пребывания на Земле (по крайней мере, сама она не раз высказывалась на этот счет весьма саркастически), но и филологическому факультету, и Воронежскому университету, и всему городу Воронежу необычайно повезло, что судьба связала с ними жизнь Аллы Борисовны Ботниковой.

Андрей Фаустов

Печатается по: Университетская площадь. 2013. № 6. С. 84–86.

Николай Нилович

БУРДЕНКО

(1876–1946)

Доктор медицины, профессор, академик АН СССР, инициатор создания и президент Академии медицинских наук СССР, Герой Социалистического Труда, генерал-полковник медицинской службы, лауреат Государственной премии СССР (1941).

Создал школу хирургов экспериментального направления, разработал методы лечения онкологии центральной и вегетативной нервной системы, патологии ликворообращения, мозгового кровообращения и др. Впервые разработал более простые и оригинальные методы проведения этих операций, сделав их массовыми, разработал операции на твердой оболочке спинного мозга, производил пересадку участков нервов.

Директор Института нейрохирургии (с 1935). Главный хирург Красной армии (с 1937).

В ВГУ в 1918–1923 годах, заведующий кафедрой оперативной хирургии и руководитель клиники факультетской хирургии медицинского факультета ВГУ.

НИЛЫЧ

Примечателен сам облик его. Никто не назвал бы его красавцем. Он был невысок, но широкие плечи, широкая грудная клетка, крупные руки производили впечатление большой физической силы. Головой своей Николай Нилович гордился. Да и было, конечно, чем гордиться. Голова большая с высоким красивым лбом. Черты лица крупные, вырубленные природой без претензии на красоту. Глаза небольшие, глубоко посаженные, серые или голубые, смотрели пытливо, недоверчиво и недружелюбно. В минуты гнева взгляд их становился невыносимо пронизывающим, и трудно было его долго выдерживать, особенно тому, кто чувствовал, что виноват. Смеялся он редко. Но под щеточкой его усов время от времени появлялась скрытая улыбка. Весь он напоминал кусок гранита. Устойчивый, крепкий, надежный.

Чистота, аккуратность, соответствующий внешний облик врача, безусловно, создавали определенную атмосферу – высокий уровень работы и отношения к больному.

Факультетская клиника являлась одним из передовых учреждений. В ней применялось всё новое, прогрессивное. Проводилась апробация новых методов и новых лекарств. Однако отбирались только те новшества, которые давали несомненный эффект с пользой для больного. Если метод оказывался удачным только в руках автора, Бурденко отметал его безжалостно со словами: «Если у тебя есть конек, катайся на нем сам, но не заставляй других». К слову, мой папа говорил в таких случаях: «Удивляйся, но не подражай!»

Например. Николай Нилович сразу и бесповоротно запретил больных после операции отправлять прямо с операционного стола пешком. И автору, пытавшемуся доказать, что собаки хорошо пере-

носят такое нововведение, сказал: «Для собаки это нормально. Она всегда стремится убежать, сломя голову от того, кто ее мучил. Однако, Вы, профессор, когда вам произвели аппендэктомию, попросили, чтобы Вас отвезли в палату на каталке. Следовательно, существует принципиальная разница между Вами и собакой».

Обходы, которые Николай Нилович проводил ежедневно, были прекрасной школой для молодых врачей и грозным экзаменом для всего персонала. Профессор двигался по коридору впереди длинного хвоста врачей, сестер и нянечек. На обходе он замечал всё: пятно на простыне, мусор в плевательнице, плохую повязку. Порядок, порядок – вот чего он требовал во всей работе.

Входя в палату, он здоровался со всеми и смотрел всех лежащих там больных. Подходил к койке, заложив руки за спину, по привычке земских врачей: сначала посмотреть глазами, а потом уже пальпировать. Лечащий врач должен был знать на память всех своих больных, и не только паспортные данные. Николай Нилович обладал огромной профессиональной памятью и того же требовал от сотрудников. Не выносил забывчивости и небрежности. Если виноватой оказывалась особа женского пола, он советовал ей переменить профессию и уверял, что договорился с директором балетной школы. И тот обещал незамедлительно принимать в нее всех дам, желающих изменить профессию. Для мужчин у него якобы существовал договор с одной из футбольных команд.

Оперировал Бурденко быстро, ловко и нежно, с полным знанием анатомических соотношений тканей и органов. Всякая операция в его руках казалась простой – каждый взял бы и сделал без труда. Помогать Николаю Ниловичу было трудно. Он одинаково хорошо работал обеими руками, то есть был, что называется, амбидекстр. И это ставило помощника перед необходимостью работать с удвоенной быстротой. Чтобы достичь этого, почти все ординаторы носили в кармане кровоостанавливающие зажимы и в свободное время непрерывно открывали и закрывали их каждой рукой и каждым пальцем. В ординаторской постоянно раздавалось щелканье зажимов. Практиковались также в быстроте завязывания узлов. Ведь Бурденко шил двумя руками, каждой по очереди. Ему помогали всегда две операционные сестры, едва успевающие заряжать иглы. Он часто ругал их, но после операции обязательно благодарил и извинялся. Ругал он и ассистентов. Если помощник не успевал вязать – получал удар иглодержателем по руке. Не больной, но очень влиявший на психику. Чем больше нравился ему человек, тем жестче он с него спрашивал.

Всю операцию – от кожного разреза до последнего шва – Николай Нилович делал сам. Его все боялись, но и уважали – за справедливость. Если у больного, которого он оперировал, развивалось какое-то осложнение, он не ругал помощников, считал виноватым исключительно себя. И никогда не скрывал своих ошибок.

Однажды студентка четвертого курса курировала больного и, вопреки всем корифеям клиники, считавшим, что у больного саркома крыла подвздошной кости справа, обосновала свой диагноз – аппендикулярный абсцесс. Ее обругали и

поставили «двойку». На операции ее диагноз подтвердился. На ближайшей лекции Николай Нилович рассказал всему курсу об этом случае, вызвал студентку, поблагодарил ее и поставил в истории болезни «пятерку».

Еще один случай, характеризующий Николая Ниловича как человека. Он одевался скромно. Его зимнее пальто было вроде пиджака Ленина, о котором крестьянин-ходок сказал: «Не вели своей бабе давать тебе этот пинжак. Ты над всей Россией поставлен, а локти потертые!» Супруга Николая Ниловича этикет соблюдала. Избранному депутатом Верховного Совета мужу заказала меховую, очень дорогую шубу, истинно профессорскую и депутатскую.

Когда Николай Нилович появился в обновке, к раздевалке собрались все. Шубу оглядели, оценили и водрузили на вешалку. В вестибюле находился и один студент. Человек легкомысленный, он уже на первом курсе женился, а к четвертому уже имел двоих детей. Семью свою обеспечивал с большим трудом. Услыхав о цене шубы, он подумал, что этих денег хватило бы на два года его учения. А бес, конечно, подремал. Едва все ушли и куда-то отлучился швейцар, студент перелез через загородку, схватил шубу и, надев ее на себя, убежал.

Пропажа обнаружилась быстро. Бурденко произвел ужасный разгром. Головы летели одна за другой. Позвонили жене. Она прибежала со старым пальто. После ухода супругов главный врач лежал с сердечным приступом, у кого-то начался гипертонический криз, кто-то валялся в истерике. Швейцар примерял веревку, чтобы покончить ранее безупречную службу, повесившись на вешалке, с которой украли шубу. Но всё же какой-то более хладнокровный человек сразу позвонил в угрозыск. Старшая медсестра отмеривала себе порцию Бехтеревской микстуры, когда к ней в кабинет вошел скромный молодой человек и спросил домашний телефон Бурденко. Рыдая, она ответила: «У меня не справочное бюро!» Он, не споря, позвонил в справочную и потом Николаю Ниловичу: «Ваша шуба отыскалась!» Все кинулись к нему с вопросами, но он, ответив: «У меня не справочное бюро», – ушел.

Студента задержали в комиссионном магазине, куда он зашел без пальто, неся шубу в руках. Это возбудило подозрение у приемщика, уже предупрежденного угрозыском.

Николай Нилович поступил так, как ему следовало поступить по всему его складу. Он запретил судебное разбирательство, не дал исключить студента и, более того, оказывал ему материальную помощь до конца учения. Вероятно, хорошо помнил голодные годы своего учения, тяжелую студенческую нужду. Шубу он надевал редко и неохотно. Ему казалось неудобным носить одежду, за цену которой можно было скромно прожить два года.

Николай Нилович был отличным преподавателем. Он прекрасно читал лекции, собиравшие большую аудиторию. Много внимания уделялось в клинике воспитанию и образованию молодых врачей. Их учили сбору анамнеза, осмотру больного, дифференциальной диагностике и уходу за больным. Обязательными

были занятия по оперативной хирургии, лабораторным исследованиям и иностранному языку. Все врачи работали очень много, но их нагрузки не шли ни в какое сравнение с объемом работы Бурденко. Кроме клиники он возглавлял организованный им в 1929 году Нейрохирургический институт. Консультировал в военных госпиталях и различных клиниках.

Бурденко был человеком удивительно сильным духом. После контузии, полученной на Японской войне, у него развился отосклероз. Во время моей работы в клинике в 1937 году Николай Нилович внезапно полностью потерял слух. Глухота, конечно, повлияла на его характер в худшую сторону. Но энергии не убавилось. Он не только продолжал работать, но стал оперировать чаще. Сотрудники заранее заготавливали на больных, подлежащих операции, письменные эпикризы. На операциях наркотизатор периодически показывал профессору бумагу с написанными данными о состоянии больного. Оперировать Николай Нилович стал как будто еще быстрее, но еще нетерпимее относился к ошибкам помощников. Многие начали бояться ему помогать и охотно уступали ассистенцию другим. Я, пользуясь этим, стремилась помогать на операциях, хотя мне попадало, и часто незаслуженно. Но зато я так освоила операционную технику, что вскоре могла самостоятельно выполнять сложнейшие операции. Работа в клинике Бурденко стала прекрасной школой на всю дальнейшую жизнь.

Бурденко воспитал целую плеяду блестящих хирургов и нейрохирургов. Это поколение врачей, отличалось широтой познания и огромным личным опытом. Мастера клинической диагностики, они не признавали узкой специализации и лечили больного как единый организм.

Анна Русанова

Печатается по: Русановы. Из века в век : в 2 т. /
[сост. Т. Н. Русанова, А. В. Русанов]. Воронеж, 2013. Т. 2.

Александр Петрович

ВАЛАГИН

(1939–2006)

Кандидат филологических наук.

Научные интересы: русская литература XVIII и второй половины XIX века, киноискусство. Составитель изданных в Москве сборников произведений А. Н. Радищева (1988), Ф. М. Достоевского (1990), Я. Б. Княжнина (1991). Учредитель и руководитель издательства «Родная речь» (с 1992), выпускающего учебно-методические пособия для средних школ и вузов; к 2004 издано около 40 названий общим тиражом около 200 тыс. экз.

После службы в Советской Армии окончил филологический факультет ВГУ (1969). В ВГУ преподавал в 1969–2006 годах – преподаватель, доцент, профессор кафедры русской литературы. Печатался с 1966 года. Публиковался в журналах «Подъем», «Советский экран», «Искусство кино». В 2004–2006 годах в газете «Воронежский курьер» помещал эссе, посвященные русской литературной классике.

ЖИЗНЕЛЮБ

Добрая улыбка. Веселые глаза. Свободное слово.
Особое остроумие, свойственное одесситам.
Жизнелюбие – свойство души.
В обиходе – Саша.

Официально – Александр Петрович Валагин.

Остановил на улице:

– Как я рад вас видеть. Что нового?

Не врет. Александру Петровичу действительно – мир в радость. И люди, его населяющие, – тоже.

Работяга по природе своей.

После школы – техникум. После техникума – армия. После армии – филфак нашего университета.

В девяносто втором году учредил издательство «Родная речь».

Тиражи изданных им книг и учебных пособий щеголяют шестизначными цифрами.

Если взглянуть на дату возникновения «Родной речи», окажется, что всё дело – в желании заработать.

Девяностые – безумные и голодные.

Есть хотелось всем, и Валагину со своей семьей тоже.

Но в Петровиче жил другой инстинкт – инстинкт сохранения мысли.

Ему очень не хотелось, чтобы страна вырождалась. Придумал для себя дело – просветительство.

Денег на бумагу и полиграфические услуги не было – поэтому записывал тысячи лекций своих коллег на пленку. Пленки рассылал по регионам.

Районам живые голоса воронежских ученых пришлись по вкусу.

Вкус породил спрос.

Спрос породил издательство «Родная речь».

Конечно, хлопотно. Конечно, трудозатратно. Конечно, прибыль не ахти какая.

Но сколь целесообразна оказалась эта затея!

Александр Петрович Валагин не просто напоминал аудитории об азбучных истинах, сокрытых в произведениях отечественных классиков, – он ненавязчиво приглашал перечитать известные тексты заново.

Хрестоматийные сведения о «Капитанской дочке», «Ревизоре», «Муму», «Анне Карениной» оборачивались в книгах Валагина в открытие мира, который не укладывался в часы, отведенные на изучение школьной программы.

Валагин не сводил счеты с миром – он объяснял читателям подробности существования этого мира.

Приглашая к со-размышлению.

А еще обучал доверию к слову, высказанному художником.

Александр Петрович с доверием относился к слову, сказанному другими. Неслучайно им созданное называлось «Родная речь».

Издательство отнимало много времени, но Валагин этой потери не ощущал: он занимался делом, которое доставляло ему удовольствие.

Главная прибыль этого удовольствия – непрерывный диалог с аудиторией.

Не думаю, что Александр Валагин идеализировал свое время: девяностые ничуть не лучше семидесятых–восьмидесятых, а нынешние годы мало чем отличаются от скудоумных девяностых.

Но Валагин был оптимистом.

Несмотря на обстоятельства собственной жизни: отец его был репрессирован по 58-й статье, и поэтому вариантов карьерного роста практически не просматривалось. Петрович был неутомим.

Правда, однажды признался грустно:

– Мне всё чаще и чаще приходит в голову мысль о том, что, может быть, наши демократические инстинкты обгоняют нашу способность к демократическому цивилизованному бытию?.. Построить ракету мы можем, а одолеть рэкет – нет. Коррупция нынче не просто болезнь, это – родимое пятно, захватившее всё тело.

Слова эти – из 2003 года.

О чем бы сегодня говорил Валагин?

О жизни, конечно, о литературе.

Александру Валагину хотелось высказаться.

Рубрика, под которой Александр Петрович печатался в «Воронежском курьере», называлась «Родная речь».

Родное – то есть свое.

Валагин хотел быть услышанным.

По сути своих отношений с миром Александр Петрович Валагин был просветителен. Он хотел, чтобы человечество, живущее вокруг, больше знало.

Просветитель Валагин оставил нам много своих книг: «Столетье безумно и мудро», «Прочитаем вместе…», «Уроки литературы» (два издания), – был составителем вышедших в Москве книг, посвященных творчеству Радищева, Княжнина.

Работал много.

Думаю – не хотел оставаться забытым.

Перед уходом оставил нам «Уроки литературы».

Урок – занятие скучное только для лодырей, сидящих на классной «камчатке», не любящих самих себя.

Урок – это занятие на завтра.

Урок – это то, что помогает извлекать пользу из накопленного опыта.

Урок – это время, отводимое для напряженной работы мысли.

Предлагая свои «Уроки литературы», Александр Валагин не учительствует, не витийствует – он рассказывает о том, что любит.

Настоящая любовь не назойлива и не демонстративна.

Она сокровенна и субъективна. Она не требует ответа на вопрос «Почему?».

Она просто напоминает о себе.

В «Уроках литературы» переплелись судьба самого Валагина и судьба написанных им книг, судьбы персональных произведений Фонвизина и Грибоедова, Пушкина и Некрасова, Тютчева и Тургенева, Островского и Достоевского, Толстого и Чехова, Андерсена и Хемингуэя.

Валагин был убежден: «Капитанскую дочку» или «Горе от ума» следует не «проходить», а читать.

Александр Валагин сочинял свои книги для всех, кому беспокойно живется, кто нетерпелив в открытиях, кто не боится переживать.

Университетский педагог несколько десятилетий приглашал всех желающих гулять с ним по тропинкам отечественной словесности.

Он говорил:

– Взгляните на известное иначе. – Не потому, что настали другие времена, а потому, что художественный текст неисчерпаем, как жизнь.

Мудрый Валагин приглашает нас не просто вчитываться в хорошо известные тексты – он приглашает нас вглядываться в жизнь.

«Взыскуя душевного покоя, – пишет Александр Валагин, – и примирения с жизнью такой, какая она есть, простой человек ощущает то, что, постоянно “запутываясь и распутываясь” в круговерти житейских трудов и преодолений, он теряет способность понимать смысл того, что за пределами сиюминутного, сегодняшнего».

Александр Валагин хорошо представлял опасность сиюминутного и призывал постигать вечное.

Неслучайно «Уроки литературы» открываются знаменитыми державинскими строками:

Я телом в прахе истлеваю,
Умом громам повелеваю,
Я царь – я раб – я червь – я бог!

Александру Валагину хотелось быть понятым.

Ученый размышлял о судьбе человека в России.

В феврале 2006 года Александра Петровича Валагина не стало.

Герой стихотворения Александра Твардовского «Я убит подо Ржевом» говорит обыденно:

Я вам жить завещаю –
Что я больше могу?

Если задуматься – не так уж это и мало.

Лев Кройчик

Григорий Евгеньевич

ВЕДЕЛЬ

(1907–2009)

Доктор педагогических наук, профессор, доктор философии (университет Мартина Лютера, Галле-Виттенберг, ГДР, 1971).

Сфера научных интересов: методика преподавания иностранных языков; психология и основы методики преподавания иностранных языков; артикуляция и произношение.

Окончил Молочанское сельскохозяйственное училище (1927), учился в Каменец-Подольском сельскохозяйственном институте, окончил факультет иностранных языков Ставропольского государственного педагогического института (1947). С 1928 года работал в системе Наркомата земледелия. С 1938 года преподаватель в вузах, в частности, в Латвийском государственном университете (Рига, 1956–1959).

В ВГУ работал в 1960–2004 годах, один из организаторов и первый декан (1962–1966) факультета РГФ ВГУ, заведующий кафедрой немецкой филологии (1960–1983).

ТАКАЯ ДОЛГАЯ, ДОЛГАЯ, ДОЛГАЯ ЖИЗНЬ

Я неслучайно выбрала для разговора о Григории Евгеньевиче Веделе такую цепочку прилагательных.

Дело ведь не столько в хронологии – Григорию Евгеньевичу был подарен действительно долгий срок жизни – сто два года. Дело в том, как прожил это время один из основоположников факультета романо-германской филологии профессор Ведель.

Представители старшего поколения университетских людей, наверное, помнят, как в начале шестидесятых появилась на стене коридора первого этажа, по адресу – улица Ленина, 10 – небольшая, но заметная табличка-извещение: «коллектив факультета романо-германской филологии берет на себя обязательство обучить университет иностранным языкам».

Конечно, это выглядело романтическим нахальством: невозможно было весь многочисленный коллектив университета обучить английскому, немецкому и французскому языкам, к которым вскоре прибавился и испанский.

Но, во-первых, этот обет звучал прекрасно, а во-вторых, за ним следовала твердая уверенность, что ничего невозможного в нашем мире нет.

Время было такое – шли шестидесятые годы.

Университет энергично двигался вперед, возглавляемый неутомимым ректором Борисом Ивановичем Михантьевым. И задорное обещание коллектива факультета романо-германской филологии выглядело вполне выполнимым, ведь во главе его стояли люди, знавшие цену слова – Григорий Евгеньевич Ведель, Анатолий Петрович Старков, Александра Степановна Шкляева.

Тон задавал Григорий Евгеньевич Ведель, первый декан факультета, созданного приказом ректора 13 февраля 1962 года.

Это был поистине удивительный человек. Вызывают восхищение его профессиональное долголетие и трудолюбие. Он проработал в университете 45 лет и продолжал заниматься научной деятельностью практически до последних лет своей жизни. За этот период Григорий Евгеньевич опубликовал более 115 научных работ (некоторые из них вышли на немецком языке за рубежом), в том числе шесть монографий, 10 учебных пособий и несколько книг. Кажется невероятным, но свою последнюю монографию «Сознательно-практический метод обучения иностранным языкам: спустя сорок лет», в которой профессор подвел итог научной и практической деятельности, он написал в 95-летнем возрасте. И этот труд был удостоен медали на Всероссийском конкурсе в 2002 году как лучшая научная работа.

Профессор отметил свой сто второй юбилей в 2009 году. В интервью Галине Королевой на вопрос о своем долголетии ответил: «Время измеряется нашими делами. Если нет желания, всегда найдутся причины не делать. Есть желание – не найдется причин, чтобы не делать». Верность этого высказывания доказывает внушительное число наград и званий Григория Евгеньевича. Ведель – лингвист, педагог-методист, кандидат филологических наук, доктор философских наук, доктор педагогических наук, профессор, первый декан факультета РГФ. В 2007 году была учреждена специальная стипендия его имени для студентов вуза. Григорий Евгеньевич известен как основоположник новой методики изучения иностранных языков, широко используемой по сей день и являющейся базой для разработки большинства современных методик.

В чем смысл методики, разработанной Григорием Евгеньевичем Веделем и его учениками?

Им очень хотелось, чтобы иностранные языки стали языками повседневного общения.

Хотелось, чтобы иностранная речь звучала не только во время церемонных приемов иностранных делегаций или со сцены в дни традиционных концертов «Университетской весны».

Хотелось, чтобы выпускники университета не чувствовали себя изгоями во время служебных командировок за рубеж.

Хотелось, чтобы они не выглядели безъязыкими во время заграничных туристических поездок и в переписке с иностранными коллегами.

Сделать удалось многое.

Сегодня университет постепенно становится, если и не полиглотом, по крайней мере, коллективом, в котором иностранное слово не только не режет слух, но и находит живой отклик.

С чего всё началось?

Начнем по порядку. Как Григорий Евгеньевич оказался в Воронеже?

Родился он на Украине (село Божедаровка Екатеринославской губернии) 12 ноября 1907 года. После школы пошел учиться в Молочанское сельскохозяй-

ственное училище, затем поступил в Каменец-Подольский сельскохозяйственный институт, а позже получил диплом Ставропольского государственного педагогического института, где отучился на факультете иностранных языков.

Научная карьера Григория Веделя началась в 1956 году, когда он переехал в Ригу преподавать в Латвийском государственном университете. Именно там Григорий Евгеньевич начал разрабатывать собственный метод изучения языков, который впоследствии стал известен как «социально-практический метод». Его подход сильно отличался от традиционных методов изучения языков. Григорий Евгеньевич утверждал, что преподавание иностранного языка в отрыве от «живой» речи, простое заучивание большого количества слов и перевод по словарю не дают нужного результата. В своем методе он опирался на практику изучаемого языка и, главным образом, на устную, разговорную речь, в тесной связи с контекстом и условиями использования определенных слов, где на первое место выходит именно среда, в которой существуют слова. Таким образом, его метод предполагает погружение в живую языковую среду.

После публикации статьи Веделя в «Вестнике Рижского университета», в которой автор впервые изложил суть своего метода, Григория Евгеньевича пригласили в наш университет, чтобы создать и возглавить в Центральном Черноземье факультет романо-германской филологии. Григорий Евгеньевич усмотрел в этом прекрасную возможность опробовать на практике свой новаторский метод и с радостью согласился.

В 1960 году Ведель стал преподавателем университета, сначала в должности заведующего кафедрой немецкого языка историко-филологического факультета, а в 1962 году стал деканом вновь образованного факультета. Очень быстро стало очевидно: метод Веделя полностью себя оправдал и качественно превосходил традиционные техники преподавания иностранных языков.

Это вдохновило Веделя на дальнейшее внедрение разработанного метода в школы и вузы страны. Григорий Евгеньевич проводил семинары для учителей и преподавателей, разъяснял суть своей методики и доказывал ее эффективность. Григорий Евгеньевич проделал большую работу по установлению крепких деловых связей ВГУ с зарубежными вузами, в частности с вузами Германии. Многие его коллеги и ученики стали выезжать на стажировку в ГДР. Немецкие специалисты приезжали с ответными визитами к нам, в столицу Черноземья. Сегодня этот обмен активно развивается.

Главной задачей, которую ставил перед собой Григорий Ведель, было внедрение в практику работы факультета РГФ новейших технологий и модернизации принципов обучения иностранным языкам. Именно поэтому на факультете появился первый лингафонный кабинет. Профессор внес огромный вклад в создание и разработку стратегии развития факультета РГФ, организационную и научно-методическую работу. Он привлек к работе на факультете преподавателей-носителей языка. Благодаря усилиям Григория Евгеньевича были налажены контакты

со многими воронежскими школами и школами области, созданы базы педагогических практик, специалистами факультета РГФ разрабатывались и применялись на практике учебники по английскому, испанскому, немецкому и французскому языкам. На базе факультета были созданы двухгодичные курсы повышения квалификации, а также курсы для выезжающих работать за границу.

Григорий Евгеньевич до последних дней своей работы в университете возглавлял кафедру немецкого языка.

С теплотой отзываются о нем те, кто работал рядом.

– Григорий Евгеньевич был очень лоялен к нам, никогда не устраивал разносов, всегда поддерживал и относился по-отечески! Как преподаватель жесткий, всю кафедру держал в руках, – вспоминает его бывшая студентка Валентина Топорова.

– Кем он был для всех нас? Не могу подобрать более подходящего определения, чем «Старшóй советской методики». «Старшóй» – значит наш: наш старший коллега, наш старший брат, наш старший товарищ – вообще, «наш человек». Бог дал ему большую жизнь. Не просто долгую, а большую. И Григорий Евгеньевич с честью оправдал этот дар Божий. Именно благодаря Веделю деятельность Воронежской методической школы останется важной вехой в истории отечественной методики, – отмечает доктор педагогических наук, профессор Ефим Израилевич Пассов.

И еще один штрих к портрету профессора Веделя.

– Григорий Евгеньевич сам солил, мариновал. Когда мы в университете отмечали праздники, он всегда приносил очень вкусные огурцы. Хорошо пел (его любимая песня – «Прощай, любимый город»), а на свой 90-летний юбилей даже вальсировал со студентками, – рассказывает Клавдия Мухортова.

В истории университета профессор Ведель навсегда останется мэтром романо-германской филологии.

Юлия Рафаэльян

Савва Гаврилович

ВИШНЯКОВ

(1897–1964)

Доктор геолого-минеральных наук, профессор.

Сфера научных интересов: литология, разведка и поиск полезных ископаемых осадочного чехла Воронежской антеклизы. Основатель Воронежской научной школы в области литологии.

Окончил геологический факультет Ленинградского государственного университета (1926). С 1930 года начальник геологической партии Ленинградского геологического управления, одновременно доцент Ленинградского института инженеров железнодорожного транспорта. В 1942–1945 годах работал в Сибири в геологическом управлении. В 1945–1946 годах вел исследование Тихвинского бокситоносного бассейна в Ленинградской области.

В ВГУ преподавал в 1946–1964 годах. В 1950–1964 годах заведовал кафедрой общей геологии, в 1953–1955 годах декан геологического факультета. Автор более 70 научных работ. Воспитал многочисленных учеников.

ГЛАВНЫЙ КОРПУС

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ УМЕЛ ОТСТАИВАТЬ СВОИ ВЗГЛЯДЫ

Савва Гаврилович Вишняков родился в 1897 году в крестьянской семье в Саратовской губернии. В 1916 году до Февральской революции служил рядовым в армии, а с июня 1918 по 1919 год – в легендарной Чапаевской дивизии, из которой выбыл по ранению. После излечения работал в госпитале, затем – в военно-техническом отделе города Пугачева. После окончания вечерней школы для взрослых в 1921 году поступил на геологическое отделение Ленинградского университета. Еще студентом начал работу в Геологическом комитете – сначала коллектором, а после окончания университета – младшим научным сотрудником и начальником геологической партии, участвовал в поисковых работах на нефть в Урало-Эмбинском районе. В 1928–1930 годах, в результате поисков месторождений строительных материалов Вишняковым было открыто и сдано в эксплуатацию крупное месторождение строительных известняков вблизи станции Войбокало Ленинградской области. С 1930 года до блокады Ленинграда С. Г. Вишняков работает в качестве начальника геологической партии, старшего геолога, руководителя комплексных геологических работ в Ленинградском геологическом управлении. При его непосредственном участии в Тихвинском бокситоносном районе было открыто несколько месторождений бокситов. Им была разработана дробная стратиграфия бокситоносных отложений, выявлена сложная древняя гидросеть, с которой связаны месторождения бокситов, изучен вещественный состав, разработана методика поисков бокситов. Результаты исследований были изложены в отчетах, опубликованы в статьях и монографии.

Здесь следует отметить стойкость и смелость позиций Саввы Гавриловича Вишнякова в отстаивании своих взглядов. Например,

утверждение о том, что источником бокситов является только местный материал латеритных кор выветривания, противоречило господствующей и официально признанной авторитетной точке зрения (в частности, академика А. Д. Архангельского) на бокситы как на продукт осаждения хемогенных растворов, принесенных за сотни километров с Балтийского щита речными потоками.

Более того, описанные за рубежом индийские латеритные профили также отрицались, ибо коры выветривания на осадочных породах (на глинах тем более) стали «запрещенным объектом». В те годы предшественник профессора Вишнякова, известный геолог С. Ф. Малявкин за подобные «крамольные взгляды» был репрессирован. И только подтверждение точки зрения С. Г. Вишнякова (связь тихвинских бокситовых тел с мелкими приводораздельными впадинами) на практике смягчило судьбу репрессированного Малявкина. Здесь проявилась, можно сказать, «легендарная чапаевская отвага» Саввы Гавриловича.

В 1938–1940 годах С. Г. Вишняков работал в Никопольском марганцевом районе. Здесь на основе громадного фактического материала (6 томов объемом 1409 страниц и альбома из 16 карт) было спрогнозировано одно из самых крупных месторождений марганцевых руд – Басанское. Несмотря на утрату этих материалов в годы войны, прогноз оправдался. Действительно, как говорится, талантливые «рукописи не горят».

Пережив блокаду, весной 1942 года Савва Гаврилович был эвакуирован в Сибирь, где до 1945 года работал в Салаирской экспедиции («Союзлюминразведка»). Совместно с геологами этой экспедиции им было обнаружено продолжение ранее открытой полосы бокситов, имеющих промышленное значение. В июне 1945 года Вишняков вернулся в Ленинградское геологическое управление, продолжил изучение Тихвинского бокситоносного бассейна. В память о его работе по бокситам в этом районе одна из улиц города Бокситогорска Ленинградской области в 1970 году была названа именем ученого.

Свою научно-производственную работу Савва Гаврилович постоянно сочетал с преподаванием. В 1931–1934 годах он ассистент Ленинградского автодорожного института, с 1934 по 1939 год – доцент Ленинградского института инженеров железнодорожного транспорта, в 1941–1946 годах (с вынужденными перерывами) читает курс петрографии осадочных пород в Ленинградском горном институте. Но в полной мере его педагогический талант раскрылся в Воронеже. С 1946 года и до конца жизни (1964 год) Савва Гаврилович работает на геологическом факультете Воронежского университета сначала в качестве доцента, а затем профессора. Он читает курсы петрографии осадочных пород, неметаллических полезных ископаемых, общей геологии. Не менее важным вкладом в историю факультета стала его организаторская деятельность: с 1947 по 1964 год он бессменный заведующий кафедрой общей геологии, в 1953–1955 годах – декан геологического факультета.

Наряду с напряженной педагогической и общественной деятельностью, профессор Вишняков проводил вместе с учениками и сотрудниками исследование литологии и полезных ископаемых осадочного чехла Воронежской антеклизы. Одновременно он завершает работу, посвященную тихвинским бокситам. Его докторская диссертация «Бокситоносность северо-западного крыла Подмосковного бассейна» (в 2 томах) была успешно защищена в 1951 году (по заключению одного из оппонентов представленной работы И. И. Гинзбурга, каждый том работы – это докторская диссертация).

Годы работы в ВГУ стали для Саввы Гавриловича временем расцвета научно-педагогической деятельности. В 1953 году он с успехом защищает в Москве докторскую диссертацию. Академик Д. В. Наливкин, выступая на защите, сказал: «Просто удивительно… как так долго человек мог “скромничать”? Да только за одну работу, которую он опубликовал еще в 1940 году, ему без всяких защит следовало бы присвоить степень доктора!». В последующие годы многие ученики Саввы Гавриловича стали известными учеными и составили костяк геологического факультета ВГУ. А в сентябре 1961 года Указом Президиума Верховного Совета СССР Савва Гаврилович Вишняков был награжден орденом Ленина…

Крупным монографическим обобщением явилась работа, законченная в 1962 году, «Стратиграфия, литология и фации каменноугольных отложений КМА» (в 3 томах), в соавторстве с Н. П. Хожаиновым и с участием Л. С. Богуновой, В. И. Сиротина, Т. В. Лавреновой, С. Т. Акаемова, В. М. Сташкова. Даже неопубликованная, она породила новые волны исследований, как собственно литологического, так и литофациального, литогенетического направлений. Это стало основным содержанием творческого наследия «школы Вишнякова». Вокруг каждого из этих направлений создавались группы ученых литологов, развивающих далее идеи С. Г. Вишнякова.

Апофеозом бокситового направления в наследии Саввы Гавриловича явилась его организационная и творческая деятельность по оценке бокситоносности Воронежской антеклизы. Здесь особенно ярко проявилась еще одна грань личности С. Г. Вишнякова – его способность создания творческих коллективов как среди своих коллег-учеников, так и среди геологов-производственников, их тесного взаимодействия. В итоге появились серьезные основания для обращения в Министерство геологии СССР о целесообразности проведения работ на КМА по оценке бокситоносности. Работы, проведенные Белгородской геологоразведочной экспедицией, привели к открытию в центре России нового бокситорудного района и нескольких месторождений бокситов, за что С. Н. Чайкин, В. И. Клекль, Б. Н. Одокий стали лауреатами Ленинской и Государственной премий.

С. Г. Вишняков написал свыше 100 научных работ, научно-производственных отчетов, в том числе две монографии. Все они отличаются глубоким проникновением в сущность исследуемых вопросов и проблем, широкими научными обобщениями и стремлением дать практические выводы и прогноз на пои-

ски месторождений полезных ископаемых. Его теоретические и практические исследования заслужили высокую оценку как ученых, так и геологов-производственников.

Школа С. Г. Вишнякова многолика. Некоторые его бывшие аспиранты стали известными учеными, докторами наук (Н. П. Хожаинов, В. И. Сиротин, А. Д. Савко). Успешно работали и работают поколения его учеников – кандидатов наук, доцентов, преподавателей геологического факультета. Среди них старшее поколение: Б. В. Аскоченский, А. А. Жуковский, В. И. Беляев, А. М. Плякин, С. Т. Акаемов, В. Н. Бунеев – и многие другие в самых различных краях России. Вступило в свою творческую зрелость и следующее поколение учеников С. Г. Вишнякова – Ю. Г. Стоянов, В. Н. Староверов, Г. В. Войцеховский, А. И. Мизин, С. В. Мануковский, В. К. Бартенев, В. А. Шатров и др.

И еще одной, может быть, самой главной гранью личности Саввы Гавриловича был его дар быть Учителем и Наставником, оставить в душах своих воспитанников не только любовь и верность своей профессии, но и доброжелательность, душевную щедрость, порядочность и требовательность не только к другим, но и, в первую очередь, к себе.

Виктор Сиротин

Печатается по: *Сиротин В. И.* Савва Гаврилович Вишняков. Основные этапы жизненного пути и творческое наследие (к 100-летию со дня рождения) // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Геология. 1998. № 5. С. 246–250.

Лилия Тимофеевна

ГИЛЯРОВСКАЯ

(1939–2012)

Доктор экономических наук, профессор, почетный работник высшего и профессионального образования РФ, действительный член Академии коммерческих наук.

Сфера научных интересов: финансово-инвестиционный и управленческий анализ, контроль и аудит деятельности коммерческих организаций. Основатель научной школы «Учет, финансово-инвестиционный анализ и аудит в управлении хозяйствующими субъектами».

Окончила экономический факультет Московского государственного университета (1963). С 1963 года ассистент, старший преподаватель, доцент, профессор кафедры учета и анализа ВГУ, с 1970 года заведующий той же кафедрой, в 1998 году заведующий кафедрой бухгалтерского учета, анализа и аудита Воронежского государственного университета. С 1998 года профессор Всероссийского заочного финансово-экономического института в Москве, одновременно профессор ВГУ.

«ЗАСЛУГИ ГИЛЯРОВСКОЙ ТРУДНО ПЕРЕОЦЕНИТЬ»

* * *

Знакома с Лилией Тимофеевной четверть века. Гиляровская, если так можно сказать, прародительница нашей кафедры – кафедры бухгалтерского учета и аудита. Из того состава, что существовал при Зиновии Львовиче Ходоше, уже никого не осталось. Сегодня работают те, кого приглашала Лилия Тимофеевна. Так что кафедра – ее детище.

Думаю – любимое.

Представьте, в первые годы на кафедре единственным кандидатом наук была одна Гиляровская. Придя к руководству, Лилия Тимофеевна начала интенсивно готовить кафедры, используя свои московские профессиональные связи, отправляя на учебу в аспирантуру вчерашних выпускников факультета.

Так сложилось, что Лилия Тимофеевна Гиляровская возглавила кафедру, когда ей не было еще и тридцати лет. И эта свежесть восприятия жизни помогла создать в коллективе особые отношения – отношения доверия к человеку, к его инициативе, уважение к его точке зрения.

Женским коллективом руководить нелегко (а он у нас преимущественно такой), но – никаких взглядов исподтишка, зудения за спиной, мягких пакостей, зависти. Мы сегодня такие, какими нас хотела видеть Лилия Тимофеевна.

Из воспоминаний Надежды Щербаковой

* * *

Благодаря своей энергии Лилия Тимофеевна добивалась того, что экономический факультет стал одним из самых престижных подразделений такого рода в России.

Напомню, что Гиляровская не только одна из первых на факультете защитила докторскую диссертацию, что позволило создать у нас аспирантуру, но и стала, по существу, основательницей научной школы. Один из участников ее – Дмитрий Александрович Ендовицкий – сегодня продолжает работу, начатую его руководительницей.

В этом смысле заслуги Лилии Тимофеевны Гиляровской трудно переоценить.

Из воспоминаний Ларисы Гусевой

* * *

Лилия Тимофеевна – мой учитель. С восемьдесят третьего. Курсовой руководила, дипломной, кандидатской. Подвигла заниматься докторской. Все мои тревоги Лилия Тимофеевна всегда принимала близко к сердцу, успокаивала меня:

– Всё будет хорошо!

От Лилии Тимофеевны исходит какая-то сила, которая передается другим… Я очень благодарна судьбе, что она так распорядилась, дав мне в наставники Лилию Тимофеевну.

Из воспоминаний Светланы Булгаковой

* * *

Лилия Тимофеевна – значительная величина.

Когда она шла по факультетскому коридору, что-то со всеми происходило. Какая-то волна ощущалась. Это не мистика, это мое реальное восприятие.

Непосредственно меня Лилия Тимофеевна не учила. Но на лекциях ее я бывала. Удивительное ощущение – лектор держит аудиторию, хотя говорит о вещах довольно сложных. Аудитория внимает. Не слушает, а именно внимает: так бывает тогда, когда студенты понимают, что перед ними выступает незаурядный человек.

Из воспоминаний Ларисы Коробейниковой

* * *

С Лилией Тимофеевной меня познакомил в 1994 году Владимир Наумович Эйтингон. После окончания факультета ПММ я работала в межфакультетской лаборатории экономики и управления ВГУ, занималась проблемами автоматизации.

Начало девяностых было сложным временем, многое менялось в стране, да и я считала, что нужно двигаться дальше. Поэтому идею Владимира Наумовича о прикреплении соискателем к кафедре бухгалтерского учета, анализа и аудита я восприняла с радостью, но и с опасением.

Лилия Тимофеевна не только очень доброжелательно приняла меня, но и предложила стать преподавателем. И я благодарна судьбе за встречу с этой замечательной женщиной, большим ученым, очень открытым и щедрым человеком.

Из воспоминаний Ольги Гальчиной

* * *

Лилия Тимофеевна Гиляровская – человек, сыгравший в моей жизни решающую роль. Она научила меня осмысленно смотреть на события, происходящие вокруг, доброжелательно относиться к окружающим людям, доверять им, ответственно подходить к делу, любить свою профессию.

Она научила нас, своих учеников, главному – отдавать людям то, что знаешь, любишь.

Из воспоминаний Татьяны Пожидаевой

* * *

В семьдесят третьем я слушала лекции Лилии Тимофеевны по курсу «Анализ хозяйственной деятельности». Это были совершенно удивительные занятия в форме диалога «преподаватель–студент»…

Потом, спустя годы, мы вместе работали в межфакультетской лаборатории экономики и управления. Лилия Тимофеевна активно и неформально руководила научными исследованиями.

Совместные научные командировки раскрыли высокий профессионализм Лилии Тимофеевны Гиляровской.

Из воспоминаний Натальи Сапожниковой

* * *

Лилию Тимофеевну Гиляровскую знаю более сорока лет. Это – Учитель с большой буквы, обладающий глубокой эрудицией, высочайшими профессиональными знаниями и умениями на практике решать серьезные научные проблемы.

Из воспоминаний Виктора Бочарова

* * *

Несомненной заслугой Лилии Тимофеевны следует считать ее работу с молодежью. Долгое время профессор Гиляровская была единственным научным руководителем аспирантов кафедры. По ее инициативе при кафедре был создан специализированный Совет по защите диссертаций. Под руководством Лилии Тимофеевны кандидатские диссертации защитили свыше тридцати человек. Чрезвычайно плодотворный в научном плане человек, профессор Гиляровская и другим не дает «застаиваться» – регулярно выходят сборники статей, монографий сотрудников.

Из воспоминаний Владимира Эйтингона

* * *

К золотому фонду Воронежского университета по праву относится профессор Лилия Тимофеевна Гиляровская…

Есть очень известный афоризм: обычный учитель – учит; хороший учитель – показывает, как надо делать, на своем примере; учитель от Бога – вдохновляет учеников, вселяя в них силы на создание.

Лилия Тимофеевна и учит, и показывает, и вдохновляет. С ней интересно рядом работать и – одновременно – очень ответственно.

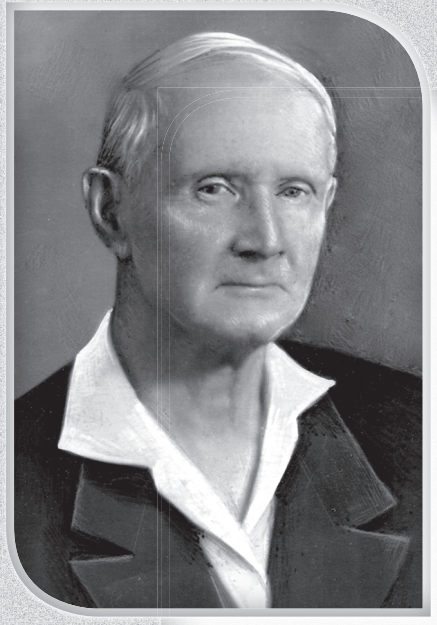
Я достаточно хорошо знаю мир современных экономистов, но мне не известно, чтобы кто-нибудь так занимался со своими учениками, как Лилия Тимофеевна.

…Объективный фактор: профессор Гиляровская – личность огромного масштаба.

В основе нашего «кафедропространства» лежат принципы, заложенные Лилией Тимофеевной Гиляровской.

Из воспоминаний Дмитрия Ендовицкого

Печатается по: Наш дом: книга размышлений и воспоминаний.
Воронеж, 2010. С. 33–36.

Сергей Владимирович

ГОЛИЦЫН

(1897–1968)

Доктор биологических наук, профессор.

Сфера научных интересов: флора Центрально-Черноземного региона и Среднерусской возвышенности. Провел обширные исследования реликтовой флоры в бассейнах Верхнего Дона и Быстрой Сосны. Создал в заповеднике «Галичья гора» крупнейший в регионе гербарий, носящий в настоящее время его имя.

Окончил Тифлисский кадетский корпус (1914), Морской корпус в Санкт-Петербурге (1916). В качестве офицера флота участвовал в Первой мировой войне. После революции 1917 года жил в Тифлисе, занимался изучением флоры горных районов Западного Закавказья. С 1932 года заведующий гербарием, музеем кафедры высших растений, заместитель директора ботанического сада, старший научный сотрудник, директор агробиологической станции «Галичья Гора», доцент, профессор кафедры высших растений Воронежского государственного университета.

ВСЕГДА В ДВИЖЕНИИ
1918
100 лет ВГУ
2018
SEMPER IN MOTU

«МЫ С ТОБОЙ ГОВОРИТЬ ТОЛЬКО МЫСЛЕННО БУДЕМ ОТНЫНЕ...»

Доктор биологических наук, профессор Сергей Владимирович Голицин родился в крепости Осовец Гродненской губернии в семье дворянина, специалиста в области строительства военных укреплений. Через 10 лет семья переехала в Тифлис. Здесь Сережа поступил в кадетский корпус, который в 1914 году с отличием окончил, и сразу же успешно сдал вступительные экзамены в гардемаринские классы Морского корпуса в городе Петрограде и блестяще окончил их в 1916 году.

Офицерскую морскую службу Сергей Голицын начинает на крейсере «Баян». Спустя год он принимает участие в знаменитом Моонзундском сражении. Крейсер получил повреждение и встал на длительный ремонт, а сам Голицын уходит в отставку в чине мичмана флота и возвращается в Тифлис к родителям. В 1920 году он женится, и до 1923 года его семья живет на дачном участке родителей в Цихисдзири. Здесь же рождаются и четверо младших Голицыных.

...Флористические исследования Сергея Владимировича можно подразделить на два периода: Кавказский и Центрально-Черноземный.

Кавказ

Начало его ботанических исследований было положено в Западном Закавказье, где он увлекся сбором гербария в горных лесных массивах Аджарии. Уже в 1925 году Голицын обнаружил в ущелье новый для СССР вид – вечнозеленый кустарник эпигею (Orphanidesia qaultherioides). Он подробно изучил этот вид и одноименные кустарниковые фитоценозы влажных лесистых гор

Аджарии и высказал точку зрения об их древнем происхождении, с чем соглашаются такие видные знатоки флоры Кавказа, как А. Л. Тахтаджян и Н. А. Буш. В 1933 году Сергей Владимирович дает описание не известного ранее папоротника Dryopteris, видовое название им дано в честь своей жены, Лидии Николаевны. Он считал, что этот вид в миоцене распространился далеко на восток до Кавказа и претерпел в ходе расселения морфологические изменения. В 1935 году Голицын обнаружил неизвестный в Аджарии вид луковичного растения Pancratium maritimum из семейства амариллисовых. Итогом кавказских исследований стала публикация «Опыт ботаника-географического картирования Юго-Западного Закавказья с дендрологической точки зрения» («Труды Воронежского университета», 1935 год). Эта работа представляла собой первую обобщающую сводку по данному региону и устраняла многочисленные неточности отдельных авторов. С. В. Голицын подверг объективной критике профессора А. А. Гроссгейма за то, что тот не отразил перехода от колхидской влажной субтропической растительности Черноморского побережья к более ксерофитным ценозам средиземноморского типа. За годы пребывания на Кавказе Сергей Владимирович собрал около 3500 листов гербария, из них 800 листов папоротников, более 1000 – древесных спилов. Все эти материалы были переданы на постоянное хранение в фонды Воронежского университета (гербарий) и в управление лесами Батуми (спилы). Итоги работы получили прекрасные отзывы на страницах «Ботанического журнала», которые дали профессоры Н. А. Буш, Б. М. Козо-Полянский.

Воронеж

В 1932 году Голицын с семьей переезжает в Воронеж с рекомендательным письмом известного советского палеоботаника А. П. Баранова. Его научная и педагогическая деятельность проходит на кафедре морфологии, систематики и географии растений Воронежского университета, которую возглавлял профессор Б. М. Козо-Полянский.

Вначале Сергей Владимирович был лаборантом, затем ассистентом и заведующим гербарием кафедры. Под руководством Б. М. Козо-Полянского он активно принимает участие в написании «Энциклопедического словаря Центрального Черноземья» и монографии «Деревья и кустарники Центрального Черноземья». Одновременно обрабатывает свои научные материалы по ботанико-географическому исследованию Западного Закавказья. Первые научные публикации и его отношение к исследовательской работе нашли высокий отклик у Б. М. Козо-Полянского, который отмечает: «Это исключительно талантливый, преданный своему делу, знающий и феноменально способный человек. Немногие из известных мне ботаников, оканчивающих аспирантуру, занимающих должности доцентов, могут сравниться как ученые с товарищем Голицыным».

От Дона до Сосны

Основная заслуга Сергея Владимировича состоит в исследованиях горно-степной флоры бассейна Верхнего Дона и Быстрой Сосны. Он тщательно изучил бассейн Дона от села Хлевное Задонского района до Осиновой горы в Тульской области, а также бассейн Быстрой Сосны – от устья этой реки до городов Ливны и Малоархангельска Орловской области, где по террасам этих рек имеются выходы девонских известняков, на которых преобладают горно-степные растения.

Свои исследования он начал в окрестностях заповедника «Галичья гора» и уже в 1938 году посетил Быкову Шею, где обнаружил эфедру, шлемник альпийский, шиверекию, несколько видов ковылей и ряд других редких растений, в том числе овсец пустынный. В том же году провел тщательные флористические исследования лесного урочища Плющань, в 1939 году прошел по маршруту Ефремов–Козье–Шилово–Хомяково. Здесь Сергей Владимирович обнаружил редкий горный папоротник (щитовник Роберта), ряд видов семейства орхидных (пыльцеголовник красный, башмачок желтый, кукушник длиннорогий), а урочищам дал свои названия – «Орхидейники» и «Папоротниковые». На склонах коренного берега реки Красивая Меча у села Дубки Сергей Владимирович обнаружил участок каменной степи с реликтовыми и редкими растениями (василек русский, полынь шелковистая, осока низкая, колокольчик сибирский и ряд других).

Уже к 1941 году С. В. Голицын наметил четкие границы распространения на Верхнем Дону множества редких горно-степных видов, что позволило ему научно обосновать целесообразность присоединения к заповеднику «Галичья гора» ряда интересных участков со «сниженными альпами», но работа была прервана из-за Великой Отечественной войны. Голицын был призван в действующую армию – в морской десант. Затем Сергей Владимирович был направлен в Волжскую флотилию, где прослужил до конца воины.

«Галичья гора»

После демобилизации он возвращается в Воронеж, совместно с Н. П. Виноградовым продолжает исследования горно-степной флоры в долинах рек Черкавы, Пальны, Любовши, Воргола, Олыма, Кшени и других. Здесь ими обнаружено множество новых местонахождений горно-степной флоры. На Морозовой горе Сергей Владимирович выявил 603 вида высших растений, конспект которых опубликован в «Трудах Воронежского университета» в 1959 году. К 1966 году С. В. Голицын завершил составление полного флористического списка «Галичьей горы» (646 видов). В результате большой и тщательной полевой и камеральной работы по изучению бассейна Верхнего Дона Сергей Владимирович выявил весь видовой состав растений наиболее интересных в ботаническом отношении территорий. Итогом этой работы были обобщающие публикации «Сниженные альпы и тимьянники Среднерусской возвышенности» (1954) и «Северо-Донской ботанический реликтовый район» (1958).

Пешком по «сниженным Альпам»

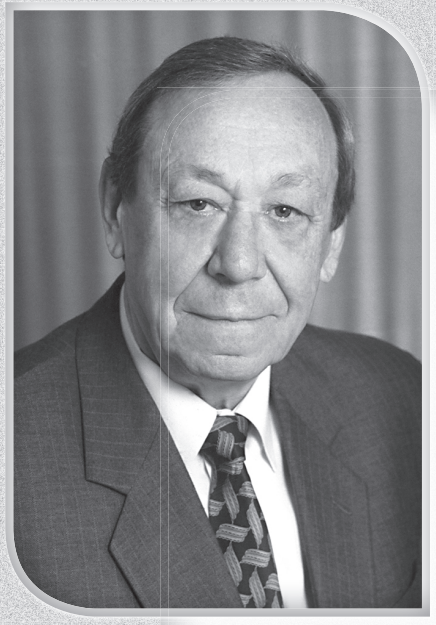
Плодотворную научную деятельность Сергея Владимировича Голицына в изучении «сниженных альп» и меловых иссопников Центрального Черноземья можно было бы продолжить многочисленными маршрутами и экспедициями, которые он проводил, интересными находками не только в области флористики, но и работами в области фитоценологии. Достаточно сказать, что автор настоящей статьи совместно с С. В. Голицыным, будучи аспирантом МГУ, пешком «осилил» два его последних маршрута от Воронежа до Касторного (90 км) и от Грязей до Мичуринска, получив громадный творческий заряд от общения с большим эрудитом и прекрасным знатоком флоры Центрального Черноземья.

Материалы своих многолетних исследований Сергей Владимирович опубликовал в 110 научных статьях и обобщил в автореферате кандидатской диссертации «Сниженные альпы и меловые иссопники Среднерусской возвышенности», представленном в Ботанический институт АН СССР. Учитывая вклад С. В. Голицына в разработку этой проблемы, Ученый совет единогласно 25 марта 1966 года присвоил ему степень доктора биологических наук. После защиты диссертации он стал работать профессором кафедры физической географии и читать студентам общий курс «География растений» и спецкурс «Растительный покров Центрального Черноземья». К большому огорчению всех, кто его знал, преподавательская жизнь Сергея Владимировича была недолгой. Работал он интенсивно, не жалея себя и несмотря на солидный возраст. 3 ноября 1968 года от повторного инфаркта Сергей Владимирович Голицын скончался.

По свидетельству крупных отечественных ученых, в лице Сергея Владимировича Голицына центрально-черноземная ботаническая наука имела одного из самых ярких, талантливых и эрудированных своих представителей. В честь его названы новые виды растений (ястребинка Голицына и береза Голицына), а гербарию Среднерусской возвышенности присвоено имя профессора Сергея Владимировича Голицына. Вот такие стихи посвятила светлой памяти своего отца в сборнике стихов «Галичья гора» (1996) Мария Сергеевна Лобач:

Мы с тобой говорить только мысленно будем отныне...
Никогда, никогда – никогда не увижу тебя!..
Но живет твое имя, как эхо, в звучаньи латыни,
Никакие года светлой памяти не истребят!

Константин Хмелев

Владимир Васильевич

ГУСЕВ

(1931–2007)

Кандидат исторических наук, профессор, заслуженный работник Высшей школы РФ, почетный гражданин города Борисоглебск, почетный член Союза ректоров Российской Федерации (1999).

Научные интересы: история стран Западной Европы в отечественной историографии; развитие современной системы университетского образования.

Окончил историко-филологический факультет ВГУ (1954). В 1957–1960 годах старший преподаватель кафедры истории Воронежского государственного педагогического института. С 1960 года старший преподаватель, доцент, профессор, заведующий кафедрой истории нового и новейшего времени ВГУ. В 1965–1972 годах декан исторического факультета. В 1972–1987 годах проректор, в 1987–1998 годах ректор Воронежского государственного университета, в 1977–2007 годах заведующий кафедрой нового и новейшего времени.

ДОРОГА ДЛИНОЮ В ЖИЗНЬ

I

23 ноября 2007 года. Пятница. Вечером раздался звонок. Звонил Владимир Васильевич Гусев:

– Лев, ты не забыл, что мы завтра едем в Борисоглебск?

– А кто еще едет? – Игорь Степанович Суровцев, Вячеслав Михайлович Гонгадзе, Александр Васильевич Сорокин.

24 ноября 2007 года. Суббота. 7 часов утра. Звонит Гонгадзе:

– Лев Ефремович, жду возле дома.

Выхожу в темно-синие утренние сумерки. В условленном месте темнеет машина. Возле машины – силуэт Гонгадзе. В курточке-полупальто, в кепке, без галстука Вячеслав Михайлович – вылитый водила. Только мягкая рука, да щегольские седые усики, да запах хорошего парфюма заставляют усомниться в шоферской профессии этого человека.

– На чем едем? – спрашиваю я тоном капризного пассажира.

– На «Опеле», – Гонгадзе невозмутим.

– Хорошая машина. Я на такой машине всю Западную Европу исколесил.

– Но учтите, – ворчу я, – вы везете национальное достояние. Так что скорость – 65 километров в час.

Владимир Васильевич уже ждет нас перед домом в своем, кажется, несменяемом долгополом демисезонном пальто. У меня такое ощущение, что Владимир Васильевич в этом пальто родился. Сколько я его помню, он ходит в нем зимой, осенью и весной.

Как все уважающие себя мужчины, Владимир Васильевич функционален: на моду реагирует вяло – годами носит любимый свой

темно-синий костюм, нечасто меняет галстуки, а пальто его нынешнее – прямо хоть выставляй в музей, оно мне кажется таким же бессмертным, как и сам Гусев.

– Ну вот, – говорит Владимир Васильевич, усаживаясь рядом с Гонгадзе, – все в сборе.

– А Суровцев где? – спрашиваю.

– Игорь Степанович уже в пути, готовит нам торжественную встречу. – Это очень правильно, – говорю я.

– Лев Ефремович сказал, что он национальное достояние и что поэтому скорость не должна превышать 65 километров в час, – сообщает Гусеву Гонгадзе.

– Да? – поворачивается ко мне Гусев. – Ты так считаешь? Даже если ты – национальное достояние, к десяти тридцати мы должны быть в Борисоглебске.

– Вас понял, – говорит Вячеслав Михайлович, и машина, проскочив пост ГИБДД, выскакивает на оперативный простор.

– Ты получишь огромное удовольствие, – говорит Владимир Васильевич, – собирается благодарная аудитория: учителя-гуманитарии восточного куста области. Занятия проводим каждую последнюю субботу месяца.

До Борисоглебска 250 километров.

В обратную сторону, естественно, столько же. Владимиру Васильевичу – 75 лет. Вячеславу Михайловичу – под семьдесят.

Зачем им это нужно?

В машине, мчащейся со скоростью 120 километров в час, задавать эти вопросы – бессмысленно.

С Владимиром Васильевичем Гусевым я знаком с середины 50-х годов теперь уже прошлого века. Я, студент истфилфака, дружил с Володей Второвым, секретарем комитета комсомола университета. Володя дружил с Володей Гусевым – аспирантом-историком.

Так и познакомились.

Вот характерная картинка той поры.

По проспекту Революции в сторону факультета, занимавшего тогда часть общежития на улице Фридриха Энгельса, 8, движется пешая группа, в центре которой профессор Илья Николаевич Бороздин. По бокам его аспиранты – Владимир Гусев, Виктор Афонюшкин, Борис Попков. Величавый учитель-вождь с верными учениками-апостолами.

Илья Николаевич, как и положено профессору, ступает внушительно, аспиранты почтительно тянут шеи.

Седина, усы, бородка клинышком, зоркий взгляд из-под очков, размеренные движения – типичный профессор из «прежнего времени». Мы, студенты, знали, что Илья Николаевич в бурном 17-м был участником заседания предпарламента, который в штудируемом нами «Кратком курсе истории ВКП(б)» насмешливо именовался «предбанником». В 17-м Илья Николаевич Бороздин был приват-доцентом Петроградского университета.

После революции Бороздин служил в Наркомпросе и других советских учреждениях. В 1930-е был сослан в Среднюю Азию, в конце 40-х оказался в Воронеже.

Тогда, в начале 50-х, встречаясь с Ильей Николаевичем, я впервые в жизни ощутил, что история есть не нечто, покрытое архивной пылью, не прошлое только, а самое живое настоящее.

Вот ходит среди нас реальный исторический персонаж, участвовавший в сотворении того мира, в котором мы нынче живем. И очень важно должно быть для каждого прикосновения к этому миру. О том, что когда-нибудь мы тоже станем частью прошлого, разумеется, не думалось.

Много позже спросил у Гусева:

– Что тебе дало общение с Ильей Николаевичем?

Гусев ответил мгновенно, словно вопрос этот был для него давно решен:

– Я прикоснулся к пласту, огромному пласту отечественной истории. Я понял, что значит пласт культуры в его живом существовании. Тут дело не в том даже, что Илья Николаевич встречался с людьми, ставшими сегодня непременными персонажами воспоминаний о начале XX века. Рассказы Бороздина помогли мне почувствовать сущность происходящего.

– Происходящего тогда? – спросил я.

Гусев подумал и добавил:

– Сущность происходящего и тогда, и сегодня…

Конечно, Владимиру Васильевичу повезло с учителями-наставниками, но в неменьшей степени повезло и с эпохой. В конце 50-х в страну пришла «оттепель».

Сегодня, спустя годы, к прошловековым шестидесятникам относятся скептически.

Прагматики романтиков во все времена не понимали. И – не понимают.

Между тем российская общественная мысль в значительной степени вскормлена мечтами романтиков.

Мечтатели творили отечественную историю, отечественную культуру, отечественную литературу. Участвовали в созидании национального самосознания.

Не всё получалось, не всё сбывалось – но шли вперед наперекор обстоятельствам реальной жизни.

Уходили не вовремя, погибали – но шли.

Шестидесятые – удивительное время надежд.

Время самотворения, время открытий.

Робко приоткрывались двери спецхранов.

Возвращались из небытия люди, казалось, навсегда вычеркнутые из жизни.

Вдруг обнаружилось, что нас приучили не знать своего прошлого, а оно, это прошлое, всё чаще заявляло о себе не прочитанными вовсе или плохо прочитанными страницами, человеческими судьбами и историями, переворачивающими душу.

Возвращались имена, книги, фильмы, научные концепции.

Враги народа превращались в невинно оклеветанных, вейсманисты-морганисты – в генетиков. И только правильность марксизма-ленинизма никто подвергал сомнениям.

Для таких сомнений время еще не пришло. А если пришло, то не для всех.

Время подвигало к раздумьям.

Мысль вернула себе былое достоинство.

По крайней мере – так казалось…

Владимир Васильевич Гусев был вскормлен этим временем.

II

24 ноября 2007 года. 7 часов 30 минут утра.

Проскочили Рогачёвку.

На спидометре – 120.

Вячеслав Михайлович оборачивается ко мне:

– Вас ничего не беспокоит? Помнится, был у меня в Испании случай: возвращаюсь через Пиренеи, мне в Мадрид надо было поспеть к сиесте…

Я гляжу на спидометр и на повернутую ко мне голову Гонгадзе и понимаю, что к сиесте, то есть к обеденному перерыву, мы на такой скорости вообще никогда не доедем.

Гусев – как ни в чем не бывало:

– А ты знаешь, Лев, что в Рогачёвке Андрей Платонов участвовал в строительстве электростанции?

Я об этом осведомлен и вижу, что Владимир Васильевич просто отвлекает меня от неправильных направлений мысли, вызванных беспокойной стрелкой спидометра.

Гусеву просто тесно и скучно в замкнутом пространстве «Опеля», мчащегося к Борисоглебску.

Ему всегда было тесно в рамках стесняющей его жизни.

Его душа рвалась на волю. А жизнь наша угнетала постоянной необходимостью блюсти ритуал.

Соблюдение однажды узаконенного регламента стесняет естественную потребность человека в свободе. Хочется творчества и полета фантазии…

Вспоминаю нечастые посиделки на «второвском» диванчике.

Сложилась в начале 60-х компания: два историка – Владимир Гусев и Владимир Второв, и два филолога – Валентин Рахманин и Владимир Листенгартен.

Погодки. Выпускники истфилфака.

Молодые люди с творческими амбициями, с интересом к жизни и с огромной готовностью к прямому действию.

Духовный отец для всех – Борис Иванович Михантьев, ректор университета той поры. Человек, открывавший шлюзы любой фантазии, прививавший вкус к самостоятельности, творчеству, инициативе.

В те годы эти люди были единомышленниками, неофициальным мозговым центром университета, и многие самодеятельные инициативы увидели свет благодаря именно этой четверке.

Символ их веры – внутренняя свобода.

И тогда, и сейчас они казались и кажутся мне либералами. (Хотя слово это у нас не в чести.)

Но что такое либерал в точном смысле этого слова? Свободный человек.

Либерализм не отменяет жесткой защиты собственной точки зрения, но допускает право других на такую же твердость.

Либерализм – это не беспредельная рефлективность. Это – свобода от предрассудков, от зашоренности.

Свобода от идеологического, эстетического, политического, экономического косоглазия. Когда глаз косит исключительно в сторону начальника, отдающего распоряжения.

Антон Павлович Чехов писал о человеке, который, по каплям выдавливая из себя раба, однажды проснулся совершенно свободным.

В этой чеховской конструкции жизни очень важны слова о том, что человек выдавливает из себя раба по каплям.

То есть ежедневно, ежечасно, ежесекундно.

Непрерывно.

Подавлять в себе рабство невероятно тяжело. Особенно тогда, когда тебе в обмен на сохранение неволи предлагают прелестную жизнь – престижную должность, высокую зарплату и другие блага, приличествующие твоему социальному статусу.

Иногда в такой ситуации разум ищет компромиссов.

Самым «продвинутым» выглядел Владимир Гусев.

Декан – с 1965 года. Проректор – с 1973 года.

Ректор – с 1987 по 1998 год.

Тридцать три года в административных кабинетах – срок достаточный для того, чтобы потерять индивидуальность.

Администраторам – от науки ли, от культуры ли – свойственно общее выражение лица.

Позвоночник непроизвольно начинает сгибаться.

Идешь на уступки.

Подстраиваешься под чужое мнение.

Входишь в положение.

Я видел Владимира Васильевича Гусева в эти годы разным – и мудрым, и хитрым, и добродушным, и резким, и раздраженным, и увертливым, и уверенным в себе.

Но никогда – озлобленным.

Но никогда – равнодушным.

Гусев был очень любознательным человеком. И не только потому, что спектр интересов Владимира Васильевича был широк – от живописи до историографии, от футбола (ходил на игры «Факела» вместе с внуком) до поэзии. У гусевской любознательности был бытийный привкус. Мне всегда казалось, что, допуская существование иной точки зрения, Владимир Васильевич пытливо выуживал из взглядов своих оппонентов что-то такое, что могло побудить собственное любопытство к продолжению поисков.

Владимиру Васильевичу Гусеву было любопытно узнавать неизвестное…

Однажды услышал я из уст телеведущего, рассказывающего о людях, вынесших на своих плечах тяготы Великой Отечественной, характеристику:

– Великое поколение.

Кто же спорит – так оно и есть.

А потом задумался: ведь у каждого поколения есть свое величие.

Шестидесятники во времена своей романтической молодости к власти допущены не были. А в зрелые свои годы – и вовсе, мне кажется, оказались в тени. На вторых ролях.

Но это их идеи, их порывы подготовили перемены девяностых. Их беспокойство и сегодня не растворилось в тумане неясного времени.

Нет невеликих времен – есть люди, не хватающие высоко, довольствующиеся малым.

Довольные собой.

Мне кажется, Владимир Васильевич Гусев к числу таких людей не относился. Вспоминаю его во время деканских совещаний, во время заседаний Ученого совета университета – сидит, прищуриваясь, слушает и всё время, мне кажется, всматривается в глубь самого себя.

Правильность своей жизни проверяет что ли? Не знаю.

Внешне неторопливый, небойкий, нерасторопный, в нужный момент Гусев оказывался и цепким, и хватким, и решительным.

Сидит, молчит, слушает, а потом, извлекая из самых разнородных суждений, реплик, замечаний, споров сущностное ядро, предлагает формулу действия, причудливо вобравшую в себя все эти споры, реплики, замечания, суждения. И как это у него так ловко получается – до сих пор ума не приложу.

Любимые словечки – «пролонгировать» и «заполнить лакуны».

И вот ведь что любопытно – лакуны заполняли, намеченное пролонгировали, подчиняясь негромким предложениям Гусева.

И многое получалось.

Возможно, тут какие-то вещи определяла природная осмотрительность провинциального мальчика, прорвавшегося на казавшуюся недоступной высоту.

Тут как в бою: важно зацепиться, окопаться и отбиваться от наседающего противника.

Банальная судьба провинциально парня, решившего покорить мир.

В 1949-м Владимир Гусев отправился штурмовать истфак МГУ. Штурм не удался: экзамены сдал успешно, но, как признавался позже сам, из-за болезни не пришел на зачисление, опоздал. И был отправлен в Воронеж: Московский университет в те годы практиковал такую форму поддержки способных абитуриентов – давал им рекомендации для поступления в региональные вузы.

Гусев приехал в Воронеж, а там зачисление уже тоже завершилось. Однако Николай Петрович Латышев, ректор тех лет, отправил запрос в Москву: не дадите ли дополнительное место для выпускника Борисоглебской школы Владимира Гусева, поступавшего в МГУ?

Не думаю, что в том несчастливо-счастливом 1949-м Гусев понимал, что получил первый урок: ректор не должен быть равнодушным к тем, кто стучится в двери подведомственного ему вуза. Но урок был дан.

Позже, когда в 1987-м Владимир Васильевич возглавил университет, не раз возникали аналогичные ситуации. И Гусев, откликаясь на просьбы деканов, звонил в Министерство, выбивая дополнительные места для успешно сдавших экзамены, но оказавшихся за бортом университета.

В 1989-м, кажется, и вовсе случилось невероятное: три десятка абитуриентов, поступавших на факультет романо-германской филологии, получили на экзаменах только отличные оценки и в соответствии с регламентом имели право на зачисление. Но выделенные по плану места уже были заняты медалистами. Ректор запросил в Москве невиданное количество дополнительных мест. И получил их.

Тут, думается, сыграл свою роль не только юридический казус – нельзя нарушать установленные правительством правила зачисления, но и личный авторитет ректора Гусева. Владимира Васильевича хорошо знали в Москве.

III

24 ноября 2007 года. 8 часов 15 минут утра.

Мелькнула за окнами пустынная в ранний час Анна.

Райцентр не торопился просыпаться.

– В Борисоглебске обязательно пойдем с тобой в картинную галерею, – повернулся ко мне Гусев. – Там есть очень хорошие работы.

– Ты имеешь в виду работы Домусчи? – спрашиваю я.

– Не только. А где ты видел картины Домусчи?

– В Воронеже. Была выставка в музее Крамского. Ты же сам мне посоветовал посетить ее и написать о своих впечатлениях.

– Правда? Не помню этого.

Вячеслав Михайлович, наш водила, изящно расправляющийся с километрами дороги, включается в беседу:

– В Борисоглебске очень приличная картинная галерея. Меня Владимир Васильевич уже угощал ею.

И добавляет:

– Сколько лет знаю Владимира Васильевича, поражаюсь его неутомимости. Вот организовал Бороздинские чтения в память о своем учителе. Однажды присутствовал на них – как интересно! Но меня поразило и другое – так чтут своих учителей далеко не все и не всегда. Владимир Васильевич – достойный ученик.

Гусев морщится:

– Да, ладно, Вячеслав Михайлович, обо мне. Это же нормально – помнить о людях, много сделавших для университета.

Я знаю, что Владимир Васильевич остро переживал свой уход с ректорского поста. Заметно сузился круг общения, исчезли просители, звонков стало меньше.

Много лет Гусев был председателем совета ректоров воронежских вузов, входил в президиум российского совета ректоров, после ухода с поста ректора остался почетным членом этого совета.

И вдруг – забвение. Незаслуженный вакуум.

– Всё нормально, – говорит Гусев, – всё нормально…

IV

24 ноября 2007 года. 9 часов 20 минут.

На спидометре – 120.

– Вячеслав Михайлович, – напоминаю я, – вы не забыли, кого вы везете?

– Не забыл, не забыл, – поворачивается ко мне Гонгадзе, увеличивая скорость. – Да вы не волнуйтесь: в Борисоглебск поспеем точно в срок.

– А блины? – говорит Саша. – Традицию нарушать не будем?

– Не будем, – успокаивает Владимир Васильевич. – На грибановской развилке мы всегда едим блины…

Стрелка спидометра приближается к 130. Еще немного и, мне кажется, мы взлетим.

– А ты помнишь Йемен? – спрашивает Гусев.

Еще бы не помнить Йемен! Летим осенью 1990-го в Южный Йемен: расстарался бывший выпускник журфака, а потом и аспирант Абдулла Альхау, занимающий высокий пост в администрации президента страны. Университетская делегация – Владимир Васильевич Гусев, Казбек Азретович Байрамуков и я – летим в Аден. В один из дней нас угощают авиаэкскурсией в Миккеля, в центр одной из йеменских провинций. Летим на стареньком «Боинге», который, приземляясь в пункте назначения, неловко плюхается на полосу аэродрома и едва не вылетает с нее.

Однако – обошлось.

Уже в гостинице Владимир Васильевич говорит невозмутимо:

– Могли разбиться, посадка была жесткой.

– Правда? – удивляюсь я. – А что же ты сразу ничего не сказал?

– А зачем же зря волновать людей. Тем более что нам еще назад возвращаться.

Впрочем, через два дня мы возвращаемся в столицу уже наземным путем. Абдулла Альхау, сопровождавший нас в поездке, туманно объясняет, что хочет нам показать страну. И мы около двенадцати часов едем по пустыне. Дорога, правда, отличная – асфальт.

Сколько помню Владимира Васильевича – он всегда был невозмутим. Иногда, чтобы скрыть волнение, прикрывал глаза. Не хотел, чтобы окружающие видели его беспокойство.

1987 год. Первые за последнее десятилетие открытые выборы ректора университета.

Университет бурлит. По корпусам ходят кандидаты, излагают свои программы. На факультетских стенах – листовки, прокламации, призывы.

Всё это внове и кажется привлекательным. Ну как же – от твоего голоса зависит судьба университета. И впервые за многие годы ты реально (так думаешь по наивности) можешь повлиять на ход событий.

Актовый зал, заполненный выборщиками, добросовестно и внимательно слушает претендентов. В результате рейтингового голосования в конечном счете остаются двое – Владимир Васильевич Гусев и Валентин Сидорович Рахманин.

Разница в предварительно набранных голосах небольшая.

Страсти накаляются.

Тут уж говорят не только о достоинствах кандидатов, но и об их недостатках.

Валентину Сидоровичу достается больше. Его помнят как жесткого непреклонного секретаря парткома университета, как университетского Робеспьера, громившего всякого рода отступников и заблудших.

Владимир Васильевич, по сравнению с ним, выглядит мягким и рассудительным человеком. Как там у Александра Сергеевича Пушкина: «И милость к падшим призывал…»?

Понимаю, что должен выступить, но в пользу кого? И с Гусевым, и с Рахманиным у меня давние дружеские, хочется думать, доверительные отношения. И все-таки выступаю в поддержку Рахманина. Его непреклонность представляется мне сегодня более уместной. Говорю о том, что во главе университета должен стоять человек, обладающий четырьмя качествами – быть хорошим организатором, быть настоящим педагогом, быть настоящим ученым и, конечно, быть личностью. Всем этим качествам соответствует Валентин Сидорович Рахманин.

Рахманин сидит чуточку сбоку от трибуны и выражение его лица я не вижу, а Гусев – прямо напротив меня, и я хорошо вижу его спокойный взгляд.

Ну, всё, думаю, рассорились навеки – ведь из моего пылкого монолога следует, что он, Гусев, не ученый, не организатор, не педагог и не личность…

С небольшим перевесом выборщики отдают предпочтение Владимиру Васильевичу Гусеву.

Много лет спустя я спросил Валентина Сидоровича Рахманина: «Ты не пожалел впоследствии, что не стал тогда ректором?». Рахманин подумал и ответил:

«Сначала была небольшая обида. Не на Гусева – на коллектив, который меня не хотел принять в качестве ректора. А потом я понял: и хорошо, что так всё случилось. Владимир Васильевич был уместен на своем посту. Ношу взвалил на свои плечи – тяжелую. Как он ее выдержал – я не знаю. Я бы, скорее всего, сломался».

За одиннадцать лет ректорства Владимира Васильевича Гусева были открыты пятнадцать новых кафедр, создан факультет фармации (совместно с мединститутом), открыты тринадцать советов по защите докторских диссертаций, выстроен жилой дом для сотрудников университета и заложен еще один, сдано в эксплуатацию новое здание, в котором разместились факультет журналистики и подготовительный факультет для иностранных граждан, возведена пристройка к корпусу экономического и географического факультетов. Заметно выросло число студентов, обучающихся в вузе, увеличился и преподавательский корпус.

ВГУ вошел в число десяти крупнейших классических университетов страны. Понятно, что тут не обошлось без поддержки Министерства, но ведь эту поддержку еще надо было заслужить.

Думаю, что в те годы Ягодин, возглавлявший Министерство и много сделавший для демократизации вузов, видел в Гусеве своего единомышленника. Границы университетской автономии были заметно расширены. Вузы получили возможность определять перечень индивидуально вводимых учебных дисциплин (в учебных планах появилась спасительная графа «Региональный компонент»). Разрешена была коррекция учебных планов, можно было вводить новые специальности и специализации, корректировать учебный процесс в связи с особенностями края.

Наконец, самое, пожалуй, важное – вузы получили возможность самостоятельно использовать внебюджетные средства.

И тут Владимир Васильевич проявил стратегическое чутье и талант менеджера (хотя слово это только-только входило в обиход).

Помню, как на одном из заседаний деканов Гусев предложил выработать общую стратегию расходования поступающих в университет внебюджетных средств. Тогда, в начале 1990-х, внебюджетные фонды только начинали формироваться, и ректору никто бы и слова не сказал, если бы он наложил вето на поступавшие в университет дополнительные средства (многие ректоры, кстати, так и сделали).

Но Гусев не был бы Гусевым, если бы не вынес обсуждение этого вопроса на совещание деканов. Владимир Васильевич предложил: внебюджетные фонды делим по схеме: 40 процентов – ректорату, 60 – факультетам. Хитроумный ректор всё рассчитал точно: шестьдесят процентов доходов, замаячивших в воображении деканов, еще никогда не державших в руках вообще никаких дополнительных сумм, выглядели хрустальным дворцом счастья. А таких деканов в университете было большинство. Экономисты и юристы, уже почувствовавшие вкус больших денег и настаивающие на ином раскладе (двадцать к восьмидесяти), оставались в меньшинстве.

К тому же Владимир Васильевич объяснил: 10 процентов всех поступающих в университет средств отдаем на формирование библиотечного фонда. Без современной литературы вести обучение невозможно.

Кто бы с этим спорил!

Чуть позже Светлана Владимировна Янц, возглавлявшая в те годы университетскую зональную научную библиотеку, говорила счастливо: «У нас никогда до этого не было таких средств на приобретение научной литературы».

Выступая на одной из конференций той поры, Владимир Васильевич заметил: «Время востребовало инициативных людей, и они появились».

Мне кажется, слова эти в полной мере относились и к самому ректору…

Я не пишу иконописный портрет Гусева: насколько я знаю, ему приходилось подчас принимать непопулярные решения, идти на компромисс с властью, делать уступки факультетам. Его поступки вызывали иной раз раздражение и неприятие. Но знаю твердо, что даже в компромиссах у ректора были пределы, за которые он никогда не ступал.

Совесть не позволяла.

24 ноября 2007 года. 10 часов утра.

– Да, да, мы подъезжаем, – говорит он. – Скоро будем.

Объявляет:

– Звонил Валерий Александрович. Суровцев уже там. Слушатели – тоже.

Валерий Александрович Лебедев, в недавнем прошлом глава администрации Борисоглебского района, а ныне – руководитель филиала Воронежского архитектурно-строительного университета, открытого несколько лет назад в Борисоглебске энергичным ректором ВГАСУ Игорем Степановичем Суровцевым. Филиал – принимающая сторона. В его помещении раз в месяц собираются слушатели семинара на встречу с учеными, приезжающими из Воронежа.

Семинар придумал неутомимый Гусев. Идею поддержал столь же неутомимый Суровцев. Непременным лектором и водилой согласился быть неутомимый Гонгадзе.

Впереди маячит Борисоглебск.

– Володя, – говорю я, – свой дом в Борисоглебске покажешь?

– Нет, – отвечает он, – не могу. После смерти мамы очень трудно бывать там.

Отец Владимира Васильевича – Василий Иванович – рабочий консервного завода, умер много лет назад. Мама, Елизавета Алексеевна, дожила до ста лет. Близкие Владимира Васильевича знали – сын был очень привязан к матери, и ее уход переживал тяжело.

Владимир Васильевич мне всегда представлялся человеком, умеющим держать удар.

Он никогда не жаловался. Невзгоды принимал как неизбежность. Был стоек. Все перемены в собственной судьбе воспринимал естественно просто: что есть, то есть. Из стали он выкован был что ли? – не знаю. Но вот поди ж ты – не ломался.

Вспоминаю август 1991-го.

Путч.

Над ректором Гусевым сгущаются тучи. В тревожные дни схватки Владимир Васильевич издает приказ, который, когда путч подавили, победители стали рассматривать как признание в пособничестве заговорщикам.

А в приказе всего-то обычные распоряжения об усилении контроля за соблюдением порядка в учебных корпусах университета.

Партком проводит экстренное заседание, на котором призывает сотрудников университета соблюдать спокойствие и осуждает все попытки свернуть страну с пути наметившихся демократических перемен.

Главное в действиях руководства университета той поры – не дать разгореться страстям. Но страсти уже разгорелись.

Новая власть ищет скрытых и явных сторонников путчистов. В поле зрения оказываются ректорский приказ и сам ректор.

Бурное заседание расширенного Ученого совета университета.

Ораторы скрупулезно анализируют пункты приказа и поведение ректора в те дни. В какой-то степени всё это перекликается с известными заявлениями ГКЧП о наведении порядка в стране. Владимир Васильевич ведет заседание с традиционной невозмутимостью.

Дает высказаться каждому. Выступают и активные сторонники ректора, и яростные его оппоненты.

Но первых – больше.

Принимается резолюция в поддержку действий ректората.

Владимир Васильевич Гусев сохраняет пост, который он занимал последние четыре года.

Годы были бурными.

С одной стороны – ликующая радость перестройки.

Свободу можно вдыхать уже не глотками – полной грудью.

Обветшалое здание империи трещит по швам.

Кажется, еще немного – и начнется не виданная ранее жизнь. Но не виданная ранее жизнь никак не начинается. Надежды мечтателей тонут в государственном словоблудии и бросающейся в глаза непоследовательности власть предержащих.

Экономика разваливается на глазах, и среди первых жертв развала социалистической системы хозяйствования – вузы.

Нищенская зарплата преподавателей и сотрудников.

Стареющая материальная база.

Кризис идей.

Вспоминаю Владимира Васильевича Гусева той поры.

На совещаниях деканов, на заседаниях Ученого совета университета среди приоритетных тем – совершенствование учебного процесса.

Смутному времени ректор противопоставил свою волю, свою энергию, свое видение проблем.

– Образовательные лакуны должны быть заполнены, – любил повторять Владимир Васильевич.

Мне кажется, время после 1991-го – лучшие годы в жизни ректора Гусева.

Ощутил дыхание свободы и дарованной самостоятельности.

Выстроил стратегию действий в новых обстоятельствах жизни.

Почувствовал поддержку единомышленников деканов.

Обрел уверенность в правоте своей позиции.

Ощутил свою уместность на посту руководителя огромного коллектива.

И видел – многое из задуманного осуществляется.

Это придавало силы.

А в календаре собственной жизни неумолимо слетают листочки. И настало время, когда пришлось – в соответствии с административным регламентом – оставить свой пост.

Это действительно был пост.

Точка опоры и рубеж защиты любимого дела.

Гусев вернулся на кафедру новой и новейшей истории в должности ее заведующего и профессора.

– Защищай докторскую, – сказал я однажды Владимиру Васильевичу, – у тебя свыше ста публикаций.

– А зачем мне это нужно? – возразил Гусев. – Я стану умнее? Меня возлюбят мои недруги? Звание доктора прибавит научный авторитет? Есть дела поинтересней.

Одним из таких интересных дел стала организация постоянно действующего семинара в Борисоглебске.

– А это тебе зачем? – спросил я у Владимира Васильевича в день его семидесятипятилетия. – Поездки в Борисоглебск, туда-сюда – пятьсот километров – это не для нашего возраста.

– Во-первых, это нужно не мне, а тем людям, что съезжаются на семинар, а во-вторых, я езжу не «туда», как ты выражаешься, а к себе домой. Это куда важнее пятисот километров дороги. И если ты хоть раз съездишь со мной, то поймешь, почему я езжу в Борисоглебск.

VI

24 ноября 2007 года. 10 часов 30 минут.

Борисоглебск вынырнул из-за поворота как-то неожиданно.

«Опель» мягко тормозит у здания филиала ВГАСУ.

– Приехали, – говорит Вячеслав Михайлович, – а вы боялись.

В кабинете Валерия Александровича Лебедева гостеприимные хозяева потчуют чаем и альбомом с видами города.

Игорь Степанович Суровцев поглядывает на часы:

– Нас ждут.

Два часа рассказываем собравшимся каждый о своем.

Игорь Степанович – о поездке в Китай. Вячеслав Михайлович предлагает текущую информацию о международных проблемах. Я рассказываю о тенденциях развития современной российской журналистики. Александр Васильевич Сорокин предлагает собравшимся свежие номера «Времени Ч».

Краешком глаза наблюдаю за Владимиром Васильевичем: он вроде бы и слушает выступающих, но весь – в зале, среди слушателей.

Работает – следит за реакцией, анализирует, видит, что собравшимся интересно, что – не очень. Давно заметил у Гусева эту особенность – у него какое-то свое бинокулярное восприятие собеседников: вроде бы слушает говорящего, но одновременно прислушивается и к собственному внутреннему голосу. Словно что-то уточняет для себя, проверяет свою позицию.

Три часа дня.

Мы в том же составе перемещаемся в актовый зал местного пединститута на встречу с его сотрудниками и студентами. Выступаем в том же порядке (только более коротко). Единственное изменение – выступление Владимира Васильевича.

Ведущий встречу Игорь Степанович Суровцев всё рассчитал точно: профессор Гусев – земляк собравшихся в зале, его имя на слуху у всех.

Выступление Владимира Васильевича – своеобразная кода встречи. Говорит Гусев о том, что наболело. Вдруг промелькнула мысль: может, это заготовки будущей статьи? А может, импровизация, рожденная сегодняшним семинаром?

Не знаю. Вижу только, как затих зал.

Владимир Васильевич говорит сурово. Жестко говорит:

– Создание уникальной системы подготовки преподавательских кадров для общеобразовательных школ – вот в чем главная проблема. Проблема, я бы сказал, жуткая. Учим мы детей в школах плохо. Кто приходит в вузы, с какими знаниями, особенно по русскому языку? Как правило, недоучки.

И здесь виновато не только введение ЕГЭ. Здесь наша с вами совместная вина. Уровень подготовки преподавательских кадров, особенно в гуманитарной области, на редкость низок. За него просто стыдно… Нужно менять положение дел.

Далее Владимир Васильевич предлагает:

– Нужна кооперация вузов. Определяющей должна быть линия сотрудничества, содружества ВГУ, ВГАСУ, Педуниверситета с борисоглебскими преподавателями.

И в заключение:

– Хочется, чтобы власть занималась проблемами образования не только в период выборов, но и в своей повседневной работе, в меру своих сил помогая учителям и учителям учителей… Давайте честно делать свое дело, и тогда у нас всё в конце концов получится.

Сел, провожаемый аплодисментами.

Игорь Степанович объявляет встречу закрытой. И тут мы поняли, что произошло что-то катастрофическое: Владимир Васильевич сидел как-то неловко, опи-

раясь на край стола. Лицо было бледное. Впрочем, улыбался. Старался показать, что с ним всё в порядке.

Бросились открывать уже заклеенные на зиму окна актового зала. Вызвали «скорую». Кто-то предложил Владимиру Васильевичу стакан воды. Кто-то полез в карман за валидолом.

Гусев, видя эту суматоху, успокаивал:

– Всё нормально, сейчас пройдет, сейчас я посижу, и мы пойдем с тобой, Лев, в картинную галерею. Только, ради Бога, не суетитесь…

Приехала «скорая». Владимира Васильевича уложили на носилки.

Последнее, что услышал:

– Я, наверное, очень бледный?.. Ничего, ничего – это пройдет…

Потом двое суток борисоглебские врачи пытались возвратить Владимиру Васильевичу жизнь.

В половине седьмого утра 27 ноября мне позвонил Игорь Степанович Суровцев.

Сказал коротко:

– Сегодня в шесть утра прекратилась жизнь Владимира Васильевича Гусева.

Так сложилось.

Сердце Владимира Васильевича устало жить.

Это случилось в городе, где семьдесят пять лет назад началась его жизнь

Из Борисоглебска в Воронеж он вернулся с застывшим на лице выражением обиды – не хотелось покидать этот мир.

А кому хочется?..

Лев Кройчик

P.S. Ученый совет ВГУ и власти г. Борисоглебска увековечили память Владимира Васильевича: на историческом факультете ВГУ учреждена стипендия имени В. В. Гусева, одной из аудиторий факультета присвоено его имя; имя В. В. Гусева будет носить также и семинар, учрежденный В. В. Гусевым в Борисоглебске. На здании школы, где учился ученый, установлена мемориальная доска. Вышел сборник, посвященный памяти профессора В. В. Гусева…

Эвелина Павловна

ДОМАШЕВСКАЯ

(1935 г.р.)

Доктор физико-математических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ. Действительный член РАЕН с 1999 года. Член научной секции РАН по проблеме «Рентгеновская и электронная спектроскопии».

За выдающиеся достижения в области электронного строения полупроводников и тонкопленочных гетероструктур награждена президиумом Российской академии естественных наук памятной медалью П. Л. Капицы.

Сфера научных интересов: физика конденсированного состояния; исследование электронного строения наноструктур, содержащих квантовые точки и наночастицы, исследование синхротронных и ультрамягких рентгеновских спектров наноструктур и нанокомпозитов.

Окончила физико-математический факультет ВГУ (1957). С 1960 года младший научный сотрудник, старший преподаватель, доцент, профессор, заведующая (с 1981 года) кафедрой физики твердого тела ВГУ.

БЫТЬ ПЕРВОЙ – НЕ КАЖДОМУ ДАНО

Путь Домашевской в большую физику был необыкновенный, почти фантастический.

Она родилась в Манчжурии. Ее отец, Павел Анисимович Домашевский, служил в харбинской таможне КВЖД (Китайско-Восточной железной дороги). Еще в 1896 году Китай дал согласие на постройку Россией через Манчжурию железной дороги Забайкалье – Приморье. С тех пор на КВЖД работал русский персонал. Шли годы. КВЖД отошла к Японии, потом была продана Манчжурии... После очередного изменения политической обстановки советским гражданам, работавшим на КВЖД, было предложено вернуться на Родину. Домашевские осели в Воронеже. В 1937 году 29-летнего Павла Домашевского расстреляли как «японского шпиона». Арестовали и жену, а двухлетнюю Элю отправили в приют. Ее ждала судьба таких же, как она, детей «врагов народа» (помните девочек Нориных?). Спасла сестра матери. С документами, свидетельствовавшими, что их дед был казнен в восемнадцатом году атаманом Калмыковым, дерзкая тетя Вера прорвалась в приемную председателя ВЦИК М. И. Калинина и передала «Всесоюзному старосте» заявление и документы. И произошло счастливое исключение из злодейских правил: ее племянницу позволили забрать из приюта.

Школьница Эля Домашевская понимала, что ей, дочери «врага народа», достичь в жизни чего-то значительного почти невозможно. Единственное средство – везде быть первой. Для этого у нее были большие способности к учебе, мироощущение оптимистки, характер борца, темперамент общественницы и спортсменки (чемпионка города по теннису среди девушек!).

Школу она закончила с одними «пятерками», ей пришлось дать золотую медаль. Она поступила на физмат ВГУ и среди студентов тоже была одной из лучших. Творческое воображение и склонность к экспериментаторской работе привели ее в 1957 году на кафедру М. А. Левитской. Молодая аспирантка стала ее наиболее способной ученицей.

Еще при жизни Марии Афанасьевны Домашевскую заинтересовали электронные процессы в полупроводниках, области природы, лежащей на стыке двух наук – физики и химии. Ее привлекла новизна научных представлений. Пионером исследования полупроводников был А. Ф. Иоффе. К этой стороне его деятельности М. А. Левитская относилась несколько скептически, поэтому и основное содержание будущей диссертации своей аспирантки не вызывало у нее большого энтузиазма. Между тем исследовательской работой молодого способного физика Эвелины Домашевской заинтересовался активно работавший на кафедре неорганической химии Яков Александрович Угай. Он и стал научным руководителем Домашевской, защитившей в 1967 году кандидатскую диссертацию «Природа химической связи в полупроводниках».

Младший научный сотрудник, ассистент, старший преподаватель, доцент кафедры физики твердого тела… А ей всего 35, она – сама энергия и напор.

Эвелина Павловна рассказывала:

– Когда я писала кандидатскую диссертацию, на кафедре был всего один прибор – тяжелый спектрометр с огромной чугунной крышкой. Его аспиранты в шутку «кастрюлей» прозвали. Когда я получила степень кандидата, то пошла буквально напролом. Сунулась в 1967 году к проректору университета но науке. Представьте картину: приходит к солидному мужчине-ученому 30-летний кандидат наук и начинает «права качать»: выдайте деньги, создан такой уникальный прибор – рентгеновский спектрометр, без него никак не обойтись. И он согласился, а этот прибор, РСМ-500, стоил по тем временам 50 тысяч. Это десять «Волг», если перевести на понятный язык. Сумма колоссальная… Тогда я еду на завод «Буревестник» в Ленинград и сижу там сутками под дверью генерального директора Николая Ивановича Комяка. А это был молодой, красивый, увлеченный своим делом, приборостроением, человек. И он понял родственную творческую душу, пусть и в женском образе!

И всё-таки она ждала две недели, пока не выделили, наконец, прибор. Сейчас подобные спектрометры выпускают в Америке, и цена одного – миллион долларов! Вряд ли кто-либо в Воронеже способен предложить такие деньги… А наш старичок-прибор уже еле дышит, устарел, детали его изношены, пытаемся отремонтировать… И Николай Иванович Комяк, друг и однокашник Жореса Алфёрова, получив в 2000 году звание члена-корреспондента Российской академии наук, в том же году безвременно ушел из жизни. А с Жоресом Ивановичем творческая дружба продолжается. Свидетельством этому является совместный семинар по гетероструктурам, проведенный под Воронежем в 2000 году, в канун получения Ж. И. Алфёровым Нобелевской премии.

Домашевская приняла кафедру физики твердого тела в 40 лет, написала докторскую диссертацию «Электронное строение полупроводников. Методы исследования – рентгеновская и фотоэлектронная спектроскопия» и успешно ее защитила, вызвав при этом своего рода сенсацию в научном мире. Защита проходила в Киеве. Собравшиеся по этому случаю именитые профессора, академики (в основном теоретики) были шокированы: они никогда не видели «соискателя в юбке». Настроенные вначале скептически, держались высокомерно, но слушали внимательно и проголосовали… единогласно.

Семнадцать лет после смерти Марины Афанасьевны Левитской кафедрой физики твердого тела руководили мужчины. Второй женщиной-профессором после Левитской стала Домашевская. Созданная и возглавляемая Домашевской научная школа, названная одной из 12 ведущих научных школ ВГУ, занимается проблемами электронного строения твердых тел и межатомного взаимодействия в кристаллах, тонких пленках и гетероструктурах. Были открыты фундаментальные закономерности электронного строения твердых тел с полупроводниковыми, металлическими и сверхпроводящими свойствами. Признанием Домашевской как главы научной школы явилось присуждение ей в 1996 году гранта программы «Поддержка ведущих научных школ», в 1995 году ей присвоено звание Соросовского профессора.

Плодотворность научного направления (школы) определяется в первую очередь количеством воспитанных в ней ученых самого высокого уровня подготовленности. Под руководством профессора Домашевской защищено 8 докторских и 24 кандидатские диссертации. В ее научном коллективе выросли доктора физико-математических наук Владимир Андреевич Терехов, Олег Вениаминович Фарберович, Сергей Иванович Курганский, Лариса Ивановна Куркина, Вячеслав Иванович Кукуев, Юрий Алексеевич Юраков, Владимир Дмитриевич Стрыгин, Роман Валентинович Кузьменко.

Результаты научных исследований Эвелины Павловны Домашевской изложены более чем в четырехстах научных работах и опубликованы в академических и зарубежных изданиях. Профессор Домашевская поддерживает широкие научные контакты со своими коллегами. Зная три языка, она делала доклады на десятках международных конференций в Германии, Чехословакии, Югославии, Польше, Италии, Японии, Китае, США. Ее лекции в школах-семинарах «Рентгеновские и электронные спектры и химическая связь» неизменно вызывали живой интерес в Москве, Киеве, Одессе, Воронеже, Ростове-на-Дону, Екатеринбурге, Владивостоке и других городах.

Э. П. Домашевская – женщина, завораживающая своей энергией и обаянием. Она неутомимый организатор различных объединений физиков. В 1996 году ее усилиями в Воронеже был проведен 1-й Российско-Германский семинар, посвященный 100-летию открытия рентгеновских лучей, ставший традиционным. С 2001 года научные проекты под руководством Э. П. Домашевской выполняются ее учениками на новом Берлинском синхротроне BESSY II в Российско-Германской лаборатории.

Будучи председателем Региональной Ассоциации Соросовских профессоров, учителей и студентов, она организовала и провела 7 региональных конференций для Соросовских учителей Воронежской, Липецкой и Белгородской областей и Летнюю школу для лучших учащихся старших классов.

Нет смысла перечислять множество титулов, званий и должностей Домашевской. Достаточно сказать, что она в 2000 году была награждена медалью П. Л. Капицы за выдающиеся достижения в науке.

Домашевская объездила полмира, но где бы она ни была, стремилась вернуться в Воронеж: здесь ее студенты, ее университет. Здесь ее дом. Здесь она работает по 14–16 часов в сутки, нередко прихватывая субботы и воскресенья. Человек по натуре жизнерадостный, она заражает оптимизмом всех вокруг, и серьезное дело, направленное на поиск и нацеленное на победу, идет весело.

Главное содержание ее жизни – наука, физика. Но вот, встречаешь профессора Домашевскую на художественной выставке, в фойе театра или в зале филармонии – и совсем неслучайными оказываются слова, оброненные этой женщиной с физическим складом ума: «Красивый спектр…» или «Изящный результат…» …Не от Марии Афанасьевны ли это протянулось?

Илья Кесслер

Николай Павлович

ДУБИНИН

(1906–1998)

Доктор биологических наук, профессор, академик АН СССР, лауреат Ленинской премии, Герой Социалистического Труда (1990).

Основатель и разработчик многих новых направлений биологии, автор классических работ по эволюционной, радиационной, молекулярной и космической генетике, проблемам наследственности человека. Дал научное обоснование селекции сельскохозяйственных животных, растений и микроорганизмов, внес вклад в развитие медицинской генетики, наметил пути развития генетики в XX веке.

В ВГУ работал в 1938–1941, 1945–1948 годах, заведующий кафедрой генетики ВГУ. Уволен по политическим мотивам после августовской сессии ВАСХНИЛ.

Впоследствии – директор лаборатории радиационной генетики Института биофизики АН СССР (1956–1966), организатор и директор Института цитологии и генетики Сибирского отделения АН СССР (1957–1959), организатор и директор Института общей генетики АН СССР (1966–1981).

ГЛАВНЫЙ КОРПУС

ВЕЧНОЕ ДВИЖЕНИЕ

* * *

Вспоминается моя работа в Воронежском университете.

Получилось так. В 1938 году Е. Д. Постникова, закончив аспирантуру, стала работать в Воронежском университете и уговорила меня взять на себя обязанности заведующего кафедрой генетики в этом университете. Я согласился и 10 лет был связан с этой кафедрой. Ездил в Воронеж читать лекции и руководил там аспирантами. Сюда пришел работать Д. Ф. Петров, затем заведующий лабораторией в Новосибирске.

Здесь выросла в известного ученого-генетика животных моя бывшая аспирантка Г. А. Стакан, ныне заведующая лабораторией в Институте цитологии и генетики Сибирского отделения АН СССР. Много учеников было у меня на этой кафедре.

Я до сих пор встречаюсь с ними, иногда получаю письма. Встречи бывают подчас совершенно неожиданными. Так, в апреле 1970 года я знакомился с работами Института виноделия и виноградарства «Магарач» в Ялте. В отделе микробиологии мне рассказали об интересных планах по созданию ценных рас дрожжей с помощью современных генетических методов, и в первую очередь при использовании радиации и химических мутагенов. В конце нашей беседы заведующая этим отделом Надежда Ивановна Бурьян вдруг обратилась ко мне с такими словами: «А знаете ли вы, Николай Петрович, что я ваша ученица?»

Выяснилось, что Н. И. Бурьян училась в Воронежском государственном университете и слушала мои лекции по генетике.

Из воспоминаний Николая Дубинина

Печатается по: *Дубинин Н. П.* Вечное движение. М., 1989.

* * *

Небольшого роста, подтянутый, с аккуратной прической, приветливый – таким мне запомнился профессор Николай Петрович Дубинин. Профессор работал в Москве, но одновременно с 1938 года руководил кафедрой генетики в Воронежском государственном университете. Мне, тогда студенту, посчастливилось прослушать курс его лекций, а в мае 1940 года я сдал ему экзамен. Молодой профессор – ему шел тогда 33-й год – нравился студентам многими своими достоинствами и даже тем, что из бывшего беспризорника стал крупным ученым. А наши девушки были просто влюблены в него.

Н. П. Дубинин к тому времени был уже известным не только в нашей стране, но и за рубежом благодаря сделанным им научным открытиям, поставившим его в ряд выдающихся ученых-генетиков.

Из воспоминаний Ивана Заянчковского

Успехи кафедры генетики

Профессор Н. П. Дубинин при участии лаборанта Т. И. Ретунской ведет большое исследование по экспериментальному анализу природных популяций. Это – новое эволюционно-генетическое направление. Работы проф. Дубинина значительно углубили и расширили наши познания по естественному отбору, процессам изменчивости и конкретному ходу эволюционных процессов в природе. Они вызвали широкий отклик среди ученых и послужили толчком к созданию советского, американского, английского и других направлений по экспериментальной генетике популяций <…>.

Недавно проф. Дубинин избран членом-корреспондентом Академии наук СССР.

Евгения Постникова

Печатается по: За научные кадры. 1947. 20 авг.

* * *

В 1948 году Т. Д. Лысенко и его сторонники одержали победу. Однако это была пиррова победа. Царь Пирр, который жил в 319–273 годах до нашей эры, при всех своих достоинствах полководца являлся авантюристом как политический деятель. В 279 году он одержал победу над римлянами, но за эту победу заплатил затем потерей своей страны – Эпиреи, а через семь лет сам оказался убитым.

По нашему мнению, Т. Д. Лысенко не понимал, в какой мере беспочвенны были его успехи перед лицом науки и перед задачами развития производительных сил нашей страны. Ему казалось, что он разгромил твердыни «буржуазной» науки. В угаре победы он выбросил все свои «новые» идеи на суд безжалостного времени. Как будет показано ниже, приговор оказался ужасным.

Несколько лет спустя, когда ошибки в биологической науке были устранены, меня спрашивали: почему я не отступил перед такими серьезными трудностями в 1948 году?

– Знаете, – отвечал я, – в моем сердце жила неистребимая уверенность в своей правоте и ясное понимание того, что будущее принадлежит утверждению истины и что эта истина очень нужна. Всё остальное, то есть выдержка, спокойствие, иногда и юмор, приходило само собой.

В те времена при встречах со мной кое-кто опускал глаза. Я их не опускал, мое сердце полно было непоколебимой веры в конечное торжество научных принципов классической генетики.

В сентябре 1948 года мы покидали институт на Воронцовом поле, 6. Здесь началась моя большая самостоятельная работа – руководство отделом генетики Института экспериментальной биологии 16 лет тому назад. Здесь прошли наши золотые годы. Здесь мы пережили безмерную тяжесть утраты Н. И. Вавилова, Н. К. Кольцова, Г. Г. Фризена, Л. В. Ферри, Г. Д. Карпеченко, Г. А. Левитского, А. С. Серебровского, И. И. Агола, С. Г. Левита, М. Л. Левина и В. Н. Слепкова. В этих стенах мы встречали Великую Отечественную войну и здесь же торжествовали ее победоносный конец. Отсюда мы думали идти вперед, мечтая о создании Института цитологии и генетики.

Теперь мы уходили отсюда. В Институте цитологии, гистологии и эмбриологии оставляли только двух генетиков – Б. Л. Астаурова и М. А. Пешкова.

Помню, как В. Е. Альтшулер, мой старый друг, приезжал ко мне домой и всё пытался убедить, что в выдвинутых Т. Д. Лысенко принципах адекватного наследования благоприобретенных свойств есть особый глубокий смысл. Я его выслушал и послал к дьяволу.

Горько было читать, что М. Е. Лобашев, отдавший генетике десятки лет своей жизни, отказывается от нее и переходит на позиции Т. Д. Лысенко. Не верилось, что С. М. Гершензон, Н. В. Турбин, отлично понимая значение генетики как науки, тем не менее писали, что отказываются от принципов хромосомной теории. С. И. Алиханян, П. М. Жуковский, И. М. Поляков на заседании сессии ВАСХНИЛ заявили о своем отказе от принципов классической генетики.

Мы не могли ни в чем каяться, так как глубоко понимали, что наше упорство – это лучшее из всего того, что можно было сделать, чтобы защитить нашу науку. Мы – это И. А. Рапопорт, Г. Г. Тиняков, Б. Н. Сидоров, В. В. Хвостова, В. В. Сахаров, Е. Н. Болотов, Н. Н. Соколов, М. А. Арсеньева, Б. А. Кирсанов, Б. Ф. Кожевников, А.А. Малиновский, другие и я. Мы покинули наш милый, родной дом на Воронцовом поле. Сожалений не было. Только один раз Б. Н. Сидоров сказал мне, что никто не осудит, если мы в чем-то покаемся. Я послал все покаяния к чертям и сказал, что никогда, никогда этого не будет. Как мы сами себе посмотрим в глаза через несколько лет, когда наступит торжество признания нашей науки? Однако когда же оно придет? Помню, в 1954 году Н. И. Шапиро сказал мне, что всё это очень надолго, что, по его мнению, идеи Т. Д. Лысенко сохранятся не менее 50 лет.

– 50 лет, – воскликнул я в ответ, – да вы что? Годы, считанные годы остались для их жизни. Разве в атомных взрывах перед вами не встает новая, радиационная генетика? Разве в торжестве гибридной кукурузы вы не слышите замечательного внедрения генетики в сельское хозяйство? А биохимия? Да ведь она на наших глазах превращается в генетическую биохимию! Нет, нам ждать недолго, пора вновь, и очень серьезно, подумать о том, как нам бороться за нашу генетику, чтобы приблизить время ее прихода.

Много лет тому назад Мария Склодовская-Кюри, когда ей был всего лишь 21 год, еще не подозревая, что открытием радия она войдет в ряды бессмертных, записала: «Основное правило – не давать сломить себя ни людям, ни обстоятельствам».

В течение всего 1948 года буря над нашими головами всё крепчала. В выступлениях на научных сессиях, в газетах и журналах деятельность генетиков называлась антинародной. Десять лет тому назад это было бы более чем достаточно для крайних репрессий. Теперь же мы просто изгонялись из нашей науки. Казалось, и мы, и наша генетика сломлены и уходим в прошлое, ошибочное и горькое. На самом же деле шло всё своим чередом. Мы были корнями могучей науки, и ее громадному дереву еще предстояло цвести на нашей Родине. Я понимал, какая трудная и какая счастливая доля выпала нам в этой борьбе. Для нас начиналась ночь, полная тьмы и вместе с тем самых светлых, вскипающих предчувствием счастья ожиданий.

Осенью 1948 года, покидая институт, я шел с В. В. Хвостовой. Она сказала, что впереди только черные дни, генетики не будет.

– Да что вы, Вера Вениаминовна! – воскликнул я. – Что вы, душенька, да подождите вы, пройдут долгие годы, у нас будет настоящий генетический институт, который посвятит свои силы фундаментальным, истинным проблемам генетики. Разве вы не понимаете, что такой институт как воздух нужен нашей стране. Тучи пройдут, и опять будет сиять солнце!

Из воспоминаний Николая Дубинина

Печатается по: *Дубинин Н. П.* Вечное движение. М., 1989.

Александр Андреевич

ДУБЯНСКИЙ

(1880–1974)

Доктор геолого-минералогических наук, профессор, член-корреспондент АН УССР, лауреат Ленинской премии, заслуженный деятель науки и техники РСФСР.

Основные исследования касаются изучения геологического строения, гидрогеологии и полезных ископаемых южной части Восточно-Европейской платформы. Открыл залежи мергеля, на базе которых построен Подгоренский цементный завод. Открыл также месторождения охры, гранита, огнеупорных глин, песков и других строительных материалов. Разработал основы учения о подземных водах Центрально-Черноземной области, что способствовало их рациональному использованию. Один из первооткрывателей крупных месторождений железной руды на территории Курской магнитной аномалии (Ленинская премия, 1959).

В ВГУ преподавал в 1933–1949 годах, заведующий кафедрой общей геологии, декан геолого-географического факультета ВГУ (1934–1938).

ВЫБОР

Александр Андреевич Дубянский родился в селе Старая Криуша Воронежской области. В 1908 году он с золотой медалью окончил Юрьевский университет и был оставлен в этом университете в качестве ассистента при кафедре геологии. В этом же году А. А. Дубянский был командирован Императорским Минералогическим обществом для производства геологических исследований в Воронежскую губернию. Для продолжения работ ему было выдано «Свидетельство» за подписью академика и почетного директора Минералогического общества А. П. Карпинского: «Дирекция Императорского Минералогического общества покорнейше просит подлежащих властей оказывать г. Дубянскому, в случае надобности, законное содействие к успешному выполнению возложенного на него поручения». В 1908 году А. А. Дубянским был представлен «Предварительный отчет о геологических исследованиях в Богучарском уезде Воронежской губернии в пределах 75 листа десятиверстной карты Европейской России». В 1913 году для продолжения научных исследований А. А. Дубянский переехал в Петербург, где работал гидрогеологом в организациях Геологического Комитета. По поручениям Комиссии по изучению производительных сил он неоднократно проводил исследования полезных ископаемых Центрально-Черноземной области. В 1921–1924 годах был заведующим кафедрой Владикавказского политехнического института (кафедра геологии и палеонтологии).

С 1924 года А. А. Дубянский окончательно связал свою судьбу с Воронежем, где до 1933 года заведовал кафедрой геологии и гидрогеологии в Воронежском сельскохозяйственном институте. После создания геологического факультета Воронежского университета А. А. Дубянский был его первым деканом. К этому времени он уже стал известным ученым, крупным знатоком геологии Централь-

но-Черноземных областей. В 1937 году постановлением Высшей аттестационной комиссии А. А. Дубянский был утвержден в ученой степени доктора геолого-минералогических наук без защиты диссертации, а в 1939 году избран членом-корреспондентом АН УССР. Основанием для этого явились его многочисленные исследования и обобщения по геологии, гидрогеологии и полезным ископаемым ЦЧО. Среди них такие открытия, как обнаружение залежей журавкинских и бутурлиновских охр (1932), уникального источника минеральных вод Белая горка (1933), прогноз железных руд КМА (1934).

Официально заведующим кафедрой общей геологии до 1941 года числился член-корреспондент Украинской академии наук, профессор Александр Андреевич Дубянский. Но он постоянно работал в Воронежском сельскохозяйственном институте (СХИ), а в университете появлялся редко: на заседаниях кафедры, а также на научных конференциях, в которых нередко принимал самое активное участие. Фактически же главными фигурами на кафедре были доценты Дмитрий Михайлович Коненков и Георгий Петрович Горшков.

Александр Андреевич Дубянский был по специальности гидрогеологом, но он интересовался и глубоко занимался самыми разными геологическими проблемами Центрального Черноземья. Готовясь к первой своей геологической практике, мы с однокурсником Мишей Красовским читали и перечитывали его статьи по гидрогеологии Воронежской области, в которой было много ценных сведений по стратиграфии. В этих его работах были поставлены стратиграфические вопросы, которые еще ждут ответа от будущих исследователей…

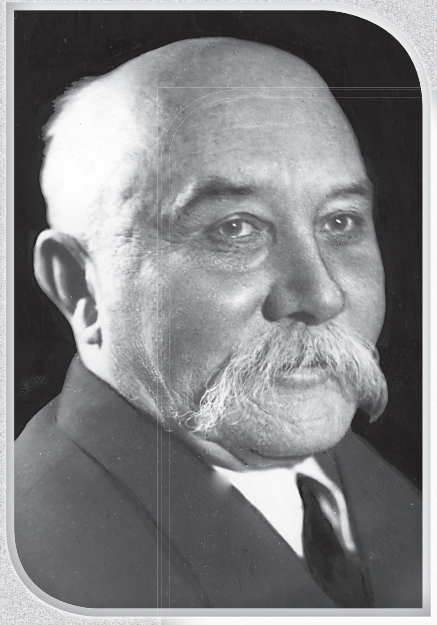
После освобождения Воронежа в 1943 году и возвращения туда некоторых вузов и других научных учреждений Александр Андреевич Дубянский организовал гидрогеологическую станцию, которую разместил в своей квартире, выделенной ему горсоветом, на Кольцовской улице. В одной из комнат его двухкомнатной квартиры и размещалось всё имущество станции и работали двое или трое сотрудников.

В 1956 году Дубянский стал лауреатом Ленинской премии. Им была подготовлена серия обобщающих сводок по геологии и полезным ископаемым Воронежской области. В 1949 году Александр Андреевич избирается почетным членом Воронежского общества естествоиспытателей.

В 1968 году в Воронеже отмечался юбилей – 50 лет со дня основания Воронежского университета. Торжественное собрание проходило в новом здании Театра оперы и балета. Александр Андреевич на этом собрании отсутствовал из-за болезни, но прислал огромную телеграмму – целую приветственную речь, которая была зачитана и встречена бурными аплодисментами: Александру Андреевичу было в ту пору уже почти девяносто лет!

Скончался А. А. Дубянский в 1974 году в возрасте 94 лет.

Ростислав Сегедин

Антон Владимирович

ДУМАНСКИЙ

(1880–1968)

Доктор химических наук, профессор, член-корреспондент АН СССР, академик АН УССР, заслуженный деятель науки и техники Казахской ССР и Украинской ССР, лауреат Большой Менделеевской премии.

Один из основоположников коллоидной химии в СССР. Основные направления исследований: теплоты смачивания; диэлектрические свойства и лиофильность дисперсных систем; условия получения и устойчивости органозолей металлов. Впервые применил ультрацентрифугирование для измерения величины коллоидных частиц. Раскрыл значение водорастворимых коллоидов в хлебопечении, сахароварении, виноделии, в кондитерском, пивоваренном, дрожжевом и крахмало-паточном производствах, создал научное направление прикладной коллоидной химии в пищевой технологии.

В ВГУ работал в 1920–1939 годах, заведующий кафедрой физической и коллоидной химии (1920–1939), декан химического факультета ВГУ (1933–1939).

НЕЗАБЫВАЕМОЕ

* * *

Антон Владимирович Думанский, заведующий кафедрой коллоидной химии, становится первым деканом химического факультета, который был создан в 1933 году.

В 1903 году Антон Владимирович получил диплом Киевского политехнического института. На защите дипломной присутствовал Дмитрий Иванович Менделеев, который предрек молодому ученому большое будущее.

В 1913 году Антон Владимирович стал работать в только что открывшемся Воронежском сельскохозяйственном институте в качестве заведующего кафедрой неорганической химии.

В 1932 году профессор Думанский был удостоен Большой Менделеевской премии. В 1933 году он был избран членом-корреспондентом Академии Наук СССР. В том же году Антон Владимирович Думанский возглавил химфак университета.

Из книги «Химический факультет Воронежского государственного университета» (Воронеж, 2008)

* * *

В Воронеж я переехал из Ростова-на-Дону, где с 1930 года учился в пединституте. Переезд мой был связан с интересом к коллоидной химии. Я знал, что в Воронеже существует школа химиков-коллоидников, которую возглавляет профессор Антон Владимирович Думанский. И вот я, нетерпеливый, двадцатилетний, стою на пороге квартиры известного ученого. Жил Антон Владимирович на территории нынешнего СХИ – там размещались коллоидные лаборатории Химико-технологического института, возглавляемые им.

Стучу в дверь. Появляется человек с запорожскими усами.

– Мне бы увидеть профессора Думанского?

– Я к вашим услугам, молодой человек.

Сбивчиво объясняю цель своего визита. Думанский внимательно меня слушает.

– В общем, я очень хочу быть вашим учеником, – заканчиваю я свой монолог.

Видите ли, наверное, следует познакомиться с нашими лабораториями, – говорит профессор.

И мы идем по лабораториям. Гид – сам Антон Владимирович. Пожалуй, это было самым сильным аргументом в пользу уже принятого мною решения – еще бы, известный ученый лично ведет мальчишку-студента по институту. После экскурсии Антон Владимирович долго беседует со мной и предлагает тему научной работы. Мне – третьекурснику! Я мчался домой как на крыльях – жребий брошен.

Химфак начала 30-х годов занимал весь первый этаж главного корпуса. Метровые стены, сводчатые потолки и неистребимый запах придавали нашим кабинетам и аудиториям определенный колорит. Но надо сказать, что по тем временам оснащение у нас было неплохое. Это позволяло хорошо организовать практикумы. Особенно богат был физико-химический практикум. И, конечно, сильный преподавательский коллектив – Александр Дмитриевич Богоявленский, Александр Павлович Палкин, Николай Викторович Култашев, Антон Владимирович Думанский. Все они хорошо дополняли друг друга. Энциклопедически образованный Богоявленский, тонкий исследователь Палкин (из знаменитой курнаковской школы), обстоятельный Култашев.

И – Думанский. Удивительный человек. Пожалуй, главная черта – влюбленность в свое дело. Когда речь заходила о коллоидной химии, увлеченно говорил о ней.

Работал Антон Владимирович самоотверженно. Себя не щадил. Помню эпизод. На первом этаже института, в одной из лабораторий, проводились исследования по полимеризации. Вечером научный сотрудник, занимавшийся этим, положил ампулу с полимеризуемым веществом в специальную корзину и наказал старухе-сторожихе:

– Бабушка Ефановна, вы следите за корзиной. Если загорится, то огнетушителем сбивайте огонь.

Сидит бабушка, дрожит. Появляется Антон Владимирович. Узнает, в чем дело. Ни слова не говоря, берет корзину с ампулами и выносит в сад. Ночью ампулы в корзине взорвались.

Но главное, разумеется, в другом. Ученый с европейской известностью, Думанский многое сделал для развития коллоидной химии в нашей стране. Он был инициатором проведения в 1934 году Первой Всесоюзной коллоидной конференции в Воронеже. Собственно, само проведение конференции в нашем городе было признанием заслуг Антона Владимировича в этой области.

Мы, студенты-химики, сидели на открытии конференции завороженные: «живой» Ребиндер, «живой» Жуков, «живые» Песков и Дерягин. Имена сходили со страниц учебников и монографий, облекаясь в плоть обыкновенных людей. Уровень воронежской конференции был необычайно высок. Ведь в Воронеже и в ВГУ собрался в те дни весь цвет коллоидной химии.

Из воспоминаний Ростислава Неймана

Печатается по: *Нейман Р. Э.* Мой век: автобиографические записки. Воронеж, 2004.

* * *

Этот зал видел многое. Когда-то здесь хозяевами были стриженые кадеты – «оплот веры и престола».

Сегодня зал впервые за все столетнее существование открыл свои двери всесоюзному ученому съезду величайшей важности. Сюда со всех концов страны собрались представители молодой науки – коллоидной химии.

Конференция ученых собралась в Воронеже, «научном центре коллоидной химии», как сказал в конце своего доклада проф. Ребиндер; в городе мещан, купцов и монастырей – до революции, в городе передовой индустрии, вузов, центре огромной индустриально-колхозной области – теперь.

Седовласый энтузиаст молодой, бурно растущей коллоидной химии профессор Антон Владимирович Думанский говорит об этом с большим волнением и подъемом. Он оглядывает огромный зал и продолжает:

– Вон сколько нас здесь, коллоидников! А до революции было всего 3–4 человека во всей стране < …>

Передние ряды заняты гостями – делегатами конференции. Их, действительно, много – больше ста человек. Но что самое примечательное – они почти все без исключения молоды, как сама наука, получившая расцвет только в нашей молодой стране. А позади делегатов – ученые других отраслей науки, работники промышленности и т. д., море студентов-химиков. Они рыщут глазами по рядам делегатов, вытягивают шеи, чтобы разглядеть их получше, и шепчут друг другу на ухо известные всему научному миру страны имена. Почти у всех на коленях тетрадки… На конференции будет, что записать…

Печатается по: Коммуна. 1934. 26 нояб.

Тамара Александровна

ДЬЯКОВА

(1962 г.р.)

Доктор культурологии, профессор, редактор альманаха «Университетская площадь».

Сфера научных интересов: современная художественная культура, зоны пересечения искусства и медиакультуры, арт-бизнес, социокультурные процессы и ментальность, формирование культурного пространства.

Окончила филологический факультет Воронежского госуниверситета (1985), аспирантуру философского факультета Московского государственного университета (1993). Ассистент, преподаватель кафедры философии (1987–1993), доцент, профессор кафедры культурологии (с сентября 2017 года – кафедра истории философии и культуры) ВГУ. Читала лекции в Дебреценском университете (Венгрия). Входит в состав международной научной группы по исследованию современной культуры. Руководитель аспирантуры по культурологии.

СОХРАНИВ СЕБЯ, ОЩУТИТЬ ГАРМОНИЮ ЖИЗНИ

Тамара Дьякова – человек мира. Культуролог. Педагог. Филолог. Человек, знающий цену слову. Ее научные интересы затрагивают искусствоведение, эстетику, философию культуры. Свои взгляды на эти предметы она выражает в многочисленных исследовательских работах (их около 200), в числе которых несколько монографий, посвященных вопросам истории культуры и современного художественного и социокультурного процесса, публикации в СМИ, в альманахе «Университетская площадь».

Наш разговор с Тамарой Александровной так или иначе возвращается к книгам. А разве это не самое главное для homo legens – человека читающего?

Книг в жизни было много, самых разных, – вспоминает моя собеседница. – Для меня они с детства были очень важны. Невероятная сила притяжения была вопреки тому, что в семье, где я росла, книг почти не было. Я не просто брала их в библиотеке, я создавала свое собрание. И родители меня в этом всячески поощряли. Они давали деньги, помогали со знакомствами в книжных магазинах. Читала много, филологической девочкой была всегда. Я еще и выступала на каких-то чтецких конкурсах, и это в целом строило мой особый мир. Не могу сказать, что был круг одноклассников, который меня формировал, учительница – да, помогала. В моей жизни большую роль сыграл интерес к театру. По словам мамы, в детстве мне нравилось собирать вокруг себя бабушек, дедушек, соседей и выступать перед ними. Откуда это бралось, не знаю, но теперь у нас и младшая внучка оказалась такой же: любит выступать на публике. Сейчас, глядя на внучек, могу сказать, что это просто природа такая.

– Тем не менее очень важно вовремя прислушаться и понять, что тебе интересно.

– Было желание стать актрисой. В театральные вузы я поступала по всей стране. Причем делала это до III курса включительно. Я уже

была студенткой филфака, и даже после окончания университета еще попробовала поступить к Эфросу на режиссерский, но в один момент это было обрезано. Я даже как-то подумала: как хорошо, что это не произошло. Но это было. Такое невероятное стремление. Так же, как и неосознанный приход в университет. Мы были однокурсниками с Андреем Фаустовым (литературовед, педагог, доктор филологических наук, профессор ВГУ. – *Н. Г.*) и как-то вместе ездили на конференцию к Лотману в Тарту. Андрей четко понимал, что будет филологом и ученым, а я сказала: «Не дай Бог!». Наукой не собиралась заниматься, хотя по конференциям научным ездила. Мне это нравилось.

– Что было предметом исследований?

– Вначале был Валентин Распутин, правда, я не сама выбрала тему, мне ее предложили, и я заинтересовалась. Потом была современная поэзия, это тоже интересно. Более того, я там выискивала какие-то имена и потом писала о них. Почти четыре года я изучала Тургенева и вдруг на последнем курсе решила поменять тему. Простите за самонадеянность – мне стал вдруг скучен Тургенев, а это был IV курс, когда тему обычно не меняют. Занялась Лесковым. Всё другое: тема, научный руководитель. Окончила университет, отсидела год в декрете, точнее промучилась: хотелось работать. Не могу пребывать в быту долго. И я начала писать в журнал «Подъем» критические статьи о современной литературе.

– Интеллектуальный гипертонус?

– Да, так и есть. Вышла работать в школу, в которой когда-то училась. А через год пригласили поучаствовать в конкурсе на замещение вакантной должности. Я от себя этого не ожидала, пошла, но не на филфак, а на философию. Если бы мне кто-то сказал, что ступлю на путь ученого, я бы не поверила.

– Момент начала преподавания – конец 80-х, это уже перестройка, новые идеи, брожение умов. Чему вы учили?

– Конечно, мне приходилось доучивать студентов истмату. К счастью, я не читала лекции, а вела семинарские занятия. Сопротивления не было, я – 100%-ный продукт советской эпохи. Сегодня «модно» говорить о том, как ограничивали свободу самовыражения в советское время. Я особенно не ощущала, что не могу говорить то, что думаю. В редких ситуациях, когда сильно запугивали. Например, когда выезжали на стажировку в Югославию, нас проверяли многочисленные инстанции. А так – я не ощущала, что мою свободу ограничивают. Это не показатель того, что было в стране, это показатель того, что было во мне. Но в 80-е годы, к счастью, меня взяли на кафедру не для того, чтобы я истмат читала. Меня пригласили как филолога, который может преподавать эстетику. Это всё же особая материя, особая сфера философии, где важно этим эстетическим чувством обладать, и чтобы у тебя была большая художественная база, а ВГУ именно ее и дал.

Когда я училась на филфаке, я ощущала, что до студентов у преподавателей всегда есть время. Никто не говорил: я занят. Они, например, вели кружки, о которых я вспоминаю с особой теплотой. Сегодня, к сожалению, я этого не чувствую в университете. Приходил преподаватель и предлагал порассуждать о «Легком ды-

хании» Бунина, и мы говорили не только о тексте, а о сокровенных вещах – это общение было очень важно. У меня кредит доверия к преподавателям университета гигантский! Я пришла из семьи, где вначале мне доверили формировать библиотеку, а потом вообще сказали: учись, мы в тебя верим! И когда я пришла на филфак, я понимала, что университетские преподаватели открывают двери в какой-то особый мир. Пришел читать лекции Гелий Федорович Бирюков и сказал: вы должны обязательно иметь такие-то и такие-то толстые журналы в своей подписке, чтобы быть образованным человеком. Список был безумно большим: и «Театр», и «Декоративное искусство», и «Знамя», и «Юность», и многое чего еще. Я пришла домой и сказала: «Надо! Иначе не стану образованным человеком». И мы выписали периодики где-то на 120–130 рублей, примерно на одну родительскую зарплату! Мой почтовый ящик был всегда набит. Я на курсе была самая сумасшедшая, потом остановилась, поняла, что нельзя всё так воспринимать буквально: «Боги сказали, надо сделать!». Это хорошо, что я со всем этим познакомилась, это пространство меня формировало, что слова педагогов воспринимала как нечто, не подлежащее сомнению.

– Но тогда ведь на курсе было меньше людей и можно было уделять внимание каждому?

– Я не могу сказать, что на филфаке было студентов мало. Больше, чем сейчас. На нашем курсе училось 100 человек. Тогда у преподавателя был статус, и не было гонки, чтобы заработать на кусок хлеба. Труд хорошо оплачивался. Когда меня пригласили работать в университет, я, по сравнению со школой, в зарплате выиграла значительно. Для меня это было неожиданно. Тогда я понимала, что ученье, о котором мне говорила мама, к которому я стремилась, открывало мне дорогу совершенно в другой мир, в другие социальные условия. Сейчас у молодых такой мотивации нет, и я на такие темы со своими аспирантами не могу говорить. Но приходится искать другие слова: почему это нужно делать и почему нужно не бояться временных сложностей, которые сейчас существуют в университете для гуманитарных специальностей. Я это, конечно, говорю, но тогда со мной такую работу никто не вел: сама понимала, что статус преподавателя был высок.

– Чем занимались в университете в первые годы преподавания?

– А пришла я заниматься эстетикой. Это была такая область, которая давала возможность использовать и мою филологическую базу, и любовь к искусству. Я этого не осознавала тогда, но то, что меня по жизни интересовало, смогла реализовать в своей профессии. Многое открыл МГУ, где я спустя пару лет училась в аспирантуре философского факультета.

– По поводу эстетики: как меняются со временем отношение к предмету и способы преподавания?

– Смотря что понимать под словом «эстетика». Эстетика – это не наука, которую придумали и применили к определенной догме, это мировоззрение. Это серьезное базисное понятие. У Бродского в его Нобелевской речи есть мысль о том, что, сопоставляя этическое и эстетическое, надо отдавать предпочтение эсте-

тике. Этическое – это некая ангажированность. Мораль мы всегда строим согласно неким установкам, правилам, а эстетическое не позволяет быть неискренним, изменять себе. И поэтому эстетика – это система оценок по отношению к миру, который формирует свободного человека. Для меня эстетика – такой надежный инструмент или скорее путеводитель, с помощью которого можно пройти по сложным путям. Сохранив себя, ощутить гармонию жизни. Мне очень хотелось соприкасаться с красивым. Красивое – это не гламур, красивое – это ценностная категория, которая дает возможность человеку ощущать себя полноценным и уверенным в жизни.

То, что сегодня эстетика не преподается, – большая потеря, ведь она – необходимая часть формирования культурной личности. Сегодня это понятие утрачивается, а вместе с ним – глубокие, истинные характеристики культуры. Я понимаю, каждая эпоха имеет свою культуру, сообразно потребностям общества. Да, сейчас люди динамичные, целеустремленные, образованные, но они не имеют эстетической культуры. А это упрощает мир. Я убеждена: чтобы общество было успешным, искусствоведение и культурологию надо изучать всем.

– Вы тепло вспоминали педагогов, которые вас учили, а сами сейчас какие придумываете формы общения со студентами, людьми университета, искусства?

– Вообще, границы между ученым и художником нужно разрушать. У меня за плечами несколько проектов, которые назывались просто и привычно – конференции. Вначале это было «Искусство в пространстве современной культуры», потом «Деятельность литературных музеев в современных условиях», потом международные Мандельштамовские чтения… Мероприятия, которые я провожу, как мне кажется, не похожи на то, что традиционно делают преподаватели высшей школы. На моих конференциях присутствуют не только академические компоненты, я выстраиваю работу так, чтобы была возможность познакомиться с людьми, которые решают на практике проблемы, о которых мы говорим, чтобы непременно возник диалог между теоретиками и практиками. Всё это имеет огромную гуманитарную ценность. Убеждена: современная гуманитарная наука не может развиваться в изоляции. Только, когда мы выходим за границы привычного, появляется возможность что-то высказать.

– Для кого вы это делаете?

– Я объединяю разных людей. Появляется площадка для общения музейщиков и ученых, деятелей искусства и библиотекарей. Эта площадка открыта, на нее могут прийти все желающие, в том числе и студенты нашего университета.

– Насколько это интересно современным студентам?

– Понимаете, когда я училась, преподаватели были для нас богами, и мы слушали каждое их слово. Сейчас не думаю, что я для студентов – бог. И не потому, что плохо читаю. Просто студентам мешает развиваться отсутствие культуры, их личный бэкграунд. Оттого у них не происходит ощущения, что с помощью преподавателя можно подняться на другую ступеньку. Иногда приходится включать

принудительные рычаги, и это дает результат. Но на самом деле, я, как опытный преподаватель, даю стимулирующие вещи. Была история, когда открывалась выставка редких изданий Мандельштама, которую Литературному музею передал Олег Григорьевич Ласунский, и мне хотелось, чтобы студенты пришли и его послушали, чтобы они понимали, в каком городе живут. Я предложила студентам выучить стихи Мандельштама, ничем не грозилась. (*Смеется*) Но была поражена, когда 15 человек выучили стихи наизусть. Представляете? Они ведь выбирали, размышляли, вкладывали в эти строки что-то свое. И чем больше мы будем включать студентов в культурный процесс, тем больше у них будет шансов стать людьми, которые преодолели узость своей изначальной социокультурной заданности.

– Вы столько лет преподаете, не поменялось отношение к студенту? Ведь надо уважать, выслушивать…

– Я в данном случае не приемлю глагола «надо». Если бы у меня не было другого отношения, я бы просто не приходила сюда. Миллион раз была возможность уйти. Но для меня был и есть основной стимул – приход в аудиторию. У меня нет иллюзий, что раньше студенты были одни, а сейчас другие. Есть разные. И сейчас они удивляют своими мыслями.

Другое дело, что сегодняшняя система образования в университете мне не совсем понятна. Не могу сказать, что она стала слишком прагматичной, но учебные планы плохо ориентированы на получение устойчивых знаний. И еще – мы катастрофически быстрыми темпами теряем нашу гуманитарную базу. Чем дальше, тем тревожнее эти сигналы. Не студент меняется, а меняются правила, по которым работает университет. Сегодня вуз всё больше становится административным органом: какие-то рейтинги, отчеты и прочее. Главная фигура в университете – уже не профессор, а администратор.

– Может быть, это только виток?

– Я надеюсь. Своим аспирантам я говорю, что сейчас мы опустимся до дна, а потом, когда в нас возникнет потребность, мы оттолкнемся и…

– У вас масштабная сфера интересов: история эстетики, философия, изобразительное искусство, реклама, музейное дело… Когда вы пишите научные статьи? С одной стороны, в системе университета их надо писать, но с другой, слово «надо», как мы поняли, вы не приемлете… Для кого вы это делаете? Для высоколобых профессионалов? И вообще, как сегодня надо писать научные статьи?

– У меня принцип: на какое бы поле я ни заходила, я несу туда свое. Например, занимаясь рекламой, я не хватаюсь за те сферы, в которых я не понимаю, которые мне неинтересны: я говорю о рекламе в сфере искусства, о том, чем занималась всё время. Конечно, возможны какие-то повороты. На самом деле мой путь не так уж и прерывист, он имеет внутреннюю логику. Я должна найти в заданной теме что-то свое. Так, от проблем русской природы в творчестве Распутина я пришла к норвежской литературе. И сегодня я понимаю, что, к примеру, Кнут Гамсун и Чехов шли в культурной параллели через тему сада. И у меня для таких выводов

есть уже своя эстетическая платформа. Прелесть науки в том, что с ее помощью из маленькой кочки, на которую порой неожиданно встал одной ногой, может вырасти островок, откуда открывается обзор и перспектива.

– Вы производите впечатление человека, которому нескучно быть с самим собой. Несмотря на вашу колоссальную занятость…

– Я недавно задумалась над тем, что моя мама, которой сейчас за семьдесят и которая лишь пару лет назад прекратила работать по болезни, – не умеет разговаривать по телефону. И я не могу. Вот мой муж – может: он по телефону работает. А для меня это трата времени… Скучно мне или нет, я просто делаю дело. У меня нет ни одного момента в жизни, чтобы я чего-то не делала.

– А вы живете по ежедневнику или всё в голове держите?

– Пытаюсь ежедневник применять, но я так динамично живу, что заглядывать в него – это слишком медленно. В голове всё происходит быстрее. И всё нормально помещается. К сожалению, практически не общаюсь с подругами, в моей жизни нет такого: пойти куда-то, посидеть и поболтать. Я бы хотела этого, наверное, но, получается, что работа важнее.

– Выходит, работа – это удовольствие?

– К счастью, работа не изнуряет меня, как говорится, «не выжимает соки», а напротив, обогащает, наполняет.

– Мы начали с того, что вы когда-то начали собирать домашнюю библиотеку. Сегодня сохранилось это трепетное отношение к книгам? Многие перешли на электронные, а вы?

– Бумажная и электронная книга – разные вещи. Электронная книга просто облегчает процесс, а бумажная – это еще и эстетическое явление, важно, как она выглядит, как оформлена, с ней могут быть связаны разные истории, и я это ценю. Книга – тот же предмет, у которого есть своя история. Она может не соответствовать современным требованиям, но на ней остаются следы твоей личной жизни. Я это осознаю, но еще больше это осознает мой муж. И в нашей небольшой квартире книг становится всё больше и больше. Они переселяются в подвал, на дачу, для книг мы строим второй этаж… Может, нам такого количества и не нужно, но вот я общаюсь с людьми, которые старше меня, и они думают, что будет с их книгами, потому что это живые вещи. Я просто вижу, как свои книги пристраивает Олег Григорьевич Ласунский, через меня проходят книги Аллы Борисовны Ботниковой, еще каких-то людей… Часть книг мы передаем в Литературный музей, и я понимаю, что и свои потом туда передам. Сейчас я занимаюсь комплектованием библиотеки для своих внучек.

– Вы сентиментальный человек?

– Я люблю путешествовать и привожу из поездок массу всяких вещей. Мне приятно дарить сувениры, например, часы из Испании будут напоминать о поездке в эту страну. Это подпорки, которые меня связывают с яркими моментами жизни. Вот я надеваю бусы с кораллами и вспоминаю, что я их купила в Сан-Марино, и у меня происходит такое восстановление памяти.

– Вы редактируете альманах «Университетская площадь». Что там сейчас происходит?

– Это альманах, который постоянно растет. В нем появляются новые рубрики, он взрослеет, становится всё более целостным и продуманным. Последним номером я очень горжусь. Почти 300 страниц материалов, которые ведут единую линию. Кратко ее можно обозначить так: «давайте не терять человека!» То есть за всеми структурными преобразованиями, погоней за рейтингами надо постараться понять, что самое ценное в университете. Это – человеческая судьба. И весь наш альманах именно об этом. Когда-то я затевала его практически в одиночку: меня поддержал Лев Ефремович Кройчик, еще несколько человек, но реальными помощниками были немногие. Все было на моих плечах, а когда подключился мой муж (Дмитрий Дьяков – известный журналист, публицист, директор Издательского дома ВГУ. – *Н. Г.*), альманах просто заиграл. Его огромный журналистский и редакторский опыт здесь сказался. Муж запустил новую рубрику «Неизвестный университет», он обратился к архивам, документам. И наш альманах стал международным. Там много интересных героев из разных стран, это создает ощущение, что университет – огромный мир со своей историей, культурой, и, если мы не будем ее знать, мы не будем ценить и понимать нашу alma mater. Мысль издания: ВГУ – это культурный центр города. Альманах рассчитан и на студентов, и на преподавателей. Каждый номер будет посвящен выпускникам из разных стран. Это работа, которая позволяет понять, что альманах важен для всех.

– Вы человек, который преподает в разных корпусах университета. Где вам наиболее комфортно? У вас есть любимое место в университете?

– Это сложно, потому что в университете много плохих мест.

– Неожиданно….

– Мое эстетическое чувство многого не принимает. Я бывала в других вузах и понимаю, чего не хватает в университете: он безобразно выглядит. Неухоженные территории, нет парковых зон, нет пространства, где студенты могли бы остаться в безопасности. Нет внутренних двориков. Плохие столовые. Есть много неприятных территорий, где нехорошо. Много эстетических нарушений. Мы не понимаем, что это наша жизнь: нарушая гармонию внешнюю, мы ухудшаем и внутреннее состояние.

– А что нравится?

– Нравится атмосфера! Я всегда считала, что главное в университете – это общение, люди. Мне по душе либеральные взгляды, которые у нас по-прежнему сохраняются, и не нравится бюрократия, которая здесь есть. Но я думаю, она исходит не от наших людей. Люди-то у нас замечательные! И, к счастью, университетскую ауру создают именно они. Я особенно люблю бывать на журфаке, здесь больше раскрепощенности, желания жить и знать жизнь. Здесь больше единомышленников.

Наталья Гааг

Александр Трофимович

ЕПРИНЦЕВ

(1954 г.р.)

Доктор биологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ.

Научные интересы лежат в области физиологических и биохимических механизмов адаптации живых организмов к изменению условий окружающей среды. Основными научными результатами являются исследования роли ряда ферментных систем в адаптивной реакции растений, животных и микроорганизмов. Показано, что одним из возможных путей адаптации является индуцированный синтез изоферментов, обеспечивающих интенсификацию мобилизационных процессов. Показана индукция глиоксилатного цикла в гепатоцитах крыс при пищевой депривации и аллоксановом диабете. На основании исследований создано новое направление – метаболические механизмы адаптивной реакции организмов.

Окончил биолого-почвенный факультет ВГУ (1977). В ВГУ работает с 1977 года, заведующий кафедрой биохимии и физиологии клетки ВГУ.

СЫН ОТЕЧЕСТВА

А я вас уже заждался! Проходите, проходите! Давайте я повешу вашу куртку.

Так встречает меня Александр Трофимович Епринцев.

Александр Трофимович Епринцев, доктор биологических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации.

Важный человек – ничего не скажешь.

С первого взгляда – простой, радушный, улыбчивый.

Родом из Россоши. Из семьи служащих: отец – экономист, мама – бухгалтер. Отца не стало, когда Саше было полтора года. Мама одна воспитывала трех детей.

– Я был самым младшим, – рассказывает Александр Трофимович, – и самым избалованным. Меня все жалели. Может, поэтому мне не хватает твердости, решительности иногда не хватает.

Согласитесь, неожиданное признание для знакомства.

– Мне повезло, – объясняет Епринцев, – детство и юность выпали на шестидесятые. Время было удачное для формирования личности.

Знаю по рассказам старших: шестидесятые – хорошая школа.

Словно угадывая мои мысли, Александр Трофимович объясняет:

– Самые лучшие воспоминания у меня о школе. Учился в Россошанской школе № 3. Учился хорошо. Претендовал на медаль, но допустил ошибку в слове «галерея». Написал это слово с двумя «л».

– Огорчились?

– Огорчился. Но на всю жизнь запомнил, как пишется это слово, – улыбается Александр Трофимович. – Но химию я знал хорошо. На всю жизнь запомнил Клавдию Михайловну Кошелеву, нашу учительницу химии. Клавдию Михайловну воспринимали как корифея. Ее влияние предопределило мой выбор.

В 1971 году Александр Епринцев поступил на биолого-почвенный факультет ВГУ. Здесь с той поры и работает.

– У кого учились?

– Главный мой учитель Александр Васильевич Землянухин.

– Чему научил?

– Научил отстаивать свою точку зрения. Научил вглядываться в мир. Еще один учитель Олег Павлович Негробов. У нас была шикарная практика в Липецкой области. Ездили на Воргольские скалы. Изучали растительный мир, сохранившийся там со времен ледникового периода.

– Это привело вас в науку?

– Во многом мой выбор определила семья. Мама сказала: «Иди в науку, будешь человеком». Сестра, работающая в институте генетики, тоже посоветовала заняться научной деятельностью. В студенческие годы занимался в научном кружке. Всё это и определило мою дальнейшую судьбу.

Вот уже много лет профессор Епринцев ведет исследование на стыке биологии и медицины. Так что, когда возник вопрос о реорганизации биолого-почвенного факультета в медико-биологический, проблем с выбором человека, который должен был возглавить новое направление, не было. Конечно – Александр Трофимович Епринцев.

– Забот много?

– А вы как думаете? Формально русский классический университет всегда имел медицинский факультет в своем составе. Потом медицинские факультеты российских вузов были преобразованы в самостоятельные учебные заведения. Но по многим направлениям клиническая медицина, фармакология и биология тесно связаны между собой.

Так что создание медико-биологического факультета в нашем университете выглядит вполне логично. Сегодня в Москве, Петербурге и Казани уже работают такие факультеты.

Мы – четвертые в этом списке.

В 2016 году новый факультет осуществил набор по трем специальностям: врач-биохимик, врач-кибернетик и врач-биофизик. Набрали первые две группы – 38 человек на внебюджетной основе.

– В следующем году (интервью 2016 года. – *И. К.*) рассчитываем получить бюджетные места.

Спрашиваю осторожно:

– Оппозиция была?

– Многие были против. Говорили: «Есть биолого-почвенный факультет с устойчивой репутацией. Зачем нарушать традиции? А мы сели и посмотрели, где работают наши выпускники? Оказалось, четвертая часть выпускников биофака работает в медицинских учреждениях.

Факультет не собирается конкурировать с медицинской академией. Новая специализация факультета – подготовка специалистов, занятых в диагностике. Новая специализация будет активно работать на стыке медицины, биохимии и физиологии. Не буду сейчас вдаваться в подробности, отмечу одно. Адаптивные

реакции у растений и животных, как правило, связаны с изменением работы ферментов. Всё начинается с ДНК.

– Научного пространства не хватает всем, – говорит профессор Епринцев.

Подготовка специалистов на вновь созданном направлении требует огромных расходов.

– Как собираетесь решать проблемы материального обеспечения нового направления?

– Министерство собирается нам помочь, – оптимистично настроен мой собеседник. – К тому же мы очень рассчитываем на получение грантов. Мы и раньше использовали гранты на приобретение оборудования и реактивов.

– Это дорогое удовольствие, заниматься наукой?

– Дорогое… Один прибор купили – два миллиона. На реактивы уходит около миллиона рублей. В России не всё приобретешь, что требуется для исследований. Что-то приходится за рубежом приобретать.

Впрочем, это повседневность, не отменяющая продолжения научной работы профессора Епринцева. За последние годы Александр Трофимович опубликовал двадцать статей в таких изданиях, как «Доклады Академии наук», «Биохимия», «Физиология растений», «Известия РАН». Есть публикации в немецких и французских научных журналах.

– Иностранными языками владеете?

– Могу написать научную статью на немецком. Но не возражаю против помощи «группы поддержки» на факультете РГФ или коллег, живущих за рубежом. Научный текст требует особой точности.

– Со студентами у вас какие отношения?

– Мне нравится работать со студентами. (*Задумался*.) С каждым годом всё больше и больше. Иногда мне кажется, что я молодой еще… А потом посмотришь на себя в зеркало…

Жаль, правда, что сегодня растет число студентов, трудно воспринимающих информацию. Балласта много. Делают вид, что учатся, а на самом деле… Учеба легкой не бывает. Но приятно видеть, что много среди наших студентов отличников.

– Сколько?

– Процентов девяносто.

– Откуда берется такая цифра.

(*Улыбается.*) – Ведем разъяснительную работу. Объясняем перспективы устройства после получения диплома, рассказываем о том, что их ожидает в годы учебы, начиная со второго курса. Наши выпускники востребованы.

Работаем…

Ирина Ковган

Николай Владимирович

ЕФИМОВ

(1910–1982)

Доктор физико-математических наук, профессор, член-корреспондент АН СССР, лауреат Ленинской премии.

Основные труды относятся к геометрии и посвящены, в частности, теории деформации поверхностей и теории поверхностей отрицательной кривизны. Создал и возглавил московскую школу геометров, занятую разработкой вопросов геометрии «в целом».

Окончил физико-математическое отделение педагогического факультета Ростовского госуниверситета, аспирантуру Института математики при Московском госуниверситете. В ВГУ работал в 1934–1942 годах, заведующий кафедрой геометрии (1934–1941), проректор (1939–1942).

С 1942 года заведующий кафедрой теоретической механики Воронежского авиационного института (в Ташкенте). С 1946 года профессор физического факультета МГУ, заведующий кафедрой математического анализа (1956–1982), декан механико-математического факультета МГУ (1962–1969).

СОЗДАТЕЛЬ СОБСТВЕННОЙ НАУЧНОЙ ШКОЛЫ

Первые годы научно-педагогической деятельности Николая Владимировича Ефимова проходили в Воронежском университете. Здесь он работал с 1934 по 1941 год, занимая последовательно должности доцента, профессора, заведующего кафедрой, проректора университета.

Н. В. Ефимов родился в 1910 году в Оренбурге. В 1928 году он поступил в Северо-Кавказский (ныне Ростовский) университет. Здесь он слушал лекции по математике профессоров Д. Д. Мордухай-Болтовского и В. П. Вельмина. Первый из них был разносторонним математиком (теория чисел, теория функций комплексного переменного, история математики, геометрия). По-видимому, интерес к геометрии у Н. В. Ефимова возник еще в стенах Ростовского университета, так как одна из самых ранних работ Н. В. Ефимова была посвящена вопросу о геодезическом одевании поверхностей и по своей тематике примыкала к работам ростовских геометров (Д. Д. Мордухай-Болтовского, М. П. Черняева).

Университет Н. В. Ефимов окончил за 3 года (в 1931 году). В том же году он поступил в аспирантуру Московского университета, избрав своей научной специальностью дифференциальную геометрию. Научным руководителем в годы пребывания в аспирантуре был профессор Я. С. Дубнов, известный специалист по тензорной дифференциальной геометрии. Ранние работы Н. В. Ефимова (часть из которых была опубликована совместно с руководителем) относились к тензорной тории сетей и ее применениям к вопросу о разыскании инвариантных характеристик поверхностей. Важным результатом исследований Н. В. Ефимова по теории сетей явилось решение задачи отыскания на поверхности сети сданным чебышевским вектором, которая аполярна (гармонична) данной сети.

Во второй половине тридцатых годов Н. В. Ефимов существенно изменяет тематику исследований. Он предпринимает обширное и глубокое исследование малой окрестности точки уплощения поверхности с целью выяснения возможности ее непрерывного изгибания. К этому времени было известно, что достаточно малые куски регулярных поверхностей с отличной от нуля кривизной допускают непрерывные изгибания.

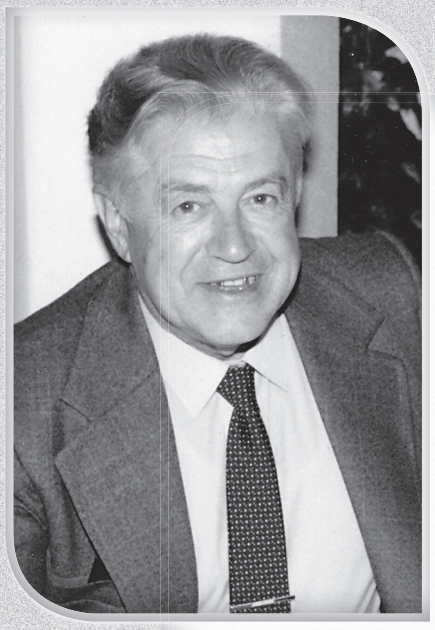
Итогом исследований Н. В. Ефимова в этот период явилась опубликованная в 1940 году теорема: существуют аналитические поверхности с точками уплощения, не допускающие непрерывных изгибаний даже для сколь угодно малой окрестности точки уплощения, при условии, что изгибание сохраняет аналитичность поверхности. Примером может служить любая окрестность точки (0,0,0) поверхности $z = x^9 + Ax^6y^3 + y^9$, где A – трансцендентное число.

Таким образом, Н. В. Ефимов опроверг уже утвердившееся мнение о локальной изгибаемости любой регулярной поверхности. Указанные исследования Н. В. Ефимова составили содержание докторской диссертации, защищенной им в МГУ в 1940 году. Впоследствии несколько дополненные и оформленные в монографию «Качественные вопросы теории деформации поверхностей в малом» (Труды математического института им. В. А. Стеклова, 1949), они были удостоены премии Н. И. Лобачевского (1951).

Работая в ВГУ, Н. В. Ефимов читал лекции по аналитической и дифференциальной геометрии, по тензорному анализу и римановой геометрии. Его лекции отличались и глубиной содержания, и мастерством изложения. Особо следует отметить читавшиеся им на 4-м курсе лекции по обязательному тогда курсу «Высшая геометрия». Они явились основой для хорошо известной математикам книги «Высшая геометрия» (1-е издание, 1945).

Н. В. Ефимов был весьма популярен в студенческой среде как превосходный лектор, доброжелательный человек. За период работы в ВГУ он не успел создать собственной геометрической школы (такая школа была создана им в послевоенные годы в МГУ), но ряд выпускников ВГУ предвоенных лет, несомненно, под влиянием его лекций избрали своей научной специальностью геометрию. Это доцент Магнитогорского пединститута Б. В. Лесовой, аспирант МГУ С. А. Фукс (оба погибли на фронтах Отечественной войны), профессор В. И. Ведерников (Минск), а также В. В. Городецкий и автор настоящих строк.

Всеволод Тихонов

Владимир Павлович

ЗАГОРОВСКИЙ

(1925–1994)

Доктор исторических наук, профессор. Заслуженный мастер спорта СССР по шахматам, гроссмейстер и вице-президент Международной федерации игры в шахматы по переписке, чемпион мира по шахматам в игре по переписке. Председатель областного отделения Общества охраны памятников истории и культуры (1982–1985).

Изучал историю Центрального Черноземья XVI–XVIII веков, раскрыл процесс включения южнорусских земель в состав Российского государства и начала их хозяйственного освоения, выяснил историю основания многих пограничных городов-крепостей, уточнил дату основания Воронежа (1586), выдвинул гипотезу о происхождении названия города от древнерусского имени «Воронег».

Окончил исторический факультет Воронежского государственного педагогического института (1951). В ВГУ работал в 1957–1994 годах, заведующий кафедрой истории СССР досоветского периода (1971–1992).

ВСЕГДА ПЕРВЫЙ

Нет такого человека, который не мечтал бы отличиться, прославиться, выделиться из общего ряда. У нашего отца эти качества не только были, но и реально воплотились в конкретные дела и яркие достижения. Он был первым в своем деле – известный ученый-историк, выдающийся шахматист, заслуженный мастер спорта России, экс-чемпион мира по игре в шахматы по переписке.

На могиле Владимира Павловича Загоровского на черном граните памятника рядом с именем и фамилией высечено только одно слово – «профессор». Этим сказано очень многое. Это целый пласт в развитии исторической науки России и Центрального Черноземья, смелые научные гипотезы, архивные находки и открытия, целая серия монографий о России XVI–XVII веков, Воронежском крае и Воронеже, бесчисленное множество научных статей и газетных публикаций, успехи воронежской краеведческой школы. Это благодарные ученики и поколения студентов, внимательно слушавших интереснейшие лекции любимого профессора. Профессор Владимир Павлович Загоровский – это яркие победы за шахматной доской, титул чемпиона мира в игре в шахматы по переписке, это гордость российского спорта. Это добрый наставник, советчик, учитель, образец для подражания.

Владимир Павлович Загоровский родился 29 июня 1925 года в семье известного психолога и литератора, профессора Воронежского педагогического института, Павла Леонидовича Загоровского (1892–1952) и преподавательницы французского языка, выпускницы высших женских курсов Елены Михайловны Загоровской (1893–1984).

Владимир Загоровский рос очень смышленым мальчиком – в четыре года стал читать, в пять лет начал играть в шахматы. В 1935 году в возрасте девяти лет он наряду с сильнейшими шахматистами Воронежа принял участие в сеансе одновременной игры приехавшего

в наш город всемирно известного гроссмейстера Сало Флора. Весной 1941 года Владимир Загоровский стал чемпионом Воронежа по шахматам. В свои неполные шестнадцать лет он уверенно опередил всех взрослых претендентов на это звание.

Великая Отечественная война резко изменила судьбу Владимира Загоровского. В 1942 году вместе со своей матерью он отправился в эвакуацию в далекий уральский город Орск. В Орске, зная, что его вскоре призовут в армию, он экстерном на год раньше остальных успешно закончил десятый класс и ушел на военную службу с аттестатом средней школы.

Мобилизованный в 1943 году, он более десяти лет оставался на военной службе. Новобранца Владимира Загоровского направили в Ленинградское училище связи, эвакуированное в Уральск. Выпуск состоялся уже после победы. Младший лейтенант Загоровский сначала был назначен командиром взвода курсантов своего училища, вернувшегося к тому времени в Ленинград, затем в 1947 году был переведен на должность радиотехника гвардейского пушечно-артиллерийского полка, расквартированного в городе Выборге.

В Ленинграде молодой офицер вернулся к игре в шахматы. В 1947 году Владимир Загоровский стал кандидатом в мастера спорта СССР, а через год принял участие в полуфинале первенства страны. Новичок показал не по летам бесстрашную и содержательную игру и в 1948 году сам стал мастером спорта СССР.

Перед Владимиром Павловичем открылась перспектива большой шахматной карьеры. В 1951 году он завоевал титул чемпиона Советской Армии по шахматам и занял второе место в шахматном первенстве Москвы. В 1952 году в турнире на первенство Москвы, блиставшем именами гроссмейстеров А. Котова, А. Лилиенталя, С. Флора, он обошел всех, став новым шахматным чемпионом столицы.

Перед 26-летним офицером явственно обозначилась дорога в профессиональный спорт. Однако она не привлекла Владимира Павловича. К тому времени его интересы уже не ограничивались только шахматами. В 1951 году Владимир Павлович с отличием окончил заочное отделение исторического факультета Воронежского педагогического института.

В 1953 году Владимир Павлович демобилизовался. Променяв капитанский достаток на скромное аспирантское житье, в 1954 году бывший офицер Генерального штаба стал школьным учителем и аспирантом кафедры истории СССР Воронежского педагогического института.

Начиная с 1958 года В. П. Загоровский семь раз подряд завоевывал звание чемпиона Воронежской области по шахматам.

Научная деятельность не оставляла свободного времени для поездок на турниры. Выступления за доской пошли на убыль. Перед Загоровским встал вопрос: как совместить два вида деятельности, две грани своего таланта, каждая из которых была ему желанна и дорога? В той ситуации выходом стала игра по переписке или, как говорят, заочные шахматы.

В 1969 году вслед за выходом своей монографии «Белгородская черта» В. П. Загоровский с блеском защитил диссертацию на соискание ученой степени

доктора исторических наук. Вскоре после защиты он становится профессором, а в 1971 году занимает должность заведующего кафедрой истории СССР ВГУ. В том же году из печати вышла его книга «О древнем Воронеже и слове “Воронеж”», наполненная смелыми гипотезами и открытиями. И в то же время В. П. Загоровский занял второе место на VI чемпионате мира по игре в шахматы по переписке.

Став доктором наук и заведующим кафедрой Воронежского университета, опубликовав двенадцать монографий, получивших широкое признание в научном мире, Владимир Павлович не только продолжил дело своего отца, но дал возможность говорить о научной династии ученых-исследователей. Каждодневно общаясь с отцом, наблюдая за его работой, мы, его дети, постоянно утверждались в мысли о том, что служение науке – одно из самых благородных занятий в мире, и рано или поздно оно станет нашим делом, частью нашей жизни.

В 1970-е годы заочные шахматные чемпионаты мира просто не могли проходить без участия в них В. П. Загоровского. От экс-чемпиона ждали новых достижений. В 1974 году он становится бронзовым призером VII чемпионата мира. Но этого мало, его главная цель – снова стать первым. В 1979 году шахматная звезда Владимира Павловича вновь разгорается до максимального блеска – он вторично поднимается на мировой пьедестал.

В 1975 году Международная федерация игры в шахматы по переписке избрала В. П. Загоровского своим вице-президентом. Он занимал пост вице-президента ИКЧФ в течение 16 лет, до 1991 года.

Шахматные достижения Владимира Павловича не только не мешали, но, напротив, способствовали достижениям в исторической науке. В семидесятые годы Загоровский создает научную школу исследователей истории Центрально-Черноземного региона России в эпоху феодализма. Он активно публикует свои статьи и с завидным постоянством пишет новые монографии. В 1973 году вышла из печати его монография «Историческая топонимика Воронежского края», привлекшая внимание многих людей точным объяснением происхождения названий их родных городов и сел. В 1977 году вторым изданием вышла монография «О древнем Воронеже и слове “Воронеж”», объяснившая гипотезу о трех Воронежах на Руси и окончательно определившая датой основания нашего города 1585 год. В 1980 году увидела свет монография «Изюмская черта», ставшая вслед за «Белгородской чертой» продолжением изучения истории строительства крупных оборонительных линий на юге России в XVII веке.

К началу восьмидесятых годов В. П. Загоровский прочно утверждает за собой авторитет «краеведа номер один», историка широкого профиля и энциклопедических знаний. В 1982 году он завершает один из своих наиболее масштабных издательских проектов – на прилавках книжных магазинов появляется его книга «История Воронежского края от А до Я». В. П. Загоровскому впервые удалось представить историю региона в виде единого исторического словаря, в котором были собраны характеристики основных явлений, крупнейших событий и наиболее ярких персонажей воронежской истории. Через десять лет, в 1992 году увидело свет

ее обновленное второе издание. На этот раз Владимир Павлович озаглавил свой труд более широко: «Воронежская историческая энциклопедия».

В. П. Загоровский великолепно знал и любил Воронеж, более того, он им гордился. Он чувствовал свою связь с родным городом и очень много делал для популяризации его истории. В течение нескольких десятилетий он публиковал в областной газете «Коммуна» статьи по истории Воронежа. В 1989 году из печати вышла «Воронежская историческая хроника», в которой были описаны все достойные внимания события каждого года истории города Воронежа.

В начале 1990-х годов В. П. Загоровский довел до конца большой научный труд, над которым работал много лет. Он воссоздал сложную и многоплановую картину переломного периода в истории обширного российского региона. Результатом такой работы стала капитальная монография «История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке», увидевшая свет в 1991 году. Буквально за несколько дней до смерти он завершил еще одну свою книгу – «Петр Великий на воронежской земле». Эта книга стала посмертным изданием, она вышла из печати в 1996 году.

Перешагнув 65-летний рубеж, Владимир Павлович не собирался сдавать своих спортивных позиций. В 1992 году он по праву получил почетное звание заслуженного мастера спорта России. В том же году он стал первым чемпионом России среди шахматистов-ветеранов.

Владимир Павлович был человеком широких, энциклопедических знаний. Помимо истории, он хорошо знал математику, физику, астрономию, географию. литературу.

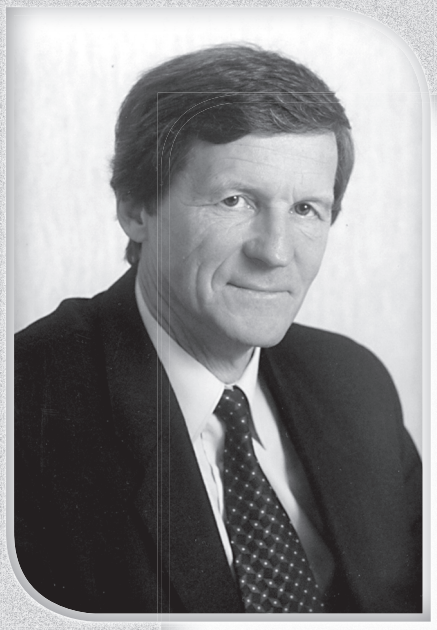
Владимира Павловича часто спрашивали о том, что же для него всё-таки является главным – шахматы или история. На этот вопрос у него никогда не было однозначного ответа. Он не мог и не хотел разделять то, что для него было неразрывно связано воедино.

В. П. Загоровский заведовал кафедрой истории России в ВГУ двадцать один год, написал двенадцать книг по истории нашего региона. Он добился уникальных достижений в области мировых заочных шахмат; шесть раз участвовал в личных чемпионатах мира и завоевал 2 золотые, 1 серебряную и 1 бронзовую медали; пять раз выступал в командных чемпионатах мира и был награжден 2 золотыми, 1 серебряной и 1 бронзовой медалями.

На доме номер пятнадцать по площади Ленина установлена мемориальная доска. Надпись на ней гласит: «Здесь жил в 1967–1992 гг. известный историк и шахматист профессор ВГУ Загоровский Владимир Павлович». Именем Владимира Павловича названа новая улица в районе жилого комплекса «Олимпийский». Всё это – знаки уважения города и его жителей к памяти В. П. Загоровского.

Ольга и Павел Загоровские

Печатается по: Университетская площадь. 2013. № 6. С. 60–69.

Сергей Александрович

ЗАПРЯГАЕВ

(1947 г.р.)

Доктор физико-математических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ, награжден медалью имени С. А. Козберга «За заслуги перед отечественной космонавтикой».

Основные научные труды относятся к релятивистской теории многозарядных ионов, теории взаимодействия электромагнитного излучения с многозарядными ионами, алгебре угловых моментов, квантовой электродинамике в картине Фарри, релятивистской функции Грина уравнения Дирака, квантовой теории информации и квантовым вычислениям. К сфере научных интересов относятся также проблемы организации управления и финансирования системы высшего и открытого образования.

Окончил физический факультет ВГУ (1972). В ВГУ работает с 1972 года, в 1980–1990 годах профорг, в 1998–2005 годах первый проректор, ныне – профессор кафедры цифровых технологий факультета компьютерных наук ВГУ.

СУПЕРМЕН

Высокий, строгий, подтянутый, седина на волосах. Говорит негромко, коротко. На столе компьютер и аккуратная стопка бумаг – ничего лишнего. Это Сергей Александрович Запрягаев, доктор физико-математических наук, профессор. В годы ректорства Ивана Ивановича Борисова Сергей Александрович был первым проректором.

Говорят, в университете Сергея Александровича побаивались – уж больно строг.

– Где вы учились?

– Школ в моей биографии было много, – отвечает собеседник. – Отец был военным, десяток городов с ним объездил.

– Тяжело было?

– Нет, не тяжело. У меня в аттестате только одна четверка – по русскому языку. В мои школьные годы у всех на слуху были естественные науки, поэтому физике и математике отдавал предпочтение. Поступил в Бауманку, проучился там несколько лет и перевелся в ВГУ.

– Почему?

– Понял – не мое. Для меня со школы была привлекательна теоретическая физика, а в Бауманке отдавали предпочтение инженерному профилю. Обратился с просьбой перевестись в несколько университетов, откликнулся физфак ВГУ.

…Потом для Сергея Запрягаева началась стандартная жизнь выпускника, мечтающего заниматься наукой, – диплом, аспирантура по кафедре теоретической физики, защита кандидатской диссертации, работа над докторской. А потом началась перестройка, и теоретик Запрягаев нырнул в живую практику нашей реальности. Это было тем более удивительно, что до середины восьмидесятых Сергей Александрович был весьма далек от общественной деятельности.

– Когда началась перестройка, – говорит Сергей Александрович, – я стал одним из лидеров демократической оппозиции в Воронежской области. Думал, вот сейчас быстренько всё в нашем университете исправим, и я вернусь к своей любимой физике. Тем более что и в вузовском образовании много чего было исправлять. Конечно, позже я понял, что мечты эти были наивными, но тогда меня занесло. Меня избрали председателем профкома университета, и я начал новую для себя деятельность.

– Получилось?

– Думаю, что нет. Администрации университета и обкому партии демократические свободы были не нужны. Почему молодежь была оппозиционна к режиму? Потому что ее загнали в тесные рамки. И я это настроение поддержал.

– За что боролись?

– За отмену статьи Конституции о руководящей роли коммунистической партии, за своевременную выплату заработной платы. Многого добились, но не всего, что хотели.

В те годы Сергей Александрович стал депутатом Областного совета. В университете прошли выборы ректора. Ректорат возглавил Иван Иванович Борисов, который предложил Сергею Александровичу стать первым проректором. Запрягаев предложение принял, и началась реальная работа по организации учебного процесса в вузе. Строились новые корпуса – исторического и юридического факультетов. Появилась пристройка геологического факультета. Стали регулярно выплачивать заработную плату сотрудникам. Было много текущей работы, каждый шаг вуза давался с трудом.

Спрашиваю робко:

– А в командировки за границу вы ездили?

– Да, я ездил в командировку в США. Нас было 10 человек, изучавших систему вузовского образования в Штатах, которые потом круто реформировали высшее образование в России. Я в том числе. Очень полезная была поездка. В США каждый специалист твердо знает, что от результатов его деятельности зависит его судьба. В Америке я увидел хорошо обдуманную систему высшей школы. Это меня буквально потрясло.

– Что именно?

– Там наука делается в университетах. Там, если видят, что ученый чем-то отличается от других, он сразу получает поддержку. Ты занят настоящим делом? Вот тебе деньги. Понравилось и то, что студенты там имеют больше самостоятельности, чем у нас.

– За счет чего?

– У них нет лишних курсов, как у нас. Они могут спокойно совмещать работу с учебой. Им дают возможность работать при кампусе. Там молодежь прекрасно поддерживают.

Вернувшись из заграничной командировки, Сергей Александрович взялся за дело. В университете появились новые факультеты – компьютерных наук, фармации, психологии и философии, международных отношений.

– Вы довольны?

– Сложно ответить на этот вопрос, – говорит Запрягаев. – Конечно, замечательно, что университет растет. Сегодня, например, наш факультет компьютерных наук пользуется спросом. Программисты сегодня нужны. Но программирование – это не высшее образование. Это набор навыков, которым можно обучать в техникумах на специальных курсах. ФКН – это учебная единица, которая должна совмещать фундаментальную и инженерную подготовку. Нужны разработчики новых идей, а мы их не готовим.

– А двухуровневое образование в университете появилось, когда вы были проректором? Многие считают, что это было непродуманное решение.

– Я настаивал на том, чтобы в вузах действовал и традиционный специалитет, и двухуровневая система, но со мной не согласились. Хороша ведь та система, которая дает лучшие результаты. Нынешнее двухуровневое образование в России не дает хороших результатов. Высшее образование должно быть гибким, а не схемой, раз и навсегда внедренной в жизнь. У меня создается впечатление, что сотрудники Министерства образования и науки сами плохо ориентируются в тех проблемах, которые призваны решить. Отсюда все наши беды.

– А вы своей работой довольны? Какой курс читаете?

– Я читаю «Квантовые информационные системы». Этот курс я разработал специально для студентов факультета. В современном мире всё строится на этих технологиях. Вы посмотрите – у нас же вся техника импортная. Нет ни одного компьютера, гаджета собственного производства. Задача – входить в число «продвинутых» держав.

– Это возможно?

– Работать надо! – серьезно говорит Запрягаев.

К современным студентам профессор Запрягаев относится скептически.

– Сегодняшние студенты не хотят учиться. Они по большей части отбывают срок, – считает Сергей Александрович. – Среди них, конечно, есть люди, которые напоминают студентов того времени, но таких единицы.

Студенты ФКН своего преподавателя побаиваются, считают его очень строгим и вспоминают его фразу: «Вы хоть сами понимаете, что ничего не понимаете?». Но всё же считают «Запряга» справедливым. Такое шуточное стихотворение они сочинили о нем:

Грянул гром, и Зевс проснулся –
Запрягаев улыбнулся!
Вся галактика трясется –
Оказалось, он смеется!

Вопрос напоследок:

– А чем помимо преподавания сейчас занимаетесь?

– Сотрудничаю с Институтом развития высшего образования. Пишу статьи, веду научную работу и больше времени провожу с семьей.

Ирина Ковган

Борис Абрамович

ЗОН

(1944 Г.Р.)

Доктор физико-математических наук, профессор, заслуженный деятель наук РФ.

Сфера научных интересов: лазерная физика. За годы работы развиты теория внутреннего тормозного излучения при бета-распаде, теория многофотонных процессов в атомах и молекулах, теория поляризационного тормозного излучения, теория ридберговских состояний в полярных молекулах. Теоретически и экспериментально изучены нелинейно-оптические и нелинейно-акустические явления в магнитоупорядоченных средах, обнаружена нелинейная электрогидростатическая неустойчивость жидких металлов. Один из руководителей научной школы ВГУ «Взаимодействие оптического излучения с атомами и молекулами».

Окончил физический факультет ВГУ (1967). С 1967 года ассистент, доцент, профессор, заведующий (с 1980) кафедрой математической физики Воронежского государственного университета.

ПРОФЕССОР ЗОН УЧИТ ДУМАТЬ САМОСТОЯТЕЛЬНО

Так сложилось, что последнее время Борис Абрамович Зон живет в Израиле. Нет, Борис Абрамович Зон не сменил свое место жительства – там воронежский профессор находится на лечении, оставаясь заведующим университетской кафедрой математической физики.

В декабре 2016 года я, разговаривая с Борисом Абрамовичем по телефону, спросила о самочувствии. Борис Абрамович ответил лаконично:

– Не дождетесь…

Зон – человек мужественный.

Виктор Алексеевич Давыдкин, доцент кафедры, давний друг Бориса Абрамовича вспоминает:

– С Борисом мы знакомы давно, лет с семнадцати. Характер человека – камень. Как пишут в анкетах – «нордический». И при этом наш заведующий – человек мягкий. И, безусловно, честный.

И – не из трусливых.

Вот представьте себе эпизод. В восемьдесят четвертом на байдарках плывем по Хопру. Люди у телевизоров очередную Олимпиаду смотрят, а у нас очередной поход на байдарках. У нас хорошая команда была – ходили по Хопру, по Битюгу, по карельским озерам.

Вот на Хопре это и произошло. Остановились на берегу, лагерь разбиваем. И тут появляется стадо, а с ним глава его – здоровенный бык. Глаза красные. Прет на нас. Мы, признаюсь, несколько растерялись.

Борис, однако, быстро сориентировался: схватил кнут (тот неподалеку лежал) и пошел на быка. Мы стоим, не знаем, что делать – то ли деру дать, то ли в палатки прятаться, а Зон с кнутом навстречу быку бросился.

И бык развернулся на сто восемьдесят градусов.

Таков Борис Абрамович. В повседневности – вроде бы мягкий, но в критической ситуации всегда выход найдет.

Официальная справка из досье:

«Профессор Борис Абрамович Зон – автор свыше 150 работ, автор книг “Теория многофотонных процессов” (совместно с Н. Л. Манаковым и Л. П. Рапопортом, Москва, 1978) и “Поляризационное тормозное излучение” (Москва, 1987), английское издание: New York – London, 1992), “Лекции по интегральным уравнениям” (Москва, 2005).

1944 – год рождения.

1966 – год окончания физфака.

1970 – год защиты кандидатской диссертации.

1979 – год защиты докторской диссертации.

1980 год – присвоение звания профессора».

Людей, сочетающих интеллект с эрудицией, не так уж и много. Профессор Зон из числа таких немногих.

Профессор Зон доверяет мыслить своим ученикам самостоятельно.

В одном из интервью Борис Абрамович заметил:

– Если студентам скучно на моих лекциях, то значит, я преподаю свой предмет неинтересно. Если в моих статьях что-то непонятно, значит, я плохо изложил свою точку зрения.

Сфера научных интересов профессора Зона – лазерная физика. Область познания не из легких. Но разве в науке есть легкие пути?

Спрашиваю я об этом у Виктора Алексеевича Давыдкина:

– Что это? Особая форма самокритики?

Виктор Алексеевич отвечает быстро:

– Ситуация вот какая: специальность физика-теоретика заставляет человека быть самостоятельным в его поиске истины. Каждый раз ученый проверяет свое слово. Я например говорю своим студентам – не верьте ни одному моему слову, всё проверяйте. Если откровенно – я и сам своим размышлениям не всегда верю. Сам себя многократно перепроверяю. Это такая у физиков-теоретиков профессиональная черта.

Сомнение рождает открытие. По крайней мере, сомнение ученого в собственной правоте помогает ему двигаться вперед. Наверное, именно поэтому профессора Зона называют выдающимся ученым.

Сегодня в ученой сфере один из важных показателей научного достоинства – индекс цитируемости. Конечно, в цитировании коллег есть элемент лукавства: ты цитируешь меня, я цитирую тебя. Но настоящий ученый ссылается на работу коллег потому, что научные ссылки – знак осознанного движения вперед. На работы профессора Зона ссылаются часто и охотно потому, что его открытия дают возможность двигаться дальше.

И еще одно достижение Бориса Абрамовича Зона следует отметить: Зон – ученый-прагматик. При его непосредственном участии и заботе «Сельмаш» разработал особый режим работы зерноочистительной машины. Производительность этой машины не хуже зарубежных аналогов.

Физик-теоретик оказался и прекрасным экспериментатором. Для своей научной работы многие детали вытачивает сам.

И вовсе не потому, что нет людей, которые могли бы что-то точить и сверлить. Борис Абрамович из числа смекалистых и рукоделистых людей.

Ему доставляет удовольствие сам процесс творчества.

Разговаривая с Борисом Абрамовичем по скайпу, я спросила:

– Сегодня в России много говорят об импортозамещении. Что вы скажете об импортозамещении мозгов? И возможно ли остановить их утечку из нашей страны?

– Если вы под «импортозамещением мозгов» подразумеваете приезд иностранных ученых в Россию, то это уже происходит в Сколково. Это не массовое явление, но в России сегодня их больно заметно. Остановить «утечку мозгов» может только создание нормальных условий для научной работы.

– Что вы имеете в виду?

– Современное оборудование и соответствующая квалификации ученого зарплата. Должен признать – современное оборудование стоит дорого. Да и мозги, если говорить откровенно, недешевы. Боюсь, что в ближайшее время эта проблема решена не будет.

– А возможно ли догнать Запад в области технологий?

(*Смеется*) – Возможно всё, что не запрещено законами физики. Так что возможен и прорыв в области технологий. Вопрос стоит иначе: когда это произойдет?

– Когда это произойдет?

– Этот вопрос не ко мне.

– И последний вопрос: Что вы пожелаете молодым ученым?

– Рискну ответить так: не позволяйте себе думать: «Я еще молодой… Успею…» Нет! Можно опоздать…

Юлия Рафаэльян

Игорь Николаевич

ЗОРНИКОВ

(1939–2016)

Кандидат исторических наук, доцент, почетный работник высшего профессионального образования РФ.

Окончил исторический факультет ВГУ (1967). В Воронежском госуниверситете работал в 1970–2016 годах. Один из основателей стройотрядовского движения в ВГУ. В 1982–1999 годах был проректором по международным связям, многое сделал для современной постановки обучения иностранных студентов, был инициатором организации долговременного сотрудничества ВГУ с европейскими и американскими вузами, с крупнейшими международными фондами и программами в области образования и науки, был в числе ведущих российских экспертов по вопросам участия в Рамочных программах ЕС. С его именем связаны первые в России проекты ТЕМПУС. При его участии в ВГУ был создан единственный в России региональный центр научно-технологического сотрудничества с ЕС.

ОН СПЕШИЛ ДЕЛАТЬ ДОБРО...

Вся жизнь Игоря Николаевича Зорникова связана с университетом: от поступления на исторический факультет в 1963 году до апреля 2016 года, когда перестало биться его беспокойное сердце.

Кандидат исторических наук, доцент, проректор по международным связям ВГУ, директор Регионального центра международного академического и делового сотрудничества, руководитель Регионального информационного центра научно-технологического сотрудничества с Европейским союзом, вице-президент Российского совета академической мобильности, член Российской ассоциации содействия ООН – это лишь самые главные обязанности И. Н. Зорникова.

Умение мыслить стратегически, принципиальная позиция в решении сложных образовательных задач – как российских, так и международных, профессионализм, преданность любимому делу, радение о его успешном развитии снискали И. Н. Зорникову заслуженное уважение и авторитет в городе, регионе, среди коллег российских и зарубежных вузов и образовательных структур.

При деятельном участии И. Н. Зорникова в университете для иностранных учащихся была открыта востребованная за рубежом специальность – «компьютерная электроника» на английском языке. Именно для обучения иностранцев удалось добиться создания фармацевтического факультета.

Более 80 международных, всероссийских, региональных научных конференций, симпозиумов, семинаров было организовано И. Н. Зорниковым за годы работы в ВГУ. По его инициативе начали проводиться и стали традиционными городские научные конференции иностранных студентов.

Игорь Николаевич сделал очень много для развития международных связей нашего университета с зарубежными вузами. В период

его проректорства были заключены договоры со многими университетами мира, налажены разные виды студенческого обмена, организованы международные научно-методические конференции, а также ознакомительные поездки сотрудников университета в вузы Европы для обмена опытом. Он инициировал проведение Дней международного образования и науки в Центральной России (с 2001 года) – крупных международных форумов, включающих научные конференции, семинары, презентации российских, европейских и американских фондов и программ.

По инициативе Игоря Николаевича и при его самом активном участии в 1980-е годы начали проводиться встречи зарубежных выпускников ВГУ. В Берлине состоялись три такие встречи. На последней (1999) была создана Ассоциация немецких друзей и выпускников ВГУ, которая активно функционирует и сегодня. Около тысячи британских стажеров, обучавшихся в ВГУ, собралось на общенациональную встречу в Лондоне в 1997 году. В том же году в Воронеже состоялась юбилейная встреча выпускников ВГУ, посвященная 35-летию обучения иностранных учащихся в нашем университете.

Во время работы в парткоме Игорь Николаевич, уже имеющий опыт организации городского поэтического клуба «Арион», активно участвовал в подготовке и проведении Дня поэзии ВГУ. Ему удавалось приглашать на этот праздник известных в стране поэтов: Феликса Чуева, Петра Вегина, Наума Коржавина, Марка Соболя, знаменитых воронежцев Анатолия Жигулина, Владимира Гордейчева. Поэтический праздник в ВГУ стал площадкой для знакомства с молодыми стихотворцами университета: Георгисом Велласом, Олегом Шевченко, Львом Коськовым, Галиной Умывакиной, Анатолием Нестеровым, Еленой Неведровой и др. Дни поэзии ВГУ собирали переполненные залы. Лучшие стихи публиковались в университетской многотиражке. Праздник поэзии стал университетским брендом, и в этом немалая заслуга И. Н. Зорникова.

Деятельность Игоря Николаевича достойно оценена: он награжден орденом «Знак Почета», отмечен почётными знаками «За отличные успехи в работе высшей школы СССР», «За заслуги перед Воронежским государственным университетом», «За успехи в подготовке специалистов ГДР», имеет звание «Почетный работник высшего профессионального образования России» и награжден почетным знаком Правительства Воронежской области «Благодарность от земли Воронежской».

А. И. Кудасова, начальник Отдела международного командирования, считает, что ей очень повезло в течение многих лет работать под руководством И. Н. Зорникова: «Моя практическая работа в Отделе международных связей в пору проректорства Игоря Николаевича всегда выполнялась с большим интересом и удовольствием. Общение с ним в этот период оставило неизгладимый след в моем сердце, я счастлива, что шла вместе с ним по одной тропинке в трудовой деятельности. Это был замечательный, надежный, деликатный человек, внимательный и душевный руководитель-собеседник.

А. В. Акульшина, ближайший сотрудник Игоря Николаевича, начальник Центра международных проектов и программ, считает его своим учителем – как в работе, так и в жизни: «Помню все Ваши наставления, проведение планерок; вспоминаю,

как Вы готовились к мероприятиям, как сочиняли письма, подбирая каждое слово». В поздравлении с днем рождения она называет сотрудничество с Игорем Николаевичем «настоящей школой международника» и благодарит его за первые подснежники, которые он приносил своим сотрудницам. «Вы научили нас делать невозможное, – пишет Игорю Николаевичу И. В. Бакалова. – Ваше умение достичь компромисса в самых сложных ситуациях, преданность делу, интересам университета, уважение и внимание к людям восхищает нас и удивляет». Коротко и емко высказалась о своем наставнике М. В. Чернова: «Вы – боец, победитель и абсолютный лидер!».

Томас Праль, глава представительства DAAD (Германской службы академических обменов) в Москве (2005), сотрудничая с И. Н. Зорниковым, высоко оценил «постоянный творческий поиск, личную увлеченность и способность воспринимать науку и экономику как одно целое». «…Я очень многому научился у Вас, – пишет Томас Праль, – и это помогло мне в моей работе».

И. Н. Зорникову принадлежит около 300 публикаций, значительная часть которых посвящена вопросам международного образования и научного сотрудничества. Несколько лет назад И. Н. Зорников замыслил очередной проект: к юбилею стройотрядовского движения собрать и издать воспоминания бойцов студенческих стройотрядов Воронежской области. Кому, как не ему, трижды стройотрядовцу, участнику движения и комиссару районного штаба студенческих стройотрядов в Актюбинске, следовало осуществить эту миссию?

Одно из главных качеств И. Н. Зорникова – способность прогнозировать события и успешно действовать в критических ситуациях – ярко проявилось в «лихие» 90-е годы, когда Министерство образования России прекратило финансирование подготовительных факультетов, а ректорат ВГУ издал приказ об упразднении подфака для иностранных граждан. Возникла проблема трудоустройства преподавателей и сотрудников нашего коллектива. В этот сложнейший момент проректор И. Н. Зорников – вместе с деканом подготовительного факультета для иностранных граждан В. В. Родионовым – решился на создание при ВГУ Центра международного академического и делового сотрудничества «Академический обмен» (РЦМАДС), чтобы привлечь иностранных граждан учиться в Центре на контрактной основе, т. е. с оплатой стоимости обучения. Программы предлагались как для начального этапа обучения, так и для продолжения учебы на факультетах ВГУ. Воплощение этого замысла дало блестящие результаты: были сохранены высокопрофессиональные коллективы преподавателей и сотрудников, валютные поступления от обучения дали возможность оснастить ВГУ и РЦМАДС видеотехникой, персональными компьютерами, копировальными аппаратами и т. п.

О его отеческой заботе и добром отношении к иностранным студентам написал выпускник ВГУ 1991 года Сорат Хан из Пакистана: «И. Н. Зорников был хорошим руководителем, прекрасно относился к иностранным студентам. Хорошие люди никогда не забываются».

Так оно и есть.

Елена Акаткина

Дюис Данилович

ИВЛЕВ

(1930–2013)

Доктор физико-математических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, лауреат Государственной премии Чувашской Республики в области науки и техники.

Внес фундаментальный вклад в исследование механики деформируемого твердого тела. Основатель воронежской научной школы механики.

Окончил механико-математический факультет Московского государственного университета (1953). С 1956 года научный сотрудник Института механики Академии наук СССР.

В 1959–1966 годах профессор, основатель и заведующий кафедрой теории упругости и пластичности Воронежского госуниверситета.

В 1966–1970 годах профессор Московского высшего технического училища имени Н. Э. Баумана, в 1971–1982 годах профессор Всесоюзного заочного политехнического института в Москве. С 1982 года профессор Чувашского государственного педагогического института (университета).

ВСЕГДА В ДВИЖЕНИИ
1918
100 лет ВГУ
2018
SEMPER IN MOTU

ДЮИС ДАНИЛОВИЧ В ВОРОНЕЖЕ

В биографии Дюиса Даниловича Ивлева особое место занимает воронежский период. Именно в этот период в полную меру раскрылся его талант ученого, педагога и организатора.

В Воронеж он приехал в 1959 году уже сложившимся, известным широкой мировой научной общественности 29-летним ученым. Известность и авторитет Д. Д. Ивлеву принесли результаты, полученные в области математической теории пластичности. Наряду с А. Ю. Ишлинским, В. Прагером, Ф. Ходжеми и другими учеными Дюис Данилович принадлежит к числу основоположников нового направления в построении теории пластичности – теории течения.

Воронеж принял Д. Д. Ивлева приветливо. В университет он был принят по приглашению ректора Б. И. Михантьева, ему была предоставлена хорошая квартира в университетском доме в центре города, куда вскоре переехала его семья – жена Юлия Дмитриевна и двое маленьких детей, сын Саша и дочь Аня. Тогда же ему была предоставлена возможность создать на математико-механическом факультете и возглавить новую кафедру – кафедру теории упругости и пластичности. Новые условия позволили Д. Д. Ивлеву в полной мере развернуть научную и образовательную деятельность, проявить небывалый потенциал творчества. На новой кафедре Дюис Данилович занялся постановкой новых учебных курсов, содержание которых отвечало современным направлениям механики деформируемого твердого тела. Причем каждый из курсов он разрабатывал и читал студентам сначала сам, таким образом, в течение первых двух-трех лет он прочитал все курсы учебного плана кафедры, что позволило ему выработать методические рекомендации по каждому курсу и, поручая кому-либо из сотрудников новый курс, сознанием дела давать методические советы по организации этого курса. Все аспиран-

ты и молодые преподаватели посещали лекции профессора Д. Д. Ивлева и брали их за основу курсов, которые впоследствии читали сами.

Данилович был требователен и к себе, и к своим ученикам: каждый курс обязательно должен был регулярно обновляться, пополняясь самыми последними научными результатами. Следует заметить, что практически все базовые курсы современной кафедры теоретической и прикладной механики – наследницы кафедры теории упругости и пластичности – были поставлены и отточены профессором Д. Д. Ивлевым. Талантливый ученый, прекрасный организатор и превосходный педагог Дюис Данилович сумел в короткий срок осуществить перестройку работы механиков Воронежского университета, активизировать их научную и методическую работу. Лекции и научные семинары профессора Д. Д. Ивлева оставляли незабываемые впечатления, восхищали ясностью мышления и способностью глубоко проникать в суть обсуждаемых вопросов. Под влиянием Дюиса Даниловича наступили годы расцвета механики как в Воронежском университете, так и в других вузах Воронежа. Созданная профессором Д. Д. Ивлевым воронежская научная школа механики деформируемого твердого тела быстро получила союзное, а затем и мировое признание. Одновременно он начал руководство над научной работой студентов и аспирантов. Организованные им семинары проходили 1–2 раза в неделю. Появление публикации с новыми результатами или новой книги с близкой тематикой сразу же выносилось на семинар для изучения и обсуждения. Таким образом, Д. Д. Ивлев держал своих учеников на острие современной науки. Дюис Данилович всегда умел вселить уверенность в своих учеников, вдохновить их на научный поиск, поддержать в трудную минуту. Участие в научно-исследовательской работе стало каждодневной потребностью сотрудников и аспирантов. В исследованиях, проводимых профессором Д. Д. Ивлевым и его учениками, большое внимание было уделено развитию нового логического, или, как говорил сам ученый, модельного построения теории пластичности. В его работах получили развитие вопросы двойственного, эквивалентного построения теории пластичности, исходя из формулировки условия пластичности и ассоциированного закона пластического течения и из определения диссипативной функции и ассоциированного закона нагружения. Значительные результаты получены в области построения моделей для сред, обладающих сложными реологическими свойствами. Именно в воронежский период деятельности Д. Д. Ивлева им была написана и издана монография «Теория идеальной пластичности», ставшая настольной книгой многих ученых, аспирантов и студентов.

В те годы на факультете работали известные математики, среди них М. А. Красносельский, деятельность и личность которого, по словам Дюиса Даниловича, произвели на него большое впечатление. Сотрудничество с математиками было весьма плодотворным, в то время Д. Д. Ивлев общался также с С. Г. Крейном, Ю. Г. Борисовичем и др.

Возглавляемая Д. Д. Ивлевым кафедра стала центром организации научной работы ученых-механиков Воронежа. В работе кафедрального семинара участво-

вали преподаватели вузов города, научные работники институтов, работники промышленных предприятий города. Кафедральный семинар стал общегородским. Под руководством профессора Д. Д. Ивлева ежегодно проводились научные конференции и школы, в работе которых принимали участие ученые из Москвы, Ленинграда, Киева, Новосибирска, Ростова-на-Дону, Казани, Перми, Харькова, Краснодара, Куйбышева, Риги и других городов. На семинары и конференции «к Д. Д. Ивлеву» приезжали такие известные ученые, как академики Ю. Н. Работнов, Л. А. Галин, профессора Л. М. Качанов, В. Д. Клюшников, Г. П. Черепанов, Л. В. Ершов, Ю. Р. Леппик, Ю. В. Немировский, М. И. Ерхов, Н. А. Талицких (участник создания и редактор всех журналов АН СССР по механике), Зенон Мруз (Польша) и др. Работы Дюиса Даниловича и его учеников вызывали повышенный интерес у ученых нашей страны и зарубежья, их существенное влияние на формирование математической теории пластичности было и остается общепризнанным.

На факультете начал работать диссертационный совет, и ученики Д. Д. Ивлева становились «остепененными» исследователями и преподавателями. Авторитет Дюиса Даниловича как талантливого исследователя и организатора науки, умелого руководителя коллектива, прекрасного педагога продолжал расти. Начали поступать заманчивые предложения из Москвы, но профессор не торопился принять решение – он понимал, что в Москве у него не будет таких возможностей и свободы действий, которыми он обладал в Воронеже.

Следует отметить пристальное внимание, которое Д. Д. Ивлев уделял проявившим исследовательский талант ученикам. Из них профессор выделял Г. И. Быковцева: «Среди моих аспирантов был Геннадий Иванович Быковцев, он обладал всеми теми качествами, которыми характеризуется слово “талант”. Геннадий Иванович стал крупным ученым». («Опыт автобиографии», 2000). Дюис Данилович заметил талантливого юношу, с первых дней общения с ним сумел оценить его потенциал и всячески способствовал развитию его творческой активности. Совместно с Г. И. Быковцевым, ставшим в скором времени профессором, Д. Д. Ивлев проводил фундаментальные исследования общих соотношений теории упрочняющегося пластического материала. В 1971 году в издательстве «Наука» вышла их совместная монография «Теория упрочняющегося пластического тела», также получившая самую высокую оценку научной общественности.

Дюис Данилович вообще оказывал всяческую поддержку всем молодым талантливым ученым, поручая им ответственные дела: Г. И. Быковцев был избран заведующим кафедрой гидроаэромеханики и теоретической механики, В. В. Дудукаленко – заведующим кафедрой теории упругости и пластичности. Многие из первых учеников Д. Д. Ивлева достигли замечательных результатов в научных исследованиях, стали известными учеными, руководителями коллективов: И. Д. Легеня возглавлял математико-механический факультет университета; Г. И. Быковцев был организатором и руководителем нового факультета в университете – прикладной математики и механики, он же организовал и возглавил новую кафедру – технической кибернетики и теории автоматического управления; В. А. Жал-

нин был заместителем декана, деканом факультета прикладной математики и механики; А. Н. Спорыхин стал заслуженным деятелем науки РФ, заведующим кафедрой теоретической и пракладной механики; Ю. П. Листрова возглавляла кафедру теории упругости и пластичности; В. М. Зеленев возглавлял в Воронежском педагогическом университете кафедру физики; В. Д. Коробкин возглавлял долгое время кафедру теоретической механики в Воронежском архитектурно-строительном университете; И. А. Бережной был генеральным конструктором одного из закрытых авиационных КБ; А. В. Чигарев возглавлял кафедру в Белорусском национальном техническом университете; Т. Д. Семыкина, Ю. М. Мяснянкин, В. А. Баскаков, Г. Ф. Филатов и многие другие ученики Д. Д. Ивлева первого поколения стали докторами наук, профессорами.

Наряду с заведованием кафедрой теории упругости и пластичности в университете Дюис Данилович некоторое время заведовал кафедрой сопротивления материалов в Воронежском политехническом институте, поставив курс сопротивления материалов на современный для того времени уровень. Как и в университете, лекции, которые он читал для студентов, посещали все преподаватели кафедры. В Воронежском педагогическим институте Д. Д. Ивлев, по приглашению ректора института В. С. Постникова, преподавал курс математики. Кроме того, в политехническом и педагогическом институтах он руководил аспирантурой, из которой впоследствии также выходили талантливые педагоги и ученые.

В своей научной деятельности профессор Д. Д. Ивлев не ограничивался чистой теорией. Он установил и развил связи с механиками-практиками. Именно в годы его работы в Воронежском университете на факультете заключались первые хоздоговора с производственными предприятиями Воронежа – КБХА, Эникмаш. Ряд исследований профессора Д. Д. Ивлева посвящен определению точных решений, имеющих прикладное значение.

В эти же годы Дюис Данилович был избран председателем профсоюзного комитета преподавателей Воронежского университета. Можно только догадываться, как много времени Д. Д. Ивлев уделял работе в университете. Может быть, поэтому он часто любил работать по выходным и праздничным дням, приглашая домой своих аспирантов и дипломников.

Следует отметить весьма важную роль как в воронежском, так и других периодах жизни Дюиса Даниловича его супруги Юлии Дмитриевны: на ее плечи легли все домашние заботы, к которым добавились и приемы гостей. Несмотря на признанный и непререкаемый среди учеников авторитет Д. Д. Ивлева, в коллективе сложились очень дружеские отношения. Замечательный рассказчик, наделенный обаянием, тактом и остроумием, Дюис Данилович всегда являлся центром притяжения коллектива. Его дом становился рабочим кабинетом, куда постоянно приходили аспиранты, коллеги, приезжие гости. Юлия Дмитриевна всегда была готова накормить и напоить всех, кто бывал в доме Ивлевых, а гостей каждый день было предостаточно. Бывало и так, что приехавшие на семинар «к Д. Д. Ивлеву» размещались в квартире Дюиса Даниловича, и их тоже брала под свою опеку Юлия Дмитриевна.

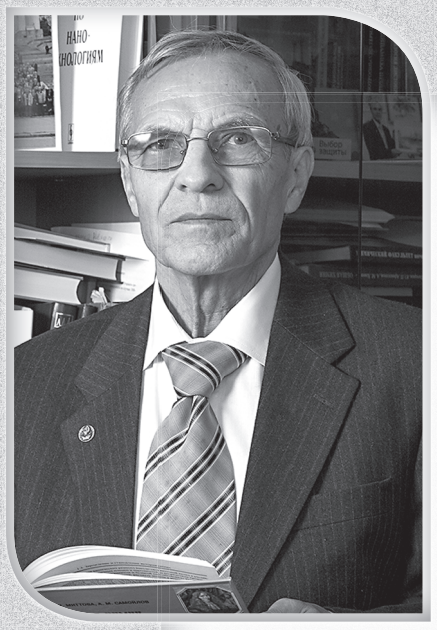
Надо вспомнить еще об одной черте Д. Д. Ивлева. Случилось так, что и сам Дюис Данилович, и многие из его учеников оказались не только заядлыми футбольными болельщиками, но и любителями сразиться на футбольном поле. Тренировки и матчи проводились по всем правилам спортивного этикета. Регулярные футбольные баталии, которые Д. Д. Ивлев организовывал вместе со своими аспирантами и коллегами в городском парке, стали не просто развлечением, разрядкой после напряженной умственной работы. Каждая такая встреча заканчивалась бурным обсуждением тактики и стратегии игроков, анализом ситуаций, возникавших на футбольном поле. Зачастую это горячее обсуждение продолжалось уже в стенах кафедры перед семинаром. Тут же назначались «принципиалки» – так назывались дополнительно назначаемые матчи в тех случаях, когда участники дискуссии не могли прийти к единому мнению в оценке действий игроков. Несмотря на небольшую разницу в возрасте Дюиса Даниловича и его первых учеников, масштаб его личности был таков, что ученики относились к нему с безоговорочным почтением.

Так, в короткий по времени воронежский период своей деятельности Дюис Данилович сумел собрать вокруг себя команду единомышленников, которые и составили ядро структуры, получившей в научной среде название воронежской научной школы математической теории пластичности профессора Д. Д. Ивлева.

В своем «Опыте автобиографии» Дюис Данилович писал: «Мне нравятся слова, принадлежащие Уильяму Фолкнеру: “Каждого человека может спасти не масса человеческая, не система, не общество, а только он сам, наделенный способностью и желанием отличать добро от зла. Только он сам, не допустивший, чтобы его страхом, обманом или подачками заставили отказаться от права и долга отличать справедливость от несправедливости, мужество от трусости, жертвенность от алчности, сострадание от эгоизма. Если вы не будете бояться замечать эти различия и делать свой выбор, тогда вы измените мир”».

В 1965 году Д. Д. Ивлев вернулся в Москву, но связь с Воронежем, с воронежскими механиками не прервалась. Он продолжал руководить аспирантами, ежегодно приезжал в Воронеж с лекциями по современным проблемам механики пластичности, продолжал оказывать влияние на развитие механики в Воронежском университете. При деятельном участии профессора Д. Д. Ивлева в Воронежском университете были открыты новые диссертационные советы. Его ученики теперь возглавляют ученые советы по защите кандидатских и докторских диссертаций, работают доцентами и профессорами во многих учебных заведениях Воронежа, Самары, Минска и Владивостока. Добрый след, оставленный Дюисом Даниловичем в Воронеже, ощущается постоянно, у его учеников появились свои ученики, которые перенимают от учителей дух творчества и чистоты в науке, заложенный профессором Д. Д. Ивлевым.

Александр Шишкин, Татьяна Семыкина, Олег Горбенко, Светлана Вульман

Валентин Михайлович

ИЕВЛЕВ

(1938 г.р.)

Доктор физико-математических наук, профессор, академик Российской Академии наук, заслуженный деятель науки РСФСР.

Сфера научных интересов: материаловедение неорганических пленок, наноматериалы. Основатель признанной научной школы. Разработаны новые подходы к созданию ориентированных пленочных наноструктур, композиционных покрытий с высокой открытой нанопористостью.

Окончил физический факультет ВГУ (1961). В 1963–1966 годах старший инженер ОКБ п/я 264 (Воронеж). В 1968–2003 годах старший преподаватель, доцент, профессор, заведующий кафедрой общей физики, декан физико-технического факультета, проректор Воронежского политехнического института. С 2004 года профессор кафедры физики твердого тела ВГУ, одновременно главный научный сотрудник региональной лаборатории электромикроскопии и электронного программирования при физико-техническом факультете ВГУ.

МАТЕРИАЛОВЕДЕНИЕ – НАУКА ТОНКАЯ

Любовь к наноструктурам пришла сразу – с очарования первыми полученными изображениями субструктуры эпитаксиальных пленок. Сегодня В. М. Иевлев – академик РАН по специальности «Наноматериалы», член Научного совета по наноматериалам при Президиуме РАН.

Валентин Михайлович Иевлев – известный ученый в области материаловедения, физико-химии и технологии тонкопленочных материалов, наноматериалов. Родился в с. Пригородка Усманского района Липецкой (в то время Воронежской) области. После окончания Усманской средней школы № 3 в 1956 году поступил на физический факультет Воронежского госуниверситета.

После защиты в 1961 году в Воронежском КБ радиосвязи дипломной работы и сдачи госэкзамена председатель ГЭК по физике, профессор Валентин Семенович Постников (замечательный ученый, в дальнейшем организатор политехнического института) предложил работать преподавателем на его кафедре и поступить в аспирантуру. Но по распределению был направлен на предприятие Узоргэнергогаз СНХ Узбекской ССР (г. Ташкент), в отдел изотопных приборов. В те годы шла реализация одного из новых направлений: изотопы – в народное хозяйство. Был включен в состав созданной группы «думающих инженеров» для генерации идей и поиска объектов приложения. Одновременно отдел выполнял ОКР для подготовки к опытному производству соответствующих приборов.

Здесь очень пригодился неоценимый опыт, приобретенный в КБ радиосвязи, позволивший впервые в Узбекистане, где не готовили специалистов по электронной технике, внедрить печатный монтаж, радикально изменявший конструкцию разрабатываемых приборов и технологию сборки.

В 1963 году в порядке перевода по запросу КБ радиосвязи был зачислен в тот же отдел, где выполнял дипломную работу. Это было время начала разработки схем серийных радио- и телевизионных приемников на транзисторах. Участвовал в переводе большей части электронной схемы только что запущенного в производство лампового телевизора «Рекорд-64» на отечественные транзисторы, в разработке первого в стране малогабаритного переносного телевизора.

В начале 1966 года судьба вновь сводит Иевлева с Валентином Семеновичем Постниковым, теперь уже ректором ВПИ, активно формирующим научную школу в области физики твердого тела. Только что приобретенный им просвечивающий электронный микроскоп (четвертый экземпляр выпущенного в СССР прибора!) оказался не в деле, и нужен был человек, способный реализовать этот метод в вузе и положить начало новому направлению школы – физико-химии и технологии тонких пленок. Ориентация на это направление была предопределена началом интенсивного развития микроэлектроники, физики низкоразмерных структур (по сегодняшнему – наноструктур). Прав поэт, «всё начинается с любви»; а любовь пришла сразу – с очарования первыми полученными изображениями субструктуры эпитаксиальных пленок, и в июле был зачислен в аспирантуру. За два года была подготовлена кандидатская диссертация, а после ее защиты, в 1968 году – началась работа в должности старшего преподавателя, доцента кафедры физики металлов.

С 1968 года началось активное сотрудничество развивающейся лаборатории электронной микроскопии и электронографии с Особым конструкторским бюро (ОКБ) завода полупроводниковых приборов, впоследствии преобразованного в Научно-исследовательский институт электронной техники (НИИЭТ) уже в составе Научно-производственного объединения (НПО) «Электроника». Лаборатория на протяжении многих лет обеспечивала структурный анализ разрабатываемой и внедряемой элементной базы бурно развивающейся твердотельной микроэлектроники: разработка методов подготовки поверхности пластин кремния под эпитаксию, аттестация эпитаксиальных гетероструктур, процессы оксидирования, хлоридный и силановый процессы наращивания поликремния, широкий перечень контактно-металлизационных систем, ионная имплантация, внедрение впервые в отрасли перспективного технологического процесса – импульсной фотонной обработки для активации процессов легирования, кристаллизации и рекристаллизации, синтеза пленок силицидов металлов и т. д.

Одновременно в лаборатории проводятся фундаментальные исследования по кинетике зарождения и роста пленок; обнаружен эффект ионизации конденсируемого потока атомов в зарождении, совершенствовании ориентации и субструктуры пленок. Предложены способы получения эпитаксиальных пленок тугоплавких металлов. Впервые проведен цикл исследований зернограничной субструктуры в конденсированных пленках металлов и кремния. На пленочных бикристаллах выполнены исследования дислокационной субструктуры большеугловых межзеренных границ, подтвердившие модельные представления. Рас-

крыт механизм формирования дислокационной субструктуры межфазных границ в пленочных гетеросистемах различных ориентации. Впервые выявлены специальные межфазные границы в системах монокристаллическая подложка – пленка, рассчитаны размерная и ориентационная зависимости энергии межзеренных и межфазных границ в металлических системах, разработаны обобщенные критерии прогнозирования ориентационных соотношений между кристаллическими фазами для любых систем. В 1973 году была организована выпускающая кафедра физики твердого тела, ректор В. С. Постников – заведующий, В. М. Иевлев – заместитель. Только в двух технических вузах были еще такие кафедры.

В 1977 году В. М. Иевлев защищает докторскую диссертацию, в 1979 году ему присвоено ученое звание профессора. С 1977 по 1983 год – декан физико-технического факультета Воронежского политехнического института, с 1979 по 2004 год – заведующий кафедрой физики, член научного совета АН СССР по электронной микроскопии. В 1980 году в соавторстве с учеными Харьковского политехнического института в издательстве «Металлургия» издана первая в стране монография по межзеренным и межфазным границам в кристаллических материалах, а в 1982 году – монография «Структурные превращения в тонких пленках», ее второе, дополненное, издание вышло в 1988 году. С 1983 по 2003 год – проректор по научной работе Воронежского государственного технического университета. В 1985–1990 годы осуществляет руководство крупным научно-исследовательским проектом Министерства электронной промышленности СССР. Получив новый статус региональной, лаборатория электронной микроскопии и электронографии ВГТУ, оснащенная технологическим и аналитическим оборудованием, становится одной из самых крупных в стране.

В 1991 году В. М. Иевлеву присвоено звание «Заслуженный деятель науки РСФСР», в этом же году он избран членом-корреспондентом РАН по специальности «Материаловедение». В течение 10 лет был членом Бюро Отделения физико-химии и технологии неорганических материалов РАН, возглавлял Центрально-Черноземный научно-координационный совет, являлся членом Межведомственного совета по регионально-технической политике и координатором Региональных исследовательских программ Роснауки, Рособразования. С 1996 года организовал выпуск журнала «Вестник Воронежского государственного технического университета», инициировал проведение региональных конкурсов грантов Российского фонда фундаментальных исследований, проведение областного конкурса работ ученых. Является председателем региональных экспертных советов Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) по Воронежской и Липецкой областям. В эти годы руководит проектом Федеральной целевой программы «Интеграция», совместным с Институтом металлугрии и материаловедения имени А. А. Байкова (ИМЕТ) РАН и Липецким государственным техническим университетом.

Началось активное сотрудничество с ИМЕТ имени А. А. Байкова РАН в исследовании аморфных сплавов, по созданию селективных водородных мембран.

За содействие развитию научных исследований ученый совет Липецкого государственного технического университета избрал В.М. Иевлева Почетным доктором университета. В рамках совместного с учеными Национального университета «Харьковский политехнический институт» и института электроники Штуттгартского университета проекта 1МЛА5 были начаты исследования по синтезу гетероструктур для солнечных элементов. В 1999 году награжден медалью ордена «За заслуги перед отечеством» II степени.

Наряду с организационной и научной работой В. М. Иевлев ведет педагогическую деятельность: читает спецкурсы по росту, структуре и свойствам тонких пленок, по электронографии и просвечивающей электронной микроскопии материалов; издал ряд учебников по спецкурсам; руководит аспирантурой и докторантурой. С 1977 года является председателем диссертационного совета по специальностям 01.04.07 и 05.27.01. Из его учеников свыше 30 стали кандидатами, 4 – докторами наук. И в первом конкурсе (2002) научно-педагогическая школа В. М. Иевлева в области функциональных и конструкционных материалов, единственная в ВГТУ, была признана Министерством образования и науки и получила финансовую поддержку. В последующие годы статус научной школы был подтвержден.

С 2004 года В. М. Иевлев – профессор ВГУ, а с 2008 года – заведующий созданной кафедры материаловедения и индустрии наносистем, осуществляющей подготовку материаловедов поновому, междисциплинарному направлению (в 3-м вузе страны, после МГУ и СПбГУ). Одновременно остается научным руководителем созданной им лаборатории в ВГТУ. В рамках научно-образовательного центра «Синтез» на базе ВГУ, Института физико-химических проблем керамических материалов РАН (в настоящее время – в составе ИМЕТ РАН) и факультета наук о материалах МГУ имени М. В. Ломоносова были начаты работы по синтезу биокерамики, функциональных материалов на основе оксидов тугоплавких металлов.

Выполнены 2 проекта по Федеральной целевой программе «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технологического комплекса России на 2007–2012 годы» и Междисциплинарный грант РФФИ, результаты которых дают возможность проведения ОКР (ОТР), и выполняется третий проект. В. М. Иевлев – организатор многих научных конференций по проблемам материаловедения. В 2008 году избран действительным членом (академиком) Российской академии наук по специальности «Наноматериалы». В настоящее время он член Научного совета по наноматериалам при Президиуме РАН, член комиссии РАН по премиям для молодых ученых, член редколлегий научных журналов, член Ученого совета и Главный научный сотрудник ИМЕТ имени А. А. Байкова РАН, профессор МГУ имени М. В. Ломоносова, член секции естественных наук Всероссийского совета по олимпиадам, эксперт и член экспертного совета РФФИ.

Сергей Куцев

Валерий Сергеевич

КАВЕЦКИЙ

(1923–2005)

Кандидат физико-математических наук, доцент.

Участник Великой Отечественной войны.

Сфера научных интересов: рентгеновская спектроскопия; рентгеноспектральные методы исследования полупроводниковых соединений.

Окончил физико-математический факультет Воронежского госуниверситета (1949). Аспирант, ассистент, доцент кафедры физики твердого тела Воронежского государственного университета (1949–2005). В течение 20 лет возглавлял физический факультет Воронежского государственного университета.

ЛУЧШИЙ ДЕКАН ФИЗИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА

В 1959 году физико-математический факультет разделился на два факультета: математический и физический. Первым деканом физического факультета стал Валерий Сергеевич Кавецкий и впоследствии возглавлял факультет до 1988 года, с перерывами 19 лет.

Почему был сделан такой выбор?

Что за человек был Валерий Сергеевич?

Несомненно, это человек неординарный. В то время ему исполнилось 35 лет. Он 1923 года рождения. Это год особый. Он наиболее сильно был выбит войной. Валерий Сергеевич был фронтовиком, и война жестко коснулась его – он потерял руку. Инвалидом войны он окончил физико-математический факультет Воронежского государственного университета, затем аспирантуру у Марии Афанасьевны Левицкой, защитил кандидатскую диссертацию и стал доцентом.

Валерий Сергеевич отличался особым жизнелюбием и жизнестойкостью. Не признавая себя инвалидом, он научился всё делать сам: водить машину, плавать, ловить рыбу и даже играть в волейбол, притом с таким мастерством, что оставалось только удивляться.

Немаловажное значение имел его опыт фронтовика.

Фронтовики в то время во многом определили нравственную атмосферу жизни вообще. На факультете в этом плане отличались Валерий Сергеевич Кавецкий и Леонид Николаевич Сухотин. Присутствие участников войны даже в студенческой среде создавало определенный деловой настрой.

Валерий Сергеевич был очень дисциплинированным руководителем факультета, инициативным в пределах допустимого, отличался особым энтузиазмом в деле. Был очень требовательным к себе, сотрудникам, да и студентам. К своим обязанностям относился неформально, ехал со студентами в колхоз, дневал и ночевал в обще-

житиях, организовывал встречи. Ему так хотелось, чтобы между представителями разных поколений было одинаковое мироощущение в понимании жизненных ценностей.

К моменту окончания работы в деканате успехи факультета были значительны. Появились новые специальности, набор на факультет увеличился в два с половиной раза, были созданы новые кафедры. Конечно, это заслуга всего коллектива факультета, но и роль деканата значительна.

Валерий Сергеевич умел отдыхать, очень любил рыбалку. Когда в рыбацком коллективе появился новый человек, то часто следовал вопрос с определенной степенью иронии: «Валерий Сергеевич, как же ты червяка на крючок насаживаешь?»

Валерий Сергеевич на подобные вопросы не обижался, он всё делал сам и очень ловко. Даже на зимней рыбалке по легкому льду сам делал лунки складной пешней, которая была в его рыбацком ящике. Коллега его по кафедре Николай Антонович Игнатьев написал такое четверостишие:

Всю неделю горячится,
Находит дело день-деньской,
В воскресенье охладится
В лунке, выбитой пешней.

Любил поэзию, особенно стихи поэтов-фронтовиков. Выступал на смотре «Университетская весна». По-видимому, сказывалось влияние супруги Раисы Куприяновны, которая была филологом.

Часто выступал перед студентами с рассказами о войне.

Сразу после призыва он попал в лыжный батальон, задачами которого было ходить в тыл немцев, совершать диверсии, главным образом, брать штабы. Запомнился рассказ об одной такой операции. На задание вышла группа – 60 человек. К сожалению, их обнаружили и окружили, – пришлось вступать в бой, дело дошло до рукопашной. С трудом вырвались из окружения. В расположение части возвратились только 12 человек. На Валерия страшно было посмотреть – маскхалат был порван, бушлат в нескольких местах пропорот штыком, шапка прострелена, а на теле ни одной царапины. После этого в армейской газете была напечатана заметка «Парень, который родился в рубашке».

На одном из заседаний ученого совета факультета Лев Павлович Раппопорт как-то сказал: «Кавецкий, пожалуй, был лучшим деканом факультета».

Александр Воробьев

Станислав Георгиевич

КАДМЕНСКИЙ

(1937 г.р.)

Доктор физико-математических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, действительный член РАЕН, академик Нью-Йоркской академии наук, лауреат международной премии Объединенного института ядерных исследований.

Народный депутат РСФСР от Воронежской области (1990). Был консультантом главы администрации Воронежской области по вопросам науки, образования и экологии (1995).

Сфера научных интересов: физика конденсированных сред. Руководитель воронежской научной школы по ядерной физике.

Окончил физико-математический факультет Воронежского государственного университета (1959). В 1959–1973 годах там же аспирант, преподаватель, доцент кафедры теоретической физики. В 1973–1976 годах заведующий кафедрой физики твердого тела Куйбышевского государственного университета. С 1976 года заведующий кафедрой ядерной физики Воронежского государственного университета.

«БУДУЩЕЕ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ ЗАВИСИТ ОТ ТОГО, ЧТО БУДЕТ С РОССИЕЙ»

Станислав Георгиевич более 50 лет отдал родному физическому факультету. В 1990-е годы был избран народным депутатом Российской Федерации.

– Как вы оцениваете ситуацию с Воронежским университетом в преддверии его юбилея?

– Главное, что за последние двадцать лет университет и его профессиональные кадры удалось сохранить. Но на большинстве факультетов преподаватели, как правило, пожилые, а молодых кадров – мало. Причина этого связана в первую очередь с тем, что успешные выпускники и молодые кандидаты наук не хотят работать за ту зарплату, которую им предлагают государство и вуз.

А доцент получает чуть больше 18 тысяч рублей, ассистент – около 9 тысяч.

– Каким вы видите будущее университета?

– Будущее университета зависит от того, что будет с Россией. За эти годы наша страна заметно отстала от западных стран практически по всем современным направлениям экономики и науки. Мы фактически потеряли радио-, микроэлектронику, станкостроительную и машиностроительную отрасли промышленности. Сейчас много говорят об инновационном развитии. Оно, на мой взгляд, заключается в восстановлении на современном научно-технологическом уровне базовых направлений экономики. А этого нельзя добиться только за счет иностранных инвестиций и нашего частного капитала. Необходима серьезнейшая государственная программа, обеспеченная финансами, подготовленными кадрами и серьезным научным сопровождением. Выпускники естественных и инженерных факультетов вузов страны не могут найти достойную работу по специальности, потому что многие заводы стоят. Большинству этих

выпускников приходится устраиваться программистами и менеджерами. Правда, ситуация с выпускниками кафедры ядерной физики существенно иная: у нас в стране и за рубежом энергично строятся атомные реакторы.

– Каких же специалистов готовит ваша кафедра?

– Сейчас на кафедре ядерной физики открыты три направления подготовки специалистов, бакалавров и магистров. Два из них – «Ядерная физика» и «Медицинская физика» – носят фундаментальный характер. «Медицинскую физику» мы открыли одни из первых в стране. Профиль уникален: он дает возможность разрабатывать современное медицинское оборудование и работать на нем. Сейчас многие томографы Воронежа работают благодаря нашим специалистам. Первый выпуск медицинских физиков мы подготовили для Старого Оскола. Там наших выпускников встретили хорошо. Им дали квартиры, их отправили в длительную стажировку в Германию на предприятия компании «Siemens». Сегодня они работают в одном из лучших в стране медицинских центров. Мы открыли третье направление по программе Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ», которое связано с подготовкой инженеров для атомной энергетики.

Мы сотрудничаем с ведущими ядерными научными центрами нашей страны: Санкт-Петербургским институтом ядерной физики, Объединенным институтом ядерных исследований в Дубне и рядом крупнейших университетов. Там студенты проходят производственные практики и выполняют дипломные и магистерские работы. Все, кто хочет продолжить сотрудничество, остаются, как правило, в этих центрах. У нас есть договор с Берлинским институтом ядерной физики. Студенты, которые проходят там обучение, как правило, получают приглашения остаться в Германии. Но не все хотят или могут покинуть Родину.

– Есть ли проблемы с рабочими местами для ваших выпускников в сфере атомной энергетики? Ведь вы выступали против строительства Воронежской атомной станции теплоснабжения – ВАСТ.

– Есть АЭС надежные и рентабельные, к которым мы всегда относились с уважением, потому что там работают наши выпускники. Многие годы, например, директором Нововоронежской АЭС был Вячеслав Викин, выпускник нашей кафедры. Сегодня пять заместителей главного инженера в Нововоронеже тоже наши ребята. А в семидесятых годах в Шилово начали строить ВАСТ. Два атомных реактора, стоящие рядом, в Шилово, должны были снабжать горячей водой квартиры 600 тысяч людей. Мы изучали ее проект, и оказалось, что он сделан некачественно.

Мы понимали, что это плохой проект и выступили против его реализации. Жители города нас поддержали, и строительство ВАСТ было остановлено. А нам говорили, что нужно спешить, так как такие станции скоро будут во многих странах. Но за тридцать лет ни одной так и не появилось. Значит, они были нерентабельны, а мы оказались правы.

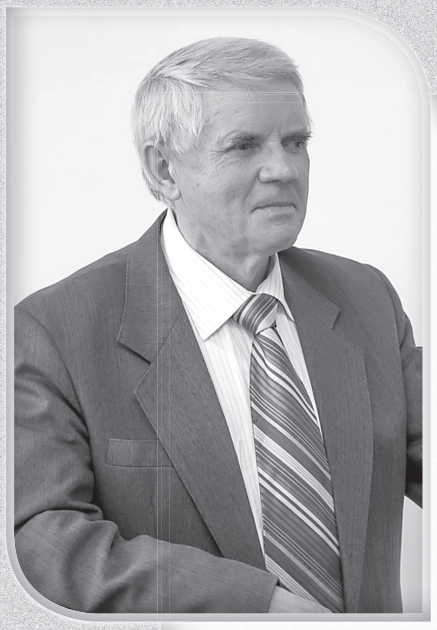
– А вы, народный депутат Российской Федерации, были правы, когда поддерживали Бориса Ельцина на съезде?

– Первый Съезд народных депутатов РФ был уникален, потому что тогда никаких «деловых» контактов у политиков с бизнесом не было. Всё было честно, нас избирали граждане. Мы представляли разные идеологии: одни выступали за коммунизм, другие – за демократию. Но все искренне хотели улучшить жизнь в России. Наше демократическое крыло мечтало о новой стране, которая станет менее идеологичной, но более открытой и успешной. Сейчас я и многие другие делегаты понимают, что нами были совершены серьезнейшие ошибки. И, прежде всего, в выборе экономического пути развития через приватизацию и силовое введение частной собственности. Если бы мы вернулись в прошлое, то мы бы голосовали по многим вопросам иначе.

– А есть ли сейчас надежда?

– Надежда умирает последней. К тому же по своей структуре русский народ, безусловно, является оптимистом. Хочется верить, что у нашего Президента и его друзей хватит мужества и мудрости изменить стратегическое направление развития России от следования идеологии общества потребления к идеологии интенсивного развития, опирающейся на великие культурные и моральные ценности русского народа.

Елена Тюрина

Михаил Дмитриевич

КАРПАЧЕВ

(1943 г.р.)

Доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ.

Сфера научных интересов: история и историография общественного движения в пореформенной России; истории русского революционного народничества; история аграрных отношений в России в конце XIX – начале XX веков, в том числе по истории проведения столыпинской земельной реформы в Центрально-Черноземном крае; история Воронежского государственного университета.

Окончил исторический факультет Воронежского государственного университета (1968). Учитель английского языка в школе в городе Абдулино Оренбургской области (1968–1969), истории – в одной из Московских школ (1969–1971). Преподаватель (с 1973), доцент (1988), заведующий (с 1992) кафедрой истории России Воронежского государственного университета. В 1985–1995 годах декан исторического факультета.

«БЕСПАМЯТСТВА НЕ ИСКУПИШЬ ДЕНЬГАМИ И ВЛАСТЬЮ»

Михаил Дмитриевич, вы можете назвать пять качеств, которые цените в людях больше всего?

– Порядочность, деликатность, интеллект, добродушие… – Задумывается. – Обязательно именно пять?

– Да нет, думаю, хватит. А какими из этих качеств обладаете вы?

– Я? – Карпачев отводит глаза в сторону. – Что вы, я ленивый, тупой, злой и бездарный.

Смех в зале. Только вместо зала – помещение кафедры истории России, а так всё в точности.

– Да вы слушайте его больше! – Отсмеявшись, говорит один из присутствовавших. – Михаил Дмитриевич и не такое расскажет!

Когда я пришла на истфак, заведующий кафедрой истории России профессор Михаил Дмитриевич Карпачев в компьютерном классе набирал на ЭВМ какой-то текст. Оторвав мученический взгляд от монитора, пожаловался:

– Всё приходится делать самому!

Я сочувственно кивнула и напомнила о том, что у нас назначена встреча. Минут через пять мы с Михаилом Дмитриевичем уже сидели на кафедре и препирались по поводу интервью вообще и присутствия при этом диктофона в частности.

– Ну не надо всё это записывать! Зачем? Да и вообще, почему я? Ну что, я больше всех сделал что ли? Подумаешь, фигура для очерка!

Пришлось напомнить о родном университете, гражданском долге… Правда, Карпачев предупредил, что будет отвечать не на все вопросы: вдруг я спрошу что-нибудь совсем уж нескромное.

– Михаил Дмитриевич, что вы помните о детстве?

– Урал. Мой папа закончил Институт цветных металлов в Москве, и его направили как инженера на Урал. Там мы прожили шесть лет.

Потом были разные места: Германия, Донбасс, Киев, Мценск, опять Москва, – папа все время переводился с завода на завод с какими-то повышениями. Но это не столь важно: первые впечатления связаны всё же с Уралом. Кем хотел стать, честно говоря, уже не помню, но не историком – точно. Шофером, может быть, летчиком – всё то, о чем обычно мечтают мальчишки. Ну а потом поступил на истфак ВГУ.

– Почему именно туда?

– Не знаю. Легче поступать, наверное, было. Для меня легче, во всяком случае. А вообще всё получилось достаточно спонтанно. Когда отец работал в Мценске Орловской области, я там заканчивал школу. Закончил… Встал вопрос: куда дальше? Вот и подвернулся Воронеж: все-таки центр Черноземья. Приехал, стою на вокзале (мальчишка еще – семнадцать лет), куда идти – не знаю. Узнал, где находится университет, сел на троллейбус, добрался. «Здрасте!» – «Здрасте». – «Вот я хочу поступить». – «Ну поступай». – «А где ночевать?» Мне говорят: «Идите к вахтерше. У нее есть адреса». Я и пошел. Вот так всё началось…

Да не случайно он сюда попал! – Уверяют коллеги Карпачева. – История – его судьба, его жизнь. Михаил Дмитриевич ею так увлечен! Он настоящий ученый, не верхогляд, не ортодокс. Всё старается понять, прочувствовать, донести до студентов. У Карпачева всегда есть своя точка зрения, свое видение. Разумеется, на современном этапе или в ближайшем будущем вряд ли появятся фигуры новых Соловьевых, Карамзиных, Ключевских, но Карпачев, наверное, всё же останется в науке, его не забудут.

– Михаил Дмитриевич, некоторые знакомые историки говорили мне, что история – неблагодарная наука. Она постоянно меняется, ну если не сама, то уж, во всяком случае, ее интерпретация. По вашему мнению, это так?

Думаю, вашими знакомыми были историки партии, а ведь они политики, не имеющие ничего общего с объективной истиной. Их задача состояла в воспитании «нового» человека. Вот и старались, как могли. Историю нельзя изменить. Это растянутый во времени процесс. Нельзя вернуть ни одной ушедшей секунды, тем более что-то подчистить в ней или переправить. Меняются историки, меняется то, как они рассказывают о тех или иных событиях, и рассказывают ли вообще. Это происходит не только в нашей науке.

– А в чем, на ваш взгляд, состоит задача истории как науки?

– Это реконструкция прошлого во всём многообразии событий, явлений, человеческих чувств.

– Зачем это нужно?

– Зачем? Для того чтобы человек был человеком. Это животному – от собаки до коровы – не нужна история, а нам нужна, иначе мы оскотинимся совсем. Если человек забыл историю свою, он просто ни жить, ни работать нормально не может, он в мусоре погряз, родства не помнит, ничего не знает, – растительное существование. Не личность, а чертополох. И какая разница в таком случае, как зовут этот чертополох: Иван Иванович Иванов или Нерон? Беспамятства не искупишь деньгами и властью.

– А вам самому нравится власть? Вы любите руководить?

– Ну, разумеется, – шутливо воодушевляется он, – как не нравится! Скажу: «Встаньте!» – подчиненные встанут; скажу: «Сядьте!» – сядут. Чего еще надо?

Когда я поинтересовалась, как к Михаилу Дмитриевичу относятся на кафедре, мне ответили: с теплотой. Мне это объяснили следующим образом:

– У историков вообще нет чинопочитания, трепета перед званиями. Это, наверное, вполне понятно, ведь перед нами вся история человечества. Мы знаем цену цезарям, наполеонам, знаем то, как они все кончили. На этом фоне низкопоклонство не произрастает. Что касается диктата, жесткого контроля со стороны заведующего кафедрой, такое просто нереально, и не только потому, что Михаил Дмитриевич не тот человек, который любит приказывать. Просто каждый занимается своей проблемой: один – столыпинской реформой, второй – отменой крепостного права, третий – семнадцатым веком… Ну как тут за всеми уследишь, да еще и полезешь с «ценными указаниями», которые на самом-то деле скорее всего никому не нужны, в том числе и самому руководителю. Смешно просто, да и не в том заключается функция заведующего кафедрой. Он должен создавать такую атмосферу, в которой приятно было бы работать. С этой задачей Карпачев справляется блестяще.

– Михаил Дмитриевич, как вы считаете, меняются ли год от года студенты?

– Каждый человек меняется как индивидуум, а вот что касается всех, мне трудно сказать. Поколение студентов дореволюционной России, например, очень мало похоже на современное. Контраст потрясающий. Студенчество конца девятнадцатого века было очень активной массой в социальном отношении, с большими амбициями, самомнением.

– Это плохие качества?

– Может быть, и неплохие, но дело в том, что они порождали экстремизм, фанатизм. Вся русская революция сотворена недоучившимися студентами. Они уже в шестнадцать лет знали, что надо уничтожить, что – сохранить. Сейчас студенты атомизированы: каждый сам по себе. Ничем их не зажжешь. Рассказываешь им о народничестве, когда сотни молодых людей бросали университеты и шли в народ, где их, кстати сказать, никто не ждал, а ребята смотрят на тебя и не могут понять, как такое было возможно: в чем тут выгода, зачем? Сейчас для них это непостижимо, прежде всего с психологической точки зрения.

– А для вас?

– Я, кажется, понимаю и тех и других.

– У вас много аспирантов?

– Аспирантов много, аспирантка, к сожалению, лишь одна. Только не подумайте: я – не женоненавистник. Просто так получилось.

– А что из деканов ушли, тоже «так получилось»?

– Ну вот… Я уже надеялся, что об этом не спросите.

Карпачев был деканом десять лет: с восемьдесят пятого по девяносто пятый. По словам коллег, руководителем факультета Михаила Дмитриевича сделали чуть ли не насильно – «на веревочке в деканы вели». Упросили всем миром. Хотя удовольствия ему это определенно не доставило, но человек Карпачев ответственный – тянул лямку, старался. Уже после первых пяти лет намеревался уйти – не дали. Уж больно хорош: контактный, доброжелательный, со всеми в хороших отношениях, умеет разговаривать с людьми разного сорта – ну как такого отпустишь?! Так и «просидел» Михаил Дмитриевич в деканах два срока. Но в девяносто пятом сказал: «Хватит!» – и ушел на родную кафедру.

– Хорошо быть деканом, Михаил Дмитриевич?

Он морщится, как от зубной боли.

– Собачья работа: хлопот много, время постоянно куда-то растаскивается, сил ни на что не остается. Конечно, в ней тоже есть свои прелести, иначе многие не рвались бы так деканский пост получить, но лично я смотрю на годы своего деканства как на бездарно утраченные, ушедшие в песок.

– Но ведь всё было хорошо: отношения в коллективе неплохие, факультет на подъеме. Уходить в такой период?

– Период периодом, а как быть с временем? У декана очень много времени уходит на текущую, малозаметную работу. Она поглощает всю энергию, приходишь домой, и ничего не хочешь делать. Жена спрашивает: «Как день прошел?» – «Да никак: в беготне, в суете, туда вызвали, тут совещание…» Да что рассказывать. Это рутина.

– Поэтому и ушли?

– Ушел потому, что десять лет – хватит. Надоело.

– А как отреагировала ваша жена, Нина Федоровна?

– Ну, она хотела, чтобы я остался. Все-таки зарплата повыше, да и возможности какие-то…

– Ваши дети не собираются пойти по стопам родителей?

– Насчет сына не знаю. По-моему, Митьку больше интересуют компьютеры, игровые приставки типа «Dendy». А дочка, Татьяна, уже замужем. Она физфак заканчивала.

Сейчас Татьяна Михайловна с мужем живет в Израиле. Не хотелось Карпачевым отпускать дочь, но что поделать? Поехала с мужем.

Михаил Дмитриевич – человек открытый; однако попасть в круг его друзей достаточно трудно. Иметь со всеми хорошие отношения еще не значит дружить. Карпачев считает, что у человека не может быть много друзей. Друзей, с которыми Михаил Дмитриевич был знаком с детства, почти не осталось, вернее, остались, но уж больно далеко: кто в Москве, кто на Урале, кто в Киеве… Да и приятелей студенческих лет разбросало по жизни.

Карпачев – человек увлекающийся, искренне любящий то, чем занимается, да и не только это. Обожает шахматы, лыжи, плавание, болеет за хоккеистов и

футболистов, регулярно ходит в филармонию. Очень любит читать. Любимый автор – Чехов.

– Михаил Дмитриевич, что вы думаете о средствах массовой информации?

– А вы не обидитесь? Чаадаев писал: никогда не читайте газет. Проведите опыт: год не берите в руки прессу и посмотрите, стали вы беднее душой или богаче. Наверняка, богаче. Газеты, публицистика иссушают душу, размельчают ее, заставляют человека гоняться за сиюминутным, поверхностным. Они превращаются в наркотик, а чем обогащают? Да ничем. Мозг перегружается сиюминутной информацией, которая завтра уже никому не нужна. Читайте вечное, того же Чехова, Достоевского – пользы будет намного больше. Но, в общем, я, наверное, немного лукавлю, потому что сам нет-нет да и просматриваю газету-другую.

Коллеги говорят, что Карпачев очень цельный человек и редко меняет свои убеждения, а уж что касается сознательного предательства принципов... Все мы в жизни идем на определенные компромиссы с совестью, чувством долга, действительностью, в чем-то уступаем, что-то бросаем, иногда проповедуем ложные истины, подпираем своими плечами идолов. Это совершенно естественно, особенно если ты живешь в тоталитарной стране, а твоя профессия – историк.

– Михаил Дмитриевич, вы волевой человек?

– Иногда, когда это необходимо. Но, вообще-то, я слишком мягок. Надо быть пожестче, особенно если чем-то руководишь.

– А каким должен быть идеальный руководитель?

– Компетентным, порядочным, целеустремленным, волевым. Только не спрашивайте, обладаю ли я этими качествами. Сказать, что они у меня есть, как-то неудобно, а если нет, то как же я заведовал кафедрой всё это время?

– Что или кто, по-вашему, правит миром: воля, власть, деньги?

– Думаю, ни то, ни другое, ни третье. Божий промысел. Все мы под ним.

– Михаил Дмитриевич, есть ли вещи, которые вы не можете простить никому?

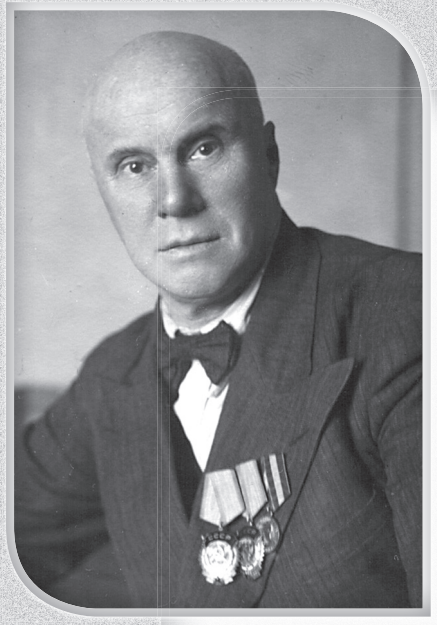
– Конечно. Подлость и измену. Когда я с ними сталкиваюсь, всякий раз расстраиваюсь и, чтобы поднять настроение, сажусь читать Булгакова, Чехова. Это очень помогает.

– Что для вас главное в жизни?

– Что главное? Не могу сказать. Ну как можно противопоставлять жену, детей, родителей, работу? Бросить одно ради другого... Невозможно.

Ирина Короткова

Печатается по: Университетская площадь : Очерки. Воспоминания. Воронеж, 1998. С. 57–64.

Борис Михайлович

КОЗО-ПОЛЯНСКИЙ

(1890–1957)

Доктор биологических наук, профессор, член-корреспондент АН СССР, член Линнеевского общества (Франция), в его честь названы ряд растений семейства зонтичных.

Основные труды по филогенетической систематике и морфологии высших растений; развивал эвантовую теорию происхождения цветка (из побега с видоизмененными листьями), и на ее основе построил оригинальную систему покрытосеменных; предложил филогенетическую систему растительного мира в целом, и, основываясь на изучении анатомии плода, дал новую классификацию семейству Зонтичные; внес большой вклад в развитие теории симбиогенеза.

В ВГУ преподавал в 1920–1941, 1944–1957 годах, заведующий кафедрой морфологии, систематики и географии высших растений, декан биологического факультета (1930-е годы), проректор ВГУ (1925–1930, 1946–1947), организатор и директор Ботанического сада ВГУ (1937–1953).

УЧИТЕЛЬ

Бориса Михайловича Козо-Полянского уже давно нет среди нас, но его помнят ученики, его знают ученики учеников. Этой памятью дорожат, ее хранят. О Борисе Михайловиче тепло говорят все, кто встречался с выдающимся ботаником, членом-корреспондентом Академии наук СССР.

Борис Михайлович появился в Воронеже в 1920 году, вскоре после окончания Московского университета, возглавил в ВГУ кафедру ботаники. Молодой, энергичный, импозантный мужчина с громким голосом привлекал к себе внимание своей внешностью, своими манерами. Но более всего он увлекал людей своими знаниями, своей влюбленностью в науку.

На лекции Козо-Полянского стекалось пол-университета, в городском лектории, где часто выступал Борис Михайлович, на его рассказах о ботанике тоже не было свободных мест.

Вспоминает профессор Константин Васильевич Скуфьин:

«В Ельце, где я жил, нас всех покоряла словесница, и это обстоятельство привело меня на лингвистическое отделение педфака ВГУ... Потом я заболел – разгружал в составе студенческой артели вагоны и надорвался, – взял академический отпуск, а когда вернулся в университет, то перешел на другое отделение – естественное, ибо, еще изучая лингвистику, стал слушать лекции Бориса Михайловича Козо-Полянского. А Борис Михайлович читал свои лекции изумительно и мог обратить в свою веру кого угодно. Словом, на фоне ярких лекций Козо-Полянского лингвистика показалась мне наукой суховатой».

Борис Михайлович, человек чрезвычайно деятельный, менее всего походил на кабинетного ученого: он охотно работал в университетском месткоме, занимался самыми разнообразными вопро-

сами – от организации детского досуга (по его инициативе при работавшем до войны Доме ученых была организована детская секция) до распределения материальной помощи.

И, естественно, значительную часть своего времени отдавал науке, предан которой был беззаветно. В этом равных профессору Козо-Полянскому в довоенном университете не было. Он всё знал, он всех знал, и молодым ученым рядом с Борисом Михайловичем было очень покойно.

Наталья Евгеньевна Штемпель, студентка ВГУ двадцатых годов, вспоминает любопытный факт. В актовом зале университета идет публичный отбор в аспирантуру. Это сейчас маститые ученые решают, кому из подающих надежду писать диссертацию, а кому – нет. А тогда практически все вопросы внутренней жизни решали комсомольская и профсоюзная организации. И вот идет отбор претендентов. Научные руководители сидят тут же – дожидаются, пока задиристые заводилы решат судьбу своих товарищей. Неожиданно встает Борис Михайлович:

– Рекомендованные вами кандидаты меня не устраивают. Вы их предлагаете – вы ими и руководите.

– Кого вы предлагаете? – обескураженно спрашивают из зала.

– Константина Зажурило, – отвечает Козо-Полянский.

Начинается бурное обсуждение. Побеждает Борис Михайлович: Константин Зажурило получает рекомендацию парткома для поступления в аспирантуру.

Пройдет несколько лет, и Константин Константинович Зажурило защитит кандидатскую диссертацию, о чем в газете «За научные кадры» от 25 мая 1939 года не применет с удовольствием сообщить Борис Михайлович, назвав своего ученика «блестящим советским молодым ученым».

В факте этом важны, мне кажется, два обстоятельства. Борис Михайлович, скупой на похвалу, не жалел добрых слов, когда речь шла о действительно талантливых людях. Это первое. А второе – ну, зачем авторитетнейшему ученому снисходить до университетской многотиражки?

Однако сам Козо-Полянский так не считал: перелистайте подшивки довоенных воронежских газет – статьи, заметки за подписью Бориса Михайловича, интервью с ним печатаются с завидной регулярностью. Это не было тщеславием, это было формой реализации общественной активности…

У Бориса Михайловича было много учеников, и я счастлива, что мне довелось быть в их числе. И не мне одной. Сергей Иванович Машкин, впоследствии возглавлявший кафедру генетики, селекции и теории эволюции, вспоминал, что решающим фактором, определившим его поступление в университет, стала книга Бориса Михайловича Козо-Полянского «Введение в дарвинизм».

Трудно назвать область ботанических знаний, которой не интересовался бы и не занимался бы Борис Михайлович, – им опубликовано около трехсот работ. Но средоточием основных научных интересов Козо-Полянского всегда была систематика растений. Интерес к этой отрасли ботаники проявился у Бориса Михайлови-

ча еще в студенческие годы, когда он начал работать по систематике зонтичных и стал создателем их системы.

Позже Козо-Полянский сумел преодолеть недостатки естественных систем Энглера и Веттштейна, пользовавшихся в начале двадцатого века популярностью. Он убедился в необходимости модернизации этих систем, необходимости приведения их в соответствие с современным состоянием науки. Итогом исследований явилась блестящая книга «Введение в филогенетическую систематику растений», изданная в 1922 году и сразу ставшая популярной среди ботаников. В этой работе Борис Михайлович предложил новые эволюционные принципы систематики растений, побуждая к проверке старых фактов, поискам новых. Книга Козо-Полянского ставила ряд важнейших проблем, решению которых была посвящена вся дальнейшая жизнь Бориса Михайловича.

В 1937 году вышла в свет уникальная монография профессора Козо-Полянского «Основной биогенетический закон с ботанической точки зрения», которая еще раз подтвердила огромный философский ум и яркую способность к теоретическим обобщениям, присущим Борису Михайловичу. В монографии ученый дал глубокий анализ законов филогенеза, установленных большей частью зоологами, рассмотрев биогенетический закон применительно к растениям.

Борис Михайлович много работал, много писал, всегда был полон новых идей. Но при этом был очень требователен к себе. Отличительная черта Козо-Полянского – умение мужественно расставаться со своими взглядами, если они оказывались в противоречии с новым фактическим материалом. В сорок девятом Козо-Полянский публикует работу, в которой предлагает новую систему растительного мира с теоретическим обоснованием и графическим изображением ее. Эта система значительно отличалась от той, что была предложена в двадцать втором, соответствуя новым фактам, новым идеям, новым достижениям науки. На протяжении последующих лет Борис Михайлович уточнял эту систему. Так продолжалось до конца жизни – до 21 апреля 1957 года, когда выдающегося ученого не стало.

Над учебником «Курс систематики высших растений» ученый работал много лет, поставив перед собой задачу реализовать в нем свои теоретические и педагогические принципы. К сожалению, Борис Михайлович не успел подготовить учебник к печати и издать его. Этот труд взяли на себя его ученики: профессор Н. С. Камышев, А. И. Федосеева, Н. В. Черпакова, З. Д. Шахова и автор настоящих воспоминаний. Вот уже более тридцати лет учебник служит настольной книгой ботаников – студентов, преподавателей, молодых исследователей.

Борис Михайлович был не только выдающимся ученым-теоретиком, но и замечательным практиком. По его инициативе в тридцать седьмом году закладывается ботанический сад университета на площади в 76 гектаров, сегодня носящий имя профессора Козо-Полянского; по его же инициативе проводятся многочисленные работы в парке культуры и отдыха Воронежа; по его инициативе идет в ЦЧО работа по определению географии сорняков.

В книге «Пятнадцать лет Воронежского государственного университета» (1934) Борис Михайлович рассказывает о тесной связи руководимого им Ботанического института (был такой в предвоенные годы) с различными заказчиками. Я обратила внимание на обширный перечень этих заказчиков: губплан, гидрокомитет, лесная опытная станция, облплан, госземтрест, ботаническая опытная станция, институт судебной медицины, маслотрест, издательство «Коммуна»... Это ли не доказательство авторитета профессора Козо-Полянского и его учеников!

Одна из важнейших забот того времени для Бориса Михайловича – приведение в порядок парка культуры и отдыха. Ученик Козо-Полянского Сергей Иванович Машкин, тогда студент биофака, впоследствии профессор, заведующий кафедрой, вспоминал, как Козо-Полянский, узнав, что он, Машкин, ездит в парк изучать растения, направил энергию начинающего ученого в нужное русло:

– Не занимайтесь партизанщиной. Наш парк – настоящая кладовая для ученого. Там масса экзотов. Так вот надо основательно поработать. Наш парк культуры и отдыха – только парк отдыха. А надо, чтобы он был и парком культуры. И знаете, за счет чего? За счет дендрокультуры. Если согласны работать, составьте план работ.

Когда предварительная работа была закончена, Борис Михайлович предложил Машкину написать путеводитель, а сам предпослал этому путеводителю предисловие.

После войны ботсад медленно возвращался к жизни. Война уничтожила не только здания. Во время одной из бомбежек здесь погибли сотрудники сада, их семьи. Восстанавливать (и расширять) ботсад приходили не только биологи, но и физики, историки, географы.

Душой восстановительных работ был Борис Михайлович. Крупный, грузный, но чрезвычайно деятельный, он поспевал всюду, отдавая своему детищу не только кипучую энергию, но и свою директорскую зарплату. Тогда ведь в распоряжении сотрудников не было никаких технических средств. А нужны были и опрыскиватели, и трактор, и многое другое.

– Помню, как много значило для нас появление в ботсаду Бориса Михайловича, – вспоминает о тех временах Галина Сергеевна Эрдели, доцент биофака. – Козо-Полянский осматривал коллекции растений, а мы ходили следом, стараясь не упустить ни одного слова. Сколько интересного рассказывал он нам в часы этих импровизированных лекций!

Надо сказать, обладая необычайно привлекательной внешностью – высокий, стройный, слегка полноватый человек, гордо несущий себя среди окружающих, отличающийся необыкновенно легкой походкой при видимой грузности, всегда элегантно одетый (обязательный костюм-тройка, пальто свободного покроя, шляпа, трость в руках), – Борис Михайлович, где бы он ни появлялся, всегда оказывался окруженным толпой людей: слушать профессора было одно удовольствие.

Козо-Полянский был прекрасным оратором, великолепным лектором. Его публичный лекционный репертуар постоянно обновлялся. Так, во время войны

Борис Михайлович подготовил лекцию «Война и ботаника», в которой не только говорил о стратегических растительных ресурсах воюющей страны, но и давал прекрасные советы гражданам: какие растения использовать в пищу, как правильно вести огородно-хозяйственные дела. Казалось бы, что ему, известному в городе ученому, до таких частных проблем! Но общественный темперамент Козо-Полянского был необычайно велик, профессор не был кабинетным ученым.

О каждом из своих многочисленных учеников Борис Михайлович помнил постоянно: будь то студент или аспирант, кандидат наук или курсовик. Козо-Полянский, вычитав что-то новое по интересующей проблеме, не дожидаясь личной встречи, тут же звонил или посылал письмо.

У меня хранятся записки Бориса Михайловича: «Срочно прочтите Краснова!», «Не упустите выхода в свет в издательстве иностранной литературы книги Браун “Метод учета и исследования растительности”!».

Есть в моем архиве и послания не деловые: «Поздравляю! Желаю счастья, счастья, счастья! Будьте женщиной – “существительным, а не прилагательным”. Работайте! Растите!»

В этих кратких посланиях весь Козо-Полянский – с его необычайным вниманием к своим ученикам, в его умении ненавязчиво воспитывать. Нельзя быть «прилагательным»! Требовательный к себе, Борис Михайлович был требовательным и к другим. Постоянно помня о своих учениках, постоянно выдвигая новые идеи и привлекая учеников к решению этих идей, профессор требовал регулярного отчета о проделанной работе (не для формы, а из искреннего желания видеть, как продвигается вперед начатое дело).

Сам Борис Михайлович поспевал всюду: практически все ботанические кафедры в нашем городе или организованы Козо-Полянским, или созданы при его непосредственном участии. А ведь занимался профессор Козо-Полянский не только делами научными. Он был депутатом Верховного Совета РСФСР (в российский парламент Бориса Михайловича выдвинули вскоре после войны рабочие завода СК имени Кирова), и, надо сказать, к своим депутатским обязанностям относился столь же ревностно, как и к заботам сугубо научным, принимал избирателей, разбирал их просьбы и жалобы, ходил по начальству, стараясь оказать помощь тем, кто к нему обращался. И – добивался своего: авторитет Бориса Михайловича в городе был велик необычайно.

К двум своим орденам Ленина и ордену Трудового Красного Знамени относился с уважением и носил награды с достоинством. В те годы немного было в Воронеже ученых, которые были бы удостоены столь высоких почестей.

Не могу не сказать еще об одном качестве моего учителя – его принципиальности. Когда вскоре после войны в биологической науке началось агрессивное наступление группы академика Т. Д. Лысенко (разгром, в частности, генетиков), от ученых-биологов требовалось безусловное согласие с концепциями Трофима Денисовича (все прекрасно понимали, кто его поддерживает, да и сам академик это-

го не скрывал). Однако натиску подчинялись не все. Среди тех, кто сопротивлялся, был и Борис Михайлович Козо-Полянский. Находил в себе мужество публично им возражать. Так было на научных конференциях, проходивших в университете и на факультете, так было и во время публичных выступлений Козо-Полянского по воронежскому радио.

Естественно, такой строптивости начальство не могло простить. Началась травля профессора. Устраивали проверки возглавляемой им кафедры, проводили открытые лекции (искали криминал), подвергали рецензированию его статьи.

На философском семинаре, общем для всех факультетов ВГУ, был устроен диспут «Вид и видообразование», во время которого скрестили научные шпаги Козо-Полянский и сторонники Т. Д. Лысенко (не хочу вспоминать их фамилии, потому что это был не столько научный спор, сколько способ борьбы с инакомыслием в науке, да и тех, кто защищал идеи Т. Д. Лысенко, давно уже нет в живых). Силы были слишком неравными.

Борис Михайлович страдал и как ученый, и как человек. От Козо-Полянского требовали публичного отречения от собственных взглядов. Восходить на костер? Идти по пути Галилея?

Сердце ученого не выдержало – случился инфаркт. Так умер этот крупный и честный ученый. Хоронил Бориса Михайловича весь город: гроб с телом Козо-Полянского установили в драмтеатре, и народ шел и шел прощаться с человеком, олицетворявшим высокое нравственное достоинство Воронежа.

Сейчас, вспоминая о Борисе Михайловиче, я думаю, что это был, несмотря на свою громкогласность и внешнюю крупность, чрезвычайно ранимый и эмоциональный человек. Его могла взволновать красивая музыка или живописное полотно. У него были любимые цветы, любимое вино, любимое животное. Он восхищался женщинами, детьми.

Борис Михайлович очень любил свою дочь и свою внучку. Это был добрый и по-детски наивный человек, далекий от житейских будней…

Знаете, каков был девиз Козо-Полянского?

– Вперед – выше!

Всю жизнь следовал Борис Михайлович этим словам, увлекая за собой своих учеников.

Да, ему было тесно среди людей. Он казался нам гигантом и – чего греха таить! – несколько подавлял нас всех своей эрудицией, своей ненасытной жаждой новых знаний, своими замашками очевидного лидера.

Но любили Бориса Михайловича Козо-Полянского практически все, кто с ним работал. Иначе и не могло быть – разве можно не любить Учителя?

Лариса Кожевникова

Печатается по: Университетская площадь : Очерки. Воспоминания. Воронеж, 1998. С. 65–72.

Лев Дмитриевич

КОКОРЕВ

(1925–1995)

Доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ.

Сфера научных интересов: исследование уголовной преступности, основы судебной деятельности. Работы последних лет были посвящены проблемам реформирования судопроизводства. В них подвергались критическому анализу некоторые положения Концепции судебной реформы и проектов УПК, реализация которых могла бы привести к отрицательным последствиям; сделанные им замечания на эти законопроекты были переданы в Государственную Думу.

Окончил Московский юридический институт (1947). В 1947–1962 годах адвокат, народный судья, председатель народного суда Центрального района города Воронежа.

С 1962 года преподаватель, доцент, профессор, заведующий кафедрой уголовного права, процесса и криминалистики Воронежского государственного университета, в 1978–1988 годах декан юридического факультета.

СЛУЖЕНЬЕ ИСТИНЕ

Оком вам написать лучше всего? – переспросил меня Валентин Анатольевич Панюшкин, тогдашний декан юридического факультета. – Ну, разумеется, о Льве Дмитриевиче Кокореве.

И по тому, как Валентин Анатольевич назвал фамилию Льва Дмитриевича, я поняла, что репутация профессора Кокорева на факультете высока.

– Знаете что, – сказал Валентин Анатольевич, – мы выпустили недавно книгу «Служенье Истине», в которую вошли воспоминания о Льве Дмитриевиче. Почитайте ее – думаю, она вам поможет.

Я начала читать эту книгу с конца. Потому что на последних страницах увесистого однотомника обнаружила чрезвычайно любопытную переписку Льва Дмитриевича с Михаилом Соломоновичем Строговичем, выдающимся ученым-юристом, одним из корифеев российской правовой теории, человеком, не побоявшимся спорить в свое время с грозным Андреем Януарьевичем Вышинским, полагавшим, что концепция «презумпции невиновности» обвиняемого – всего лишь отрыжка буржуазной юриспруденции.

Михаил Соломонович, член-корреспондент Академии наук СССР, крупный специалист в области уголовного процесса, 21 марта 1980 года прислал профессору Кокореву письмо, где упрекал воронежского ученого за соучастие в издании книги, которая, по мнению Строговича, «была никуда не годна». Речь шла о рукописи книги «Очерк развития науки советского уголовного процесса», подготовленной к печати в Воронеже. Ее авторы – Николай Сергеевич Алексеев, доктор юридических наук, заслуженный деятель науки РСФСР, и Владислав Григорьевич Даев, доктор юридических наук, – профессора Ленинградского университета; третий соавтор – Лев Дмитриевич Кокорев.

Претензии к рукописи у Михаила Соломоновича Строговича были велики: «…Низкий теоретический и культурный уровень, путаница, неприемлемость ряда положений и т. д.» Строгович писал: «Лев Дмитриевич, поверьте, что я Вам зла не желаю и никакого вреда не причиню. Но зачем Вам нужно было ввязаться в это дело? У Вас хорошее научное имя. Очень боюсь, что выход в свет в Воронеже этой работы не послужит к украшению ни Вас лично, ни Вашего факультета».

Письмо Строговича, естественно, огорчило Льва Дмитриевича: «Когда работу объявляют скверной, даже не посмотрев на нее, или заранее сомневаются в том, что авторы могут написать неплохую книгу, это не может не вызвать чувства досады».

Однако чувству досады в ответном письме Лев Дмитриевич Кокорев места не дал. Он с достоинством парировал упреки оппонента: «Мне тоже не понравился первый вариант рукописи: многие нужные вопросы в ней не рассматривались совсем или слишком кратко, ряд вопросов подавался односторонне… Мы полностью изменили структуру книги… Совсем иначе сейчас изложены такие актуальные проблемы процесса, как состязательность, презумпция невиновности и др. …Я благодарен Вам за слова, что у меня “хорошее научное имя”. Зная содержание рукописи, я надеюсь, что ее публикация не очень испортит мою репутацию и тем более нашего факультета».

Остается добавить, что книга «Очерк развития науки советского уголовного процесса» увидела свет в конце 1980 года, в юридических изданиях появился ряд положительных отзывов на нее, а в 1982 году состоялось обсуждение этой работы на расширенном заседании кафедры уголовного процесса МГУ, в ходе которого монография была высоко оценена видными учеными-процессуалистами. О чем, в частности, свидетельствовал материал обсуждения, помещенный в «Вестнике Московского университета»: «Стремление авторов охватить всю проблематику науки придает книге энциклопедический характер и делает ее настольной книгой студентов, аспирантов и преподавателей юридических вузов».

И последнее – среди тех, кто был приглашен участвовать в создании книги «Опередивший время: к столетию со дня рождения М. С. Строговича» (М., 1994), был и Лев Дмитриевич Кокорев.

Когда я спросила у Валентина Анатольевича Панюшкина, а какова, по его мнению, самая существенная черта Льва Дмитриевича, тот ответил быстро, как само собой разумеющееся:

– Принципиальность!

Теперь я понимаю, что это так. Читаю воспоминания профессора Ивана Александровича Галагана: «В основном и главном мы со Львом Дмитриевичем были единомышленниками… Но были у нас и разногласия. Лев Дмитриевич не поддерживал идеи так называемого “общего юридического процесса”. Из-за этого он даже отказался от участия в подготовке и издании книги “Процессуальные нормы и отношения в советском праве (в “непроцессуальных отраслях”)”, которая вышла в свет в Издательстве ВГУ в 1975 году под моей редакцией… Отказ Льва Дми-

триевича от участия в книге нисколько не повлиял на ее судьбу; не исключено, что любой другой истый ревнитель идеи мог бы остановить “вредное” издание. Однако Лев Дмитриевич, как подлинный ученый и руководитель, способствовал ее выходу в свет, справедливо полагая, что научная истина достигается не администрированием, а в творческих дискуссиях».

В науку Кокорев пришел далеко не юным – проработав несколько лет адвокатом, народным судьей.

Многое успел Лев Дмитриевич за годы, отведенные ему жизнью.

* * *

Лев Дмитриевич родился 19 сентября 1925 года в Тамбове, но вскоре семья переехала в Воронеж. Вдохновленный примером отца – заслуженного юриста СССР Дмитрия Николаевича, – Лев Кокорев оканчивает в 1948 году Московский юридический институт, на год раньше положенного срока. Увлекшись цивилистикой и предприняв попытки к исследовательской работе, он подавал большие надежды: ему предлагали остаться в аспирантуре. Но… Кокорев предпочел научной работе в Москве практику в Воронеже, а цивилистике – науку уголовную.

В те годы «криминальный цикл» – уголовное право, уголовный процесс и криминалистика – был недосягаемой вершиной юридической пирамиды. Гремевшие на всю страну имена ученых, обилие научных разработок не сулили скорой удачной карьеры новичкам. Но Лев Дмитриевич «принял бой», к тому же на труднейшем участке – в адвокатуре. Вынесенный из покорения этого профессионального рубежа опыт отразился позднее в ряде работ: «Адвокат – представитель потерпевшего в советском уголовном процессе» (1969), «Подсудимый в советском уголовном процессе» (1973).

В 1948 году на первых в стране выборах народных судей жители Центрального района Воронежа избирают Льва Дмитриевича судьей, и позже еще трижды он избирается на эту должность.

Положительный опыт работы судьи Кокорева приказом министра юстиции РСФСР распространялся в судах Республики. Четырнадцатилетняя бытность Льва Дмитриевича судьей и председателем народного суда Центрального района Воронежа предоставила ему опыт, явившийся основой теоретических размышлений в работе «Народный суд» (1970), а также в статьях по проблемам современной судебной реформы в России.

Лев Дмитриевич Кокорев в шестьдесят втором оставляет судейство и уходит в академическую среду – на молодой юридический факультет, совмещая поначалу преподавательскую деятельность в ВГУ с работой в Педагогическом институте и Высшей партийной школе.

Лев Дмитриевич пришел на кафедру в годы, когда шла судебная реформа. Кокорев избрал непроторенный путь в научных исследованиях, и предметом его интересов становится потерпевший – процессуальная фигура, впервые появившаяся в уголовном судопроизводстве.

«Участие потерпевшего в советском уголовном судопроизводстве» – кандидатская диссертация, на подготовку которой Лев Дмитриевич не взял ни дня творческого отпуска, – стала первой диссертацией по юридической специальности, защищенной в Воронеже, и было это в конце февраля 1964 года.

Проблема правового положения личности в уголовном процессе становится центральной в научном творчестве Л. Д. Кокорева. Он словно следует словам известного российского юриста профессора В. Д. Спасовича: «Личность и есть то неподвижное солнце, вокруг которого вращается весь сонм юридических учреждений».

Лев Дмитриевич выступал за отведение в уголовном процессе интересам потерпевшего внимания не меньшего, чем защите прав и законных интересов обвиняемого.

Принципиальность, четкость и последовательность в научных разработках соседствовала с тонким психологическим подходом в общении с людьми. Облекая человека в жесткую формулировку законодательного определения («потерпевший, подозреваемый», «обвиняемый»), Лев Дмитриевич никогда не позволял себе обезличивать его, игнорируя личностные качества и особенности.

Доктор юридических наук, профессор ВГУ Олег Яковлевич Баев вспоминает о давнем эпизоде из практики суда Центрального района, где он начинал работать завхозом под началом председателя суда – Льва Дмитриевича Кокорева. Готовясь к слушанию уголовного дела по обвинению некоего Ш. в мужеложстве и развратных действиях в отношении малолетних, Лев Дмитриевич решает, что только сугубо мужской состав суда (и заседатели, и секретарь судебного заседания, и представитель государственного обвинения) обеспечит возможность Ш. наиболее откровенно рассказать и о самих инкриминируемых ему действиях, и об их глубинных причинах и мотивах. «Практически любое преступление – не только вина, но и беда совершившего его человека», – резюмировал Лев Дмитриевич. Это был не только урок судебной этики, замечает Олег Яковлевич, но и образец безупречного ведения дела, требующего особой деликатности. «Впоследствии… всегда меня поражало, как четко и тонко он улавливал сущность дела и как точно оценивал его с наиболее значимых позиций…»

В семьдесят пятом Лев Дмитриевич защищает в Ленинграде докторскую диссертацию на тему «Положение личности в советском уголовном судопроизводстве».

Монография «Судебная этика: Некоторые проблемы нравственных начал советского уголовного процесса» (1973), подготовленная в соавторстве с Г. Ф. Горским и Д. П. Котовым, становится вехой не только творческого и научного пути Льва Дмитриевича, но и всей науки уголовно-процессуального права. Это была первая в СССР работа по проблемам нравственных начал уголовного процесса, явившаяся предтечей вышедшей в Москве под редакцией М.С. Строговича книги «Проблемы судебной этики» (1974) и давшая начало одноименному спецкурсу.

В работах Льва Дмитриевича ставится вопрос о роли общественного мнения в уголовном процессе. Кокорев выступал за законодательное утверждение недо-

пустимости выступлений в печати по уголовным делам до их рассмотрения в суде, предрекая опасность подмены общественного мнения, влияние коего на уголовный процесс неумолимо, «общественными страстями». И сегодня эти положения, выдвинутые Кокоревым, не утратили своей актуальности, особенно когда общество наблюдает время от времени за «войной компроматов».

Кокорев обосновывает с этико-юридической точки зрения введение свидетельского иммунитета близких родственников обвиняемого, а также положение о том, что никто нс обязан свидетельствовать против себя самого. В настоящее время всё это законодательно закреплено.

Детальному осмыслению подвергается принцип презумпции невиновности. «Необходимо последовательно провести в законодательстве гуманный высоконравственный принцип, заключающийся в том, что правосудие осуществляется только судебной властью, и устранить нормы, допускающие признание лица виновным в совершении преступления иными органами (т. е. следователем, прокурором)».

Памятуя о своей судебной деятельности, Лев Дмитриевич большое внимание уделяет нравственным началам судебной деятельности: «Правосудие – это не только суд по закону, но и суд по совести… Независимость судей – это проблема их правовой, а также моральной ответственности». Но наряду с этим Кокорев жестко критикует законодательный запрет судьям принадлежать к политическим партиям и движениям, усматривая в этом не гарантию независимости судей, а противоречие нормам международного права, Конституции РФ и посему морально неоправданным.

Как известно, «судопроизводство есть не что иное как искусство пользоваться законодательствами». Поэтому Лев Дмитриевич всесторонне рассматривает проблемы доказывания в уголовном процессе, результатом чего явились работы «Проблемы доказательств в советском уголовном процессе» (1978), «Уголовный процесс: доказательства и доказывание» (1995). Увидев свет, лишь два месяца последняя книга прожила в руках создавшего ее Мастера, и он ушел…

Но Слово, воссозданное им более чем в 130 научных трудах, не позволяет употребить прошедшее время в этом повествовании. Наряду с исследованиями текущего законодательства, Лев Дмитриевич анализирует состояние и перспективы развития уголовно-процессуальной науки. Книга «Очерк развития науки советского уголовного процесса» (1980) стала единственной в истории науки уголовного процесса.

Лев Дмитриевич не был кабинетным ученым: углубляясь в проблему, он не боялся внешних воздействий, был открыт для поиска, дискуссий и сотрудничества. Статьи Кокорева опубликованы в научных сборниках и трудах Института государства и права РАН, Санкт-Петербургского университета, Саратовской государственной академии права, Национальной юридической академии Украины, Высшей следственной школы МВД России и других учебных и научных учреждений.

Оставив однажды практику ради теоретических исследований, он вновь возвращается к проблемам правоприменения на заре вершимых в России реформ.

Кокорев считает себя консерватором, близко к сердцу принимая разрушение системы социалистического содружества, поверхностную и во многом противоречивую Конституцию, перестройку с ломкой «до основанья» великих традиций. Неслучайно о Льве Дмитриевиче говорили:

– Реформатор человеческих душ, требователен к себе и другим, не терпит скороспелости и дилетантства.

Результаты своих научных исследований Лев Дмитриевич использовал при разработке предложений, направленных на совершенствование уголовно-процессуального законодательства в условиях современной судебной реформы. Он один из соавторов теоретической модели уголовно-процессуального законодательства России, подготовленной Институтом государства и права Российской академии наук. Работа Кокорева в президиуме координационного бюро по проблемам уголовного процесса и судопроизводства Научного совета РАН «Закономерность развития государства, управления и права» отразилась в ряде его научных статей последних лет. Критикуя официальную концепцию судебной реформы, профессор Кокорев встает на защиту принципа единства судебной системы, явное попрание которого намечалось авторами концепции: «С отдельными ветвями власти судебной власти не считаться проще, чем с единой мощной судебной системой».

Возмущение Кокорева вызывала развивающаяся тенденция сведения роли суда в уголовном процессе до простого арбитра. «Суд, исходя из принципа состязательности судопроизводства, стимулирует активность сторон, но не отдает им правосудие на растерзание, а сам содействует установлению истины и вынесению справедливого приговора», – подчеркивал ученый.

В то же время Лев Дмитриевич указывал на недопустимость передачи суду функции надзора над следственными действиями: Можно ли поверить в независимость и справедливость судебного органа, который по существу руководил следствием, направляя расследование?»

Поднимая вопрос об ущемлении роли прокуратуры в уголовном процессе и неясности статьи Конституции, ей посвященной, Кокорев отстаивал неотъемлемость прокурорской функции надзора за соблюдением законности на всех стадиях уголовного процесса.

Наиболее жесткая полемика разразилась по поводу возрождения суда присяжных и мировых судей, повлекшая охлаждение отношений со старым своим единомышленником В. М. Савицким. Лев Дмитриевич называл опасной тенденцию увеличения уголовных дел, рассматриваемых судьей единолично. Но признавая коллегиальность надежным гарантом справедливости правосудия, он не видел положительных перспектив в распространении суда присяжных. «Анализ доказательств по делу, принятие решения “доказано – не доказано” – сложная юридическая работа, требующая профессиональных знаний… Профессионализм – это основное условие любого труда, вряд ли стоит делать исключение для судебной деятельности».

Кокорев определил научную биографию многих своих учеников и коллег. И его дочь претворяет в жизнь идеи отца в своей адвокатской практике. И. А. Галаган, назвавший Льва Дмитриевича «крестным отцом своей докторской», говорил:

– Поистине отеческое, трепетное отношение к коллегам, имеющим склонность к научному творчеству.

И для Валентины Алексеевны Ефановой, кандидата юридических наук, доцента ВГУ, Кокорев – учитель, наставник:

– Он был прекрасным психологом, умел совместить, казалось бы, несовместимых, заставить работать, подсказать и научить. Нам, тогда еще молодым аспирантам, он говорил: «Чтобы стать настоящим ученым, нужно каждый день писать. Возьмите себе за правило: в день – 2–3 страницы научного текста. Сегодня все преподаватели кафедры работают по его методике. Большинство научных связей факультета шло через Кокорева. Особенно тесные контакты – с ленинградцами, среди которых – некогда соавторы Льва Дмитриевича Н. С. Алексеев (бывший помощником государственного обвинителя на Нюрнбергском процессе) и В. Г. Даев (близкий друг Кокорева, переживший его всего на 40 дней).

Традиции, созданные Кокоревым, распространяются не только на педагогику и науку. Кафедра и доселе по любой проблеме задается мыслью: «А как бы поступил Лев Дмитриевич?..»

Еще одна грань таланта Льва Дмитриевича Кокорева отразилась в деятельности его как организатора.

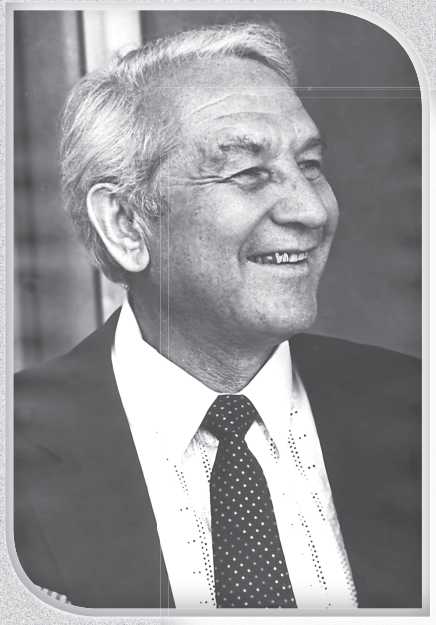
С 1974 по 1996 год он – заведующий кафедрой, объединившей на первых порах все дисциплины «криминального цикла». Одновременно с 1979 по 1987 год он определяет судьбу всего факультета в роли дважды избираемого декана. Этот период знаменуется открытием на кафедре уголовного процесса докторантуры, на факультете создан совет для защиты докторских диссертаций по специальности «Уголовный процесс, криминалистика, теория оперативно-розыскной деятельности».

И это был лишь очередной рубеж, покоренный и пройденный. В канун 70-летия Льву Дмитриевичу было присвоено почетное звание заслуженного деятеля науки Российской Федерации. И Мысль творца не устает, грезит новыми планами, замыслами, рубежами. Но… Материя безжалостно властна над Духом…

С девяносто пятого года нет Льва Дмитриевича Кокорева, но как-то неуместно говорить о скорби, о памяти, ибо идеи, ученики, ставшие под его началом учеными, его учебники и монографии, его наука, его школа, его стиль – это и есть сегодняшний юридический факультет ВГУ.

Екатерина Роганова

Печатается по: Университетская площадь :
Очерки. Воспоминания. Воронеж, 1998. С. 73–84.

Горислав Валентинович

КОЛОСОВ

(1922–1996)

Доктор филологических наук, профессор, заместитель председателя президиума Методического Совета по журналистскому образованию при Минвузе СССР, член правления областной организации Союза журналистов.

Сфера научных интересов: проблемы становления, развития и современного состояния теории журналистики.

Участник Великой Отечественной войны. Окончил факультет журналистики Казахстанского госуниверситета (1951), где затем работал старшим преподавателем, доцентом. По совместительству – литературный сотрудник газеты «Советский пилот», собственный корреспондент газеты «Патриот Родины» по Казахстану и Киргизии.

Заведующий кафедрой журналистики (1975–1978), теории и практики журналистики (1978–1985) филологического факультета, первый декан факультета журналистики (1985–1989) ВГУ, где работал до 1993 года. С 1994 года жил в городе Новосибирске.

ЭТОТ ВНЕСИСТЕМНЫЙ КОЛОСОВ

* * *

Приехав в Воронеж, Горислав Валентинович несколько месяцев жил в Третьем общежитии. С ним жила младшая дочь Вера, которая собиралась поступать в «Гнесинку» на музыковедческий факультет.

Помню, как в марте семьдесят пятого мы с Александром Тихоновичем Смирновым разгружали «вещички» Г.В. Он носился вместе с нами, шутил, горячился, потом мы пили чай, и он сразу раскрылся перед нами во всей естественности, в своем простодушном неумении надевать на себя какую-либо маску, приличествующую случаю.

Горислав Валентинович был из породы людей непродающихся и непродающих, что воля его в нужный момент оказывалась упрямой до крайности, и он добивался того, чего хотел добиться. Так, в конце концов, он «пробил» факультет, и мы в 1985 году зажили самостоятельно. В то время как московские ученые пытались создать советскую теорию журналистики, Горислав Валентинович, проявляя самостоятельность, нарушавшую централизованность духовно-идеологической жизни Союза, умудрялся протаскивать в свои работы очень важные элементы западной теории массовой коммуникации, теории журналистики. Это обогащало нас заманчивой терминологией, которая давала повод смутно почувствовать (и немного понять), что и наше дело может быть самостоятельной наукой, не подвластной никакому марксизму-ленинизму.

Нет, я не укрупняю Горислава Валентиновича. Как человек системы, он был последовательным марксистом, но во всех допустимых трактовках оного учения больше всего ценил диалектическую сторону (впрочем, воспринятую, как известно, от Гегеля), что, веро-

ятно, и помогало ему непредвзято воспринимать существенные элементы информации, которая разными путями шла «из-за бугра».

Что касается меня лично, то я чрезвычайно благодарен Гориславу Валентиновичу. Он затащил меня, переростка, в аспирантуру, что позволило мне три года беспрепятственно плавать в море книг и статей.

…Вспоминаю, как в сумерках майского вечера мы с А. Т. Смирновым заходим во двор Третьего общежития, стучим в окно Гориславa Валентиновича, он выглядывает, говорит «Сейчас!» и бежит открывать дверь черного хода, и мы, минуя вахту, оказываемся у него в комнате, пьем чай (или сухое вино) и ведем хорошие разговоры.

Из воспоминаний Вадима Кулиничева

* * *

Трудно в нескольких словах сказать о человеке, который в переломный момент твоей жизни стал настоящим Наставником, Учителем. Он был очень хороший и добрый. Одновременно – взрослый и ребенок, мудрый и простодушный. От Гориславa Валентиновича исходило тепло, где бы ты с ним ни встречался – на городской улице, на кафедре или в его уютном кабинете. В «несистемном» поведении Колосова была своя система, опорой которой всегда оставались порядочность и уважительное отношение к коллегам, ученикам. Я его очень любил и люблю.

Из воспоминаний Владимира Тулупова

* * *

Говорят, хороший человек – не профессия. Однако прекрасный специалист и скверный человек – сочетание не из лучших: с такими приходится тяжело сослуживцам. А человеческая порядочность помогает состояться профессионалу, заслужить высокую репутацию в среде коллег. Именно такой репутацией плюс к карьере, научным трудам и прочим атрибутам доктора наук и профессора обладал Г. В. Колосов. И это дорогого стоило. Она (репутация) во многом обеспечивала престиж нашего факультета среди других вузов. Ею определялись понимание коллег и готовность поддержать его во всех начинаниях, на ней основывались уважение студентов и атмосфера теплого и чуть ироничного товарищества очень разных людей, которая у нас сложилась.

Горислав Валентинович был по-настоящему предан делу. Он приехал в Воронеж, когда ему было уже за 50, не зная здесь практически никого. Человек весьма контактный, по-своему обаятельный, он уже через год-два знал многих, и его многие знали. Терпеливо, настойчиво он шел к цели – и отделение филфака превратилось в факультет.

С позиций нынешнего дня, когда бескорыстие совсем не в ходу, кажется невероятным, что человек немолодой и не очень здоровый «на общественных началах», т. е. не получая ни копейки, многие годы возглавлял отделение, точнее факультет, тратя на это массу времени и сил.

Он был не только добрым, но и доброжелательным, что, на мой взгляд, более важно: доброта – качество природное, а доброжелательность – результат самовоспитания. Он не умел долго сердиться и не умел обижаться. Накричав по телефону, тут же звонил снова и заводил примирительные беседы с шутками и прибаутками, игнорируя ледяное молчание. И лед в конце концов таял.

С ним хорошо работалось. При всех сложностях, которые неизбежно возникали за эти годы, никогда не ощущалось подводных течений, подземных толчков и колебаний почвы. Горислав Валентинович искренне уважал чужой труд и гордился нашими успехами. Приезжая из Москвы, он говорил мне: «Вам все передают привет». Я не уверена, что на самом деле так уж многие помнили обо мне на той конференции, но ему хотелось сделать приятное.

Колосова отличало при всех его деловых качествах очаровательное простодушие. Собираясь в командировку в Латвию, он, новый человек в Воронеже, спросил: «Как ехать в Ригу?». Кройчик немедленно ответил: «Надо сесть на солнцепеке, выпить пол-литра водки и закусить манной кашей». После некоторого недоумения Горислав Валентинович смеялся вместе со всеми.

Он бывал ужасно доволен, когда дамы хвалили его галстуки. И хвалили заслуженно: за его гардеробом тщательно следила Татьяна Андреевна. Да и дочки снабжали папу щегольскими пуловерами и рубашками. Наш Горислав Валентинович был франт, из Болгарии он привез дубленку апельсинового цвета, редкую по тем временам вещь, и мы гордились своим импозантным шефом.

Сказано: «Человек начинается с плача о мертвых». И с воспоминаний о них, что в сущности одно и то же.

Из воспоминаний Маргариты Стюфляевой

* * *

Время идет. Из памяти уходят цитаты, которые он заставлял нас, первокурсников, учить. Вот уже я не смогла до конца воспроизвести самую легендарную, без знания которой он не ставил ни одной положительной оценки. «Мы должны делать постоянное дело публицистов – писать историю современности…» Забываются цитаты – люди остаются.

Я помню, как он смеялся. Так может смеяться только очень добрый человек.

Он никогда не говорил о себе серьезно. Хотя имел для этого все основания: чтобы сосчитать в те годы докторов наук по журналистике, достаточно было пальцев одной руки, – он был одним из ведущих теоретиков в Союзе. Его рассказы, о чем бы он ни говорил: о своей военной юности, о профессии, о жизненных ситуациях, – были пронизаны светлым юмором, иронией по отношению к себе.

А смеялся он по-детски, заразительно и беззащитно, иногда по-восточному хитровато, как человек, который знает намного больше, чем говорит.

Из воспоминаний Татьяны Хомчук-Черной

* * *

Горислав Валентинович – это явление в нашей журналистике: всероссийской, воронежской, факультетской.

Году в семьдесят шестом был в Москве на ФПК. Один из сокурсников, Марат Барманкулов, показал седовласо-моложавого мужичка. – Это Колосов, Горислав Валентинович. Приехал из Алма-Аты защищать докторскую. Пойдем послушаем, потом выпьем, закусим.

Перспектива выпить-закусить па халяву мне, признаться, не очень понравилась, и я пойти на защиту отказался. Хотя работы Колосова, посвященные теории коммуникации СМИ, читал – они казались мне оригинальными и новыми.

На следующий день Марат философски заметил:

– Зря не ходил. Колосова «зарубили», и на банкете было мало народа.

– А он все-таки банкет устроил? – удивился я.

– Конечно, – подтвердил Марат. – Колосов такой.

Какой он, Горислав Валентинович Колосов, я узнал спустя год-два, когда нам на кафедре неожиданно объявили:

– У вас будет новый заведующий, фамилия – Колосов.

Потом появился Горислав Валентинович в нескладном драповом пальто с загибающимися лацканами, в помятой шляпе. Было видно – внешний лоск человеку чужд. Он ходил мягкими, неслышными шагами, говорил негромко и был совсем не страшным, совсем не доктором наук (ведь в таком качестве он к нам и приехал). Включив в гостиничном номере телевизор (дабы враг не подслушивал переговоры), Горислав Валентинович, видимо, сам для себя решал – стоит или не стоит иметь с нами дело.

Поскольку остался, мы поняли – Колосов в нас поверил.

...И были два десятилетия совместной работы – годы, преобразившие кафедру, отделение журналистики; годы, давшие жизнь факультету.

При Колосове раздвинулись наши горизонты – мы стали жить иначе. Мы поняли, что это вовсе не достоинство – иметь собственный провинциальный апломб («мы и сами с усами»).

При Колосове мы выпрямились и поняли, что собственная спина дана не для того, чтобы сгибаться перед начальством, а для того, чтобы высоко держать голову.

При Колосове мы поняли, что не обязательно брать криком и нахальством – есть такие качества, как терпение, настойчивость, достоинство.

При Колосове мы поняли, что чувство юмора – это не записное остроумие, а глубокий ум.

Из воспоминаний Льва Кройчика

Печатается по: Университетская площадь : Очерки. Воспоминания. Воронеж, 1998. С. 85–92.

Александр Самуилович

КРАВЕЦ

(1939 г.р.)

Доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, член-корреспондент РАЕН.

Сфера научных интересов: проблемы детерминизма, философские концепции случайности, проблемы методологии науки, теория научного познания, стиль и уровни научного мышления, философские основы герменевтики. Исследовал самосознание научного сообщества, получившего название «идеологии науки». Предложил гносеологическую типологию вероятностей; на основе понятия стохастической структуры (отношений иррегулярности, автономности, беспорядка) обосновал объективную природу вероятности, раскрыл многообразие отношений между причинным и вероятностным подходами.

Окончил физический факультет (1961) и аспирантуру по кафедре философии ВГУ (1966). С 1966 года преподаватель, доцент, профессор, заведующий (1978–1997) кафедрой философии ВГУ, ныне – заведующий кафедрой онтологии и теории познания ВГУ.

УНИВЕРСИТЕТСКИЙ ФИЛОСОФ

Нет ничего скучнее «датского» текста – таковы неумолимые законы жанра. И всё же надеюсь на исключение. Персона Александра Самуиловича Кравеца, сотканная из противоречий, чуждая канонам и схемам, неизменно привлекающая интерес каждого, кто встречается с ним и в аудитории, и на научной конференции, дает основание для такой надежды. Последуем же вслед за нашим героем, отмечая основные вехи его биографии, пытаясь выявить «логико-методологические основания» жизни и судьбы.

После окончания физического факультета ВГУ, впитав традиции свободомыслия и дух жарких научных дискуссий (вспомним сакраментальное «что-то физики в почете, что-то лирики в загоне»), недолго поработав по специальности, Александр Самуилович поступил в аспирантуру при кафедре философии. Неожиданный – но только на первый взгляд! – поворот, определивший его судьбу в науке. В 1966 году Кравец защитил кандидатскую диссертацию «Некоторые методологические аспекты в понимании природы статистической закономерности». Как оказалось впоследствии, эта работа стала творческим трамплином для дальнейших исследований, сделавших Александра Самуиловича широко известным не только в отечественных философских кругах, но и за рубежом. Глубокий философский анализ актуальной для фундаментальной науки в то время проблемы детерминизма позволил ему ввести оригинальную гносеологическую типологию вероятностей, обосновать объективную природу вероятности, специфику вероятностных законов, раскрыть многообразие отношений между причинным и вероятностными подходами. Результаты этих исследований нашли свое отражение в монографиях «Вероятность и системы» и «Природа вероятности»,

получивших высокую оценку у столичных корифеев. Для восторженных провинциалов всех времен («В Москву, в Москву!») признание в столице приравнивалось к высшей награде. Довольно скоро, а по советским меркам, слишком скоро, в 1974 году в совете при Московском государственном педагогическом институте состоялась защита докторской диссертации «Объективность вероятностных форм детерминации». Так Александр Самуилович стал одним из самых молодых докторов наук не только в Воронеже, но и в Советском Союзе.

Не будем забывать о том, что уважение и авторитет, которые со временем приходят к настоящему ученому, основаны не только на таланте, одаренности, но и на кропотливом труде. Поразительно, но факт – будучи уже известным философом, Александр Самуилович с карандашом в руке штудировал серьезные труды по физике, чтобы не допустить в себе верхоглядства и характерной для того времени философской «снисходительности» по отношению к конкретной науке. Не за далекими от реальной науки схоластическими рецептами приходили на методологические семинары к Кравецу маститые профессора, молодые ученые и аспиранты (составляющие цвет и гордость сегодняшнего университета). Живое биение мысли, со-причастность интеллектуальному поиску остались в их памяти, повлияли на научную карьеру.

В восьмидесятые годы внимание Александра Самуиловича привлекает новое проблемное поле, связанное с методологией научного познания. К тому времени складывается творческое кредо профессора Кравеца – идти не от выдуманных и приписанных науке «диалектических» противоречий, а от ее реалий, назревших в научном познании методологических проблем, к рациональному анализу, философским обобщениям. Следование этим научным принципам позволило Александру Самуиловичу выдвинуть идею о многообразии и специфичности различных уровней методологических исследований, раскрыть роль концептуальных моделей в процессе генезиса и экстенсивного развития физических теорий. Предложенная им типология интертеоретических отношений в физике, на основании которой была раскрыта систематика физического знания, была изложена в монографии «Методология науки». Результаты этих исследований укрепили научный авторитет как самого Александра Самуиловича, так и воронежской философской школы, которая находилась тогда в стадии активного формирования. Провинциальная философия в лице профессора Кравеца утверждала право на серьезное отношение к себе, преодолевая столичный снобизм и снисходительность. Ученики и коллеги Александра Самуиловича, при его активном содействии участвуя в конференциях, школах и симпозиумах в различных городах страны, неоднократно имели возможность убедиться в том, что имя их руководителя известно и уважаемо в философских кругах.

Как бы ни менялись проблемы, центром научных пристрастий профессора Кравеца оставался многообразный, сложный и потому так притягательный для исследователя феномен науки. Отталкиваясь от анализа внутринаучных про-

блем, Александр Самуилович обращается к проблемам социокультурной обусловленности развития науки. Раскрывая содержание стиля научного мышления и его эволюцию, он исследует динамику традиций и новаций в науке, вводит представление о модифицирующих и базисных новациях, новационных циклах. Предложенное профессором Кравецом понятие социокультурной ниши науки позволило выявить взаимодействие науки с другими видами культуры, а также стратегию и тактику социального института науки в историческом развитии. Эти исследования вывели профессора Кравеца на принципиально новое для отечественной философской мысли направление, получившее в западной литературе название «идеологии науки».

Анализ феномена идеологии науки потребовал пересмотра принятой на тот момент односторонней марксистской точки зрения на идеологию. Неслучайно монография «Идеалы и идолы науки» получила во многих рецензиях определение «пионерской» для отечественной философской мысли. В этой работе Александр Самуилович выявил сущность и основные элементы идеологии науки. Общезначимые для каждого исторического этапа представления о роли и статусе науки и ученых в обществе, о нормах и идеалах научного познания, этосе науки, идеальном образе ученого – все эти необходимые для функционирования науки в обществе элементы идеологии в монографии Кравеца были проиллюстрированы яркими примерами, делающими ее увлекательным чтением не только для философского сообщества, но и для представителей самых разных наук.

Наступившие девяностые годы, между прочим, были «лихими» не только для нарождающегося российского бизнеса, но и для отечественной науки, особенно для так называемых «общественных наук». На волне перестроечного упоения свободой сотрудники кафедр, так или иначе связанных с изучением общественного устройства, были объявлены «адептами тоталитарного режима». Вот когда научный авторитет Александра Самуиловича оказался поистине неоценимым капиталом, позволившим вывести университетскую философию из уготованных ей рамок служанки марксистского богословия, утвердить ее в новом статусе и качестве.

Но девяностые были и временем больших открытий – надо было осваивать всё то, что было надежно спрятано в спецхранах, не переведено, практически недоступно – речь идет как об отечественном наследии (философия Серебряного века, работы философов, покинувших Россию после революции), так и о сочинениях западных авторов. Достижения мировой философии XX века требовали осмысления, так же, как и философская классика, ожидавшая новых интерпретаций. Надо сказать, что атмосфера, которая царила на кафедре философии и поддерживалась Александром Самуиловичем, способствовала такой сложной, но и радостной работе. Итоги своих размышлений преподаватели несли в студенческую аудиторию, ожидавшую нового знания и новых открытий.

Хотелось бы – попутно – отметить уникальное качество Александра Самуиловича. Неординарная личность в науке – увы, но это факт! – зачастую страдает

фанатичной пристрастностью, не приемлющей чужого мнения, свысока относится к творческим поискам своих коллег. Ученикам и коллегам профессора Кравеца сказочно повезло, поскольку Александр Самуилович умеет отдать должное иной философской, методологической позиции, часто даже еще не самой концепции, самому подходу, а только их предварительным наброскам. С огромной благодарностью и теплотой ученики Александра Самуиловича вспоминают, каким ценным и важным оказался этот талант научного руководителя для неуверенных и сомневающихся в своих силах аспирантов. Вот почему на возглавляемой им много лет кафедре нет навязанного единомыслия, а заседания кафедры всякий раз превращаются в страстную полемику. А как же иначе?

Девяностые стали также и временем знаковым для университетского философского сообщества – в 1996 году в ВГУ появился новый факультет философии и психологии, деятельное участие в создании которого принял Александр Самуилович. Открытие этого факультета укрепило статус Воронежского университета, поскольку – в соответствии с ломоносовским определением – классический университет обязан иметь философский факультет.

Новый творческий импульс приобрели исследования Александра Самуиловича в «нулевые», с открытием на базе ВГУ Межрегионального института общественных наук (МИОН), научным директором которого он стал. Такое назначение было абсолютно логичным, поскольку в университете профессора Кравеца хорошо знали как организатора коллективных научных исследований в рамках крупных республиканских программ, победителя грантов Международного научного фонда и фонда Института «Открытое общество». Десятилетие «мионерской» деятельности не прошло даром ни для профессора Кравеца, ни для его ближайших соратников, ни для гуманитарной науки университета в целом. Воронежский университет стал одним из трех первых университетов страны, где были открыты МИОНы, задумывавшиеся как инновационные центры развития социально-гуманитарных исследований. Непривычный формат, нестандартно строгие правила, западная четкость и требовательность вкупе с большой ответственностью поначалу вызывали настороженность у ученых-гуманитариев, руководить которыми пришлось Александру Самуиловичу. Правда, довольно скоро обнаружилось, что слово «руководить» тут уместно менее всего. Совместный поиск, со-творчество, взаимный интерес к идеям из разных областей социально-гуманитарного знания стали фундаментом мионовского бытия. Неслучайно первые идеи междисциплинарных исследований и первые попытки их реализации состоялись в рамках многих мионовских проектов, объединявших лингвистов и политологов, экономистов и социологов, историков и философов.

Творческая неуспокоенность Александра Самуиловича, разумеется, не могла не привести его к новым научным поискам, прежде всего, к анализу феномена постмодернизма, который захватил отечественное философское пространство в «нулевые». Непредвзятость и внутренняя свобода позволили ему выкристаллизо-

вать наиболее взвешенное понимание постмодернизма, его места в современной культуре, подняться над безудержными восторгами и яростной бранью. Монография «Понимание смысла социальной деятельности», вышедшая в 2008 году, отразила одну из составляющих наиболее интересного для Александра Самуиловича проекта – возможности создания общефилософской теории смысла, которая «не отпускает» его вот уже несколько лет. К этой идее профессор Кравец пришел благодаря своим исследованиям в области герменевтики, вокруг которых сформировалась и работает целая группа философов из разных российских городов.

Ну а раз уж статья всё равно «датская», нельзя обойтись без перечисления формальных титулов. Александр Самуилович Кравец – член-корреспондент Российской академии естественных наук, академик Академии гуманитарных наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации, его имя включено в энциклопедические издания «Философы России XIX–XX столетий». Будучи автором множества научных и методических работ, Александр Самуилович проявил себя еще и как талантливый редактор, под его руководством и непосредственном участии подготовлено более 15 коллективных монографий, в числе которых: «Стиль мышления как выражение единства научного знания» (Воронеж, 1982), «Детерминизм и современная наука» (Воронеж, 1987), «Диалектика творческой деятельности» (Воронеж, 1989), «Единство и связь физических теорий» (Воронеж, 1990), «Наука как социальное явление» (Воронеж, 1992), «Человеческое измерение науки» (Воронеж, 1995), «Герменевтика в России» (Воронеж, Москва, Санкт-Петербург, 2002), «Философия науки: исторические эпохи и теоретические методы» (Воронеж, Москва, 2006). Много лет Александр Самуилович редактировал «Вестник ВГУ. Серия “Гуманитарные науки”», а последние три года является главным редактором «Вестника ВГУ. Серия “Философия”».

Плоть от плоти университета, интеллигент и интеллектуал, Александр Самуилович умудряется быть «живым классиком» в самом что ни на есть прямом смысле этого слова. Живость ума, характера, неподдельный искренний интерес к коллегам и ученикам, к происходящему в университете составляют самую суть его неутомимой натуры. Стремление зафиксировать смыслы уходящей эпохи, поделиться с коллегами, учениками, студентами размышлениями о «времени и о себе», привело Александра Самуиловича к написанию книги мемуаров, вышедшей в университетском издательстве в 2011 году *(Кравец А. С. Жизнь и творчество: публицистическая монография. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2011. 208 с.)*. Шаг, прямо скажем, сколь неожиданный, столь и ожидаемый. Для читателя книга, которую сам автор определил как «публицистическую монографию», представляет собой свидетельство целой эпохи, увиденной и пережитой человеком талантливым, неординарным, преданным науке, университету, близким людям. Времена не выбирают – банальность, ставшая истиной. На долю Александра Самуиловича пришлось много времен. Ключевые метки – смерть тирана, оттепель, застой, перестройка, «нулевые»… Как пишет Александр Самуилович в кни-

ге мемуаров, «на фоне нашего трагического времени, охватывающего переход из одного тысячелетия в другое, из одной экономической формации в другую, из одной России – тоталитарной – в Россию новую, демократическую, когда в ужасном безвременье сгинули в расцвете сил многие талантливые люди, можно сказать, что моя судьба сложилась счастливо». Нота сомнения явственно звучит в цитате, не так ли? Происходит она и из «цеховой привычки», и из высокой планки, устанавливаемой самому себе, без которой все – или очень многие – достижения профессора Кравеца были бы попросту невозможны.

Александр Самуилович – ироник. Эта «фирменная» кравецевская ирония – разящая, но не убийственная, едкая, но не разъедающая, острая, но отсекающая только избыточное – происходит между тем из самой романтической стороны его натуры. Неравнодушие, стремление к тому «идеальному» университету, который помнится еще со студенческой скамьи, – вот побудительные мотивы его ярких и запоминающихся эскапад. А чутье на любые проявления пошлости, неинтеллигентности, глупости и пафоса у него отменное. Вот и жалит, подобно Сократу-оводу, оставляя и нам, его ученикам, надежду на возможность сохранить себя в любые времена, которые не выбирают.

Елена Ищенко

Печатается по: Университетская площадь. 2013. № 6. С. 87–90.

Тамара Александровна

КРАВЧЕНКО

(1937 г.р.)

Доктор химических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ.

В годы Великой Отечественной войны была узником фашистского концлагеря.

Сфера научной деятельности: гетерогенные окислительно-восстановительные реакции на металлах и металлсодержащих электроноионообменниках. Разработаны фундаментальные основы физикохимии металлсодержащих электроноионообменников (редокситов). Построена наиболее общая теория термодинамики, кинетики, динамики и электрохимии окислительно-восстановительной сорбции веществ на металлсодержащих электроноионообменниках. Решена практическая задача глубокого, непрерывного и безреагентного удаления молекулярного кислорода из воды и водных растворов на электроноионообменниках в проточных и замкнутых системах.

Окончила химический факультет ВГУ (1960). С 1960 года аспирант, ассистент, доцент, профессор кафедры физической химии ВГУ.

СУДЬБА...

А вот ничего не надо выдумывать!

Мне очень хотелось начать жизнеописание Тамары Александровны Кравченко с романтического эпизода: на сцену актового зала выходит юноша-скрипач и играет нечто лирическое (допустим, Моцарта) девушке, сидящей в зале. И девушка понимает, что Моцарт в этот вечер исключительно для нее.

Но мою фантазию профессор Кравченко опровергла самым жестоким образом:

– Никакая скрипка не звучала. Мы с Женей познакомились в шестидесятом, когда оба поступали в аспирантуру: я была выпускницей химфака, а Женя (мой будущий муж Евгений Максович Авербах) – выпускником физфака. У Жени было направление в Московскую аспирантуру, но Москва его отвергла («пятый» пункт сыграл свою зловещую роль). И Женя поступал в аспирантуру в Воронеже.

Скрипка к этому времени была упакована: совмещать учебу в аспирантуре и игру в университетском эстрадном оркестре было невозможно. Женя предпочел науку – защитил кандидатскую диссертацию.

…Что делать? Реальность точнее авторской фантазии.

Жизнь будущего доктора наук Тамары Александровны Кравченко складывалась трудно.

Счастливое детство отменила война. Отец ушел на фронт.

Воронеж захватили гитлеровцы.

– Смутно помню машину с немецкими солдатами. Нас выгоняют из дома и гонят на запад.

Украина… Польша… Австрия… Германия. Три года за колючей проволокой.

В сорок пятом вернулись домой. Дом разрушен. Отец в семью не вернулся, на нас клеймо «перемещенных лиц». В личных листках по учету кадров стоял вопрос: «Находились на оккупационной территории»? Как будто мы сами к этому стремились.

В НКВД маме дали справку: «Преступлений против Родины не совершала»… Но справка от невзгод не защищала. Мама сказала: «Тебя со мной не было. Молчи, что была со мной в концлагере».

И мы молчали.

Только спустя несколько десятилетий получила Тамара Александровна официальный статус «несовершеннолетний узник концлагеря» на территории Германии.

Что-то вроде компенсации за поруганную жизнь.

Учиться Тамара Кравченко пошла на химфак.

Главный резон – без работы не останешься: на Левом берегу шинный завод, завод СК, НИИСК, кордная фабрика.

К тому же – за химией будущее.

Химия – в фаворе.

На Дне открытых дверей профессор Ростислав Эрнестович Нейман химфак нахваливал.

Да и нуждался химфак в особой рекламе.

Факультет – лидер среди других факультетов.

Главное богатство – великолепие имен.

Яков Александрович Угай, Игорь Кириллович Маршаков, Валентин Пименович Мелешко, Борис Иванович Михантьев, Ростислав Эрнестович Нейман, Леонид Петрович Залукаев, Александр Павлович Пальки, Федор Гаврилович Пономарев.

За каждым именем – школа.

Только учись!

Правда, поступить трудно: восемь человек на место.

Но – что немаловажно – работа гарантируется.

Химфак готовил специалистов для народного хозяйства.

Словосочетание «народное хозяйство» в те годы – не пустой звук. За этим понятием – заводы, научные лаборатории, институты.

– Мне повезло невероятно, – говорит Тамара Александровна, – хорошую школу прошла. Можно сколько угодно рассуждать о роли личности в партии, но я знаю точно: ученый – это не тот, кто бережно сдувает пыль со своего доктора, а тот, кто не боится искать новые пути в наук.

Спрашиваю:

– А вы не боитесь идти своим путем?

Отвечает спокойно:

– Нет! У меня были хорошие учителя. Мой учитель Анатолий Яковлевич Шаталов. Он сыграл большую роль в моей судьбе. И не только в моей. Для коррозиционистов работы Шаталова столь же значительны, как для всех химиков открытие Дмитрия Ивановича Менделеева. (Для непосвященных: коррозиционисты – это ученые, изучающие процессы, связанные с коррозией металлов.)

Кто рискнет возразить такой характеристике?

Профессор Кравченко знает, что говорит.

Воронежскому университету Тамара Александровна отдала пятьдесят четыре года.

И все эти годы прошли на кафедре физической химии.

Есть что итожить.

Девять монографий в соавторстве со своими коллегами.

Двадцать аспирантов, защитивших диссертации под руководством профессора Кравченко.

Огромное количество грантов, за которыми успешно выполненные исследования.

Премии правительства Воронежской области.

Медаль «За трудовое отличие» и юбилейные медали.

Диплом в номинации «Сто лучших изобретений России».

– Чем сегодня голова занята?

– Композитами и нанотехнологиями. Это то, что сегодня определяет научное будущее России.

Наверное, так же (примерно так же) ответил бы и Анатолий Яковлевич Шаталов.

550 публикаций – цифра, заслуживающая уважения.

В таких случаях говорят – ни дня без строчки. А ведь еще и в аудиторию заходить – лекции читать.

С учащимся народом общаться.

– Что за партах в аудитории?

– Обычный народ. К нам «промежуточные» люди не ходят.

«Промежуточные» – значит случайные.

– Приходят те, кто хочет учиться. На них и расчет.

– А бестактный вопрос можно задать?

Засмеялась:

– Мы давно знаем друг друга. Поэтому – можно.

– Что тебя держит на факультете? Дети выросли… Пенсия имеется… Не пора ли подводить итоги?

– Шаталов держит. Анатолий Яковлевич. У него были два замечательных качества – интуиция и непрерывная работа его мыслей. Поразительно, как за столь короткую жизнь (Анатолий Яковлевич прожил семьдесят два года) он сделал столько открытий!

Я слушаю Тамару Александровну, и мне кажется, что она до сих пор продолжает прислушиваться к голосу своего учителя.

Ученый не может быть не увлечен своим делом.

Ученый не должен заниматься самоцитированием.

Ученый не может не стремиться заглядывать за горизонт.

Ученый не может уставать от занятий своим любимым делом.

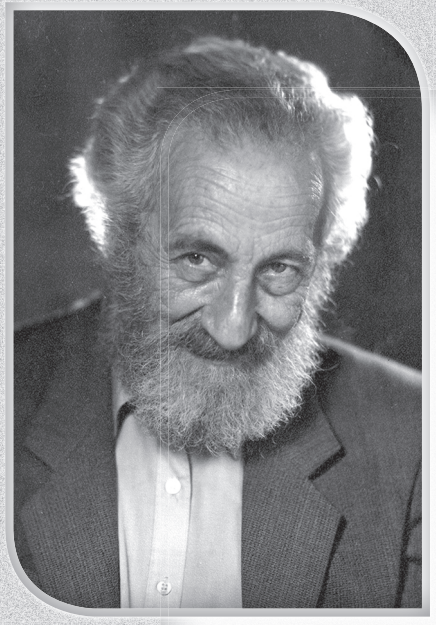
Спрашиваю дипломатично:

– А ходить по расписанию на работу – это как?

– Это – нормально! – говорит профессор Кравченко.

…Все-таки жаль, что кандидат наук Евгений Максович Авербах однажды перестал играть на скрипке.

Лев Кройчик

Наум Яковлевич

КРАСНЕР

(1924–1999)

Кандидат технических наук, доцент.

Участник Великой Отечественной войны.

Активно занимался научной работой, связанной с математическим моделированием в текстильной промышленности; один из организаторов и руководителей международной школы-семинара по системному моделированию социально-экономических процессов.

Окончил Высший военный педагогический институт Красной армии. С 1953 по 1957 год преподавал теорию стрельбы в Тамбовском суворовском военном училище. С февраля 1958 года преподавал на военной кафедре ВГУ, параллельно поступил учиться на механико-математический факультет ВГУ, который окончил в 1964 году. С 1961 года в звании полковника уволился с военной службы и стал работать ассистентом на механико-математическом факультете ВГУ. С 1969 по 1980 год являлся заведующим кафедрой математических методов исследования операций.

ЧЕЛОВЕК СУГУБО ШТАТСКОЙ ВНЕШНОСТИ

Родился 21 февраля 1924 года в городе Винница, Украина. В 1941 году окончил среднюю школу. Осенью 1941 года эвакуировался в Куйбышевскую область, работал учителем в сельской школе. В начале 1942 года окончил ускоренные курсы подготовки лейтенантов артиллерии в Куйбышевском высшем военно-пехотном училище, в августе 1942 был отправлен на Сталинградский фронт. До 1944 года воевал в составе 62(8)-й гвардейской дивизии (1942–1943 – командир зенитной батареи, 1943–1944 – начальник отдела штаба дивизии). В 1944 году после ранения был направлен на учебу и одновременное преподавание на Высшие военные курсы «Выстрел» в город Солнечногорск в Подмосковье. Окончил Высший военный педагогический институт Красной армии и работал на Курсах начальником огневого цикла до 1953 года. С 1953 по 1957 год преподавал теорию стрельбы в Тамбовском военном училище. С февраля 1958 года преподавал на военной кафедре Воронежского государственного университета, параллельно поступил учиться на механико-математический факультет ВГУ.

Из биографии Наума Краснера

* * *

Человек «сугубо штатской» внешности – слышали вы когда-нибудь такое выражение? Слышали, конечно. И представляли, наверное, мягкий взгляд, лукавую улыбку и, возможно, «сугубо штатскую» пушистую бороду.

Наум Яковлевич Краснер, только что нами описанный, выглядит именно так…

– Наум Яковлевич, когда вы перестали быть полковником?

– В шестьдесят первом. Тогда прошло большое сокращение армии – в запас были отправлены 1 миллион 200 тысяч человек. Я тогда служил начальником учебной части военной кафедры ВГУ. В принципе я мог бы остаться в армии, но Марк Александрович Красносельский уговорил меня: есть, говорит, смысл начать жизнь сначала.

– И вы ушли?

– Марк Александрович умел уговаривать.

– Сколько ж вам тогда было?

– Тридцать семь. Наверное, я был тогда едва ли не единственным полковником Советской армии, уволенным без пенсии.

– Почему?

– Потому что по возрасту я не имел права на пенсию – мне не было сорока, а чтобы получить льготы на пенсию, мне не хватило одного года. С учетом войны у меня было 24 года выслуги, а надо было иметь 25.

– И вы рискнули начать всё сначала?

– Рискнул. К этому времени я заканчивал матфак университета. Заочно, разумеется. Марк Александрович пошел к ректору университета, Борис Иванович Михантьев предложил мне работу в университете, и я попал на кафедру профессора Кирилла Андреевича Родосского ассистентом.

– Сразу засели за диссертацию?

– Нет, диссертация появилась позже. В это время в университете был создан экономический факультет, и мне предложили читать на новом факультете математику. Было много текущей учебной работы. А зарплата – 105 рублей. Меньше, чем в армии в четыре раза. Пошел прирабатывать на кордную фабрику. Читал там лекции по статистическим методам анализа качества. Директор фабрики Николай Семёнович Редькин предложил решить ряд конкретных задач по организации производства. Стал решать эти задачи. Потом они легли в основу моей кандидатской диссертации.

– В каком году вы ее защитили?

– В шестьдесят седьмом.

– А почему не стали работать над докторской?

– Сначала считал, что для новой работы у меня слишком мало данных – я ведь прикладник. А потом увлекли другие проблемы. Но если уж быть честным до конца, то не хотелось быть стандартным. Хотелось увидеть мир. Ведь после защиты кандидатской многие положения работы попали во все учебники по текстильному делу. Премию получил Министерства высшего образования.

– Если я правильно понимаю ситуацию, вы больше прикладник, чем «фундаменталист»?

– Нет, не так: в душе я, наверное, «толкатель» науки, а не технарь. В начале шестидесятых в математике появилось новое направление – исследование опе-

раций. А во время службы в армии я занимался теорией стрельбы. Между этими направлениями много точек пересечения. Поэтому, придя в университет, я стал сколачивать из молодежи группу, которая в дальнейшем посвятила себя этому направлению науки.

Селим Григорьевич Крейн, наш заведующий кафедрой (к этому времени я работал у него), поощрял нас. В шестьдесят девятом группа превратилась в кафедру математических методов исследования операций.

– И вы десять лет заведовали этой кафедрой?

– Да. В будущем году мы будем отмечать тридцатилетие нашей кафедры. У нас очень хороший коллектив. Люди уходили только в связи с переездами. Кафедра достаточно авторитетна и в Москве, и в Питере. С нами считаются. И не потому, что мы были второй после Петербургского университета кафедрой с таким названием – уровень исследований, которые ведут ученые, высок...

Из интервью газете «Воронежский курьер»

* * *

Есть у меня очень личное воспоминание 59-го года. Будучи на военных сборах в лагере под Курском, я, студент-«солдат», получаю приказ срочно прибыть к полковнику военной кафедры Краснеру. Прихожу, представляюсь по всей форме, а он, оказывается, услышал, что я взял с собой только что вышедший сборник Поля Элюара (было тогда такое чудо начинающейся оттепели 1959 года), и ему захотелось его почитать. Просил дать ему хоть на одну ночь.

И, безусловно, надо сказать о том, что к тому времени сложился совершенно необычный, совершенно особенный факультет, когда, выгнанные с Украины внешними обстоятельствами 50-х–51-х годов, в ВГУ прибыли два молодых тогда еще профессора: Марк Александрович Красносельский и Селим Григорьевич Крейн. Они составили славу ВГУ, воронежской математической школы, отголосками которой сейчас является математическая школа ВГУ, и всей науки в целом, без всякого сомнения.

М. А. Красносельский Науму Яковлевичу посоветовал: «Приходите на кафедру и занимайтесь новыми задачами». Для этого пришлось формально, так как военно-педагогического института не хватало, заочно закончить к 1962 году матфак московского, а потом и воронежского университета. Вот тогда-то мы с ним и встретились второй раз. Молодой ассистент, бывший полковник Краснер пришел к ассистенту Руссману для зачета по теории вероятностей. Мне пришлось ему ставить оценку по теории вероятностей.

Работали мы потом с ним на одной кафедре, на кафедре Селима Григорьевича Крейна. В недрах этой кафедры к моменту образования факультета ПММ ВГУ образовалась новая кафедра математических методов исследования операций. Наум Яковлевич назвал ее именно так, отстаивал это название, и так она назы-

вается до сих пор. И он был создателем, организатором, первые десять лет бессменным заведующим этой кафедры, а потом, последующие 30 лет, может быть, формально и не заведующим, но всё равно центром жизни этой кафедры.

Из воспоминаний Исаака Руссмана

* * *

Мне посчастливилось работать вместе с ним в совете по экономической кибернетике в рамках учебно-методического объединения (УМО) по экономике. Совместными усилиями и доступными нам средствами мы старались сохранить всё положительное, что было связано с этой специальностью. К сожалению, далеко не всё удалось по объективным, а больше – по субъективным обстоятельствам. Однако позитивными шагами этой организации мы обязаны прежде всего неуемной энергии Наума Яковлевича. Его роль в работе УМО сводилась далеко не только к участию в рутине, которой, как и во всякой научно-организационной деятельности, было излишне много. Само участие Краснера в работе УМО вносило в нее оптимизм и придавало особый смысл делу, которое, как теперь становится всё яснее, было весьма нужным и важным. С уходом из жизни Наума Яковлевича, боюсь, мы потеряли тот необыкновенный симбиоз серьезной научно-организационной работы и атмосферы клуба профессионалов, которую он создавал благодаря своей энергии, остроумию, энциклопедическим знаниям и умению вносить дух дружбы и взаимопонимания в любое дело, в котором он принимал участие.

Из воспоминаний Бориса Суворова

* * *

Мое знакомство с Краснером состоялось вскоре после того, как в его жизни произошел серьезный перелом, в результате которого бывший штатный офицер, полковник превратился в исследователя и преподавателя. Надо сказать, что вообще такой перелом не прост. Любой из офицеров, длительное время состоявший на военной службе, испытал его на себе. Меня очень обрадовало, что для Краснера этот перелом был рабочий. Его сущность, его отношение к труду, его заботы о сегодняшнем и будущем, в отличие от всхлипываний по поводу дня вчерашнего, – вот то, что я воспринял с первого дня как черту характера Краснера. Она мне близка и очень понравилась.

Если говорить о личных чертах Краснера, то вот что мне кажется важным: во-первых, он был необычайно целеустремленным, при этом сами по себе цели, какие выделял Краснер, были маргинальны, многоплановы. Его никогда не удовлетворял один «ручеек деятельности», ему всегда хотелось распространить найденное в этом ручейке на ручейки соседние, либо самому перейти в соседние ручейки. Всегда это была какая-то двойственная забота: воинская служба и учение,

преподавание и исследование, исследования в области теории и обязательно прикладные работы, разработки, особенно в последние десять лет, когда он был очень тесно связан с деятельностью самых разных предприятий и органов управления.

Мне всегда импонировала способность Краснера к восприятию замечаний и предложений. Это был для него всегда источник для размышлений. Если говорить о плодовитости Краснера, то плодовитость его была, в общем, нетипичной для ученого: она не выражалась в книжках, в трудах сугубо теоретического свойства, его плодовитость – это результаты практических действий, начиная со знаменитых задач по смешиванию, которые он реализовывал в Новополоцке, и кончая проблематикой, связанной с консалтинговой деятельностью на предприятиях.

Что мне еще в нем нравилось – это его открытость. Открытость и способность быть откровенным, даже в высказываниях, какие нельзя было считать комплементарными для собеседника. У него была точка зрения, и он всегда готов был ее защищать. При этом он оставался доброжелательным, это не была «заушательская» критика, это не было собрание «черных» высказываний, – это были всегда высказывания, направленные на то, чтобы улучшить общее дело. Как он относился к замечаниям, которые получал сам и готов был всегда перестроиться под лучшее решение, – так он относился и к своим коллегам.

Конечно, были у него в жизни и сложности. Такой сложностью было отлучение его от заведования кафедрой. Вообще говоря, на мой взгляд, это не было обязательным действием. Я думаю, что отлучение его от заведования кафедрой было не очень продуманным. По крайней мере, не занимая формально должность заведующего кафедрой, практически, вместе со всеми теми, кто заведовал после него, он всегда был лидером на этой кафедре в области, которую составлял предмет ее деятельности. И это тоже очень любопытно. Это ведь новый излом жизни. Для любого человека, привыкшего к делу, которым он занимается, – это излом не меньший, чем тот, который Краснер испытал, когда менял папаху полковника на «одеяние» ассистента. Но он его пережил, по-моему, достаточно благополучно именно по той причине, что, как и во всех других делах, думал из сегодня вперед, а не назад.

Из воспоминаний Владимира Эйтингона

Печатается по: *Кройчик Л. Е.* Alma mater. Воронеж, 2003. С. 127–132.

Марк Александрович

КРАСНОСЕЛЬСКИЙ

(1920–1990)

Доктор физико-математических наук, профессор.

Один из создателей основ современного подхода к задачам нелинейного функционального анализа.

Окончил Киевский (Объединенный украинский) университет в городе Кзыл-Орда Казахской ССР (1942). Курсант, командир взвода, преподаватель Рязанского артиллерийского училища (1942–1946). С 1946 года преподаватель Киевского автодорожного института, с 1947 года научный сотрудник Института математики Академии наук Украинской ССР (1947–1952).

В ВГУ преподавал в 1952–1968 годах, заведующий кафедрой функционального анализа и операторских уравнений ВГУ.

С 1968 года старший научный сотрудник, заведующий лабораторией Института проблем управления (автоматики и телемеханики) Академии наук СССР, главный научный сотрудник Института проблем передачи информации Академии наук СССР (Российская академия наук, 1990–1997).

МОЙ УЧИТЕЛЬ И ДРУГ

В 1956 году после окончания средней школы, неожиданно для многих и для самого себя, я решил поступать на физико-математический факультет Воронежского государственного университета, отделение математики. Иван Архипович Кривцов, наш учитель химии, который видел во мне будущего химика, был не очень доволен таким решением, однако поразмыслив, пожелал мне успеха и сказал: «Там, у математиков, один бог – М. А. Красносельский. Ты должен учиться у него!»

И с первого сентября я стал студентом математического отделения. Нас было две группы, 50 человек. Начались лекции по математическому анализу, аналитической геометрии, высшей алгебре. Первые два предмета нам читал Василий Иванович Ведерников, высшую алгебру – Юрий Григорьевич Борисович. Лекции, особенно В. И. Ведерникова, нам понравились. Однако почти сразу же обнаружилось, что для небольшой группы студентов этих лекций было недостаточно – уже тогда некоторые из нас хотели услышать о математике значительно больше. Сейчас уже трудно сказать, что двигало нами тогда, – жажда знаний, желание научиться решать трудные задачи, смутное ощущение жажды творчества или что-либо еще…

На нашем курсе сложилась несколько иная ситуация. Большая часть студентов заинтересовалась вопросами геометрии и топологии. В первую очередь, этому факту мы обязаны ярким и интересным лекциям В. И. Ведерникова, который уже в то время был блестящим геометром. И интересом именно к топологии мы обязаны рассказам Ю. Г. Борисовича, который незадолго до того времени переехал из Казани в Воронеж, чтобы работать рядом с М. А. Красносельским, уже тогда известным специалистом в области нелинейного функционального анализа. Именно рассказы Ю. Г. Борисовича

возбудили у нас интерес и к топологии, и к функциональному анализу. В результате на нашем курсе был организован кружок по топологии, которым руководили Ю. Г. Борисович и молодой ученик М. А. Красносельского А. И. Перов, теперь известный специалист в качественной теории дифференциальных уравнений. Изучали мы (на первом курсе!) книги П. С. Александрова и Л. С. Понтрягина по комбинаторной топологии.

И, хотя много слышали о М. А. Красносельском, «живьем» мы его тогда и не видели.

На втором курсе лекции по математическому анализу нам начал читать Владимир Иванович Соболев – один из авторов известного (и, по моему мнению, лучшего до сих пор) учебника по функциональному анализу. Высшую алгебру и дифференциальные уравнения нам читал Ю. Г. Борисович, а курс дифференциальной геометрии – В. И. Ведерников и В. А. Тихонов. Наш кружок продолжал работать, и теперь мы занимались не только топологией, но и некоторыми вопросами качественной теории дифференциальных уравнений. Конечно, мы не могли еще самостоятельно доказывать теоремы – мы просто изучали литературу. Но насколько я понимаю, у нас были опытные руководители. Уже на втором курсе я стал знакомиться с отдельными главами монографии М. А. Красносельского «Топологические методы в теории нелинейных интегральных уравнений». Книга была для меня и моих сокурсников зачаровывающей во многих отношениях. Простой и ясный язык, четкая логика рассуждений позволяли вникнуть в довольно сложные построения М. А. Красносельского, увидеть их естественную красоту и силу. И самое ошеломляющее – постижение того, что все основные построения и конструкции в этой книге придуманы самим М. А. Красносельским!

На втором курсе мы уже понимали, что Марк Александрович Красносельский является главой большой математической школы в области нелинейного анализа и теории дифференциальных уравнений. Функциональный анализ нам стал казаться главной наукой, без которой математика того времени была просто невозможной. И мы с нетерпением ждали третьего курса, когда должен был начаться курс теории функций действительного переменного, который должен был содержать и основы функционального анализа. К тому времени небольшая группа нашего курса начала ходить на научный семинар М. А. Красносельского.

Так получилось, что Марк Александрович нашему потоку ни каких основных курсов не читал. Но один спецкурс он прочитал и для нашей группы специализации. Это был курс по теории компактных пространств и вполне непрерывных операторов, точное название я, конечно, не помню.

Но то, как прочитал нам спецкурс М. А. Красносельский, я не могу сравнить ни с чем. Он сумел показать нам на примере компактных множеств, как «делается» математика Он блестяще следил за вниманием аудитории, фактически он читал свои лекции в режиме диалога. Это напоминало не лекции, а беседы, когда наставник разъясняет смысл и необходимость введения тех или иных понятий,

демонстрирует как они работают, чтобы ответить на интересующие нас вопросы или произвести те или иные построения, объясняет, почему сделать иначе оказывается невозможным. Фактически маленький спецкурс превратился в школу, в которой была продемонстрирована самая суть математики – ее творческая сторона. Наверное, именно после этих лекций я четко осознал, что такое математика в реальности – не набор готовых рецептов для решения задач и проблем, которые собраны в задачнике или поставлены вышестоящими людьми, а постоянно строящееся здание познания. И что быть математиком означает не только прочитать много толстых фолиантов (хотя это и не мешает), а и уметь разобраться в ситуации, воспользоваться адекватным языком (часто его нужно просто создать), вскрыть механизм рассматриваемого явления, дать его описания, «овладеть» им... Кажется, тогда мне пришла в голову аналогия труда математиков с кораллами. То, чем представляется математика – набором толстых фоллиантов, – это ее уже мертвая часть, как и заросли кораллов. А реальные математики заняты совсем другим – они оттачивают методы познания природы и строят математическое здание подобно тому, как живые кораллы, небольшие бесцветные Божьи создания строят свое жилье, которые мы и зовем кораллами...

Итак, в своих лекциях М. А. Красносельский буквально вывернул для нас все внутренние причины, побудившие математиков ввести и изучать понятие компактных пространств и множеств, показал многочисленные места, где они работают, связал всё это со свойствами операторов и возможностью их исследования. В общем, курс был очень интересный и для нас просто необходим. Этот курс мне запомнился еще и тем, как мне пришлось сдавать по нему экзамен. Марк Александрович обычно не использовал каноническую процедуру приема экзаменов спецкурсов. Вот и со мной так, поговорив о компактных множествах и вполне непрерывных операторах вообще, чтобы убедиться, что я могу на эти темы разговаривать и не несу «чуши», он предложил мне привести пример неограниченного линейного функционала, определенного на всём банаховом пространстве. Конечно, такой вопрос он задал, скорее всего потому, что нащупал в моих разговорах какую-то слабину в этом направлении.

И экзамен начался... Я ходил за ним как хвост в течение нескольких дней, предлагал всевозможные конструкции и формулы, но всё это было не то. Я плохо спал, всё размышлял и придумывал такой функционал, но он у меня никак не получался. Нужно сказать, что в то время книги, в которых можно было легко найти такой пример, были недоступны. А те, в которых описание такого примера всё же можно было найти, я знал не так хорошо. Надо было разобраться в ситуации самому... В конце концов я построил такой функционал методом трансфинитной индукции. Марк Александрович хмыкнул, поставил пятерку и велел выучить еще пару книг по функциональному анализу.

Я не могу вспомнить, на втором или третьем курсе М. А. Красносельский начал работать со мной индивидуально. Выглядело это так. Обычно, я приходил к

нему домой, иногда нас было двое, я и В. В. Стрыгин или кто-то еще. После этого Марк Александрович диктовал нам либо текст статьи, либо книги, предварительно объясняя каждое новое для нас понятие или рассуждение. Так мы работали несколько часов. Такие занятия он проводил со мной не реже одного-двух раз в неделю, потом их стало больше. Если возникала необходимость куда-либо пойти (в университет, в больницу или еще куда-нибудь), Марк Александрович брал нас с собой, и по дороге мы продолжали обсуждать те проблемы, над которыми трудились за столом.

Первоначально такие занятия были для нас пассивными. Мы исполняли роль, как он часто шутил, «белых рабов». Но так было только вначале. На протяжении «белого рабства» он показывал нам новые возможные повороты в рассуждениях, приводящих к новым и важным результатам, ставил совершенно новые задачи, объяснял, над какими проблемами он сам работает, над чем думает... И поневоле мы тоже начинали думать и работать вместе с ним. Конечно, на первых порах от нас было мало толку. Я помню, как я однажды придумал «доказательство» слабой полноты пространств Орлича (в то время М. А. Красносельский и Я. Б. Рутицкий писали свою знаменитую книгу «Выпуклые функции и пространства Орлича»). Я не знаю, видел ли Марк Александрович его ошибочность сразу, но у меня он зародил некоторое сомнение по этому поводу. На следующий день я настаивал, что доказательство правильное, и он вроде бы был с этим согласен. Потом я уже сам стал сомневаться, что оно правильное, так как обнаружил некую теорему, из которой вытекало, что само утверждение о слабой полноте неверно. Но ошибки в доказательстве я не мог найти, а Марк Александрович мне тоже ничего не говорил, хотя я ему за это время сумел его рассказать несколько раз. А потом, больше чем через неделю, при очередном воспроизведении ему этого доказательства, я вдруг понял, где там прокол. И понял, что и Марк Александрович это понял. И для меня так и осталось загадкой, видел ли он дефект в моем рассуждении сразу (и позволил мне «морочить» ему голову столько времени, желая, чтобы я сам во всём разобраться) или некоторое время заблуждался вместе со мной.

Где-то на четвертом курсе мною был получен первый самостоятельный результат. К тому времени я уже выучил почти всю книгу «Топологические методы...». Марк Александрович заставлял меня всё глубже и глубже вникать в проблемы, связанные с вычислением индекса особой точки вполне непрерывного векторного поля. Первый результат общего характера, относящийся к невырожденному случаю, здесь был получен знаменитыми Ж. Лере и Ю. Шаудером еще в довоенные годы. И именно Марк Александрович обнаружил, что теорема Лере-Шаудера влечет за собой теоремы о точках бифуркации (частным случаем этих теорем было строгое математическое обоснование процедуры линеаризации в задаче о продольном изгибе стержня и критических эйлеровых нагрузках – один из блестящих результатов М. А. Красносельского). Марк Александрович также заметил, что вычисление индекса в критических случаях позволило бы существенно

обобщить теоремы о точках бифуркации и охватить новые приложения. Первые результаты о вычислении индекса были получены самим М. А. Красносельским; их существенные обобщения были получены его учеником В. Б. Меламедом. Однако что-то заставляло Марка Александровича продолжать исследования в этом направлении, и он самым энергичным образом склонял к этому меня.

И вот мне удалось придумать некую замену переменной в операторном уравнении, позволившую вычислить индекс в критическом случае, который ранее никак не считался. Я не мог понять радости Марка Александровича по этому поводу, так как мне казалось тогда, что замена достаточно естественна, а кроме того, я не понимал, почему так важно уметь вычислять индекс особой точки именно в этом случае.

Здесь нужно написать несколько слов о семье Марка Александровича. Его жена, Сарра Израилевна была очень милой светловолосой женщиной с голубыми глазами. Ее гостеприимство превосходило всякие границы. Она всегда приветливо встречала нас, работающих с Марком Александровичем, и пока мы часами обсуждали или писали какие-то математические результаты, она успевала сделать и все дела по дому, и приготовить для семьи и всех нас, успевала позаниматься с детьми.

Семья Красносельских несомненно сыграла огромную роль в нашем становлении как граждан. Мы были там своими, нас встречали как друзей, как родственников… Мы приходили туда как к родным, ощущали, что нас любят, и мы, кто как мог, отвечали взаимностью. Я помню, как однажды к Красносельским пришел корреспондент, который решил написать о Марке Александровиче и его семье в воронежской газете. Он приходил несколько раз, разговаривал и с нами, занимавшимися математикой, а потом в газете появилась статья. Там было много чего написано, но в памяти остались примерно такие слова: «…А вот ученик Марка Александровича – Петр Забрейко, он так часто бывает у Красносельских, что на него даже их собака не лает» (эта собака Джинка, красивая чау-чау, по своему характеру была самой настоящей ведьмой, которая облаивала всех приходящих с невероятным упорством и ожесточением, каждую секунду показывая свои зубы и нестерпимое желание вонзить их в нашу плоть).

Время шло своим чередом, и вот я уже на пятом курсе. Марк Александрович предложил мне в качестве темы дипломной работы разобраться в задаче о вычислении индекса плоских векторных полей (иначе называемого индексом Пуанкаре).

Сравнительно быстро мне удалось обнаружить связь задачи вычисления индекса однородных плоских векторных полей с классическим алгоритмом Штурма о вычислении числа вещественных корней заданного полинома. Эта связь позволила получить общую формулу о вычислении индекса однородного полиномиального векторного поля на плоскости в общем случае (близкий результат примерно в то же время независимо был получен одесским математиком П. Т. Черевичным). В свою очередь эта формула позволила описать общий алгоритм исследования особых точек плоских векторных полей, который не требовал решения алгебраи-

ческих уравнений высоких степеней и который позволял оценить характеристику невырожденности.

Марк Александрович был очень доволен этими результатами и сделал мне предложение. Первое – поступить учиться к нему в аспирантуру сразу после окончания университета. И второе, уже совершено для меня неожиданное, – принять участие в качестве соавтора книги «Векторные поля на плоскости». Эта книга была одной из задуманных им серии книг по геометрическим методам анализа, ее авторами были он, А. И. Петров и еще один ученик Марка Александровича – Абрам Исаакович Поволоцкий. Мне Красносельский предложил написать все разделы книги, связанные с вычислением индекса особых точек векторных полей.

Я, конечно, согласился с обоими предложениями, хотя и серьезно опасался, а вдруг у меня ничего не получится. Итак, университет был окончен, я начал готовиться к поступлению в аспирантуру.

Как только я написал диссертацию, Марк Александрович перевел меня в заочную аспирантуру и взял на работу: сначала в качестве инженера кафедры, а потом – старшего преподавателя. Он буквально силой заставил меня бросить думать над индексами особых точек, предложив заняться двумя новыми направлениями – теорией ветвления малых решений операторных уравнений и теорией интегральных операторов. Более точно, он с небольшим интервалом создал два новых авторских коллектива. Один из них (Марк Александрович, Евгений Изиевич Пустыльник, Павел Евсеевич Соболевский и я) приступил к работе над книгой «Интегральные операторы в пространствах суммируемых функций», второй (Марк Александрович, Геннадий Михайлович Вайникко, Яков Брониславин Рутицкий, Владислав Яковлевич Стеценко и я) – начал работать над книгой «Приближенное решение операторных уравнений». На мою долю в первой книге выпала общая теория интегральных операторов, а во второй – теория ветвления. Большая часть моих разысканий и исследований, необходимых для обеих книг, была проведена вместе с Марком Александровичем. И я помню, как был тогда поражен широтой привлекаемого им материала, его знаниями самых неожиданных разделов математики, казалось бы, весьма далеких от его основных интересов, тонким вкусом при отборе материала для книги и много еще чем, – всё просто невозможно перечислить…

Одновременно с выходом в свет (1966) нашей монографии по интегральным операторам в пространствах суммируемых функций, в свет отдельной книжечкой вышла и моя большая статья по нелинейным интегральным операторам. Именно эта книжечка и легла в основу моей докторской диссертации, которую я защитил в 1968 году.

Однажды я встретил своего сокурсника-физика Бориса Михайловича Даринского, и мы разговорились о том, что неплохо было бы сделать какую-либо работу, смежную между физикой и математикой. После некоторых размышлений мы остановились на гистерезисе, и я предложил, чтобы он рассказал физическую суть

этих явлений на семинаре Марка Александровича. Так началось наше сотрудничество с Б. М. Даринским, и так началась совершенно новая тематика в жизни самого Марка Александровича – математическая теория гистерезисных явлений.

Первоначально мы просто не понимали Б. М. Даринского. То, что он рассказывал, с математической точки зрения не выдерживало никакой критики, и мы просто не могли понять, как же сами физики работают в этой области. Лишь после нескольких выступлений Б. М. Даринского, на которых мы буквально терзали его на клочки, для нас начала проясняться ситуация в этом важном разделе физики. Там на самом деле было довольно много экспериментальных наблюдений, которые моделировались математически в весьма неудовлетворительной, а часто просто противоречивой форме. Мы пытались так и этак написать при помощи уравнений то, что нам терпеливо объяснял Б. М. Даринский, но это никак не получалось, и мы начинали понимать, что просто не можем описать математически то, что он нам рассказывал, казалось бы, ясными и простыми словами. К его чести нужно отнести то, что он относился к нашим исканиям неизменно доброжелательно, повторяя раз за разом одно и то же, и не считал нас глупцами, не понимающими очевидных вещей, ясных для каждого образованного человека.

И однажды Марк Александрович предложил ввести новый математический оператор, позднее получивший названием гистеранта. Более точно, то, как описывают явления гистерезиса физики, формулируется в терминах некоторых функций. А Марк Александрович предложил ввести оператор, преобразующий одни функции в другие и так, чтобы результат получился.

Сейчас, конечно, понятно, почему математическая теория гистерезиса давалась нам с таким скрипом. Здесь и совершенно новый тип операторов, который не имел никаких аналогов в прежние времени. Но самое главное было выяснено позже – теория гистерезисных явлений должна строиться в рамках теории систем, а не операторов (система в теории управления – объект, с входом и выходом, выход однозначно определяется входом и состоянием системы, последнее в свою очередь определяется предыдущими состояниями и входом).

Между тем М. А. Красносельскому уже давно было тесновато в рамках Воронежского университета В это время у большой группы математиков, связанных с ним, появились серьезные научные интересы, касающиеся приложений математики к теории управления и связанных с нею инженерных задач. И в результате в конце шестидесятых годов в Воронеже появилась большая группа математиков, которая перешла на работу в Институт проблем управления (автоматики и телемеханики) АН СССР и Минприбора СССР. Возглавил эту группу М. А. Красносельский, в группу входили многие яркие молодые математики, членом этой группы был и я. Все мы собирались переехать в Москву, строили радужные планы, изучали новые разделы математики, связанные с инженерными приложениями.

Однако всем этим планам не суждено было сбыться.

Марк Александрович принимает твердое решение остаться в Москве, в Институте проблем управления (технической кибернетики), окончательно отбросив идею о создании на базе своих воронежских учеников значимого научного коллектива. И бывшие члены «московской группы» оказались кто где. Я вместе с Ю. С. Колесовым, А. Ю. Левиным и В. Ш. Бурдом – в Ярославском университете, Б. Н. Садовский, Е. А. Лифшиц, Ю. В. Покорный – в ВГУ, В. В. Стрыгин уехал в Куйбышев. А больше всех повезло молодым: в аспирантуре у М. А. Красносельского уже в Москве оказались молодые ребята Н. А. Бобылев, А. В. Покровский, А. В. Соболев, В. С. Козякин, И. В. Емелин и многие другие.

Самая главная наша работа того времени – в 1975 году мы опубликовали в Физматгизе нашу книгу «Геометрические методы нелинейного анализа» (позднее переведенную на английский язык издательством Шпрингер). Книга подводила итог на конец семидесятых годов исследований М. А. Красносельского и его учеников по нелинейному анализу.

…Смерть Марка Александровича была совершенно неожиданной.

Во всяком случае для меня.

Мы договорились с Марком Александровичем встретиться в Германии, в Регенсбурге, где в марте 1998 года должна была состояться большая конференция Общества прикладной математики. Хотели обсудить и скоординировать некоторые направления исследований по нелинейному анализу, по телефону даже говорили об одной или двух совместных книгах… И Марк Александрович говорил, что у него есть возможность пригласить меня на работу в Москву… (он не оставлял мысли снова работать вместе со мной). Конференция должна была проходить в марте, а в феврале Марк Александрович скоропостижно скончался.

Похороны Марка Александровича были совсем скромные. Он ушел из жизни так же незаметно, как и жил.

А в марте коллеги Марка Александровича и несколько его близких друзей собрались в Регенсбурге. Заседание секции было посвящено памяти Марка Александровича. На этом заседании было сделано несколько замечательных докладов, посвященных Марку Александровичу, а Юрген Аппель, профессионально играющий на фортепиано, вместе со своим другом, известным скрипачом Йоханнесом Наубером представили траурный концерт-реквием.

Петр Забрейко

Селим Григорьевич

КРЕЙН

(1917–1999)

Доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР, лауреат Государственной премии Украины.

Основные труды по функциональному анализу, теории вязкой жидкости, уравнениям в частных производных.

Окончил физико-математический факультет Киевского госуниверситета (1940). В 1941–1951 годах научный сотрудник Института математики АН Украинской ССР. В 1952–1954 годах заведующий кафедрой высшей математики Криворожского горнорудного института. В 1954–1961, 1971–1997 годах заведующий кафедрой высшей математики Воронежского лесотехнического института.

В ВГУ преподавал в 1961–1971 годах, заведующий кафедрой уравнений в частных производных и теории вероятностей ВГУ, в 1967–1969 годах декан математико-механического факультета ВГУ. Организатор проводимых с 1967 года Воронежских зимних математических школ, большинство из которых проходили с международным участием.

РЯДОМ С КРЕЙНОМ

Как математик, привыкший отмечать в каждой своей статье использованные в работе результаты других математиков, я должен указать:

1) что идея написать книгу воспоминаний о Селиме Григорьевиче возникла после опубликования прекрасной книги «Марк Александрович Красносельский. К 80-летию со дня рождения»,

2) название этой статьи почти совпадает с названием статьи П. П. Забрейко в цитированной выше книге.

Ученики и друзья Марка Александровича сделали полезное и доброе дело. Ученики и друзья Селима Григорьевича решили его продолжить.

Марк Александрович и Селим Григорьевич всю жизнь работали рядом. Результатом их совместной работы стало создание в Воронеже школы функционального анализа и дифференциальных уравнений, пользующейся широкой известностью во всём мире. Эти две книги – дань уважения Марку Александровичу и Селиму Григорьевичу за их самоотверженный труд.

Решившись на написание настоящей статьи, я вскоре понял, что дело это сложное. За несколько десятилетий общения с Селимом Григорьевичем впечатлений накопилось так много, что отбор подходящего материала превратился в трудную проблему. Подумав несколько месяцев, я пришел к выводу, что нужно придерживаться простейшей стратегии и, не претендуя на полноту изложения, изложить самые яркие впечатления.

Селима Григорьевича Крейна я впервые встретил в 1957 году, когда поступил на первый курс физико-математического факультета Воронежского университета. Он читал нам на первом курсе высшую алгебру, а на втором – линейную алгебру. Лекции он чи-

тал блестяще, всё время задавал вопросы студентам, держался непринужденно и весело, к середине семестра знал фамилии студентов всего курса. На экзамене по высшей алгебре я не ответил на дополнительный вопрос и получил «4», это была моя единственная «четверка» на первом курсе, я сильно переживал из-за этого. На экзамене по линейной алгебре, после того, как я ответил на все вопросы билета, Селим Григорьевич дал мне дополнительную задачу, над которой я думал пять часов и решил! А когда Крейн ставил мне «пятерку» в зачетку, он еще сказал: «Победителей не судят». Видимо, он считал, что я должен был решить эту задачу быстрее, хотя потом я нашел эту задачу в списке олимпиадных задач МГУ.

Вскоре после этого экзамена Селим Григорьевич дал мне задачу и стал регулярно приглашать к себе домой для занятий математикой. Он рассказывал мне интересные и полезные результаты, ставил новые задачи, а я рассказывал ему, что мне удалось придумать. Моя курсовая работа на третьем курсе вошла как часть в мою первую научную работу – совместную с С. Г. Крейном статью, которая была опубликована в журнале «Доклады Академии Наук» (ДАН). Дипломных работ я написал две, одна была выполнена под руководством Селима Григорьевича и была опубликована в ДАН, а другая содержала решение хоздоговорной задачи и ею руководил Марк Александрович.

В начале 1960-х годов С. Г. Крейн, а также Е. Гальярдо, Н. Ароншайн, Ж.-Л. Лионе начали одновременно и независимо строить новый раздел анализа – теорию интерполяции линейных операторов. Первую интерполяционную теорему доказал в 1926 году М. Рис. Доказательство этой теоремы, предложенное Г. Ториным стало основой комплексного метода интерполяции. В 1939 году Ю. Марцинкевич доказал интерполяционную теорему (об операторах слабого типа), которая стала основой вещественного метода интерполяции. Интересную интерполяционную теорему доказал В. Орлич в 1934 году. К сожалению, она не была замечена. В ней было дано полное описание интерполяционных пространств относительно пары ограниченных и суммируемых в классе пространств Орлича. Эти теоремы, а также теорема Стейне–Вейса об интерполяции пространств с различными мерами и теорема Красносельского об интерполяции вполне непрерывных операторов сейчас принято относить к предыстории теории интерполяции. Построение теории интерполяции линейных операторов связано в первую очередь с интерполяционными методами. Метод аналитических шкал тесно связан с комплексным методом Кальдерона. А метод шкал банаховых пространств, позволяет получить многие результаты вещественного метода. В последнее время теория интерполяции линейных операторов разрослась вглубь и вширь и стала развиваться в значительной мере за счет решения внутренних проблем. А для классиков теории интерполяции основным стимулом развития теории были приложения. Они видели, что теория интерполяции есть эффективный и естественный способ доказательства ограниченности конкрет-

ных операторов в семействах банаховых пространств. Достаточно вспомнить, что доказательство теоремы Хаусдорфа–Юнга с помощью теоремы Риса–Торина приведено в книге Литтльвуда «Математическая смесь» как образец красивейшего доказательства. Селим Григорьевич продолжил традиции классиков. Приложения (прежде всего к уравнениям в частных производных) были надежным ориентиром работы Крейна в теории интерполяции.

Сразу после окончания математико-механического факультета ВГУ в 1962 году я поступил в аспирантуру к Селиму Григорьевичу. Благодаря его стараниям государственные экзамены по истории партии (была ранее такая наука, а потом успешно скончалась) и математике мне засчитали как вступительные экзамены в аспирантуру. Между ними я сдал английский и одновременно с окончанием университета стал его аспирантом.

Однако первый год аспирантуры я провел не в Воронеже, а в Днепропетровске, где в 1963 году у меня родился сын. Селим Григорьевич по доброте своей разрешил мне перевестись на год в аспирантуру Днепропетровского горного института. А когда я вернулся в Воронеж, добился для меня комнаты в общежитии. Сделать это было тогда очень трудно, но Селим Григорьевич всегда принимал самое деятельное участие в решении житейских проблем всех своих учеников.

Весною 1964 года я защитил кандидатскую диссертацию. С. Г. Крейн выхлопотал для меня место на своей кафедре, и с тех пор я работаю на факультете. Двумя годами ранее в аспирантуру к Селиму Григорьевичу поступил выпускник Тамбовского пединститута Юрий Иванович Петунин. Темы его кандидатской, а затем и докторской диссертаций также были связаны со шкалами банаховых пространств. Мне запомнилась история написания статей. В течение нескольких месяцев Ю. И. Петунин и я приходили каждую неделю к Селиму Григорьевичу домой и несколько часов обсуждали полученные за неделю результаты и ставили новые проблемы. Причем Юрий Иванович и я занимались исключительно этой темой и почти каждый день встречались и работали вместе.

С. Г. Крейн, наоборот, этой тематикой занимался лишь во время наших встреч, одновременно он работал сразу над несколькими проблемами. Но вклад его в выполнение и написание работ был наибольшим. Селим Григорьевич очень быстро соображал и эффективно работал: естественно, сказывались опыт и высокая эрудиция.

Как отмечалось выше, теория интерполяции операторов начала развиваться в начале шестидесятых годов одновременно в нескольких странах. Логика развития науки потребовала подведения первых итогов развития в конце семидесятых.

Наша книга вскоре была переведена на английский и издана в США. Писалась она долго. Помимо объективных трудностей, связанных с большим объемом материала, согласованием различных подходов, стремлением изложить самые интересные и важные результаты, были существенные субъективные сложности.

Селим Григорьевич любил писать статьи и книги. А еще больше он любил переписывать рукописи. Его стремление к совершенству было поистине безграничным. Ради этого он не жалел ни своего времени, ни времени своих соавторов. Потом я понял, что это было одним из проявлений любви Крейна к математике.

Лекции Селима Григорьевича производили большое впечатление и на студентов, о чем я уже писал, и на его коллег. Приведу один пример. В 1977 году Крейн прочитал великолепный цикл лекций по теории интерполяции операторов в Ярославской школе «Операторы в функциональных пространствах». Одним из слушателей этой школы был профессор Юрий Абрамович Брудный – известный специалист по теории аппроксимаций. Вопросы, поставленные в лекциях Крейна, очень заинтересовали Брудного. Он начал работать в теории интерполяции, вместе со своим учеником Н. Я. Кругляком решил одну из центральных проблем этой теории – проблему A'-делимости – и стал признанным специалистом в теории интерполяции операторов. Капитальная монография (*Brudnyi Yu. A., Krugliak N. Ya.* Interpolation Functors and Interpolation Spaces. North-Holland, 1991) отразила достижение теории интерполяции в очередной период. Написанию этой монографии предшествовал обзор, который отражал состояние теории интерполяции операторов на тот период. Список литературы содержит 786 названий.

Селим Григорьевич любил жизнь, а люди, которым посчастливилось общаться с ним, любили его.

В 1967 году в Воронеж приехал корреспондент «Комсомольской правды», для того чтобы написать обо мне статью (я тогда получил премию Ленинского комсомола в области науки). После моих восторженных рассказов о Селиме Григорьевиче корреспонденту захотелось познакомиться с ним лично.

С. Г. Крейн в это время болел и лежал в госпитале, куда мы и отправились с визитом. Там мы увидели обычную картину: один из аспирантов Селима Григорьевича доказывает ему свою новую теорему, а еще несколько человек ждут своей очереди, чтобы поговорить с ним о математике. Всё это и беседа с Крейном произвели на корреспондента столь сильное впечатление, что он, прежде чем писать статью обо мне, подготовил передачу на радио о Селиме Григорьевиче. К сожалению, я не слышал ее, но по отзывам слышавших ее моих знакомых, передача была интересной и эмоциональной. Велико было обаяние С. Г. Крейна!

Среди многочисленных талантов Селима Григорьевича было умение вести застолье. Он был прирожденный тамада. Если он сидел за столом, то там было весело и радостно. Его шутки, веселые тосты и истории на следующий день пересказывались и комментировались.

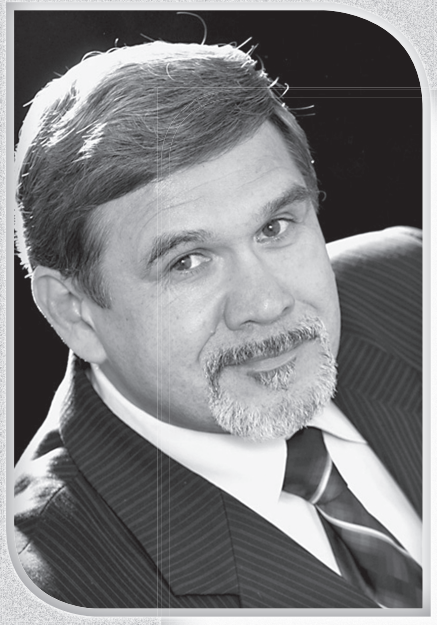
Крейн любил заниматься со своими учениками. Количество его аспирантов в иные годы доходило до 12 человек, причем тематика их диссертаций была чрезвычайно широка. За полвека своей деятельности под руководством Селима Гри-

горьевича защищено 83 кандидатских диссертации, 19 его учеников стали докторами наук, а первые его ученики Ю. М. Березанский и Ю. Л. Далецкий были избраны действительными членами АН Украины.

В конце восьмидесятых годов здоровье Селима Григорьевича ухудшилось из-за сердечной недостаточности. Он несколько раз лежал в больницах. Но состояние не улучшилось. Врачи советовали сделать шунтирование, причем рекомендовали сделать это за границей, так как у нас технология таких операций еще не была отработана. Но для заграничной операции, естественно, не было денег. Тогда профессор университета Тель-Авива И. Ц. Гохберг обратился к математикам разных стран с призывом собрать деньги для операции и сделал первый взнос. Усилиями многих математиков все финансовые и организационные проблемы, связанные с операцией на сердце Крейна, были решены. Большая заслуга в этом принадлежит Б. И. Коренблюму, Д. Эйбину, М. Ю. Любичу. Вскоре после успешной операции в США Селим Григорьевич вернулся в Воронеж. Это было великолепно!

Селим Григорьевич Крейн был выдающимся математиком и прекрасным человеком. Мне очень повезло в жизни: более сорока лет я общался с ним.

Евгений Семенов

Алексей Александрович

КРЕТОВ

(1952 г.р.)

Доктор филологических наук, профессор.

Сфера научных интересов: русская лексикология, русская фонемология и морфемика; компьютерная лингвистика, скрытые языковые категории, славянская этимология и квантитативная лексикология. Основатель нового научного направления «лингвистическая прогностика».

Окончил филологический факультет ВГУ (1974). Ассистент (1974–1977), преподаватель (1980–1991), доцент (1991–1992), старший научный сотрудник (1992–1994), профессор (1994–1995) кафедры общего языкознания и стилистики ВГУ. Профессор кафедры русского языка ВГУ (1995–1998). С 1998 года директор научно-методического центра по компьютерной лингвистике факультета РГФ ВГУ, профессор кафедры французской филологии. С 2001 года заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики РГФ ВГУ. В 1985–1988 годах преподавал в Хельсинкском, в 1996–1997 годах – в Леонском университетах.

«НАДО МЕНЯТЬ ОТНОШЕНИЕ К ФИЛОЛОГАМ»

Читаю вашу биографию и понимаю, что всего этого мог добиться только очень целеустремленный человек. Какие вы ставили себе цели, и каким себя видел в будущем, к примеру, двадцатилетний Алексей Кретов?

– Никакого представления о будущем у меня не было. По окончании школы я знал только одно: математика, физика, химия – это не мое. И я наивно полагал, что в жизни мне математика никогда не понадобится. Когда родители спросили, куда я хочу идти учиться, то я ответил, что поступлю на филфак, потому что вся Африка еще не говорит по-русски и мне есть чем заняться. Поскольку я вырос в семье вузовских преподавателей, в атмосфере работы со студентами, я, видя настроение родителей, очень остро чувствовал, как это плохо, когда студенты недобросовестно относятся к учебе. Поэтому я сам себе дал совет регулярно заниматься, думать о сессии. Тогда мне казалось, что самое главное в моей жизни – как можно лучше учиться. Может, поэтому мне удалось много «взять» от преподавателей в университете. В то время был самый расцвет филфака. Еще мне повезло, что наш курс был очень сильным. Сейчас из моих бывших однокурсников почти каждый пятый стал кандидатом наук и почти каждый десятый – доктором наук. Когда пришло время получать диплом, оказалось, что у нас на курсе было три человека, не получивших за все пять лет ни одной «четверки». Я был одним из них. То, что был такой сильный курс, побуждало нас всех думать, спорить, читать, обсуждать. Как писал А. И. Герцен о своих сокурсниках: «Мы росли тем, что “терлись” друг об друга». Что-то похожее было и у нас. Когда я окончил университет, меня на три года оставили на кафедре преподавателем – вести занятия по практике русской речи. Это время, как мне тогда казалось, было временем интеллектуальной деградации. Потом я поступил в аспирантуру.

– В чем проявлялась деградация? В том, что приходилось не учиться самому, а учить других?

– Наверное. Время уходило не на чтение научной литературы, а на подготовку к занятиям и освоение методических тонкостей. С наукой так: для того чтобы костер разгорелся, надо достичь какой-то критической температуры. После этого костер будет гореть долго и легко, и лишь изредка нужно будет подбрасывать туда дрова. Это значит, что для начала надо усвоить какую-то критическую массу научной литературы. После этого «огонь» загорается и горит долго. Я был удивлен, когда действительный член РАН Юрий Дереникович Апресян как-то в разговоре сказал, что в последнее время почти ничего не читает. А это человек фантастической эрудиции. Теперь я его понимаю. Он достиг такой «высокой температуры», что уже не нуждается в чужих работах. Наверное, это то, к чему каждый стремится: создать свою систему понятий, координат и работать в ней.

– А вы достигли «критической температуры»?

– Да, давно; и сейчас вслед за Юрием Дереникovичем могу сказать, что читаю мало. Но когда пишешь статью или книгу, обязательно изучаешь то, что имеет отношение к данной теме. Просто теперь, когда есть своя позиция, легче оценивать чужие работы.

– Что было после аспирантуры?

– Начались поиски себя, продолжение научной работы. Была трехлетняя командировка в Финляндию, преподавание русского языка в Хельсинкском университете. Эта поездка многое мне дала и в научном, и в мировоззренческом плане. В 1985–1988 годах началась перестройка, и многие люди, которые раньше были невыездными, смогли посетить Хельсинки. Там я впервые повстречался с Ю. Д. Апресяном, увидел И. А. Мельчука, там познакомился с Ю. М. Лотманом, членами его кафедры, там встречался с Г. А. Золотовой, Т. М. Николаевой, В. П. Григорьевым, Людмилой Петрушевской, Андреем Битовым, Владимиром Дудинцевым и многими другими замечательными людьми. На 1996/97 учебный год я был командирован в Испанию в Лионский университет. В чужой стране было такое ощущение, что тебя, как дерево, выдернули из почвы, куда ты врос корнями, и подвесили в воздухе: ты никого не знаешь, тебя никто не знает. Дополнительно к 16 часам преподавания русского языка в неделю мне пришлось по 15 часов в неделю изучать испанский. Вначале я, конечно, испытывал дискомфорт: представьте себе взрослого человека, который может выразить свои мысли на уровне трехлетнего ребенка. Никому не пожелаю такого состояния. Но к декабрю я уже заговорил по-испански. В свободное от работы время я развлекался тем, что составлял морфемный словарь «Василия Теркина».

– Я пытаюсь найти на «карте» «точки», которые привели вас к настоящей должности заведующего кафедрой теоретической и прикладной лингвистики. С чего всё началось?

– Из Хельсинки я вернулся с персональным компьютером. Больше в университете его, наверное, в те годы ни у кого не было. Тогда и обозначились компью-

терное направление в моей научной деятельности и стремление заниматься компьютерной лингвистикой. Началось мое сотрудничество с факультетом ПММ, Константином Савичем Рыбаком. Он тогда заведовал кафедрой математического обеспечения ЭВМ. Мне посоветовали обратиться к Ирине Евгеньевне Ворониной, ныне уже доктору технических наук, которая тогда читала лекции по искусственному интеллекту, что как раз было связано с областью моих научных интересов. Постепенно, при поддержке Зинаиды Даниловны Поповой, заведовавшей в то время кафедрой общего языкознания и стилистики, Виктора Михайловича Акаткина, который тогда был деканом факультета филологии, мы открыли на филфаке группу компьютерной филологии. Там проводили дополнительные занятия, и тем, кто окончил группу, выдавались сертификаты о получении дополнительной специализации. Поскольку никто не выделял денег на наши инициативные проекты, мы нашли способ обходиться без этого: давали студентам факультета ПММ темы, в решении которых были заинтересованы и филологи, и программисты. Так, на протяжении 20 лет мы сотрудничали. В результате был открыт Научно-методической центр компьютерной лингвистики ВГУ. Благодаря помощи Владимира Тихоновича Титова, в то время декана факультета РГФ, и ректора Ивана Ивановича Борисова сначала было создано отделение теоретической и прикладной лингвистики, а в 2002 году – и кафедра ТиПЛ. Так как я занимался подготовкой множества документов, учебных планов, программ кафедры, меня и назначили ею заведовать.

– Я знаю, что у вашей кафедры есть свой гимн, своя клятва и, вообще, своя атмосфера. Как это всё возникло?

– Всё началось с первого набора студентов и трех преподавателей, которые работали на кафедре с основания нашего отделения. Кроме меня, это Инна Александровна Меркулова и Геннадий Данилович Селезнев. Геннадий Данилович был потрясающим человеком, подарком судьбы для нашей кафедры. Он был научно «многоязычен». Про него говорили: «человек-оркестр». Окончив физическое отделение, Геннадий Данилович овладел языком математики и физики. Помимо этого, он живо интересовался биологией, химией, философией, лингвистикой и овладел языками всех этих наук. На нашем факультете он вел математические курсы для гуманитариев. Это нелегкая задача, но Геннадий Данилович мог без труда объяснить самые сложные идеи буквально на пальцах. Он любил и глубоко знал синергетику. Наше отделение возникло из идеи соединить лингвистику и математику. Так вот, Геннадий Данилович, обладая знаниями в обеих этих сферах, давал нам тот самый искомый синтез. Это был фантастический человек. Кроме всего, он был мастером спорта по альпинизму. Именно он предложил проводить посвящение первокурсников в Синицыно на берегу Лесного озера. С его легкой руки в этом году состоялось уже десятое посвящение, на которое мы выезжаем каждое последнее воскресенье сентября.

– На одном из посвящений вы сказали: «Из десяти студентов выживает один – суровый закон РГФ». Эта фраза – стимул для учащихся или, хоть и преувеличенная, но правда?

– Может, я когда-то и сказал так в шутку, но на самом деле пропорция иная. Выживает больше: из трех два. А столь сильную фигуру речи применил для того, чтобы студенты лучше прочувствовали ответственность и осознали те требования, которые к ним предъявляются.

– В клятве студента кафедры ТиПЛ есть слова: «Если уж и сумею оторваться от практики занимательной, то не помчу сломя голову в Америку, дабы узнать, чем хорошо там, где нас нет». Как вы относитесь к тому, что студенты уезжают работать за границу?

– В клятве речь идет о программе «Work and Travel». Студенты, которые в ней участвуют, полностью заваливают летнюю сессию. Поэтому я категорически против того, чтобы наши ребята, вместо того чтобы учиться, мыли посуду в американских забегаловках. Что касается тех, кто уже с дипломом уезжает работать за рубеж, – это их жизнь, им решать.

– Есть множество студентов-филологов, которые не могут найти работу, бытуют разговоры о бесполезности филологического образования. Как вы прокомментируете эту тенденцию?

– Это связано с самым главным – сохранением русской культуры, русского языка и русских как феномена в истории человечества, как части человечества, причем очень ценной, талантливой и духовно богатой его части. До сих пор все человечество кормится объедками с пиршественного стола русской культуры первой половины XX века. И если сформировано такое отношение к специалистам по родному русскому языку, то это говорит о том, что общество находится на краю гибели. Это отношение надо коренным образом ломать. Нам всем надо осознать, что в основе всего, чем мы занимаемся, лежит владение родным языком. В основе нашей национальной идентичности лежит наше родство с устным народным творчеством: песнями, сказками, загадками, частушками, а также с русской литературой, величие которой признано во всём мире. Альберт Эйнштейн говорил, что Достоевский как философ дает ему намного больше, чем профессиональные философы и математики. Свидетельств того, насколько плодотворна русская культура, огромное множество. Фаина Раневская жалела иностранцев, потому что у них нет Пушкина. Я иногда думаю: «За что нам такое счастье – Пушкин?». На этот вопрос ответил А. Т. Твардовский в своем стихотворении «К портрету Пушкина»:

Земля, рождавшая когда-то
Богатырей в глухом селе,
Земля, которая богата
Всем, что бывает на земле;
Земля, хранившая веками
Заветы вольности лихой,
Земля, что столькими сынами
Горда передо всей землей;
Земля, где песни так живучи,
Где их слагает и поет

Сам неподкупный, сам могучий,
Сам первый песенник – народ, –
Земля такая не могла ведь,
Восстав из долгой тьмы времен,
Родить и нынче гордо славить
Поэта, меньшего, чем он…

Так вот, если мы хотим сохраниться как народ, то надо кардинальным образом менять отношение к филологам. В последнее время наметились положительные тенденции. Уже из самых высших инстанций можно слышать, что русская литература объединяет всех живущих в Российской Федерации. А недавно на Всемирном русском народном соборе было сформулировано определение русского человека, предполагающее самоотождествление человека со всем русским: языком, литературой, историей, культурой, православной верой. По-моему, это верно.

Когда мы учились, нас было сто человек на курсе. В этом году на весь филфак выделено 10 бюджетных мест. Выходит, в России не нужны учителя русского языка и литературы?

– Ведь многое зависит от государства.

– А государство от кого зависит? Кто выбирает президента? Кто выбирает думу? Как писал А. Т. Твардовский: «Но всё, что стало или станет, // Не сдать, не сбыть нам с рук своих».

Так что мы с вами виноваты в том, что всё это происходит. Что делать? Служить русскому языку, русской словесности. Это долг каждого человека, отождествляющего себя с русской культурой.

Светлана Шеина

Печатается по: Университетская площадь. 2015. № 7–8. С. 118–120.

Олег Григорьевич

ЛАСУНСКИЙ

(1936 г.р.)

Кандидат филологических наук, доцент, заслуженный работник культуры РФ, член Союза писателей СССР (Союза российских писателей), член Союза журналистов СССР, главный редактор журнала «Филологические записки» (1993–1996), почетный гражданин Воронежа.

Сфера научных интересов: история русской провинциальной культуры, литературоведение, книговедение.

Окончил историко-филологический факультет ВГУ (1958). В ВГУ преподавал в 1969–1997 годах.

Председатель Общественного совета краеведов (с 1971 года Воронежского историко-культурного общества). Председатель кружка «Воронежский библиофил» при Научной библиотеке ВГУ (1972–1981).

Безвозмездно передал свое книжное собрание в Воронежскую областную универсальную научную библиотеку имени И. С. Никитина, Научную (зональную) библиотеку ВГУ и другие общественные библиотеки Воронежа. Занесен в Книгу почета Воронежа (2001).

ОПЫТ СОПРОТИВЛЕНИЯ ПУСТОТЕ

Олег Григорьевич Ласунский – знаковая фигура не только в истории ВГУ, но и во всей воронежской культуре. Его – особенно в последние 10–15 лет – активно издают, у него есть постоянный и не такой уж узкий круг читателей, имя его неизменно входит в перечень самых авторитетных нравственных лидеров региона.

Любопытно, что столь высокую моральную репутацию он снискал на далеко не самом модном ныне поприще. Дело в том, что всё творчество Олега Ласунского, а если шире – то сам способ его мышления, его присутствие в сегодняшней культуре – связаны с книгой.

«Библиофильство – это сохранение, изучение, систематизация, пропаганда памятников печатной старины как частицы общемирового гуманитарного наследства», – говорил О. Г. Ласунский во время вручения ему премии Правительства РФ в области культуры за 2012 год.

Этой весьма престижной премией в России отмечаются выдающиеся заслуги в культурно-просветительской деятельности. Олег Ласунский пока единственный, кто получил эту награду за книгособирательство.

Когда-то он изобрел весьма характерный авторский неологизм – «книгопоклонник». Им Олег Григорьевич обозначает тех, кто, подобно ему самому, поклоняется книге как божеству, высшей силе, святыне. Книгопоклонник, по Ласунскому, больше, чем литературовед и краевед. Он сродни скорее метафизику, подробно исследующему книгу как бытие, как зеркало души. Как некую высшую власть. В том, как книга формируется, издается, переходит из рук в руки, на какой-то срок оседает в личных коллекциях и затем вновь уходит в океан букинистических страстей, – книгопоклонники на-

ходят визуальное отражение всечеловеческой судьбы. Отсюда и отношение к книге как к ангелу-хранителю: овладевая душой, она спасает ее.

«Уже более полувека длится мой роман с прелестницей Книгой, но, поверьте, острота ощущений отнюдь не притупилась… От бытовых любовных интриг библиофильские чувства отличаются завидным постоянством, в отношениях собирателей со своей избранницей редко встречаются измена или просто охлаждение. Увлечение Книгой, если оно возникло, действительно неискоренимо, ее чары неотразимы, и человеческий возраст здесь не играет никакого значения», – делится сокровенным О. Г. Ласунский в своем знаменитом исследовании «Власть книги: рассказы о книгах и книжниках», выдержавшем уже четыре издания. Этот капитальный труд, который автор пишет всю жизнь, включает в себя постоянно пополняющуюся серию этюдов и эссе, рассказывающих о судьбах отдельных экземпляров из личной коллекции знаменитого собирателя, об их миграции во времени и пространстве.

Но О. Г. Ласунский не только страстный книгопоклонник. Он еще и замечательный писатель, мастер психологических деталей. Потому его рассказы о книжном мире – это и кладезь бесценных фактов, описание самых причудливых и невероятных «книжкиных биографий», примеры человеческих героических самопожертвований и непредставимых злодейств. «В коллекционерском сообществе, как известно, мирно уживаются возвышенное и низменное, романтика и трезвый расчет, бескорыстие и тяга к обогащению. Я никого из своих героев не осуждаю, потому что и сам варюсь в этом кипящем страстями котле», – признается создатель «Власти книги».

В этом всечеловеческом котле страстей – смысл, цель, оправдание, истина – всё находится внутри фолиантов огромного вселенского лабиринта, каковым для автора становится книжный мир.

Казалось бы, это замкнутое в своей бесконечности пространство заведомо несоизмеримое с возможностями одной человеческой жизни. Однако именно книга, по Ласунскому, обрекает своих подданных на вечные странствия, предел которым не наступает даже с физической смертью собирателя.

Хотя бы потому, что одним из основных и едва ли не самым значимым смыслом книги является память. Именно она представляется органической сущностью, прямым назначением книги как памятника ушедшим в вечность умам. Поэтому неслучайно, что тема памяти стала для книгопоклонника Олега Григорьевича Ласунского еще одной принципиально важной темой.

Легко заметить, что обостренное чувство памятливости по отношению ко всем, когда-либо причастным к региональной словесности, вот уже более полувека задает вектор творческим поискам этого автора. То же самое чувство позволяет рассматривать плоды этих поисков в контексте модного ныне социально-художественного осмысления прошлого и настоящего как единого взаимосвязанного процесса.

В предисловии к одной из своих знаковых книг «Литературная прогулка по Воронежу» О. Г. Ласунский пишет: «Порой интуитивно, но чаще всего вполне осознанно вписываем мы себя в географию и историю “малой родины”. И это отнюдь не проявление убогого провинциализма. Напротив, это необходимая ступень воспитания в себе подлинного патриотизма… Постижение Родины – процесс волнующий, радостный и глубоко интимный. Он многолик в своих конкретных проявлениях». И дальше, обращаясь уже к грамматическому складу «род – родина», автор подмечает: «Шлифуя внешнюю, чисто языковую оболочку понятия, предки даже здесь позаботились намекнуть позднейшим поколениям: не страдайте забывчивостью, будьте памятливы!»

Этими призывами наполнена вся историко-литературная публицистика Олега Ласунского последнего времени. Примечательно, что этот автор выстраивает свои тексты через принципиальную полемику не только с партийными установками советского прошлого или нынешними попытками спрятаться за «сложные времена», но и с идеологией забвения вообще. И в этой полемике – нерв его публицистических текстов. «Под массированным натиском новейших информационных технологий постепенно отодвигаются вглубь времен имена и факты, вполне достойные нашего внимания, – размышляет автор в предисловии к книге “Литературный Воронеж”. – Они нередко становятся добычей беспамятства, и это сужает, а иной раз искажает целостную картину духовного развития края».

С завидным постоянством из публикации в публикацию предъявляя читателю забытых персонажей региональной словесности минувших лет, О. Г. Ласунский демонстрирует не только стремление вернуть землякам утраченные имена. Его интерес к культурному прошлому родного края, разного рода «фигурам умолчания», некогда ходившим по воронежским улицам, а в целом – к духовной истории провинциальной России – обусловлен острым желанием побудить в современниках осознанное стремление к восстановлению порушенных исторических и нравственных основ жизни русского губернского города.

Вот почему на пути к этой цели автору принципиально важно высказаться и о сталинских репрессиях в наших краях, и о «мягкой» диктатуре местной партийной бюрократии, и о цензуре, и о нехватке воздуха, – как о единой драме и трагедии воронежской интеллигенции в последнее столетие. «Культурная атмосфера города была пронизана страхом, люди боялись показаться неугодными властям. Всё строго регламентировалось, вплоть до литературных симпатий и антипатий», – напоминает в одном из своих очерков О. Г. Ласунский о недавнем прошлом.

Альтернативой подобной мрачной атмосфере может быть только художественная правда с ее важнейшим принципом «проникновения». Этот принцип лежит в основе подавляющего большинства текстов и выступлений О. Г. Ласунского. Автор показывает героев своих публикаций во всей полноте их связей со

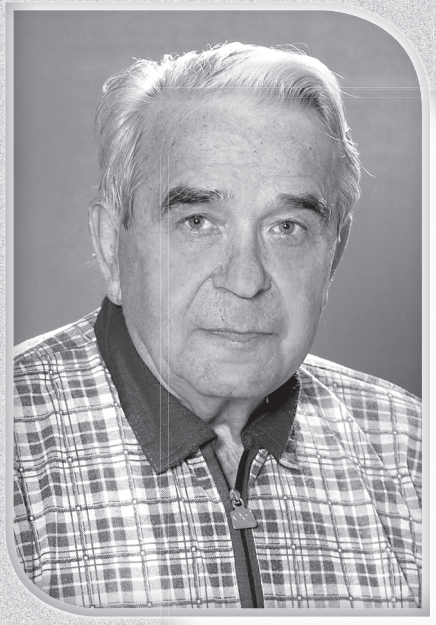
временем и местом, для чего порой в мельчайших деталях повествует об их стремлениях, надеждах, страхах, предрассудках, иллюзиях, убеждениях, вожделениях – словом, обо всём том, что сам О. Г. Ласунский называет «историческими подробностями, имеющими для краеведов источниковую ценность». И это не просто итог архивных поисков авторитетнейшего исследователя.

Гораздо важнее стоящее за этим мировоззрение – упорное авторское сопротивление пустоте, которая в любом социальном пространстве неизменно оборачивается распадом цепи времен, обрывом нитей, соединяющих людей друг с другом и с их местом обитания.

Это неизменное сопротивление пустоте определяет не только творчество, но и общественную позицию почетного гражданина Воронежа, заслуженного работника культуры РФ, известного историка русской провинциальной культуры Олега Григорьевича Ласунского. Оно же делает его сегодня признанным духовным лидером воронежской интеллигенции.

Дмитрий Дьяков

Печатается по: Ямская слобода. Отделение Седьмое. Воронеж, 2016. С. 234–236.

Анатолий Николаевич

ЛАТЫШЕВ

(1933 г.р.)

Доктор физико-математических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, награжден знаком «Изобретатель СССР».

Область научных интересов: спектроскопия примесных состояний кристаллов; исследование оптических, в том числе люминесцентных, свойств атомов и малоатомных кластеров металлов и металл-органических комплексов, адсорбированных на ионно-ковалентных кристаллах, и их фотостимулированное преобразование. Многие из его разработок носили прикладной характер, находили применение в промышленном производстве. Возглавляемая им кафедра успешно выполняла работы по договорам с крупнейшими отраслевыми НИИ и промышленными предприятиями страны.

Окончил физический факультет ВГУ (1956). С 1956 года там же аспирант, ассистент кафедры общей физики, с 1964 года доцент, профессор, более 35 лет был заведующим кафедрой оптики и спектроскопии ВГУ, секретарь партийного комитета (1983–1987).

ВЕРНЫЙ РЫЦАРЬ НАУКИ

Постоянство и верность – этими категориями точнее всего определяется жизненный и научный путь Анатолия Николаевича Латышева. Он родился в Воронеже в январе 1933 года и навсегда остался коренным воронежцем, влюбленным в родной город, где знакомы ему каждая улочка, где сердцу милы уютные скверы, где окружают его земляки, рядом с которыми он рос, взрослел, выбирал свою дорогу в жизни и достойно шел по ней все эти годы.

В 1956 году Анатолий Латышев окончил Воронежский государственный университет и поступил в аспирантуру на кафедру электромагнитных колебаний. Его научный руководитель профессор Мария Афанасьевна Левитская предложила ему несколько тем для исследований, в том числе попытку дополнительного доказательства специальной теории относительности с использованием свечения «каналовых лучей» – разогнанных до больших скоростей в вакууме ионов. В итоге было решено заняться исследованием актуальной в то время проблемы – выяснением природы тонкой структуры спектров поглощения тонких металлических слоев, что позволяло установить квантово-механические свойства вещества на стадии формирования свойств массивного кристалла и выявлять размерные эффекты оптических свойств изучаемых материалов. Полученные А. Н. Латышевым в ходе выполнения научной работы результаты положили конец спорам относительно природы тонкой структуры, подтвердили сам факт существования этого явления и позволили интерпретировать его как электронно-колебательный спектр малоатомных кластеров серебра, слабо связанных с кристаллом. Это послужило началом многолетних работ по исследованию начальной стадии фотографического процесса в Воронежском университете.

Защита диссертации состоялась в 1964 году, и Анатолий Николаевич Латышев получил степень кандидата физико-математических наук, после чего еще больше углубился в научную работу. Работая в ВГУ с 1959 года, сначала ассистентом, а затем старшим преподавателем на кафедре общей физики, он в 1966 году становится доцентом кафедры оптики и спектроскопии, где наиболее полно проявился его талант ученого. Латышев занимается серьезными научными исследованиями, тесно сотрудничая со своим учителем, членом-корреспондентом АН СССР Константином Владимировичем Чибисовым, проявлявшим большую заинтересованность к исследованию проблем научной фотографии.

Вокруг самого Анатолия Николаевича, возглавившего в 1971 году кафедру оптики и спектроскопии ВГУ, постепенно формируется творческий коллектив молодых сотрудников и аспирантов, которые смело берутся за решение физических проблем научной фотографии.

В результате под руководством А. Н. Латышева был открыт новый класс фотохимических процессов на поверхности с участием адсорбированных атомов и ионов, а также ряд новых эффектов, связанных с фото- стимулированным преобразованием поверхностных дефектов, адсорбированных малоатомных кластеров. Обнаружена фотостимулированная миграция адсорбированных атомов на поверхности ионно-ковалентных кристаллов. Разработан механизм начальной стадии фотографического процесса. Предложено несколько способов реверсивной записи и люминесцентного считывания оптической информации.

После защиты в 1984 году докторской диссертации Анатолий Николаевич Латышев продолжает заведовать кафедрой оптики и спектроскопии. Работая на кафедре, он читает студентам курсы общей физики, астрономии, астрофизики, истории и методологии физики, а также разработанные им спецкурсы: физика газового разряда, теоретическая оптика, атомная спектроскопия, спектроскопия твердого тела, нелинейная оптика, безызлучательные переходы, фотостимулированные процессы на поверхности, люминесценция.

Одним из первых Латышев организовал магистратуру по направлению «Физика оптических явлений», а также специализацию для студентов по разработанным на кафедре учебным программам «Физико-химические методы экспертиз» и «Волоконная оптика и системы оптической информации». Профессор Латышев возглавляет организацию всего учебного процесса на кафедре; он стоял у истоков учебной астрономической обсерватории и филиала кафедры для учащихся 10–11 классов; совместно с Институтом проблем химической физики РАН (г. Черноголовка), создавал лабораторию «Фотостимулированные процессы в кристаллах».

С 1969 года Анатолий Николаевич активно занимается подготовкой научных кадров, руководит аспирантами. Под его руководством защищено 12 кандидатских и 2 докторские диссертации. Среди учеников Латышева – профессора М. И. Молоцкий и В. Г. Клюев, кандидаты физико-математических наук М. А. Кушнир, Л. Б. Антаканова, Ю. К. Тимошенко, В. Н. Расхожев, Т. В. Волошина, Л. Я. Ма-

лая, В. А. Шунина, Л. Ю. Леонова, А. И. Кустов, О. В. Овчинников. Им опубликовано более 200 научных статей в российских и зарубежных периодических изданиях.

О высоком научном авторитете А. Н. Латышева говорит и то, что в течение многих лет он член Научного совета по фотографическим процессам и регистрации информации Академии наук, входит в ассоциацию спектроскопистов страны, является членом Американского научного общества «Оптическое изображение» и «Российского союза по научной и прикладной фотографии».

Следует отметить одну немаловажную особенность научной деятельности А. Н. Латышева: многие из его разработок носили прикладной характер, находили применение в промышленном производстве. Возглавляемая им кафедра успешно выполняла работы по договорам с крупнейшими отраслевыми НИИ и промышленными предприятиями страны. Неслучайно поэтому за внедрение авторских разработок в промышленности Анатолий Николаевич Латышев удостоен знака «Изобретатель СССР».

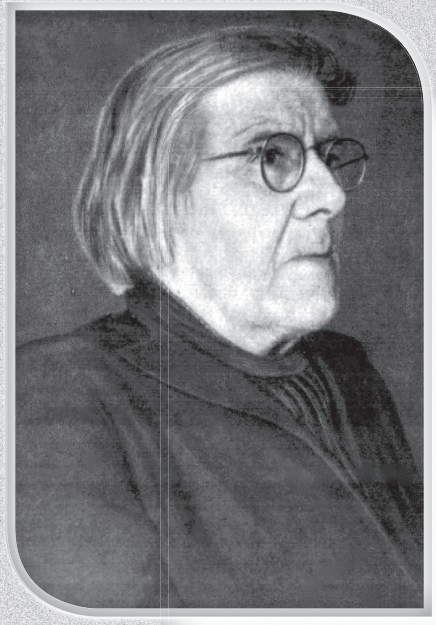
Представление о личности А. Н. Латышева будет неполным, если не упомянуть еще об одном его научном увлечении. В юношеском возрасте он увлекся астрономией. Мир небесных светил, безбрежный космос и связанные с ними не только физические, но и философские проблемы мироздания всегда манили его. Именно поэтому Анатолий Николаевич приложил немало сил, чтобы в Воронеже в здании Дворца творчества детей и молодежи в качестве филиала кафедры оптики и спектроскопии ВГУ появилась астрономическая обсерватория с телескопом, позволяющим проводить серьезные наблюдения за небесными светилами. Сам А. Н. Латышев, кстати, имеет грамоту АН СССР и Минвуза, а также нагрудный знак за наблюдение первых искусственных спутников Земли.

Сегодня, когда за плечами долгий, тернистый путь в науке, который не раз дарил ученому радость открытий и творческого озарения, доктор физико-математических наук, профессор Анатолий Николаевич Латышев полон новых идей и планов. Рядом с ним над решением новых научных задач работают его надежные соратники – сотрудники возглавляемой им кафедры оптики и спектроскопии, большинство из которых по праву считают его своим учителем.

Сам же Анатолий Николаевич всегда с большой теплотой и нежностью повторяет, что вряд ли смог бы добиться такого успеха в науке и жизни, если бы не поддержка и помощь его верного спутника жизни – жены Светланы Николаевны. Их дочь Марина пошла по стопам отца, стала физиком-спектроскопистом. И еще большая радость – две внучки, которые наполняют жизнь новым большим смыслом, дарят минуты радости и простого человеческого счастья.

Сотрудники кафедры оптики и спектроскопии под руководством профессора А. Н. Латышева продолжают искать новые направления научных исследований, разрабатывать актуальные проблемы современной физики.

Татьяна Волошина

Мария Афанасьевна

ЛЕВИТСКАЯ

(1883–1963)

Доктор физико-математических наук, профессор.

Специалист в области рентгеноструктурного анализа, генерирования кратчайших электромагнитных волн, физики твердого тела; создатель и руководитель Воронежской школы теоретической физики.

Окончила высшие женские курсы в Санкт-Петербурге (1906), училась в университетах Берлина и Геттингена. В 1908–1917 годах лаборант женских политехнических курсов. В 1917–1920 годах старший ассистент кафедры физики Томского госуниверситета. В 1920–1924 годах профессор кафедры физики Ташкентского госуниверситета. В 1924–1934 профессор Ленинградского политехнического института. В 1934–1935 научный сотрудник Ленинградского государственного оптического института.

В ВГУ преподавала с 1935 года, в разные годы была заведующей кафедрами теоретической физики, электромагнитных колебаний, физики твердого тела.

ПОД СЕНЬЮ ЛЕВИТСКОЙ

* * *

Мария Афанасьевна Левитская получила блестящее образование сначала в Петербурге на физико-технологическом факультете Высших женских бестужевских курсов, два последних семестра которых заканчивала по рекомендации профессора Петербургского университета Хвольсона в Берлинском университете в 1905 году, где специализировалась под научным руководством гениев физики Макса Планка и Пауля Друде. В 1911–1914 годах стажировалась в Германии и Голландии. Своим главным открытием субмиллиметровых волн профессор Левитская доказала единство электромагнитной природы радиоволн и света в единой шкале электромагнитных колебаний.

Около двадцати лет Мария Афанасьевна проработала в Ленинградском физико-техническом институте по приглашению его первого директора Абрама Федоровича Иоффе, выполняла вместе с ним первые исследования по физике твердого тела и возглавляла отдел ультракоротких волн. Интересно, что в составе Ученого совета этого института, куда входили ставшие потом знаменитыми на весь мир академики И. В. Курчатов, А. П. Александров, Н. Н. Семенов, Я. И. Френкель, была только одна женщина – М. А. Левитская. В начале 1930-х годов Марии Афанасьевне – за выдающиеся научные достижения – без защиты диссертаций была присуждена ученая степень доктора физико-математических наук.

В Воронеж Левитская приехала в 1935 году по приглашению ректора Воронежского университета профессора А. Я. Норина и сразу же возглавила кафедру теоретической физики. Через год она создала кафедру электромагнитных колебаний, в недрах которой зародились четыре из десяти ныне существующих кафедр физиче-

ского факультета: кафедра физики твердого тела, оптики, радиофизики и ядерной физики. Таков был круг научных интересов Марии Афанасьевны.

В воронежский период жизни особый интерес у профессора Левитской вызывали исследования в области ядерной физики. Перед самой войной она написала и издала на ротапринте рукопись по атомной физике, на страницах которой в доступной форме рассказывала о последних открытиях естественной и искусственной радиоактивности и существующих моделях ядерных взаимодействий. Здесь же был собран список обширной библиографии на трех европейских языках, которыми, кстати говоря, Левитская свободно владела.

Мария Афанасьевна имела постоянные научные контакты с президентом Академии наук СССР С. И. Вавиловым, первым советским лауреатом Нобелевской премии по физике П. А. Черенковым, закончившим в 1928 году физмат ВГУ, со многими академиками, коллегами по предыдущей работе в ФТИ АН СССР. Состояла в переписке с выдающейся французской женщиной, профессором Сорбоннского университета Иветт Кошуа, автором всемирно известного метода фокусировки рентгеновских лучей «на прохождение через монокристалл», известный как «метод Кошуа».

Во время войны и в послевоенные годы М. А. Левитская опубликовала в академической печати несколько работ по систематике радиоактивных изотопов, обнаружив особые зоны наиболее распространенных естественных изотопов. Последняя рукопись Марии Афанасьевны была посвящена вихревой модели ядра, в которой она предлагала рассматривать нуклоны в качестве взаимодействующих элементарных вихрей…

Из воспоминаний Эвелины Домашевской

Печатается по: Университетская площадь. 2015. № 7–8. С. 47–50.

* * *

Мария Афанасьевна пользовалась на факультете большим авторитетом. И не случайно, когда надо было в высоких научных инстанциях заручиться какой-либо поддержкой, факультет посылал в Москву профессора Левитскую. Ее имя открывало любую дверь, и вопросы решались, как правило, в нашу пользу.

В быту Мария Афанасьевна была чрезвычайно скромным (пожалуй, даже аскетичным) человеком. Стали легендой ее простая одежда, нетребовательность, непритязательность. И притом огромная душевная отзывчивость. Заболел ее аспирант – Мария Афанасьевна ссужает его деньгами и отправляет лечиться на курорт. Когда мне понадобилось в 1950 году приобрести для проведения диссертационных исследований кристаллы-анализаторы (в Москве их могли изготовить частным образом по 400 рублей за штуку), Мария Афанасьевна выдала мне, аспиранту, 800 рублей.

И еще одна подробность: своих аспирантов Мария Афанасьевна не только выводила в «научный свет», знакомя с видными учеными в данной области, но и

приобщала к духовным ценностям. Почти обязательной была для нас, аспирантов профессора Левитской, процедура посещения Большого театра. Выезжая со своим научным руководителем в Москву, мы получали от нее билеты на балет или в оперу.

– Не знаю, сумею ли я сама попасть, но вы сходите обязательно, – говорила Мария Афанасьевна.

Особенность характера профессора Левитской – ее терпимость. Чужая точка зрения была предметом самого пристального внимания Марии Афанасьевны, и если она видела, что оппонент предлагает небанальное решение, охотно его поддерживала. Во всяком случае я не помню, чтобы Левитская во взаимоотношениях со своими коллегами или учениками во что бы то ни стало утверждала свой приоритет. Наверное, поэтому на кафедре никогда не было острых конфликтов.

Из воспоминаний Валерия Кавецкого

Печатается по: *Кесслер И. И.* Повесть о влюбленных. Воронеж, 2003.

Из дневников М. А. Левитской

9 августа 1954 года

Прошел отпуск, через три дня и за лето я все-таки кое-что сделала. Я записала все задачи, которые составила для занятий со студентами по рентгеноструктурному анализу. Вышло 155 задач.

12 декабря 1954 года

Все эти годы ушли на освоение педагогической работы и создание лаборатории… Пусть будет так. Опять я этим волнуюсь, стараюсь отвратить свое лицо от человеческих наград, а смотреть только в лицо природы. Ведь я обещала в Крыму перед морем:

Перед лицом твоим, природа,
Клянусь всегда с тобою быть
И жизни тяжкие невзгоды
В твоем подножии сложить.

Что же я волнуюсь человеческим признанием? Но что я могу сделать в науке? Силы мои на исходе. Вот, в семьдесят лет я почувствовала себя старой. Ничего больше мне, видно, не удастся. Но пока какие-нибудь силенки есть, буду работать.

28 февраля 1955 года

Все последние месяцы я занята написанием курса «Ядерные явления». Если я его не напишу, студентам не по чему будет готовиться. Только когда я кончу его, я смогу заняться своей работой.

2 июня 1955 года

Я опять охвачена мыслью об инерции света. За несколько дней обдумала и подсчитала несколько опытов. Но выполнить их у меня лично не хватит сил. Долго думала, стоит ли об этом говорить ленинградским оптикам. В конце концов думаю, что стоит. Пусть я сама не соберусь сделать этого, может быть, они сделают.

17 марта 1958 года

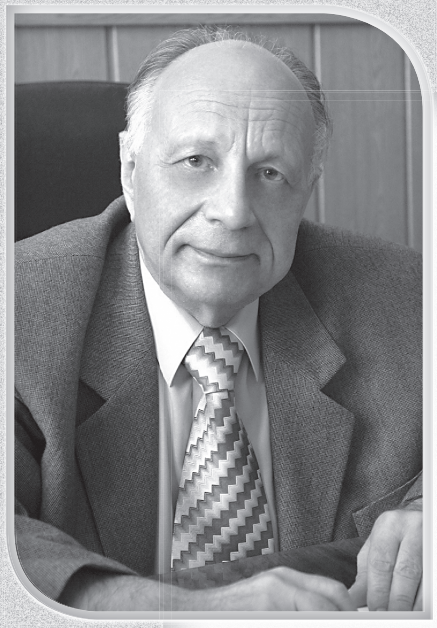
В сущности, у меня, вероятно, было больше способностей к искусству, чем к науке. Но вопросы науки больше увлекали меня. К общественной деятельности я была неспособна. Я с детства любила одиночество и размышления. Я дала клятву работать для женского освобождения… Права женщине даны социализмом и коммунизмом, но этим вовсе не разрешена моя задача в отношении женщин.

Я решила показать, что женщина способна к науке и может кое-что сделать. Увы, ничего особенного я не сделала. Но насколько позволяют мои способности и насколько допускали мою работу внешние отношения, я всё время работала. Но виновата я, что моих сил не хватило? Что могла, то сделала.

Из Указа Президиума Верховного Совета СССР

За заслуги перед Советским государством по воспитанию молодого поколения, за достижение высоких показателей в труде и плодотворную общественную деятельность наградить орденом Трудового Красного Знамени профессора Левитскую Марию Афанасьевну – заведующего кафедрой электромагнитных колебаний Воронежского государственного университета.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. Подгорный.
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. Георгадзе.
Москва, Кремль, 7 марта 1960 г.
Коммуна. 1960. 9 марта.

Владимир Семенович

ЛИСТЕНГАРТЕН

(1932 г.р.)

Кандидат исторических наук, доцент, почетный работник высшего профессионального образования РСФСР.

Окончил филологическое отделение историко-филологического факультета Воронежского госуниверситета (1955). Учитель русского языка и литературы средней школы в селе Сошки Октябрьского района Липецкой области (1955–1956). Комсомольский работник (Воронеж, 1956–1963). Начальник учебной части Воронежского госуниверситета (1964–1998). Одновременно вел преподавательскую работу. С 1998 года ученый секретарь ВГУ, референт ректора, ученый секретарь Совета ректоров вузов Воронежской области.

Один из организаторов межвузовского смотра-конкурса «Учебный экран», многочисленных конференций по проблемам образования и воспитания студенчества. Автор нескольких книг по истории Воронежского государственного университета, в том числе «ВГУ: от А до Я» (2015).

ПОСТОЯННО ДОСТУПЕН

Есть люди, которые не зависят ни от времени, ни от обстоятельств. Меняются начальники, а они остаются… По той причине, что они необходимы людям, у них есть редкое и прекрасное качество – ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ. Таков Владимир Семенович Листенгартен. Трудно представить Воронежский университет без этого невысокого человека с тихим, мягким голосом и внимательным взглядом. Кто-то считает, что у него длинная и трудная фамилия, но, конечно, не поэтому, а скорее, из особой приязни, его зовут коротко – «Листик» или «Владик».

О семье

Владимир Семенович говорит, что ему очень повезло (вообще, «мне повезло» – одно из ключевых сочетаний в речи В. С.) с родителями. Неосознанная семейно-педагогическая мудрость, которую являло старшее поколение, осталась в душе на всю жизнь. В семье много читали вслух, интересовались тем, как живут другие, проявляли участие к друзьям, знакомым. В их доме выросли осиротивший двоюродный брат, десятиклассником ушедший на фронт, и двоюродная сестра, оставшаяся без матери. Это считалось абсолютно естественным – так, по словам Владимира Семеновича, поступали и друзья родителей.

Об учебе

Двоюродный брат Лев Варшавский, приехавший после демобилизации в семью Листенгартенов, поступил на филфак. Учился он вместе с В. С. Рахманиным, Б. В. Кривенко, В. И. Золотаревым. Воло-

дя был втянут в студенческую жизнь брата, поэтому, когда пришло время поступать в вуз, проблемы выбора не стояло. Только филфак ВГУ! Набор был 25 человек, и в группе сложились отношения *высокого* товарищества. Каждый был яркой личностью, но не ставил себя выше других. Объединял интерес к литературе, к учебе. В течение всей жизни однокурсники относились друг к другу как близкие родственники.

О работе

Первый год после университета Владимир Семенович проработал в сельской школе, где преподавал литературу, русский язык и даже логику. Затем семь лет в комсомоле – сначала в райкоме, затем в обкоме. В 1963 году Владимир Семенович поступает в аспирантуру, через год становится начальником учебной части университета. Тогда университетом руководил Борис Иванович Михантьев, проректором по учебной работе был Валентин Сидорович Рахманин, а затем Петр Михайлович Гапонов – люди, сыгравшие важную роль в жизни В. С. Листенгартена. Владимир Семенович творчески подошел к новой работе (кстати, слово «творчество» (и его производные) – еще одно ключевое для В. С.), тем более рядом оказались единомышленники – крупные ученые в разных областях знания: историк Гапонов, математик Красносельский, филолог Абрамов, юрист Кокорев и лучшие деканы того времени.

Учебная часть инициировала создание при кафедре педагогики и психологии городского методологического семинара по проблемам педагогики высшей школы. Семинар, которым долгие годы руководил С. М. Годник, просуществовал 31 год! При активном участии Владимира Семеновича были реализованы идеи проведения ежегодного слета лучших студентов, конференции по организации приема в вуз. С приходом в учебную часть В. С. Листенгартена началась интенсивная работа вуза со школами. Знаменитые профессора сами ездили по городам и весям в поисках одаренных абитуриентов, вели занятия в школах, тем самым способствовали профориентации учащихся, созданию имиджа университета.

О человеке университетском

Для Владимира Семеновича понятие «университетский человек» очень важное, можно сказать, сакральное. Это творческий, ответственный человек, на первое место ставящий интересы университета. Конечно, это интеллигент в русском смысле этого слова. Понятие «университетский человек», по словам Владимира Семеновича, родилось в 1960-е годы в университетской среде, в формировании атмосферы которой большую роль сыграли, помимо названных выше, такие замечательные люди, как Н. Я. Краснер, В. М. Второв, В. В. Гусев и многие другие.

Об уроках жизни в университете

– Самым главным в жизни являются люди, с которыми ты сталкиваешься, причем ты – для людей, а не они – для тебя, – считает Владимир Семенович. Он помнит совет П. М. Гапонова: если к тебе с просьбой пришел преподаватель, студент, сотрудник, надо обязательно постараться помочь – ведь прежде чем человек решился переступить порог кабинета, он долго собирался, взвешивал «за» и «против», переживал: просить всегда трудно.

– Надо максимально поддерживать творческих людей: они двигатели университетской жизни.

– Нельзя командовать людьми. Нужно искать понимания и заинтересовывать совместной работой. Известно, что в России руководитель эффективен, если убеждает, а не приказывает. В университете недопустим чиновничий подход.

– Необходимо понимать, что университетские службы существуют для факультетов, а не факультеты для университетских служб. Главные в университете – студенты и преподаватели, а все остальные сотрудники должны помогать оптимальной организации учебного процесса.

– Ищи такое дело, в котором ты можешь проявить творчество. Работа не должна быть рутиной.

– Людей надо благодарить. Если человек сделал что-то для университета, он должен быть отмечен. Конечно, это дело администрации: вовремя сообщить о поощрении, словом, позаботиться о человеке.

О чем он сожалеет

О чем, наверное, сожалеет каждый: мало разговаривал со своими родителями, о многом не расспросил.

О том, что чего-то недодал ушедшим из жизни друзьям – В. В. Гусеву и В. М. Второву (кстати, в память о последнем Владимир Семенович подготовил к печати книгу, вышедшую в 2012 году).

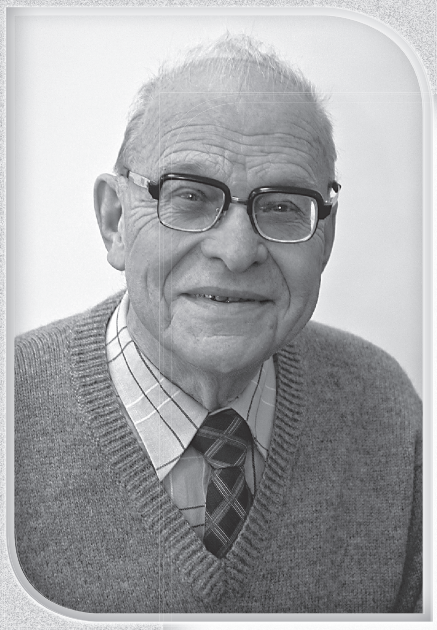
О том, что к кому-то был недостаточно внимателен. Творческие люди (а их большинство в университете) особенно нуждаются во внимании.

О смысле жизни

Смысл жизни для Владимира Семеновича в работе, в наличии сверхзадачи, которая поднимает над сегодняшним днем. В последнее время он захвачен идеей написать о людях университета. За полвека работы в любимом вузе накопился огромный материал. Будем ждать новой книги!

Елена Бебчук

Печатается по: Университетская площадь. 2013. № 6. С. 91–93.

Игорь Кириллович

МАРШАКОВ

(1928–2012)

Доктор химических наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР.

Сфера научных интересов: термодинамика и кинетика электрохимических процессов, коррозия и защита металлов. В результате научной деятельности был раскрыт механизм щелевой коррозии металлов, обнаружено специфическое разрушение латуней – обесцинкование; раскрыт механизм обесцинкования и развита термодинамика этого процесса. Всё это заложило основы нового научного направления – электрохимии интерметаллических фаз.

Окончил химический факультет Воронежского государственного университета (1952). В 1952–1957 годах младший научный сотрудник Института физической химии Академии наук СССР. С 1957 года ассистент, доцент, профессор, заведующий (1979–2000) кафедрой физической химии, декан химического факультета (1960–1964) Воронежского госуниверситета.

ВСЕГДА В ДВИЖЕНИИ
1918
100 лет ВГУ
2018
SEMPER IN MOTU

ЛЮБИМЧИК СУДЬБЫ

Алло, Игорь Кириллович?

– Да, это я. С кем имею честь? – слышу приятный голос с бархатистыми нотками. Совсем не суровый, не начальственный.

Я представляюсь, прошу о встрече. Жду, затаив дыхание, приготовив полдюжины аргументов для того, чтобы убедить его дать мне интервью: Маршаков – персона важная, с первого раза может и не согласиться.

Но он согласился…

Родился Игорь Кириллович Маршаков в 1928 году в Старом Осколе Белгородской области. Вскоре семья переехала в Воронеж. Отец, Кирилл Викторович, закончивший химико-технологический институт, переквалифицировался в строителя. Мама, Валентина Дорофеевна, преподавала химию в средней школе № 9. Сам Игорь учился в седьмой школе.

Как и многие мальчишки, Игорь хотел стать исследователем – покорять полярные льды, открывать неведомые доселе миры, встречаться с таинственным и неизведанным. При этом его интересовали точные науки, особенно физика и химия. Однако это он понял гораздо позже, после поступления в университет. А пока шло детство, в котором жутким образом перемешались мечты о вселенском коммунистическом счастье и пугающая действительность с арестом отца, фашистским снарядом, разрушившим их дом, оккупацией…

Кирилл Викторович Маршаков был очень работоспособным, трудолюбивым человеком (эти качества он передал по наследству всем своим детям). К тридцать седьмому году Кирилл Викторович стал главным инженером Главзернотреста. Должность почетная и очень заметная. Оказалось, даже слишком заметная: в тридцать восьмом его арестовали. Вся семья, друзья, знакомые свято вери-

ли в то, что произошла ошибка: вскоре правда выяснится, разберутся и отпустят. Разбирались восемь месяцев. Методы «выяснения истины» были таковы, что Маршаков-старший и несколько его товарищей признали себя участниками троцкистско-зиновьевского заговора… Потом был суд. Одному Богу известно, как им удалось спастись, как хватило сил и смелости отказаться от своих показаний. Кошмар закончился, но на руководящую работу отец не вернулся.

– Игорь Кириллович, что значил для вас ваш отец?

Серые глаза Маршакова за толстыми линзами очков снисходительно улыбаются.

– Мой отец?..

Игорь Кириллович несколько секунд молчит, а потом произносит:

– Что значат родители для каждого из нас? На этот вопрос легко и в то же время достаточно трудно ответить. Отец есть отец. Это авторитет, это знание, любовь – всё вместе и еще много такого, о чем не скажешь и не напишешь. Ни я, ни мама никогда не верили, что папа мог сделать что-то плохое, когда его арестовали. Но и в непогрешимости советской власти никто не сомневался.

В четырнадцать лет Игорь Маршаков попал в окружение под Касторной. Три дня под тридцатиградусным морозом, он прятался от фашистов в снегу. Холода мальчик тогда не почувствовал – страх притупил все остальные ощущения.

Когда немцев прогнали из Воронежа, семья Маршаковых вернулась домой, однако возвращаться, собственно, было некуда: кроме искореженных камней от домика на улице Молокова ничего не осталось. Маршаковы поселились в Алексеевском монастыре. А в сорок седьмом году Кирилл Викторович построил дом возле университета, на улице Таранченко.

Игорь Маршаков, закончив школу с золотой медалью, имел право поступить в любой вуз страны, а остался в Воронеже. Из-за «темного прошлого» в фашистской оккупации Игоря Кирилловича не приняли в МГУ. Пришлось идти в Воронежский университет на кафедру физической химии.

– Вы жалеете о том, что не поступили в МГУ?

– В принципе, нет. Именно в ВГУ я встретил Анатолия Яковлевича Шаталова, заведующего нашей кафедрой. Это второй самый авторитетный человек для меня, после отца.

– А есть ли человек, к чьему мнению вы прислушиваетесь?

– Есть, – Игорь Кириллович смеется, – это я сам. Предпочитаю всё делать так, как считаю нужным. На самом деле я человек мягкий, достаточно нерешительный, но опыт помогает скрывать это, и в тех случаях, когда я твердо уверен, что принял правильное решение, могу поступить очень твердо, даже жестко. Поэтому многие считают меня жестким и волевым.

В пятьдесят втором, после окончания университета Игорь Кириллович был приглашен в Институт физической химии при Академии наук СССР. История с институтом довольно интересная, почти детективная: сначала Игоря Кирилловича направили на коррозийную станцию в Баку, однако оказалось, что жить молодо-

му специалисту негде, и его отправили в головной центр, в Москву. Тогда Институтом физической химии руководил академик Георгий Акимов, который оставил Маршакова у себя и стал его научным руководителем.

После смерти Акимова институт возглавил академик Виктор Иванович Спицын, а научным руководителем Игоря Кирилловича стал профессор Розенфельд. В пятьдесят седьмом году Игорь Кириллович вернулся в Воронеж. Так началась преподавательская деятельность. А еще через год Маршаков защитил кандидатскую диссертацию.

– Игорь Кириллович, почему вы взялись за преподавание, ведь научная деятельность развивалась так успешно?

– Дело, наверное, в том, что чисто научная работа не всегда полностью меня удовлетворяла. Хотелось делиться тем, что знаю.

– А кого в вас больше – ученого или учителя, если такое деление, конечно, вообще правомерно?

– Наверное, больше учителя. Чуть-чуть, но больше. А может, пятьдесят на пятьдесят.

– У вас много учеников?

– Достаточно.

– Вы довольны ими?

– Да, мне, наверное, во многом везло в этой жизни. Повезло и с учениками. Многие из них немалого добились, при чем сами, и я горжусь этим. Действительно горжусь. Александр Викторович Веденский и Илья Давидович Зарцин стали профессорами нашей кафедры, доцент Владимир Юрьевич Кондрашин тоже остался на кафедре… Ирина Яковлевна Миттова защищала кандидатскую под моим руководством, потом стала доктором и ушла на другую кафедру, но химфак и она не бросила. Профессор Владимир Ильич Вигдоронич сейчас заведует кафедрой физической химии в Липецке.

В 1979 году не стало заведующего кафедрой физической химии Анатолия Яковлевича Шаталова. К тому времени Маршаков уже год заменял болевшего заведующего, являлся его правой рукой. Поэтому неудивительно, что преемником Анатолия Яковлевича стал именно Игорь Кириллович.

Как сказал один из его сотрудников, «Маршаков не может рассиропиться, его надо убеждать». Игорь Кириллович – настоящая душа кафедры, однако ни с кем не панибратствует. Игорь Кириллович ценит инициативу, профессионализм, трудолюбие, ум, честность, надежность. Он может увлечься какой-то идеей, но без оглядки в омут не кидается, сто раз подумает, прежде чем нырнуть.

– Игорь Кириллович, вы счастливы?

Он улыбается и спрашивает в ответ:

– А что такое счастье?

– Не знаю, – честно признаюсь я.

– А на этот вопрос и нет ответа. Счастье – состояние души. Оно приходит и уходит. Не бывает такого, чтобы счастье было всегда. Оно слишком разное, слиш-

ком непостоянное. В детстве счастье – конфета, в юности – любимая девушка, потом – первое открытие.

Некоторое время Маршаков был деканом химического факультета, но потом вернулся на кафедру: из-за административных забот почти не оставалось времени на преподавание и науку. Игорю Кирилловичу предлагали стать проректором ВГУ по науке, но он отказался. Официально – из-за слабого зрения…

Маршаков лукаво улыбается:

– А почему вы не спрашиваете о моем хобби?

– Хотела, да вы меня опередили. Хорошо, так чем вы увлекаетесь?

– Я очень люблю путешествовать. Побывал практически во всех столицах бывших союзных республик, в Сибири, на Байкале. Много раз (в основном как турист) ездил за границу: в Польшу, Чехословакию, Финляндию, Болгарию, Югославию, Австрию, ГДР. Особенно запомнилась Швеция. Еще мне нравится ходить в театр. Люблю балет, особенно «Дон Кихота» Минкуса в постановке Большого театра. Мне очень нравился старый МХАТ, да и вообще московские театры… Впрочем, наш драматический тоже очень неплох.

– Наша жизнь похожа на кино или на театр?

– Не всегда, скорее театр и кино похожи на реальность.

– Если бы о вашей жизни снимали фильм, каким бы он был: печальным, светлым, счастливым?

– Думаю, светлым. Я считаю, что прожил хорошо, удачно. У меня отличная семья: прекрасная жена, достойный сын, хороший внук, замечательные братья. В общем, в личной жизни всё в порядке. Наука тоже не подвела, не обманула. У меня 386 печатных работ.

Мне кажется, Игорь Кириллович Маршаков не очень похож на любимчика судьбы. Титулы и награды его мало интересуют. Когда я спросила Игоря Кирилловича, в каком году он стал заслуженным деятелем наук, он ответил:

– По-моему, где-то в восьмидесятых.

Оказалось – 27 апреля 1991-го. Еще оказалось, что Игорь Кириллович Маршаков является действительным членом Международной Академии наук высшей школы с 1996 года, членом редакции академического журнала «Защита металлов», издающегося в Москве на русском и английском языках, членом проблемного совета по электрохимии Академии наук России. Список, безусловно, впечатляющий. «Я честолюбив, но не тщеславен», – говорит о себе Маршаков.

Ирина Короткова

Печатается по: Университетская площадь : Очерки. Воспоминания. Воронеж, 1998. С. 105–114.

Сергей Иванович

МАШКИН

(1919–1995)

Доктор биологических наук, профессор.

Участник Великой Отечественной войны.

Сфера научных интересов: исследование дендрофлоры Центрального Черноземья; интродукция, биология, акклиматизация, генетика и селекция растений.

Окончил биологический факультет ВГУ (1939). В 1938–1941 годах научный сотрудник Ботанического сада ВГУ. С 1948 года старший преподаватель, доцент, профессор, заведующий (в 1974–1990) кафедрой дарвинизма, генетики и селекции (с 1987 кафедра генетики, селекции и теории эволюции), директор Ботанического сада (1953–1954), декан биолого-почвенного факультета ВГУ (1965–1969). Председатель Воронежского отделения Всесоюзного общества генетиков и селекционеров имени Н. И. Вавилова (с 1966). Один из организаторов Центрального научно-исследовательского института лесной генетики и селекции, где в 1971–1973 годах руководитель отдела генетики, цитологии и эмбриологии.

БОТАНИКА – МОЯ СУДЬБА

Студентом университета я стал так. В 1933 году меня после окончания Березовского техникума садоводства направили в один из совхозов Краснянского района Садвинтреста ЦЧО. Проработал я там плодоовощеводом пару месяцев. Вдруг вызывают в политотдел.

– Нам пришла путевка в Ленинградский педагогический институт им. Герцена на литературно-лингвистическое отделение. Ты у нас один со средним образованием. Сможешь учиться?

– Смогу, – храбро сказал я, – я литературу люблю. И даже стихи пишу. Да и техникум окончил с отличием.

– Ну, и молодец. Поезжай в Воронеж. Там при Дворце труда работает приемная комиссия.

Приехал в Воронеж. Был сентябрь. И комиссия свою работу уже закончила. Правда, меня успокоили:

– В пединституте идет дополнительный прием. Сдашь – поедешь в Ленинград. Так что не унывай!

Разговор этот был в конце недели. И в понедельник я поехал в пединститут сдавать экзамены. Написал сочинение. Довольный иду по проспекту. И вижу объявление: «Биофак ВГУ объявляет дополнительный прием». И тут меня словно кто-то толкнул: «Рискни!».

Пошел в университет, говорю, что закончил три курса техникума и хочу поступать на биофак.

– Пожалуйста, – говорят, – сдавайте документы.

А надо сказать, что к этому времени я прочитал книгу Б. М. Козо-Полянского «Введение в дарвинизм» и брошюру Б. А. Келлера «Как учиться в вузе». Вдобавок ко всему я познакомился со студентом университета энтомологом и поэтом Костей Гусевым, и он тоже по-

советовал мне идти на биофак. Словом, я стал сдавать экзамены одновременно в университете и пединституте. А когда встал вопрос о зачислении, безоговорочно выбрал биологию <…>

В общем, я увлекся ботаникой всерьез (этому способствовали и летние каникулы – два лета подряд я ездил на заработки: сначала в Тамбовскую область, затем в Хреновскую степь). В Хреновском заповеднике директорствовал тогда Николай Сергеевич Камышев. Заметив мое старание (а я, работая в заповеднике, нашел два новых вида молочая), Николай Сергеевич предложил мне должность научного сотрудника. Нетрудно понять, как лестно было мне, студенту, такое предложение. Тогда-то и начал я заниматься флорой Воронежской области.

Честно признаться, растения я знал не очень хорошо. Поэтому решил каждое утро, пока ребята спят (я жил вместе с Федором Марфиным и Ильей Цыганковым), совершать экскурсии в район ботанического сада («Ботаники», как говорили тогда в Воронеже).

Через какое-то время о моих поездках узнал Борис Михайлович Козо-Полянский:

– Говорят, вы ездите, растения изучаете?

– Езжу.

– Что же нашли?

Я рассказал о своем небольшом гербарии. Объяснил, зачем я эти поездки совершаю. Борис Михайлович слушал меня внимательно.

– Вы занимаетесь партизанщиной, – заключил он, когда я кончил свой рассказ. – У меня есть для вас тема. Наш ботанический сад (тогда так называли городской парк культуры и отдыха) – настоящая кладовая для ученого. Там масса экзотов. Прекрасные экземпляры культурных растений. Акклиматизатор Н. С. Тарачков великолепно знал свое дело. Вы слыхали о Тарачкове?

Я отвечал, что немного знаком с работами Тарачкова, заложившего в свое время на окраине Воронежа ботанический сад.

– Так вот. Нам надо основательно поработать. Наш парк культуры и отдыха сейчас только парк отдыха. А надо, чтобы он был и парком культуры. И знаете за счет чего? За счет дендрокультуры. Вы согласны работать?

– Согласен.

– Тогда извольте через неделю представить мне план работ.

Пришлось мне изрядно потрудиться. У парка культуры не было даже плана своей территории. Я достал карту-»верстку», установил границы парка, нанес их на карту вместе со строениями и дорогами. Разбил весь парк на квадраты, обнаружил в каждом квадрате немало экзотических растений, деревьев, кустов.

Когда работа была завершена, Борис Михайлович, ознакомившись с ней, сказал:

– Пишите путеводитель. Мы издадим его отдельной брошюрой. А я напишу предисловие.

Так всё и вышло. Один из студентов – Мстислав Вильчек – начертил по моей схеме план парка. Борис Михайлович написал предисловие, а через какое-то время я уже держал в руках первую крупную свою работу (четыре печатных листа). Было это в 1938/39 году. Я учился на пятом курсе, и путеводитель стал моей дипломной работой.

После второго курса мы должны были отправиться на лагерные сборы. А перед этим все «лагерники» перешли на определенный режим учебы: неделя – спецподготовка, две недели – общие занятия. На спецподготовке нашу группу объединили с группой ботаников – Марфиным, Лобачем, Цыганковым и другими. (Попутано замечу – готовили нас по военному делу очень основательно, и когда началась война, многие из студентов ВГУ были классными специалистами. А Володя Лобач, тот и вовсе после окончания университета стал профессиональным военным.)

Когда начались бои на Карельском перешейке, ушла на фронт большая группа студентов и преподавателей университета. Среди тех, кто попал в действующую армию, был и Владимир Лобач. С Володей мы учились на одном курсе. Высокий, симпатичный, красивый, Лобач неизменно пользовался успехом у девчонок-сокурсниц.

Впрочем, это не мешало ему на старших курсах отлично учиться. И уж совсем вне конкуренций оказывался Владимир Лобач. Во время занятий по военной подготовке, подтянутый, решительный, он являл собой образец командира Красной армии. И после окончания биофака Владимир Лобач был оставлен преподавателем на военной кафедре университета.

В сорок четвертом под Гомелем встретился на фронте с Алешей Федоровым. Алеша был уже капитаном. На груди поблескивали боевые ордена. Потом мы долго сидели у меня, и Алеша рассказывал о себе. Был он в то время начальником разведки штаба минометной бригады. Такая военная карьера моего университетского приятеля меня нисколько не удивила. Еще в университете Федоров блистал военной выправкой и несомненной тягой к армии. Его, студента зоолога, ребята даже звали по-военному «Комкор». И на военной кафедре у Федорова дела шли отлично. Был любимцем у преподававшего нам азы артиллерийского дела капитана Метелкина. Надо сказать, стрелял Федоров прекрасно. Как показательные стрельбы – вызывали Алексея. И он демонстрировал класс. Недаром после окончания университета ему, едва ли не единственному среди нас, присвоили звание лейтенанта (мы все были младшими лейтенантами). И вот нечаянная встреча в Белоруссии. Обменялись адресами и пошли воевать дальше.

…После войны я вернулся в университет.

Работать под руководством Бориса Михайловича Козо-Полянского было чрезвычайно интересно. Тема моей диссертации была связана с дендрологией. Николай Сергеевич Камышев как-то заметил:

– Что это за наука дендрология, если она не имеет своих закономерностей?

И я засел за выявление и формулирование закономерностей в этой области ботаники. В определенные часы (не реже раза в неделю) приходил к Козо-Полянскому домой. Борис Михайлович слушал меня всегда предельно внимательно. Подходил к полке с книгами:

– Вот почитайте. Вас это должно заинтересовать.

* * *

…В моем домашнем архиве хранится старая фотография с надписью «Экскурсия студентов IV к. Воронежская дубрава». Гляжу я на нее и вспоминаю ребят-сокурсников – ботаников и зоологов, таких разных, но во многом с похожей судьбой. Погибнет на фронте Кузя Бочаров, наш факультетский комсомольский вожак, активный, великолепный товарищ. И Струков Гриша с войны не вернется, и Вильчек, и Рыжков Петя, и Вася Григорьев. Петр Брусенцев пропал без вести. Вася Волков вернется без ноги, станет учителем, но война очень скоро достанет и его. Умрет рано. Вот держит тоненькую веточку в руках Федя Марфин. Война унесет всю его семью (помню, как пришел однажды Федя в общежитие и сказал: «Всё, Сережа, ухожу от тебя. Женюсь»). И сам Марфин погибнет, освобождая Украину. А это Сергей Иосифович Петрович. Называю по имени и отчеству, поскольку был Петрович опытнее и постарше нас, имел уже семью и звали мы его именно так – Сергей Иосифович. Сергей Иосифович был незаурядным человеком, и Борис Михайлович Козо-Полянский прочил ему большое будущее. На фронте Петрович был политработником. Вернулся. Работал в ботсаду. Но оправиться от потрясений войны так и не сумел. А с Дмитрием Польским я встретился в сорок шестом в Москве. Возвращаясь из армии в Воронеж, решил в Москве сходить в Большой театр. Шла «Раймонда» с Майей Плисецкой. В антракте кто-то хлопает меня по плечу. Смотрю – Митя. Рассказам о войне (Польский был в годы войны на партработе), о сокурсниках не было конца. Володя Лобач стал подполковником, после войны работал директором средней школы в Ленинграде, сейчас на пенсии, но продолжает посильно трудиться.

Вася Богачев был доцентом и зав. кафедрой ботаники пединститута в Ярославле, Верочка Менжулина учительствует в Павловске, Галя Каневская (простите, Галина Сергеевна) много лет была ст. преподавателем университета, кандидат биологических наук, сейчас на пенсии. Оля Кокушкина, Тамара Васильцова… Милые молодые лица. А сфотографировал нас тогда (1937 г.) Николай Сергеевич Камышев. Сидим, улыбаемся. И никто не ведает своей судьбы.

Летом сорок восьмого я пришел к Козо-Полянскому с конспектом «Дендрофлора Воронежской области в систематическом и географическом отношениях». Просмотрев мои записи, Борис Михайлович удовлетворенно сказал:

– Диссертация у вас в кармане. Пишите выводы.

Написал выводы – вновь иду по знакомому адресу.

Честно предупреждаю:

– Только саму работу я еще не полностью написал.

– Читайте, читайте!

Читаю. Борис Михайлович ходит по комнате:

– Хорошо! А вот здесь надо кое-что уточнить.

Тут я должен сделать небольшое отступление. До сих пор, вспоминая о Борисе Михайловиче, говорят о его недоступности, резкости суждений. А мне он запомнился демократичным по своей натуре человеком.

– Деточки! Если по ходу лекций будет что-то непонятно, поднимайте руки! – так начинал он чтение своих курсов «Общая ботаника» и «География растений».

Это были чрезвычайно интересно читаемые курсы – новизна, эрудиция, эмоциональная связь с аудиторией.

– Что, деточка? Что-то непонятно? Сейчас разберем.

Борис Михайлович добивался, чтобы его не просто слышали, но и понимали, успешно осваивали материал.

Сергей Машкин

Печатается по: *Машкин С. И.* Мой путь к знаниям и науке. Воронеж, 2005.

Валентин Пименович

МЕЛЕШКО

(1911–1978)

Доктор химических наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР.

Специалист в области хроматографии, создатель научной школы в области ионного обмена. С 1975 года – руководитель проблемной научно-исследовательской лабораторией хроматографии ВГУ.

Окончил химический факультет ВГУ (1939). В 1938–1940 годах ответственный секретарь спортивного общества «Наука» при Воронежском областном комитете профсоюза высшей школы и научных учреждений. С 1940 года научный сотрудник специальной химической лаборатории, ученый секретарь совета ВГУ. В 1941–1947 годах служил в армии, участник Великой Отечественной войны, майор. С 1947 года ассистент, доцент, профессор, заведующий (с 1961) кафедрой аналитической химии, ректор (1965–1972) ВГУ. В 1959–1961 работал заведующим кафедрой общей и аналитической химии Воронежского технологического института.

УЧЕНЫЙ И ОРГАНИЗАТОР НАУКИ

Валентин Пименович Мелешко родился в 1911 году в городе Конотопе Сумской области в рабочей семье. В 1925 году он вместе с родителями переехал на постоянное место жительства в Воронеж. После окончания средней школы он начал работать на кирпичном заводе «Глинозём» рабочим. С молодых лет он привык быть первым. Вначале его увлек спорт. Валентин Пименович и его брат Григорий стали одними из лучших лыжников города и области, а затем виртуозом – мотоциклистом, выступая под куполом Воронежского цирка и в аттракционе «Гонки по вертикальной стене». Следующей страстью, определившей его жизнь, стала химия. В 1933 году он поступил в ВГУ на первый курс химического факультета, который только что был образован. После его окончания в 1939 году Валентин Пименович был оставлен научным сотрудником.

С первого дня Великой Отечественной войны и до Дня Великой Победы В. П. Мелешко служил в рядах Советской армии. Его заслуги были отмечены орденами «Красной Звезды», «Отечественной войны второй степени» и медалями. После окончания войны и демобилизации В. П. Мелешко сразу приступил к преподавательской работе в ВГУ в качестве ассистента.

Следует отметить, что Валентин Пименович два года после окончания войны служил в советских войсках на территории Германии. А там специальная бригада советских ученых занималась поисками следов того, как немцы работали над созданием атомного оружия. В поле зрения бригады оказалась книга венгерских химиков Цехмейстера и Чолноки, опубликованная в середине тридцатых годов, в которой говорилось об исследованиях русского ученого Михаила Семеновича Цвета в области хроматографии. Эта книга вывела

Валентина Пименовича на работы Цвета и открытый им способ разделения и анализа веществ. Мелешко посвятил хроматографии и ионообменникам всю свою жизнь, создав в Воронеже научную школу, к которой я имею честь принадлежать.

В ВГУ при кафедре аналитической химии была образована секция «Ионнообменная технология» Научного совета по хроматографии АН СССР, которую с начала образования и до 1979 года возглавлял В. П. Мелешко.

В. П. Мелешко собрал сведения не только о педагогической и научной деятельности М. С. Цвета в Воронеже, но и установил предполагаемое место и дату захоронения ученого. На стене дома, во флигеле которого проживал последние годы Цвет, по ул. Батурина, 18, установлена мемориальная доска. В настоящее время на месте захоронения основателя хроматографии (в Акатовом монастыре) усилиями К. И. Сакодынского и с помощью воронежских ученых-ионитчиков установлена памятная стела с надписью: «Ему дано открыть хроматографию, разъединяющую молекулы и объединяющую людей».

За годы своей научной деятельности с 1947 по 1959 год Валентин Пименович провел оригинальные исследования в области синтеза ионитов, динамики ионного обмена, разработал теорию послойного расчета поглощения ионов ионитами в динамических условиях. Работа о связи распределения ионов в фильтрующем слое хроматографической колонны с видом выходных кривых была опубликована в «Докладах Академии наук» (1955, Т. 102, № 5). Следует отметить, что в эти и последующие годы у Валентина Пименовича сложились тесные научные и дружеские отношения со многими ведущими учеными Советского Союза, работающими в области теории и практики ионного обмена. Это прежде всего К. В. Чмутов, В. В. Рачинский, К. М. Ольшанова, М. М. Сенявин, В. И. Горшков, А. Б. Пашков и другие ученые – москвичи; Г. В. Самсонов (Ленинград); А. Т. Давыдов, Ю. В. Шостенко (Харьков); Г. Л. Старобинец (Минск); В. С. Пахолков (Свердловск); Д. С. Гайбакян (Ереван). Можно полагать, что такие тесные научные контакты способствовали научному росту самого В. П. Мелешко.

В 1963 году Валентин Пименович защитил докторскую диссертацию, и ему было присвоено ученое звание профессора. Под руководством Мелешко (а в большинстве случаев при его непосредственном участии) разработаны теоретические основы получения высокоомной воды; очистки хромсодержащих сточных вод гальванических цехов; локальной очистки отработанных электролитов гальванических ванн и возврата в производство ионов переходных металлов; рекуперации отходящих газов промышленных предприятий; очистки сахарных растворов и сиропов, маннита, глицерина, лимонной, винной, молочной кислот. Много работ В. П. Мелешко было посвящено вопросам оптимизации ионообменной технологии и применения ее в целях защиты окружающей среды от загрязнений. Он был одним из первых ученых-ионитчиков страны, который стал рассматривать воду как активный компонент ионообменных процессов, определяющий селективность сорбции.

Проведение систематических теоретических исследований под руководством В. П. Мелешко привело к решению ряда практических задач. На предприятиях страны было внедрено более 50 ионообменных и мембранных установок, многие из которых были прорывом в технологии и явились «научным сюрпризом» для исследователей страны. Это первая в СССР промышленная установка на Воронежском заводе радиодеталей по получению глубоко обессоленной воды. Ее отличительными особенностями были: применение высокоосновного анионита АВ-17 для сорбции солей слабых кислот, в том числе кремневой кислоты; применение смешанного слоя катионита и анионита на финишной стадии очистки воды. Следует отметить, что работы по получению глубоко обессоленной воды в промышленных условиях велись и в НИИ пластмасс (Москва) под руководством доктора химических наук Кирилла Максимовича Салдадзе. Поэтому для него успех коллектива под руководством Валентина Пименовича послужил на многие годы причиной возникновения мелких конфликтов по отношению к ионитчикам из Воронежа.

В 1960-е годы сотрудниками НИИ химии ВГУ разработаны и внедрены в производство: установки ионитные по осветлению сахарных сиропов на Краснопресненском сахаро-рафинадном заводе им. Мантулина, на Слуцком, Тульском, Уссурийском сахарных заводах (отдел Геннадия Афанасьевича Чикина); установка по промышленному извлечению хрома из сточных вод и электролитов гальванического производства на Елецком заводе тракторных гидроагрегатов (отдел Лидии Петровны Евсиковой); ионообменная установка по очистке растворов лимонной кислоты на Белгородском заводе и молочной кислоты на Задубровском заводе Рязанской области (отдел Инны Павловны Шамрицкой).

Под руководством В. П. Мелешко защищены одна докторская (Александр Аронович Мазо) и более 20 кандидатских диссертаций. Он умел использовать лучшие черты в характере своих учеников и создавал возможности для их научного и служебного роста. Диссертанты первой волны: В. Б. Войтович, Г. А. Чикин, О. Н. Мягкой, О. В. Червинская – были руководителями (в разное время) НИИ химии, созданного Валентином Пименовичем. Особым вниманием у Мелешко пользовался созданный им отдел (руководитель – доцент Инна Павловна Шамрицкая) «Теория ионного обмена». После обучения в аспирантуре мне посчастливилось работать в этом отделе в должности инженера, младшего научного и старшего научного сотрудника, а после защиты кандидатской диссертации – и в должности начальника этого отдела. «Поставщиком» кандидатов наук второй волны явился именно «Отдел теории ионного обмена»: Надежда Александровна Полухина, Раиса Федотовна Камбарова, Валентина Андреевна Углянская, Маргарита Васильевна Рожкова, я, Марианна Викторовна Матвеева, Людмила Филипповна Науменко.

Наряду с ними были защищены кандидатские диссертации и сотрудниками других отделов НИИХ ВГУ: Александром Егоровичем Серебряковым, Надеждой Сергеевной Анпиловой, Еленой Васильевной Ивановой, Татьяной Антоновной

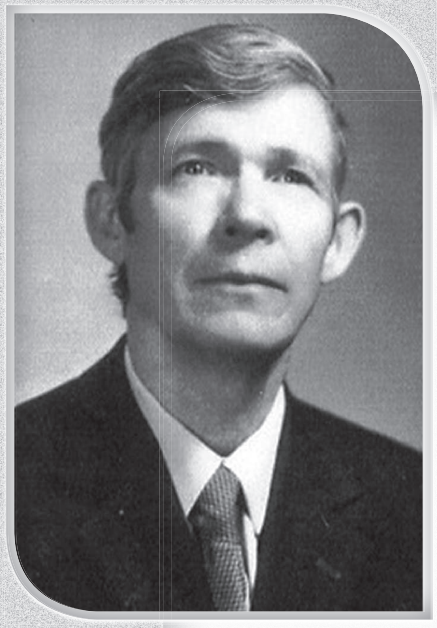
Клочковой, Галиной Лазаревной Грановской, Лидией Петровной Евсиковой, Нелли Семеновной Куролап.

В 1965 году Мелешко стал ректором ВГУ и был им до 1972 года. Это были очень успешные годы работы университета: учреждению было присвоено имя Ленинского Комсомола. За успешную подготовку научных и педагогических кадров в течение многих лет ВГУ был награжден орденом Ленина. Сам Валентин Пименович был награжден орденом «Знак Почета» и орденом Ленина.

Одной из важных вех деятельности В. П. Мелешко стала организация совместных работ с зарубежными коллегами. Особенно важными стали контакты с университетом Мартина Лютера в городе Галле (ГДР), которые не ограничились только химическим факультетом. К общей работе были привлечены преподаватели филологического, исторического, физического, биолого-почвенного, романо-германской филологии факультетов. В нашем вузе проходили обучение немецкие студенты, которые за все годы учебы получали только отличные оценки. За большой вклад в развитие Международного сотрудничества В. П. Мелешко был удостоен звания «Почетный доктор Университета Мартина Лютера», а ВГУ награжден орденом «Знамя Труда» Германской Демократической Республики.

Валентин Пименович впервые в истории Воронежа организовал Всесоюзную научную конференцию по ионному обмену, традиции которой продолжаются до сих пор. В 2011 году прошла очередная XIII Международная научная конференция «ИОНИТЫ–2011». В. П. Мелешко организовал выпуск в Воронеже первого регулярно выходящего сборника «Теория и практика сорбционных процессов», выдержавшего 26 изданий. Можно без лукавства сказать, что Валентин Пименович был одним из тех людей, которые смыслом всей жизни считали науку. Он воспринимал свою миссию как систематический, целенаправленный, повседневный, творческий, организованный поиск. Служению этому он отдавал себя всего. В стратегическом плане научного предвидения Валентин Пименович был безупречен.

Владимир Селеменев

Федор Николаевич

МИЛЬКОВ

(1918–1996)

Доктор географических наук, профессор, заслуженный деятель наук РСФСР, почетный член Российского географического общества.

Сфера научных интересов: теория, методология и практика ландшафтоведения, методы изучения ландшафтов; один из основателей антропогенного ландшафтоведения, разработал учение о ландшафтной оболочке Земли, внес большой вклад в ландшафтное и физико-географическое районирование и картографирование, предложил систему парагенетических ландшафтных комплексов, организовал широкомасштабные исследования ландшафтов Центрального Черноземья.

Окончил географический факультет Московского областного педагогического института (1938). В 1941–1950 годах преподаватель, доцент, профессор, заведующий кафедрой географии Чкаловского пединститута.

С 1950 года профессор, заведующий кафедрой физической географии ВГУ. Председатель Воронежского отдела Всесоюзного географического общества.

ГЕН ПРОСТРАНСТВА

Пожалуйста, послушайте: «В самое сухое, знойное лето, когда рыжеют выгоревшие на пойме луга, а дубравы начинают отливать ранней желтизной, черноольшаники поражают своей сочной темной зеленью. Крупные клейкие листья черной ольхи, блестящие на солнце, всегда свежи и кажутся только что вымытыми дождем».

Или: «Первый снег всегда кажется неожиданным. Еще вчера за окном темнела иссеченная осенними дождями зябь, по-весеннему зеленела озимь, а сегодня – крутая белая равнина. Но первый снег – еще не зима».

Откуда это?

А это – тексты из книги «Воронежские дали», вышедшей первым изданием в 1976 году. Их автор Федор Николаевич Мильков, профессор, доктор географических наук, заведующий кафедрой физической географии Воронежского университета.

Пройдет несколько лет, и Федор Николаевич скажет декану:

– Всё! Ухожу на пенсию. Не хочу спрашивать у студентов: «На каком месте я прошлый раз остановился?»

– Ну что вы, Федор Николаевич, – скажет декан, – у вас такая светлая голова. И вы нам так нужны…

Но Федор Николаевич поглядит на декана грустно, покачает седой головой и… уйдет.

Уйдет, пожалуй, самый выдающийся ученый географического факультета. Заслуженный деятель науки России. Обладатель Золотой медали Географического общества имени П. П. Семенова-Тян-Шанского и Большой памятной медали Всероссийского общества охраны природы. Автор пятисот с лишним работ. Автор книг и статей, переведенных на английский, болгарский, китайский, вьетнамский, немецкий, польский, французский, узбекский и эстонский языки.

В архиве Федора Николаевича – любезные приглашения к сотрудничеству с редакцией Большой советской энциклопедии.

Достопочтенному господину Милькову заказывает статьи Британская энциклопедия.

С ним ведут переписку выдающиеся ученые – академики Л. С. Берг, А. А. Григорьев, С. В. Калесник, К. К. Марков, В. Н. Сукачев, член-корреспондент АН СССР Н. Н. Баранский, профессора Д. Л. Арманд и Г. Д. Рихтер из Института географии.

Все – имена значительные.

А себя Федор Николаевич фигурой значительной не считал. Был максимально демократичен и прост. К коллегам по работе исключительно на «Вы». Супруг товарищей по работе только по имени-отчеству. Детям и внукам сотрудников по кафедре – нехитрые сладости. И всем – добрые слова.

В экспедициях – наравне со всеми.

В быту аскет. Дома – ничего лишнего. Простая обстановка, простая еда.

Любил работать в собственном саду на Острогожской. Выращенное с удовольствием раздаривал.

А между тем в тридцать лет Мильков уже доктор наук – случай для географов довольно редкий.

* * *

В таежной глухомани Северо-Двинской губернии на водоразделе рек Юг и Вохма приютилась деревня Доровая в сорок домов. 17 февраля 1918 года здесь в семье многодетного крестьянина Николая Алексеевича Милькова и его жены Федосьи Родионовны родился мальчик, которого назвали Федором. Родители не умели читать и писать. Но главному они своих детей научили – трудолюбию, упорству, целеустремленности.

В начальную школу Федя пошел с шести лет. В удостоверении об окончании ее было сказано, что Федор Мильков проявил «особую склонность к арифметике, естествознанию и сочинениям на свободную тему».

Давайте запомним – проявил склонность к «сочинениям на свободную тему».

Много лет пройдет, и известный ученый Федор Николаевич Мильков введет в научный обиход термин «художественное ландшафтоведение». Когда Федора Николаевича спрашивали, что это, он объяснял примерно так: умение с помощью художественного слова представлять явления природы и ландшафты.

Мы не случайно свой очерк о профессоре Милькове начали с цитат из его научных работ «Черноольховые топи» и Белый покров земли». Это – не художественная литература, это – научные трактаты. Но написаны так, что читать интересно и не специалисту.

Последняя работа Федора Николаевича – «География и художественная литература: границы взаимопроникновения». Статья осталась в рукописи – не успел профессор Мильков ее опубликовать. Здесь он возвращается к проблеме, с которой, в сущности, начинался путь будущего знаменитого ученого в науку: в сорок

седьмом в журнале «География в школе» вышла статья Милькова на эту тему. Писателя, по мысли Милькова, привлекают образцы природы для передачи нужного настроения героя, для создания необходимой эмоциональной атмосферы. Писатель субъективен, ибо он – художник. Ученый смотрит на природу как на объект исследования, но это не значит, что он должен быть сух и невыразителен.

«В трактовке образа места как метода выражения пейзажа, – писал Мильков, – и у писателей, и у географов нет расхождений. Взгляд географа не отличается от того, что говорил К. Г. Паустовский: “Нужно проверять каждый образ с трех точек зрения: точности, простоты и свежести”. Известное утверждение П. П. Семенова-Тян-Шанского: художник субъективен, географ объективен – вряд ли кто станет оспаривать, но к подлинному художественному ландшафтоведению оно неприменимо».

Перелистайте работы Федора Николаевича – в них ссылки на Аксакова, Толстого, Пришвина, Тургенева, Чехова Арсеньева…

Мильков знал и любил русскую классическую литературу. И, как ученый, подпитывался ею…

После начальной школы была Лапшинская школа колхозной молодежи. В четырнадцать лет Федор Мильков начинает вполне самостоятельную жизнь – поступает в школу фабрично-заводского ученичества треста «Мособлполиграф» и получает пятый разряд печатника.

Заметьте – из всех рабочих профессий крестьянский сын неграмотных родителей выбрал ту, что вела к книге.

В сентябре тридцать четвертого юный Мильков поступает на географический факультет Московского областного педагогического института.

Почему выбрана география? А давайте вспомним, что происходило в те годы в молодом Советском Союзе.

Героическая эпопея по спасению челюскинцев.

Начало освоения Северного морского пути.

Дальние перелеты летчиков.

Освоение необжитых районов Сибири и Дальнего Востока…

География была наукой, прокладывающей дорогу в будущее, и Федор Мильков шел со страной по этой дороге.

Второкурсник Мильков работает в комплексной Калининской экспедиции и готовит свои первые статьи. Перейдя на старшие курсы, становится руководителем полевой практики, одновременно работает учителем географии в средней школе № 38 города Москвы.

Мильков попал в хорошие педагогические руки. В институте читали лекции Г. Д. Рихтер, В. С. Говорухин, Г. В. Горбацкий и другие известные ученые, которые нс только умели передавать своим питомцам теоретические знания, но и прививали любовь к полевым исследованиям.

В институте Мильков возглавил научно-исследовательский студенческий кружок кафедры физической географии, часто выступал с докладами, принимал

участие в работе географической станции, организованной географическим факультетом Московского областного педагогического института (МОПИ) для проведения полевой практики студентов-географов и биологов вблизи села Мягково Рамонского района Московской области.

Первые работы Милькова связаны с геоботаникой: «Крапива как дикорастущее текстильное растение, ее разновидности и географическое распространение», «Жизненное поле и флюктуация», «Изучение подмосковных древесных и кустарниковых пород по листьям». Последние две статьи были опубликованы в «Ученых записках МОПИ» в 1939 году за подписями Ф. Милькова и В. Говорухина. Сотрудничество с В. С. Говорухиным будет продолжено и после войны: в пятьдесят первом выйдет их совместная работа «Леса восточной части Великолукской области», основанная на оригинальном материале, собранном учеными во время работы в Калининской комплексной экспедиции.

В тридцать восьмом Федор Николаевич Мильков получил диплом первой степени, свидетельствовавший об окончании им географического факультета. Ему дают рекомендацию в аспирантуру. И в двадцать лет Мильков становится аспирантом Нучно-исследовательского института географии Московского университета.

Учась в аспирантуре, Федор Николаевич возглавляет один из отрядов Рязанской комплексной экспедиции Академии наук, работавший в Подмосковье. Два предвоенных года уходят на полевые исследования в бассейне реки Пары и на Паро-Пронском междуречье. Результат этой работы – несколько статей и кандидатская диссертация, защищенная досрочно – летом сорок первого, – «Опыт характеристики ландшафтных районов северной лесостепи (на примере реки Пары и Паро-Пронского междуречья)».

Двадцатитрехлетний кандидат наук получает направление в Чкаловский педагогический институт. Здесь Федор Николаевич работает сначала доцентом, а затем заведующим кафедрой географии, деканом географического факультета. Здесь же получает звание профессора.

Получению высокого звания предшествовала плодотворная научно-исследовательская работа. Молодой ученый, возглавляя партию треста «Южуралуглеразведка», изучает торфяники Чкаловской области, проводит геоморфологические исследования Общего Сырта, собирает и изучает полевой материал, архивные данные. Южный Урал покрыт густой сетью маршрутов экспедиции, возглавляемой Федором Николаевичем.

Появляются первые книги Милькова, связанные с работой экспедиции: «Чкаловские степи» (1947), «С экскурсией по Чкаловской области» (1949), «От горы Вишневой до Каспийского моря» (1950), «Очерки географии Чкаловской области» (1951).

Удивительная работоспособность! Академик Л. С. Берг обратил внимание на книгу Милькова «Чкаловские степи» и рекомендовал ее для чтения всем географам.

Изучением природы Оренбургского края занимались выдающиеся ученые – П. И. Рычков, Э. А. Эверсманн, С. С. Неструев. Федор Николаевич обращается к изучению их наследия, труд этих людей достоин подражания.

Книга Милькова «Естествоиспытатели Оренбургского края» (1948) вызвала большой интерес у читателей. Л. С. Берг в письме Федору Николаевичу называет эту книгу прекрасной и добавляет: «Хорошо, что Вы отметили заслуги Эверсманна в области географии, об этом мало кто знает. Ваша оценка его трудов, и в частности географических, вполне правильна». Ю. Г. Саушкин в курсе лекций «История и методология географической науки» (1976) напишет: «Только в конце 1940-х годов Ф. Н. Мильков заново “открыл” Эверсманна как географа-комплексника, как эколога, как автора труда о природном районировании большого края».

«Естествоиспытатели…» были первой работой Федора Николаевича в области истории географии. В сорок девятом в Москве выйдет книга Ф. Н. Милькова «Оренбургские степи в трудах П. И. Рычкова, Э. А. Эверсманна, С. С. Неструева», в которой ученый из Оренбурга-Чкалова даст развернутый синтез трудов этих выдающихся ученых.

Отметим – ученый, работающий в провинции (пусть даже и столичной выучки), не просто активно работает (кроме книг выходят в эти годы и многочисленные статьи Федора Николаевича), но и привлекает к себе внимание нестандартными научными подходами.

Статья «О явлении вертикальной дифференциации ландшафтов на Русской равнине» (1947) обратила на себя внимание новизной идеи, в ней содержащейся: Мильков утверждает, что не абсолютная высота местности и вызванные ею изменения климата играют решающую роль при дифференциации ландшафтов, а расчлененность рельефов, геолого-геоморфологические условия местности.

Еще большим новаторством отличалась другая статья Федора Николаевича – «О понятии физико-географического ландшафта и системе ландшафтных единиц» (1948), – в которой Мильков дает новое определение ландшафта. В то время в географической литературе безраздельно господствовал взгляд на географический ландшафт как на территориально ограниченный участок. Федор Николаевич развивает идею о том, что ландшафт – общее понятие. Новое определение ландшафта вызвало широкую полемику в печати. Сегодня точка зрения Милькова принята многими учеными.

Надо сказать, взгляды Федора Николаевича не всегда встречали положительный отклик. Памятна его дискуссия начала пятидесятых годов с академиком Л. С. Бергом о некоторых аспектах природы лесостепной зоны. Невзирая на высокий научный авторитет своего оппонента и дружеские контакты, Федор Николаевич последовательно отстаивал свою точку зрения.

Да и как было ее не отстаивать, если она лежала в основе докторской диссертации Федора Николаевича Милькова «Лесостепи Русской равнины», блестяще защищенной в сорок восьмом году в Институте географии Академии наук СССР.

* * *

Тридцатилетний ученый становится доктором географических наук и профессором. Авторитет завоевал, признание состоялось.

Из Москвы, Львова, других университетских центров идут на имя Федора Николаевича телеграммы с просьбой дать согласие принять руководство кафедрой физической географии.

Неизвестно, как сложилась бы судьба профессора Милькова, ни встреться он с тогдашним ректором Воронежскою университета Николаем Петровичем Латышевым.

Напористый Латышев был краток:

– Федор Николаевич! Вы пишете о лесостепи Русской равнины. А Воронеж – центр этого края. Где же вам еще жить и работать?

И Мильков переехал в Воронеж, возглавил в пятидесятом кафедру физической географии.

Ф. Н. Мильков погружается в работу – организует многочисленные экспедиции по Черноземью и прилегающим к нему областям: Московской, Владимирской, Брянской, Саратовской, Волгоградской.

Худощавый, жилистый, он в экспедициях не дает себе слабинки – работает наравне со всеми. Впрочем, и всем слабины не даст. Да и как отставать от немногословного своего руководителя, если тот встает с рассветом и неутомимо работает допоздна! Мы не раз бывали в экспедициях вместе с Федором Николаевичем, и нас всегда поражала огромная внутренняя сила, невероятная воля, поддерживавшая этот, казалось бы, тщедушный организм.

Много позже, когда Федор Николаевич тяжело заболел и ему пришлось перенести две сложнейшие операции, мы вновь убедились в силе духа профессора. В больнице, когда пришел черед идти в операционную, Федор Николаевич встал с койки и, отвергнув каталку, отправился, как он выразился, «в лапы этих злодеев» самостоятельно. Это было проявление той внутренней силы, которая всегда отличала Милькова: Федор Николаевич даже мысли не допускал, чтобы кто-то увидел его слабость…

Воронежский университет шефствовал в те годы над Гремяченским районом. Профессор Мильков подключается к комплексным исследованиям, проводимым там, и одновременно объединяет усилия своих коллег по исследованию ЦЧО. В университете постепенно складывается научная школа в области теоретической и прикладной ландшафтной географии.

Начинается работа, о которой один из ведущих ландшафтоведов страны А. Т. Исаченко напишет: «Особое направление в ландшафтном картировании представлено группой Воронежского университета во главе с Ф. Н. Мильковым. А К. Ефремов на Всесоюзном совещании в 1964 году скажет с трибуны: «И для гор нужен свой Мильков».

Мильковы нужны не только для гор и не только в географии.

В своей последней статье Федор Николаевич писал: «Ген пространства, заложенный в каждом человеке, если он только не Илья Обломов, для любого под-

линного географа, а еще более – представителя художественного ландшафтоведения – превращается в императив пространства. Невозможно создать образ того, чего не видел собственными глазами».

Своими глазами Федор Николаевич видел многое. И успел о многом рассказать и многое сделать.

В Большой советской энциклопедии Воронеж назван среди крупнейших центров физико-географических исследований в нашей стране.

Это – заслуга Милькова.

В 1983 году в сборнике «Научные школы в географии, изданном в Москве, помещена статья «Формирование Воронежской ландшафтной школы».

Это – заслуга Милькова.

В географии появилось новое направление – антропогенное ландшафтоведение.

Это – заслуга Милькова.

В Башкортостане, Узбекистане, Крыму, Тюменском и Тамбовском университетах, Омском пединституте работают высококвалифицированные специалисты в области физической географии.

Это – заслуга Милькова.

Тридцать один год (с 1955 по 1986) возглавлял профессор Мильков Воронежский отдел Географического общества СССР.

По инициативе Федора Николаевича, под его редакцией и при его непосредственном участии вышла серия книг «Примечательные ландшафты ЦЧО»: «Каменная степь», «Калачская возвышенность», «Подворонежье», «Окско-Донское плоскопястье», «Донское Белогорье». В газете «Коммуна» в 1973-м он вел раздел «Воронежские дали».

И книги, книги, книги… «Человек и ландшафты» (1973), «Основные проблемы физической географии» (два издания – 1959 и 1967), «Словарь-справочник по физической географии» (два издания – 1960 и 1970) «Терминологический словарь по физической географии» (в соавторстве с А. В. Бережным и В. Б. Михно, 1993).

Называем, естественно, далеко не все из пятидесяти монографий, учебных пособий, созданных Федором Николаевичем единолично или в сотрудничестве с коллегами. А ведь были и обычная работа в аудитории, и депутатство в городском совете, и работа на кафедре…

И всюду Федор Николаевич Мильков поспевал.

Вероятно, поэтому нам его сегодня так не хватает.

Владимир Михно, Анатолий Нестеров, Владимир Федотов

Печатается по: Университетская площадь: Очерки. Воспоминания. Воронеж, 1998. С. 115–130.

Борис Иванович

МИХАНТЬЕВ

(1907–1998)

Доктор химических наук, профессор.

Участник Великой Отечественной войны, участвовал в боях под Воронежем.

Специалист в области органической химии, лесохимии.

Окончил химическое отделение естественного факультета Оренбургского государственного педагогического института (1935). В 1938–1941, 1946–1949, 1951–1952 годах доцент, заведующий кафедрой химии лесотехнического института в городе Йошкар-Ола (Марийская АССР). В 1949–1951 годах докторант Института органической химии Академии наук СССР. В 1952–1953 годах заведующий кафедрой химии Воронежского лесотехнического института.

В ВГУ работал в 1953–1998 годах, в 1953–1965 годах ректор ВГУ (за это время университет стал многофакультетным вузом с вновь созданной научно-технической и материальной базой), в 1965–1984 годах заведующий кафедрой и руководитель проблемной лаборатории химии высокомолекулярных соединений ВГУ.

ТВОРЯЩИЙ ВРЕМЯ

В разгар кампании 1998 года по выборам ректора шел домой с одним из своих коллег, обсуждали шансы кандидатов.

– Да-а, – вздохнул спутник, – жаль, что нельзя больше выбирать Бориса Ивановича Михантьева. Такие ректоры бывают один раз в сто лет.

И мы замолчали – каждому было, что вспомнить о том времени, когда во главе университета стоял Михантьев, человек, которому университет был обязан не только своим бурным развитием со второй половины пятидесятых годов, но и своей духовностью, тем неповторимым уровнем интеллигентности, который заметно выделял ВГУ среди других вузов региона.

Во второй половине девяностых годов в публицистике, в академических и вузовских дискуссиях все настойчивее звучит тоскливый лейтмотив об исчезновении российской интеллигенции, которая когда-то была носителем духовности, совестливой поборницей нравственности, сподвижницей научного прогресса, опорой интеллектуальной славы Отечества, движущей силой просвещения. Может быть, с научной социологической точки зрения мнения и разговоры об исчезновении интеллигенции как своеобразного социального слоя не отличаются строгой корректностью, но действительно что-то истаивает. Уходит то поколение, которое, духовно и интеллектуально формируясь в трудные двадцатые – тридцатые годы, пройдя «сороковые-пороховые», несло в себе заряд бескорыстного и неугасимого служения родине, народу, просвещению, науке. Оно совершило в невероятно сложных исторических обстоятельствах беспримерный гражданский подвиг, нередко даже не осознавая этого, – выдвинув Россию на одно из ведущих мест в мире по масштабам и достижениям в науке и просвещении.

Неслучайно, когда так неустойчиво социальное бытие большинства, когда падает статус образования, науки, честного труда, культуры, бескорыстного интеллекта и элементарной порядочности, многие ищут опору в той интеллигенции, которая была вызвана к жизни глубокими социальными сдвигами, продолжала просветительские традиции русской демократической интеллигенции, воплощала в себе прорыв к свободе и свету широких народных слоев.

Воронежский университет обязан больше всего этой интеллигенции. Среди них особое место занимает Борис Иванович Михантьев. Он был ректором университета в 1953–1965 годах. Прошли десятилетия, сменилось несколько ректоров, каждый из которых внес свой вклад в развитие одного из ведущих вузов России. Но до сих пор университетский коллектив считает Бориса Ивановича неоспоримым эталоном ректора. По его «мерке» воспринимают и оценивают руководителей вуза. В его опыте, стиле деятельности пытаются искать – и часто находят! – ответы на мучительные проблемы высшей школы и загадки жизни в современных условиях, не очень восприимчивых к образованию и науке.

Путь Бориса Ивановича Михантьева, выходца из бедных слоев оренбургского казачества, в Воронежский университет был долгим и проходил по разным дорогам. И учительство в начальной школе (Борис Иванович нередко вспоминал, что приходилось ему, учителю, ходить в лаптях), и студенческие годы, и аспирантура, и работа в Саранском пединституте, и защита кандидатской диссертации. А самое памятное – фронтовые дороги: сначала на Восток (гнетущее отступление) потом на Запад, к победе. И те и другие – тяжелые и кровавые. После воины – возвращение в науку, к студентам, докторантура в академическом институте, блестящая защита докторской диссертации и – заведование кафедрой химии в Воронежском лесотехническом институте. Ученый и педагог Борис Иванович не стремился к руководящей работе, но и не уклонялся от вызова судьбы, умея противопоставить ей свою волю и характер.

В начале пятидесятых годов Воронежский университет в очередной раз вышел на путевую развилку. Его база, разрушенная в годы войны, не была полностью восстановлена. Казалось, ресурсов для развития не было, и ВГУ была уготована участь заштатного провинциального вуза, который лишь по традиционной формальности именуется университетом. Но недаром говорят: «Время делают люди». Следует, правда, уточнить: какие люди и какое время.

В сентябре 1953 года Михантьев был назначен ректором ВГУ. О своем назначении Борис Иванович рассказывал так:

«В августе пятьдесят третьего меня вызвали в Министерство высшего и среднего образования СССР. Заместитель министра М. А. Прокофьев сказал, что меня рекомендуют на должность ректора ВГУ:

– Вы самый молодой (46 лет) ректор университета СССР. Работайте по-молодому и с доброй отдачей.

19 сентября в Воронеж приехал инспектор Министерства, привез приказ о назначении за подписью министра В. П. Елютина и доверенность на распоря-

жение финансами и ценностями ВГУ. На 15 часов назначили заседание Ученого совета. Инспектор ушел в гостиницу, и мы с Николаем Петровичем Латышевым, прежним ректором, остались вдвоем для приватного разговора. Говорили о кадрах, строительстве и многих нуждах университета.

Заседание Ученого совета проходило в кабинете ректора.

Все тридцать семь его членов явились на “смотрины”… Посыпались вопросы: когда будет строиться новый корпус, сколько денег и оборудования университету запланировано и многие другие…

Я ответил так:

– Дайте срок до конца октября, разберемся, обговорим всё в университете, Обкоме партии, Министерстве. Вносите ваши предложения.

В сентябре – октябре пятьдесят третьего напряженно работали над планом работы. В конце октября провели собрание, на котором были представлены все подразделения университета. В заключительном слове я сказал:

– Предложенная программа-минимум рассчитана на 12 лет и будет выполнена, если вы, товарищи, одобрите и примете реальное участие в ее выполнении, постепенном, но неуклонном. Предлагаю голосовать.

Из 400 присутствующих 350 – “за”, остальные – “против” или воздержались.

Таковы были мои первые шаги в университете».

Хочу подчеркнуть – Михантьева направили как бы со стороны, не из университетской среды. Он был назначен сверху. Недемократично по нынешним понятиям. Но Борис Иванович был встречен университетским коллективом и принят как свой (а это, между прочим, не так просто), без обычной в таких случаях настороженности. Хорошо помню то время. Казалось бы, тс же самые кафедры, аудитории, коридоры, лаборатории, тс же сотрудники, что работали ранее, но явно почувствовалось какое-то новое притягательное энергетическое поле. Складывалась новая творческая атмосфера.

Прежде всего поразили удивительный демократизм нового ректора, его неподдельная заинтересованность в каждом человеке, естественная и неизменная ровность в отношениях со студентами и профессорами, дворниками и сановным начальством, естественная уважительность в отношениях ко всем. (Один из вахтеров потрясенно рассказывал окружающим: «Единственный настоящий человек в университете – ректор! Идет на работу – обязательно за руку здоровается. С работы идет – то же самое. И шляпу надевает только тогда, когда выходит из корпуса! Вот это ректор!»).

Михантьеву были органически чужды все разновидности амбициозного руководящего высокомерия и смиренности перед власть имущими. Это был демократизм не декларируемый, не афишируемый, а естественный, как дыхание и как черта глубокой человеческой порядочности и мудрости.

Став ректором, Борис Иванович перенес акцент своей деятельности на создание условий труда, учебы, отдыха многотысячного университетского коллектива.

Он стремился пробудить в каждом добрую инициативу, прежде всего условиями ее развертывания.

– Безынициативных людей в принципе нет, – говорил Михантьев. – Есть люди, которым тяжело или которые не нашли себя, и надо помочь им найти себя, сферу приложения своих сил и, конечно, создать нормальные условия жизни.

При этом Михантьев был требователен и не терпел пустозвонства, неряшливости в работе (между прочим, и в одежде, внешнем облике преподавателя), халтуры. И самое подкупающее – он прежде всего был взыскателен к самому себе. Его принцип как руководителя – прежде чем требовать от других, спроси с себя, создал ли условия для полноценной работы других. Каждый, кто попадал в энергетическое поле Бориса Ивановича (даже тот, кто не разделял его точки зрения), получал плодотворный импульс не только в работе, но и в житейской обыденности.

В годы михантьевского ректорства создается университетское книгоиздательство, основывается вычислительный центр, открываются факультеты юридический, экономический, романо-германской филологии. На базе истфилфака возникают два самостоятельных факультета исторический и филологический. Физико-математический делится на физический и математический с соответствующими профилю каждого кафедральной структурой и лабораторной базой. Начинается подготовка по многим новым специальностям.

Вряд ли Борис Иванович предполагал, когда в пятьдесят третьем говорил о программе развития университета на десять-двенадцать лет, что называет точно отмеренный срок своего ректорства. Передавая свой пост в шестьдесят пятом, Михантьев отдавал в руки нового ректора Валентина Пименовича Мелешко, в сущности, коренным образом изменившийся университет. Вместо шести факультетов – одиннадцать. Вместо тридцати пяти кафедр – семьдесят. Вместо 4800 студентов – почти 12 тысяч. Штат преподавателей вырос с 260 человек до 750. К тому же он качественно изменился.

На каждом собрании ректор повторял:

– Мы должны добиваться того, чтобы в университете работало не менее 120 докторов наук.

И в университете делалось всё для научной работы – аспирантура возникла на всех факультетах. Подготовка докторантов осуществлялась под прямым контролем ректора. За 1959–1965 годы было защищено 24 докторских и 110 кандидатских диссертаций.

Устанавливаются творческие связи с зарубежными университетами. Впервые открываются двери для иностранных студентов и аспирантов. Организуются проблемные и отраслевые научные лаборатории, ведущие фундаментальные и прикладные исследования. Формируются научно-производственные хоздоговорные отношения с рядом промышленных предприятий Воронежской области и за ее пределами. Университет начинает сотрудничать с рядом институтов АН СССР.

Расширяются фонды и база библиотеки. Воронежский университет инициирует ряд международных, союзных и республиканских научных конференций.

Заметно вырастает авторитет Воронежского университета внутри страны и за рубежом. Возводятся новые корпуса. Правда, в строительстве постигла неудача. Никита Сергеевич Хрущев, борясь с архитектурными излишествами, не утвердил великолепный проект университетского комплекса («К чему шпиль, зачем нужен высотный корпус?»). Пришлось сооружать более скромный корпус на Университетской площади, на месте бывшего Митрофаньевского монастыря.

Особой заботой Бориса Ивановича становится решение социальных вопросов. Ежегодно десятки университетских семей получали новые квартиры или улучшали жилищные условия. Михантьев был не только настойчив, но и удивительно изобретателен в решении жилищных проблем сотрудников в непростых условиях Воронежа пятидесятых-шестидесятых годов.

Профессор Анатолий Николаевич Латышев, доктор физико-математических наук, заведующий кафедрой оптики, рассказывал, как ректор выбивал для него квартиру в шестьдесят первом году:

– Я только-только защитил кандидатскую диссертацию. Живу с семьей в общежитии. А тут заманчивое приглашение из престижного научного центра, расположенного в Ульяновской области. И – квартиру обещают. Иду к Михантьеву. Он говорит: «Не уезжай. Постараюсь помочь». И ведь помог, хотя понимаю, как невероятно трудно было это сделать, – добился для меня двухкомнатной квартиры.

Таких историй можно пересказать не одну. Но понимая, что отдельные удачи не решают проблемы с жильем, ректор активно содействовал созданию жилищного кооператива в университете. Одним из первых в городе организовал строительство кооперативного дома в Юго-Западном районе. Были построены два студенческих общежития. Между прочим, для «проталкивания» строительства одного из них Борис Иванович умело использовал давление студенческой общественности на соответствующие властные и хозяйственные органы. Сформировалась база отдыха «Веневитиново» в лесном массиве на берегу реки Усманки.

Много внимания Борис Иванович уделял развитию самодеятельного творчества как студентов, так и сотрудников. Даже приглашая на работу или принимая нового сотрудника, спрашивал:

– А что вы еще умеете делать за пределами профессии?

Благодаря ректорской поддержке работали первоклассные творческие коллективы – вокальная студия, драматический театр, театр миниатюр и др. Был создан университетский симфонический оркестр (он, кажется, был единственным в вузах России). Культурно-творческие связи между университетом и воронежскими театрами, филармонией, союзом художников стали взаимообогащающей реальностью. Борис Иванович радовался тому, что по инициативе студентов закладывалась и развивалась традиция университетских «Дней поэзии», различных фестивалей.

Борис Иванович неизменно приходил на студенческое новогодние балы. За право пройтись с ректором в вальсе соревновались многие студентки.

При Михантьеве получили известность гимнасты университета. Университетская секция спортивной гимнастики (руководитель и талантливейший тренер – Юрий Эдуардович Штукман), из которой вышли олимпийская чемпионка Тамара Люхина и чемпионка мира Ирина Первушина, положила начало воронежской гимнастической школе.

Популярностью пользовалась университетская волейбольная команда (одна из сильнейших во второй половине пятидесятых годов в России).

Вникая во все сферы жизни университетского коллектива, ведя большую общественную работу (в том числе и депутатскую), Борис Иванович никогда не забывал о своем главном призвании – научных исследованиях в области химии. Он открыл первую в стране университетскую кафедру химии высокомолекулярных соединений, организовал проблемную лабораторию. Его перу принадлежат более 500 статей и несколько монографий, учебных пособий. Профессор Михантьев – автор четырех десятков изобретений. Под его руководством защищено 40 кандидатских диссертаций. Борис Иванович немало сделал для взаимодействия химии с биологическими и сельскохозяйственными науками.

Хочу подчеркнуть существенную деталь. Иной ученый-администратор, не поспевая садиться за письменный стол, с удовольствием ставит свою подпись под текстом, написанным аспирантом, коллегой по кафедре. Михантьев – автор около пятисот газетно-журнальных статей. И ни одной строки, ему не принадлежащей. Борис Иванович был членом редколлегии «Подъема» и часто выступал в нем. Но не чурался и газетных выступлений.

Владимир Второв, секретарь комитета комсомола ВГУ конца пятидесятых, очень удивился, когда ректор пригласил его к себе и сказал:

– Давай, Володя, напишем статью о воспитательной работе в вузе.

(«Никогда до того, – признался Второв, – я не встречал в газетах статей, подписанных ректором и секретарем комитета ВЛКСМ».)

Статью (вернее, развернутые тезисы) Второв написал. Борис Иванович внимательно их прочитал, дополнил своими размышлениями, поставил рядом с фамилией комсомольского секретаря свою фамилию, а когда статью напечатали и пришло время получать гонорар, сказал Володе:

– Твоя рубашка производит на меня омерзительное впечатление. Пойди и купи новую. На наш общий гонорар. Если денег будет мало, вот тебе еще сорок рублей.

Второв потом говорил: это было так сказано, что он даже не подумал обижаться – Борис Иванович видел перед собой не абстрактного человека, а конкретных живых людей.

Ректорство профессора Б. И. Михантьева – это, без всякого преувеличения, самый динамичный период развития Воронежского университета. И не только потому, что время было благоприятным. С финансовыми и так называемыми материальными фондами тогда, в пятидесятых и шестидесятых годах, было очень трудно. К тому же существовала система многочисленных запретов. Но сказались

энергия и мудрость Бориса Ивановича, его обаяние и, пожалуй, самое главное – умение объединить людей, не подавляя их, помогая им обрести уверенность в том, что можно сегодня работать лучше, чем удавалось вчера.

Михантьев не боялся ставить рядом с собой людей умных и инициативных. Ректор определял каждому проректору, декану, заведующему кафедрой поле самостоятельной деятельности и не впадал в мелочное, назойливое опекунство. Ценил инициативность, но и умел воспитать ответственность за решение проблем.

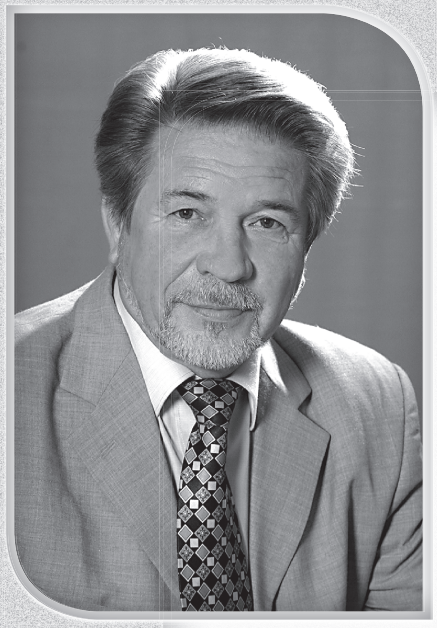
С Михантьевым было интересно работать. Ему органически были чужды самоуспокоенность, деляческая суетливость, стремление переложить ответственность на кого-либо. Его критика всегда была конструктивна и никогда не исходила из тщеславного чувства возвысить себя, унизив других.

Дух михантьевский жив не только в тех поколениях, которым посчастливилось непосредственно работать вместе с Борисом Ивановичем, но и среди тех, для которых подвижничество и совесть российской интеллигенции, ее самоотверженность и неукротимое стремление к истине и совершенству, биение сердца в ритме сердца народа – не звонкие слова, а нравственный смыслообразующий императив и принцип жизнедеятельности.

Сейчас много говорят о современных типах университетов. В этом много лукавства, ибо, к сожалению, наблюдается кризис высшего образования. И если наш университет не только выживает, но и развивается, то в значительной, а может быть, и в решающей мере это происходит благодаря тому запасу прочности и динамичной устойчивости, которую придали и создали нашему вузу Борис Иванович Михантьев как ректор и его последователи.

Валентин Рахманин

Печатается по: Университетская площадь : Очерки. Воспоминания. Воронеж, 1998. С. 125–134.

Олег Павлович

НЕГРОБОВ

(1941 г.р.)

Доктор биологических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, академик РЭА, лауреат премии «Золотой фонд Воронежской области», лауреат премии Ленинского комсомола. Почетный член Русского энтомологического общества (2017).

Крупнейший специалист по мухам из семейства Dolichopodidae мировой фауны, в котором им впервые для науки описано более 350 подсемейств, триб, родов и видов, разработана их система и филогения. Исследованы вопросы биотоксикологии, экологии водных экосистем, экологии мезофауны почвы, биоиндикации, общие проблемы биоразнообразия, проблемы охраны редких видов насекомых и сети особо охраняемых территорий, обоснованы методические вопросы внешкольного и экологического образования.

Окончил биолого-почвенный факультет ВГУ (1964). В ВГУ работает с 1968 года, заведующий кафедрой экологии и систематики беспозвоночных животных.

«НАС ЖДУТ НЕ МЕНЕЕ СЕМИ МИЛЛИОНОВ ОТКРЫТИЙ»

Олег Павлович, как вы относитесь к астрологии?

– Я в нее не очень верю. Есть что-то. То есть теоретически может быть, что именно в это время космические лучи как-то действуют, они нас постоянно пронизывают, сам космос пульсирует. И сама бесконечность, и Вселенная, безусловно, не изучены. Космос, может, как-то реагирует. Но, по-моему, астрологи… шарлатаны.

– Будем считать, что вопрос я задала. Но больше мне интересно, что нового в коллекции вашей кафедры – «Коллекционном фонде беспозвоночных животных Черноземья». Последний раз мы лет семь назад писали об открытии вами нового вида долихоподид, названного в честь Веневитиново.

– Коллекционный фонд пополняется ежегодно. И студенты привозят материал с различных практик в заповедниках России, и сами ученые собирают. В январе я получил на обработку большую партию – две коробки – насекомых из Японии, экземпляры из Англии, Болгарии и Бельгии. Материал поступает и из Зоологического института Академии наук, что в Санкт-Петербурге, и из Зоологического музея Московского университета. У меня есть ученик, доктор биологических наук, заведующий лабораторией Института систематики и экологии животных СО РАН Анатолий Баркалов, который работает в Новосибирске: он два года ездил на Алтай и привез мне собранный материал. Он же доставил насекомых с Таймыра, а в этом году – с Чукотки. Еще один мой ученик, тоже уже доктор наук Игорь Гричанов, заведующий лабораторией в Институте защиты растений в Санкт-Петербурге, привез материал из Крыма, Израиля, а недавно – из Ирана, по нашей совместной научной работе.

– Крым, Иран, Израиль? Но ведь это коллекция беспозвоночных животных Черноземья.

– Коллекционный фонд – это место хранения. Когда описывается новый вид, выделенный тип отправляется на хранение в крупные музеи, например в Питер или Москву. В некоторых случаях – в Берлин или Лондон. А дублирующие экземпляры – паратипы – поступают в наш фонд. Чем больше новых паратипов в коллекции, тем выше ее ценность.

– И какова ценность этой коллекции ВГУ?

– Общий фонд хранения – около 500 тыс. экземпляров. Полмиллиона. Не подсчитывал, но, думаю, в коллекции не менее 400 типовых экземпляров. Потому что я сам описал около 470 видов – и большинство их паратипов у нас имеется. Часть паратипов обменял с Берлином. Часть – тоже по обмену – прислали из Бельгии. А еще из Германии, Австралии, США, Чехии, Польши, Финляндии, Японии, Китая, Венгрии, Монголии и других стран. Получается, что у нас центр по изучению одной из групп насекомых. Потому что насекомых вообще 1,5 млн видов, из них двукрылых – 120–150 тыс. видов. А группа, которой я занимаюсь, являясь экспертом, насчитывает в мире 7 тыс. видов. Это такие двукрылые зеленого цвета, семейство зеленушек, долихоподиды, объекты, которые могут быть использованы для биологического метода борьбы. Некоторые долихоподиды живут на стволах деревьях, и их личинки съедают личинок короедов. Некоторые живут около воды и уничтожают комаров, яйца слепней, мокрецов. То есть кровососов комплекса гнуса – мошек, которые кусают человека и переносят различные природоочаговые заболевания. Поэтому долихоподиды имеют большое практическое значение, как для стабильности природных экосистем, так и для использования человеком.

– И вы всем этим занимаетесь?

– Не только я. У нас работает профессор Виктор Голуб, который является мировым специалистом по группе кружевницы – это клопики такие симпатичные. Доцент Вадим Логвиновский занимается жуками-точильщиками. Еще работают ряд специалистов и шесть аспирантов.

За последние годы наша коллекция беспозвоночных животных увеличилась на 200 видов, на 30–40 тыс. единиц хранения. Но мы не только этим занимались. Мы еще писали Красную книгу Воронежской области. Описывали краснокнижные виды, результаты изданы на двух дисках: ботаника и зоология. Книга была сделана давно и требовала пересмотра. Областной департамент природных ресурсов и экологии почему-то не хочет заниматься постоянным мониторингом краснокнижных видов. Три начальника департамента сменились за последние годы, и никто не обратил внимания на проблему: краснокнижные виды исчезают, требуют охраны, изучения в природе. Это очень серьезная проблема. По мере возможности мы смотрим за видами из Красной книги, но они требуют специального изучения, как и биологическое разнообразие памятников природы. Их паспорта составлены давно, и последние 30–40 лет они не изучались. В Воронежской области более 180 особо охраняемых территорий: два заповедника, заказники, малые территории. Но отдельной программы по стратегии биологического разнообразия области нет. А то был какой-нибудь тюльпан Шренка – и вдруг исчез.

Паспорта на особо охраняемые территории были составлены более 25–35 лет назад, и их список нами опубликован под моей редакцией в 2001 году по грубым схемам. Получилось так: пришел ученый – и выделили особо охраняемую территорию, а потом пришел любитель – ах, какое место хорошее! – и ему там же дали участок. Запущенность полная. Нет, все-таки надо, видимо, добиться специальной программы по биоразнообразию Воронежской области от Департамента природных ресурсов и экологии.

– Может быть, денег нет на программы? Кризис же.

– Каждый год на охрану природы выделяются определенные суммы – в этом году в Воронеже, по-моему, около 10 млн рублей. Значит, в области – еще больше. К сожалению, быть ли программе, зависит не от наличия денег, а от воли чиновников.

Существовал у нас такой проект – школьники год изучали особо охраняемые территории Битюга. Проект московский, грант британский, а мы в нем участвовали. Смысл в том, чтобы закрепить охраняемую территорию за школами, чтобы ученики ее изучали, выполняли маленькие научные работы и выступали у нас в университете на научном обществе учащихся с докладами. Получалось, что охраняемые территории становились площадками для изучения. И сейчас можно также закрепить участки за школами, техникумами, вузами.

– На этих особо охраняемых территориях могут быть виды, еще не известные науке?

– Обязательно. Ведь почему они особо охраняемые? Потому что в них сохраняется биологическое разнообразие – для разных целей. Сохраняется генофонд животных и растений. База. Стабильность экосистемы. Ее разнообразие. Это важнейшая задача.

– Подумаешь – ну, одна мошка исчезнет, так другая появится.

– Все виды взаимосвязаны. Пищевая и поведенческая связь, размещение экологических ниш, динамика численности и т. д. Если будет нарушение в экосистеме, то и все разрушится. Достаточно выбить одно звено, и произойдет деградация экосистемы.

– А у «Коллекционного фонда беспозвоночных Черноземья» тоже ведь должны быть особые условия хранения – по температуре, влажности воздуха?

– Нет. Ничего такого не требуется. Коллекция, помимо шкафа в кабинете, где мы находимся, занимает еще отдельную комнату.

– Эта коллекция – извините, что так ставлю вопрос – богатство университета?

– Конечно. Ничего подобного нет в других вузах Черноземья. Ближайшие крупные коллекции – в Зоологическом музее МГУ, Зоологическом институте Санкт-Петербурга. А дальше – только в Новосибирске и Владивостоке.

Профессор Негробов встал и открыл шкаф. Вытащил ящик. Под стеклом на специальных энтомологических булавках и мелких минуциях – насекомые различных размеров, от 1 мм до 10–15 см.

– Красная этикетка – значит типовой экземпляр, т. е. по этим экземплярам описан новый для науки вид, – сказал Олег Павлович. – Из Воронежской области

описано около десяти новых видов. Но не за последние годы. Здесь только семь лет назад был найден один новый вид рода Argyra. Я сейчас работаю по Алтаю, Монголии, Сибири, Кавказу и Японии.

– Когда вижу такие собрания, вспоминаю Библию: Господь создал всё живое и всему дал названия. Потом пришел человек – и назвал всё по-своему.

– Вряд ли мы что-то сильно поменяли. (*Смеется*.) Полагаю, не менее 5–7 млн растений и животных еще только предстоит открыть. Южная Европа – Италия, Испания – одна пятая территории еще не изучены. Не говоря уже о грибах, ракообразных, микроорганизмах, вирусах, наименее изученных морских обитателях и т. д.

– Получается, чтобы открывать новые виды, нужны только деньги на экспедиции? Езжай на юг Европы да изучай.

– Нет, нужны профессионалы. Чтобы стать специалистом, мне потребовалось после окончания биолого-почвенного факультета ВГУ три года учиться в аспирантуре в Ленинграде, стажироваться в Берлинском университете, еще два года – в докторантуре.

– Обязательно надо учиться за границей?

– Нет, не обязательно. Но первые монографии по долихопадидам написаны немцем Беккером в 1917 году. И мне нужно было изучить типовые экземпляры, описанные Беккером до революции. Когда описываешь новый вид, требуется знать мировую литературу – от Линнея, XVIII век, до сегодняшнего дня – и видеть эти экземпляры. Так как с описаниями было плохо, я собирал всю литературу – в Эберсвальде, музее энтомологии под Берлином, Дрездене. Переснимал страницы книг на пленку – получились такие микрофильмы. То, чего не было в России, я отснял в Германии. Все оттиски литературы по долихопадидам, что выходит в мире, мне присылают. Раньше получал информацию в бумажном варианте, сейчас – в электронном.

– Вы знаете немецкий?

– На немецком языке написал две монографии в Штутгарте. На английском – монографию, изданную в Венгрии. Английский хорошо знаю на уровне спецлитературы – учил в аспирантуре, где требовался второй язык. Каждый год у меня выходит несколько больших научных статей на английском языке совместно с учеными из Англии, Болгарии, Японии, Китая и моими учениками из институтов РАН. Французский учил тоже, и на нем у меня есть работа – «Фауна Франции», моя настольная книга. Вообще научный язык – это несколько проще. Хотя, если писать в серьезный международный англоязычный журнал, то приходится обращаться к помощи переводчиков или к коллегам из-за границы. У меня более 300 электронных адресов ученых из разных стран, с которыми я постоянно общаюсь.

Беседуя, мы незаметно дошли до коллекционной комнаты, из распахнувшейся двери пахнуло вековой стариной.

Все шкафы – коллекционные, специализированные для энтомологических фондов. Их я привез из Ленинграда. Когда после аспирантуры в Зоологическом институте РАН уезжал из Ленинграда, эти шкафы списывали. А мне удалось их

заполучить и перевезти – Зоологический институт РАН подарил Воронежскому университету.

– Интересно, как перевозили. Не в плацкартном же вагоне поезда.

– Контейнерами. У меня была бригада помощников: югослав и поляк. Загрузили в контейнеры. (*Олег Павлович вытащил ящик с дымчатыми бабочками.*) Это совки. Видите на крыльях восклицательный знак? Они так и называются: восклицательная совка. А рядом – видите? – написано «гамма». Это совка гамма, вредитель сельского хозяйства.

– Знак? Не вижу.

– На крылышках белая точка. Похоже на восклицательный знак. Вот перевезли мы ящики из Ленинграда и стали создавать коллекцию. До этого были небольшие сборы у моего учителя профессора Константина Васильевича Скуфьина, но случился пожар, и всё пропало. С 1968 года стал собирать новый фонд. (*Негробов достал еще один ящик с пятнистыми бабочками, их окрас похож на тигровую шкуру.*) Это семейство шашечниц, они есть в Красной книге.

– Никогда не считали: если разложить коллекцию по ящикам на полу, какую площадь она займет?

– Очень трудный вопрос, никогда не считал. Старинные шкафы, натуральная доска. Один шкаф из красного дерева, как мне сказали, из собрания императорской семьи Романовых, которые увлекались созданием коллекции насекомых. Кроме того, каждый год заказываем новые ящики, по 100–150 штук. (*Профессор извлек другой ящик с большими бабочками.*) Это махаон, тоже из Красной книги. Ниже – тропики. Вот махаон Мака с Дальнего Востока, я отловил, когда там работал. У меня были и еще экспедиции: пять лет – на горном Кавказе, Кольский полуостров, три месяца – Баргузинский заповедник на Байкале, два года – на Камчатке, два – в Хабаровском крае и Приморье. А еще Средняя Азия, Урал, Саяны, Закарпатье, Закавказье. Когда учился – это одно. Но сколько я сам еще ездил, а сколько – мои студенты!

– Закарпатье, говорите? А за майданом и событиями в Украине следите?

– Конечно. Страшное дело. Ребят жалко. (*И он снова углубился в коллекцию.*)

– В случае пожара это богатство надо спасать в первую очередь!

– Надо бы понемногу расширяться. Каждый музей старается что-то собрать. Например, в краеведческом музее – коллекция бабочек моего ученика Кости Водянова. И Дима Дубровский – мой ученик. Тоже кандидат наук, мотается по миру, у него семь экспедиций только по Памиру.

– В этой коллекции есть экземпляры родов и видов насекомых, названных в вашу честь? Я на сайте ВГУ вычитала, что вашим именем назвали два новых для науки рода и десять видов.

– Это ученые из разных стран в честь меня – в знак признания заслуг – называют вид долихопадид. Например, американский ученый, работающий в Австралии доктор Биккель, назвал моей фамилией новый род. Я тоже иногда называю. Например, недавно новый вид долихоподид – в честь бельгийца Патрика Гротаерта – «долихопус гротаерти». Паратипы есть или в Брюсселе, или в

Лондоне, или в Австралии. Мне тоже присылали, и если мы сейчас поищем, то, может быть, и найдем его.

– Видела на сайтах, что у вас много премий по экологии, в том числе от мэра Воронежа «за личный вклад в охрану природы». В чем же ваш личный вклад?

– Я три срока возглавлял комитет по экологии и охране окружающей среды в Общественной палате области, два года – такой же комитет Общественной палаты города. У меня своя общественная организация «ЭкоДон», которая занимается экологическим образованием. Я в совете Общества охраны природы, в совете «Российского Зеленого креста» Москвы. Еще я заместитель редактора журнала «Экология ЦЧО РФ» в Липецке. Еще вхожу в три совета по защите диссертаций по экологии. Написал штук десять учебных пособий по экологии, последнее – «Словарь эколога» – за него получил премию администрации области.

– А мне кажется, что общественные советы по экологии и охране окружающей среды не очень-то влияют на нашу жизнь.

– Влияют. Недавно в Торгово-промышленной палате прошло заседание Совета общественных организаций Воронежа, где я – председатель комиссии по экологии. Говорили о мусорных отходах на садовых участках. Это проблема. Садовых участков у нас много – в области они объединены примерно в 800 кооперативов. Где-то есть места сбора мусора, а кто-то бросает куда придется. И следующее заседание будет об обобщении опыта, чтобы мусора стало меньше.

– У нас в любую лесополосу зайди – увидишь горы мусора.

– Да, это вопрос экологической культуры. Я и ею занимаюсь, написал ряд статей, часто выступаю и читаю лекции в школах, техникумах.

– А разработка никелевых месторождений в Новохоперском районе Воронежской области разве не навредит природе?

– Наша задача – изучить территории до того, как те месторождения начнут осваивать. Их изучают уже два года разные группы: по радиации, по почве, по растениям, по животным и т. д. И еще будут изучать не менее двух лет. А следующий этап – оценка воздействия, и только потом – проект. До добычи дойдет лет через десять. И не факт, что она будет, ведь неизвестно, насколько велики запасы месторождений.

– Я посмотрела в астрологическом календаре: вы родились в 1941 году – в год Змеи, 21 ноября – в последний день знака Скорпиона…

– Вот мне подарили…

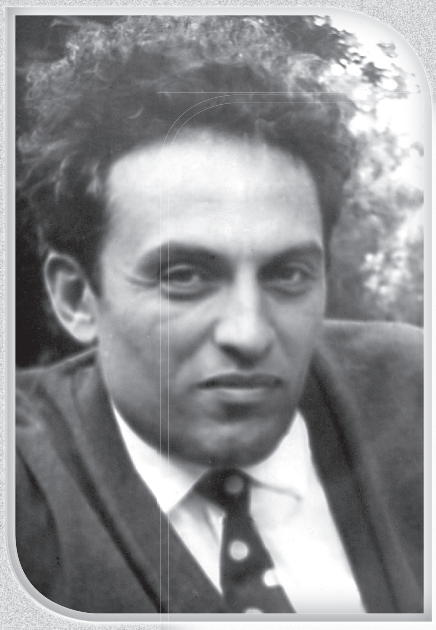
Профессор Негробов достал из кармана брелок: в прозрачной пластмассе свернулся маленький скорпион.

– А вы в себе ничего такого не чувствуете – от Змеи или от Скорпиона?

– Не чувствую. Может, только хвалюсь, когда что-то хорошее случается. Но не думаю, что это влияет Скорпион. Вы лучше летом на базу ВГУ в Веневитиново приезжайте, в природе покажем вам редкие виды животных.

Елена Рузанова

Печатается по: Университетская площадь. 2015. № 7–8. С. 109–112.

Александр Иосифович

НЕМИРОВСКИЙ

(1919–2007)

Доктор исторических наук, профессор, член Союза писателей Москвы.

Участник Великой Отечественной войны.

Первым среди российских ученых исследовал нурагическую культуру Сардинии и её связь с этрусками. Автор сборников стихотворений и книг исторической прозы.

Окончил исторический факультет Московского государственного университета (1941), учился в Литературном институте имени А. М. Горького (1938–1941). Преподаватель, доцент кафедры всеобщей истории Пензенского педагогического института.

Доцент кафедры всеобщей истории (с 1957), доцент (с 1960), заведующий (1966–1976), профессор (1976–1978) кафедры истории древнего мира и средних веков (с 1968 года кафедра истории древнего мира) Воронежского государственного университета.

С апреля 1978 года жил в Москве. Неоднократно приезжал в Воронеж для участия в различных научных мероприятиях.

БИОГРАФИЯ ЭПОХИ

Биография Александра Иосифовича тесно переплелась со сложной историей страны. Его дед был четырнадцатым ребенком в семье, проживавшей в Елизаветграде, и, как самый младший, был отдан в солдаты. Николаевский солдат, он участвовал в Брусиловском прорыве, за что стал Георгиевским кавалером. Гражданская война разделила семью: отец Иосиф Исакович воевал в отряде Котовского, где и встретил мать будущего ученого. Многочисленные дядья оказались по разные стороны баррикад.

Родился Александр Иосифович в 1919 году, 8 ноября, в городе Тирасполе. После пограничных размежеваний времен Гражданской войны семья очутилась на румынской стороне, но мать настаивала на возвращении в Россию. В одну из ночей семья переправилась через Днестр и прошла строгую проверку в местном ЧК. Семья перебралась в Москву, где прошли детство и школьные годы Александра Иосифовича.

Огромную роль в его жизни сыграли школьные педагоги. Один из них (будущий академик) М. Н. Тихомиров настолько увлек Александра Иосифовича экскурсиями по Москве, рассказами по географии столицы, что Немировский чуть было не стал географом. В 1937 году А. И. Немировский – студент исторического факультета МГУ. Здесь его наставником был профессор В. С. Сергеев. Учитель и ученик часами бродили по вечерней Москве и говорили об античности, о созвучии времен Римской империи и современного мира.

Репрессии не обошли стороной семью – отец и мать попали в один из сибирских лагерей. Закончив истфак, Александр Иосифович отправился учительствовать в деревню Асино, на севере Томской области, чтобы быть ближе к родителям и как-то помочь им. Здесь и застала его война. Он был зачислен на курсы истребителей

танков, а затем направлен в Тульское оружейно-техническое училище, которое было эвакуировано в Томск. Александр Иосифович вспоминает, что после ужасных холодных и голодных дней в училище фронт показался ему раем. Правда, рай этот находился на Ладожском озере, где молодой арттехник руководил доставкой боеприпасов в Ленинград. В качестве заместителя начштаба 998-го стрелкового полка он участвовал в битве на Курской дуге. Осколок в окопе на Одере и орден Красной Звезды положили конец его войне.

После завершения аспирантуры Александр Иосифович преподавал в Пензе, а с 1957 по 1978 год работал в Воронежском государственном университете.

Научные интересы А. И. Немировского определились уже в период аспирантуры в МГУ, когда его руководителем стал профессор Н. А. Машкин. Почувствовав значительные потенциальные возможности аспиранта, он предоставил ему полную свободу деятельности. «Предложил, – как вспоминает Александр Иосифович, – “Выберите тему… напишите… приносите работу”. Многое, давно известное, как бы открывал для себя. Например, энциклопедию Паули-Виссова…». В 1950 году была защищена кандидатская диссертация на тему «Всадническое сословие в период кризиса и падения Римской Республики». Молодой ученый быстро набирает высоту. Именно в этот период складываются присущие Александру Иосифовичу принципы научной деятельности: кропотливая работа с источниками, широкая научная эрудиция, уважительное отношение к предшественникам, четкость и глубина анализа, великолепный литературный язык.

Итогом напряженной деятельности стало появление в 60-х годах серии крупных монографий по древнейшей истории Италии. Книга «История раннего Рима и Италии» посвящена исследованию сложнейшей проблемы – формированию раннеклассового общества и государства на Апеннинском полуострове, – практически не разрабатывавшейся отечественными антиковедами. Автор держит в поле зрения достижения предшествующих ему зарубежных ученых, но концентрирует внимание на спорных и неизвестных аспектах проблемы.

Изучение древнейшей истории племен полуострова не могло не обратить внимания Александра Иосифовича на историю самого загадочного народа – этрусков.

В монографии «Этруски: введение в этрускологию» А. И. Немировский не втягивается в споры по достаточно благодатной и престижной для исследователя проблеме происхождения этрусков, а сосредоточивает внимание на изучении социально-экономической истории и идеологии этрусков, практически ускользнувших от внимания этрускологов.

Целый ряд статей в научной периодике; и новая монография «Этруски: от мифа к истории», увидевшая свет в 1982 году, сделали А. И. Немировского крупнейшим этрускологом нашего времени.

Итогом работы стало появление двух крупных монографических исследований – «Рождение Клио: у истоков исторической мысли» (1986) и «Нить Ариадны: из истории классической археологии» (1989). Обе работы нашли живой отклик у

специалистов и широкого круга любителей античности и выдержали несколько изданий. Источниковедческие исследования в области древней истории требуют особенно широкой научной эрудиции, позволяющей учитывать все нюансы в области работы с довольно ограниченным фактическим материалом. Неслучайно поэтому источниковедческие труды А. И. Немировского сопровождались целым рядом историографических исследований. Его работы по историографии античности (1972, 1974) и разделы в известном вузовском пособии.

Изучение античности подвигло Александра Иосифовича на огромный труд, направленный на пропаганду и популяризацию античной истории среди молодежи и широкого круга людей, увлекающихся историей. Уже в самом начале его научной деятельности появляется серия художественных книг и рассказов для детей и юношества, написанных на сюжеты из античной истории. Одновременно выходят методические рекомендации по совершенствованию преподавания истории древнего мира в школах, учебные пособия по истории древности. И этим работам Александра Иосифовича присущи научная скрупулезность, глубокая эрудиция, прекрасный литературный стиль. В 90-е годы выходит цикл работ по мифологии древних народов. Обратимся, например, к книге «Мифы и легенды Древнего Востока», которая знакомит читателя с мифологическими представлениями древних египтян, шумерийцев, вавилонян, хеттов, индийцев, китайцев, с библейскими сказаниями. Автор передает содержание мифов, сохраняя при этом сложный образный язык Востока, и приходит на помощь читателю в обширном научном комментарии. Комментарий не является простой исторической справкой-дополнением к мифу, в нем содержатся сведения по географии, хронологии, топонимике, источникам и историографии.

Еще более яркий пример бережного и заботливого отношения к начинающему любителю античности демонстрирует двухтомное пособие «Античность: История и культура» (1994). Книга резко отличается от известных до сих пор учебников по структуре и стилю изложения, благодаря чему достигается весьма сложная задача – заставить учащегося не заучивать материал, но «открывать» его для себя, постоянно поддерживать интерес к проблеме, дать ему войти во вкус самостоятельного научного исследования.

Мы, студенты-первокурсники, иногда не могли отследить и оценить внезапный полет его научной мысли, врывавшийся в стройный план лекции, но, в качестве старшекурсников, с удовольствием «копались» вместе с ним в сложных справочниках по древней истории, переводили античных авторов и современную зарубежную научную периодику. Он лично знакомил нас с научными библиотеками Москвы и Петербурга, заботливо «вывозил» на серьезные научные конференции (при этом мог разместить студента на ночлег у своих столичных знакомых и родственников), подводил за руку к (уже тогда великим) И. М. Дьяконову, Е. М. Штаерман и представлял как своих учеников.

Это отношение к молодежи в какой-то степени идет от молодости самого Александра Иосифовича. Вспоминаю, как, являясь куратором нашего курса, про-

фессор внезапно приехал к нам в колхоз «на картошку», нагруженный несколькими батонами докторской колбасы, и активно участвовал в пиршестве, с удовольствием уписывая за обе щеки нарезанную огромными ломтями колбасу с хлебом. На фоне моря и колонн античного Херсонеса он ставил с нами сцены из античных трагедий. В день выдачи дипломов декан факультета был вознесен на кучу столов, из которых буйная поэтическая фантазия Александра Иосифовича и незначительный практический опыт старосты курса соорудили античный корабль. Декан, профессор В. В. Гусев, как капитан, дал последний звонок и отправил нас в неведомое плавание.

Романтическая натура Александра Иосифовича проявила себя еще в одной стороне творчества, без которой он непредставим, – в поэзии. Еще будучи студентом истфака МГУ, он писал стихи и был широко известен в среде довоенной московской молодежи, наряду с непечатаемыми тогда П. Коганом, Н. Майоровым, Б. Слуцким, М. Кульчицким, М. Лукониным, Д. Куафманом (будущий Д. Самойлов). В 1938 году он, не покидая истфака, стал студентом Литературного института им. А. М. Горького и любимым учеником поэта Ильи Сельвинского. В 1939 году он выступает в центральной печати как литературный критик и переводчик. В 1955 году он впервые выступает как прозаик, соединяя в повести «Тиберий Гракх» два своих дарования – научное и художественное. В 60-е, воронежские годы А. И. Немировский становится самым печатаемым автором исторических романов. Он не стал членом Союза писателей, несмотря на рекомендацию известного романиста Ивана Антоновича Ефремова. «И это мое счастье, – каково было бы мне состоять в организации, исключившей из своих рядов Б. Пастернака и А. Солженицына?» Его художественные книги продолжают расходиться сотнями тысяч экземпляров. Среди них не только исторические романы, но и книжки любимых им немецких поэтов Р. Марии Рильке и Г. Гессе, заговоривших благодаря ему по-русски.

Особая заслуга А. И. Немировского – открытие и публикация «Воронежских тетрадей» Осипа Мандельштама. С улыбкой вспомнил Александр Иосифович о своем знакомстве с тогда уже прославленным С. С. Аверинцевым: «Он отступил на шаг и стал перечислять мои заслуги. На первом месте было – «Вы издатель Мандельштама». Затем другие творческие дела, но до моих занятий античностью он не дошел!»

Действительно, трудно беспристрастно оценить многогранный талант моего Учителя, каждый расставляет акценты на наиболее близкой для себя стороне его дарования.

Людмила Коротких

Тамара Александровна

НИКОНОВА

(1941 г.р.)

Доктор филологических наук, профессор, член Союза российских писателей, член Общества друзей Ивана Бунина (Париж).

Сфера научных интересов: соотношение индивидуального и массового в русской литературе первой трети XX века, типологические «пересечения» «рубежных» эпох в истории культуры; «народность» как рецептивно-эстетический феномен, проблематика и поэтика творчества А. Платонова, И. Бунина, М. Горького.

Окончила филологический факультет ВГУ (1964). Старший преподаватель, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Липецкого государственного педагогического института (1972–1979). Преподаватель (1970–1972), доцент, профессор кафедры советской литературы (русской литературы XX века) Воронежского государственного университета (с 1979), заведующая кафедрой (1982–1993, с 2000), декан филологического факультета (1984–1988).

ПОПЫТКА ПОРТРЕТА

Писать о Тамаре Александровне Никоновой – оторопь берет… Вроде бы она человек ясный, открытый, определенный, но в то же время словно под какой-то вуалью – человек загадочный, непредсказуемый, сокровенный, никем не вызнанный. Скорее всего, такое представление навеяно внутренним богатством и сложностью ее натуры, а главное – абсолютной положительностью и завидным постоянством ее характера, которые кажутся ныне почти невозможными.

«Внутренне я – учитель», – как-то призналась Тамара Александровна. Я бы добавил: учитель учителей, милостью Божьей преподаватель, увлеченно и радостно работающий на передовых рубежах современного гуманитарного знания, обучающий науке понимания русской культуры и литературы, исконно породненных с общемировым духовным наследием.

Ее лекции и семинары – настоящая филологическая академия для пытливой школьной и вузовской молодежи. Они богаты содержанием, концептуальны и просветляющи. В них глубоко продуман и систематизирован не только жизненный и творческий опыт выдающихся писателей, но и виднейших ученых, познающих мир и человека по-своему, в иных категориях, иногда опережая, а нередко опираясь на гениальные прозрения мастеров слова. Так, например, категории художественного пространства и времени в литературе XX века она смело соотносит с открытиями многих наук, в частности с теорией относительности.

Около нее так и вьется науколюбивая молодежь, она умеет открывать таланты, наводить их на большие актуальные цели, сплачивать вокруг важных, духоподъемных дел. Особых секретов тут нет: надо быть прежде всего интересной для других, оправдывать

вопрошающие ожидания молодых умов, быть способной создать неформальную интеллектуальную школу, куда невольно, как на огонек, потянутся неутомимые искатели новых слов и смыслов.

Перво-наперво она сама прошла великолепную филологическую выучку у таких ярких, своеобразных преподавателей, как А. М. Абрамов, А. Б. Ботникова, В. П. Скобелев, С. Т. Вайман, при этом взяв у них свое, никоновское. Но самой большой ее школой была и остается литература и наука о ней, искусствознание и философия XX века. Вот почему она стала таким авторитетным учителем для многих студенческих поколений, всесторонне образованным, системно мыслящим, методически вооруженным преподавателем, любящим свое трудное поприще, верным своему призванию.

Кафедра русской литературы XX века, которой она заведует, – одна из лучших, плодотворно работающих на факультете. Тут всегда оживление, обсуждения, чтения, теоретические семинары, конференции, научные посланники из разных концов света, у каждого, как говорится, своя проблемная копна, свои подходы, но все вместе впряжены в один воз, имя которому – современный учебно-научный процесс.

Если Анатолий Михайлович Абрамов создал кафедру советской литературы, то Тамара Александровна Никонова – кафедру русской литературы XX века, которую возглавляет вот уже 17 лет. Это была не просто смена вывески – предстояло трудное, болезненное освоение зоны «культурного взрыва», полосы духовного, методологического и понятийного перевооружения. Кафедра прошла через эти зоны и полосы достойно, без растерянности и отчаяния, без крайностей «одобрямса» или отрицания, напротив, наглядно показав другим, как открывать новые горизонты, нарабатывать новые представления, преодолевающие разрыв времен. Помогло тут прежде всего «уважение к преданию» и одновременно способность к росту, к неизбежным и необходимым изменениям. Тамара Александровна поразительно сочетает в себе верность традициям и острое чутье к новому, которого многие почему-то боятся, обрекая себя на застывание в ретроградном, бесплодном консерватизме. На этом штормовом переходном этапе очень пригодились ее дипломатические и организаторские способности, благодаря которым каждый почувствовал себя на кафедре и необходимым, и защищенным: Тамара Александровна умеет отстоять законные интересы своего коллектива и никого в обиду не даст.

Внешне, по манере поведения и речи, она тихая, демократичная, улыбчиво толерантная, однако внутренне предельно собрана, тверда и целеустремлена, способна убедить и осуществить задуманное даже при больших помехах, но как-то незаметно, будто уступая своим оппонентам. Правда, ей и не грех уступить, ибо она никогда не использует во вред факультету обретенную уступку.

Ее оружие и сила не в эмоциональном порыве, не в атакующем напоре, когда другую сторону не слышат вообще, слова не дают сказать, а во взвешенном обду-

мывании всех возможных вариантов, всех весомых аргументов. Она хорошо знает: за всё надо будет отвечать, за всё рано или поздно платить. А ведь часто платят совсем не те, по чьей вине что-то разладилось и кому-то стало больно и трудно жить и работать. Человек большого мужества и поистине народной мудрости, она хорошо знает, как противоречива, прихотливо сложна и порой неприглядна панорама нашей повседневной жизни, а потому терпеливо встречает все ее призывы и странности, все ее удары и угрозы и по-доброму участвует в скоротечной общей суете, внося в нее трезвый разум, собранность, интеллигентность. Пожалуй, главнейшая ее черта – надежность, предсказуемость позиции и поступков, строгое следование себе самой, умение хранить всевозможные тайны, коими так богата наша община. К сожалению, многие из нас похожи на некие туманности – без четких идейных и нравственных контуров, без каких-либо принципов и даже без какой-то речевой проявленности. Тамара Александровна не из таких, ей до всего есть дело, она многого достигла и добилась и не захочет бросить на «авось» то, на что потрачены ее личные и общие усилия.

Не перестают удивлять ее участливость, человечность, отсутствие в ней какой-либо рисовки и позы, стремления играть кого-то другого. Но при этом она отнюдь не синий чулок и вовсе не чужда своеобразного женского кокетства. Она может быть и смешливой, и озорной, и шаловливой, и даже – когда в настроении – заводилой в кругу подруг и коллег. Воплощенная интеллигентка, она умеет всё: и гвоздь забить, и укол сделать, и обед сготовить, и книгу написать, и с молодежью порезвиться, и со стариками задушевно «погутарить». В ней органично воплотилось многое, что есть лучшего в Татьяне Лариной и Наташе Ростовой, шолоховской Ильиничне и булгаковской Маргарите.

Наверное, благодаря всему этому Тамара Александровна обрела прочное, авторитетное педагогическое и научное имя, вполне состоялась как преподаватель, ученый и личность. Глубокая и далеко идущая научная борозда появилась на ее поле в начале нулевых годов. И началась она с нового и оригинального прочтения М. Горького, А. Малышкина, Вс. Иванова, А. Неверова, в особенности нашего земляка А. Платонова, комментарий к повести которого «Епифанские шлюзы» положил начало подлинно научного освоения этого «всё еще сокровенного», по ее словам, писателя. Параллельно с Платоновым в орбиту ее интересов входили А. Толстой, М. Булгаков, И. Бунин, М. Шолохов, А. Новиков, Г. Троепольский, В. Добряков и др. Большой резонанс вызвала ее статья «Живое счастье общения» (1976), в которой указан путь нашего духовного самоукрепления, путь к истинным целям и ценностям. Другой ее важный научный маршрут – так называемая «проза сорокалетних» и «деревенская проза», а по сути современная русская классика, сохранившая для будущих времен и русский народный характер, и русское первородное слово, спасенное под натиском постмодернистского «новояза». Пристально всматриваясь на этом маршруте в прилегающие окрестности, Тамара Александровна всерьез занялась литературой русского зарубежья. И вот он –

встал перед ней весь литературный двадцатый век, пришла пора обдумывать его вместе с коллегами целиком и полностью. В 1999 году под ее научной редакцией (совместно с профессором Е. Г. Мущенко) и с ее активнейшим авторским участием появляется учебное пособие под грифом Министерства образования (впервые на факультете!) «Русская литература XX века» объемом в 50 печатных листов, получившее широчайшую известность в стране.

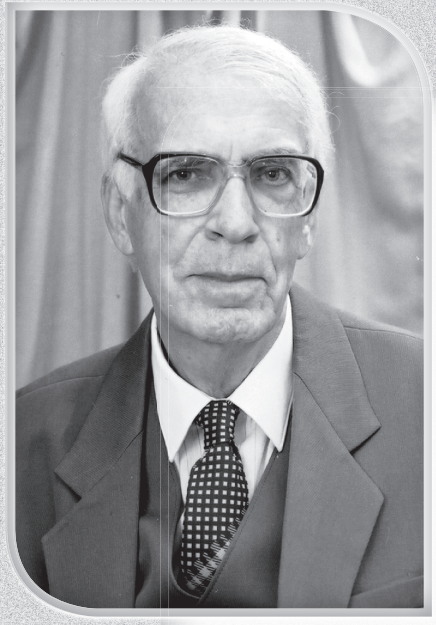
Тамара Александровна Никонова является автором 155 научных статей и рецензий, двух монографий, под ее руководством написано и защищено 12 кандидатских диссертаций. В качестве редактора и составителя она выпустила в свет 25 научных сборников. Ее статьи и рецензии печатались в одиннадцати периодических и продолжающихся изданиях, чаще всего в нашем родном «Подъеме» – более 20 публикаций.

Тридцать четыре года отделяют ее докторскую диссертацию от кандидатской (1970 и 2004). И это говорит о многом: ни малейшего честолюбивого стремления сорвать довременный плод и размахивать перед коллегами удачливо обретенными «корочками»...

Написанное выше – лишь пунктирные контуры задуманного портрета Тамары Александровны Никоновой. Но дело не в портрете, каким бы он ни был, а в ней самой. На таких ученых и преподавателях стоит и будет стоять филологический факультет, в их трудах и днях его творческий дух, самостояние и самооборона от разрушительных ветров и коррозии...

Виктор Акаткин

Печатается по: Тамара Александровна Никонова : биобиблиографическое пособие. Воронеж, 2016. С. 14–18.

Сталь Никанорович

ПЕНЗИН

(1932–2011)

Кандидат искусствоведения, доцент, член Союза кинематографистов, лауреат премий гильдии киноведов и кинокритиков.

Основная сфера научных и педагогических интересов: теория и практика кинообразования.

Окончил филологическое отделение историко-филологического факультета ВГУ (1955), аспирантуру Всесоюзного государственного института кинематографии (1967). Работал журналистом военной окружной газеты «Отважный воин» (Архангельск, 1955–1956), фотокорреспондентом на Воронежской студии телевидения (1958–1962).

С 1968 года преподаватель Воронежского государственного университета, Воронежского государственного института искусств, Воронежского государственного педагогического университета. Организатор киноклуба ВГУ. Руководитель городского киноклуба «Друзья десятой музы». Президент (с 1987) Воронежского киновидеоклуба имени В. М. Шукшина.

СТАЛЬ ПЕНЗИН – ЧЕЛОВЕК КИНО

И 2016 год, объявленный на государственном уровне Годом кино, и предыдущий 2015-й, прошедший как Год литературы, конечно, не ставят своей задачей окончательно решить даже основные проблемы названных секторов культуры. Их цель – стать импульсом для привлечения внимания к отрасли, к главным достижениям прошлого и обозначить пути дальнейшего развития. И, конечно же, вспомнить о людях этих профессий: поблагодарить тех, кто продолжает успешно работать, склонить голову в память о тех, кто ушел…

Вот и мы, связанные своей жизнью, учебой и работой с Воронежским университетом, в Год кино обязаны обратиться к светлой памяти Сталя Никаноровича Пензина. Выпускник, а затем – доцент ВГУ, кандидат искусствоведения, известный киновед, медиапедагог и краевед, он сумел очень многое сделать, и посеянное им при жизни продолжает приносить плоды, объединяя всех, кто любит кино. Книги Сталя Пензина продолжают воспитывать кинозрителя, демонстрируя огромные возможности художественных, документальных, учебных фильмов в деле становления личности, показывая наиболее эффективные формы и методы работы с молодежью с помощью кино.

Передо мной – два вышедших в ВГУ издания. Одно из них – последняя работа Сталя Никаноровича «Кино в Воронеже» (Воронеж, 2011). Уже неизлечимо больной автор успел перед смертью подержать в руках лишь ее верстку, и теперь эта книга воспринимается как его духовное завещание.

Второе издание – сборник «Другой рядом с тобой» (2012), он вышел уже после смерти С. Н. Пензина и посвящен его памяти. Здесь коллеги, друзья и ученики Сталя Никаноровича попытались

осмыслить опыт его работы, вспомнить, каким он был, что дал воронежцам для понимания кино, приобщения к нему.

Обратиться к этим книгам – полезно и интересно. В них – личность С. Н. Пензина, его гражданская позиция, постоянный неисчезающий интерес к такому многообразному явлению, как кино.

Так получалось, что я имел отношение к выходу в свет двух этих книг, а посему – беру на себя смелость утверждать объективность и обоснованность высказанных выше оценок.

Из всей многоаспектности проблем киноведения, медиакраеведения и медиаобразования, которыми занимался С. Н. Пензин и в которых оставил заметный след, выделю одну – киноклубное движение. Именно здесь наиболее ярко проявилось единство теоретического и практического подхода к культуре, что особенно ценил Сталь Никанорович.

В книге «Кино в Воронеже» киноклубам посвящена отдельная глава. В ней автор с удовлетворением отмечает, что Воронеж был одним из центров зарождения и развития киноклубного движения в стране, раскрывает и философские, и педагогические основы идеи, в ходе реализации которой и родилось такое массовое общественное объединение, как киноклубы. В самой этой идее для С. Н. Пензина были особенно важны:

– возможность приобщить человека к активному участию в культурной жизни общества;

– убежденность в том, что кинозрителя («кинопользователя») нужно готовить, вооружать необходимыми теоретическими знаниями о специфике кино, его языке, его создателях;

– наличие заинтересованных и подготовленных организаторов и руководителей киноклубного движения.

Каждое из названных положений автор не просто обозначает и обосновывает, но и достаточно подробно и содержательно раскрывает, четко формулирует условия их успешной реализации.

«Все они связаны друг с другом, образуя сложное единство», – уверен С. Н. Пензин. Такой комплексный, системный подход был характерен для Сталя Никаноровича. Он всегда был против дилетантства, поверхностного отношения к делу, считая, что лишь преодолев невежество можно обеспечить успех, ориентированный не на разовое (пусть и полезное, и интересное) мероприятие, а на длительный период результативной работы.

И дальше в книге раскрывается конкретный опыт работы киноклубов: Воронежского государственного университета («Киноклуб ВГУ»), городского («Друзья десятой музы»), при ДК «Электроника» (имени В. М. Шукшина)… Добавлю, что в практике Сталя Никаноровича и его жены и соратницы Альбины Борисовны Смирновой (1932–2015) были организация и работа и других успешных киноклубов (в Воронежском государственном педагогическом университете, Доме актера и др.).

Этот опыт С. Н. Пензина – не просто история воронежской культуры, он еще и своеобразное учебное пособие для тех, кто продолжает проводить в жизнь идеи киноклубного движения, у которого, как справедливо считал Сталь Никанорович, есть не только прошлое и настоящее, но и будущее.

Примечательно, что, говоря о киноклубах, С. Н. Пензин, наряду с фильмами, формами и методами работы, рассказывает и о людях – активных участниках, помощниках, реализовавших себя в творческом поиске. И символично, что многие из этих людей вспоминают о своем учителе на страницах книги «Другой рядом с тобой». Вот некоторые фрагменты из этих воспоминаний:

«Главным среди… его (С. Н. Пензина. – *В. Л.*) общественных дел являлось, конечно же, проведение занятий киноклуба ВГУ и киновидеоцентра имени В. М. Шукшина. Не получая никакой заработной платы, Сталь Никанорович посвящал им много времени, поскольку считал культурное развитие общества основополагающим фактором его развития как цивилизации» (О. Берг).

«Сталь Никанорович не пропускал просмотры в кинопрокате и сам лично отбирал для киноклуба фильмы. Благодаря этому мы смотрели в основном шедевры – Антониони, Бергмана, Феллини, Висконти, Бертолуччи, Креймера, Куросавы, Вайды – и были в курсе основных тенденции развития мирового кинематографа. Эстетику, язык кино, обществознание, психологию, философию, нравственность мы постигали, так сказать, на наглядном материале. Пензин учил нас воспринимать фильм во всей его целостности, концептуально, судить о нем по закону того художника, которым он создан, видеть его глубинный смысл» (Т. Быба).

«Он увлек нескольких студентов театрального факультета (и других факультетов тоже) киноклубными показами, на которые мы ходили несколько лет. Эти вечера в «Пролетарии», Доме актера и других залах были памятны не только редкостными картинами, но и, конечно же, размышлениями самого Сталя Никаноровича – неожиданными и проникновенными, а также встречами с гостями – искусствоведами и создателями некоторых лент, приглашенными Пензиным в Воронеж» (В. Межевитин).

«Сталь Никанорович никогда не навязывал членам клуба своего мнения по поводу просмотренного материала, давая возможность высказаться всем желающим, но каким-то непостижимым образом его слово всегда оказывалось последним и самым веским. Он был тем цементирующим центром, который объединял под знаменами клуба “физиков” и “лириков”, студентов и профессоров, рабочих и инженеров» (В. Мухин).

«Сталь Никанорович Пензин стал для меня человеком-легендой еще в студенческие годы, когда мы, студенты-первокурсники (1968 год), стали посещать киноклуб кинотеатра “Пролетарий”. В Стале Никаноровиче всё было необычно. Красота, изысканность, интеллигентность, не свойственные тем годам. Он казался человеком из другой жизни, которую мы не знали. Мы, студенты, встречаясь, спрашивали друг друга, успели ли купить абонемент в киноклуб “Пролетария”, а если абонемента не было, то старались узнать, кто из друзей идет и может ли

взять нас с собой. После “Амаркорда”, “Ночей Кабирии” и многих других фильмов, привезенных С. Н. Пензиным из Москвы или взятых из проката, мы шли, потрясенные увиденным, а потом, встречаясь с преподавателями или однокурсниками на филологическом факультете, делились впечатлениями» (Л. Рыбачева).

Ограничимся лишь пятью высказываниями о роли киноклуба и С. Н. Пензина в жизни молодых людей нашего города, хотя в книге таких воспоминаний значительно больше. Все они показывают огромное эстетическое и духовно-нравственное значение того дела, которому отдавал свой талант, свои силы и время Сталь Никанорович.

Конечно, его деятельность не ограничивалась киноклубным движением. Вклад С. Н. Пензина в киноведение, кинопросвещение и медиапедагогику значительно шире. Но именно киноклубное движение, у истоков и в центре которого долгие годы находился Сталь Пензин, сконцентрировало в себе ту возможность соединения идей просветительства и воспитания, к которому он стремился всю жизнь.

Вне всякого сомнения, С. Н. Пензин был «университетским человеком». Он стал студентом ВГУ в далеком теперь уже 1950 году. Воронежский университет стал и последним, наиболее плодотворным для творчества, местом его работы. Как ученый и педагог он внес заметный вклад в развитие alma mater, и, конечно, его творческие наработки и опыты должны быть востребованы сейчас, когда университет готовится к своему вековому юбилею.

А к двум книгам, о которых говорится в этой статье, равно как и другим работам Сталя Пензина (в приведенном в книге «Другой рядом с тобой» библиографическом списке около 600 наименований), полезно обратиться в Год кино, когда особенно актуальными становятся задачи кинообучения, кинопросвещения и киновоспитания молодежи.

Владимир Листенгартен

Печатается по: Университетская площадь. 2016. № 9. С. 203–205.

Николай Алексеевич

ПЛАКСЕНКО

(1918–2011)

Доктор геолого-минералогических наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР.

Участник Великой Отечественной войны.

Сфера научных интересов: закономерности железорудного осадконакопления в докембрии и разработке теоретических основ докембрийского литогенеза. Его работы являются результатом многолетних исследований и обобщений огромного фактического материала по древним метаморфическим толщам, собранного, главным образом, на уникальном природном полигоне, которым является Курская магнитная аномалия.

Окончил геологический факультет ВГУ (1941). С 1946 года старший лаборант, ассистент кафедры минералогии и петрографии, с 1955 года доцент, профессор, заведующий (в 1960–1963, 1965–1973, 1983–1987) кафедрой геологоразведочного дела и полезных ископаемых, в 1972–1983 годах ректор Воронежского государственного университета.

«СОРОК ЛЕТ МЫ ЛЮДИ ШТАТСКИЕ. А ВСЁ ПОМНЯТСЯ БОИ»

Плаксенко Николай Алексеевич родился в 1918 году в крестьянской семье в селе Рамони, в 1933 году окончил семилетку, в 1934-м поступил на рабфак, а затем на геологический факультет ВГУ, который окончил в 1941 году. Перед самой войной он успел вкусить романтику геологических поисков месторождений на Колыме. После окончания факультета он собирался ехать на Колыму, в так называемый Дальстрой, уже получил приглашение и даже «подъемные». Колыма звала к себе – там ждала интересная работа, возможность открытия новых месторождений.

Но война заставила отложить надежды и замыслы. Николай Алексеевич воевал на Южном, 4-м Украинском, 1-м и 2-м Прибалтийском фронтах.

В действующую армию попал не сразу. Большая группа выпускников геологического факультета (Савин, Игнатченко, Гречкин и др.) была направлена в Москву в Военно-инженерную академию им. В. В. Куйбышева. Попал в топографы. Потом получил назначение во Фрунзе в военно-топографический отряд. С ноября 1942 года был направлен военным топографом танкового корпуса. Боевое крещение получил под Мелитополем, где танковый корпус «пробивал бреши» на подступах к Крыму. За эту операцию Н. А. Плаксенко получил свою первую боевую награду – медаль «За боевые заслуги». Потом – путь от Джанкоя к Севастополю майором танкового корпуса. Войну окончил в Румынии. Николай Алексеевич вспоминал: «Это было незабываемое зрелище. Грохот орудий, треск автоматных очередей и – слезы радости на глазах. Казалось, конца войне не будет – и вот она, победа… И наступает какая-то совершенно новая жизнь. Непривычная. Не похожая на ту, что была все эти четыре года войны».

Первые послевоенные годы работал старшим геологом Курской железорудной экспедиции, младшим научным сотрудником горногеологической станции Института горного дела АН СССР. Одновременно с 1951 по 1954 год он – аспирант кафедры минералогии и петрографии Воронежского университета. После защиты кандидатской диссертации был избран на должность доцента организованной в 1955 году кафедры геологоразведочного дела и полезных ископаемых, которую возглавил в 1960 году. В 1966-м Плаксенко завершил работу над докторской диссертацией на тему «Главнейшие закономерности железорудного осадконакопления в докембрии (на примере Курской магнитной аномалии)», и опубликовал соответствующую монографию. Книга стала настольной для многих геологов, работающих на железорудных месторождениях.

Всю свою научную деятельность Н. А. Плаксенко посвятил изучению одной из актуальных проблем современной геологии – закономерностям железорудного осадконакопления в докембрии и разработке теоретических основ докембрийского литогенеза. Его работы являются результатом многолетних исследований и обобщений огромного фактического материала по древним метаморфическим толщам, собранного, главным образом, на уникальном природном полигоне, которым является Курская магнитная аномалия.

Научные труды Н. А. Плаксенко отличаются глубиной и фундаментальностью анализа, широтой научных обобщений и обоснованностью практических выводов. Установленные им закономерности являются крупным вкладом в отечественную и мировую геологическую науку. Они вошли в учебники, нашли широкое применение при прогнозировании, поиске и разведке железорудных месторождений КМА и других регионов. Как ученый, Н. А. Плаксенко пользовался большим авторитетом среди геологов КМА, Украины, в содружестве с которыми написано несколько монографий. Многочисленные ученики успешно развивают его идеи. Как научный руководитель, Николай Алексеевич никогда не давил своим авторитетом, не осуществлял мелочную опеку: вовремя поданный совет, а дальше – полная самостоятельность.

Н. А. Плаксенко – автор более 130 научных работ, редактор 23 научных изданий. При его непосредственном руководстве и содействии успешно решались многие проблемы геологии. Он являлся руководителем комплексной научно-исследовательской программы КМА, в разработке которой участвовали ученые разных специальностей, организатором многих республиканских, всесоюзных и международных совещаний. Свидетельством высокого научного авторитета служит избрание его членом различных комиссий АН СССР по осадочным породам, геологии докембрия, проблемам метаморфизма, а также членом координационного совета по проблемам КМА.

Много сил, знаний и опыта отдавал Н. А. Плаксенко педагогической работе. Возглавляемая им кафедра проводила большую работу по становлению новой специализации, инженерно-экономической подготовке геологов-разведчиков.

Он воспитывал в студентах лучшие традиции и преданность геологии, умение преодолевать любые трудности, отдавать себя любимой профессии.

В те годы молодой, живой, энергичный преподаватель сразу завоевал симпатии студентов; его веселый, общительный характер, остроумие и находчивость в сочетании с высокими профессиональными качествами находили отклик. Не для одного поколения выпускников его имя ассоциируется с лучшими годами студенческой жизни. Николай Алексеевич охотно принимал участие в традиционных университетских днях поэзии. Стихи его печатались в областных газетах, газете «Воронежский университет», сборнике «Слово бойца», поэтической антологии «Университетская муза».

В его стихах часто всплывала память войны, память о фронтовых товарищах:

Сорок лет мы люди штатские,
А всё помнятся бои.
Вёсны зимами сменяются
В веренице лет седых.
А друзья не забываются,
Что остались в молодых…
Вновь дорогами неблизкими
Навестить друзей иду,
Что остались обелисками
У планеты на виду.

Интенсивную научно-педагогическую деятельность Н. А. Плаксенко сочетал с административной и общественной работой. Он избирался ректором ВГУ (1973–1983), деканом геологического факультета (1967–1968), 15 лет был заведующим кафедрой геологоразведочного дела и полезных ископаемых. Заслуги Н. А. Плаксенко в годы войны и труда отмечены 12 правительственными наградами, среди них орден Отечественной войны II степени, орден Красной Звезды, два ордена Трудового Красного Знамени, медали. Он удостоен почетного звания заслуженного деятеля науки РСФСР.

Владимир Чепилов

Галина Михайловна

ПОГОРЕЛЕНКО

(1936–2003)

Кандидат филологических наук, доцент.

Сфера научных интересов: вопросы методики обучения русскому языку как иностранному, история русского литературного языка.

Окончила филологическое отделение историко-филологического факультета Воронежского госуниверситета (1959). Преподаватель, старший преподаватель, доцент кафедры русского языка для специальностей гуманитарного профиля подготовительного факультета для иностранных граждан ВГУ (1966–1999), с 1969 года заведующая кафедрой русского языка для специальностей гуманитарного профиля подготовительного факультета для иностранных граждан ВГУ. В 1978–1980 годах работала в Алжире, заведовала кафедрой русского языка в Национальном институте легкой промышленности в г. Бумердесе.

СИЛЬНАЯ, СВЕТЛАЯ, ДОБРАЯ

Жизнь Галины Михайловны Погореленко прочно связана с университетом: окончив филфак в 1959 году, она поступила в аспирантуру при кафедре русско-славянского языкознания; в 1967 году – по рекомендации своего научного руководителя профессора Валентины Ивановны Собинниковой, стала преподавателем русского языка в группе афганских студентов. Еще не существовало ни деканата по обучению иностранных граждан, ни специальной кафедры. В университет приехали первые иностранцы, и методика их обучения добывалась по крупицам в самом процессе преподавания – путем эксперимента.

Когда в 1968 году был основан подготовительный факультет для иностранных граждан, первые заведующие, профессора Марина Васильевна Федорова и Анатолий Михайлович Ломов, передали ей бразды правления новой кафедрой. Молодая заведующая энтузиазмом и вдохновением занялась совершенно не известным ей и, как оказалось, весьма специфичным и нелегким делом. Она добилась проведения выездных семинаров, проводимых опытными специалистами из Москвы и Ленинграда, и мы изучали методику преподавания русского языка как иностранного «без отрыва от производства».

Галина Михайловна стремилась развить у своих подопечных, недавних школьных учителей и вчерашних вузовских выпускников, вкус к методической и научной работе: всячески поддерживала выступления на конференциях, написание докладов и статей и вообще любую творческую инициативу. Она была уверена, что это повышает квалификацию не только каждого преподавателя, но и коллектива в целом. Свою учебу в аспирантуре Г. М. Погореленко успешно завершила в 1969 году защитой диссертации по истории русского языка. Ей удавалось совмещать преподавание, заведование огром-

ной кафедрой (до 30 человек!), написание диссертации, десятков научных статей и учебных пособий, воспитание детей, уход за больной матерью.

В то же время Галина Михайловна была требовательным, энергичным руководителем-профессионалом, создавшим одну из лучших кафедр страны в системе обучения иностранцев – сплоченный творческий коллектив, в котором за 30 лет ее руководства выросло около десятка кандидатов наук. Яркий пример – путь в науку И. Н. Басс, школьной учительницы, приехавшей из Ленинграда. Творческие силы и педагогические способности Ирины Николаевны были направлены Галиной Михайловной на разработку первой в стране внутризамкнутой системы учебного телевидения (ВЗТС). Вся кафедра участвовала в этом педагогическом эксперименте, что объединяло коллектив и стимулировало его профессиональный рост.

Галина Михайловна стала мозговым центром и вдохновителем этой огромной работы, щедро делилась идеями, всячески поддерживала Ирину Николаевну как главного разработчика научно-методических основ ВЗТС. В результате иностранные студенты получили прекрасное аудиовизуальное средство обучения – живые телеуроки по русскому языку. И. Н. Басс защитила в Москве кандидатскую диссертацию, а кафедра приобрела славу одной из самых мобильных в освоении ТСО. Разумеется, без поддержки и помощи ректората и деканата (профессора Г. Ф. Горского, профессора В. В. Гусева, доцента И. Н. Зорникова, доцента В. А. Павловой) идея едва ли получила бы столь блестящее воплощение…

Наши телеуроки с успехом используются и в стране, и за рубежом. Бесспорно, во всём этом главная заслуга принадлежит Г. М. Погореленко: она никогда не боялась браться за неведомое, всегда доводила начатое до конца с присущими ей талантом организатора и редкой трудоспособностью.

В 1976 году Галину Михайловну призвали создать кафедру русского языка для иностранцев в Воронежском технологическом институте, с чем она отлично справилась. Вторая важная веха ее деятельности относится к 1979–1980 годам, когда в городе Бумердесе (Алжир) она вместе со столичными специалистами создавала Центр русского языка, за что получила государственные награды. Так было и в девяностые годы, когда на подготовительном факультете начал функционировать компьютерный класс. Галина Михайловна возглавила творческую группу, создавшую впоследствии ряд компьютерных учебных программ по русской грамматике, которые пользуются неизменной популярностью у иностранных студентов ИМО ВГУ.

В своей работе Галина Михайловна предпочитала интересы дела личным отношениям: у нее не было ни фаворитов, ни нелюбимых, она общалась одинаково уважительно со всеми, принимала принципиальные и поэтому справедливые решения (они ей обходились недешево), и никому в голову не приходило возражать, хотя далеко не всем они были по вкусу. Галина Михайловна умела «развернуть» амбиции одного члена кафедры в сторону интересов коллектива, была чужда предвзятых оценок и закоснелых догм.

Ее манера руководить была столь демократичной, что коллеги из других вузов, наблюдая ее среди «своих», не переставали удивляться простоте и искренности нашего общения. Однако Г. М. Погореленко никогда не переступала той

тонкой грани, за которой у одного руководителя начинается диктаторство, а у другого – панибратство. Порой нам казалось, что руководство Галины Михайловны и не руководство вовсе, а равноправное доброжелательное сотрудничество, радение о нашем общем поле деятельности, при котором последнее слово всегда остается за ней, за ее авторитетом профессионала. Подкупало редкое качество нашего заведующего – самокритичность, способность прилюдно признать свои просчеты, а порой и посмеяться над ними. Требовательность к себе, высокая самоотдача давали ей право требовать от нас честного выполнения своих обязанностей и ответственности за результаты труда.

Галина Михайловна воспитала сплоченный, сосредоточенный на творческом труде коллектив единомышленников, в тридцатилетней истории которого не нашлось места интригам, «подсиживаниям» и т. п., несмотря на то что кафедра на 99 % состояла из представительниц слабого пола… Любопытно, что на кафедре не задерживались люди иного склада: вкусив нелегкого хлеба, они скоро находили себе места полегче. Да и не всякий выпускник языковых факультетов ВГУ был готов выполнять за год тысячу часов аудиторной нагрузки, дежурить по праздникам в общежитии, учить студентов культуре быта, мыть с ними окна и двери, сверх того – оставлять на четыре месяца семью, уезжая на ФПК, а в конце учебного года отчитываться о выступлениях на конференциях и написанных методических работах.

Галину Михайловну, при всей ее требовательности, нельзя назвать руководителем-максималистом. Ее мудрые, трезвые оценки возможностей сотрудников являли собой диалектичный взгляд на человека. Мы имели право на ошибки, даже серьезные, но повторять их уже не могли.

Воспитывала Галина Михайловна исподволь, никогда не диктовала своей воли. Обсуждая альтернативы, заведующая лишь предлагала вариант решения – обоснованный и безукоризненный со всех точек зрения. Другие варианты отпадали автоматически: настолько нецелесообразными выглядели они на фоне предложенного ею.

…Ее жизнь не была безоблачной: гибель отца во время Великой Отечественной войны, вынужденная разлука с матерью, полуголодные послевоенные годы в Мичуринске в доме бабушки, домашние задания в полутемной комнатушке на сундуке… Этот горький опыт научил ее отзывчивости и чуткости к чужой беде, и не было человека, которому она отказала бы в помощи в трудную минуту, всегда спешила делать добро. Уже будучи прикованной к постели, Галина Михайловна всем сердцем переживала наши беды и победы, удачи и несчастья, сама вселяла надежду в тех, кто приходил поддержать ее. Как у матери, у нее получали благословение перед отъездом за границу; она оценивала наши учебные пособия, сборники статей; обменивалась интересными книгами, так как читала чрезвычайно много, открывая новые издания, интересных авторов. Радовалась успехам наших детей и рождению внуков… Тяжело больная, она искренне интересовалась жизнью кафедры, оставаясь непререкаемым авторитетом и верным другом, готовым подставить нам свое мужественное плечо.

Елена Акаткина

Зинаида Даниловна

ПОПОВА

(1929–2017)

Доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ.

Основные научные интересы: теория языкознания; исторический и современный синтаксис русского языка; русская и общая фразеология и лексикология; контрастивная и когнитивная лингвистика. Основатель научной школы, изучающей актуальные вопросы лингвистической теории.

Окончила филологическое отделение историко-филологического факультета ВГУ (1951). Преподаватель, доцент кафедры русского языка Курского государственного педагогического института (1957–1960). Доцент кафедры русско-славянского и общего языкознания ВГУ (с 1960). Заведующая (с 1973), профессор (с 1995) кафедры общего языкознания и стилистики ВГУ. Преподаватель на курсах русского языка в Польской Народной Республике, Австрии, Германской Демократической Республике,Чехословакии.

НАША ЗИНАИДА ДАНИЛОВНА

Опять звонит телефон: «Зинаиду Даниловну можно?» Лаборант кафедры отвечает: «Зинаида Даниловна будет к трем часам».

Второй звонок, третий, четвертый… «А Зинаида Даниловна еще не пришла? Звонили домой, ее там нет!»

…А Зинаида Даниловна в это время идет пешком в университет. Идет не спеша, по тихим улочкам, от вокзала к площади Ленина, обдумывая задачи на сегодняшний день…

Вот Зинаида Даниловна идет уже по длинным коридорам гуманитарного корпуса университета. Но дойдет она до своей кафедры еще не скоро – ее остановят сначала на первом этаже, затем на втором, потом на лестнице около деканата, у двери кафедры.

Что же это за человек, который нужен всем? Профессор, доктор филологических наук Зинаида Даниловна Попова.

…Вспоминаю, как я впервые познакомился с Зинаидой Даниловной. На научной конференции в университете, где она руководила секцией, я оказался случайно: мне разрешили выступить с небольшим сообщением, хотя в университете я не работал. Это было в начале семидесятых годов, я работал учителем в школе и одновременно учился в заочной аспирантуре в Москве. Работать над диссертацией было трудно – в Москву не наездишься, а в Воронеже, на факультете РГФ, который я окончил, получить консультацию или рецензию на статью было не у кого. Варился, в общем, в собственном соку, а тут – конференция. Здесь я и увидел Зинаиду Даниловну.

Она с первого взгляда расположила к себе – мягкостью, доброжелательностью. Зинаида Даниловна совершенно неожиданно похвалила мой доклад. После конференции я набрался смелости, представился ей и обратился с просьбой отрецензировать статью, которую

подготовил по теоретической части своей диссер*тации.* Зинаида Даниловна сразу согласилась, расспросила о моей научной работе, где я работаю, чем занимаюсь. Назначила день и час, когда я должен прийти за отзывом. Пришла Зинаида Даниловна точно в назначенное время и вручила мне отзыв. Что особенно меня поразило? Отзыв был отпечатан, подписан, и уже стояла печать. Профессор, доктор наук – и не «постеснялась» сделать всё сама для совершенно постороннего человека из какой-то вечерней школы!

Когда я познакомился с Зинаидой Даниловной поближе, а впоследствии и стал работать под ее руководством, окончательно убедился, что простота, естественность в поведении со всеми, готовность помочь любому человеку, которому ее помощь нужна, независимо от ранга и звания, – неотъемлемые черты профессора. И при этом – никакого превосходства, подлинная интеллигентность.

Зинаида Даниловна Попова – университетский профессор в полном смысле этого слова.

…Школьные годы Зинаиды Даниловны пришлись на войну. Эвакуация из родного города, скитания по стране – Куйбышевская область, Саратовская область, Марийская АССР, Брянск. Учиться приходилось урывками – год там, полгода в другом месте, потом опять новая школа. Но и в этих условиях Зина Козырева заканчивает школу с золотой медалью.

И вот снова Воронеж – разрушенный, разгромленный, но такой родной. Вернулся из эвакуации университет, и Зина делает свой выбор – в 1946 году становится студенткой-филологом.

Со студенческих лет Зина Козырева – заметный человек на факультете и в университете. В это время тон на истфилфаке задавали студенты-фронтовики, вернувшиеся с фронтов и жадно рванувшиеся в учебу, науку, общественную работу, истосковавшиеся по мирной жизни и мирным делам. Отличниками учебы, активистами в общественной работе, примером для всех были фронтовики-орденоносцы Б. Удодов, С. Титов, И. Торопцев, Г. Антюхин. И вот среди этих имен, постоянно мелькавших на страницах университетской многотиражки послевоенных лет «За научные кадры», появляется имя вчерашней школьницы Зины Козыревой, которая ни в чем не уступала «зубрам» – ни в учебе, ни в науке, ни в общественной работе, ни в самодеятельности.

В студенческие годы Зинаида Даниловна не только сама увлеченно занималась научной работой, но и активно вовлекала в нее своих сокурсников. Она была председателем студенческого научного общества филологического отделения, с энтузиазмом пропагандировала занятия научной работой.

Отличная учеба, научная работа отнимали массу времени. Но, как известно, кто больше работает, тот больше и успевает. Зина Козырева жила полнокровной студенческой жизнью, занималась общественной, комсомольской работой. Самая, пожалуй, яркая сторона общественной работы З. Козыревой в университете – ее участие в художественной самодеятельности.

Зинаида Даниловна еще в эвакуации закончила музыкальную школу. Перейдя на второй курс, освоившись с учебой на истфилфаке, она поступает на фортепьянное отделение Воронежского музыкального училища, которое заканчивает параллельно с университетом в 1952 году. Учеба сразу в двух учебных заведениях, одновременно – под силу ли это? Оказывается, под силу, если любишь и филологию и музыку. В университете Зинаида Даниловна занимается художественным чтением, играет в драмкружке.

Напряженной, насыщенной жизнью живет З. Козырева. Всё ей интересно, всё нравится, всё оказывается по плечу. Но постепенно на передний план выдвигается наука – лингвистика, интерес к которой определил всю дальнейшую судьбу Зинаиды Даниловны. Отличная учеба (диплом с отличием), глубокий интерес к научной работе привели се по окончании университета в аспирантуру. Зинаида Даниловна становится аспиранткой кафедры русского языка. Руководит ее работой над диссертацией Валентина Ивановна Собинникова.

Три года аспирантуры – три года напряженной работы. Подготовку диссертации приходилось совмещать с преподавательской работой: такая обстановка сложилась на кафедре, что аспирантам пришлось взять на себя часть лекционных курсов и практических занятий. Был и еще один необычный факт в биографии Зинаиды Даниловны в этот период – одновременно ей пришлось в течение всех трех лет аспирантуры работать преподавателем в детской музыкальной школе Центрального района г. Воронежа – по распределению. Нетрудно представить себе, какой высочайшей организованности потребовали от нее эти годы. Зинаида Даниловна остается в это время и активным общественником. В 1954 году она заканчивает аспирантуру и успешно защищает кандидатскую диссертацию. Ее оставляют преподавателем кафедры русского языка.

И с тех пор, за исключением трехлетнего курского периода, когда по семейным обстоятельствам пришлось работать в Курском пединституте, учебная и научная работа Зинаиды Даниловны связана с университетом, филфаком.

В июне 1970 года З. Д. Попова защищает докторскую диссертацию. Отметим: не будучи в докторантуре, не имея какого-либо творческого отпуска, при полной учебной и общественной нагрузке, женщина, имеющая 15-летнюю дочь, живущая в стесненных жилищных условиях и работающая в периферийном, в общем-то, вузе, защищает доктор скую диссертацию – защищает блестяще, в ведущем академическом институте страны. При этом диссертантке всего 40 лет, случай вообще не частый для гуманитарных наук и тем более для исторического синтаксиса как раздела филологии научного направления, требующего обширнейшей филологической подготовки, эрудиции, архивной работы, отличного знания древних текстов. Цельность и целеустремленность натуры, помноженные на высочайшую организованность в работе и подлинную любовь к своему делу, – вот из чего складываются столь впечатляющие научные результаты З. Д. Поповой.

В 1972 году Зинаида Даниловна становится профессором, а в 1973 году возглавляет новую кафедру общего языкознания и стилистики. Кроме традиционных

лингвистических дисциплин, кафедра должна была обеспечить обучение русскому языку быстро растущего контингента иностранных учащихся на факультете. Не было программ, пособий, не было опыта, преподавателей, наконец. И в это время в полной мере раскрылись способности Зинаиды Даниловны как руководителя.

За короткий срок под ее руководством кафедра оформилась, выросла и количественно и качественно, в сжатый срок освоила все необходимые курсы, стала заметным научно-методическим центром в регионе. На кафедре формируется научное направление – сопоставительно-семантическое описание русской языковой системы, направленное на теоретическую разработку и практическое обеспечение потребностей преподавания русского языка носителям разных языков. Сложился работоспособный коллектив кафедры, доброжелательная и вместе с тем требовательная обстановка в кафедральном коллективе. Пример ответственного отношения к своим обязанностям показывала прежде всего заведующая кафедрой. Зинаида Даниловна работала больше всех, и рядом с ней работать не в полную силу было просто нельзя – стыдно, совестно.

Заведование большой кафедрой (более 20 человек), обязанности замдекана по научной работе, работа начальником гуманитарного отдела НИЧ ВГУ и десяток других обязанностей отнимали, казалось, всё время, не оставалось времени для науки. Но … за время заведования кафедрой профессор З. Д. Попова опубликовала более 100 научных работ, в том числе 10 монографий. Под ее руководством более 30 аспирантов защитили кандидатские диссертации, вышли 8 межвузовских сборников по проблеме кафедры и два тома коллективной монографии, а также около двух десятков разных других работ, где Зинаида Даниловна – научный редактор. Когда она это успевала? «В свободное от работы время», – улыбается Зинаида Даниловна.

В научной работе Зинаида Даниловна – прекрасный наставник и партнер, с ней легко и приятно работать. Она всегда выступает как равноправный соавтор. Всегда бережно, с удивительным вниманием и тактом относится к идеям и материалам «младших по званию» соавторов, всячески поощряя их исследовательские интересы, приветствуя и развивая полученные ими результаты.

Огромная притягательная сила Зинаиды Даниловны как ученого и как человека, ее готовность выслушать, помочь научной консультацией любому, кто к ней обратится, широко известны за пределами университета и города, что привлекает к ней многих людей, интересующихся наукой. Зинаида Даниловна не отказывает в консультации, в помощи никому, независимо от возраста, уровня подготовки, места жительства и т. д. Круг людей, работающих под ее руководством над научными темами, неизменно велик.

А еще – рецензирование кандидатских и докторских диссертаций. «Моя норма – 15–20 диссертаций в год», – подсчитала как-то Зинаида Даниловна. А еще – оппонирование, работа в специализированном совете по защите кандидатских диссертаций. И всё это – в свое личное время.

Как же удается Зинаиде Даниловне всё это совмещать, всё это успевать? А всё просто: дело в организованности, выработанной со студенческих лет, а главное, конечно, в любви к своей работе, к тому, что ты делаешь, что избрал для себя.

…В общении Зинаида Даниловна всегда спокойна, ровна, не повышает голоса. Только близкие люди знают, чего порой стоит ей это спокойствие. Но Зинаида Даниловна с годами выработала в себе это умение – спокойно и объективно смотреть на любую ситуацию, проблему, на любой конфликт, искать такое решение, которое было бы справедливо и максимально приемлемо для всех.

Зинаида Даниловна обладает обширнейшими, по-настоящему энциклопедическими знаниями. Понятие «энциклопедист» сейчас не очень популярно – считается, что нынче таких людей нет. Но по широте и глубине знаний Зинаида Даниловна именно человек энциклопедического склада ума. Она энциклопедист не броский, не демонстрирующий свою эрудицию как таковую, а органично вплетающий обширные знания в практику научной и педагогической работы.

Глубоко владеет Зинаида Даниловна философией, историей философии, многие ее работы посвящены философским проблемам науки о языке. Зинаида Даниловна интересуется проблемами современной психологии и педагогики, физиологии высшей нервной деятельности, физиологии, биологии и антропологии, социологии. Она читает по-английски, французски и немецки, свободно ориентируется в латинских и старославянских текстах.

…Но вот и кончается день консультаций. Ушел от Зинаиды Даниловны последний посетитель – на сегодня последний. Сложены в особый ящик стола рукописи статей, диссертаций, которые принесли соискатели и аспиранты, – всё это надо читать, рецензировать, править. Сейчас кое-что из этого ящика перекочует в портфель Зинаиды Даниловны и отправится с ней домой, а что-то останется до завтра.

Надо немного посидеть перед дорогой, подумать: неужели на сегодня все дела сделаны?

А теперь можно и в путь. В путь, который наверняка проляжет через магазины, что на пути домой, – ведь Зинаида Даниловна нужна еще и своей семье, и своим внукам.

Она – человек, который нужен всем.

Иосиф Стернин

Печатается по: Университетская площадь: Очерки. Воспоминания. Воронеж, 1998. С. 135–140.

Анатолий Дмитриевич

ПРЯХИН

(1939–2018)

Доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, почетный гражданин города Ельца.

Научные интересы: археология восточноевропейской лесостепи, изучение роли скотоводов степи и лесостепи Евразии и развитие древних цивилизаций, история и археология Древней Руси, история отечественной археологии. Возглавлял одну из ведущих научных школ ВГУ в области археологии евразийской лесостепи.

Окончил исторический факультет Воронежского госуниверситета (1962). В 1961–1966 годах лаборант ВГУ. С 1967 года преподаватель, доцент кафедры истории СССР досоветского периода, заведующий кафедрой археологии и истории древнего мира ВГУ (1976–2007). С 1999 года научный руководитель лаборатории ВГУ и Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук по историографии археологии Евразии.

ГЛАВНЫЙ КОРПУС

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ПРИВЫК ВСЁ ДЕЛАТЬ САМ

Кто встает раньше всех?

Жаворонок.

И – Анатолий Дмитриевич Пряхин. В пять утра он уже на ногах. А чтобы проснуться позже шести – такого вообще не бывает. И даже в выходные, когда всё прогрессивное человечество предпочитает подольше поваляться в постели, Анатолий Дмитриевич не изменяет своей привычке.

Возможно, это правило связано с профессиональной привычкой: профессор Пряхин – археолог. Почти ежегодно бывает в экспедициях, вставать в которых приходится рано. Поскольку семья еще спит, в одиночестве Анатолий Дмитриевич пьет свой любимый напиток – кофе. Такова утренняя традиция – кофе во второй половине дня, как правило, не предполагается.

С утра Пряхин садится за письменный стол. «Утро вечера мудренее» – эта пословица, кажется, специально для него придумана.

* * *

Родина Пряхина – старинный город Елец. Впрочем, школу Анатолий Пряхин закончил в Кашире, под Москвой. Интересовался историей. Но, как вспоминает сам, «жестко на археологию не шел». Правда, в те годы в Кашире вели раскопки археологи, и Анатолий Пряхин в этих раскопках участвовал. Кое-что из области археологии любознательный школьник уже знал. В частности, был наслышан о Костенках. Хотя, разумеется, не предполагал, что когда-нибудь будет причастен к раскопкам этого городища.

Тем не менее в Воронеже на истфаке оказался неслучайно: во-первых, боялся, что родители не отпустят учиться в МГУ на ис-

тфак, а во-вторых, Воронеж был издревле одним из центров расселения славян, и это обстоятельство сыграло, пожалуй, решающую роль в выборе каширским школьником места своей учебы.

Став первокурсником, Анатолий Пряхин очень быстро оказался в кружке археологии, которым руководила в те годы доцент Анна Николаевна Москаленко, замечательный ученый и педагог. Значение кружка, возглавляемого Анной Николаевной, трудно переоценить – это было настоящее Дело. Студенты здесь не просто посвящались в тайны науки, они ею занимались.

Археологическая экспедиция университета и краеведческого музея, руководимая Анной Николаевной, начиная с пятьдесят четвертого года проводила раскопки славянского городища на правом берегу Дона, неподалеку от хутора Гитчиха. Это были настоящие полевые работы, продолжавшиеся с 1954 по 1962 год. Здесь прошли начальную школу археологии многие университетские ученые: и будущие профессора Пряхин и Винников, и доценты Беседин и Цыбин, и многие, многие другие.

До сих пор Анатолий Дмитриевич вспоминает с благодарностью школу Гитчихи и уроки Анны Николаевны Москаленко. По рекомендации Анны Николаевны в конце пятидесятых попал Анатолий Пряхин в экспедицию академика Рыбакова, работавшую на раскопках Любечского замка на Черниговщине. Встреча с академиком Борисом Александровичем Рыбаковым и предрешила окончательный выбор Анатолия Пряхина. (В прошлом году участники той экспедиции вновь собрались в Любече. Почти сорок лет минуло: много воспоминаний о тех годах было.)

Навсегда запомнилась тогдашнему студенту Пряхину колоритная фигура Бориса Александровича Рыбакова в комбинезоне и со щупом в руках. Борис Александрович был легендой для всех них, молодых археологов.

– Бывало, объясняя что-нибудь, – вспоминает Анатолий Дмитриевич, – размахивает Рыбаков руками, кричит, а голос у академика – громовой! Или стоит у доски: в одной руке – указка, в другой – мел. Кажется, сейчас доска рухнет. А мел в руках и впрямь дробился. Могучий человек. Не талант, а талантище! Мы на раскопках воспринимали Бориса Александровича как Бога.

Четверть века Рыбаков был директором Института археологии Академии наук. Затем Бориса Александровича сменил на этом посту академик Валерий Павлович Алексеев, известный в стране и за рубежом антрополог. Алексеев приезжал в Воронеж читать лекции, когда Пряхин был еще студентом. А потом уже, как говорится, судьба свела этих людей.

Сам Пряхин тоже из числа вечных тружеников. Дома у профессора есть кабинет, сплошь заставленный экспонатами, привезенными из экспедиций. Раньше, когда был моложе, закидывал мешочек за спину и неделю-две гулял пешочком. И семью с собой брал. Жена лет тридцать сопровождала мужа в этих экспедициях. Дети – тоже. Сейчас, понятное дело, время «семейной археологии прошло».

У детей своя жизнь, да и сам Анатолий Дмитриевич стал ездить меньше – возраст берет свое.

Что же касается работоспособности… Вот посмотрите: в шестьдесят седьмом Анатолий Дмитриевич защищает кандидатскую диссертацию, в семьдесят седьмом – докторскую. Всего десять лет разрыва между двумя защитами! Для ученого-гуманитария это срок крайне минимальный.

Перу профессора Пряхина принадлежит восемь книг и около двухсот научных статей. В частности, Анатолием Дмитриевичем написана одна из немногих книг по истории археологии в СССР «История советской археологии (1917 – середина 30-х годов)». Он автор интересной научно-публицистической книги «Археология», вышедшей в Воронеже.

Благодаря работам Анатолия Дмитриевича мы по-новому смотрим сегодня на многие проблемы эпохи бронзы, в частности на вопросы истории юго-востока Древней Руси. Ученый уделяет большое внимание истории летописных городов на этой территории. Наибольшее значение имеют, пожалуй, проводимые в последние годы под руководством профессора Пряхина раскопки Семилукского городища на реке Дон.

Поэтому никто в университете особенно и не удивился, увидев в 1989 году фамилию профессора Анатолия Дмитриевича Пряхина среди претендентов на свободные вакансии в Российскую Академию наук. Кто-то откровенно завидовал, кто-то ухмылялся, сам же Пряхин воспринимал происходящее как само собой разумеющееся.

В Академию Анатолия Дмитриевича не выбрали – не добрал одного голоса. Горевал очень. Но уверенности в себе не утратил. На очередных выборах собирается вновь баллотироваться в Академию.

Это – Пряхин. Тот Пряхин, который на мой вопрос, знает ли он плохих людей, без долгих колебаний отвечает:

– Нет! Не встречал таких в жизни. Неприятности – это явление временное, это жизненная суета. Я вообще стараюсь от крайних выводов уходить.

– Так всегда было? – спрашиваю.

– Нет, эта позиция возникла со временем. Нельзя давать окружающим свои оценки происходящего. Надо размышлять. Размышление – это совсем другое. Оценка же – это доведение позиции до абсурда. Надо уметь остановиться.

Может, поэтому за профессором Пряхиным толпами ходят студенты. На лекциях своих Анатолий Дмитриевич перекличек не делает. Зачем? Из сорока студентов потока едва ли один-два пропускает занятия.

– Если студентов на занятиях мало, – резонно рассуждает Анатолий Дмитриевич, – преподаватель сам должен понять, почему так происходит, а не грозить карами деканата.

На сессии Пряхин-экзаменатор предпочитает выяснять не то, чего студент не знает, а то, что он знает.

* * *

– Пряхин – человек неоднозначный, – загадочно сказал Андрей Германович Глебов, доцент кафедры средних веков. Сказал – и убежал по делам.

И я стала выяснять, что скрывается за этой интригующей формулировкой.

Зайдите на любую кафедру истфака – всюду ученики профессора Пряхина. Даже в детской художественной школе, что на Среднемосковской, работает одна из учениц Анатолия Дмитриевича – Марина Александровна Кравцова, преподающая в этой школе историю искусств. Она говорит: «Пряхин – это человек, который умеет ставить цель и добиваться достижения ее».

Самая большая гордость археолога Пряхина, конечно же, Мосоловка – уникальное поселение металлургов-литейщиков второй половины II тыс. до н.э. у села Мосолово на реке Битюг. Нынче этот памятник широко известен не только в нашей стране, но и за рубежом. А возник он, как говорится, из ничего. Но это только так говорится – «из ничего». Был кропотливый труд нескольких экспедиций, которые в течение первых десяти лет вели здесь раскопки под руководством Анатолия Дмитриевича и его ученика Владимира Ивановича Сагайдака, а с 1977 года – самого Пряхина.

В годы, предшествовавшие написанию докторской диссертации, Анатолий Дмитриевич систематически проводил полевые исследования на территории Центрального Черноземья, Поволжья, Южного Урала, в Липецкой, Воронежской, Пензенской областях.

Сегодня монографии А. Д. Пряхина «Поселение абашевской общности» (1976) и «Погребальные абашевские памятники» (1977) стали археологической классикой, как и его статьи по археологии восточноевропейской лесостепи.

«Неоднозначный» Пряхин создал на факультете кафедру археологии и древнего мира и много лет ее возглавляет.

Об археологии Анатолий Дмитриевич может говорить часами. Особенно когда объясняет, чем археологическое наследие отличается от историко-культурного.

– Памятники археологии являются одновременно и памятниками природы. Объем информации, который они дают, значительно больше того, что мы получаем при простом изучении истории культуры человека. Вот почему я считаю, что археологическое наследие мы должны рассматривать как, с одной стороны, одно из звеньев историко-культурного прошлого общества, а с другой – как составляющую часть палеонтологии природной среды. Особенно это важно в наше время. И академик Алексеев об этом же говорил много лет назад.

«Неоднозначный» Пряхин, добросовестно выполнявший еще в студенческие годы обязанность лаборанта, сегодня является, по существу, руководителем воронежской школы археологов, получившей международное признание.

В квартире Пряхиных среди предметов старины выделяются африканская маска из черного дерева и небольшая деревянная статуэтка

– Подарки Президента Мали, – говорит Анатолий Дмитриевич.

У статуэтки этой своя предыстория. Как и многие факультеты университета, истфак в шестидесятые-семидесятые годы активно участвовал в подготовке научных кадров для развивающихся стран Азии, Африки, Дальнего Востока и Латинской Америки. На кафедре археологии прошли обучение студенты из Мали, Гвинеи-Бисау, Эфиопии, Судана, Мозамбика, Колумбии, Венесуэлы, Панамы. Многие из них успешно работают у себя на родине. Вот и сложилась в Мали собственная археологическая школа, ведущие позиции в которой занимают выпускники кафедры, ученики Анатолия Дмитриевича.

Так что всё дальнейшее выглядело вполне закономерно. В конце семидесятых – начале восьмидесятых профессор Пряхин стал бывать в Мали, где в окрестностях Бамако принимал участие в раскопках. Изучал там Анатолий Дмитриевич памятники культуры Дого эпохи железа, знакомился с современным бытом и традициями племен, населяющих этот район. На память о тех годах – президентский подарок.

«Неоднозначный» Пряхин активно занимается организацией разного рода научных подразделений исторического профиля – от музеев до факультетов. Создал кафедру археологии в родном университете. Организовал археологический музей, который считает предметом своей особой гордости. Но зачем воронежцу Пряхину понадобилось инициировать создание в Елецком пединституте кафедры историко-культурного наследия? Зачем поддержал возникновение истфака в относительно небольшом вузе небольшого провинциального городка, затерявшегося между Воронежем и Липецком?

А еще неутомимый профессор Пряхин стал инициатором археологических исследований на территории Ельца и его окрестностей. По инициативе профессора была разработана комплексная научно-прикладная программа «Елец и его историческая округа – уникальная территория России».

Ужели всё это хитроумный и тщеславный Пряхин задумал для того, чтобы в конце концов жители городка, сломленные напористостью своего знаменитого земляка (академик Российской Академии естественных наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации), избрали его в почетные граждане города?

Ежели так, то хитроумию Анатолия Дмитриевича нет предела: ведь еще в шестьдесят первом, являясь старшекурсником истфака, будущий почетный гражданин руководил раскопками Воргольского городища под Ельцом – родины своей.

Вот ведь до чего изворотливым провидцем своей судьбы оказался этот «неоднозначный» Пряхин!

А в сущности, если разобраться, Анатолий Дмитриевич очень живой, очень искренний и очень предсказуемый человек.

Я несколько часов провела в обществе Людмилы Петровны и Анатолия Дмитриевича и вот что выяснила.

В мире и его устройстве Пряхину не нравится только то, что всё имеет свой финал, что всё ограничено пространственно-временными рамками, что всё за-

канчивается когда-нибудь. Впрочем, сам профессор и не желает того, чего быть не может.

Только в одном Анатолий Дмитриевич неуправляем – терпеть не может галстуки. К каждому празднику настойчивая Людмила Петровна дарит мужу галстуки – дома их уже целая коллекция. И каждый раз профессор Пряхин отправляется в университет в рубашке с распахнутым воротом.

Елене Вячеславовне Черневцевой из педуниверситета Анатолий Дмитриевич кажется человеком другого склада:

– Большой. Солидный. Величина.

Жена признает:

– Характер крутой.

А сам Анатолий Дмитриевич не возражает против того, что о нем говорят окружающие. Поскольку, видимо, только он сам знает, каков он на самом деле, этот «неоднозначный» Пряхин.

Оксана Лихойванова

Печатается по: Университетская площадь : Очерки. Воспоминания. Воронеж, 1998. С. 141–150.

Лев Павлович

РАПОПОРТ

(1920–2000)

Доктор физико-химических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ.

Сфера научных интересов: ядерная физика; теория взаимодействия сильных электромагнитных полей с молекулами и ядрами. Основатель известной в научном мире школы «Фундаментальные проблемы взаимодействия оптического излучения с атомами и молекулами». Многие ученики этой школы стали докторами и кандидатами наук, работают сегодня в ведущих российских и зарубежных центрах ядерной физики.

С 1949 года ассистент, старший преподаватель кафедры электромагнитных колебаний, с 1954 года доцент, профессор, заведующий (с 1957) кафедрой теоретической физики Воронежского государственного университета. Именем ученого названа кафедра теоретической физики Воронежского государственного университета.

РАП

Рап – это не аббревиатура.

Рап – это Рапопорт Лев Павлович, доктор физико-математических наук, профессор кафедры теоретической физики, заслуженный деятель науки и техники Российской Федерации.

Рап – гроза нерадивых студентов, ленивых хозяйственников и некомпетентных преподавателей.

Было время, не занимая официально высоких должностей, держал в почтительном страхе весь физфак, да и университет, пожалуй.

В последние годы Лев Павлович стал покладист, менее ершист, хотя бездельников и невежд по-прежнему терпеть не может.

– Характерной чертой Льва Павловича остается чрезвычайно обостренное чувство нового, умение постоянно быть на переднем крае научных исследований, – говорит профессор Игорь Васильевич Копытин, ученик Рапопорта.

– Очень жизнерадостный, остроумный человек, – считает Вера Николаевна Клополе, старший лаборант кафедры теоретической физики.

– Прекрасно читает лекции, акцентирует внимание на главном, отличный специалист, создал кафедру теоретической физики, – отзываются о своем учителе четверокурсники физфака, которым Лев Павлович читает курс квантовой механики. Быстрой походкой в аудиторию входит профессор Рапопорт, и обсуждение достоинств лектора прекращается. Лев Павлович подходит к доске и начинает свой рассказ. Говорит свободно – в конспекты не заглядывает.

А потом мы сидим в его кабинете и профессор рассказывает о себе.

– У меня пестрая биография, – предваряет свой рассказ Лев Павлович.

И я совершаю путешествие по жизни моего оптимистически настроенного собеседника.

* * *

Начало биографии – 1920 год, Усмань. В семье военного медика Павла Рапопорта рождается сын – Лев. Кроме него в семье еще две сестры и брат.

Школьные годы провел в Ленинграде. Из учителей память оставила Ольгу Николаевну Вытогову, преподававшую литературу. Почти каждую новую тему по литературе учительница иллюстрировала походами в музеи, экскурсиями. А в городе было что посмотреть. Неудивительно, что когда Лев Раппопорт получил аттестат зрелости, в нем было написано: «Склонен к математике, физике, литературе». Любовь к словесности сохранил Лев Павлович на всю жизнь: в театрах он завсегдатай, с актерами дружен, в живописи, литературе разбирается хорошо, классиков цитирует по памяти так же легко, как и сложнейшие формулы квантовой механики.

Окончив девять классов, будущий физик-теоретик поступает в военно-авиационное училище в городе Энгельсе. Ничего удивительного в том нет – перед войной мальчишки всей страны бредили авиацией. Чкалов, Громов, Коккинаки, Гризодубова, Осипенко, Водопьянов – эти имена у всех на устах.

Однако, закончив училище и получив заветные лейтенантские «кубики», авиатором Лев Рапопорт не стал – комиссовали по зрению. В сороковом поступил в Московский авиационный институт, но проучился только год – началась война. Поскольку ранее обнаруженная близорукость закрывала парню путь в действующую армию, студент авиаинститута был направлен на завод № 39. Завод работал в две смены – по четырнадцать-пятнадцать часов ежедневно. Стал Лев Павлович технологом в цехе, работал добросовестно, новую профессию освоил быстро. Даже сделался рационализатором – внес предложение по экономии материалов.

Война приближалась к Москве, и 16 октября сорок первого рабочим объявили, что завод эвакуируется. А на следующий день уточнили – всем рабочим самостоятельно двигаться в Горький. В общем, неразбериха была страшная, пока очередной приказ наркомата не внес ясность – завод эвакуируется в Иркутск. Так Рапопорт оказался в Иркутске, где проработал до конца войны. И даже чуточку дольше, ибо появился приказ Комитета по делам высшей школы: бывшим студентам, мобилизованным на трудовой фронт, разрешается вернуться в свои учебные заведения, но в случае особой необходимости заводам разрешалось недоучившихся студентов попридержать у себя. Вот завод и попридержал полезного работника.

Незаменимый Рапопорт после войны стал второкурсником – поступил в институт в Иркутске. А потом был физфак МГУ, и всё вроде складывалось очень хорошо, однако врачи обнаружили затемнения в легких, и Лев Рапопорт вновь меняет

место жительства, переезжает из Москвы под Воронеж, на станцию Графская, где жила его тетка. Считалось – сосновый бор должен остановить процесс в легких.

Словом, в сорок шестом Лев Рапопорт стал четверокурсником физфака. Сказка с благополучным концом? Как бы не так! Разруха в стране в первые послевоенные годы была всеобщей, но такого недавний московский студент и даже отчасти инженер (потому что, учась в МГУ, Лев Раппопорт еще и работал инженером в лаборатории испытаний конструкций самолетов) представить себе не мог: мало того, что в разрушенном городе и потихоньку восстанавливаемом университете не было нормального современного оборудования, обеспечивавшего учебный процесс (не было в принципе никакого оборудования), так еще и преподавательский состав выглядел, по мнению Рапопорта, крайне слабым.

В свободное от работы и учебы время преподаватели и студенты физфака занимались раскопками, – разбирая горы кирпича на разрушенной университетской усадьбе, радовались каждой находке, которая могла пригодиться в лаборатории.

Но если чудом сохранившуюся деталь можно было отыскать, то как найти физика, представляющего уровень современной науки? Разумеется, студент Лев Рапопорт отлично учился, но чем ближе он продвигался к диплому, тем отчетливее понимал – современной физики в Воронеже никто не знает. Квантовую механику и ядерную физику излагали примитивно. Во всём мире квантовая физика становилась одной из самых передовых наук, а на воронежском физфаке ее отторгали.

Единственный человек, чьим мнением на физфаке дорожил Лев Рапопорт, была Мария Афанасьевна Левитская, ученый с европейской известностью. К ней в аспирантуру и поступил раздраженный тем, что увидел в Воронеже, Рапопорт.

На факультете Мария Афанасьевна пользовалась большим уважением и авторитетом. Недаром, если надо было решить какую-либо проблему в Москве или Ленинграде, в качестве тарана выступала эта худенькая, невысокая женщина с короткой стрижкой седых волос. Имя профессора Левитской открывало любую высокопоставленную дверь.

Чужая точка зрения была предметом самого пристального внимания Левитской, и, если Мария Афанасьевна видела, что оппонент предлагает небанальное решение, охотно с ним соглашались. Своим авторитетом профессор на окружающих не давила. Более того, уже после смерти Марии Афанасьевны были обнаружены ее дневники, из которых явствовало, что до конца дней своих была Мария Афанасьевна человеком чрезвычайно требовательным к себе и одновременно сомневающимся в своих силах. «В сущности, у меня, вероятно, было больше способностей к искусству, чем к науке. Но вопросы науки больше увлекали меня… Я решила… показать, что женщина способна к науке и может кое-что сделать. Увы, ничего особенного я не сделала. Но насколько позволяют мои способности и насколько допускали мою работу внешние отношения, я всё время работала. Но виновата я, что моих сил не хватило? Что могла, то сделала», – так писала Мария Афанасьевна 17 марта 1958 года.

Понятно, что этих потаенных мыслей своей научной руководительницы Рапопорт не знал. И был рад, когда Левитская предложила своему дипломнику место в аспирантуре. Правда, в Москве Рапопорт больше тяготел к эксперименту, а здесь, в Воронеже, Мария Афанасьевна посоветовала заняться теорией. Возможно, это было вызвано научными интересами Левитской либо тем очевидным обстоятельством, что экспериментальная база на физфаке тогда напрочь отсутствовала. В общем, стал Лев Павлович заниматься проблемами ядерной физики: дипломную он писал по теории бета-распада.

После защиты дипломной работы Левитская честно объяснила своему питомцу ситуацию: есть направление в целевую аспирантуру в Москву, и он, Рапопорт, может туда ехать.

– Но я прошу вас остаться в Воронеже. Вы нужны здесь, – сказала Левитская.

И послушный Рапопорт остался в Воронеже, продолжая заниматься теорией бета-распада.

А через год после пребывания Льва Павловича в аспирантуре между ним и его научным руководителем возник острый конфликт. Дело в том, что Мария Афанасьевна выдвинула одно теоретическое положение, которое непосредственно касалось работы Рапопорта. Лев Павлович счел это положение бесперспективным. На годичной аттестации аспирантов он прямо сказал об этом. Наверное, впервые в университетской практике аспирант оспаривал точку зрения своего научного руководителя.

Естественно, на ученом совете физмата (а дело происходило именно здесь) раздались негодующие голоса:

– Отчислить из аспирантуры! Чтоб другим неповадно было! Не хочешь внимать советам руководителя – уходи!

Положение было критическим – строптивого аспиранта могли выгнать. Но тут раздался голос Марии Афанасьевны:

– Товарищи, у нас сугубо научный конфликт, и не надо его решать административными мерами. Раз Лев Павлович считает, что его точка зрения более справедлива, пусть занимается такими исследованиями, которые ему представляются перспективными.

– Это был прекрасный урок подлинно научной этики, – вспоминал позже об этом эпизоде своей биографии Лев Павлович.

Рапопорт продолжал работать самостоятельно. Отношения с Марией Афанасьевной оставались ровными. Левитская уважительно называла своего аспиранта только по имени-отчеству, а Лев Павлович искренне чтил ученую, посвятившую себя их общему любимому делу – физике.

Направление своих научных поисков Рапопорт выбрал правильное (видимо, всё же не без помощи деликатной Марии Афанасьевны): физика в пятидесятые годы развивалась бурно, особенно та ее часть, которая имела непосредственное отношение к обороноспособности страны. После создания атомной и ядерной бомб ядерная физика получила дополнительный импульс.

Защитив диссертацию по теории бета-распада, Лев Павлович получил известность в научных кругах, что значительно расширило возможность молодого ученого решать как научные, так и учебно-методические задачи. По инициативе Рапопорта в университете появились новые курсы – электродинамика, квантовая механика, рентгеноспектральный анализ.

Рапопорт разрабатывал самые современные направления науки, стремясь увлечь этим тех, кто шел следом, – уже подрастали Станислав Кадменский, Игорь Копытин, Борис Зон. Работал много – до трехсотпятидесяти часов лекционной нагрузки. (Для несведущих: нормативная лекционная нагрузка нынешнего профессора в пределах 100–120 часов.) На собственно научные изыскания времени оставалось мало. Но Лев Павлович с этим не считался, ему важно было сделать необратимым процесс освоения фундаментальных представлений о современной физике на факультете.

И – добился своего. Возникла кафедра теоретической физики, которую вот уже три десятилетия возглавляет профессор Рапопорт. В пятьдесят девятом Лев Павлович открывает при кафедре аспирантуру, отбирая в нее самых способных, самых талантливых. Памятуя о собственном опыте, Лев Павлович, как научный руководитель, дает простор самостоятельным действиям своих подчиненных. Его ученики защитили пять докторских и двадцать пять кандидатских диссертаций. Авторитет кафедры теоретической физики сегодня на факультете велик чрезвычайно.

– Фанат своего дела, – характеризует учителя один из любимых учеников Льва Павловича профессор Станислав Георгиевич Кадменский (сам фигура в высшей степени неординарная – и бывший народный депутат России, и лауреат различных престижных научных премий, и соросовский профессор), заведующий кафедрой ядерной физики. – Рапопорт никогда не боится нового, спокойно входит в неизвестные пространства физики и легко в них ориентируется. А уж как он борется, отстаивая свои идеи! Это надо видеть.

После защиты в шестьдесят девятом в Ленинграде докторской диссертации «Эффекты высшего порядка в ядерной и атомной физике» Лев Павлович активно занимается ядерным излучением, участвует во многих международных конференциях (Франция, Венгрия). Книга авторского коллектива физиков-теоретиков ВГУ «Теория многофотонных процессов» широко известна всему научному миру. Монографии и статьи, принадлежащие перу профессора Рапопорта (всего их около двухсот), изданы в Москве, Воронеже, других городах страны. Рапопорт – желанный гость международных конференций. (Одно время Лев Павлович был «невыездным» – зовут его, допустим, в Колумбийский университет, в США или в Италию, или в Венгрию, а едет кто-то из МГУ.)

И всё же сегодня физфак ВГУ благодаря стараниям Льва Павловича Рапопорта и его коллег – один из ведущих в стране, а Лев Павлович – заслуженный деятель науки России. Кафедру теоретической физики на факультете зовут «лошадиной» – здесь работают ученые с соответствующими фамилиями: Копытин, Запрягаев,

Овсянников. Но Льва Павловича это прозвище кафедры не смущает: люди работают как лошади – пашут, пашут и пашут. Умники, трудяги.

Тем студентам, кто приходит на кафедру, учиться трудновато – до тридцати процентов сдают экзамены не с первого раза.

– Плохо ведете учебный процесс, – делает вывод высокое начальство.

– Хорошо ведем, – парирует Лев Павлович, – требовательны и принципиальны. Что Антон Павлович Чехов говорил? «Зайца бить – он спички зажигать будет». Пусть учат и учатся!

И хотя слухи о жуткой требовательности Рапа среди студентов распространяются из поколения в поколение, число желающих испытать эту жесткость на себе не уменьшается с годами. А Лев Павлович ходит как ни в чем не бывало по факультету, посмеивается, ставит «неуды» и… набирает всё новых и новых страждущих поработать в его команде.

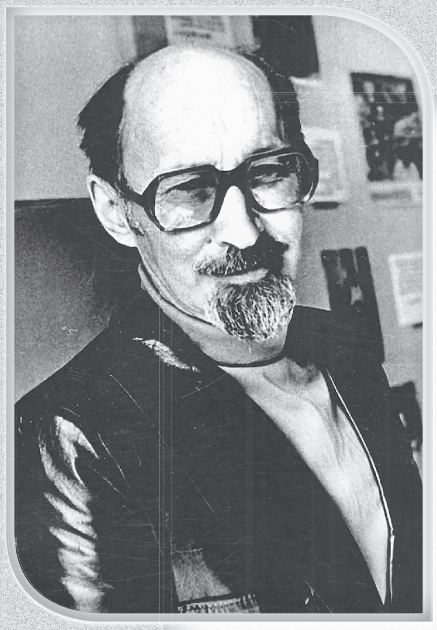
– Лев Павлович чересчур требователен, – признался один из четверокурсников. – Он хочет, чтобы мы знали предмет так, как он сам его знает.

Вот в чем суть: сам того не подозревая, парень открыл «великий закон Рапа» – человек ученый должен знать как можно больше. Минимально – столько, сколько знает он сам, оптимально… Но оптимальные возможности человека безграничны.

Так считает Лев Павлович Рапопорт, отдавший высшей школе свыше пяти десятилетий жизни.

Мария Лепилова

Печатается по: Университетская площадь : Очерки. Воспоминания. Воронеж, 1998. С. 151–158.

Игорь Павлович

РАСПОПОВ

(1925–1982)

Доктор филологических наук, профессор.

Сфера научных интересов: общий и русский синтаксис, методология и методика лингвистических исследований. С его именем в отечественной лингвистике связано последовательное разграничение в структуре предложения двух разных аспектов: конструктивного и коммуникативного. Регулярно печатался в академическом журнале «Вопросы языкознания», «Русский язык в школе».

Окончил Куйбышевский государственный педагогический институт (1950). Преподаватель в Благовещенском и Пятигорском государственных педагогических институтах, заведовал кафедрой русского языка Башкирского государственного университета (город Уфа). В Воронежском госуниверситете работал в 1968–1982 годах, заведовал кафедрой русского языка ВГУ. С 1983 года на филологическом факультете ВГУ ежегодно проходят научные Распоповские чтения.

ЧЕТЫРНАДЦАТЬ ВОРОНЕЖСКИХ ЛЕТ

Доктор филологических наук профессор И. П. Распопов прожил недолгую, но яркую жизнь. Он родился в 1925 году в г. Россоши Воронежской области. С августа 1942 года начал работать учителем в д. Жедрино Оренбургской области, но вскоре, в январе 1943 года, был призван в армию. После демобилизации И. П. Распопов поступает на 1-й курс Куйбышевского педагогического института. С 1950 по 1953 год Игорь Павлович – аспирант известного советского лингвиста А. Н. Гвоздева, под руководством которого он подготовил и защитил кандидатскую диссертацию, посвященную изучению вопросительных предложений русского языка.

В течение последующих 15 лет И. П. Распопов работал в Благовещенском и Пятигорском педагогических институтах, заведовал кафедрой русского языка Башкирского университета. В Уфе он написал широко известную книгу «Актуальное членение предложения» (1961). Эта книга легла в основу его докторской диссертации (1964), которая знаменовала собой появление в отечественном языкознании нового лингвистического направления, связанного с последовательным разграничением конструктивного и коммуникативного синтаксиса.

В 1968 году Игорь Павлович переезжает в Воронеж и становится заведующим кафедрой русского языка в университете. 14 воронежских лет – самый плодотворный период в творческой жизни ученого. В это время он активно сотрудничает в центральных научно-теоретических и методических журналах («Вопросы языкознания», «Филологические науки», «Русский язык в национальной школе», «Русский язык в школе»), в разливных сборниках, публикует свои получившие широкое признание книги «Строение простого предложения в современном русском языке» (М., 1970), «Очерки

по теории синтаксиса» (Воронеж, 1973), «Опорные вопросы синтаксиса» (Ростов-на-Дону, 1981).

Создатель интересных и оригинальных лингвистических концепций, один из виднейших теоретиков отечественной русистики, И. П. Распопов никогда не был оторванным от жизни кабинетным ученым. Игорь Павлович страстно хотел, чтобы преподавание русского языка в нашей стране имело хорошую научно-методическую базу, и всеми силами содействовал внедрению достижений современной лингвистической науки в практику вузовского и школьного преподавания русского языка.

В течение нескольких лет Игорь Павлович редактировал межвузовские сборники, в которых рассматривались самые разные вопросы взаимосвязи школьной и научной грамматики. Из-под его пера вышел ряд учебных пособий и работ научно-методического характера, в том числе книги «Методология и методика лингвистических исследований» (Воронеж, 1976) и «Просеминарий по лингвистике» (Воронеж, 1980), написанный в соавторстве с Н. М. Шанским, А. Н. Тихоновым и А. В. Филипповым учебник «Современный русский язык» (Л., 1981), учебное пособие «Основы русской грамматики» (Воронеж, 1984).

Предметом постоянной заботы И. П. Распопова были воспитание и подготовка молодых научных кадров. Под его руководством написали и защитили кандидатские диссертации около 20 аспирантов и соискателей.

Лекции Игоря Павловича по современному русскому языку – поразительно органическое сочетание высокой научности с требованиями вузовской программы, актуальными вопросами школьного преподавания. Ежегодно И. П. Распопова приглашали для чтения лекций и спецкурсов в различные университеты нашей страны – Москвы, Ленинграда, Саратова, Куйбышева, Уфы и других городов.

Разнообразной была организаторская деятельность проф. Распопова. Он являлся членом Президиума Головного совета по филологическим наукам при Минвузе РСФСР, членом региональной экспертной комиссии по лингвистике, заместителем декана филологического факультета по науке. Четкостью отличалась его работа как руководителя кафедры. Игорь Павлович в значительной степени способствовал повышению научно-теоретического уровня членов кафедр, в особенности молодых преподавателей: в течение ряда лет он вел кафедральный семинар по актуальным вопросам русского и общего языкознания.

Многогранная деятельность профессора Распопова определялась, прежде всего, его замечательными человеческими качествами: завидной эрудицией, неистощимым трудолюбием, принципиальностью и высокой требовательностью к себе и другим, нетерпимостью к позерству. Необыденная простота и доброжелательность, неиссякаемое остроумие и тонкий юмор влекли к нему абсолютно всех – и тех, кто общался с ним постоянно, и тех, кто знал его совсем немного. Игорь Павлович был всегда самым молодым, самым жизнерадостным в любом обществе – и в кругу своих ровесников, и в кругу студентов.

Анатолий Ломов

Валентин Сидорович

РАХМАНИН

(1930 г.р.)

Доктор философских наук, профессор, действительный член Российской академии гуманитарных наук, действительный член Академии политической науки.

Сфера научных интересов: исследование социопсиходинамики общественных кризисов и революций, геополитических проблем России, социальных и политических конфликтов, а также социальных и этических проблем высшего образования.

Окончил филологическое отделение историко-филологического факультета Воронежского госуниверситета (1953). В 1953–1954 годах секретарь комитета Всесоюзного Ленинского коммунистического союза молодежи ВГУ, в 1956–1962 годах преподаватель кафедры философии ВГУ. Секретарь парткома (1959–1963), проректор (1964–1966). С 1966 года заведующий кафедрой научного коммунизма, с 1990 года заведующий кафедрой социологии и политологии ВГУ. С 2002 года профессор той же кафедры.

ОБЫКНОВЕННЫЙ РАХМАНИН

В дверь постучали:

– Можно?

– Можно, – кричу я, лежа на жесткой койке университетского общежития № 1.

В дверях вырастает коренастая фигура улыбчивого парня с белобрысым чубчиком. Парень одет по-простецки – голубая тенниска в полоску, китайские брючки, входившие тогда в моду.

– Я – секретарь комитета комсомола Рахманин Валентин, – представляется вошедший, – претензии есть?

Ну, согласитесь, какие могут быть претензии у абитуриента, поступающего в университет?

– Нет претензий, – бодро говорю я, – всё в порядке!

Рахманин оглядывает комнату:

– К экзаменам готовитесь? Что сдаете?

– Географию.

– Серьезная штука, – говорит гость. – Желаю успеха! Ни пуха, ни пера!

И уходит.

Я даже не успеваю произнести традиционное «К черту!»

Хотите – верьте, хотите – нет, а именно в тот августовский день пятьдесят четвертого я понял, что всё у меня в Воронеже сладится: и на истфилфак поступлю, и в университете приживусь, и город мне понравится.

Представляете – незнакомый город, нервотрепка вступительных экзаменов (мы тогда их пять сдавали), не понятно, какой быт – и вдруг: «Какие есть претензии?» Обо мне думают, обо мне заботятся!!!

Потом были студенческие годы – сотрудничество с университетской многотиражкой «За научные кадры», редактором которой на общественных началах был аспирант Валентин Рахманин.

Потом была работа в районной газете, трехлетнее отсутствие в Воронеже и возвращение в университет – и на работу мне помог устроиться, в ту же многотиражку, секретарь парткома, доцент Валентин Сидорович Рахманин.

Я вспоминаю обо всём этом с благодарностью к судьбе, пославшей в мою жизнь Валентина Рахманина. Потому что встречи с ним, растянувшиеся на сорок с лишним лет, подарили мне огромный мир – мир действия и нравственной ответственности за поступок, мир искусства и философии, мир творчества и живого человеческого дела.

В общем, я был совершенно искренен, когда в восемьдесят пятом вышел на сцену актового зала и сказал:

– Я предлагаю на пост ректора ВГУ Валентина Сидоровича Рахманина.

Рахманин тогда проиграл Владимиру Васильевичу Гусеву. А, может, и не проиграл, а выиграл. Потому что приход в ректорский кабинет Владимира Васильевича Гусева был, я теперь так думаю, более целесообразным: опытный организатор, прекрасный администратор, демократически настроенный Гусев много сделал в безумные восьмидесятые – девяностые годы для того, чтобы университет не развалился, не растерял накопленное, не утратил традиции, а медленно, но неуклонно двигался вперед…

О прожитых годах Рахманин вспоминает охотно.

* * *

– Всем семейством мы переехали в Воронеж из Рязани летом сорок седьмого. Город лежал в развалинах. Помню, когда на телеге с домашним скарбом мы ехали по проспекту Революции, я увидел впервые красный корпус, а на кирпичном его фронтоне – крупные буквы «Воронежский университет».

Через год, закончив школу, стал думать о выборе профессии. Очень мне хотелось уехать в Москву на философский факультет. Но отец сказал жестко:

– Денег на Москву нет!

И я выбрал филологическое отделение истфилфака. Когда пришел в здание на проспекте Революции, 24, увидел справа под козырьком на красной кирпичной стене синие буквы: «Проверено. Мин нет. Старшина Карпеев». Меня тогда эти слова, признаться, поразили: вот прокладывал путь к образованию мне и моим товарищам неизвестный сапер-старшина. Какая-то символичность почудилась мне в этой надписи. Жаль, что ее при последующем ремонте корпуса замазали.

Абитуриенты обычно знакомятся быстро. Через какое-то время образовалась тройка ребят, писавших стихи и дружно сдававших экзамены вместе – Володя Гордейчев, Ваня Щеулин и я. Потом к нам присоединился Миша Шишлянников. Миша, видимо, служил юнгой, потому что щеголял в морской форме. Вся наша

четверка экзамены сдала хорошо – 24 из 25 баллов и… не была зачислена: не хватило одного балла.

Стоим расстроенные перед доской приказов о зачислении. Естественно – грустные.

– Что сокрушаетесь, хлопцы? – раздастся за спиной.

Оборачиваемся – немолодой сухощавый мужчина с интересом разглядывает нас.

– Не поступили? Не беда – идите ко мне на заочное.

Так мы познакомились с проректором ВГУ по заочному отделению Яковом Никаноровичем Митрофановым. Через полгода – после зимней сессии – ушел в литинститут Володя Гордейчев. Летом перевели на стационар Ивана Щеулина (он сейчас профессор в Липецком пединституте) и Михаила Шишлянникова (ставшего известным в городе и области журналистом, председателем областного комитета по телевидению и радиовещанию). Мне же пришлось два года доказывать, что заслуживаю учебы на стационаре. Все эти годы плотничал на маслозаводе. Дед у меня был плотником, и я с детства был обучен этому ремеслу. В день я должен был сколотить 25–30 ящиков для упаковки масла. Один ящик вмещал 25 килограммов. Зарабатывал я в день приблизительно два с полтиной.

Хочу сказать, что заочному отделению я очень благодарен: оно приучило меня работать с книгой и к самостоятельной работе.

В общем, когда очередную – летнюю – сессию я сдал на «отлично», пошел к декану Ефиму Герцовичу Шуляковскому. Ефим Герцович повертел зачетку:

– Досдавать придется.

Первый экзамен сдавал Сергею Георгиевичу Лазутину – по фольклору. Помню, сидели мы с ним на кафедральном диванчике, и Сергей Георгиевич допытывался, какие частушки я знаю. Я пропел несколько.

– Отличные частушки! – обрадовался Лазутин, писавший тогда монографию о русской частушке. – Откуда знаете?

– А у нас в деревне, – объясняю, – кузнец однорукий жил. Так он всегда, когда работал, частушки пел. Озорные – их цитировать нельзя.

– Мне – можно, – сказал экзаменатор, и я спел Лазутину несколько озорных частушек.

Потом отправился на экзамен по диалектологии к Валентине Ивановне Собинниковой.

– Приходите ко мне домой, – пригласила Валентина Ивановна, – я недалеко живу – Энгельса, 15.

Пришел. Тесная комнатушка вся забита книгами.

– По какому учебнику готовились? – спрашивает Валентина Ивановна.

– По Аванесову.

– Ну рассказывайте…

– У вас хорошая память, – похвалила меня Валентина Ивановна, выслушав мой ответ. – И отличный московско-рязанский говор.

– Так я же рязанский! Из Муравлянского района.

– За выговор «отлично», – засмеялась Валентина Ивановна, – аванс на будущие знания…

На военной кафедре меня заставили разбирать и собирать знаменитую московскую винтовку образца 1899/1930 года. Я подросток военной поры, так что проблем с этим упражнением у меня не было.

– Воевал? – спросил экзаменатор-полковник.

– Никак нет! – ответил по уставу. – Интересовался.

– Интересуйся и впредь! – пожелал полковник.

Так я стал студентом стационара. В группе нас было тридцать девять человек. Ядро – недавние фронтовики: Костя Огрызков, Борис Кривенко, Лева Варшавский, Виктор Золотарев, Лева Власов. Группа была на редкость дружной. Занимались много – атмосфера была такая, что стыдно было получать «хорошо».

Признаюсь теперь – лекции я не записывал, сидел – слушал. С преподавателями повезло – в сорок девятом появились на факультете Сергей Григорьевич Лазутин, Анатолий Михайлович Абрамов, Алла Борисовна Ботникова. Алла Борисовна стала куратором группы, в которой многие студенты были ее ровесниками или даже чуть старше. И была для нас Алла Борисовна вроде старшей сестры. Требовательной и строгой старшей сестры. «Неуд» ставит и плачет. Ей-богу, правду говорю!

Благодарную память о своих учителях я по сию пору храню.

* * *

Тут прерву неторопливый монолог Валентина Сидоровича.

Тех, кто знает Валентина Сидоровича Рахманина как профессора, заведующего кафедрой, одного из «столбовых» университетских питомцев, человека порой жестковатого и внешне не слишком коммуникабельного, многое может удивить.

…Рахманин сочинял и продолжает сочинять стихи – лирические, иронические, философские, всякие…

…Рахманин, который «никогда не улыбается», – и остроумен, и сентиментален.

Вспоминаю шестьдесят третий год. Я – комиссар студенческого лагеря «Веневитиново». Готовится праздник – день открытия очередной смены. Мы ждем начальство – приезжают проректор Петр Михайлович Гапонов и секретарь парткома Рахманин. Приехали они рано, и лагерь делает вид, что спит, выглядывая тишком из-за пологов армейских палаток (комфорт в те годы был минимальный).

Руководство, застыв посреди спортивной площадки, озирает начальственным взором окрестности: всё вроде бы нормально – песочек желтый, травка зеленая, линейка в порядке. Стоп, стоп, стоп! А чего это столб-флагшток каким-то лозунгом обернут?

Рахманин командорским шагом идет к флагштоку. Но чтобы прочесть надпись, надо раза три обойти вокруг тоненького флагштока. Естественно, секретарь парткома обходит флагшток, потом ухмыляется и зовет проректора:

– Иди прочти!

Петр Михайлович, добродушный и на редкость выдержанный человек, как и Рахманин, обходит несколько раз столб, читая надпись. Рахманин внимательно смотрит на проректора. Когда чтение закончено, оба смеются. Потому что флагшток обвит текстом: «И чего ты, как дурак, ходишь вокруг столба?»

Минувшие годы я видел Валентина Сидоровича и за официальным столом, и за пиршественным, и в сельхозотряде, и на кафедре, и рядом с сыном и внуком, и вместе с сотрудниками. Он бывал, естественно, всяким – резким, мягким, суровым, веселым, грустным, задумчивым, озорным. Но никогда – неискренним. И всегда – очень внимательным к собеседнику.

Встречая сопротивление в споре, Рахманин перестает глядеть на собеседника, смотрит куда-то в сторону (в себя что ли?) и жестким голосом, рубя фразу, начинает очередной виток диалога: в этот момент, мне кажется, он спорит уже с кем-то внутри себя, убеждая в своей правоте именно того телесно ощутимого Рахманина, который стоит перед вами.

А если убедить не удается – замолкает. И долго-долго молчит. Размышляет.

* * *

– Философию, – продолжает Валентин Сидорович, – я всегда любил как своеобразное выражение философии эпохи. Поэтому еще на третьем курсе увлекся эстетическими концепциями русских революционных демократов. Надо сказать, мне повезло – в университете кафедру философии возглавлял Бер Моисеевич Бернадинер. Бер Моисеевич руководил кружком философии, который, в сущности, был общегородским – народ в него стекался со всего Воронежа. Причем на занятиях кружка все были равны – и студент, и аспирант, и преподаватель. Хотя, конечно, фигура Бернадинера затмевала всех – еще до войны он выпустил две свои книги, ставшие известными: одну – посвященную философии Ницше, другую – Руссо.

Под влиянием работ Бернадинера и непосредственного общения с ним я обратился к философии. Поэтому, когда в пятьдесят третьем Бер Моисеевич предложил мне идти к нему в аспирантуру, я был польщен его предложением и с радостью согласился писать под его руководством кандидатскую диссертацию.

Но работу над диссертацией временно пришлось отложить. Потому что осенью того же года меня, по предложению тогдашнего секретаря партбюро Ивана Семеновича Лыгина, избрали секретарем комитета комсомола. Работы было столько, что о диссертации на год забыл. А когда через год, освободившись от этой общественной нагрузки, вернулся к аспирантским заботам, состоялся трудный разговор с Бернадинером.

– Надо делом заниматься, – словно видя меня впервые, сказал мой руководитель.

– Так я же…

– Год потерян. Давайте наверстывать.

Должен заметить, что, поступив в аспирантуру, я собирался заниматься проблемами эстетики, но Бер Моисеевич приглушил мои порывы:

– У тебя другой склад ума. Займись общефилософскими проблемами. Подумай – какими.

После некоторого раздумья я предложил тему «Исторический детерминизм и проблемы свободы». Бер Моисеевич тему утвердил.

Бернадинер никогда не навязывал своей точки зрения. Аспирант для него всегда был сомыслителем. Это давало нам, аспирантам, творческую свободу. А когда человек свободен – работается легко. В пятьдесят шестом я закончил диссертацию и был готов ее защитить. «Не повезло» – вышло новое постановление ВАКа: без публикации диссертации к защите не принимать. А где печататься? Правда, Борис Иванович Михантьев нашел выход – создал издательство ВГУ.

И стал я преподавателем без степени. Опыт, конечно, был. Бернадинер обычно зимой уходил в отпуск. А перед этим вызывал к себе очередного аспиранта и говорил:

– Иди и читай!

Так я, будучи еще аспирантом, освоил курс истории философии.

Работать приходилось много. Единственное занятие для души поэзия. В университете работало тогда литобъединение, которым руководил Анатолий Михайлович Абрамов. Я однажды набрался смелости и прочитал свои стихи. В полной тишине добрый Абрамов сказал своим знаменитым шепотом:

– Валя! Из тебя поэта никогда не выйдет! Занимайся наукой.

* * *

С формальной точки зрения Рахманин поспешал медленно: кандидатскую диссертацию защитил в шестьдесят третьем (в тридцать три года), докторскую – в девяностом (шестидесяти лет от роду).

Рахманин – автор двухсот работ, в том числе семи монографий, среди которых такие монументальные, как «Исторический детерминизм и проблема свободы», «Общественная психология и революционный процесс»…

Валентин Сидорович – человек абсолютно несуетливый. Внешне всегда спокоен, немногословен, экономен в жестах. Сидит, молчит, низко опустив голову. Набычившись. А ведь на самом деле – человек удивительного общественного темперамента. Из разряда тех, кому всё интересно, любопытно, кто готов себя проверить в любой ситуации.

Может, поэтому так часто Рахманина отправляли «латать» кадровые и общественные «дыры».

Он был проректором университета при ректоре Борисе Ивановиче Михантьеве.

Он был секретарем парткома университета. Сейчас этим не принято гордиться, но ведь – работал! С обкомом регулярно спорил и потому, как я пони-

маю, начальством партийным привечен не был: ни высоких наград, никаких других отличий.

Безотказен.

Много читает. В курсе всех литературных и научных новинок.

Общаться с ним невыносимо:

– А ты читал?..

– Не читал.

– А ты смотрел?..

– Не смотрел…

– А ты был?

– Не был…

Рахманин давно всё прочел, всё видел, всё посмотрел. Такое у меня ощущение.

* * *

– У меня всегда какие-то проблемы возникают. Невезучий я человек, – жалуется Валентин Сидорович.

Ведь как вышло с защитой кандидатской. Я ее давно написал, оформил. Встает вопрос: где защищать? В МГУ? Берут, но неохотно. Мы для них провинциалы. Тут – предложение из Института философии Академии наук СССР:

Давайте защищаться у нас.

Боюсь! У вас народ строгий.

Зато – марка!

В общем, привез диссертацию. Обсудили. Поставили на защиту. Сам председатель совета Цолак Александрович Степанян согласился быть оппонентом. Шепнул: «Хорошая работа. Почти как докторская».

А в день защиты был пленум ЦК. Мне нужен отзыв Степаняна, а он в Кремле заседает. Толкусь у Спасской башни – жду, когда Цолак Александрович появится… За три часа до защиты получил отзыв первого оппонента.

…Стал в шестьдесят четвертом проректором. А когда Михантьев ушел из ректората, понял – мне тоже пора собираться, потому что работать с Валентином Пименовичем Мелешко не мог. Ученый он был хороший, институтом химическим при ВГУ руководил. Но в работе с кадрами дров наломал много. Как я мог остаться? Конечно, ушел.

С шестьдесят четвертого года, примерно, занимаюсь проблемами исследования общественных отношений.

Первый заказ на социологическое исследование кафедра получила с завода тяжелых механических прессов. Хоздоговор подписали на 20 тысяч рублей. Тогда это – деньги! Директор завода Витковский, мужик дальновидный, хотел знать досконально, как ему работать со сложным коллективом. Психологическая обстановка на заводе была не из легких. Перед нами была поставлена задача – проанализировать работу по комплексу социальных проблем, беспокоящих коллектив: текучесть кадров, организация труда, дисциплина.

Через какое-то время докладываю руководству завода о наших наблюдениях.

Витковский слушал, слушал – не вытерпел:

– Ты чего мне о недостатках сообщаешь. Я о них и без тебя знаю. И даже лучше, чем ты.

– А что Форд сказал, знаете? – говорю я.

– А что Форд сказал? – спрашивает Витковский.

– Форд сказал: чем больше я знаю о недостатках, тем больше у меня будет в конечном счете положительного.

– Гм… Принеси почитать.

Потом вместе с сотрудником кафедры Григорием Григорьевичем Заиграевым и Витковским книжку написали – о социальном планировании в масштабах заводского коллектива. И большая часть воронежских заводов стала работать по нашей методике. Появились должности социологов на предприятиях.

Казалось бы, великое дело!

Но кому сегодня нужен социолог на «лежащем» производстве?! Обидно!

* * *

Сегодня профессор Рахманин размышляет о судьбах социальных революций:

– Революции возникают там, где нет демократии.

– Великая революция – это тяжелое испытание для любой страны и любого народа.

– Революция – это буйство толпы, сорванной с нравственных оснований. Задача – не допустить этого.

Сегодня профессор Рахманин думает о будущем России и очень хочет, чтобы оно было у нашей страны счастливым.

Побывав в составе представительной делегации в Соединенных Штатах, понял Рахманин один из секретов счастливой жизни:

– Американцы живут как хотят. А в скольких странах – как велят. И работают напряженно.

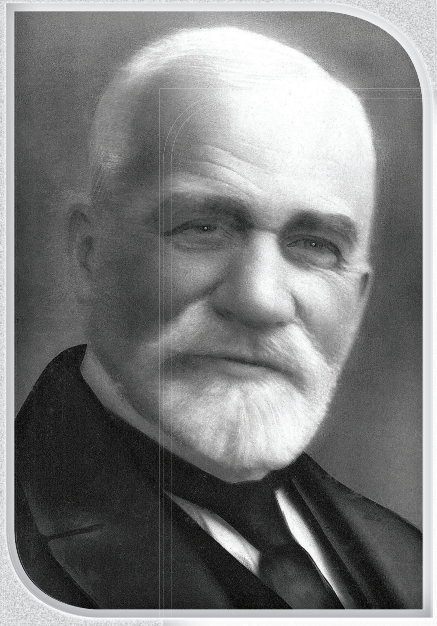
Сам Валентин Сидорович работает очень много. Свет в его окошке не гаснет за полночь…

– Встаешь во сколько? – спрашиваю.

– В шесть, – отвечает Рахманин.

Лев Кройчик

Печатается по: Университетская площадь : Очерки. Воспоминания. Воронеж, 1998. С. 159–170.

Василий Эдуардович

РЕГЕЛЬ

(1857–1932)

Профессор, член-корреспондент РАН.

Окончил историко-филологический факультет Петербургского университета (1880), где был оставлен для научной деятельности. В 1881–1884 годах чиновник Министерства народного просвещения. В 1884–1887 годах жил за границей для приготовления к профессорскому званию. С 1894 года редактор журнала «Византийский временник». В 1887–1913 годах приват-доцент Петербургского университета. В 1913–1918 года профессор кафедры всеобщей истории Юрьевского университета.

Первый ректор Воронежского государственного университета (1918–1925). Принимал деятельное участие в переводе русской части Юрьевского университета в Воронеж. В 1920 году член Комитета порайонного описания страны Российской академии наук. В 1925–1926 годах директор музея древностей и изящных искусств Воронежского государственного университета, затем уехал в Латвию.

ПЕРВЫЙ РЕКТОР

Василий Эдуардович родился в Санкт-Петербурге 10 декабря 1857 года. Его отец Эдуард Людвигович Регель был научным работником, биологом, директором Ботанического сада императорской Академии наук.

В 1875 году Василий Эдуардович окончил гимназию при Реформаторском училище, специализированном столичном учебном заведении для лиц протестантского вероисповедания. В том же году он поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета, который закончил в 1880 году со степенью кандидата. Так отмечались лучшие выпускники. В университете его учителем сначала был знаменитый русский историк-славист В. И. Ламанский. Затем он учился у крупного специалиста по истории Византии В. Г. Василевского. Уже на студенческой скамье проявил склонность к серьезной исследовательской работе. Не случайно Регель был оставлен в университете для подготовки к научной деятельности. Точнее, такая форма поощрения называлась оставлением в университете для подготовки к профессорскому званию. Однако в положении, сходном с современной аспирантурой, он пробыл всего год и в 1881 году перешел на работу в один из департаментов Министерства народного просвещения, где занял скромную должность делопроизводителя.

Чиновником Регель трудился три года. Это время не было потрачено зря. Опыт административной работы пригодился ему спустя четверть века, когда судьба отведет ему роль организатора и руководителя одного из первых российских университетов советского времени. Но всё же научная деятельность оказалась для молодого историка более привлекательной. В 1884 году он вновь зачисляется в штат Петербургского университета и направляется на три года

за границу все с той же формулировкой: «для приготовления к профессорскому званию». По сути дела, такое направление было в те годы своеобразной формой послевузовской подготовки, что-то вроде современной аспирантуры, но за границей. Специализировался Регель по древней и средневековой истории Византии. Научные занятия он вел в Берлине, Лейпциге, Вене, Стамбуле, Афинах, на греческом острове Патмос, занимался исследовательскими изысканиями в Европейской Турции, Малой Азии, работал в библиотеках Рима, Мадрида, Барселоны, Парижа, Лондона и Оксфорда.

Вернулся в Россию Регель в 1887 году, а через год стал приват-доцентом Петербургского университета. В 1892 году он получил степень магистра всеобщей истории, а еще через два года стал редактором журнала «Византийский Временник», который издавался Императорской академией наук. Его научные публикации этого времени были посвящены проблемам изучения археологических памятников византийского Средиземноморья, а также источниковедческому анализу некоторых средневековых хроник, в том числе содержащих сведения по ранней истории славян. Особенно продуктивно Регель работал над публикацией новых источников по древней и средневековой истории. Эта сторона его деятельности скоро была отмечена научным сообществом, и в 1898 году он был избран членом-корреспондентом Императорской академии наук. В 1913 году он был приглашен в Юрьевский университет, где занял должность профессора кафедры всеобщей истории.

О большом авторитете Регеля свидетельствовал и такой факт. В феврале 1920 года в рамках Российской академии наук был образован Комитет порайонного описания страны во главе с академиком А. Ферсманом. В Комитет вошли видные ученые Л. Берг, С. Ольденбург, С. Платонов, А. Шахматов, В. Семенов-Тянь-шанский. В состав Комитета был включен и Регель.

Годы руководства Регелем Воронежским университетом – это насыщенное драматическими коллизиями время становления нового российского и первого в регионе советского вуза. По объективным причинам период регелевского ректорства был исключительно трудным как для молодого университета, так и для его первого руководителя. Мужеству, воле, научному и педагогическому авторитету известного профессора мы обязаны спасением, а затем и развитием университета, ставшего вскоре крупнейшим в Центрально-Черноземном регионе России. Выстояв в тяжелое время устройства, руководимый В. Э. Регелем университет начал свою основную деятельность – подготовку и выпуск остро необходимых стране специалистов. Напомним, что уже в 1919 году медицинским факультетом был проведен досрочный выпуск врачей, в которых крайне нуждались части Красной Армии. А с 1921 года стали регулярными выпуски квалифицированных специалистов, главным образом медиков и педагогов. В тех тяжелейших условиях это был настоящий подвиг и ректора, и руководимого им коллектива. В 1922 году медицинский факультет выпустил 180 врачей, а в 1923 – уже 213. С 1922 года начался

регулярный прием и на педагогический факультет. В 1923 году появились первые нормы приема: 250 человек на медицинском факультете, 300 – на физико-математическом и 450 – на педагогическом. Правда, уже в 1924 году Народным комиссариатом просвещения было принято решение об упразднении физико-математического факультета, а общая цифра приема на первый курс ВГУ была снижена и доведена до 450–500 человек. Однако за этими скромными, на современный взгляд, цифрами скрывались титаническая энергия, самоотверженность и организаторский талант профессоров, преподавателей, сотрудников Воронежского университета и, конечно, его первого ректора. С отставкой Регеля из университета уходила в прошлое целая эпоха в жизни ВГУ.

После отставки с поста ректора Василий Эдуардович из университета ушел не сразу. Некоторое время он работал директором музея древностей и изящных искусств, коллекциями которого он очень дорожил. Приказом Главпрофобра ему был не только сохранен прежний оклад, но и установлена персональная надбавка в 75 рублей за заслуги перед советской высшей школой.

В 1925 году было принято решение о выделении музея из состава университета и создании на его основе отдельного культурно-просветительского учреждения, именуемого ныне Музеем изобразительных искусств имени И. Н. Крамского.

На относительно спокойной должности директора музея Регель пробыл недолго. «Буржуазный» профессор продолжал вызывать большие сомнения у коммунистов университета. Фракция ВКП(б) правления ВГУ на заседании 13 октября 1926 года среди прочего обсудила вопрос «Об упразднении должности директора в библиотеке и в музее ВГУ». Принятое постановление гласило: «Вследствие отсутствия научной деятельности библиотеки и музея и сравнительно незначительных размеров их считать необходимым упразднение должности директора музея и библиотеки. Поставить перед Наркомпросом вопрос об отчислении от должности директора библиотеки проф. Богоявленского и директора музея проф. Регеля». Вскоре после этих событий В. Э. Регель из Воронежа уехал. Умер он в 1932 году в Каунасе.

Михаил Карпачев

Печатается по: *Карпачев М. Д.* Воронежский университет : вехи истории. 1918–2013. Изд. 2-е, испр. и доп. Воронеж, 2012. С. 138–142.

Игорь Ефимович

РИСИН

(1951 г.р.)

Доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАЕН (Российской академии естественных наук); академик Академии труда и занятости; член-корреспондент Муниципальной академии.

Предметом исследования являются механизмы управления предприятиями в разных экономических системах. Объектом исследования являются российские предприятия разных форм собственности, фирмы развитых стран. Разработаны методологические подходы к реформированию систем хозяйствования и управления в переходной экономике России, варианты продуктивного использования на отечественных предприятиях достижений современного менеджмента.

Окончил экономический факультет Воронежского госуниверситета (1973). С 1976 года преподаватель, доцент, профессор кафедры политической экономии (общей экономической теории), с 2000 года заведующий кафедрой региональной экономики и теории управления ВГУ.

ЧЕЛОВЕК, РОЖДЕННЫЙ БЫТЬ УЧЕНЫМ

* * *

Игорь Ефимович Рисин, несомненно, выдающийся педагог, несущий студентам не только экономические знания, но и любовь к экономической науке. Это его призвание – учить не просто абстрактным понятиям, а глубокому пониманию реальных проблем. Не случайно Игорь Ефимович пользуется любовью многих поколений студентов экономического, химического, философского факультетов.

Сейчас уже почти забыты знаменитые в конце 1980-х годов рейтинговые оценки студентами качества преподавания. Но все сотрудники университета, прошедшие через эту «аттестацию», помнят, как сложно было получить максимальную «интегральную оценку», основанную на многих параметрах. Доцент кафедры политэкономии (в то время) Игорь Ефимович Рисин неизменно получал высокий балл.

Тысячи студентов, обучавшихся у иного выдающегося преподавателя (заметим, часто – по непрофилирующим предметам), помнят его занятия спустя 10, 15, 20 лет.

Воронежский университет. 2001. 5 апр.

Из интервью с профессором Рисиным, заведующим кафедрой региональной экономики и территориального управления

– Ваша кафедра готовит высококлассных специалистов?

– Да! Сужу об этом определенно, поскольку имеется опыт в общении с европейскими коллегами. В частности, с бельгийски-

ми и голландскими. Мы готовим бакалавров и магистров. При кафедре работает аспирантура. На трех докторов наук у нас двенадцать аспирантов и соискателей.

– И все защищаются?

– Не всегда. Но те, кто настроен серьезно, – да! Сейчас разрабатываем новую учебную программу подготовки специалистов «Мастер общественного администрирования». На Западе эта специальность именуется «Public management».

– Бюрократов что ли готовить будете? Их у нас и так много.

– Будем готовить управленцев высшей квалификации. Вы обратили внимание – сегодня многие начальники хотят быть кандидатами наук. Кандидатом или доктором наук нынче быть модно. Мы хотим этой моде противопоставить подготовку дипломированных менеджеров, способных эффективно управлять регионом, муниципальными образованиями.

– Вы, Игорь Ефимович, когда докторскую защитили?

– В 1998 году.

– Сколько человек за это время под вашим руководством защитили диссертации?

– Двадцать три человека стали кандидатами наук и четыре докторами.

– Невероятная скорострельность!

– Прибавьте к этой нагрузке 20 и более часов аудиторных занятий в неделю – причем преимущественно спецкурсы. А ведь разработка спецкурса, сами понимаете, особая статья.

Но есть и другие нагрузки. Вместе с Владимиром Наумовичем Эйтингоном и Юрием Игоревичем Трещевским занимался разработкой стратегического развития Воронежа.

В феврале 2010 года эта стратегия обсуждалась депутатами городской Думы, представителями общественности. В основе стратегии – идея о конкурентоспособности нашего города. Воронеж имеет все шансы быть лидером в Центральном Черноземье, несмотря на то что, скажем, у белгородцев и липчан есть свои козыри – горнодобывающая и металлургическая промышленность.

– А какие козыри есть у нас?

– Во-первых, выгодное географическое положение – наличие мощного железнодорожного узла Воронеж – Лиски, трассы «Дон»; во-вторых, возможность производить конкурентоспособные на мировом и внутреннем рынках товары; в-третьих, мощный интеллектуальный потенциал (система вузов, НИИ и проектных институтов); в-четвертых, деловая активность населения; в-пятых, лидирующее положение Воронежа как мощного культурного центра ЦЧР.

– Вашими бы устами, Игорь Ефимович, да мед пить.

– Я не златоуст – экономист. Материальные и интеллектуальные ресурсы области велики. Нужно только разумно использовать. Есть еще один колоссальный ресурс – рудные месторождения, о которых постоянно напоминает Николай Ми-

хайлович Чернышов, член-корреспондент Российской академии наук, профессор геологического факультета нашего университета.

– Почему?

– Потому что, во-первых, нужны колоссальные денежные ресурсы, чтобы реализовать этот проект. А во-вторых, при освоении этих месторождений необходимо решить целый ряд экологических проблем,

– Вы так легко и свободно, Игорь Ефимович, говорите о стратегии развития нашей области, что я начинаю сомневаться – а не прожектерство ли всё это?

– Напрасно сомневаетесь! Область располагает мощной экономической школой. Да, пожалуй, не только экономической. Наш университет – действительный лидер среди вузов региона и «красен» не мрамором, а учеными.

Лев Кройчик

Печатается по: Наш дом : книга размышлений и воспоминаний.
Воронеж, 2010. С. 147–151

Владимир Валентинович

РОДИОНОВ

(1956 г.р.)

Кандидат исторических наук, доцент.

Один из ведущих российских специалистов по вопросам предвузовского обучения иностранных граждан, международного образования и сотрудничества. По решению Президиума Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ) удостоен медали А. С. Пушкина.

Окончил исторический факультет Воронежского госуниверситета (1980). В ВГУ работает с 1987 года. Преподаватель на кафедре истории КПСС, старший преподаватель на кафедре гуманитарных дисциплин подготовительного факультета для иностранных граждан.

Декан подготовительного факультета ВГУ. Многое сделал для того, чтобы не только сохранить факультет, но и вывести его на лидирующие позиции среди центров подготовки иностранных учащихся. Инициатор создания и директор Института международного образования ВГУ.

ДЕЛО ВСЕЙ ЖИЗНИ

«Абсолютное большинство наших выпускников сохраняет на всю жизнь уважение к России», – с этой фразы начинается мой разговор с Владимиром Валентиновичем Родионовым. Владимир Валентинович знает, что говорит. Вот уже почти два десятка лет Родионов возглавляет Институт международного образования Воронежского государственного университета.

ИМО ВГУ – один из самых авторитетных центров обучения иностранных граждан в нашей стране. На его счету – колоссальный опыт подготовки специалистов для стран всех континентов.

Шутка ли – за пять с лишним десятилетий университет вручил дипломы более чем четырнадцати тысячам специалистов из 142 стран земного шара.

В 2015 году Институт реализовал 47 образовательных программ.

За этой цифрой – огромная работа. Огромная ответственность за судьбы тех, кто доверил их директору института. А ведь это не только студенты. Это и те 100 преподавателей, что ежедневно заходят в аудитории.

– Для меня очень важно, – говорит Владимир Валентинович, – чтобы люди, работающие у нас, были уверены в своем будущем, чтобы они чувствовали себя защищенными и знали: Институт – это не просто место работы, это дело всей их жизни.

«Русские мамы» – опора факультета. Без их постоянного пригляда в Институте не обойтись.

Мы сидим с Владимиром Валентиновичем в его просторном кабинете, на стенах которого десятки дипломов, которыми награжден возглавляемый им институт. И за каждым дипломом труд десятков сотрудников ИИМО, хорошо знающих свое дело.

А дело это велико и ответственно.

– Во-первых, – смеется Владимир Валентинович, – каждого приезжающего надо приютить – дать крышу над головой, накормить, напоить и научить жить в новой для себя стране. Человек зачастую приезжает к нам, не только ни слова ни понимая по-русски, но и плохо представляя специфику жизни за рубежами собственной страны.

Для него всё вновь. А мы должны дать ему представление о стране, в которой ему предстоит жить несколько лет, не только подготовить его к обучению на основном факультете, но и создать в новых для него стенах «чувство дома».

– Чувство дома? – переспрашиваю я. – Но ведь он, наверное, не забывает ни на день о доме, в котором вырос?

– Вот тут-то и начинается «во-вторых».

Работу со студентами ведут преимущественно женщины. И это принципиально важно, недаром многие наши питомцы называют их «русскими мамами». Мама есть мама. Она и утешит, и успокоит, и объяснит не только, что такое закон Ома, но и подскажет, как благоустроить свое собственное житье-бытье.

И третья наша задача – преподавательская: подготовить человека к будущей учебе на факультетах.

– Именно – факультетах?

– Да! Мы готовим ребят (многие из которых вполне взрослые люди, у каждого из них свой жизненный опыт) к учебе не только в Воронеже, но и за его пределами. Институт разработал множество оригинальных учебных пособий и методик, по которым занимаются наши коллеги в других вузах России.

Так что, как сказал однажды один мудрый человек, нам в наших рамках не тесно.

– А вам лично? – несколько нахально спрашиваю я. – Вам в этих рамках не тесно? Вы, выпускник истфака, кандидат наук, могли бы заниматься научными исследованиями в любимой для вас сфере, а занимаетесь, как я понимаю, организацией быта своих подопечных, их досугом.

Смеется:

– Как шутили Ильф и Петров, если у человека есть колени, на них рано или поздно кто-то обязательно усядется.

Я прежде всего педагог. Учитель. Мне интересно решать те задачи, с которыми я сталкиваюсь повседневно. К тому же прежде чем сесть в кресло директора Института, я заходил в аудиторию как рядовой преподаватель. Мне нравится рассказывать студентам то, о чем у них слабое представление. Мне нравится быть у-чи-те-лем!

А кроме того – кресло директора позволяет быть и юристом, и философом, и лингвистом, и психологом. Это я не для красного словца говорю. Такова моя повседневная практика.

– А ваш Институт соответствует тем требованиям, которые сегодня предъявляются современному вузу?

– Не мне об этом говорить. Все-таки я – должностное лицо. Но вспоминаю фразу одного нашего выпускника, прозвучавшую однажды в программе «Время».

Он сказал буквально следующее: «Часто в мире гордятся дипломом Сорбонны; но следует также гордиться дипломами Российского университета дружбы народов и Воронежского университета».

– Я думаю, что такая оценка ко многому обязывает.

– Разумеется. Думаю, что мы ее заслужили.

Мы беседуем с Владимиром Валентиновичем довольно долго, и я чувствую, как бьется за стенами директорского кабинета реальная жизнь.

Преподаватели, представители административных служб, студенты… Всем нужен Родионов.

Нет. Нет. Работа руководителя института мало похожа на рутинное выполнение определенных административных обязанностей.

Четыре кафедры, разного рода подразделения, интернациональный клуб, выставка, конкурсы – быт Родионова, никак не обязанность.

А ведь есть и проблемы концептуальные. Одна из них – языковая.

Казалось бы, всё ясно: в российском вузе следует обучать студентов на русском языке.

А как быть с английским языком? Бразильским? Испанским? Португальским? С восточными языками?

Как быть с так называемым «Болонским процессом», который делает английский язык обязательным для студентов, получающих образование в Европе?

А мы в Европе или не в Европе?

Проблем много, и их приходится решать.

В свое время Институт выполнял функцию федерального центра, он до сих успешно выполняет эту функцию, то есть готовит абитуриентов не только для дальнейшего обучения в Воронежском университете, но и в остальных многочисленных российских высших учебных заведениях, включая Московский университет, Российский университет дружбы народов, ведущие университеты страны и федеральные вузы и т. д.

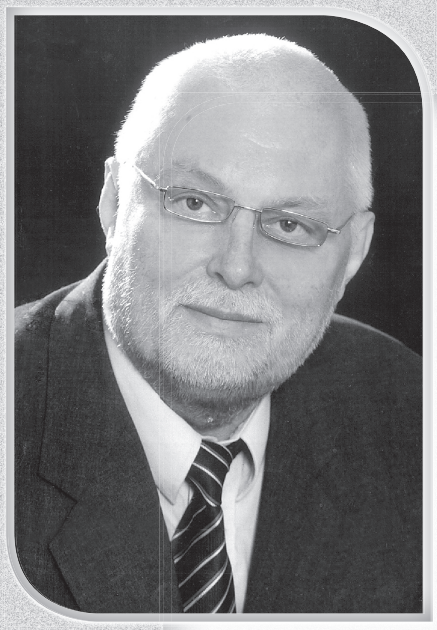
В этой связи стоит отметить, что в апреле 2016 года состоится VIII Фестиваль Русской речи для иностранных студентов вузов России. Это всероссийское мероприятие, которое в 2003 года учредил наш Институт. Оно проводится раз в два года и задумывалось как эстафетное, но пока что реализуется только в Воронежском университете. Проведение фестиваля активно поддерживает фонд «Русский мир». Фестиваль Русской речи – площадка, которая предоставляет возможность сравнивать, насколько эффективно идет обучение русскому языку в различных российских университетах. В Воронеж приезжают представители десятков российских университетов.

Конечно, проведение фестиваля добавляет престижа Университету, но и забот – тоже.

– Ничего, – говорит Владимир Владимирович, – выдюжим!

И я нисколько в этом не сомневаюсь.

Юлия Рафаэльян

Юрий Алексеевич

РЫЛОВ

(1945–2012)

Доктор филологических наук, профессор, член правления Ассоциации испанистов России, член-корреспондент Североамериканской академии испанского языка (Нью-Йорк).

Сфера научных интересов: сопоставительный синтаксис русского, испанского и итальянского языков; русская и романская антропонимика; синтаксис испанского языка. Создатель научной школы ВГУ по антропонимии. Преподавал в Алжире, Индии, Испании, Италии.

Окончил филологический факультет Московского государственного университета (1968). В Воронеже с 1969 года. С 1970 года работал на факультете романо-германской филологии Воронежского госуниверситета. Заведующий кафедрой романской филологии (с 1985). По его инициативе были открыты итальянское отделение, заочное отделение (испанский язык), преподавание на факультете РГФ ВГУ португальского языка.

ЧЕЛОВЕК-КАМЕРТОН

* * *

Говорить о Юрии Алексеевиче Рылове легко и сложно. Легко потому, что сразу же вспоминаются сухие даты и статистика – доктор филологических наук, профессор, член Североамериканской академии испанского языка, в течение многих лет заведовавший кафедрой романской филологии ВГУ, председатель Диссертационного совета Д 212.038.16, член многих других диссертационных и научных советов, а также автор порядка 200 статей и 11 монографий. Юрий Алексеевич прекрасно зарекомендовал себя как научный руководитель – подготовил более 40 кандидатов наук и 4 доктора филологических наук, являлся редактором многочисленных сборников научных трудов, активно участвовал в научных конференциях различного ранга по животрепещущим проблемам современной лингвистики в нашей стране и за рубежом, регулярно читал лекции в различных вузах не только России, но и других стран. Благодаря стараниям Юрия Алексеевича Рылова возглавляемая им кафедра романской филологии дважды получала гранты – от посольства Италии и от Министерства образования РФ, – да и сам он дважды выигрывал грант на научную стажировку в Испании.

Говорить сложно потому, что за сугубо объективными показателями бывает трудно разглядеть человека с его интересами и планами, стремлениями и каждодневными преподавательскими заботами: подготовка к лекциям, правка статей, диссертаций и авторефератов, проверка документов новоиспеченных кандидатов наук, поддержание обширных научных контактов в России и за ее пределами, составление программ для дальнейшего развития кафедры.

Круг интересов Юрия Алексеевича, естественно, не исчерпывался: помню, как я удивилась, впервые узнав, что Юрий Алексеевич с большим удовольствием копается на грядках в саду, что он гордится выращенным собственными руками урожаем, какое уме-

ние он проявляет в строительных делах, насколько он сведущ в других вопросах, весьма далеких от научно-педагогической деятельности, какой он заядлый автолюбитель, какой он радушный хозяин, какой заботливый муж, дедушка и отец ...

Можно бесконечно продолжать этот список интересов и достоинств Юрия Алексеевича Рылова, но, пожалуй, самые главные его качества – уважительное отношение к людям, желание помочь и подставить плечо всем, кто оказывался с ним рядом, и не только своим самым близким и любимым людям – жене, сыну, внукам, – но и коллегам, ученикам, знакомым и малознакомым людям. Удивительно, насколько тактичен и терпелив был он в общении со студентами, своими учениками, коллегами! В сочинениях начинающих авторов он всегда находил и подчеркивал положительные стороны, да и для всех нас, кто работал или сталкивался с ним в силу разных обстоятельств, он всегда находил добрые слова.

Юрий Алексеевич Рылов был первым профессором из числа тех, кто защитил докторскую диссертацию, работая в стенах Воронежского университета на факультете романо-германской филологии.

Последнее десятилетие было для Юрия Алексеевича временем интенсивного научного поиска: через каждые полтора года из-под его пера выходили монографии, в которых развивались новые подходы к описанию ранее не исследовавшегося эмпирического материала. Во всех его трудах, особенно в монографиях последних лет, описывается очень важный для антропологически ориентированной лингвистики материал – антропонимы, имена собственные испанские, итальянские, изученные на широком культурном фоне в сопоставлении с русскими антропонимами, что позволило ему выявить важные закономерности в картине мира изучаемых лингвокультур; предметом его серьезных размышлений были проблемы синтаксиса и картины мира романских языков и многие другие вопросы современной лингвистики. Труды Юрия Алексеевича Рылова получили заслуженное признание не только в его alma mater – Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова, – но и в стенах ставшего ему родным Воронежского государственного университета, а также среди ученых других вузов России и других стран, прежде всего Испании и Италии.

Его беззаветное служение науке, интеллигентность, образованность, трепетное отношение к людям всегда были и остаются для нас своеобразным камертоном. Для всех нас Юрий Алексеевич Рылов был и остается человеком, на которого мы равнялись и будем равняться.

Из воспоминаний Людмилы Гришаевой

* * *

Члену-корреспонденту Североамериканской академии испанского языка, доктору филологических наук, профессору, заведующему кафедрой романской филологии ВГУ Юрию Алексеевичу Рылову 9 мая 2015 года исполнилось бы 70 лет.

Совпадение дат символично. Юрий Алексеевич родился в День победы нашего народа в самой жестокой и кровопролитной из всех войн, которые вело че-

ловечество за свою историю. Всей своей жизнью Юрий Алексеевич продолжил славную традицию: жизнь его – это история мирных побед и свершений на благо отечественной и мировой науки.

Отличительные черты Ю. А. Рылова как ученого – энциклопедичность и универсальность. Он свободно владел важнейшими романскими языками и английским. Одинаково уверенно он чувствовал себя как в области романистики, так и в безбрежном океане русистики. Юрий Алексеевич получил блестящую научную школу на филологическом факультете МГУ, где его учителями были выдающиеся ученые, составляющие гордость отечественной и мировой науки. Трудно назвать область науки о языке, в которой Ю. А. Рылов не был специалистом: теория языка, романское языкознание, русистика и славистика, компаративистика, синтаксис, ономастика – в каждой из этих областей было сказано веское слово, каждая из этих областей содержит научный вклад Юрия Алексеевича.

Профессор Рылов – воспитатель, заботливо пестующий научные кадры: им подготовлены десятки кандидатов наук и 4 доктора филологических наук. По его инициативе в ВГУ открыт Совет по специальности «романские и германские языки», неизменным председателем которого он являлся многие годы.

Профессор Рылов – организатор науки: им подготовлено и проведено множество научных конференций самого высокого ранга. Он научный редактор многих научных сборников, член редколлегии журнала «Вестник ВГУ. Серия Лингвистика и межкультурная коммуникация».

Заведующий кафедрой Рылов – организатор учебного процесса на факультете; им открыто итальянское отделение, организовано преподавание португальского языка на факультете.

Рылов – ученый с мировым именем, автор многих монографий и статей, получивших признание в самых авторитетных научных кругах. Его приглашали к себе на работу в вузы Алжир, Индия, Италия и Испания. Североамериканская академия испанского языка избрала его своим членом-корреспондентом. Его имя представлено в энциклопедическом словаре «Отечественные романисты».

И при всём при этом Юрий Алексеевич – простой, скромный, доброжелательный, открытый в общении человек. Человек, всегда готовый помочь в трудной ситуации, поддержать все новое, ценное, перспективное.

Такое счастливое сочетание высоких научных, организаторских и человеческих качеств Юрия Алексеевича не могло не найти отклика в сердцах коллег и студентов, у которых он пользовался непререкаемым авторитетом, для которых он был не только образцом для подражания, но и близким человеком, задушевное общение с которым обогащало и окрыляло.

Только теперь, лишившись его, мы можем осознать, каким счастьем для нас было и теперь уже навсегда останется присутствие Юрия Алексеевича Рылова в нашей жизни.

Из воспоминаний Алексея Кретова

Владислав Анатольевич

СВИТЕЛЬСКИЙ

(1940–2005)

Доктор филологических наук, профессор, член Международного общества Ф. М. Достоевского, главный редактор журнала «Филологические записки» (1996–2004).

Сфера научных интересов: творчество Ф. Достоевского, Л. Толстого, И. Тургенева, А. Платонова, О. Мандельштама; создана теория авторской оценки, разработана методика ее обнаружения в психологической прозе. Участник многих научных конференций, в том числе международных в Нью-Йорке (США), Париже (Франция), Тиба (Япония), Баден-Бадене (Германия), Женеве (Швейцария).

Окончил филологический факультет Воронежского госуниверситета (1964). В ВГУ преподавал с 1967 года. В 1973–1991 годах ассистент, старший преподаватель, доцент кафедры литературы Воронежского государственного педагогического института. Затем доцент (с 1991), профессор (с 1996) кафедры русской литературы ВГУ.

СОКРОВЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК

«Когда человек умирает, изменяются его портреты…» Эти строки из Ахматовой пришли мне на ум после кончины Владислава Анатольевича (Славы) Свительского. Я знала его долго, около полувека и, как мне казалось, знала хорошо. Сейчас не уверена, что это так. «Случайные черты» громоздятся в сознании, и всё отчетливее проявляется сложность личности ушедшего. Вырисовывается образ, по-своему цельный, хотя и не до конца прочитанный.

«Портрет» менялся еще при жизни. Сначала – студент первого курса. Узкое, красивого очертания лицо, внимательные глаза под стеклами очков, густая, пепельного цвета шевелюра… Сидит в последнем ряду, слегка подавшись из-за парты вперед. В этой позиции ощущалась некая изначальная готовность к движению. Образ в своей зримой законченности почти скульптурный. С годами волосы редели, а в конце жизни, после химиотерапии, и вообще исчезли, не испортив, однако, совершенной лепки головы.

Память подсказывает разные жизненные ситуации. Зашел попрощаться перед уходом в армию, принес бутылку шампанского. Распиваем в надежде, что служба не протянется долго. Конференция в Риге. Участников немного, но среди них – Ю. М. Лотман, да и вообще состав неплох. Аспирант Свительский выступает с докладом перед собравшимися. Говорит тихо, держится неброско. Но ощутима внятная и властная ясность мысли. И так всегда. Такое же впечатление осталось от защиты им кандидатской диссертации, где блистательно и четко говорящий Борис Осипович Корман подчеркнул для присутствовавших значительность и новизну защищавшегося исследования, а сам диссертант держался скромно, лишь время от времени «пропуская» на губы слабую улыбку.

Вспоминаю два его жилища. Одно – в старом одноэтажном, «дедовском» доме на Республиканской, другое – на Московском проспекте. Оба – буквально завалены книгами. Книги находились не только на высоких стеллажах, не только на столах (их было едва ли не три в его рабочей комнате), ими были завалены диван, кресла, стулья. Высокие стопки книг, постоянно грозя рассыпаться, громоздились прямо на полу. И тут же – неожиданно и как бы некстати – располагался еще аквариум с плавающими рыбками. Непонятным образом хозяин все-таки ориентировался в этом очевидном хаосе и обычно – что казалось совершенным чудом – довольно быстро отыскивал требуемую книгу. И на фоне всех этих завалов и нагромождений – сам он, низко склонившийся над листом бумаги на оставшемся свободным кончике стола.

Он никогда не стремился выделиться. В компании был неизменно молчалив, давал высказаться другим. А если высказывался, то немногословно, и от этого – веско.

В студенческие годы на семинарах обычно долго молчал. Но стоило возникнуть какому-нибудь затруднению, когда ни один из студентов был не в силах ответить на поставленный вопрос, брал слово и разъяснял. Всегда чувствовалось, что внутри у этого человека идет напряженная и вполне самостоятельная работа мысли.

Был неразговорчив. Даже узнать подробности о его заграничных впечатлениях не было никакой возможности. Рассказывать явно не любил, но зато любил и умел слушать. Несколько раз просил меня написать то, о чем я ему рассказывала. Последний том редактируемых им «Филологических записок» он почему-то счел возможным начать с моих впечатлений о встречах с Пастернаком. Они были написаны по его просьбе.

Первая его опубликованная работа относится еще к студенческим годам. Она выполнялась под моим руководством и посвящалась известной драме Ж. Ануя «Антигона». Слава сам нашел тему, сам принес мне пьесу. Сочинение под названием «Две Антигоны» получилось интересное, оно увидело свет в сборнике студенческих работ, отпечатанном на ротапринте. Книжка выглядела непривлекательно, а статья была хорошая. Не знаю, включал ли позже профессор В. А. Свительский ее в список своих научных публикаций, но мог бы. Всё сочинение показывало, что автору явно импонировала самоубийственно бескомпромиссная позиция героини Ануя; в ее столкновении с Креоном он видел торжество сопротивления личности прагматичному закону государственных интересов и утверждение права личности на собственную позицию. Как помнится, я указывала ему на то, что образ Креона у драматурга неоднозначен, что Креон выступает носителем собственной правды, тоже имеющей право на то, чтобы быть учтенной. Нехотя согласился кое-что добавить.

Подумываю даже, не тогда ли возник его интерес в оценочному фактору в литературе. Ведь именно этой проблеме посвящена его главная книга «Аксиология русской литературы 60-х – 70-х годов XIX века». На эту тему он защитил свою док-

торскую диссертацию. К сожалению, свою главную книгу ему не удалось увидеть напечатанной. Всё собирался отредактировать диссертацию, но не успел. Однако, желая ему помочь (он не владел компьютером), я приготовила электронный вариант его диссертации, и он получил его как подарок к последнему дню своего рождения. А дорабатывать книгу и готовить ее к печати уже пришлось нам с Андреем Анатольевичем Фаустовым. Большой текст надо было отредактировать и сократить. Обидно, но декан факультета согласился оплатить только 30 печатных листов. Так или иначе, книга вышла в издательстве ВГУ и была положительно оценена рецензентами.

Как ученый В. А. Свительский формировался в 70-е – 80-е годы, когда стали развиваться новые школы и направления в нашем, когда-то столь единообразном (и прибавим – скучном) литературоведении. Как говорят специалисты, его работы о Достоевском в свое время были новым словом в науке о писателе и довольно скоро были замечены. В художественном произведении, как я понимаю, Славу наряду с поэтикой интересовал еще и нравственный аспект. Понять установки художника, его нравственную оценку изображаемого – всегда было для него главной задачей. В этом он видел решение «проблемы автора». Такой аспект исследования, естественно, сближал его с Корманом.

В течение нескольких лет Слава возглавлял издаваемый на филологическом факультете ВГУ журнал «Филологические записки». Этой работе он придавал большое значение, всячески стремился избавить издание от провинциализма. На этом пути, случалось, навлекал на себя неприятности. Авторы требовали публикации, а он медлил. Однако по возможности старался избегать конфликтов, в целях дипломатии экономно «дозируя» включение не самых лучших и не очень обязательных материалов в очередной номер.

Владислав Анатольевич производил впечатление человека закрытого. Радости не показывал, гнева и огорчения – тоже. Улыбался доброй улыбкой, всем своим видом демонстрируя сдержанное доброжелательство. Не уверена, что в полной мере кому-нибудь открывался. Может быть, только своей жене Нине, и то, полагаю, не до конца. В этой закрытости чувствовался до дна не просматриваемый и непростой характер, в котором сочетались упрямое самостояние, нежелание быстро соглашаться с собеседником, верность своим представлениям о людях, вещах и явлениях.

Наши отношения с Владиславом Анатольевичем пережили ряд этапов. Сначала это были отношения преподавателя и студента, затем они перешли в отношения коллег, а позже – в дружбу. Последние лет двадцать общались часто, обменивались книгами, обсуждали их. В разговорах Слава был немногословен, осторожен в формулировках, но четок в определениях.

Сближение происходило постепенно. Теперь уже трудно восстановить, когда всё это началось. Но, видимо, доверие существовало изначально. Мне уже довелось писать о явившемся ко мне однажды студенте, который спросил, не думаю

ли я, что для судеб России и всех нас было бы лучше, если бы русская революция 1917 года ограничилась только февральскими событиями. Это был Слава Свительский. Это происходило в самом начале 1960-х. Ситуация почти непредставимая! Сомнение в святая святых – самой «великой октябрьской революции»! Страшно было и согласиться, и отпугнуть несогласием. И к тому же удивление: ведь сам, без посторонней подсказки, додумался! Уже тогда возникло уважение к такой, кстати, достаточно редко встречающейся, самостоятельности мышления. Возникло четкое ощущение незаурядности находящейся перед тобой личности. Этому ощущению суждено было сохраниться навсегда.

Мальчик, выросший в рабочей слободке Воронежа, почти вдали от образованных людей, оказался способен самостоятельно дойти до мысли, тогда мало кому приходившей в голову. Уже одно это чего-то стоило. Интерес к политической ситуации сопровождал его всю жизнь.

Как я понимаю, на его долю выпало тяжелое детство. Отца он не знал: тот погиб на войне. Воспитывали Славу и его младшую сестру Таню в основном две бабушки. На самые ранние годы пришлась эвакуация. Из горящего и обстреливаемого города выбирались пешком. Три женщины и двое малолетних детей. Таню несли на руках, а Славу (ему не было еще трех лет) вели за руку. Он смутно помнил, как в одной оккупированной деревне его лечил немецкий доктор. Вернулись в совершенно разрушенный город. Жизнь была нелегкой, но, видимо, воспитывала волю к сопротивлению обстоятельствам. Позже, читая Славины сочинения, я заметила, что он очень любит слово «упругий», часто использует его метафорически: «упругий текст», «упругий образ» и т. д. Это словесное предпочтение, как мне кажется, отчасти приоткрывает тайну характера, «упругого», несговорчивого, всегда готового к сопротивлению. Не резкому и внезапному, а упрямому и определенному. Эта «упругость» заставляла его обычно не сразу соглашаться с оппонентом – согласие созревало медленно и как бы нехотя.

Была в его характере и скрытая властность. Она почти никогда не выходила на поверхность, скрывалась и обуздывалась интеллигентностью и тактичностью. Свою волю он никому не навязывал. Но и давить на нее не позволял. В оценках окружающих был осторожен, иногда скептичен.

Но эти качества не исключали его постоянного внимания к людям, ласковости в обращении с ними. Не щадя себя, он много занимался со студентами, подолгу сидел с «чужими» аспирантами, выправляя их авторефераты, всегда готов был оказать услугу. Никогда не забуду, сколько раз он сопровождал нас на вокзал, тащил чемоданы, помогал при переезде на другую квартиру, без лифта (у нас ведь при переезде всегда так) тащил тяжелые книги на седьмой этаж. В течение нескольких десятков лет (может быть, тридцати или даже сорока) он приносил мне цветы к 8 марта. Обычно небольшой букетик альпийских фиалок – знак внимания. Не забыл об этом и за три дня до кончины, попросил Нину купить для меня букетик. Из заграничных вояжей неизменно привозил маленькие сувениры. Зво-

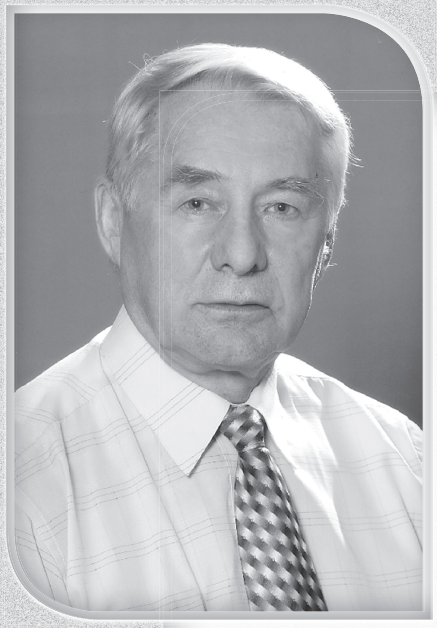
нил каждый вечер, чтобы справиться о самочувствии. Первым человеком, которого я увидела после операции, очнувшись от наркоза еще в реанимационной палате, был Слава. Думаю, что таким ласковым вниманием он дарил не меня одну.

Доброта сочеталась у него со сдержанной мужественностью. Смертельную болезнь переносил стоически. Узнал о ней, видимо, за год до кончины. Долго никому об этом не говорил. Второго мая 2004 года Нина и Слава позвали нас с мужем погулять в близлежащий лесок. Во время этой прогулки он рассказал о своей болезни. Просто, внешне спокойно, не драматизируя событие. Запомнилась ясность прохладного майского дня, молодая, чуть пробивающаяся листва на еще прозрачных деревьях, на земле – крошечные кустики скромных лесных фиалок… И эта новость, от которой сжималась сердце. Очень хотелось верить в чудо: ведь бывают же случаи… Фотографии того дня Слава подарил нам к Новому году (мы обычно отмечали этот праздник вместе в течение нескольких лет). В последние месяцы жизни он работал, не щадя сил. Не зря.

По-настоящему интересные и глубокие исследования Владислава Анатольевича Свительского еще долго будут жить в науке о русской литературе. А люди, знавшие его, до конца своих дней сохранят о нем память как о личности, бесспорно, очень значительной и – воспользуемся словом любимого им Андрея Платонова – как о «сокровенном человеке».

Алла Ботникова

Печатается по: *Ботникова А. Б.* В те времена… Воронеж, 2008. С. 234–238.

Владимир Федорович

СЕЛЕМЕНЕВ

(1939 г.р.)

Доктор химических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, редактор журнала «Сорбционные и хроматографические процессы».

Сфера научных интересов: ионообменные и межмолекулярные взаимодействия в системах: сорбент – вода – физиологически активное вещество (ФАВ). Установлена определяющая роль воды при образовании межмолекулярных комплексов ФАВ в фазе ионитов. Разработаны безреагентные способы разделения близких по структуре аминокислот под действием температурного и механического факторов. Предложены методы выделения сапонинов из сточных вод сахарного производства и фосфолипидов из продуктов неполной переработки масличных культур. Предложены новые сенсорные методы определения аминокислот, пептидов, нефтепродуктов в различных средах.

Окончил химический факультет ВГУ (1962). В ВГУ работает с 1964 года, с 1998 года заведующий кафедрой аналитической химии ВГУ.

СИМ ПОБЕДИШИ!

В 1957 году на первый курс химфака был зачислен выпускник Чернянской средней школы № 1 Владимир Селеменев. Закончил он школу с серебряной медалью, а дополнительно к этому в школьной Олимпиаде Белгородской области занял II место в беге на 1500 метров (4 мин. 32 сек.) и III место в беге на 800 метров (2 мин. 13,1 сек.). Начиная с этого времени, Владимир навсегда связал свою жизнь с нашим родным университетом. Раньше было модно словосочетание (впоследствии ставшее трафаретом) «успешно сочетал хорошую учебу, занятия спортом и общественную работу». По отношению к Селеменеву такое словосочетание не трафарет, а норма жизни и деятельности в ВГУ. Студент, аспирант, научный сотрудник, кандидат химических наук, профессор, заведующий кафедрой аналитической химии, заслуженный деятель науки РФ – это вехи его научной и педагогической работы на химическом факультете. Им подготовлено 4 доктора наук, 22 кандидата химических наук, десятки дипломников и магистров. Член факультетского бюро ВЛКСМ, председатель профбюро химфака, секретарь приемной комиссии ВГУ на протяжении многих лет, председатель секции «Ионообменная хроматография» Научного Совета по адсорбции и хроматографии РАН, председатель оргкомитетов всесоюзных и международных конференций «Иониты» по ионному обмену и хроматографии, редактор журнала «Сорбционные и хроматографические процессы», бессменный (в течение 30 лет) командир 75 университетских агитпробегов по фронтовым дорогам Великой Отечественной войны – вехи общественной деятельности Владимира Селеменева в Воронежском университете.

Все успехи в науке, педагогической и общественной деятельности профессора Селеменева Владимира были бы невозможны, если бы он не был поклонником здорового образа жизни, одним из извест-

ных в Воронеже стайеров. Третьеразрядник на первом курсе, второразрядник на втором курсе Владимир (а для нас просто Володя) на четвертом году учебы на химфаке выполнил норму первого спортивного разряда в беге на 800 и 1500 метров.

В 1961 году он стал впервые чемпионом Воронежской области в беге на 800 метров. Впоследствии Володя еще семь раз завоевывал звание чемпиона области в беге на 800, 1500 и 3000 метров с препятствиями. Он выполнил в 1966 году на зональных соревнованиях профсоюзов норму кандидата в мастера спорта СССР в беге на 1500 метров.

В 60-е годы, когда команда легкоатлетов ВГУ доминировала среди вузов Воронежа и Черноземья (завоевывала первые командные места), капитаном команды был Володя Селеменев.

Его целеустремленность, доброе отношение к людям, обязательность, желание помочь человеку (если он в этом нуждается) всегда вызывали ответные добрые чувства у нас. Для друзей и многих сотрудников ВГУ профессор Владимир Федорович Селеменев и в свои 70 лет просто Володя, который всегда подставит свое плечо и поможет в трудную минуту.

Считаем, что все положительные качества Владимира Федоровича были заложены его родителями Федором Матвеевичем и Феклой Лукьяновной, которые все годы проработали преподавателями в сельской школе. Владимир Федорович вместе с женой Ларисой Анатольевной (выпускницей биофака ВГУ) воспитал прекрасную дочь Наташу, пошедшую по стопам отца и защитившую кандидатскую диссертацию. Наташа с мужем Игорем (мастером на все руки, выпускником ВГПУ) воспитывают внучку Владимира Федоровича Катю – студентку факультета ПММ ВГУ. Мы полагаем, что профессора Селеменева полностью характеризуют слова Андрея Платонова: «…А без меня народ неполный».

* * *

Лорд Веллингтон сказал, что битва при Ватерлоо была выиграна на спортивных площадках Итона. Итон – это привилегированная средняя школа недалеко от Лондона, где мальчики ходят на занятия во фраках и имеют слуг, однако при этом спорт играет существенную роль в их образовании, формировании воли и духа коллективизма.

Казалось бы, у Володи Селеменева, родившегося в белгородском селе, должна быть совсем иная судьба. Однако интерес к учебе и спорту сформировал уже в школе те качества, которые позволяют везде, где бы он ни находился, добиваться нелегких, но весомых побед. Для побед мало волевых качеств – нужна интуиция. Володя Селеменев ее проявил, оказавшись в нужное время в нужном месте, поступив в 1957 году на химический факультет Воронежского государственного университета. Химический факультет стал для него родным на всю жизнь. Здесь начинался путь в науку и в большой спорт. Володя Селеменев многократный чемпион области по бегу на средние дистанции.

После побед в спорте пришли успехи в науке. Он был принят в аспирантуру кафедры аналитической химии. Руководителем Володи, который медленно, но

твердо превращался во Владимира Федоровича, был ректор университета профессор Валентин Пименович Мелешко – известный в стране специалист в области ионного обмена. Так сформировались интересы Владимира Федоровича, которые он развивал в контакте с сотрудниками кафедры аналитической химии и самостоятельно. Значительную роль в Судьбе Владимира Федоровича сыграла Инна Павловна Шамрицкая, которая привила ему интерес к инфракрасной спектроскопии как методу исследования функциональных свойств ионообменников. В 1972 году была одержана первая большая победа в науке – была защищена диссертация на соискание ученой степени кандидата химических наук.

Выбор темы исследований – важнейшая черта, характеризующая личность любого ученого. Можно выбрать синтез новых веществ, и это может быть актуальным. Можно получать взрывчатые вещества – они тоже нужны для работы и обороны. Владимир Федорович выбрал в качестве объекта исследований физиологически активные вещества, что в большей степени характеризует направленность личности, чем любые показатели. Исследования в области ионного обмена аминокислот позволили сформировать ему основные идеи, на основе которых была написана и в 1993 году успешно защищена диссертация на соискание ученой степени доктора химических наук. Это была его вторая крупная победа в науке.

В 1995 году Владимир Федорович стал профессором, а в 1998-м – заведующим кафедрой аналитической химии. Главной темой его исследований по-прежнему оставались физиологически активные вещества, но увеличилось число классов соединений, среди которых появились фармацевтические препараты. Со временем расширился и арсенал применяемых методов.

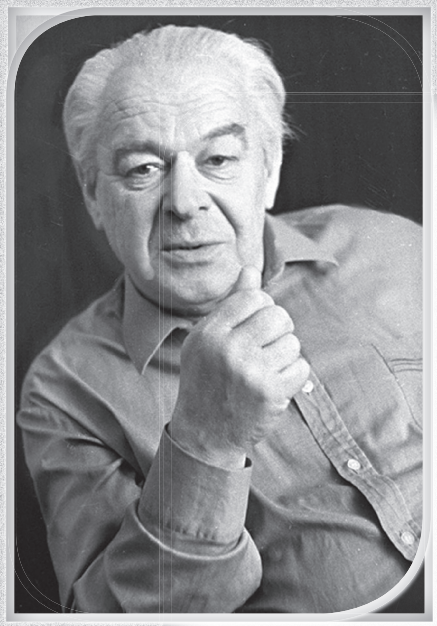
Последнее увлечение Владимира Федоровича – сенсоры для аналитического определения физиологически активных веществ.

За успехами в науке пришло признание – правительственные награды, присуждение почетного звания «Заслуженный деятель науки Российской Федерации». Он был избран членом научных советов Российской академии наук по аналитической химии, адсорбции и хроматографии. В совете по адсорбции и хроматографии он возглавил секцию «Ионообменная хроматография».

Счастливым качеством Владимира Федоровича является организационный талант. Без него в трудное время прекратилось бы проведение всероссийских конференций по ионному обмену, а также выпуск журнала «Сорбционные и хроматографические процессы», который входит в престижный перечень журналов для публикации статей и утвержден Высшей аттестационной комиссией.

Характеристика личности Владимира Федоровича Селеменева была бы неполной без его деятельности в клубе «Память». Десятки маршрутов по местам боевой славы, сотни поселков и городов, через которые пролегал путь замечательного коллектива, созданного им. Но это уже отдельная глава, и о ней говорить тем, кто был с ним рядом у памятников, кто вместе бежал по трудным дорогам, с кем вечером у костра он пел песни.

Владимир Шапошник

Леонид Леонидович

СЕМАГО

(1928–2008)

Кандидат биологических наук, доцент, член Союза писателей СССР, почетный член Союза охраны птиц России, лауреат премии Юго-Восточной железной дороги имени А. П. Платонова, почетный гражданин города Воронежа.

Сфера научных интересов: орнитология, природа российского Черноземья.

Окончил биологическое отделение биолого-почвенного факультета Воронежского госуниверситета (1951), там же аспирантуру (1957). Работал на противочумной станции (город Челкар Актюбинской области Казахской ССР, 1951–1954). Аспирант Воронежского государственного педагогического института (1956–1960), доцент кафедры зоологии позвоночных ВГУ (1960–1988).

Автор многочисленных научно-популярных книг. Постоянно выступал в прессе с материалами экологического характера. В 1996–2001 годах вел цикл передач на Воронежском телевидении «Этот мир придуман не нами».

ЕГО ВСЮДУ ЗНАЛИ...

Один парнишка поступил на филфак и очень удивился, когда узнал, что тут Семаго не преподает – даже произведений Леонида Леонидовича не изучают. У парня «на северах» были плохие учителя, не объяснили, в чем отличие филологии от биологии. Он своим умом дошел: если человек пишет так интересно и увлекательно, то, наверняка, современный Гоголь или Тургенев.

Этот человек, никогда не готовивший себя к писательству, но любивший природу и считавший себя ее частицей, стал современным Пришвиным, известным далеко за пределами России. Лауреат нескольких престижных зарубежных премий, дипломов всероссийских конкурсов. Это тот редкостный случай, когда соискателя никто никуда не представляет, – жюри рассматривает работы претендентов и приходит к единому выводу, что и в приближении нет того, с чем они познакомились у Семаго из Воронежа.

Один из лучших в мире знатоков птиц, да и любого дыхания природы. Его имя занесено в разные зарубежные энциклопедии. Одно время параллельно шли фильмы по центральному каналу ТВ – «Подводная одиссея Кусто», а по воронежскому – «Этот мир придуман не нами» – телесериал Семаго. И люди переключали каналы телевидения на программу, где звучал неповторимый голос Леонида Леонидовича. Редкий дар – рассказывать и уметь показывать весь тот живой мир, который окружает нас. Его телефильмы демонстрирует школьникам во многих зарубежных странах. Его всюду знали и любили, жили рядом и не задумывались, что этот человек, с голосом волшебника и знаниями энциклопедиста-мудреца, воспитал в любви и стремлении понять живую природу почти всё население Воронежской области. Около тридцати лет ежедневно все спешили

домой ко времени, когда по радио начнет о своих наблюдениях за природой рассказывать Леонид Семаго. Столько же лет областную газету «Коммуну» начинали читать с колонки, которую вел Леонид Леонидович.

Как-то в школе Рождественской Хавы Новоусманского района он спросил у детворы, какое, по их мнению, самое мерзкое существо на земле? Шум, гвалт! В итоге, сошлись в одном – жаба! Противная! Ну, такая противная, что просто ужас! Через минуту, затаив дыхание, школьники слушали чарующий рассказ о том, сколько жаба делает добра человеку, сколько от нее пользы всему окружению. И удивительное существо становилось всё ближе, понятнее и милее...

На следующее утро завуч той школы звонила в газету: «Приезжайте, такого никогда не видели – классы, коридор школы переполнены жабами! Наверное, каждый отловил и принес с собой любимицу... Вот сижу и думаю, а вдруг и вправду какая-нибудь из этих лягушек-страшилищ превратится в Царевну Прекрасную!»

Многие абитуриенты шли на биолого-почвенный факультет ВГУ в стремлении учиться у Семаго, чтобы потом с великой радостью заниматься тем, чем занимается этот чародей от науки и писательства.

Однажды на рецензию к Л. Семаго попала рукопись лауреата Ленинской премии Василия Михайловичи Пескова. Через несколько дней редактор звонит в Москву автору: «Как дела спрашиваете? Да тут Семаго учудил – на полях вашей рукописи более пятидесяти замечаний сделал... Да вы не расстраивайтесь – я на них никакого внимания!» И какую же взбучку получил горе-редактор! Оказывается, «сам Песков» считает, что рядом с Леонидом Леонидовичем по знанию природы никого из современных ученых Советского Союза и зарубежья даже рядом поставить нельзя. Заявил, что для него большая честь, что такой человек нашел время для прочтения его будущей книжки. Признался, что за советами, объяснениями многих «тайн» при написании своих очерков для «Комсомольской правды» обращается к своему давнему другу и учителю.

В школу Новой Криуши Калачеевского района по приглашению председателя колхоза Анатолия Бакулина Л. Семаго приезжал почти каждый месяц. «Школа Семаго» в дальнем селе существовала несколько лет. «Да я бы сюда ездил из-за одного Жени Барышникова! Неужели ты этого пятиклассника не запомнил?» – говорил Леонид Леонидович.

На сьемках очередного фильма из цикла «Этот мир придуман не нами» два дня провели в поисках байбаков, уток-каменок, лисьих нор... Не идет удача – хоть волком вой! И крутится под ногами мальчонка: «Дяди, а чего вы тут ищите?» Нехотя Леонид Леонидович ответил ему. И свершилось чудо! Через час нашлись байбаки, а потом лиса пижонилась перед камерой, утки пытались скрыться в норах обрывистого оврага... Всё сразу – и как на ладони! Ай да Женька, ай да знаток! Собираясь в Новую Криушу, Леонид Леонидович вез подарки для школы (саженцы редких деревьев, цветов, кустарников...), а для Жени – книжки, альбомы и беседы, как равный с равным.

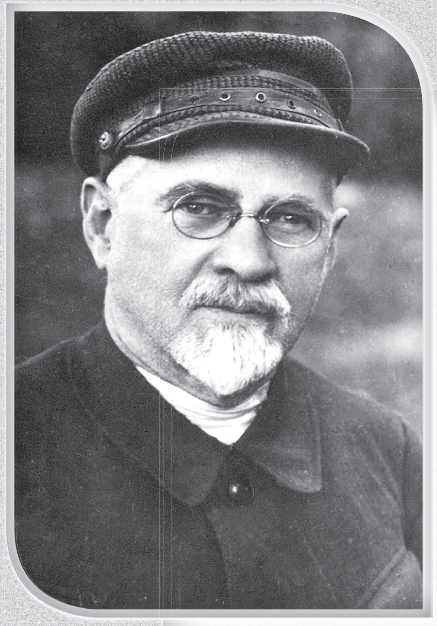
...По всей стране – в вузах, школах, заповедниках, музеях – работают не просто ученики Леонида Леонидовича, а подобные ему подвижники, знатоки и защитники природы. Главное – пишущие и снимающие, стремящиеся словом и делом остановить апокалипсис, подготавливаемый человеческой гордыней, человеческою жадностью и глупостью. Один из любимых учеников Семаго – Сергей Сапельников, сотрудник Графского заповедника. Известно много снимков о природе выдающихся фотомастеров мира, но всё же один из лучших – это кадр, ради которого Сергей Федорович более суток просидел на дереве, но снял-таки уникальный сюжет: на водопой к ручью одновременно подошли косули, волк, лиса, утки с гусями и дикие кабаны. Смотрите, думайте и «учитесь у природы», говорил Семаго.

...Началась перестройка. Свобода! И один из руководителей крупного завода подал на вредного ученого в суд за... клевету – статью о том, что очистные сооружения заводского пансионата несовершенны и губят речку... Было несколько унизительных заседаний суда... Семаго молчал. А лилипуты всё больше распалялись и бесновались вокруг Гулливера. Потом Леонид Леонидович взял слово. Судьи и все присутствовавшие, как школьники, в полной тишине слушали изумительное эссе в защиту всего того, на чем держатся наша жизнь и существование всей планеты...

С художником Криворучко они задумали создать движение «Культурная инициатива», объединить здравомыслящих ученых, писателей, художников единым фронтом против засилья мракобесия, лжепатриотизма, псевдоискусства, безнравственности и бездуховности... Издали пару лет назад книжку Леонида Семаго «Бежал по снегу еж», и солидный тираж исчез с полок магазинов. В библиотеках по-прежнему спрос на книги Семаго. Да их и нет почти – зачитали.

Художник и скульптор Борис Катков предложил городу проект удивительно трогательного и такого необходимого всем нам памятника – сидит дедушка Леня на пенечке, а по нему скачут белки, снуют синички с воробьями, что-то важное шепчет на ухо его любимая ворона, о которой он двадцать пять лет писал книгу, да так и не завершил... Солнечно и вольготно. Разулся. Не зевай, дед Леня! Пока ты беседуешь с миром, который придуман не нами, какая-то птичка в твоем ботинке свила гнездо, и длинношеий желторотый птенец тянется к доброму человеку – что-то, видно, тоже сказать хочет.

Эдуард Ефремов

Константин Карлович

СЕНТ-ИЛЕР

(1866–1941)

Доктор биологии, профессор.

Сфера научных интересов: изучение фауны Воронежского края. Организатор экспедиций по рекам Воронеж, Усмань, Дон, Тихая Сосна, Потудань и другим. Основатель школы зоологов (зоология беспозвоночных животных). Один из организаторов Научно-исследовательского института при ВГУ (1925).

Окончил биологическое отделение физико-математического факультета Петербургского университета (1890). Продолжал образование в городе Триест (Неаполитанская зоологическая станция), городе Киле (лаборатория Вальтера Флеминга), городе Париже (лаборатория И. И. Мечникова). С 1903 года профессор Юрьевского университета.

В 1917–1918 годах являлся председателем эвакуационной комиссии Юрьевского университета, способствовал его переезду в Воронеж. В 1918–1941 годах профессор, заведующий кафедрой зоологии биологического факультета ВГУ.

УЧЕНЫЙ ИЗ ПЕРВОГО ПРИЗЫВА

Константин Карлович Сент-Илер родился 19 сентября 1866 года в Санкт-Петербурге. По словам самого Константина Карловича, его дед был оставшимся в России после 1812 года военнопленным наполеоновской армии, который учительствовал в Петербурге, женился на русской и принял православие.

Отец Константина Карловича, Карл Карлович Сент-Илер, был директором учительского института в Петербурге, магистром зоологии. Он дослужился до чина тайного советника, являлся автором учебников «Краткая зоология» и «Элементарный курс зоологии с приложением задач и летних занятий по зоологии». Карл Карлович был и редактором 10-томной «Жизни животных» А. Брема.

Впоследствии Константина Карловича часто спрашивали, не родственник ли он знаменитым естествоиспытателям-эволюционистам, предшественникам Дарвина – отцу и сыну Жоффруа и Изидору Сент-Илерам? На этот вопрос ученый отвечал отрицательно: нет, просто однофамилец, фамилия во Франции нередкая.

По окончании гимназии Константин Сент-Илер поступил на биологическое отделение физмата Санкт-Петербургского университета; на старшем курсе он представил работу об эмбриологии беспозвоночных, за которую получил золотую медаль, после чего остался в университете для подготовки к ученой степени магистра зоологии и несколько лет проработал ассистентом у крупнейших биологов того времени Н. Е. Введенского, А. С. Догеля, А. О. Ковалевского. Молодой ученый посещал лучшие зарубежные лаборатории (И. И. Мечникова в Пастеровском институте в Париже, немецкого гистолога В. Флеминга в Киле), морские биологические станции в Роскове, Виллафранке и Неаполе, работал также на российской Соловецкой станции.

В 1891 году Константин Карлович становится заведующим кабинетом анатомии и гистологии Петербургского университета; в 1893 году, в возрасте 26 лет, утвержден в должности приват-доцента по этим дисциплинам. В том же 1893 году он женился. О супруге, Александре Петровне, мало что известно – уже в Воронеже среди аспирантов К. К. Сент-Илера (по словам одного из них, К. В. Скуфьина) ходила легенда, что она была воспитанницей Смольного института. В семье было трое сыновей: Дмитрий (1894 г.р.), Владимир (1906 г.р.) и Константин (1899 г.р.).

Константин Карлович свободно читал специальную литературу на немецком, английском, итальянском, французском языках; в качестве разговорного языка в беседах с иностранными коллегами предпочитал немецкий, после него – итальянский и французский.

В Петербурге и позднее, уже в Юрьеве, продолжаются длительные научные командировки за границу – в целях усовершенствования научной квалификации и сбора материала для гистологических и эмбриологических исследований. Константин Карлович выезжает в Швейцарию на Женевское озеро, в Венецию, в Монако – с его аквариумом и музеем морской фауны.

Лекторскую работу Сент-Илер начал в 1901 году; в 1903 он защищает докторскую диссертацию на тему «Обмен веществ в клетке» и в том же году обращается с ходатайством о получении профессуры в Юрьевском университете.

В 1903/04 учебном году Константин Карлович занимается систематизацией огромных зоологических коллекций Юрьевского университета и постоянно бывает в Петербурге, где закупает экспонаты для них, в то же время продолжая проводить некоторые лекционные курсы и семинары в Санкт-Петербургском университете.

С сентября 1904 года Сент-Илер приступает к чтению лекций на физико-математическом и медицинском факультетах Юрьевского университета. Всего в 1904–1918 годах в его послужном списке 16 лекционных курсов разного характера и объема, 4 семинара и 10 практикумов.

В 1903–1906 годах Константин Карлович обследует Соловецкие острова, Северо-Двинский залив вблизи Архангельска, район Кемикандалакшского залива (в том числе район о. Великий и Ковды).

В 1908 году в Юрьевском университете было принято решение об отправке на Белое море под руководством Сент-Илера первой экскурсии (экспедиции) с целью изучения местной фауны и флоры.

В старинном поморском селе Ковде была создана биостанция университета (на базе шведского лесопильного завода). Уже в первой экспедиции был собран большой материал для коллекций университета и практических занятий по беспозвоночным, а также коллекции гнезд, яиц и птичьих шкурок; каждый из участников собрал коллекцию морских животных для себя лично или для какого-либо учреждения (гимназии, школы, студенческого общества). «Участники экспедиций знакомились с техникой ловли морских животных и фаунистических

работ на море; они ознакомились с важнейшими представителями беломорской фауны и с образом жизни их по отношению к окружающим условиям», – писал Константин Карлович.

До 1918 года экспедиции проходили почти каждый год, даже во время Первой мировой войны.

В марте 1918 года территория Эстонии была оккупирована немецкими войсками, Юрьевский университет был закрыт, профессора и студенты увольнялись.

Русский профессорско-преподавательский и студенческий состав университета после переписки с правительством Советской России готовился к переезду в Воронеж. Совет университета создал эвакуационную комиссию, избравшую своим председателем Сент-Илера, который, хорошо зная немецкий язык, мог вести переговоры с оккупационными властями Юрьева. 7 сентября 1918 года в Воронеж прибыл «университетский» поезд, в котором старшим по составу был К. К. Сент-Илер. С этого момента он становится профессором нового Воронежского университета.

Трудности первых послереволюционных лет не погасили исследовательского, педагогического и организаторского таланта Константина Карловича; он был одним не только из первых, но и из самых видных, талантливых ученых нашего университета.

В Воронеже Сент-Илер начал с того, что возродил на новом месте кафедру зоологии, которой заведовал (с 1919 года – кафедра зоологии беспозвоночных); с помощью студентов смонтировал при кафедре доставленные из Перми коллекции зоологического музея Юрьевского университета. В 1920-е годы у него очень большая нагрузка: Константин Карлович проводит занятия со студентами медфака, естественного отделения физмата, а с 1921 года – и нового педагогического факультета ВГУ. В это же время (в 1920–1925 и в 1933–1938 годы) Сент-Илер становится президентом Общества естествоиспытателей при ВГУ, а также возглавляет гидрологическую комиссию Общества, занимавшуюся, в частности, исследованием реки Воронеж – на городской водокачке ведутся каждодневные измерения и наблюдения за физическими, химическими и санитарными качествами воды.

В 1923–1927 годах под руководством Сент-Илера обследуются богатейшая в то время фауна в окрестностях Воронежа и в Усманском Бору (бобровый заповедник), организуются и более дальние экспедиции по рекам Воронеж, Дон, Усмань, Тихая Сосна, Потудань. У зоологов ВГУ появляются и опорные пункты для полевых работ (в Жировском лесу у устья р. Воронеж, ст. Графская в Усманском бору).

В 1925–1933 годах Константин Карлович руководил созданным при ВГУ научно-исследовательским институтом, охватившим кафедры естественного отделения и физики. Он призван был заниматься вопросами естествознания и краеведения.

С 1921 года Сент-Илер добивается возобновления экспедиций в Ковду, правда, после этого первого выезда последовал долгий перерыв (6 лет).

По-прежнему студенческая практика на Белом море успешно сочетается с научными исследованиями. Как и в дореволюционный период, биостанцию, помимо студентов и сотрудников Воронежского университета, посещают экскурсии из других учебных заведений. Продолжается изучение заливов, озер и болот. Были собраны коллекция образцов горных пород, гербарий цветковых растений, мхов, лишайников, орнитологическая коллекция. Основное внимание уделяется морю: берутся пробы бентоса и планктона, описано несколько новых для науки, а также для Белого моря видов. С 1936 по 1940 год работы на беломорской биостанции ВГУ ведутся ежегодно. Сам профессор Сент-Илер последний раз был в Ковде в 1939 году.

1927–1936 годы – период плодотворной научно-исследовательской деятельности К. К. Сент-Илера. Лекционная учебная нагрузка уменьшается, но возрастает количество аспирантов, многие из которых стали видными учеными в ВГУ и других вузах. В 1930-е годы Константин Карлович по-прежнему ездит с экспедициями по Воронежской области.

В последние годы жизни профессор Сент-Илер продолжает активно работать, хотя здоровье его ухудшается. По этой причине количество публикаций ученого сокращается. Но он по-прежнему полон энтузиазма – в конце 1930-х Сент-Илер с головой уходит в организацию Жировской биостанции, которая использовалась как база учебной и производственной практики биологов, а также комплексного научного исследования природы и физико-химических условий всей Доно-Воронежской поймы.

Умер Константин Карлович в ноябре 1941 года, в тяжелое для университета, города и страны время.

Как пишет его ученик и биограф, профессор ВГУ К. В. Скуфьин, «это был предельно скромный, честный трудяга, фанатично преданный своей науке, неустанно старавшийся передать свои знания и методы исследования как можно большему числу студентов… Перу профессора принадлежат свыше 100 работ в неисследованных областях физиологии, гистоэмбриологии, биогеоценологии, экспериментальной морфологии, гидробиологии, объединенных общей теоретической концепцией взаимодействия живого и неживого вещества. <…> Только в последние годы его основные работы начинают получать признание в качестве приоритетных как в России, так и за рубежом».

Александра Степынина

Печатается по: Университетская площадь. 2013. № 6. С. 44–46.

Владислав Петрович

СКОБЕЛЕВ

(1930–2004)

Доктор филологических наук, профессор, член Союза писателей СССР.

Сфера научных интересов: теория сказового повествования, теория сюжета, теория автора, поэтика художественной разработки, исследование литературной истории воронежского края.

Окончил факультет русского языка и литературы Куйбышевского государственного пединститута (1952), аспирантуру Института мировой литературы имени М. Горького Академии наук СССР (1955). Методист Куйбышевского областного института усовершенствования учителей (1957–1958). Старший преподаватель кафедры литературы Муромского государственного пединститута (1958–1961, Владимирская область).

Доцент кафедры советской литературы, кафедры теории литературы и фольклора Воронежского госуниверситета (1961–1979). Доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Куйбышевского (Самарского) государственного университета (с 1979).

НЕОКОНЧЕННЫЙ РАЗГОВОР

Шестьдесят второй год. Май. Я только что вернулся в Воронеж из небольшого белгородского городка Шебекино, где работал в местной газете «Пламя» заведующим отделом писем. Полным ходом идет очередная реформа, затеянная неутомимым Никитой Сергеевичем Хрущевым, и нашу районную газету закрывают, так как ликвидируется сам район.

Жена – воронежская, оба учились в университете. Решаем вернуться в родные края. Проблем с трудоустройством не возникает: Борис Михайлович Михантьев не только обещает комнатку в общежитии (слово свое сдержал), но и предлагает жене место ассистента на кафедре физики, а мне – должность ответственного секретаря университетской многотиражки.

И вот в один из майских дней Алла Борисовна Ботникова, моя наставница, мой университетский ангел-хранитель, знакомит меня с Владиславом Петровичем Скобелевым, молодым (и по возрасту, и по своему воронежскому стажу) доцентом кафедры советской литературы филфака.

– Вот, – говорит Алла Борисовна своим певучим и мягким голосом, подводя меня к плотному лобастому человеку в очках, – познакомьтесь. Это – Владислав Петрович Скобелев.

– Наслышан, наслышан о вас, – добродушно протягивает руку человек в очках.

– Спасибо, – говорю я, – но, к сожалению, не могу ответить вам тем же.

– Натурально! – хохочет Скобелев. – Ну да всё равно: будем знакомы.

Так в мою жизнь вошел Владислав Петрович, ставший моим учителем, наставником, соавтором, другом.

Всем…

Руководил моей работой над кандидатской диссертацией.

Соблазнял ездить на различные научные конференции – в Одессу, Ленинград, Даугавпилс, Томск, Омск.

Неназойливо обучал анализировать тексты.

Приучал думать.

Учил ничего не бояться.

И – рассказывал, рассказывал, рассказывал…

Память у Владислава Петровича была отменная, эрудиция – прекрасная, так что было что послушать. Но главным в скобелевских рассказах были не события, не факты, а точка зрения – рассказчик так живописал, что без всяких назидательных «я так думаю», «мне так кажется» возникал взгляд.

Неожиданный. Ироничный. Парадоксальный. Точный.

История, культура, быт, философия, политика, литература – нескучных тем для бесед с Владиславом Петровичем не было…

Круг соприкасающихся с Владиславом Петровичем был широк.

Студенты. Аспиранты. Соискатели. Коллеги. Друзья дома. Друзья друзей дома. Случайные знакомые. Абсолютно незнакомые люди.

И к каждому – уважительное внимание. Естественный интерес человека, понимающего толк в общении.

Знающего цену и меру любознательности.

Любящего работать.

Работал Владислав Петрович безостановочно. Во время лекции, во время беседы вдруг замолкал, доставал блокнот или первый подвернувшийся клочок бумаги и что-то записывал крупным своим почерком – боялся утратить внезапно явившуюся мысль, образ, деталь…

Поздняя осень 2003 года. Самара. Воскресенье. Сижу утром на диванчике в кабинете Владислава Петровича (приехал оппонентом на защиту к его аспиранту).

– Левушка, – говорит Владислав Петрович, натягивая любимые свои джинсы, – мне надо на нашей с Олегом даче убрать мусор. Вы отдохнете или поедете?

Господи! Он еще спрашивает! Едем на городской маршрутке на так называемую дачу – несколько соток с двумя хилыми избушками, запертыми огромными многоэтажками на окраине города. Участок достался Владиславу Петровичу и Олегу Петровичу, тоже доктору наук, от родителей.

Убираем листву, ветки, сжигаем мусор. И вдруг вижу: Владислав Петрович свои трудовые манипуляции осуществляет как в замедленной киносъемке – осторожно берет несколько веток, одну за другой; так же медленно превращает их в охапку и очень медленно двигается к двум бочкам, в которых Олег сжигает мусор.

– Задумался, – говорю я.

– Работает, – подтверждает Олег.

– Что-нибудь случилось? – спрашиваю.

– Кое-что пришло в голову, – признался Владислав Петрович. – Надо бы записать.

И ищет в кармане неизменный блокнотик…

Идеи распирали Скобелева, и он дарил их всем желающим. Знаю достоверно, что скобелевские наблюдения можно обнаружить не только в работах его аспирантов и докторантов.

Скобелева хватало на всех.

Свою позицию никому не навязывал, но защищал жестко.

Владислав Петрович был деликатен в спорах со своими оппонентами (что подчас создавало иллюзию, будто Скобелев отступает), но жестко автономен: свою точку зрения защищал последовательно.

И абсолютно не терпел литературоведческого витийства и вульгарно-поверхностных подходов при оценке вещи.

Помню, как в шестьдесят восьмом году, кажется, по инициативе Владислава Петровича было задумано провести на филфаке конференцию, посвященную Андрею Платонову. Кого сегодня удивишь этим именем? А тогда Платонов скромно стоял в пятом-шестом литературном ряду, скрывшись за монументальными фигурами Горького, Шолохова, Фадеева, Алексея Толстого, Симонова и т. д., и т. д…

Со свойственной Владиславу Петровичу энергией он стал продвигать идею в массы. Массы в лице преподавателей, аспирантов филфака ВГУ и других городов на эту идею откликнулись. Появились очертания сборника статей, посвященных писателю.

Но ведь то был исход шестидесятых.

Танки в Праге…

И скобелевская идея провести представительную конференцию стала вызывать глухое возражение. Сначала потребовали независимую экспертизу сборника. «Эксперты» запретили публикацию нескольких статей, среди которых была и статья никому не известного Анатолия Альтшуллера, еще не превратившегося в доктора наук, заслуженного деятеля искусств Анатолия Смелянского.

Усмотрели «неправильное» направление мыслей, и сборник существенно «кастрировали». Хотя он в окончательном варианте быстро стал популярен среди специалистов и является сегодня библиографическим раритетом.

А потом запретили и проведение конференции. И сидел Владислав Петрович одиноко на кафедре и писал извинительные письма.

После переезда Скобелевых в Куйбышев-Самару наши встречи и контакты не прекратились. Во-первых, в Воронеже осталась семья сына Андрея, и Владислав Петрович приезжал сюда; во-вторых, несколько лет продолжал читать спецкурсы на филфаке и журфаке; в-третьих, охотно откликался на приглашения принять участие в университетских конференциях или приглашал на аналогичные самарские «посиделки»; в-четвертых, была деловая переписка.

…Общаться с Владиславом Петровичем было одно удовольствие. Скобелев очень любил Самару и всем приезжающим показывал город – старую его часть (тут следовали непередаваемые рассказы о Максиме Горьком, Алексее Толстом и самарском адвокате В. И. Ульянове), улицы и площади советского Куйбышева

(новеллы о войне, посольствах, бункерах и эвакуированных заводах), современную Самару (дороги, идущие к Безымянке; застройки Ново-Садовой и т. д., волжская набережная). Экскурсии заканчивались, как правило, у «Дна», самарской достопримечательности – пивной, расположенной прямо у знаменитого пивзавода, поставлявшего всей стране «Жигулевское».

Приехал в Куйбышев (еще) университетский театр миниатюр – устроил блистательную экскурсию.

Отправилась добывать в местом авиационном институте внешний отзыв на свою кандидатскую моя жена – двухчасовая прогулка по городу.

Приехали как-то вечером поездом коллеги из Тольятти – и для них занимательный рассказ о Самаре.

Ходить по городу с Владиславом Петровичем было очень трудно – его постоянно кто-то останавливал, он здоровался, наверное, с каждым пятым прохожим, но никакой путеводитель не рассказывал о городе так живо, как Скобелев. Неудивительно, что во всех «злачно-культурных» домах Самары Владислав Петрович был своим человеком – в музеях, театрах, на выставках, в вузах.

Как ни приедешь – призывы-приглашения:

– Идем в Камерный!

– В доме-музее Алексея Толстого интересный семинар!

– В педуниверситете замечательный спектакль «Три сестры»!

– В филармонии выступает лучший саксофонист России Козлов!

– В картинной галерее выставка современного искусства!

Как откажешься? Ходим, смотрим, размышляем, иногда втягиваемся в дискуссии. Порой эти дискуссии заканчивались в доме Скобелевых далеко за полночь – Владислав Петрович был благодарным слушателем-собеседником. Слушает заинтересованно, задает вопросы, заставляет рассказчика на ходу что-то уточнять, корректировать. А иногда Владислав Петрович вдруг «отключался», хватался за ручку и что-то записывал – рождалась идея, которую он потом превращал в книгу, статью, доклад.

Скобелев не позволял себе лениться, и, думаю, окружающие – инстинктивно, чтоб не отставать от Владислав Петровича – старались соответствовать ритмам, им задаваемым. Меня Владислав Петрович приучил не бояться черновиков – я видел его собственные рукописи: поверх размашистых строк – исправления, добавления… Не бедный на похвалы, Владислав Петрович был очень требователен, когда дело доходило до нечетких формулировок, до «дребезжащих» строк, до неубедительной аргументации.

– Что-то меня тут не устраивает, – говорил он. – Подумайте, пожалуйста!

Или:

– Вы так считаете? Пока вы меня в своей правоте не убедили…

Вот и живу я с ощущением, что мой разговор с Владиславом Петровичем продолжается.

Лев Кройчик

Алексей Иванович

СЛИВКИН

(1944 г.р.)

Доктор фармацевтических наук, профессор.

Область научных интересов: изучение закономерностей синтеза органических соединений, обладающих антибактериальными, иммуностимулирующими, анальгетическими свойствами; создание, исследование свойств полимеров медицинского назначения на основе винильных мономеров углеводов и лекарственных форм на их основе.

Окончил среднетехнический факультет Воронежского технологического института (1964), химический факультет Воронежского госуниверситета (1970). С 1970 года инженер, старший инженер проблемной лаборатории химии высокомолекулярных соединений, начальник отдела Научно-исследовательского института химии, доцент кафедры высокомолекулярных соединений и коллоидов, с 1997 года декан фармацевтического факультета, с 1998 года заведующий кафедрой фармацевтической химии и технологии готовых лекарственных средств ВГУ.

ГЛАВНЫЙ КОРПУС

ПЕРВООТКРЫВАТЕЛЬ

Когда я, еще до поступления, увидела Алексея Ивановича, подумала: «Какой импозантный мужчина». Восхитилась и… не поздоровалась. Кто же знал, что этот подтянутый, энергичный человек лет пятидесяти – декан? – смеется третьекурсница ВГУ, будущий провизор. – Мы, абитуриенты, уже знали, что профессор с трогательной фамилией Сливкин – отец факультета. Представляли себе солидного старичка. Знаете, есть такие типичные начальники: видишь их в коридоре и хочешь сделать реверанс. Когда мы встречаем Алексея Ивановича, хочется улыбнуться и заниматься с удесятеренной энергией. Декан нас вдохновляет. Может, знает секрет молодости, элексир придумал?

Алексею Ивановичу Сливкину за семьдесят. Он первый в Воронеже доктор фармацевтических наук, а затем профессор. Исследователь, который считает, что без научной работы нет преподавателя.

А еще новатор. Благодаря ему в университете появилась специальность «фармация», а потом и соответствующий факультет:

– У меня много знакомых за границей, они удивляются: «Есть в тебе западная жилка. Как ты в таком хаосе всё организовал?» Говорю: люди прекрасные рядом были. И, конечно, не боялся рисковать. На дворе начало девяностых, разруха. Я – ученик легендарного Б. И. Михантьева, работая преподавателем на химфаке, предложил открыть направление «медицинская химия». Все говорили: «Брось, ничего не выйдет. Бюджетных мест нет, кто за деньги захочет учиться?» Но мы решили попробовать. Набрали на первый курс сорок человек, даже декан химфака удивился. В те же годы система распределения выпускников рухнула. Лихое время – в Воронеж боялись ехать провизоры из других областей. Значит, нужно было открыть специальность в ВГУ. И я пошел с предложением в ректорат. Нашу идею поддержа-

ли, выделили помещение. Когда я создавал уже фармацевтический факультет, мне было под пятьдесят. Немало. Но что такое возраст, когда работать интересно?..

Секрет молодости профессора Сливкина не в лекарствах, которыми он занимается всю жизнь, а в жажде поиска.

* * *

О детстве и юности Алексея Ивановича студенты ничего не знают.

Теряются:

– На факультете он был всегда. А детство… Давно было – в другой жизни.

Жизнь в сороковых была, и правда, другая – дышала войной. Но кто знает, кем бы стал Сливкин, родись он в другое время?

Вспоминает Алексей Иванович:

– Мне три года, голод. Мама дает молоко и хлеб. Почему-то они кажутся невкусными, хотя молоко домашнее, от своей коровы. Его я выливаю, хлеб бросаю. И получаю затрещину: «Другим вообще есть нечего, а ты хлебом швыряешься!» Я этот урок на всю жизнь запомнил – глотаю всё без разбора. До четвертого класса я учился неважно. А потом началась арифметика, геометрия – заинтересовался, выправился. Был аккуратным учеником, на занятия ходил даже больным. Когда в седьмом классе началась химия, я был поражен. Реакции вдохновляли. А в остальном стало скучно. Закончил восемь классов и говорю родителям: «Хочу поступать: поеду, попробую».

Страсть к экспериментам проснулась уже тогда. Первый опыт был непростым, но Алеша Сливкин стал студентом среднетехнического факультета Воронежского технологического института:

– Жил я в общаге. Помню песчаную улицу с одной трамвайной линией: Ленинский проспект, который тогда был Сталинским. И первую практику на заводе. И первую дипломную работу у профессора И. И. Юкельсона.

С нее и начался подъем по крутой лестнице. В 1965 году Сливкин поступил на химфак ВГУ и сразу перепрыгнул несколько ступенек:

– Меня заметили, взяли лаборантом. Учился, работал, занимался наукой. К четвертому курсу уже имел публикации. Когда получил диплом, довольно быстро прошел путь от новичка до старшего инженера. Стал начальником отдела Научно-исследовательского института химии, защитил кандидатскую диссертацию.

С развалом Союза даже самые талантливые растерялись. Алексей Иванович в те годы преподавал на химфаке и готовился к главному эксперименту – рождению (иначе не скажешь) фармацевтического факультета.

– В 1998 году университет и мединститут создали межвузовский факультет, назначили меня деканом. Мы и дипломы выдавали с двумя печатями. Но когда хаос улегся, в Министерстве сказали: «Дорогие друзья, так не делают. Нельзя закончить сразу два вуза в один день».

И мы решили стать самостоятельными, создали свой факультет. Меня снова выбрали деканом – уже по конкурсу.

И не прогадали.

– Наш декан, как кофе, «три в одном», – смеются фармацевты. – И администратор, и преподаватель, и ученый.

А в качестве добавки к кофе еще один бонус – человек хороший и неуемный.

* * *

Кабинет декана фармацевтического факультета находится на четвертом этаже. По крутым ступенькам с трудом взбираюсь только я. Студенты – взлетают:

– А как вы хотели? Алексей Иванович у нас спортивный. Стыдно задыхаться, когда такой пример перед глазами.

Вот рецепт сохранения молодости от профессора Сливкина – интенсивный труд.

– В молодости я занимался подводным ориентированием, был тренером, инструктором. Однажды устроили погружение на Крещение. А что? Разбили лагерь прямо на льду. Правда, пришлось надевать термобелье. Кто-то хотел погружаться с аквалангом в одних плавках – праздник же! Ночь, свет фонарей, две-три минуты под водой. Тренеры, конечно, погружались первыми. На нас всегда лежит ответственность: и за себя, и за ребят. Один паренек угощал нас тушеным мясом. Сидим вокруг большого казана, нахваливаем блюдо из молодого кабанчика. Хлебосол спрашивает: «Ничего не заметили, когда ели?.. Были там такие тонкие белые косточки. Так это мясо волка»… Где еще испытаешь такое, если не у костра на Крещение!

* * *

Профессор Сливкин предупреждает первокурсников:

– Учиться у нас тяжело. Нагрузка раньше была 36 аудиторных часов в неделю! Сейчас – 32 часа, но объем материала тот же. Поэтому, ребята, даю три совета. Первый – дорожите своим временем. Учитесь рационально его распределять. Прежде чем заняться чем-то пустым, задайте себе вопрос: «А надо ли?»

Совет второй – расставляйте приоритеты. Помните, что главное – учеба, профессиональные дисциплины, но старайтесь охватить все. На факультете и историю искусства России изучают, и на публике учат держаться. Провизорам же придется общаться с разными людьми.

И третий – держите себя в форме: и в интеллектуальной, и в физической. Следите за здоровьем! Зарядка и закалка важны не меньше, чем поход в филармонию.

Сам Алексей Иванович следует этим предписаниям. Не потому ли у него хватает и времени и сил на новые риски?

– Сейчас снова бьемся за нововведения. Не хватает специальностей в ординатуре. Хотим открыть на факультете магистратуру – появятся новые направления.

Экспериментируйте, Алексей Иванович. Оставайтесь новатором.

Мария Репина

Валентина Ивановна

СОБИННИКОВА

(1908–1999)

Доктор филологических наук, профессор.

Основные научные интересы: русская диалектология, история русского языка, сравнительная грамматика славянских языков.

Окончила Смоленский государственный пединститут (1936), преподавала в Куйбышевском государственном пединституте. С 1943 года работала в Воронежском госуниверситете. Заведовала кафедрой русско-славянского языкознания ВГУ (1951–1991). По ее инициативе на филологическом факультете ВГУ проводятся ежегодные Славянские чтения.

С 1946 года занималась сбором и исследованием воронежских народных говоров, составила картотеку воронежских говоров. Позднее ее научные интересы сосредотачиваются вокруг проблем диалектологиии исторического синтаксиса, при этом синтаксический строй говоров и памятников письменности рассматривается в связи с процессами развития русского национального языка.

ЛЕГЕНДАРНАЯ ВАЛЕНТИНА ИВАНОВНА

Легендарная... Так ее называли коллеги и ученики еще в далекие шестидесятые годы. Легендарная, потому что без этого имени история Воронежского государственного университета непредставима, это имя – слава и гордость ВГУ, образец бескорыстного и самоотверженного служения науке – делу всей жизни.

...Вхожу в квартиру Валентины Ивановны Собинниковой, профессора, доктора филологических наук, – и сразу слышу стук печатной машинки.

– Проходите, – приглашает Клавдия Мироновна Фетисова, верный и надежный друг В. И. Собинниковой вот уже многие годы. – Сейчас Валентина Ивановна закончит работать, и можно будет отдохнуть.

«Отдохнуть...» К «отдыху» – беседе со мной – Валентина Ивановна подготовилась так основательно и была настолько предупредительна, что я даже растерялся. Один за другим Валентина Ивановна раскладывает на столе аккуратно отпечатанные листы: вот научная биография профессора В. И. Собинниковой, вот список ее монографий и учебных пособий, вот дисциплины, которые она преподавала, вот программа совещаний, в которых участвовала...

Рассказ подтверждается документально: зашла речь о той или иной книге – книга достается, зачитываются выдержки; упоминается тот или иной человек – демонстрируется его фотография; вспоминает Валентина Ивановна о своем недавнем юбилее – на столе появляются поздравительные послания... Всё это – и по-деловому четко, и удивительно доброжелательно. Чувствуешь себя словно на уроке. Уроке, который ведет Учитель с большой буквы, мудрый, заражающий своей увлеченностью. Понимаешь, что перед тобой че-

ловек, привыкший трудиться в каждый момент своей жизни и отдающийся сполна каждому рабочему моменту.

Такое отношение к труду у Валентины Ивановны с раннего детства. «От родителей», – говорит она. Отец ее Иван Васильевич и мать Анна Константиновна – уроженцы казацкой слободы города Козельска. В Козельске и родилась Валентина Ивановна. Отец был владельцем кирпичного заводика, точнее владельцем-работником, мать – домохозяйка. После революции завод был муниципализирован, но отца, мастера своего дела, назначили заведующим этим же заводом. С двадцать первого года семья Собинниковых работала в товариществе по обработке земли. Валентине – тринадцать лет. И сажала овощи, и полола, и жала, и боронила, и пахала. Даже прозвище лошади, которую водила по борозде, помнит – Пчелка.

– Так и напишите, – просит Валентина Ивановна, – сельскохозяйственный труд любила.

И с улыбкой показывает шрам на руке – от серпа. Светлая какая улыбка…

В двадцать пятом окончила дсвятилетнюю школу, потом – Козельское педучилище. Работала в начальной школе села Николо-Гастунь Тульской области, затем в селах Козельского района Калужской области – Зарочине, Алешне, Дешовках, Березичах. С той же улыбкой вспоминает Валентина Ивановна эти названия.

– Жажда знаний у меня с самых малых лет была, – говорит Валентина Ивановна. – Правда, поначалу я больше всего математику любила. Школьный учитель даже огорчился, когда узнал, что я не в математики пошла. Но ведь лингвистика – тоже точная наука…

Счастье для лингвистики, Валентина Ивановна, что вы ее избрали.

Работая в школе, Собинникова поступила на заочное отделение Смоленского пединститута, а в 1933 году была переведена на стационар и переехала в Смоленск.

Ее сокурсником был Александр Трифонович Твардовский. На просьбу рассказать о ее встречах с поэтом Валентина Ивановна ответила:

– Я уже недавно рассказывала. В феврале, в газете «Коммуна» вышла статья.

Вот выдержки из этой статьи:

«Я жила в общежитии, Твардовский – в городской квартире с женой Марией Илларионовной и дочкой Валентиной…»

«…Во всей группе мы только с ним обращались друг к другу на вы…»

«…Помню, как после одного из моих ответов Александр Трифонович подошел ко мне и сказал: «Вы сегодня замечательно отвечали…»

«…Как-то раз он сказал мне, что рад, что его дочь, как и меня, зовут Валентиной…»

«…После 1935 года мы с Твардовским не встречались…»

Позже «сокурсница Л. М. Железнова сообщила, что Александр Трифонович говорил ей обо мне, что я прекрасный человек и глубоко симпатична ему…»

«…Отношения, которые связывали меня с Твардовским, можно назвать чувством духовной симпатии. Это чувство осталось у меня на всю жизнь…»

В Смоленске началось восхождение молодого ученого к вершинам науки. Валентина Ивановна училась у профессора Василия Федоровича Чистякова, по его рекомендации поступила в заочную аспирантуру. В 1940 году была переведена в очную аспирантуру, но Чистяков к этому времени переехал в Воронеж, где работал сначала в пединституте, затем – в университете. Руководителем аспиранта Собинниковой стал член-корреспондент Академии наук Дмитрий Иванович Абрамович. Она начала работать над кандидатской диссертацией на тему «Словарь Псковской судной грамоты».

Но началась война. Смоленский институт был эвакуирован в Киров, а Валентина Ивановна была направлена в аспирантуру Куйбышевского пединститута, где ее руководителем стал профессор В. А. Малаховский, большое внимание уделявший изучению русских народных говоров. Он привлек к этой работе и Валентину Ивановну. В августе сорок третьего Собинникова защищает кандидатскую диссертацию, а в ноябре получает направление на работу в Воронежский университет, истфилфак которого тогда размещался в Липецке. Вот с той поры, уже 55 лет, они – университет и Валентина Ивановна – вместе.

На второй день приезда в Липецк Собинникова вместе со студентами отправилась в лес за дровами.

– Нелегко пришлось, – вспоминает Валентина Ивановна, – но никто не ворчал, понимали – на фронте еще труднее.

Собинникова пришла в университет в самое тяжелое для него время: не хватало преподавателей (на кафедре русского языка и литературы их было трое – В. Ф. Чистяков, С. И. Челноков и она сама), не было учебников. Доценту кафедры русского языка и общего языкознания приходилось читать почти все лингвистические дисциплины. А после лекций – работы по восстановлению города, на которых преподаватели трудились вместе со студентами, надо было каждому отработать по сто часов. О трудностях того времени Валентина Ивановна предпочитала не вспоминать подробно. А ведь с полным правом могла бы сказать, что и университет, и Воронеж восстанавливала собственными руками. Руками, с детства привыкшими к любому, самому тяжелому труду, руками со шрамом от серпа…

Когда в сорок четвертом университет вернулся из Липецка в Воронеж, обустраивались на новом месте недолго. Уже через несколько дней Валентина Ивановна вошла в аудиторию для чтения лекций. Занимались в полуразрушенном здании на проспекте Революции при керосиновых лампах. Собственно, осталась от бывшего учебного корпуса пединститута, переданного университету, одна коробка. Казалось, ни жить, ни учиться в нем невозможно. Однако первые этажи довольно быстро отремонтировали. В одних комнатах занимались, в других устроили студенческое общежитие.

Учились и работали с большим желанием. Выпускница филологического отделения той поры, доцент Раиса Куприяновна Кавецкая вспоминает, что больше всех занималась со студентами Валентина Ивановна. Жила Собинникова со своей мамой неподалеку, и нередко занятия проходили у нас на квартире: ведь студенток было всего четверо – Оля Трахтенберг, Нина Лакедемонская, Юля Перелетова и Рая Кавецкая.

Там же, в маленькой комнате, в мае сорок пятого устроила Валентина Ивановна и прощальный чай для первых своих учеников.

Сколько их будет потом – учеников Валентины Ивановны, докторов и кандидатов наук, учителей русского языка, редакторов издательств, работающих и поныне во многих городах России!

Кроме преподавания истории русского языка В. И. Собинникова начинает разрабатывать проблемы изучения славянских языков. Основа для преподавания славянских языков, считает она, была в университете заложена благодаря работам крупных славистов Д. Н. Кудрявского, Г. А. Ильинского, Г. Т. Чуича. И уже с 1944 года Валентина Ивановна возобновляет преподавание славянских языков в университете, начав с польского языка. Позже, в пятидесятые годы, изучение славянских языков расширилось: чешский язык стал преподавать профессор Петр Григорьевич Богатырев, в преподавание украинского языка включилась Людмила Петровна Комиссарова.

С 1943 года возобновилось при активном участии Валентины Ивановны и изучение воронежских говоров. Стимулом для этого послужило начало работы Академии наук над диалектологическим атласом. Первая экспедиция была проведена в 1948 году – работали в селах Аннинского района. В дальнейшем работа была продолжена, в нее включилась вся кафедра.

С 1951 года, после ухода В. Ф. Чистякова на пенсию, Собинникова возглавила кафедру русского языка и общего языкознания. С той поры несколько раз происходило разделение кафедр – филологический факультет разрастался, набирал вес и силу, но в должности заведующей кафедрой (последние семнадцать лет она называлась кафедрой русско-славянского языкознания) Валентина Ивановна работала до 1990 года. В 1962 году она была утверждена в звании профессора, а докторскую диссертацию на тему «Проблемы диалектного и исторического синтаксиса (на материале воронежских говоров и памятников письменности)» защитила в 1969 году. Профессорство раньше защиты докторской дается нечасто. И говорит это о том, что научные заслуги В. И. Собинниковой, уровень ее компетентности, значимость се работы не вызывали никакого сомнения задолго до официальной защиты.

Вспоминает народная учительница СССР, выпускница университета 1954 года Марина Игнатьевна Картавцева: «С особым интересом мы слушали Валентину Ивановну Собинникову. Она тогда еще не была профессором, но мы все воспринимали это как пустую формальность: так громаден, так объемен был

диапазон ее познаний в лингвистике. Пышные пепельные волосы, тихий голос, святящиеся каким-то удивительным внутренним светом глаза и мягкая улыбка – кажется, ничего властного. Но какая глубокая тишина царила на ее лекциях! Тишина мысли…»

И нет ничего удивительного, что, очарованные Валентиной Ивановной, шли за ней десятки ее учеников. Так сложилась школа Собинниковой.

Вот уже несколько десятилетий в науке существует и успешно развивается эта школа. «Одна из составных черт этой школы, – цитирую по посвященному ей выпуску в серии библиографических указателей «Воронежские ученые», – рассмотрение языковых явлений в их развитии, в их внутренних связях и обусловленности». И там же: «Исследования В. И. Собинниковой характеризуются не только обилием фактов и тщательностью их отбора, доказательностью, но и глубоким философским осмыслением рассматриваемых явлений».

Школа В. И. Собинниковой – это и 210 опубликованных научных работ, из которых десять монографий: «Строение сложного предложения в народных говорах», «Простое предложение в русских народных говорах», «Падежные и предложно-падежные формы в русском языке в сопоставительном аспекте с другими славянскими языками» и др.; немало учебных пособий: «Историческая грамматика русского языка», «Введение в славянскую филологию» и др.

Научные работы и учебные пособия профессора Собинниковой получили высокую оценку ведущих лингвистов, как отечественных, так и зарубежных. Ее работы неоднократно цитируются в трудах академиков В. И. Борковского, Ф. П. Филина, профессора А. Н. Стеценко… В учебниках по русской диалектологии работы Валентины Ивановны по синтаксису сложного и простого предложения указаны в качестве пособий. Ей посвящена статья в изданном в Нью-Йорке словаре «Славяноведение в СССР». С 1963 года под ее редакцией начал издаваться сборник «Материалы по русско-славянскому языкознанию», также получивший широкое признание у лингвистов разных стран. Девятнадцать выпусков вышло в свет под редакцией В. И. Собинниковой, сейчас эту работу продолжает заведующий кафедрой славянской филологии ВГУ, профессор Г. Ф. Ковалев.

Школа В. И. Собинниковой – это и многочисленные ученики. Об их успехах Валентина Ивановна может рассказывать часами. Сколько их в школах и вузах нашей страны, зарубежных стран – подсчитать сложно. Достаточно сказать, что ею подготовлено 65 аспирантов, защитивших кандидатские диссертации, одиннадцать из них уже стали докторами (работу с аспирантами Валентина Ивановна продолжает и сейчас). А если вспомнить еще, что в пятидесятые-шестидесятые годы она руководила научно-студенческим обществом университета, то, стало быть, путевку в жизнь она дала не только будущим филологам, но и математикам, физикам, химикам, ботаникам…

Валентина Ивановна продолжает активно заниматься научной работой. Ею подготовлены четыре монографии, несколько статей, ждущих публикации.

В девяносто лет, кажется, можно было бы и отдохнуть – почивать, так сказать, на лаврах. Благо, научная репутация Собинниковой так высока, что никто бы слова не сказал, если бы Валентина Ивановна отошла от дел. Но разве можно представить себе профессора Собинникову вне работы? С утра, как обычно, садится Валентина Ивановна за письменный стол…

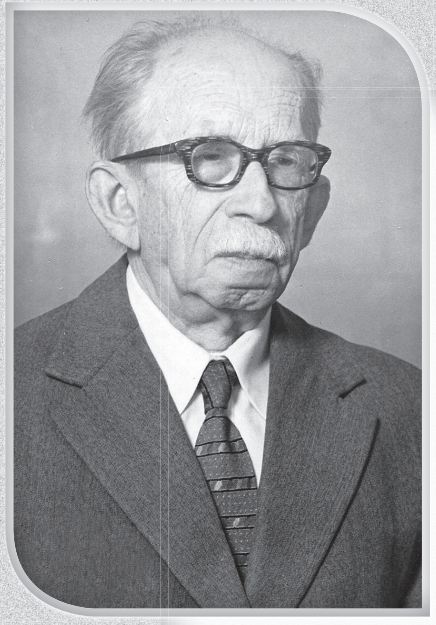
…А еще Валентина Ивановна пишет стихи. Это увлечение пришло к ней сравнительно недавно. Хотя первое свое стихотворение она написала еще в шесть лет. Нынешние ее стихи тоже по-детски чисты, по-детски открыты и откровенны. В них – родной Козельск, Смоленск ее студенческих лет, ставший родным Воронеж. В них – воспоминания о детстве, юности, о дружбе с Твардовским, размышления о предназначении жизни, о пройденном пути. Вот, например, как оценивает она в стихотворении «Воронеж узнала во время войны» собственную книгу о народном говоре:

И книгу мою так легко прочитать:
Так просто писанье мое.

Так просто… Это слова по-настоящему мудрого человека.

Борис Подгайный

Печатается по: Университетская площадь : Очерки. Воспоминания. Воронеж, 1998. С. 171–178.

Владимир Иванович

СОБОЛЕВ

(1913–1995)

Доктор физико-математических наук, профессор.

Специалист в области применения топологических методов в общей теории нелинейных операторов, нелинейного функционального анализа, теории полуупорядоченных колец.

Окончил физико-математический факультет Воронежского госуниверситета (1936), аспирантуру Московского госуниверситета (1940). В 1936–1937 годах ассистент кафедры высшей математики ВГУ. В 1940–1944 годах доцент кафедры математического анализа Томского госуниверситета. После Великой Отечественной войны был организатором математической специальности в ВГУ. С 1944 года доцент, профессор, заведующий кафедрой математического анализа (в 1950–1953 – кафедра высшей математики), в 1952–1953 годах декан физико-математического факультета, в 1959–1963 годах проректор, в 1968–1970 годах директор Научно-исследовательского института математики ВГУ.

«НЕМАТЕМАТИЧЕСКАЯ» БИОГРАФИЯ ВЛАДИМИРА СОБОЛЕВА

Мой муж Владимир Иванович Соболев родился 21 июля 1913 года в г. Старый Оскол. Его отец преподавал математику в школе и техникуме. Школьник Володя Соболев принимал активное участие в оборудовании физического кабинета, а иногда даже подменял отца на уроках физики...

Окончив среднюю школу в 1931 году, Владимир Иванович подал заявление в ВГУ на физическое отделение физмата и... не прошел по конкурсу. В те годы при поступлении в вуз конкурировали не результаты экзаменов, а происхождение: в первую очередь принимались дети рабочих и крестьян, а уж потом – интеллигенции. Володе предложили поступить на математическое отделение, куда такого «конкурса» не было.

Учился Соболев легко и с увлечением. С большой теплотой отзывался о своих первых преподавателях математики – Мезенцеве, Боженове и др. На старших курсах в его жизнь вошел М. М. Гринблюм. Максимилиан Михайлович первым в Воронеже стал заниматься функциональным анализом, и Владимир Иванович был его старательным учеником.

Владимир Иванов год проработал ассистентом на физмате ВГУ, затем университет отправил его в аспирантуру МГУ к Л. А. Люстернику (Лазарь Аронович обратил внимание на дипломную работу студента Соболева, когда был членом ГЭК у математиков ВГУ).

Диссертацию «О собственных элементах некоторых нелинейных операторов» Владимир Иванович защитил в июне 1940 года.

После окончания аспирантуры МГУ в 1940 году Владимир Иванович был направлен на работу в Томский университет в должности доцента.

В Томск Соболев приехал вместе с матерью. Отца арестовали по ложному доносу (впоследствии он был реабилитирован, но уже

посмертно). Из Старого Оскола Соболевы выехали еще до войны, успели забрать домашний скарб, а в Томске им предоставили хорошую квартиру. На работе тоже всё было в порядке: коллектив принял Владимира Ивановича хорошо, руководство университета его тоже уважало. Соболев являлся ученым секретарем Ученого совета и вообще был, что называется, на виду, когда Воронежский университет в порядке шефской помощи запросил в Наркомпроссе откомандировать в ВГУ доцента Соболева.

Весной 1944 года Владимир Иванович и его мать переехали в Липецк, где в то время размещался физико-математический факультет ВГУ. К осени университет целиком перебрался в Воронеж…

До войны в ВГУ было несколько математических кафедр, на которых работали высококвалифицированные специалисты, но одни ушли на фронт, другие уехали с авиационным институтом в Ташкент, третьи эвакуировались в другие города; были и такие, которые попали в оккупацию. На физмате было катастрофическое положение: без матанализа факультет не мог существовать. Правда, в Липецк пригласили математика из Самарканда А. С. Джанумянца, но его одного было не достаточно. Между В. И. Соболевым и А. С. Джанумянцем очень скоро возникла дружба, которая продолжалась до конца жизни. Духовная близость сложилась и с математиком В. В. Покорным, в котором Соболеву импонировала его бескомпромиссная борьба за справедливость.

В 1946 году в ВГУ была открыта кафедра математического анализа, и. о. заведующего которой стал В. И. Соболев.

Одним из интересных для себя лекционных курсов того времени Владимир Иванович считал курс уравнений математической физики. Используя классическую в этом направлении литературу, он разработал свой оригинальный курс, и появилась идея публикации краткого учебника по уравнениям математической физики («урмату»). По просьбе Владимира Ивановича, я посещала его лекции, подробно их записывала, с тем чтобы эти записи затем легли в основу текста учебника. Прежде чем создать вариант рукописи, Соболев решил посоветоваться с Л. А. Люстерником. Он поехал к Лазарю Ароновичу и неожиданно получил от него предложение написать книгу по функциональному анализу, опираясь на его статьи, опубликованные в «Успехах Математических Наук». Владимир Иванович взялся за работу.

Вышедшая в 1951 году книга Л. А. Люстерника и В. И. Соболева «Элементы функционального анализа» была переведена на многие языки мира, в том числе китайский и японский. По ней и ее «дочерней» книге «Краткий курс функционального анализа» учились и учатся все математики СССР и России.

Но этими книгами работа В. И. Соболева по созданию учебников не ограничивается. В 1968 году вышли «Лекции по дополнительным главам математического анализа». В 1983–1984 годах вышли две части учебного пособия «Краткий курс математического анализа» В. И. Соболева в соавторстве с В. В. Покорным и В. И. Аносовым.

В 1952–1953 годах Владимир Иванович был деканом физико-математического факультета, а с 1959 по 1962 год работал проректором по научной работе ВГУ.

И, несмотря на нелегкую административную работу, в июне 1961 года В. И. Соболев защитил докторскую диссертацию «Исследования по теории полуупорядоченных колец». Защита происходила в Ташкенте, оппонентами были академик Сарымсаков, доктора наук Балтянский и Крейн.

В 1951 году произошло событие, очень важное для развития Воронежской математической школы и для нашей семьи: в Воронеж переехал Марк Александрович Красносельский. Он работал в Киеве. В возрасте 31 года защитил докторскую диссертацию, чем, по-видимому, и вызвал недовольство своего начальства. Вероятно, через знакомых математиков Владимир Иванович услышал об этом и пригласил М. А. Красносельского на заведование кафедрой матанализа. Очень скоро мы подружились с Красносельскими семьями. Когда Марк Александрович был вынужден переехать в Москву, наш сын поступил к нему в аспирантуру, да так и остался в Москве.

Как-то в начале 50-х годов Соболева вызвали в Москву и предложили работать в «очень закрытом» и очень почетном учреждении с предоставлением тоже достаточно почетной и интересной работы мне – физику. Разумеется, с обеспечением хороших условий проживания в столице. И всё же Соболев отказался. Он не хотел бросать преподавательскую работу. Владимир Иванович любил возиться со студентами не только в процессе академических занятий, общения через научные кружки и т. д., но и на досуге, активно участвуя в художественной самодеятельности. Он не хотел уезжать из Воронежа, от мест, где можно быть близко к природе, ходить на рыбалку, в лес и т. д.

Когда родился сын, мы приобрели лодку, сначала плоскодонку, потом солидную килевую со стационарным мотором. И было нас трое в одной лодке, не считая собаки – нашего большого друга по кличке Тензор породы восточно-европейская овчарка. Владимир Иванович принес его за пазухой. Тензор был послушным псом, имел медали за дрессировку, чем Владимир Иванович очень гордился. С 1953 года в течение примерно 10 лет мы каждый июль уезжали на несколько недель по реке Воронеж (иногда и на Дон), жили в палатке (которую сами и сконструировали). В 1956 году приобрели «Москвич», и на нем обычно в августе путешествовали по стране. Бывали мы с Владимиром Ивановичем и в экскурсиях за рубежом.

Немало времени отдыха В. И. Соболев посвящал маркам – был активным членом общества филателистов. У него были генеральные коллекции трех великих держав – СССР, Франции и Англии. Была еще коллекция «одной марки» – по одной марке всех стран, указанных в каталоге Ивера.

Третьим увлечением Соболева были книги. Художественную литературу мы начали собирать, еще живя в коммунальной квартире. Мы прошли через ночные бдения в очередях за подпиской на классиков, старались приобретать и новинки.

И, наконец, музыка. Как только в Воронеже открылась филармония, мы стали регулярно ее посещать. И дома музыка была у нас постоянно: осталась большая коллекция грампластинок.

Институты на хоздоговорной основе имелись на многих факультетах, но госбюджетный институт для провинциального вуза в то время был большой редко-

стью. Соболев повез в Москву планы научных проблем и исполнителей, сметы стоимостей и помещений (на территории ВГУ). Высшей категории для НИИ добиться не удалось – Минфин «зарезал», но все же осенью 1968 года госбюджетный НИИ математики при ВГУ был открыт. В 1968–1970 годах первым директором института математики был В. И. Соболев.

В 1970-е годы Владимир Иванович стал увлекаться методологическими проблемами преподавания математики в вузах. В 1975–1986 годах он был членом научно-методического совета по математике Минвуза СССР, участвовал в разработке программ и учебных планов. В русле поиска лучшей методики преподавания и была выпущена упомянутая выше книга «Краткий курс математического анализа» (совместно с В. В. Покорным и В. И. Аносовым) с грифом МВО РСФСР.

С 1987 года здоровье не позволяло Владимиру Ивановичу достаточно активно заниматься административной работой, и он ушел с заведования кафедрой, продолжая оставаться ее профессором. Среди читаемых им курсов был и его традиционный курс «История математики», который Соболев разрабатывал уже несколько лет. Наброски по классической, так сказать, части теории (т. е. до конца XIX века) у него начали оформляться в целостную рукопись. Я посоветовала Владимиру Ивановичу разработать вторую часть – историю математики первой половины XX века, – поскольку считала, что его математической эрудиции и общей культуры для такой работы вполне хватило бы. В последние два года Владимир Иванович главным образом этим и занимался. Хочется с благодарностью отметить, что такую возможность ему предоставили коллектив кафедры матанализа, ее заведующий Ю. В. Покорный и декан матфака С. А. Скляднев.

Соболеву хотелось, чтобы, как и в первой части, содержание проблем математики XX века оказалось доступным не только для сформировавшихся математиков, но и для студентов старших курсов, а появление новых математических идей было логически оправдано. Разумеется, В. И. Соболев решил окончить книгу описанием работ и общественной деятельности академика А. Н. Колмогорова. Но, когда всё было написано и перечитано, мне показалось очевидным, что необходимо сделать заключение, содержащее взгляд на математику в целом. Следовало написать всего несколько страниц. Владимир Иванович согласился со мной. Он начал раздумывать, как это сделать. Как всегда, на клочках бумаги делал заметки, выписывал цитаты, отмечал ссылки. Он не дописал совсем чуть-чуть, его жизнь оборвалась 25 декабря 1995 года. Вторая часть книги В. И. Соболева «История математики» вышла посмертно.

Александра Мелёшина

Печатается по: Владимир Иванович Соболев в воспоминаниях коллег и учеников : к 100-летию со дня рождения / под ред. Е. М. Семенова. Воронеж, 2014. 96 с.

Юрий Николаевич

СТАРИЛОВ

(1963 г.р.)

Доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ.

Направления научной деятельности: разработка проблем публичного права и сравнительного правоведения; реформа современного российского административного права, административного и управленческого процессов, публичной (государственной и муниципальной) службы; правовые акты управления; административные процедуры; судебная защита прав и свобод граждан; развитие в России административной юстиции; разработка административного процессуального законодательства; организация и функционирование административного судопроизводства.

Окончил юридический факультет Воронежского госуниверситета (1986). С 1989 года преподаватель, доцент, профессор, заведующий (с 1998) кафедрой административного и административного процессуального права, с 2015 года декан юридического факультета ВГУ.

ПРОФЕССОР – ЭТО ПРОФЕССИЯ

О детстве

Решение стать юристом я принял буквально в последние месяцы учебы в школе. До этого – начиная где-то класса с шестого и примерно до девятого – хотел поступить в один из престижных московских технических вузов. Но, видимо, чувствовал, что для этого нужны более основательные знания по соответствующим предметам, по сравнению с теми, которыми я обладал. А может быть, сложность поступления в эти вузы останавливала… Уже в десятом классе как-то спонтанно выбрал для поступления юридический факультет ВГУ. Учеба на юриста была в те годы весьма престижной.

Каким был школьником? Самым обычным. В начальных классах меня характеризовали как чрезвычайно скромного ученика. Очень долго «боролся» с излишней застенчивостью. Ни о каком бунтарстве, конечно, речи быть не могло. Дисциплинированность, желание учиться как можно лучше, не раздражать учителей – именно эти чувства определяли мой каждодневный поход в школу. Словом, я был прилежным учеником. Учился отлично (только появившаяся фактически на выпускных экзаменах единственная «четверка» помешала получить золотую медаль). Из школьных предметов больше всего нравились математика, химия, астрономия, литература, позднее – немецкий язык. Очень любил собирать книги, тратил на них все свои карманные деньги и искренне радовался каждому приобретению. Разумеется, читал их. Школьники моего поколения, к счастью, вообще много читали: и «по программе», и в формате так называемого внеклассного чтения. На хорошую книгу в библиотеке записывались в очередь. Можно только позавидовать современным ученикам, изучающим отечественную и зарубежную

литературу, – у них и диапазон авторов значительно расширился, и книгу любую найти куда проще.

С детских лет восхищался людьми, которые многого достигли: кто-то прекрасно говорил на иностранном языке, кто-то мог весьма содержательно рассуждать о литературных персонажах, кто-то совершил подвиг и стал героем, кто-то изобрел полезную для людей модель, кто-то написал книгу…

Начало пути в науку

Привычка хорошо учиться осталась и в студенческие годы. Университет я окончил с красным дипломом. Параллельно с учебой активно работал в научном студенческом обществе (СНО факультета). Здесь шла активная творческая жизнь: проведение научных конференций, встреча гостей – студентов из других вузов страны, приезжавших для участия в этих конференциях; поездки в разные университеты страны (Вильнюс, Москва, Ташкент, Тбилиси, Томск).

Еще одним ярким событием студенческой жизни было присуждение мне Ленинской стипендии – самой престижной в СССР, – я получал ее в течение 4–5 курсов обучения. Не буду лукавить, этим фактом я всегда гордился, тем паче в то время невозможно было представить распределение среди обучающихся в университете Ленинской стипендии с нарушением установленных порядка, принципов и критериев.

На пятом курсе юридического факультета ВГУ – фактически за полгода до получения диплома – меня пригласил декан факультета профессор Лев Дмитриевич Кокорев и напрямую спросил: «Куда ты хочешь после окончания факультета: в аспирантуру или прокуратуру?» К тому времени я уже нисколько не сомневался, что желаю в аспирантуру; хотя и не представлял, конечно, в деталях, как это будет выглядеть. В то же время была какая-то внутренняя борьба: мои сокурсники фактически через месяц после окончания университета будут работать и нарабатывать опыт практикующих юристов, а я останусь без правильной юридической практики… Так что был небольшой страх – остаться без овладения практической профессией юриста, ведь именно для этого я поступал на факультет.

О карьере

Чтобы полноценно компенсировать отсутствующий практический опыт (например, адвоката), стал детализировать свою научную карьеру, более ответственно планировать работу, подготовку диссертации, научных статей. Наверное, именно поэтому я фактически в срок, отведенный для обучения в аспирантуре, защитил кандидатскую диссертацию. Полученный затем диплом кандидата юридических наук на какое-то время позволил мне по-другому взглянуть на достижения моих однокурсников – считать свою научную степень в какой-то мере равноценной приобретенному ими на практике опыту юриста. Ну, а далее, конечно, я целенаправленно «делал научную карьеру». Научные достижения более достижимы

в относительно молодом возрасте, значит, нужно было строить планы по защите докторской диссертации, написанию книг, переходу к исследованию новых тем…

Научная карьера в принципе невозможна без дисциплины, самодисциплины, принципиальности, терпения, каждодневного принуждения самого себя к труду (даже если очень не хочется). Научная карьера занимает тебя целиком, постоянно – невозможно «вытряхнуть» из головы мысли о той или иной проблеме, ты постоянно что-то обдумываешь, формулируешь, сопоставляешь… Находишься под давлением обстоятельств и необходимости подготовить новую статью, учебник, выступление на конференции…

Настоящая научная работа (диссертация, любой серьезный проект) – это шаг, который просто так, без усилий и соответствующего напряжения не делается. Талант – и в науке в том числе – граничит с самоистязанием и самоограничением. Если ты не забудешь на какое-то время обо всех посторонних вещах, будешь заниматься проектом от случая к случаю, ничего не получится. Не спать ночами, работать в выходные, каждый день думать, размышлять – только так можно достигнуть признаваемого и полезного результата. Должна быть полная самоотдача, даже аскетизм.

Это очень непросто!

О профессионализме

Чего-то достичь – это полдела. Удержаться потом на этом уровне гораздо сложнее. Конечно, «держать планку» непросто. Ты должен постоянно быть в тонусе, работать с конкретным и очевидным результатом, соответствовать стандартам делового профессионального общения и требованиям современной науки. Раздвигать границы профессионализма вширь, вглубь и ввысь можно бесконечно. И делать это обязательно нужно. У меня это пока еще является внутренней потребностью…

Именно желание поддерживать профессиональный уровень, – а это, главным образом, результаты научного труда, – сопряжено с постоянной работой, поиском новых идей, тем для публикаций. Это обязывает к регулярному посещению научных форумов, где бы они ни проходили. Нужна высокая степень готовности к изменению тематики выступлений; университетская мобильность – залог будущих успехов. Словом, достичь достойного уровня в любой профессии – это важно и, разумеется, сложно; но куда сложнее – поддерживать собственное реноме, не утратить доверия коллег, не потерять необходимого признания. Выступая на многочисленных конференциях, всегда стараюсь затронуть какой-либо новый аспект обсуждаемой проблемы, так как знаю, что внимательные слушатели критически настроены, а повторы выступающего приветствоваться не будут.

Я уже так давно доктор наук и профессор, вот уже много лет заведую кафедрой административного права. Теперь вот еще и возглавляю факультет. Какая еще возможна карьера? Участие в какой-нибудь российской научной академии?

В России множество академий, временами меня приглашают. Но я задаю себе вопрос: а зачем? Создать академию сегодня может чуть ли не каждый. Мы, ученые-административисты страны, тоже учредили свою академию – Евразийскую академию административных наук, я в ней вице-президент. От момента формального создания академии до ее признания – дорога в десятилетия. Настоящих государственных академий – единицы. Например, Российская академия наук. Но стать членом РАН чрезвычайно сложно, нужны очень серьезные достижения и открытия. Получается, что у нас профессор – это некий карьерный потолок, дальше уже некуда, если рассуждать буквально. А профессиональное развитие может осуществляться только в рамках научного труда и педагогической деятельности.

Нужно каждый день добросовестно работать, жить сегодняшним днем, ставить новые задачи, помогать окружающим, ведь у профессора много возможностей для поддержки других людей. А самое главное – я постоянно нахожусь в особой человеческой обстановке: не каждому судьба предоставляет возможность постоянно работать с людьми, со студентами, коллегами, докторами и кандидатами наук – умными, творческими личностями. Не каждому дано принимать участие в проектах, о которых многие, может быть, только мечтали бы; выступать перед самой авторитетной и взыскательной аудиторией; не все имеют возможность творческого путешествования. Это же моя профессия – даже со словом «профессор» созвучно. А профессия – это когда ты умеешь выполнять работу в соответствии с квалификацией и навыками, соответствуешь установленным требованиям и достигаешь хотя бы минимальных успехов; когда твоя работа признается другими.

Профессия юриста, как и любая другая, требует соответствующих знаний, навыков, методов работы, особых подходов к выполнению профессиональных задач. Повезло человеку, если о нем говорят, что он «профессионал своего дела» или просто «настоящий профессионал». Профессия юриста специфична: в ней концентрируется множество специальных обязанностей; сфера юридической работы пронизана общественно значимыми интересами; здесь множество конфликтных ситуаций, существует необходимость в каждом случае поиска своего особого поведения, необходим настрой на сопереживание, на поддержку человека, на поиск выхода из сложной ситуации (иногда совершенно тупиковой). Результатом ежедневных усилий юриста может стать и, в известном смысле, «поражение» – когда побеждает или выигрывает другая сторона. И тогда вновь юриста посещает неудовлетворенность результатом работы. В некоторых случаях от юриста требуются колоссальные аналитические навыки – когда необходимо составление важнейших процессуальных документов, которые могут определять развитие деятельности на многие годы вперед.

Юридическая работа, несомненно, накладывает отпечаток на личность, я бы даже сказал, «неизгладимый отпечаток». Имеются условия по соблюдению этических требований, очень много нормативных предписаний, регламентирующих повседневное поведение юриста (и не только при исполнении служебных обязанностей); сложности с так называемым «конфликтом интересов», который,

к сожалению, приобретает неоправданно гипертрофированные масштабы. Многие юристы работают не только в течение своего служебного времени, но и намного больше.

Профессия юриста связана с особыми требованиями к себе и ко всем тем, с кем встречаешься. Это творческая работа, требующая постоянного самообразования, независимо от стажа и опыта работы. Но когда человек стал настоящим юристом-профессионалом, тогда эта работа приносит наслаждение, радость, желание трудиться с еще большей отдачей сил, энергии, знаний.

О науке и культуре

Если говорить о правовой науке, то как-то неловко это признавать, но многое из передового и прогрессивного, с моей точки зрения, пришло к нам именно из-за границы. Здесь очень сложно говорить, если пользоваться современным политическим лексиконом, о так называемом «импортозамещении» в сфере социально-правовых институтов. Это не значит, что у нас нет своих национальных корней в сфере права и государствоведения. Они, безусловно, имеются – и в чем-то, возможно, наша культурная традиция гораздо интереснее и серьезнее. Но нельзя отрицать, что мы жили и живем под влиянием посторонних революционных научных взглядов, иной правовой культуры. Однако ни в коем случае не забываем и своих достижений…

У нас особые отношения с Германией на протяжении веков. Если взять, к примеру, научные параметры – у нас есть в вузах кандидатская и докторская степени. И ни мы, ни Германия от этого не отказываемся, несмотря на то что в Европе сейчас идут дискуссии о необходимости их объединения в одну. В каких-то странах это уже давно реальность. В Австрии или, скажем, в Италии чрезвычайно много людей обладают научной степенью доктора (например, доктора права). На самом же деле, с точки зрения наших порядков, они лишь кандидаты наук. И обладание научной степенью не означает, что они – настоящие ученые. Здесь нужно говорить о различных традициях. Ведь все-таки это разные объемы научной работы, разный масштаб затрагиваемых проблем, разный статус. Немцы крепко стоят на том, чтобы не разрушить эту двухуровневую систему, и такое трепетное отношение к ученой степени нас с ними объединяет…

В России во все времена, начиная с Петра I и до самой революции, каждый профессор прекрасно знал иностранные языки, сам переводил свои научные труды и работы зарубежных коллег: книга, изданная, скажем, в начале XX века в Дрездене, уже через полгода появлялась в Петербурге на русском языке. Тогда не было ни компьютеров, ни электронной почты, но книжки были. Был, соответственно, и высокий уровень образования. В советское время такая разумная традиция была прервана – ученые не имели возможности общения со своими зарубежными коллегами, не было ни полезного научного обмена, ни совместной научной деятельности. К счастью, сегодня ситуация медленно, но изменяется к лучшему…

Юриспруденция, конечно, это наука, но, с моей точки зрения, не главная для общественного, государственного и технического развития. Я восхищаюсь учеными, которые вообще «делают» цивилизацию: химики, физики, математики, биологи – вот они настоящие ученые. Я не хочу сказать, что юристы – ученые ненастоящие или ненужные, но степень их полезности обществу и государству неизмеримо ниже. Юристы – ближе к «лирикам». Правда, иногда ученые – представители других наук – пытаются не очень умело, но, как правило, с известным напором (порой как бы «в шутку») принизить уровень «научности» юриспруденции и отраслевых правовых наук. Конечно, это неправомерно.

О профессии

Главным образом, стараюсь учить студентов той части юридической профессии, которая связана с преподаваемыми мною учебными курсами, находящимися в центре публично-правовой реальности, – это административное право и административно-процессуальное право. Иначе говоря, на моих занятиях строится атмосфера понимания российского административного и административно-процессуального законодательства. Учить легко тогда, когда сам достаточно прилично представляешь себе и науку, и сферу приложения профессиональных знаний, и самые современные проблемы. Объясняю студентам: чтобы добиться успехов в жизни, надо прилежно учиться, стараться быть дисциплинированными, ставить перед собой сложные задачи, последовательно достигать ясно сформулированных целей, причем достигать их честным трудом, без хитрости или нарушения установленных порядков. Тот, кто стремится достичь большего, должен быть готов много работать, не считаясь со временем; если ты постоянно в работе – только тогда наступает результат. Разумеется, рядом должен находиться учитель, который корректирует, поддерживает, критикует, хвалит. Доброжелательный и одновременно требовательный.

Недавно был случай: я принимаю экзамен, заходит студент, берет билет. Смотрю его зачетную книжку:

– Владимир Владимирович…

– Да, – вздыхает он, читая вопросы билета, – Владимир Владимирович. Но, по-моему, сегодня мне это не поможет…

Положил билет и покинул аудиторию.

Некоторые мои друзья говорят: если студент пошутил удачно, ему даже за это «пятерку» поставить можно. Пардон: не за шутки на экзамене оценки ставят, за знания! Помню, профессор Иван Александрович Галаган (заведующий кафедрой теории и истории государства и права) в начале пятого курса поставил мне на экзамене «двойку» по спецкурсу, хотя на протяжении нескольких лет, приютив меня на своей кафедре, даже разрешал вместе с ним покуривать… Вот это принципиальность!

Принимаю экзамены у студентов, получивших во время сессии оценку «неудовлетворительно», т. е. идет так называемая пересдача. Экзамен письменный. На каждый из вопросов в качестве ответа некоторые студенты написали всего лишь одно-два предложения, в которых были как минимум две-три грамматические ошибки. Навел в деканате справки об этих студентах. Оказалось, что школу они закончили с золотой медалью! Вот такие «честные» оценки выставила школа этим выпускникам!.. Так и страна у нас существует – мы ставим друг другу оценки непонятно за что. А работать никто толком не хочет и не может после таких «оценок»…

О студентах

По моему глубокому убеждению, надо работать со студентами, давая им понять, что главными в университете являются они; отстаивать принцип равенства во взаимоотношениях. Нельзя «давить» авторитетом и статусом. С глубоким осуждением отношусь к преподавателям, если они унижают студентов, демонстрируют высокомерие, дают им прочувствовать подчиненное положение. Помните слова профессора Преображенского из «Собачьего сердца» Михаила Булгакова: «Никого драть нельзя! … На человека и на животное можно действовать только внушением». У меня никогда не было сложностей в общении с обучающимися. Главное – нужна ясность понимания жизненных ситуаций, желание прийти на помощь и оказать поддержку. При этом абсолютно не приемлю «панибратства». Студент – самый активный член общества. Субъект образовательного процесса. Личность. И заслуживает уважения уже за то, что он стал студентом и желает учиться (при этом часто заплатив за свое обучение).

У нас очень много умных студентов. Экзамены сдают так, что заслушаешься (ты порой так не скажешь, как они объясняются), дипломные работы защищают великолепно. Только после окончания университета умные выпускники, отличники незаметно «растворяются» в юридическом пространстве. Часто задаю вопрос: где они, эти умные? Этот – неприкаянный, тот – не нашел работу, еще кто-то – не там, где должен быть и на что имел полное право претендовать… А те, которые были троечниками, двоечниками, смотришь – уже на каких-то постах, должностях, в органах, и часто те же умные оказываются у них в подчинении… Обидно за них.

О факультете

Оглядываясь назад, иногда думаю – как сложилась бы моя жизнь, не стань я ученым-юристом? Наверное, если бы занимался практикой, то это тоже получилось бы – я знаю уровень своей самоорганизации и дисциплины. Если бы это был бизнес, он непременно был бы разумным и скорее всего успешным. Но это лишь минутные размышления, потому что никакого желания что-либо менять в своей профессии у меня сегодня нет. Работать профессором на юридическом факультете

Воронежского государственного университета мне очень нравится. Я благодарю судьбу и горжусь тем, что она меня связала с нашим факультетом, который я сегодня имею честь возглавлять.

В этом году юрфак ВГУ отмечает свой двойной юбилей: 100-летие со дня основания факультета в 1918 году и 60-летие возобновления его деятельности в 1958-м. Как юристу мне представляется более целесообразным говорить не о *событиях,* произошедших в эти годы, ибо юристы чаще задумываются *над действиями*, теми поступками, которые совершались осознанно и привели к закономерным последствиям. Тем паче когда действия эти были талантливыми, перспективными и нацеленными на достижение высоких результатов. Именно такие действия отличали целую эпоху созидательного развития юридического факультета – 70–80-е годы прошлого столетия. За эти два десятилетия в стране сложилось авторитетное имя (как теперь принято говорить – «бренд») нашего факультета, появилось его узнаваемое лицо, а качество «воронежского юриста» было признано всеми государственными органами страны, всем юридическим сообществом. В этот период активно ведутся плодотворные научные исследования, формируются самостоятельные юридические школы, защищаются диссертации, проводятся всесоюзные научные конференции. Всё это стало возможным только благодаря людям, работавшим здесь. Именно они, преподаватели и сотрудники юрфака ВГУ, создавали необходимый морально-психологический климат в коллективе, решали весьма непростые задачи подготовки квалифицированных специалистов, обеспечивали факультету соответствующий профессиональный статус, престиж и известность в стране и за рубежом. И здесь уже не обойтись без имен. Без преувеличения золотой фонд факультета составляют выдающиеся ученые, «отцы-основатели» современного академического облика юридического факультета: профессор Иван Александрович Галаган, профессор Лев Дмитриевич Кокорев и профессор Виктор Степанович Основин. Высочайший профессионализм, чувство высокой ответственности за порученное дело, добросовестность, лучшие человеческие качества – вот то, что всегда отличало наших корифеев, наших Учителей.

Думаю, мне в жизни повезло. Я занимаюсь тем, что люблю делать, что могу делать, и у меня это получается. Радости и удовлетворения становится больше и от того, что работаешь именно в Воронежском государственном университете – высшем учебном заведении с интереснейшей историей, с признанными в нашей стране и в мире достижениями профессорско-преподавательского коллектива, с творческими планами своего развития на будущие десятилетия! Очень часто слышу, находясь, например, в другом российском университете, слова о том, что Воронежский государственный университет по-настоящему славится своими многочисленными научными школами и достижениями. В такие моменты гордость за родную alma mater становится стимулом к новым достижениям. Уверенно причисляю себя к когорте убежденных университетских патриотов, каковых, к счастью, очень много!

О жизненных приоритетах

Никогда не позволяю себе опаздывать. Порой это очень сложно, но пунктуальность для меня исключительно важна. Прежде всего, я себя контролирую: если бывают какие-то неувязки или неожиданности – значит, нужно позвонить, предупредить, отослать e-mail или прийти, извиниться, рассказать, почему ты опоздал. Как можно трудиться без пунктуальности? Пунктуальность и порядок – это хорошие категории. Порядок должен быть во всём: в отношениях, в чувствах, в доме.

Я уважаю и ценю людей за ум, талант, правильные и полезные поступки, очевидные достижения, скромность, принципиальность, смелость, доброту. Человек должен быть ответственным, самодисциплинированным, иметь ясные, хорошие цели. Целеустремленность – это когда человек знает, чего он хочет, видит задачи и способен их грамотно решать. Человек должен уметь трудиться, а не просто так получать желаемое. Ну а уж что касается людей творчества, – тех, которые могут делать открытия, писать книжки, красиво говорить и подтверждать славословие делами – такие люди для меня очень важны.

Терпеть не могу необязательности, хамства, «нового русского чванства». Когда человек недисциплинированный, некультурный, безграмотный. Особенно когда видишь во властных структурах людей, которые и говорить-то толком не могут, а им доверены значимые государственные функции!

О личном

Семья и работа очень гармонично сочетаются в моей жизни. У нас семья «отраслевая», правовая: жена работает судьей в Воронежском областном суде. Она – профессионал высочайшего класса. Сын закончил юридический факультет нашего университета, затем аспирантуру, в настоящее время преподаватель нашего факультета. Мне очень хочется, чтобы из него получился приличный профессионал-юрист. Конечно, у каждого свои особенности и нюансы, но нам легко друг с другом, мы – единомышленники.

У меня дома колоссальная библиотека, книг столько, что уже и не знаешь, куда их ставить. Очень много профессиональной литературы присылают из разных городов мои коллеги-ученые, сам часто покупаю книги. Временами перелистываешь что-то из художественной классики, но не от корки до корки, а избирательно. Например, в последнее время часто читаю Салтыкова-Щедрина, некоторые его высказывания публикую в качестве эпиграфов для своих научных статей.

Восхищаюсь теми, кто может писать красивые стихи… Это, конечно, талант, которому просто поражаюсь. Это дано только по-настоящему одаренным людям. Высоцкий, например. Что он сделал бы, сколько еще создал бы, если бы прожил дольше! Любое стихотворение, любая песня – насколько написаны талантливо. Мы можем так же, как он, рассуждать, думать, но выразить это такими словами, в такой форме – это особый дар, от Бога…

Что меня вдохновляет? Радость от будущего результата своего труда. Ожидание, что кто-то всё же прочтет твою работу и похвалит, а может быть, и покритикует. Для нормального ученого, даже если он и будет скромничать, это естественно. Выход статьи, книги – всегда радость, я горжусь тем, что нашел время, силы для их написания. И что это кому-то нужно. Мы ведь живем внешними оценками: если тебя читают, цитируют, даже критикуют – значит, твоя работа имеет ценность и резонанс. Удовольствие от результата и удачи – это вдохновляет.

О национальной ментальности

На закате советской страны, когда я отправился в мою первую долгосрочную командировку – тогда еще в Западную Германию, – я прожил там больше года. Потом было множество и других поездок в эту страну. Поэтому за такое долгое время ты проникаешь в культуру чужой страны, начинаешь чувствовать их национальный характер, узнаешь обычаи и традиции народа, понимаешь суть человека иной национальности и его внутренние переживания. Например, немцы в меньшей степени раскрывают другим свою душу. Нашим людям больше свойственны открытость, душевность, сердечность отношений, прямота взглядов. Правда, к сожалению, эти качества в последние годы мы стремительно теряем.

Мы быстрее и лучше по сравнению с иностранцами сможем объяснить, что же такое «душа» человека; мы рассуждаем всегда о важности внутреннего душевного мира и состояния человека для его будущего. Нам несложно понимать душу и жить душой.

Пусть это не покажется противоречивым – мы к немцам относимся традиционно: «человек порядка», «машина», у них всё разложено по полочкам, везде чисто, аккуратно и души-то там никакой нет… Это, в общем, верно, но всё же в некотором смысле это ошибочный стереотип. Когда живешь в другой стране, особенно в Германии, понимаешь, что там – обычные люди, с интереснейшим внутренним миром, с желанием поддержать и помочь. Некоторые из них даже более открытые, чем русские. Просто устроены по-другому. У них свои идеалы и ценности, они требовательны к власти, но и сами привыкли соблюдать законы; исполняют их, даже если они им не особенно и нравятся. Немцы в большей мере, чем мы, обладают чувством законности. Термин «чувство законности» – это не моя выдумка; на данную тему более ста лет назад прочитал лекцию выдающийся русский ученый-юрист Г. Ф. Шершеневич. Там, где порядок, разум и чувство законности, – там, скорее всего, и духовный мир становится богаче и нравственнее. Душа не отвлекается на всякие сожаления по поводу бездорожья, неустроенности, отсутствия хорошего управления и пренебрежения к праву…

У нас нет надлежащего порядка в обществе, да и в некоторых сферах государственной жизни тоже. И мы его не любим, к сожалению. В России человек, который пропагандирует идеологию порядка, часто не находит поддержки и понимания. Нам порой больше нужен хаос, почему – я не знаю, могу только дога-

дываться. Когда господствуют порядок и ответственность – всем же лучше. Я это пропагандирую постоянно…

Конечно, России лучше обходиться без особых политических фигур и демонических личностей вроде Ивана Грозного или Иосифа Виссарионовича. Без экстремальных мер. В нормальных современных условиях правового государства должна гарантироваться демократия, нельзя нарушать чужого права, но не нужно позволять, чтобы и твои права могли быть кем-то нарушены.

Об учреждении в России административных судов и установлении административного судопроизводства

На протяжении 20 последних лет, несмотря на название темы своего выступления (порой далекой от административных судов, административного судопроизводства и самой судебной власти), я находил возможность (и умышленно искал для этого подходящий повод) в завершении доклада заканчивать констатацией следующего содержания: «А административные суды в России будут созданы!». Я глубоко убежден, что современное государственно-правовое строительство и развитие в сфере судоустройства обязательно рано или поздно приведут к созданию в нашей стране полноценной и надлежащей системы административной юстиции и административного судопроизводства.

Главнейшим шагом в реализации данной идеи стало принятие в марте 2015 года Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации. Наконец-то, в области развития российского административного права наступил эпохальный момент: Кодекс административного судопроизводства вступил в силу 15 сентября 2015 года. С творческим удовлетворением и большой радостью теперь можно произнести: «А все-таки административные суды созданы!». Да-да – именно *административные суды*. Хотя существуют они пусть и не формально (т. е. в судебной системе судов с таким названием не учреждено), но в системе относительно нового для России административного судопроизводства, по стандартам *специальной административно-процессуальной формы*.

Что это означает для обычного человека? – Создание суда, который защищал бы гражданина от произвола власти, от многочисленных административных барьеров, бездействия должностных лиц. Можно ли судиться с государством, с должностным лицом? Можно! А чтобы это обеспечить на практике, нужно создать соответствующую специальную ветвь правосудия, инструмент, который помогал бы справляться с такими проблемами на уровне закона. Человек должен знать: если его обижают администрация, чиновники – на защиту встанет судья общего суда (или специального административного суда) с очень большими властными полномочиями. У гражданина таких возможностей противостоять могуществу административной власти и ее должностных лиц просто нет.

Принятие указанного Кодекса не обошлось и без известного политического противостояния на завершающем этапе законодательной деятельности в Государственной Думе по данному законопроекту. Как известно, фракция КПРФ не

принимала участия в голосовании по данному закону. Хотя, если посмотреть на программу политической партии «Коммунистическая партия Российской Федерации», то можно увидеть следующие лозунги: «восстановить ответственность власти», «повысить эффективность системы государственного управления», «принять самые решительные меры для подавления коррупции», «отстаивание гражданских прав и свобод человека в Российской Федерации», «создать реально независимую судебную систему» – и прочие программные утверждения, которые весьма близки к основным задачам и функциям административного судопроизводства. Ведь очень часто, говоря по-простому о назначении КАС РФ, произносят следующие слова: «*Кодекс административного судопроизводства поможет бороться со злоупотреблениями чиновников, нарушениями прав и свобод человека и гражданина*». Трудно сказать, чем было вызвано такое политическое поведение указанной фракции в Государственной Думе по проекту Кодекса административного судопроизводства; однако оно явилось по политическому содержанию знаковым и фактически протестным.

Институт административного судопроизводства – наиважнейший способ борьбы в России с идеологией «прошения». На Руси веками мздоимство, лихоимство, взяточничество создавали психологию «прошения», которая подпитывала этот феномен изнутри и не давала ему исчезнуть даже при объявлении государством борьбы со взятками и посулами. В определенном смысле исторические корни современной коррупции, да и человеческой психологии, – в типичном для русских людей слове «просить» (просить за кого-то, давать взятку, просить о смягчении наказания, просить незаслуженного признания, просить профессора за не подготовленного к экзамену студента и пр.). Термин этот укоренился в общественном сознании настолько крепко, что потребуются многие десятилетия, чтобы гражданин, зная свою правоту и уверенный в защите закона, с чувством собственного достоинства перестал бы находиться по отношению к власти в роли «просителя»…

В странах Европейского союза уже много лет действует «Хартия основных прав человека и гражданина». Представляете, как работают люди? У них же в каждой стране есть своя конституция, устанавливающая и гарантирующая основные права и свободы человека и гражданина. Но им мало собственных конституций и законов! Высочайшая правовая – да и общая – культура не позволяет им оставить без внимания этот вопрос. Они говорят: «Раз мы объединились в Европейский союз, у нас теперь должно быть нечто единое для всех стран, чтобы создавался полноценный стандарт обеспеченности прав и свобод гражданина, чтобы ни одна страна не позволила бы себе его нарушить». В одной из статей упомянутой «Хартии» установлено, что граждане имеют права «на хорошее управление». Они-то знают, как отличить хорошее управление от плохого и как обеспечить это хорошее управление…

В юриспруденции, как в никакой другой сфере, должна быть четкая специализация. Здесь и велосипед-то изобретать не нужно. Приходить к собственным выводам можно, просто анализируя мировой опыт государственно-правового

строительства. Кто-то скажет: он нам не подходит, это же Германия (или какая-то другая страна), а мы – в России. Так ведь никто не говорит про душу, рассуждая о праве! Все-таки мы говорим об управлении, о правосудии, о высоких стандартах государственной деятельности. Это же сфера официальная и универсальная – управлять и судить в любой стране нужно одинаково хорошо, компетентно, со знанием дела, по закону, с соблюдением установленных принципов разрешения правового спора. Именно реализация идеи об учреждении в стране административных судов будет создавать и в России необходимую систему порядка в публичном управлении, совершенно конкретную и эффективную государственную защищенность для каждого из нас.

Даже сегодня, уже после принятия Кодекса административного судопроизводства, созданию административных судов в России ничто не мешает. Если говорить модным политическим слэнгом – сегодня нет лишь политической воли для такого шага. Нет желания. Правда, когда появилась политическая воля по созданию в стране мировой юстиции и появились мировые судьи, которые были призваны «разгрузить» федеральных судей, этот шаг почему-то был сделан незамедлительно. Но сегодня и мировые судьи «перегружены» делами. Или, например, система арбитражных судов в России также развивалась на протяжении последних 20 лет в весьма «комфортных» политических реалиях своего времени; хотя спорность некоторых институциональных формирований в системе арбитражного судопроизводства всегда вызывала множество обоснованных сомнений в целесообразности принятых решений в области структурных преобразований данной ветви судебной власти.

К сожалению, слишком долгой была дорога к моменту принятия Кодекса административного судопроизводства. Как известно, судебная реформа 1864 года положила начало формированию в нашей стране *судоустройства* и *судопроизводства*, созданию судебной системы, установлению статуса судей, учреждению судебных процедур разрешения дел (споров). Вряд ли в тот исторический период развития империи следовало ожидать от реформаторов принятия наряду с *уставами уголовного и гражданского судопроизводства Устава административного судопроизводства*. Никаких предпосылок для появления административного судопроизводства тогда не было. Не сложились условия для реформирования государства, в котором его представители могли бы отвечать за свои действия (бездействие) в суде (общем или административном). Фактически об этом невозможно было, очевидно, и мечтать. *150-летний юбилей судебной реформы* в России придает особую значимость развитию законодательства об административном судопроизводстве в конце 2014 – начале 2015 года.

Юрий Старилов

Иосиф Абрамович

СТЕРНИН

(1948 г.р.)

Доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, член Союза журналистов РФ, лауреат премии Воронежской областной администрации по журналистике (2006), вице-президент Российской ассоциации исследователей, преподаватель и учитель риторики.

Сфера научных интересов: теория языка; коммуникативная и когнитивная лингвистика; сопоставительное языкознание; риторика и культура общения.

Окончил факультет романо-германской филологии Воронежского госуниверситета (1970). С 1975 года преподаватель, доцент, профессор, заведующий (с 1996) кафедрой общего языкознания и стилистики ВГУ. Одновременно заведующий кафедрой теории и практики коммуникации Воронежского областного института повышения квалификации и переподготовки работников образования (1991–2005). Преподаватель в университетах Германии, Дании, Финляндии, Польши.

НАСТОЯЩИЙ ПОДВИЖНИК

Благодаря подвижничеству И. А. Стернина и его умению вдохновлять других своим примером наш город постепенно расстается с клеймом «города жлобов».

Биография доктора филологических наук, профессора ВГУ Иосифа Абрамовича Стернина настолько вплелась в историю Воронежа, что мы по праву считаем известного ученого своим земляком. Именно такие люди, как И. А. Стернин, позволяют Воронежу называться «университетским городом».

А между тем родился профессор Стернин в Московской области, детство и школьную юность провел в Ярославле. До сих пор существует старинное здание общежития ЯГПУ, где семья Стерниных занимала одну, но огромную комнату, разделенную ширмой и шкафом на несколько «якобы комнат». Воспоминания о Ярославле – самые светлые: школа, футбол, семейные прогулки в лес, первая заметка в областной газете, фотокружок, путевка в «Артек» за активное участие в общественной жизни.

Отец Иосифа Абрамовича преподавал в Ярославском пединституте философию, логику. Образованию детей (сестра И. А. Стернина тоже стала филологом, профессором ВГУ) уделялось очень серьезное внимание, на домашние занятия родители времени не жалели. Отец учил детей писать сочинения, драматургически их выстраивать, публично выступать, логично и образно формулировать мысли. Безусловно, отцовский опыт пригодился детям – они стали преподавателями. А ораторское искусство, грамотное общение, выступление составляют, в числе прочего, область научных интересов нашего героя.

В 1970 году И. А. Стернин оканчивает факультет романо-германской филологии Воронежского государственного университе-

та и идет работать в школу. Школа необычная. Вечерняя. Со всеми нюансами, ситуациями и анекдотами, показанными в известном телефильме «Большая перемена».

До сих пор этот период профессор вспоминает с благодарностью и улыбкой: много было забавного в той работе, но еще больше полезного. Потом была служба в армии, на военном аэродроме, подарившая друзей на всю жизнь и опять-таки опыт.

С 1975 года И. А. Стернин – на филологическом факультете ВГУ, где ступенька за ступенькой проходит путь специалиста в области теоретического языкознания, русского языка, культуры общения, контрастивной лингвистики, психолингвистики, риторики и речевого воздействия, коммуникативного поведения. От преподавателя, доцента – до профессора, заведующего кафедрой общего языкознания и стилистики, директора Центра коммуникативных исследований Воронежского госуниверситета. И. А. Стернин – автор 1164 научных публикаций, вышедших не только в России, но и за рубежом. Из них 34 монографии и около 60 пособий для школ и вузов. Он подготовил 70 кандидатов и 10 докторов наук.

О том, какой он научный руководитель, в юбилейном собрании работ И. А. Стернина (а книга была издана на средства учеников в качестве подарка учителю) говорят его многочисленные последователи. Практически все отмечают его последовательность, требовательность, но при этом – заботу, участие, добрый юмор и сердечность, широту взглядов и интеллект.

«Настоящий лектор», «феномен», «неугасимый маяк», «человек-оркестр», «педагог и интеллигент», «коллега и партнер», «трудоголик», «мастер», «генератор идей», «добрый наставник» – все эти определения взяты из поздравительных откликов учеников профессора Стернина. Список можно было бы продолжать долго, ведь благодарные последователи не скупятся на слова!

Но не только за вклад в науку, бесспорное лидерство воронежского ученого в области коммуникативного поведения, психолингвистики ценят профессора Стернина в России и за рубежом. Настоящее почтение вызывает его широкая просветительская деятельность. Это – создание первой в России Службы русского языка, организация просветительской передачи о русском языке «Территория слова» на ГТРК «Воронеж». А еще рубрики в газетах, традиционные городские Дни грамотности, Фестиваль риторики, Дни родного языка и толерантности, публичные лекции в областной библиотеке им. Никитина, выступления в школах перед детьми и учителями.

Последние встречи с известным ученым радуют особенно. Ведь курс по культуре общения и специальная литература, пособия, учебники были разработаны И. А. Стерниным и его коллегами. Именно благодаря этому курсу во всех школах Воронежской области ребята учатся грамотно и культурно общаться.

Активная научная, педагогическая, общественная деятельность И. А. Стернина была по достоинству оценена. Он – заслуженный деятель науки Российской

Федерации, лауреат областной премии по журналистике. У него масса грамот, благодарственных писем, других наград.

Но не ради них профессор И. А. Стернин руководит кафедрой в ВГУ, председательствует в Воронежской риторической и психолингвистическои ассоциациях, работает в Совете по русскому языку в администрации Воронежской области, Экспертном совете по применению законодательства о рекламе при Воронежском УФАС РФ, организует работу в Службе русского языка, ведет передачу на радио и т. д.

Он не умеет по-другому. Как настоящий Просветитель (именно так, с большой буквы!) он радеет за всё, что происходит в стране, городе, обществе.

Впрочем, работы в этом направлении еще много, потому неугомонный, неравнодушный ученый призывает учеников и единомышленников: «Не расслабляйтесь!» И пишет, по слухам, очередную книгу. Естественно, о проблемах коммуникативного поведения современников.

Лариса Дьякова

Ольга Дмитриевна

ТЕКУТЬЕВА

(1932–2016)

Директор Издательства ВГУ (1976–2013), заслуженный работник культуры РСФСР.

Окончила факультет журналистики Львовского государственного университета (1955). В Воронеже с 1955 года. Корректор газеты «Молодой Коммунар» (1957–1958). Ответственный секретарь редакции многотиражной газеты «Стройка» (1958–1960).

С июня 1960 года – в Издательстве Воронежского государственного университета: корректор, редактор, старший редактор, главный редактор (с 1973), директор (с 1976). Издательство ВГУ неоднократно (1979–1987) участвовало в Московских международных книжных выставках-ярмарках, становилось победителем всероссийских, всесоюзных, международных конкурсов научных и учебных изданий. Это было единственное в Центрально-Черноземном регионе научное издательство, публикация монографии в котором признавалась ВАК в качестве основы кандидатской или докторской диссертации.

«ЖЕЛЕЗНАЯ ЛЕДИ»

Прежнего директора издательства сняли в январе семьдесят шестого, и потом семь месяцев Ольга Дмитриевна Текутьева ходила с обидной «приставкой» к должности «и. о.» – обком хотел видеть на посту директора своего человека.

Ректор Н. А. Плаксенко и секретарь парткома Н. М. Чернышов обивали обкомовские пороги:

– Утвердите Текутьеву!

Не утверждали. Предлагали свои кандидатуры. Но настойчивость руководства университета победила, и обком сдался, утвердив Ольгу Дмитриевну в качестве директора издательства ВГУ.

С тех пор Ольга Дмитриевна Текутьева много лет возглавляла издательство Воронежского государственного университета.

Были годы становления, годы подъема, годы спада. Сегодня это – спокойная, уверенная работа…

Одна из самых гениальных идей Бориса Ивановича Михантьева в период его ректорства – решение о создании университетского издательства.

Приказ «Об организации уставного издательства при Воронежском государственном университете» был подписан 17 марта 1958 года…

В начале шестидесятых в издательстве появились два человека, оставившие заметный след в его судьбе. Первый – Николай Семенович Редькин, человек многоопытный, возглавивший издательство. Второй – Ольга Дмитриевна Текутьева, зачисленная на должность корректора.

Приход Ольги Дмитриевны означал маленькую революцию, на которую в суете буден никто не обратил внимания: в издательстве появился профессионал. До сих пор редакторами трудились выпуск-

ники разных университетских факультетов: историки, филологи, биологи. Ольга Дмитриевна Текутьева закончила редакционно-издательский факультет Львовского полиграфического института имени Ивана Федорова, отделение литературного редактирования книги. Она быстро нашла общий язык с коллегами. Была безотказна, бралась за любую работу, с авторами и их рукописями работала увлеченно и до семьдесят шестого прошла по всем ступенькам издательской работы – корректор, редактор, старший редактор, главный редактор.

Статистика – штука скучная. Ну, о чем, например, говорят цифры: за первые сорок лет своей работы издательство выпустило почти 3000 наименований книг общим объемом 27 тысяч учетно-издательских листов и тиражом 11 миллионов экземпляров?

За этими цифрами – растущий авторитет вузов Черноземья (и прежде всего Воронежского университета), интенсификация научной работы в регионе, где сам факт существования издательства служит мощным стимулом для творческой активности ученых: есть в Воронеже дом, где тебя с твоей рукописью приветят и помогут превратить ее в книгу.

Десятки лет издательство ВГУ, выражаясь языком Маркса, карабкалось по каменистым тропам к вершинам, покорение которых означало признание очевидных заслуг и почетное место среди ведущих научных книгоиздательских фирм страны.

Были премии и награды на различных выставках, была золотая медаль ВДНХ. В 1987 году издательству присвоили статус республиканского. На первой (Саранск, 1982) и второй (Смоленск, 1985) республиканских межведомственных выставках литературы, выпускаемой высшими учебными заведениями страны, 95 книг, экспонировавшихся издательством ВГУ, были удостоены грамот и дипломов, а издательству присуждена первая премия. В 1986 и 1987 годах маленький коллектив, руководимый воронежской «железной леди», заслуженным работником культуры Российской Федерации, завоевывает переходящее Красное знамя Минвуза СССР и ЦК профсоюза работников просвещения, высшей школы и научных учреждений. Кажется, ничто не предвещало проблем – сложился свой круг авторов, были прочные связи с научными учреждениями страны и зарубежья, авторитет.

Но пришли новые времена.

В одночасье рухнуло всё.

На долю Ольги Дмитриевны пришлись сразу две революции: технологическая и социально-экономическая. По времени они почти совпали.

Технологическая революция означала, что громоздкой системе движения рукописи внутри издательства и в типографии пришел конец. Появились компьютер и офсет. Время многомесячных блужданий рукописи от одного стола к другому предельно сократилось. Теперь три-четыре месяца – и рукопись становится книгой.

Хорошо? Чудесно! Особенно хорошо автору, который далек от того, что скрыто от его глаз.

Но каково директору, который понимает, что необходимо перестраивать отлаженный механизм, настроенный на определенный ритм работы? На какие средства приобрести компьютеры? Кому из сотрудников предлагать их осваивать?

А тут как раз «подкатила» вторая революция – социально-экономическая.

Страна вступила в рынок, и перед издательством встал вопрос, кто будет финансировать выпуск сложной и малотиражной научной и учебной литературы. Вузы, оставшись без реальных средств, о своих издательских проектах и думать забыли.

Можно было прекращать свое существование – и никто не попрекнул бы, никто в сумятице тех лет не заметил бы исчезновения издательства Воронежского университета.

Но вы плохо знаете Ольгу Дмитриевну Текутьеву! Более того, вы вообще не знаете Ольгу Дмитриевну Текутьеву! Потому что эта белокурая улыбчивая женщина – кремень. Почва колебалась у всего общества – Текутьева стояла, как скала.

Сократив сотрудников (более чем на треть), реорганизовав структуру издательства, освоив электронную верстку, директор решила, думаю, принципиальный вопрос – сохранила фирменное качество выпускаемой продукции.

Ольга Дмитриевна показывает мне первую страницу трудов одного из университетских факультетов, занимающихся самоиздатом, – страница испещрена ошибками.

– Мы себе такого не позволяем, – говорит директор.

Они себе такого не позволяют! Они не позволяют себе работать плохо, потому что ими руководит Ольга Дмитриевна Текутьева, органически не терпящая людей, которые работают плохо.

Конечно, авторов поубавилось (издают только оплаченные рукописи), тиражи книг сократились, но зато нет проблем с бумагой, оформление переплета – как в лучших издательствах страны.

– Мы свой труд оцениваем очень скромно, – объясняет Ольга Дмитриевна, имея в виду, не качество работы своих сотрудников, а количество денег, истребуемых с авторов, пожелавших издаваться в издательстве ВГУ. У нас издательский лист стоит намного дешевле, чем, например, в Москве (по данным газеты «Книжное обозрение», в конце прошлого года редакционно-издательские расходы на один учетно-издательский лист в московских издательствах составляли 2 млн 100 тыс. руб., в издательстве ВГУ – 400 тыс. руб.).

– Не слишком ли вы далеко зашли в своем бессребреничестве? – удивляюсь я. – Вы же хозрасчетная организация. Вам же деньги нужны.

– Мы прежде всего – авторолюбивая организация, – отвечает Ольга Дмитриевна. – Мы же прекрасно понимаем, что работаем на высшую школу и имеем дело с автором, у которого денег немного, с факультетом, который подчас с трудом соз-

дает свой внебюджетный фонд. Поэтому стараемся устанавливать цену в разумных пределах.

– А где границы вашего разума? – не отстаю я.

– В стремлении во что бы то ни стало сохранить наш уникальный коллектив высокопрофессиональных издателей и прекрасных людей, – говорит Текутьева, и в голосе ее появляется металл. Тот самый металл, который позволяет назвать Ольгу Дмитриевну «железной леди».

«Служенье муз не терпит суеты», – сказал Александр Сергеевич, и Ольга Дмитриевна служила своему делу, основательно, постоянно держа в своей памяти десятки больших и малых дел, коими ей следует заниматься…

– Работать стало труднее? – спросил однажды Ольгу Дмитриевну, нисколько не сомневаясь в положительном ответе: жаловаться нынче модно.

– Работать стало легче! – слышу в ответ. – «Указуев» нет, никому не нужных трудов нет. Издаем добротную учебную литературу, солидные монографии, интересные сборники научных трудов, журналы по заказам вузов и факультетов.

– Без работы не останетесь?

– Очень надеюсь! – говорит Ольга Дмитриевна. – Пока жив университет.

Лев Кройчик

Печатается по: Университетская площадь : Очерки. Воспоминания. Воронеж, 1998. С. 187–192.

Сергей Николаевич

ТИТОВ

(1925–2016)

Доктор философских наук, профессор.

Участник Великой Отечественной войны.

Специалист в области эстетики, теории искусства, в вопросах эстетического воспитания личности.

Окончил филологическое отделение историко-филологического факультета Воронежского госуниверситета (1951). С 1954 года преподаватель, доцент, профессор кафедры философии ВГУ, в 1959–1967 годах заведующий той же кафедрой. Председатель бюро Центрально-Черноземного отделения философского общества СССР (1964–1967).

КРАСКИ ЖИЗНИ СЕРГЕЯ НИКОЛАЕВИЧА ТИТОВА

Сергей Николаевич Титов живет в небольшой квартире с высокими потолками, в старом доме, расположенном недалеко от красного корпуса университета, где он учился и работал долгие годы. Сам дом с высокой аркой и большой двор постарели, словно бы сжались в объеме, потускнели.

* * *

Сергею Николаевичу 89 лет, но он бодр и подтянут. И не очень изменился с тех пор, как в середине 80-х преподавал нашему курсу историю философии. Преподавал интересно. Преподавал не просто историю философии, но историю человеческой мысли.

Разговор зашел о войне, и Сергей Николаевич сразу увел меня от героизации, батальных сцен, – к жизни солдата, солдатским будням, теме солдатской судьбы. Титов до сих пор помнит отчетливо детали военного быта. Попал на фронт он совсем молодым, едва закончив девять классов средней школы.

– Жил солдат в окопе неделями не раздеваясь и не разуваясь, подчас не умываясь. А может сейчас гражданский человек представить себе солдатский сон: из ночи в ночь, в полусогнутом положении, прислонив голову к холодной стене окопа, вдыхая запах земли?

Этот резкий слом жизни отзовется потом: подсознательно, в образе мыслей, поступках, отношении к жизни, оценках и сравнениях…

* * *

Как философа Титова волнует и более широкое понимание судьбы.

– Судьба – это продукт взаимодействия человека и обстоятельств. Если человек понимает и использует обстоятельства, то он

творец, если же обстоятельства подавляют его и он бессилен перед ними, мы говорим – рок.

Судьбы, как предопределения, на его взгляд, не существует. В ноябре сорок третьего рота, в которой воевал Сергей Николаевич, в ночном бою вырвалась метров на восемьсот вперед от основной линии фронта.

– Утром мы увидели, что находимся на дне «блюдца» криворожской степи диаметром, примерно, с километр. Сзади за бугром – наш батальон, слева и впереди, на склонах – оборона противника, а в середине – окопы нашей роты, в которой осталось человек тридцать. Мы перед немцами, как на ладони…

Когда оборвалась связь с батальоном, Сергей Титов – дежурный связист – выдвинулся из окопа под шквальным огнем противника. Надо было пробежать метров тридцать, сделать это быстро, чтобы не стать добычей снайпера…

– Ноги закоченели от долгого сидения в сыром окопе. Я пробежал, сколько мог, залег, подергал за нитку и чувствую: разрыв где-то близко. Вот тут это и случилось. Снайпер уже взял меня на мушку и ждал, когда я буду подниматься, чтобы выстрелить наверняка. Если бы я поднимался как обычно – сначала поднял бы голову, то пуля попала бы мне прямо в висок. Но я приготовился к новому броску, нагнул голову, рванулся вперед. И тут словно кто-то с силой хлестнул меня прутом по голове, пуля насквозь пробила шею. Но выжил, восстановил связь…

Всё решил, по мнению Сергея Николаевича, быстрый и решительный рывок. Он смог победить, подчинить обстоятельства. После двух с половиной месяцев лечения в госпитале его снова отправили на фронт – сначала связистом, а потом разведчиком 76-го гвардейского стрелкового полка 27-й Краснознаменной ордена Богдана Хмельницкого гвардейской дивизии, в составе которой он участвовал в боях за освобождение правобережной Украины, Одессы, других городов.

* * *

Разговор возвращается в мирное время. Вся жизнь Сергея Николаевича Титова связана с Воронежским госуниверситетом. Он стал студентом в 1946 году, практически сразу после войны, потом аспирантура, преподавательская работа, должность доцента, звание профессора. В 2002 году он оставил преподавание, но до 2009-го оставался членом диссертационного совета факультета философии и психологии. Это факты биографии. Как связана она с судьбой? Ведь мы порой связываем одно с другим и не хотим видеть разницы этих двух понятий…

– Судьба – это не только то, что прожито, но и что пережито. Это колорит жизненного пути, краски жизни. После войны я оканчивал среднюю школу вместе с детьми. Я, фронтовик, сел за одну парту с подростками. Закончил школу с одной четверкой. Меня привлекали гуманитарные науки, и я уехал поступать в Москву. Думал, что выбрать: Литературный институт имени Горького или Московский

полиграфический. Я больше склонялся к полиграфическому: привлекала редакторская работа. Но оказалось, что там не предоставляют общежития… До окончания подачи документов остается несколько дней, надо срочно что-то решать. И я подаю документы в Московский энергетический институт имени Молотова. Там давали общежитие. Уже оттуда, мечтая все-таки о гуманитарном образовании, я перевелся на историко-филологический факультет в Воронежский университет… Жить негде, весь город разрушен, ютился в университете, в столярной мастерской… И будущую жену Раису встретил тоже в университете. Она была моей сокурсницей…

* * *

Раиса Филипповна, улыбчивая, моложавая женщина, рассказала, что они женаты уже шестьдесят четыре года, что у них две прекрасные дочери, которые их часто навещают, заботятся о них. Пожалуй, это настоящее многоцветие судьбы. Какие именно краски в палитре, это, конечно, виднее Сергею Николаевичу и Раисе Филипповне, но то, что они разнообразны, колоритны, сочны, то, что они не теряют свежести и яркости до сих пор, то, что отсутствует в жизни серая однотонность, – несомненно…

* * *

К теме судьбы мы вернулись еще раз, когда Сергей Николаевич заговорил об одном из последних и очень важных эпизодов его фронтовой жизни.

– В начале лета 1944 года армию, в составе которой я воевал, перебросили с 3-го Украинского на 1-й Белорусский фронт. До этого были длительные бои за освобождение Польши, форсирование Вислы, освобождение Варшавы, Лодзи. И вот в январе наши войска подошли к границам Германии. А в тылу оставался город Познань, который было приказано освободить нашей дивизии. В последний день января мы выбивали противника из жилых кварталов. Под шквальным минометным огнем мы со связистом несли катушки с телефонным проводом. Вот тут я и был ранен: пуля пробила красноармейскую книжку и комсомольский билет в нагрудном кармане, прошла мимо сердца и застряла в правом легком… Если бы я бежал на десятую долю секунды быстрее, пуля пробила бы мне сердце…

Случай это или что-то еще? Как не размышлять о том, что было бы с нами, если бы мы сделали или, наоборот, не сделали, лишний шаг, сказали или не сказали какое-то слово, уехали или не уехали в какой-либо город, открыли или не открыли какую-то книгу?..

С 31 января 1945 года, когда произошло последнее ранение, прошло 70 лет. Пуля так и осталась в груди Сергея Николаевича. За освобождение Познани он был награжден орденом Славы III степени… Сергей Николаевич показал мне обложку пробитого комсомольского билета (сам документ хранится в Воронеж-

ском музее боевой славы). Он сделал это буднично, в который раз поясняя, что память о войне, конечно же, остается, но это не предмет его каждодневных воспоминаний. Жизнь продолжается. Интересно происходящее вокруг, интересно общение, интересны книги разных жанров. Сергей Николаевич показал мне стопку изданий и пояснил, это книги – загадки, увлекательные, спорные, написанные на историческом материале: произведения Тома Мартина, Антуанетты Мэй, Дэна Брауна.

В свои почти девяносто лет Сергей Николаевич не жалуется на жизнь, не ворчит, о пуле под сердцем говорит лишь как о факте своей биографии, продолжает серьезно размышлять над понятием судьбы и другими столь же сложными философскими вопросами. Это вызывает невероятное уважение и заставляет заглянуть в себя.

Сергея Николаевича Титова с полным правом можно назвать самодостаточным человеком, ученым. Нам бы хотя бы толику его философского отношения к событиям, происходящим вокруг, чуть-чуть этой бодрости и оптимизма, хотя бы треть этого интереса к жизни. Но для этого надо глубоко задуматься, многое переосмыслить и изменить в своей жизни.

Елена Якушкина

Печатается по: Университетская площадь. 2015. № 7–8. С. 31–33.

Митрофан Степанович

ТОЧИЛИН

(1910–1968)

Доктор геолого-минералогических наук, профессор.

Участник Великой Отечественной войны.

Специалист в области железорудных месторождений. Автор теории о генетической связи железистых кварцитов с подводным вулканизмом.

Окончил геологический факультет Пермского университета (1936). В 1936–1939 годах там же ассистент кафедры минералогии и петрографии. С 1939 года преподаватель кафедры минералогии и петрографии ВГУ. С 1946 года доцент, профессор, заведующий (в 1946–1968) кафедрой минералогии и петрографии, декан геологического факультета (1949–1953, 1955–1959), проректор (1967–1968) ВГУ. Одновременно в 1950-е годы заведовал лабораторией региональной геологии Кольского филиала Академии наук СССР. Его именем назван минерал – точилинит, открытый в 1967 году на Нижнемамонском сульфидном медно-никелевом месторождении.

ВОИН, ПЕДАГОГ, УЧЕНЫЙ

* * *

Митрофан Степанович Точилин родился 15 декабря 1910 года в с. Большие Подосинки Карачаевского района Брянской области в семье крестьянина. В 1929 году после окончания школы крестьянской молодежи он был рекомендован на работу в Брянский окружной союз в качестве практиканта агронома, позже, в порядке выдвижения, был переведен на должность младшего, а с 1931 года – старшего агронома. В 1931 году он поступил учиться в Пермский государственный университет на геологический факультет, по окончании которого был оставлен в должности ассистента на кафедре минералогии и петрографии, одновременно был заместителем декана геологического факультета. Научная деятельность Митрофана Степановича Точилина началась в 1937 году исследованием кристаллографии цирконов Ильменских гор.

С 1939 года Митрофан Степанович Точилин работает в Воронежском университете. В 1941 году, накануне начала Великой Отечественной войны, им была защищена кандидатская диссертация на тему «Петрология южного выхода Воронежского кристаллического массива». В ней он впервые доказал гибридную природу гранитоидов, описал интересные явления двойникования полевых шпатов, предложил свой метод определения кислых плагиоклазов на сетке Вульфа. Им была также предпринята попытка сравнительного анализа с аналогичными породами Азовского кристаллического массива.

Следует особо отметить, что успешной научно-педагогической работе способствовала царившая на кафедре минералогии и петрографии творческая атмосфера. В то время заведующим кафедры был замечательный ученый – минералог, ученик академика В. И. Вер-

надского С. П. Попов, а деканом факультета был талантливый ученый-минералог Е. К. Лазаренко, впоследствии ставший академиком АН Украины. Вместе с М. С. Точилиным в качестве ассистента трудился будущий академик и министр геологии СССР А. В. Сидоренко.

Но все творческие планы и надежды перечеркнула война. В августе 1941 года М. С. Точилин вступает добровольцем в Воронежский коммунистический полк и уходит на фронт.

После демобилизации из Советской армии М.С. Точилин возвратился в Воронеж. Он был назначен заведующим кафедрой минералогии и петрографии, которую возглавлял с небольшими перерывами 22 года (до января 1968 года). В трудные послевоенные годы М. С. Точилин проделал огромную работу по восстановлению факультета и укреплению кафедры, будучи в период 1949–1953 и 1955–1959 годов деканом факультета. Энергии М. С. Точилина хватало, чтобы, не прерывая работы в университете, совмещать ее с работой в Геологическом институте Кольского филиала АН СССР, в котором он возглавлял лабораторию региональной геологии и являлся членом ученого совета института и членом президиума филиала.

Это был наиболее плодотворный период работы М. С. Точилина. В 1951 году он закончил докторскую диссертацию на тему «Происхождение, распространение и поисковые признаки липецких железных руд». Затем переходит к изучению богатых железных руд, приуроченных к докембрийским железокремнистым формациям на территории КМА, Кривого Рога, Урала и Кольского полуострова, Южного Хингана, где под его руководством в 1953 году проходил первую производственную практику автор этой статьи.

Вывод М. С. Точилина о генетической связи железистых кварцитов с подводным вулканизмом стал фундаментальным вкладом в геологию рудных месторождений. Это было весьма убедительно доказано в его монографиях «Происхождение железистых кварцитов» (1963 год) и «Геология и генезис железистых руд Приимандровского района Кольского полуострова» (1964 год, совместно с П. М. Горяйновым) и сериях статей. Они получили высокую оценку как среди отечественных геологов, так и за рубежом. Этот пример, кстати, показывает, сколь результативным оказалось его «научное совместительство» работы в разных железорудных регионах страны.

М. С. Точилин написал 65 научных работ, которые отражают основные направления и многоэтапность его исследований.

* * *

Впервые я увидел Митрофана Степановича летом пятидесятого. Ехал я с приятелем Мишей Зайцевым поступать в Харьков. Он там уже учился на третьем курсе историко-филологического факультета. Я решил поступать в Харьковский авиационный институт. По дороге на вокзал зашли в «красный» корпус, где тогда размещалась университетская администрация и приемная комиссия.

Навстречу нам идет высокий, статный бровастый мужчина.

– Что ищете? – спрашивает.

– Гуляем, – дипломатично говорю я. – Едем в Харьков в авиационный институт поступать, – говорю я.

– Зачем же вам Харьков? – говорит мужчина. – Давайте знакомиться – Точилин. Декан геологического факультета. Факультет замечательный.

– Не-е, – слабо сопротивляюсь я. – Я – интернатский. Мне общежитие надо. Денег на квартиру у меня нет.

– Будет вам общежитие, – отвечает декан. – Твердо обещаю.

И я остался, а Мишка-историк уехал в Харьков.

Свое слово декан Точилин сдержал: я был единственным первокурсником, кому дали общежитие.

Начался учебный год. Жилось трудно, предметы были «суровые».

Летом пятьдесят третьего – на практику на Дальний Восток.

В уссурийскую тайгу.

Поехали с факультета туда шестеро – Олег Егоров, Леня Базыкин, Ольга Майборода, Тамара Моторина, Борис Аскоченский.

Митрофан Степанович Точилин в те годы искал подтверждения своей идее о вулканической природе железных руд. Поэтому попросил нас во время практики попытаться найти подтверждение этой идее.

Оказались мы в партии Михаила Васильевича Чеботарева, выпускника нашего геологического факультета, с которым Точилин предварительно списался.

Так что приняли нас хорошо.

Но уссурийская тайга – место не курортное. Гнус, змеи, медведи. Дебри. В партии четырнадцать расконвоированных зэков.

Разбились мы на «двойки» (я оказался в паре с Борисом Аскоченским), ходим по маршрутам. Задача – провести картирование железномарганцевых руд и составить карту их распространения.

Условия тяжелые.

Но вот тут-то я впервые понял, что означают слова «геологическая закалка».

Всякое с нами в то лето случалось, но когда пришло время возвращаться в Воронеж, понял – из геологии не уйду.

В конце сентября стали собираться домой – в Воронеж.

А денег в партии нет. Говорят:

– Будут, но позже.

Шлем телеграмму Точилину.

Митрофан Степанович откликается:

– Ждите телеграфный перевод.

Через два дня приходит желанный перевод, и вся наша шестерка возвращается через Москву в Воронеж. Суммы, присланной деканом, хватило даже на то, чтобы погулять по столице-матушке.

А еще через некоторое время на факультет прислали деньги, честно заработанные нами во время практики.

Надо сказать, партия расплатилась с нами щедро.

Идем в бухгалтерию, чтобы вернуть долги.

– Какие долги? – удивляется Петр Федорович Извеков, главный бухгалтер университета.

– Так Точилин же брал, – напираем мы. – Чтобы мы домой вернулись.

– Вы перед университетом чисты! – говорит Извеков. – А с деканом разбирайтесь сами.

Тут только до нас дошло: Митрофан Степанович, выручая нас, выслал нам свои собственные деньги, и мы их вернули в полном объеме.

…Доброе сердце, щедрая душа.

Настоящий геолог.

А идея, которой Митрофан Степанович искал подтверждение, оказалась научно убедительной.

Вот лишь один из многочисленных эпизодов, раскрывающий суть профессора М. С. Точилина – человека-легенды.

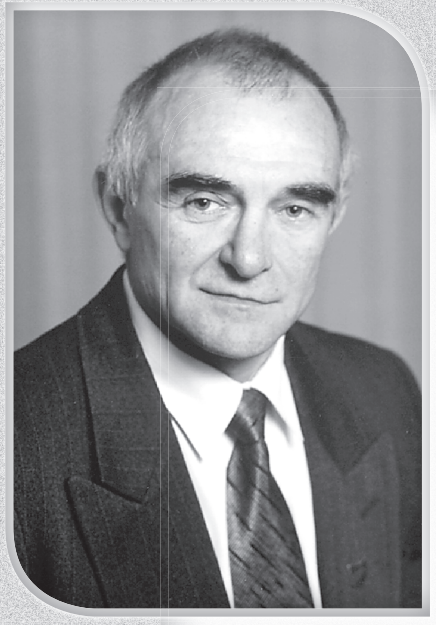
В 1962 году он был оппонентом по моей кандидатской диссертации, а в 1968 году предложил мне возглавить кафедру минералогии и петрографии (ныне петрологии) после назначения М. С. Точилина проректором по науке.

Из воспоминаний Николая Чернышова

* * *

После нескольких лет работы в Сибири, когда я возвратилась в университет, поступила в аспирантуру и стала заниматься изучением геологии и геохимии железистых кварцитов КМА под руководством Николая Алексеевича Плаксенко. Этой же проблемой занимался Митрофан Степанович. В это время выходит его знаменитая монография «Происхождение железистых кварцитов». В те времена существовали две основные гипотезы об условиях образования железистых кварцитов. Наши научные конференции проходили очень эмоционально, темпераментно, каждый доказывал правомерность своей гипотезы. И вот написана диссертация. Кафедра рекомендует мне в качестве оппонента Митрофана Степановича. Конечно, я очень волновалась: ученый с мировым именем придерживается других взглядов на условия образования железистых кварцитов, нежели это доказывается. Но тут Митрофан Степанович проявил себя как истинный интеллигент. Я была удивлена: насколько неформально он подошел к разбору моей работы – отзыв был положительным. В конце он отметил, что каждый имеет право на свою точку зрения, и это заслуживает уважения.

Из воспоминаний Ирины Коваль

Юрий Игоревич

ТРЕЩЕВСКИЙ

(1948 г.р.)

Доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, член-корреспондент РАЕН.

Сфера научных интересов: исследования в сфере управления социально-экономическими системами – теория и методология государственного регулирования экономики, стратегическое управление системами микро- и мезоуровней, методы и инструменты региональной социально-экономической политики.

Окончил экономический факультет Воронежского лесотехнического института (1975). В Воронежском госуниверситете работает с 1981 года (в 1991–1995 годах председатель комитета по экономической реформе, начальник финансового управления, заместитель директора департамента экономики администрации Воронежской области; в 1995–1996 годах начальник кредитного отдела Воронежского филиала «Инкомбанка»), с 1996 года заведующий кафедрой экономики и управления организациями ВГУ.

РАБОТНИК

Александр Блок высказался определенно:

Нас всех подстерегает случай.

И это – чистая правда.

Однажды на кафедре политэкономии университета раздался звонок.

Звонил Алексей Кириллович Соловьев, возглавлявший экономическую службу области:

– Нам нужен крепкий финансист.

Иван Сергеевич Шаршов, возглавлявший в те годы кафедру, отреагировал быстро – вызвал четырех энергичных кандидатов наук – Гаврилова, Рисина, Трещевского, Незнамова:

– Решайте, кто из вас добровольно пойдет «под ярмо».

«Добровольцы» молчали – кому была охота уходить из университета. Время было смутное: отечественная экономика разваливалась, перспективы развития отечественного рынка были не ясны, финансовая система России дышала на ладан, а тут – в университете – всё было достаточно очевидно: устойчивое положение на кафедре, возможность заниматься наукой.

Нет, нет, коридоры власти привлекали мало.

«Добровольцы» решили тянуть жребий.

На спичках.

Короткая спичка досталась Трещевскому.

И отправился Юрий Игоревич «в люди» – на казенную службу.

А куда деваться – не праздновать же труса?

Трусом Трещевский никогда себя не считал.

И за отцовскую спину никогда не прятался.

Хотя отцовская спина выглядела надежной. Игорь Владимирович Трещевский был человеком в Воронеже известным: проректор Лесотехнического института, доктор наук, заслуженный деятель науки РСФСР.

Игорь отслужил, как положено, в армии.

Поступил, как положено, в Лесотехнический. По отцовским стопам пошел.

Обычная студенческая жизнь – учеба, спорт, творчество, стройотряды.

Признался:

– Мне в жизни интересно всё.

Перед глазами пример отца – работника.

Было на кого равняться

К студенту Трещевскому претензий не было.

Да и какие могут быть претензии к Ленинскому стипендиату Юрию Трещевскому, стройотрядовцу, Юрию Трещевскому, велосипедисту Юрию Трещевскому, теннисисту Юрию Трещевскому, работнику лесничества Юрию Трещевскому, молодому ученому Юрию Трещевскому?

Юрий Игоревич Трещевский – работник.

А еще человек – человек думающий. Умеющий просчитывать многое наперед.

Сегодня профессор Трещевский – один из тех, кто разрабатывает стратегию развития нашего региона. И область, и город пристойно смотрятся в рейтинговых таблицах развития страны – то внес свою лепту в эти развития и Юрий Игоревич Трещевский.

В будущее смотрит с оптимизмом.

– Оборонно-промышленный комплекс чувствует себя уверенно, – подчеркивает Трещевский. – Пищевая промышленность выглядит стабильно. Успешно развивается и сельское хозяйство области.

Спросил у Юрия Игоревича:

– Вы так расхваливаете областных экономистов, а сами тем не менее пересели из административного кресла в академическое. Почему вернулись в университет?

– Время пришло, – объясняет Юрий Игоревич. – Школу прошел хорошую, но понял, что исчезает из моей жизни творчество… Ремесло и творчество всегда идут рядышком. Но все-таки, как бы ни был высок уровень ремесла, творчество предполагает дальнейшее движение вперед, а не просто закрепляет наработанные с годами навыки. Побоялся, что могу потерять квалификацию.

В девяносто пятом Трещевский возвращается в университет. В девяносто девятом защищает докторскую диссертацию. Еще через год возглавляет кафедру. Сегодня эта кафедра именуется кафедрой экономики и управления организациями.

Название принципиальное. Оно вобрало в себя базовые основы теории экономики как науки и специфику деятельности людей, занятых в сфере производства.

Много лет назад, когда экономический факультет только создавался, скептики прогнозировали:

– Зачем университету такой факультет? Сиди, щелкай на счетах в бухгалтерии, своди кредит с дебетом.

– Университет готовит людей мыслящих, – говорил Юрий Игоревич, – и мы в этом процессе участвуем. Стране нужен не просто человек с дипломом, а сведущий в деле специалист.

Времена пошли другие.

Экономический рейтинг страны меняется в лучшую сторону.

А ведь шагать к этим рейтинговым высотам пришлось бы от экономики, которая опиралась на знаменитую формулу Леонида Ильича Брежнева «Экономика должна быть экономной».

Социалистическая организация труда, как мне кажется, традиционно опираясь на принудительную деятельность, на пассионарность (результат во что бы то ни стало), на социальную демагогию.

Воевали не умением, а числом.

Понадобилась смена экономической парадигмы, прежде чем стало ясно: в экономике главное – соревнование мозгов, а не соревнование мозолей.

Научно-техническая революция, о которой всерьез заговорили в конце восьмидесятых – начале девяностых, призвала в свои ряды новых людей. Среди этих «новых» оказался и Юрий Игоревич Трещевский.

И вот ведь что показательно.

Профессор Трещевский отнюдь не выглядит схоластом, участвуя в процессе формирования новых теоретических идей. Пройдя в восьмидесятые, девяностые хорошую школу практики в финансовых организациях области – председатель комитета по экономическим реформам, начальник финансового управления, заместитель департамента экономики, – Трещевский стал одним из тех реформаторов, кто понял, что конкретная практика немыслима без глубокого и всестороннего осмысления реформ.

В сотрудничестве с видными экономистами-практиками Александром Кирилловичем Соловьевым («Александр Кириллович – управленец от Бога»), Леонидом Ивановичем Селитренниковым, в тесном контакте со своими коллегами по факультету Игорем Ефимовичем Рисиным и Владимиром Наумовичем Эйтингоном профессор Трещевский разрабатывал стратегию развития региона в целом и города в частности.

Сегодня эта стратегия последовательно реализуется. Подчеркну – успешно реализуется.

Долгое время страна беспечально сидела на углеводородной игле. Нынешние вызовы времени заставляют пересматривать подходы к процессам, протекающим в современной экономике.

Профессор Трещевский из числа трудоголиков. Двадцать с лишним сотрудников кафедры от своего руководителя не отстают. Многие прошли стажировку за рубежом. За последние годы под его руководством сотрудники кафедры защитили свыше 50 докторских и кандидатских диссертаций.

В основе деятельности кафедры и ее руководителя четко прослеживается концепция, одним из творцов которой является профессор Трещевский:

– Рыночной экономике нужны специалисты, тесно связанные с конкретными отраслями, обеспечивающие нормальную жизнь общества. Есть такое понятие – «предпринимательская деятельность». Сегодня мы работаем на предпринимательский сектор.

Слушаю Юрию Игоревича, и передо мной возникает образ современного российского предпринимателя – человека энергичного, думающего, постоянно ищущего новые подходы к решению тех задач, которые он, этот неутомимый человек, сам для себя определил.

В свое время идеологи мирового либерализма сформировали прекрасную формулу собственной деятельности:

– Не мешайте работать!

Мне кажется, Юрий Игоревич Трещевский из числа таких людей.

Человек, говорящий негромко, спокойно, вразумительно.

Работник, одним словом.

Лев Кройчик

Владимир Васильевич

ТУЛУПОВ

(1954 г.р.)

Доктор филологических наук, профессор, член Союза журналистов, член Союза писателей России.

Сфера научных интересов: дизайн и реклама в СМИ; типология прессы; экономика и менеджмент СМИ; деонтология журналистики, рекламы и PR.

Окончил филологический факультет Башкирского государственного университета (1976). В 1975–1995 годах сотрудник ряда уфимских и воронежских газет. В 1979–1990 годах ассистент, старший преподаватель, доцент кафедры советской литературы Башкирского государственного университета. Заведующий кафедрой теории и практики журналистики (с 1990), средств массовой коммуникации и рекламы (с 1998), декан (с 1994) факультета журналистики Воронежского госуниверситета. Одновременно директор Центра информации и рекламы ВГУ (с 1999), профессор кафедры журналистики Курского государственного педагогического университета (с 2002).

ВЛАДИМИР ТУЛУПОВ КАК ЯВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ МОДЕЛИ УПРАВЛЕНИЯ

Сколько помню Владимира Васильевича, он дышал и дышит энергией и оптимизмом. И, кажется, эта энергия неисчерпаема…

Кто сказал, что вечного двигателя не существует? Позвоните в деканат журфака в семь утра, в двенадцать дня, в пять вечера – вам ответит бодрый голос Владимира Васильевича.

Декан работает.

Декан пишет статьи (только научных и учебно-методических у него – свыше пятисот), книги (их у него более двадцати), принимает посетителей, объясняется с главным корпусом (по телефону), песочит студентов, обсуждает очередной хозвопрос с комендантом, консультирует аспирантов, дипломников, курсовиков, а в перерывах между всем этим – пьет чай или смешно рассказывает анекдоты…

Тут дело не в том, что Владимир Васильевич много работает, – Тулупов любит работать. Наверное, эта любовь – от дома, от мамы Марии Андреевны, от папы Василия Ивановича, от старших сестер Веры и Раисы. Тулупову интересно жить – он прекрасно рисует, пишет неплохие стихи, с чувством поет народные песни, играет в футбол, болеет за «Спартак» и «Факел», «Салават Юлаев» и «Буран» (независимо от мест, занимаемых ими).

Главное дело его жизни – творчество.

Сотворил семью. Веселую, дружную, трудолюбивую семью. Тамара Варисовна – блестящий школьный учитель, педагог милостью Божьей. Ее питомцы легко поступают на различные факультеты нашего и не только нашего университета. И, конечно, на журфак. И не потому, что муж – декан. А потому, что дети знают литературу. Многие годы факультет проводит олимпиаду старше-

классников по журналистике, и я нередко советовался с Тамарой Варисовной, творчество какого писателя положить в основу сценария телеконкурса «Проходной балл».

Старший сын Костя в свое время закончил Институт международных отношений. Знаменитый МГИМО. Вы думаете Тулуповы возили тюками подарки в приемную комиссию? Костя, медалист кольцовской гимназии, победил в первом телеконкурсе «Умники и умницы» (кстати, именно поэтому в Воронеже появился свой вариант этого конкурса). Именно Костя, работающий директором по стратегии ОАО «Атомэнергомаш», первым превратил отца в дедушку, но это обстоятельство энергии Владимира Васильевича не убавило.

Ксения (она же – Ксюшка) – очаровательное, жизнерадостное создание – живущая взахлеб. Школьная медалистка (без медалей Тулуповы не могут: если мне не изменяет память, Тамара Варисовна тоже школьная медалистка и университетская «краснодипломница») нырнула в бушующие волны студенческой жизни бесстрашно: редактировала факультетскую газету «Третий глаз», выступала на смотрах «Университетской весны» и научных конференциях. Защитила диссертацию и в настоящее время преподает журналистику в одном из столичных вузов, вместе с супругом Димой воспитывая малышку Машу.

Вася, самозабвенно игравший в футбол и бегавший на средние дистанции, неожиданно превратился в преподавателя Василия Владимировича, также защитившего диссертацию и работающего к тому же в РИА «Воронеж».

Тулуповы живут по знаменитому китайскому принципу – опоры на собственные силы. Кстати, в Китае они были. Точнее – не были, а жили в течение года, преподавая русскую литературу и русский язык.

Он вообще легок на подъем, этот неугомонный Тулупов. Побывал в Голландии, Испании, Израиле, Швеции (не с экскурсиями – на разного рода семинарах). Вывез оттуда массу учебных новаций и старательно пытается внедрить эти новации в учебный процесс (порой при глухом сопротивлении коллег). В течение пяти лет вел летние мастер-классы в одной из пражских школ журналистики.

Возможно, я ошибаюсь, но мне кажется, самое любимое детище Владимира Васильевича Тулупова – практическая журналистика. Выпускник Башкирского университета, он влюблен в газету по уши. И этой влюбленности не скрывает.

Знаете, что предпринял Тулупов первым делом, переехав в Воронеж? Пошел предлагать свои услуги редакциям. Конечно, нужны были деньги, чтобы платить за квартиру, но еще больше Владимиру Тулупову (Томину, Майскому) было необходимо живое дело. А что может быть живее работы в газете?

Конек профессора Тулупова – газетный дизайн. Этому посвящены его книги «В мастерской газетного оформителя», «Дизайн и реклама в системе маркетинга российской газеты», «Изобразительная журналистика» и др. Но что теория без практики?! В девяностые и нулевые годы Тулупов разработал композиционно-графические модели для «Коммуны» и «Молодого коммунара», «Воронежского

курьера» и «Берега», «Вечернего Воронежа» и «Сударыни»... А в редактируемых ненасытным Тулуповым газетах «Утюжок», «Эфир-365» и «Инфа» он творил всё, что хотел.

Рассказывают, что так же было и в Уфе.

Параллельно у Владимира Васильевича появилась новая любовь – реклама. Да и как же ей не быть, если доктор филологических наук, профессор Тулупов возглавляет кафедру рекламы и дизайна, которая ежегодно обрастает грамотами и дипломами, участвуя в различных всероссийских, областных и городских конкурсах.

Ибо Владимир Васильевич сам работает и других спокойной жизни лишает.

Это по его инициативе открывали новые специальности, направления, специализации, профили, и теперь на журфаке, можно сказать, – полный коммуникационный комплект образовательных программ высшего образования: «Журналистика», «Военная журналистика», «Телевидение», «Реклама и связи с общественностью». А есть еще специальность СПО – «Реклама».

Разработали около двадцати магистерских программ.

Предложили работникам медиаотрасли три годичные программы переподготовки на базе высшего образования с выдачей дипломов государственного образца.

Открыли Школу юных журналистов.

Создали современную факультетскую инфраструктуру: четыре компьютерных класса, теле- и радиостудии, фото- и типолабораторию, конференц-зал и лабораторию конвергентной журналистики, интернет-центр и музей журналистики.

Сформировали диссертационный совет по защите докторских и кандидатских диссертаций.

Стали выпускать ВАКовский журнал «Вестник ВГУ. Филология. Журналистика» (это – помимо научно-практического альманаха «Акценты. Новое в массовой коммуникации», который Владимир Тулупов редактирует с 1996 года).

Два раза в год проходят научные конференции: осенняя – для подрастающего поколения, весенняя – для степенных и остепененных.

Когда Владимир Васильевич получил кафедру, старики ворчали: «Молод больно – в тридцать шесть коллективом руководить!..».

Сегодня ворчуны стихли – Тулупов на факультете уместен. То есть – на своем месте...

Прихожу утром на работу: Владимир Васильевич в деканате постукивает клавишами компьютера.

– Новая статья?

– Новые стихи...

– Не прочтете?

– Извольте:

Небогатое наше детство –
Черно-белое наше кино…
Тех, с кем жили мы по соседству,
Разметало по свету давно.
Пожилые, молодые,
Неродные и родные –
На Земле и в небесах,
Превратившиеся в прах.
И беспечная юность, и молодость,
Те счастливые темные ночи –
Когда в холод совсем не холодно
И не голодно, между прочим.
Пожилые, молодые,
Неродные и родные –
На Земле и в небесах,
Нас тревожащие в снах.
На пороге маячит старость…
С нею спорим, и память детства
Нам в подмогу. Она осталась –
Нерастраченное наследство…
Пожилые, молодые,
Неродные, но родные.
Вот и мы почти седые,
Но живые, но живые!..

А теперь скажите: кто из деканов российских журфаков, придя на работу, читает сослуживцам свои собственные стихи?..

Лев Кройчик

Яков Александрович

УГАЙ

(1921–2007)

Доктор химических наук, профессор, лауреат Государственной премии СССР, заслуженный деятель науки РСФСР, почетный гражданин города Воронежа.

Сфера научных интересов: химия полупроводников; фундаментальное материаловедение микро- и наноэлектроники; процессы в объеме и на поверхности полупроводников. Научный руководитель и глава воронежской школы химиков-неоргаников, развивающих исследования в области химии твердого тела и полупроводников.

Окончил химический факультет Казахстанского государственного университета в городе Алма-Ата (1944). В 1944–2007 годах – ассистент, доцент, профессор, заведующий (1965–1989) кафедрой общей и неорганической химии Воронежского госуниверситета. В 1962 году создал и по 1965 год заведовал единственной в СССР кафедрой химии полупроводников. Проректор по научной работе ВГУ (1975–1984).

«ВСЁ НАДО ДЕЛАТЬ С ЛЮБОВЬЮ»

Возможно, я ошибаюсь, но мне кажется, что в жизни Якова Александровича Угая два события являются определяющими: в 1981 году профессор Угай получил Государственную премию за цикл исследований по химической термодинамике полупроводников, а в 1996 году семидесятипятилетний лауреат стал второй раз в жизни отцом.

И все любопытные могли видеть, как молодой папа прогуливается по скверику возле своего дома с колясочкой. А почему бы и нет? Первая жена умерла в 1976 году. Яков Александрович остался один. Нет, конечно, была и есть дочь Ирина, но у нее своя семья, свои заботы. Внучка Валентина вышла замуж. После двадцати лет вдовства Угай снова женился.

Молодцеватый, энергичный, с веселыми, живыми глазами, Яков Александрович ничего необычного в этом факте своей биографии не видит:

– Моя жена – Татьяна Павловна, Танюша. Она малюсенькая такая, хрупкая. Я обратил на нее внимание еще на экзамене – просто замечательно отвечала. Разговорились – оказалось, что Таня мечтала стать филологом, но в десятом классе заинтересовалась химией. Призналась однажды: «Как будто чувствовала, что меня на химфаке ждет Угай». Да, разница между нами в сорок семь лет, но Танюша любит меня. Вместе с ней для меня началась новая жизнь – через два года жена подарила мне дочку. Назвали Дианой. Я как будто заново родился. Давно уже отвык от тепла домашнего очага, а тут только возвращаюсь с работы, ко мне из другой комнаты бросается дочка с криком: «Папа!» Я очень счастлив! Счастлив, что у меня есть ребенок, есть жена и есть работа. Лучшего и не придумаешь! Теперь мне любые трудности по плечу.

Такой вот монолог. Что касается трудностей, то они были по плечу плотному, коренастому Угаю, видимо, всегда. И тогда, когда его везли вместе с другими переселенцами-корейцами с Дальнего Востока в Казахстан, и тогда, когда учился в университете в Алма-Ате, и тогда, когда приехал на работу в Воронеж, и позже, когда шел непроторенными путями, занимаясь химией полупроводников, и когда любимую жену похоронил.

Яков Александрович рассказывает, а я никак не могу представить себе этого солидного человека, одного из самых авторитетных в университете (да и в городе: Угай – почетный гражданин Воронежа) ученых, веселым парнем далеких военных лет. Первое ощущение – наговаривает на себя уважаемый профессор.

Жилось несладко. До тридцать седьмого года жили в Хабаровском крае. Отец перебрался в Россию из Кореи еще в 1910 году. Долгие годы работал директором корейской школы. Мама была школьной учительницей. В тридцать шестом отца, члена партии, арестовали. А год спустя – расстреляли. Осталось в семье пятеро детей: старший брат Владимир (он потом преподавал в Кзыл-Орданском пединституте литературу), сестра Софья, братья Анатолий (во время войны два ордена Славы за храбрость получил) и Николай (преподавал в Казахском государственном университете).

В тридцать седьмом всех корейцев, проживавших на Дальнем Востоке, по указанию Сталина, объявили «японскими шпионами» и переселили в Среднюю Азию – так семья Угаев попала в Кзыл-Орду…

– Какие «японские шпионы»! – объясняет Яков Александрович. – Я ни одного японца не видел, пока жил в Хабаровском крае. Представляете себе состояние моих близких да и всех, кого переселяли, – товарный вагон, в углу печка-буржуйка. Здесь же – красноармейцы с винтовками. И мы – ни в чем не виноватые люди. Весь этот кошмар длился недели три – эшелон часто стоял, двигался медленно. Правда, когда, наконец, добрались до нового места жительства, встретили нас казахи дружелюбно. Помогали, чем могли

После окончания школы, в тридцать девятом году Яков Угай поступает на физмат Казахского университета.

– А почему на физмат, – спрашиваю, – а не на химфак?

– Потому что в школе всегда нравились физика и математика, – поясняет Яков Александрович. – А на химфак я перевелся спустя полгода…

Слушаешь Якова Александровича и думаешь – как всё в жизни просто: захотел – поступил в университет, захотел – перевелся на другой факультет. Яков Александрович, по-моему, недоговаривает самое главное: был упорен и настойчив студент Угай, добиваясь своего, целеустремлен, тверд и последователен.

И поступать было непросто – переселенец как-никак, и учиться вместо положенных пяти лет – четыре года. Но природные способности в нем сочетались с природной же удивительной жизнестойкостью.

– В сорок четвертом, – вспоминает Яков Иванович, после окончания университета в Алма-Ате, я был направлен в ВГУ. Стал ассистентом на кафедре не-

органической химии у Александра Павловича Палкина. Когда приехал в Воронеж, ужаснулся – город лежал в руинах. Химфак располагался на первом этаже трехэтажного здания, одного из немногих, что частично уцелели на территории довоенной университетской усадьбы. Второй и третий этажи были разрушены, и после занятий студенты, преподаватели, сотрудники химфака работали на их восстановлении. Мебели не было – сидели на ящиках из-под снарядов. Опыты и исследования проводили на примусах и керосинках.

Жил я с семьей в том же здании: выделили мне маленькую двенадцатиметровую комнатку. В этом было свое преимущество: когда факультет затихал, я мог, так сказать, не отрываясь от домашнего очага, заниматься экспериментом. Правда, досаждали крысы. С наступлением темноты они бесцеремонно шныряли по всему коридору. Но на них привыкли не обращать внимания.

И всё же, считает Яков Александрович, ему повезло: в университете работало немало настоящих ученых, общение с которыми приносило огромную пользу. Особенно полезными начинающему преподавателю оказались встречи с Марией Афанасьевной Левитской, в которой широкая академическая эрудиция сочеталась с высокой требовательностью. Воспользовавшись любезным разрешением Марии Афанасьевны Яков Александрович прослушал спецкурс по электромагнитным колебаниям, который читала Левитская.

Кто из сегодняшних молодых преподавателей может похвалиться тем, что ходит, как студент, на занятия к своему более опытному коллеге?

Яков Александрович ходил, словно предвидел, что придет час, когда он займется разработкой научных проблем на стыке физики и химии.

* * *

«Уважаемый Яков Александрович!

Пишут Вам студенты Кубанского государственного университета. Мы хотим выразить Вам свою глубокую благодарность за учебник “Общая химия”, в котором, как нам кажется, собраны самые передовые взгляды на курс химии. Ваш учебник является универсальным, изложение на достаточно высоком теоретическом уровне, доступно для самостоятельного учения. Учебник оказал нам хорошую помощь в подготовке к сессии...»

Вот такое письмо, датированное 2 января 1985 года, получил в свое время Яков Александрович.

Сам Угай этим изданием тоже доволен и считает, что успех написанного им учебника вполне закономерен.

– Понимаете, в чем дело – учебник Глинки хорошо известен не одному поколению студентов. Но эта книга, так сказать, многопрофильна – ею пользовались и медики, и политехники, и будущие учителя. Я сориентировал учебник на студентов-химиков университетов. В нем опора на современные достижения науки. Учебник полезен тем уже, что способствует выработке общенаучных концепций,

без которых немыслим настоящий ученый-химик. Я писал этот учебник исходя из своего многолетнего опыта работы и как преподавателя, и как ученого.

Сегодня Угай удостоен самых высоких почестей. Он – лауреат Государственной премии, заслуженный деятель науки Российской Федерации, награжден орденами и медалями, заведующий кафедрой, побывал и проректором университета по науке. Член многочисленных экспертных советов.

Но главное достижение Якова Александровича Угая – его ученики – восемь докторов наук, семьдесят кандидатов. Это – школа.

Она возникла во второй половине пятидесятых годов, когда бурное развитие получила физическая химия твердого тела: на стыке двух наук – физики и химии – началось изучение полупроводниковых соединений, практическое применение которых открывало огромные возможности, прежде всего в электронике и радиофизике. Потребность в новых точных приборах (датчиках, преобразователях, выпрямителях) привела к тому, что в центре внимания ученых оказались материалы с заранее заданными, запрограммированными свойствами. Родилось новое направление в науке – химия полупроводников.

В университете эти работы возглавил Яков Александрович Угай.

Вот как вспоминал один из учеников профессора Угая, доктор химических наук Валентин Захарович Анохин, к сожалению, рано ушедший из жизни: «Ученый стратегического мышления, Яков Александрович быстро понял, какие научные перспективы открывает исследование полупроводниковых систем. Не только человек идеи, но и человек дела, Яков Александрович начал на кафедре неорганической химии планомерные исследования по этой тематике. Первоначально этим занимались доценты Олег Яковлевич Гуков, Евгений Григорьевич Гончаров, Евгений Максимович Авербах, Татьяна Александровна Маршакова и я. Особенно плодотворны были исследования Е. Г. Гончарова. Группа осуществила синтез нескольких соединений, имевших не только теоретическое, но и практическое значение».

К этому списку, полагает Яков Александрович, надо добавить еще двух человек – профессора Эвелину Павловну Домашевскую и Галину Владимировну Семенову.

Многолетние изыскания были увенчаны в 1981 году Государственной премией. Премию получила группа из десяти человек. В нее входили ученые Московского университета, Института общей и неорганической химии, Академии наук, Института электронной техники, Ленинградского физико-технического института, Новосибирского института неорганической химии.

Посмотрите на перечень институтов – Москва, Питер, Новосибирск… Головные центры в данной отрасли. И – Воронеж! Это было признание не только личных заслуг профессора Угая, но и всей его школы, плодотворно работающей в университете.

А потом было торжество. Москва, Кремль…

– Тот день был одним из самых счастливых в моей жизни, – вспоминает Яков Александрович. – До сих пор помню, как вручали, как поздравляли, какие слова говорили, какие чувства я испытывал. Прошло уже столько лет, даже не верится: будто вчера получил почетный золотой знак лауреата. Очень красивый, тяжелый. 22 грамма золота…

Хочу подчеркнуть, – говорит Я. А. Угай, – я создал не только научную, но и научно-педагогическую школу. Это гораздо важнее. Дело ведь не только в том, чтобы подготовить какое-то количество докторов и кандидатов наук. Важно, чтобы эти доктора и кандидаты, входя в аудиторию, умели объяснять студентам сущность тех явлений и процессов, которые они исследовали. Шире – они должны быть классными преподавателями…

Профессор Угай – автор более четырехсот печатных работ, в том числе пяти учебников и двух монографий, изданных в Москве, на его счету 40 изобретений.

– Бросить свою работу – значит приблизить конец. Бывает, чувствую себя неважно, а прочту лекцию – и неприятность забывается. Главное – дело свое любить… Вообще, всё, чем занимаешься, надо делать с любовью: статью ли писать, зеркало ли подвешивать, елку ли наряжать…

И, извинившись передо мной, Яков Александрович торопится домой – гулять с дочкой.

Иветта Цалитис

Печатается по: Университетская площадь : Очерки. Воспоминания. Воронеж, 1998. С. 193–200.

Борис Тимофеевич

УДОДОВ

(1924–2009)

Доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ.

Участник Великой Отечественной войны.

Сфера научных интересов: историко-литературные и теоретико-методологические проблемы русской литературы XIX века, которую впервые в отечественной науке начал исследовать как особую художественную антропологию. Один из авторов «Лермонтовской энциклопедии» (Москва, 1981, 1999).

Окончил филологическое отделение историко-филологического факультета Воронежского госуниверситета (1950). Работал диктором Воронежского областного радиокомитета (1947–1951). Преподаватель, старший преподаватель, заместитель декана историко-филологического факультета ВГУ (1954–1959). Доцент (с 1960), старший научный сотрудник (1969–1972), заведующий (1975–1991, 2002–2008), профессор кафедры русской литературы, декан (1960–1962, 1973–1976) филологического факультета ВГУ.

ВОСПИТАТЕЛЬ МЫСЛИ

Борис Тимофеевич Удодов – один из тех ученых, чье имя давно стало визитной карточкой воронежской филологии. Ссылки на его работы есть в исследованиях крупнейших литературоведов-славистов современности, и отечественных, и западных – от Ю. М. Лотмана до Уильяма М. Тодда.

Вернувшись в 1946 году из армии, Борис Тимофеевич спустя четыре года окончил историко-филологический факультет Воронежского университета, на первый курс которого он поступил еще в роковом 1941-м. Научные интересы филолога сначала были связаны с жанром, строящимся на пересечении эстетической реальности и реальности жизни, – литературным очерком; описание этого жанра станет целью кандидатской диссертации аспиранта Удодова. И это не случайный выбор. Борис Тимофеевич никогда не был ученым, замкнутым в своей профессии и закрытым для того, что в XIX веке называли «существенностью». Те, кто общался с ним, знают, как живо он откликался на всякого рода политические события, наследуя в этом русской интеллигенции, никогда не позволявшей себе самодовольно покоиться за стенами «башни из слоновой кости».

Закономерно, что в последние годы жизни Борис Тимофеевич пришел к изучению большой темы, обозначенной им как «художественная антропология» (формула, которую известный петербургский историк русской философии А. Ф. Замалеев воодушевленно оценил как гениальную). Здесь, может быть, наиболее органично сплавились друг с другом личный темперамент профессора Удодова и его собственно научные поиски. Человек, чью тайну призывал разгадывать юный Достоевский, – подлинный центр размышлений ученого о литературе. Еще в те десятилетия, когда официальное советское литературоведение культивировало унылый детерминизм,

превращающий живых писателей в продукт деятельности социально-политических сил, Борис Тимофеевич в своих книгах и статьях обращался к общечеловеческому, «родовому» в человеке, проповедуя ту «лелеющую душу гуманность» (как писал любимый ученым великий критик), которая проникала собой всю русскую классическую литературу в ее вершинных проявлениях.

Сосредоточенное внимание профессора Удодова к личности и творчеству Лермонтова, поэта повышенной человеческой субъективности, – внешнее выражение этого исследовательского и человеческого пафоса. И этот пафос был уловлен. В научных кругах Борис Тимофеевич известен прежде всего как авторитетнейший лермонтовед, автор двух капитальных монографий о поэте (первая из них послужила основой докторской диссертации ученого), один из создателей знаменитой «Лермонтовской энциклопедии».

Борис Тимофеевич запомнился как человек, необычайно увлеченный и щедрый, умевший делиться своими находками, приобретать поклонников и сторонников (и, как водится, столь же искренних, достойных его оппонентов). Но при этом он был ученым, фанатично, самозабвенно требовательным к себе и к другим, до скрупулезности тщательным в своей работе и ожидавшим такой же интеллектуальной истовости и честности от тех, кто был рядом с ним.

Авторам этих строк посчастливилось защищать под руководством профессора Удодова свои кандидатские диссертации и в полной мере испытать на себе обаяние его личности. А оно складывалось из многого: из неотразимого воздействия миссионерского азарта ученого со своей, вполне определенной позицией, из таланта придирчиво, но всегда заинтересованно и доброжелательно читать чужие тексты, из органического дара заботиться больше об истине, чем о себе в науке, наконец – из расположенности к диалогу (который не зря всегда был в фокусе исследований Бориса Тимофеевича).

Профессор Удодов был одним из самых признанных, самых блистательных лекторов на филологическом факультете времен его расцвета. И дело, конечно, не только во владении голосом, музыкой красноречия (а здесь сказывался и давний опыт радиодиктора, и умение прекрасно петь), не только в умении с ходу импровизировать едва ли не на любую тему, воспламеняясь и воспламеняя других. К этим, хотя и весьма немаловажным и нечастым достоинствам, добавлялись еще огромная эрудиция, редкостная память, а главное – искусство говорить так, чтобы слушатели ощущали себя не пассивными восприемниками ведомых одному лишь лектору знаний, а соучастниками в постижении сути предмета, которая если и не разоблачала себя до конца, то увлекала за собой. Лекции Бориса Тимофеевича не одному слушателю привили любовь к русской литературе и культуре, пробудили к жизни не одну мысль.

У профессора Удодова множество титулованных учеников (в числе их и его сын – известный литературовед). Можно сказать, что он создал настоящую научную школу. И это при том, что Борис Тимофеевич Удодов никогда не был ученым, который стремился организационно закрепить в науке свою территорию, обеспе-

чить приоритеты, утвердить свой флаг над определенным направлением мысли. Он принадлежал к тем людям, которые сами по себе являются научной школой, к людям самодостаточным, в большей степени созидающим, чем обеспокоенным тем, чтобы жестко программировать жизнь интеллектуального потомства. Борис Тимофеевич был не из торопливых людей, и в этой его неспешности проглядывало нежелание считаться с бытовым течением жизни, всегда требующей от человека уступать мелочам и забывать о главном. А об этом главном профессор Удодов не забывал никогда. Без суеты и с любовью он нес свою службу богине Филологии, поощряющей благосклонностью людей редко, но зато всегда требующей от них многого.

Сергей Савинков, Андрей Фаустов

* * *

Учительство, в известном смысле, менее всего профессия. Еще с тех стародавних времен, когда Сократ беседовал с учениками, не столь их обучая («что есть что»), сколько просвещая на предмет несводимости представлений о мире к миру как таковому, – есть учителя и Учителя.

Первые учат отвечать на вопросы, вторые возбуждают духовное любопытство. Первые выстраивают бесконечную череду фактов, не ведая о таящемся в них «рисунке смысла». Вторые пробуждают в учениках благодатную «энергию заблуждения» (Л. Толстой), которая волнует ум и сердце, заставляя, подобно барону Мюнхгаузену, вытаскивать самого себя из болота догматических представлений.

Давным-давно, в середине шестидесятых, будучи студентом второго курса филологического факультета, я слушал лекции Бориса Тимофеевича о лирике Пушкина. Впечатление от услышанного было столь ошеломляющим, что я волнуюсь даже сейчас, вспоминая об этом. Ощущения были сродни избавлению от слепоты, духовному прозрению, и яркий свет художественного мира пушкинской поэзии поразил и восхитил меня безмерно. Борис Тимофеевич разворачивал перед нами, несмышлеными, картины образного мира, сотканные из привычных, едва ли не с детства знакомых слов. Он с восхищением первооткрывателя не доказывал, но обнаруживал перед нами (и вместе с нами) «чистейшей прелести чистейший образец» одухотворенной красоты, в которой разум и чувство, соединенные гением, сливались в благозвучные слова.

Он не учил. Он – вел.

У Бориса Тимофеевича среди многих и несомненных достоинств, получивших свое воплощение и в его широко известных печатных трудах, есть некий дар, присущий, как мне думается, ему одному. Это – дар устной речи, или, говоря уместным по случаю юбилея высоким слогом, дар слова изреченного.

Борис Тимофеевич Удодов – удивительный человек. Студент-филолог первого курса, он прошел войну с томиком Лермонтова в вещмешке. И закончив войну лейтенантом – а он, напомним, из того самого, трагического поколения рожден-

ных в 1924-м, едва ли не поголовно выбитого, – стал студентом вновь. И был безмерно счастлив своей молодостью, сознанием того, что он остался жив, что учится снова, что ясен и прозорлив его «ум, алчущий познаний», а здесь – и впереди, и всегда – родная литература, русское слово, прекрасное и неисчерпаемое по смыслу, звучанию и красоте запечатленной. И судьба Лермонтова – поэта-офицера, страждущего и одинокого, не разгаданного в гениальности своей, – так захватила и увлекла его, что стала на долгое время путеводной звездой научного творчества, воплотилась в книги и статьи, не ссылаться на которые в современной науке просто неприлично.

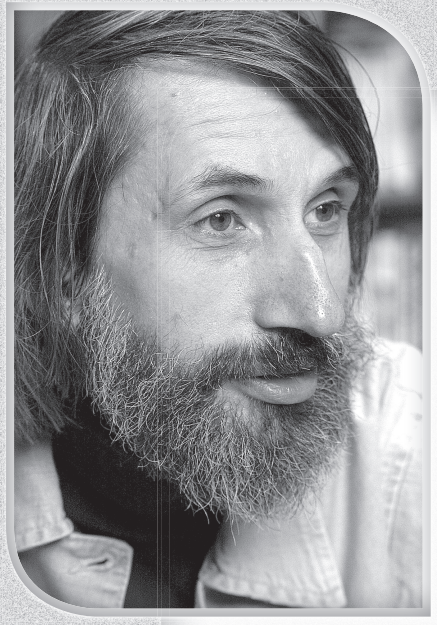
Я человек неверующий, но, как у всякого, наверное, филолога-атеиста, есть у меня и свой Бог. Бог этот – слово, речь. Родная речь. И молитвы:

– во здравие того, кто много лет назад увлек меня в те дивные пространства духа, где всё отданное равно приобретенному, и ощущение это прекрасно;

– в честь того, для кого «самостоянье человека» – не только святая пушкинская заповедь, но и эмблема собственной судьбы, исполненной великих трудов и обретений, сомнений и надежд, неизменно обращенная к судьбам других, ближних и дальних своих; во имя того, кто своим словом утверждает величие, мощь и красоту словесности, возвращая ей годами утраченное – по скудоумию чиновников от литературы – звание «изящной»;

– во славу того, кто вот уже несколько десятилетий своим духовным опытом, наставлением и примером приближает меня неустанно к постижению самой, может быть, сокровенной и глубокой мысли всех времен; мысли, воплощенной в словах столь же первых, сколь и последних: «В начале было Слово».

Из воспоминаний Александра Валагина

Андрей Анатольевич

ФАУСТОВ

(1961 г.р.)

Доктор филологических наук, профессор.

Сфера научных интересов: русская литература первой половины XIX века (в особенности – творчество А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, И. А. Гончарова, Ф. И. Тютчева, А. А. Фета) и начала XX века; теоретические проблемы изучения авторского присутствия в тексте, литературной характерологии, семиотики текста, логики фрагментарности, архетипических аспектов литературного процесса; разработка единого языка для описания культурного пространства, жизнь художника и поэтики его произведения.

Учился на географическом факультете (1978–1981), окончил филологический факультет (1985) Воронежского госуниверситета. С 1988 года – преподаватель, доцент, старший научный сотрудник, профессор, заведующий (с февраля 2008) кафедрой русской литературы ВГУ. Главный редактор журнала «Филологические записки» (с 2004 года).

АНДРЕЙ ФАУСТОВ: ИМЯ И ХАРАКТЕР

Есть фамилии, которые обязывают в силу собственного звучания. И носитель отнюдь не всегда попадает в «номинацию». Мне кажется, Андрей Фустов в нее попадает. Если считать, что Фауст – не утихающая страсть к познанию, то символизм имени (в который я прежде никогда не верила) действительно открывает в герое этого очерка нечто личное, глубоко ему присущее. Нечто, определяющее характер, в котором готовность узнавания, неустанное любопытство ученого соединены с внутренней потребностью и решимостью мыслить. Я думаю, Андрей Анатольевич – в первую очередь тот, кто рискует мыслить и, кажется, пребывает в этом процессе постоянно: не только за условным письменным столом, но и выступая на конференции, читая лекцию студентам, разговаривая с коллегами. В его устных высказываниях, как и в его текстах, есть замечательное сочетание законченности и спонтанности: то, что уже продумано, будто продумывается всякий раз заново – по мере говорения или письма. Наверное, поэтому его так интересно читать и слушать. То, что создается, сколь бы сложно оно ни было, не замкнуто в себе, но открыто воспринимающему, взывая думать дальше.

Было бы не просто очертить круг интересов и тем фаустовского творчества. Он очень широк по материалу, который не ограничивается литературой, но включает в себя огромную историю идей: философских, психологических, исторических, естественнонаучных и т. д. (При этом, если А.А. берется за что-нибудь новое, то стремится к исчерпывающему охвату: даже если речь идет об авторе третьестепенном и мучительно-плодовитом, исследователь, как Собакевич в отношении «рыбешки», должен «доехать» этого автора «всего», до конца: все «тома», все письма, наброски и проч.) Но меня лично еще более впечатляет глубина погружения: читая или слушая

А.А., ты как-то незаметно оказываешься на уровне атомов текста, его первичных, трудноуловимых и универсальных структур.

«Маленький человек: эпизоды биографии», «Из истории обыкновенных людей и обыкновенного», «К семиотике зевания: Гончаров на фоне Пушкина», «Субъект и мир в лермонтовском “Парусе”», «Поэзия и игра: самоидентификация субъекта в русской лирике», «Наследники, избранники, посвященные и плагиаторы: культурно-семиотическая динамика от Пушкина к Ф. Сологубу». Создаваемая в этих и других работах характерология русской литературы обладает особым объемом и многослойностью, будучи построена на множестве координат. Исторический обзор здесь органично переходит в семиотический анализ, который замечательно контактирует с разного рода стратегиями, включаясь в культурно-типологические, философские, мифологические, психоаналитические и другие контексты. Описываемое таким образом «я» русской словесности предстает в своей удивительной глубине и динамике.

Может быть, с этим фаустовским универсализмом и интеллектуальной открытостью связано не вполне очевидное для меня счастливое сочетание: человек, склонный к уединенному труду, к вынашиванию и пестованию оригинальных идей, оказывается по-настоящему встроенным в университетскую жизнь, воспринимая ее столь же лично, как и собственное творчество. Как известно, власть может испортить кого угодно. Но, вероятно, у Андрея Анатольевича есть какое-то противоядие, ибо та атмосфера, которую я застаю, приезжая на ежегодные проводимые им конференции, говорит сама за себя.

В Воронежском университете на кафедре, которой руководит Фаустов, чувствуются жизнь и свобода, и даже – давно забытый дух «веселой науки». (Кстати, «весело» – одно из любимых слов А.А., не случайно он любит философию). Чувствуется, что и он, и его весьма замечательные коллеги и аспиранты выложились на полную катушку, и при этом ухитрились не растратить увлечения тем, что они делают. Тот же дух бывает и на самих конференциях: здесь ничего не хочется пропускать, несмотря на беспощадные спинки стульев в аудитории. Знаешь, что даже если разочарует доклад, вокруг него непременно возникнет любопытный разговор и прозвучит комментарий А.А., обладающий свойством придавать идеям масштаб.

Мне приходится также сталкиваться с Фаустовым – главным редактором «Филологических записок» и издателем больших томов «Универсалий», в которые входят и материалы конференции, и статьи, присылаемые учеными со всего света. С каким же азартом он каждый год подбирает и обсуждает обложку! И при этом прочитывает и редактирует несколько сотен страниц, не жалея глаз и не страшась рутинной правки. Фаустов шутит, что просто всякий раз, сосредотачиваясь на чем-то, с неизбежностью увлекается, будь то сноски, отчеты или бесконечное составление программ. Наблюдая широкое поле издательской деятельности А.А, я всегда задаюсь простым вопросом, как он всё это успевает, читая множество курсов, ведя аспирантов и регулярно создавая новые тексты

и новые проекты. (Количество монографий у него приближается к десятку, а статей на разных языках более двухсот). Возможно, здесь как раз применима любимая им категория характера в ее старинном изводе – характера как дара, особого типа энергии и интеллекта.

Ольга Сконечная

Человек с проницательно умными глазами

Андрей Анатольевич Фаустов. Официальный статус – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской литературы Воронежского университета (а теперь – кафедры истории и типологии русской и зарубежной литературы: времена меняются быстро). Если попытаться сконструировать его общественный портрет, то выглядеть он будет примерно так. Андрей Анатольевич – человек выдающийся со всех точек зрения, и прежде всего, конечно, с точки зрения ума. Все знают о том, что Фаустов – человек ученый, что он ходячая энциклопедия, что он пишет очень заумные книги, осилить которые по плечу далеко не каждому. Все знают, что он не только ученый, но и замечательный деятель науки: он организует настоящие международные конференции и по их итогам выпускает по-настоящему широко известные научные труды. Все знают его и как редактора, сумевшего «Филологическим запискам» придать репутацию одного из самых авторитетных изданий по филологии.

Студенты знают его как блестящего лектора, коллеги по кафедре – как ответственного и надежного заведующего. Я тоже всё это знаю, но знаю, может быть, чуть-чуть иначе. Мы дружим уже очень долго: от того жизненного рубежа, когда смотрят вперед, до того, когда начинают оглядываться назад.

Как и все, я ценю ум Андрея, но с близкого расстояния, может быть, вижу его некоторые другие грани. Андрей наделен умом, отличающимся какой-то особой умудренностью. Он и понимает всё и сразу, и оценивает всё и сразу, и делает это всегда с присущим глубокому уму доброжелательным тактом. Я очень хорошо понимаю жену Андрея, которая как-то обмолвилась, что главным аргументом для ее несомненного ответного «да» стали проницательно умные глаза ее будущего мужа.

Я вижу Андрея и в статусе сына, и в статусе отца. Я вижу, с какой исполненной страхом и трепетом заботой он ухаживает за своим престарелым отцом и с какой трогательно-нежной любовью он думает о настоящем и будущем своих детей – дочери и сына.

Я знаю Андрея и как человека, умеющего быть озорно остроумным. В эти минуты ты и сам вдруг настраиваешься на его вольную волну и испытываешь ту самую легкость бытия, без которой невозможны ощущения радости и счастья.

Сергей Савинков

Светлана Николаевна

ФИЛЮШКИНА

(1936 г.р.)

Доктор филологических наук, профессор, член Союза журналистов СССР.

Сфера научных интересов: литература Великобритании, особенно английский роман XX века; проблема автора и повествовательной формы в классическом современном романе; проблемы сравнительного изучения литературы, жанровых модификаций массовой литературы.

Окончила филологическое отделение историко-филологического факультета Воронежского госуниверситета (1959). Литературный сотрудник газеты «Молодой Коммунар» (1959–1962). С 1962 года – преподаватель, старший преподаватель, доцент, профессор, заведующая (с 1990) кафедрой зарубежной литературы ВГУ. Член Европейской ассоциации англистов. Печатала стихи в местной периодике и коллективных сборниках. Публиковалась в альманахе «Литературный Воронеж», журналах «Подъем», «Детская литература», «Русская словесность», в «Литературной газете».

СЛОВО О ЗАРУБЕЖНИКЕ

В начале была… книга. И эта книга – первая страница истории про Свету и Слово.

Книга «постарела»: страницы истрепались и пожелтели.

Света помудрела: превратилась в профессора, известного зарубежника.

Но любовь к Слову осталась и определила судьбу Светланы Николаевны Филюшкиной:

– Может, история аргонавтов, которые отправились на поиски Золотого руна, и есть причина моей тяги к зарубежной литературе. С этой книгой вообще много связано. Видите надпись:

«Светику в память о разбитой чашке. 1941 год. 14 ноября. Курнаевка. Мама.»

Книгу купили в эвакуации. Не помню этого, но, видимо, в дороге разбилась чашка, которую везли из родного Воронежа, я плакала. Вот мама и нашла утешение. Все страницы разрисованы. Мои первые художества, надписи «ха-ра-шо», «ба-ба». А это я училась писать букву «б». Бумаги в те годы не было – война.

* * *

Когда Светлана Николаевна вспоминает о военном детстве, ей не сразу веришь. Кажется, что она пересказывает прочитанную где-то историю, сценарий для фильма.

Тем, кто далек от 1941 года, кажется, что нельзя рисовать в книжке забавные рожицы, когда на месте твоего дома остается только обгоревшая кроватка. И уж сосем невероятно праздновать Новый год, только что вернувшись из эвакуации:

– Мою маму – агронома, отправили в Карасевку недалеко от Анны. Тридцать первого декабря она пошла в лес и срубила не-

большую сосенку. А потом принесла из директорского корпуса винные этикетки «Крепкое красное» и «Крепкое белое». Из этих этикеток мы сделали флажки, ими деревце и наряжали.

Жили в сторожке. Сторож, подобострастный старик, величал меня «барышней». Я оскорблялась – с барами не хотела иметь ничего общего. Голодали поначалу. Мама падала в обмороки от недоедания, хотя на руках у нее были ключи от всех кладовых. Об этом узнал директор завода:

– Что же ты не берешь запасы? Бери, жри!

И мы стали брать гнилую картошку, которой кормили поросят. Была и другая – семенная, отборная. Но ее мы не трогали. Знали: это для Победы. Весной уже посадили свой огород. Маму даже премировали поросенком. Его она, как ребенка, принесла, прижимая к груди.

Полуголодное детство и книжка с мифами Древней Греции словно детальки разных пазлов. Но в одну картинку они все-таки складываются. В других условиях не мог сформироваться характер Филюшкиной. Чтобы стать КЕМ-ТО, мало любить Слово. Надо быть бойцом – в меру упрямым, не в меру самостоятельным. Свете хватало и того, и другого. В восемь лет она сама себя отдала в школу:

– Пришла и говорю: «Запишите меня во второй класс».

– Почему во второй?

– Так я уже прочитала «Герой нашего времени» и второй том «Войны и мира».

В школу меня приняли, но мне там было невыносимо скучно. Поздней осенью, когда пришли холода, я села дома – нечего было обуть. Правда, по воскресеньям со мной занималась учительница, а мама написала таблицу умножения. Так и училась.

Когда папа пришел с войны, мы вернулись в Воронеж. В детском коллективе я приживалась плохо: говорила глупости, терялась. К тому же постоянно болела, и мама забрала меня из школы на целый год. Я вернулась в восьмой класс. Все ребята уже были комсомольцами. Ко мне подошла классная руководительница:

– Будешь вступать?

А я спросила:

– Почему всех подряд принимают в комсомол?

– Может, ты вообще против этого?

Я взвилась. Пришла домой и заявила: «При ней вступать не буду». Отношения с учительницей не сложились. Она про меня говорила: «Ты вообще анти». Не без ее участия на отца написали донос – Филюшкин плохо воспитывает дочь. Но в то время умер Сталин, и разбирательства затевать не стали, не до того было. Я снова сменила школу – пошла в тридцать седьмую. Ее и закончила. Уже комсомолкой.

* * *

Любовь к Слову привела Свету Филюшкину прямо к дверям филологического факультета. А на филфаке царит дух творчества, и каждый второй – поэт. Но Свете, которая тоже писала стихи, поначалу отравляла жизнь лингвистика:

– В первый день подумала: «Куда я попала?» Помню, как выводила в лекционной тетради: «Четыре часа старославянского. Еще два часа. За что?» Сразу стало понятно, что я литератор, а не лингвист. На втором курсе написала доклад о Байроне и Пушкине. Алла Борисовна Ботникова – мой научный руководитель и наставник – работу одобрила. Думала, что буду заниматься этой темой дальше. Но мне в руки попал роман «Тихий американец». И я заболела Грэмом Грином. Ездила в Москву, чтобы читать его в подлиннике, конспектировала романы, пересказывала Алле Борисовне. В итоге – выдохлась. Дипломную работу сдала, когда половина курса уже защитилась. Каждую фразу полчаса сочиняла.

Выпускников филфака поделили на учителей и журналистов. Творческая Света Филюшкина оказалась во второй группе, попала в «Молодой коммунар». Ходила в поэтах:

– Ко Дню весны и труда я сочинила репортаж в стихах. Мой герой Первомай ходил по улочкам, встречал коллег из других отделов, изучал жизнь города. В этой форме – доступной и близкой мне – стала писать постоянно. Как-то пришла на швейную фабрику, познакомилась с работницей Галей Константиновой. Так же звали мою двоюродную сестру, которая погибла на войне. Я эту встречу обыграла, соединила эпохи.

Мне доверяли праздничную полосу. В то время гремело имя ударницы Галины Далинюк. К седьмому ноября у меня вышла заметулька про паренька, который хочет ей подражать. Колонка была узкая, много переносов. Допустили опечатку: «Он собирается быть таким же “кукурузово-…” И на другой строчке “ром”».

За «кукурузного вора» досталось на орехи всем. В обкоме комсомола выговор Свете не объявили, но хором сказали: «Наказать надо!»

– Я потом отомстила, – смеется Филюшкина. – Создала образ отрицательного комсомольского руководителя – тоже в стихах. Был у нас некий Павлов. Он всегда звонил в газету и гаркал: «Кто?» Надо было назвать имя, но я спокойно отвечала: «Редакция». И так раз пять, пока трубка не раскалится:

– Кто?

– Редакция.

Я и написала: «Громко трубка рявкнет: “Кто?”» Павлова все, конечно, узнали. Но я заявила: «Это не карикатура, а обобщенный образ».

«Хулиганство» сошло Свете с рук. Перед выпуском стихотворение не прочитали – увидели фамилию автора и успокоились. Вот что значит репутация.

А потом разборок затевать не стали. Неглупый Павлов понял: лучше сделать вид, что ничего не произошло. Вот что значит достоверный образ.

* * *

Филюшкина-ученый не победил Филюшкину-поэта, потому что «сражения не было». Противники оказались неравными: научное Слово легко перевесило тягу к литературным формам:

– Давайте договоримся: я все-таки не поэт. Просто у меня есть несколько удачных стихов. Сейчас каждый рад объявить себя творцом. Читаю «Литературную газету» – целая полоса одинаковых строчек, рифм. Раньше каждый стремился к индивидуальности. Какие Дни поэзии мы устраивали! Эти ежегодные литературные встречи есть и сейчас. Только я на них не хожу.

Поэтический сборник у Светы так и не вышел – его надо было «пробивать». Зато вышла диссертация. Конечно, можно было защититься в Воронеже. Но проторенные пути не для борцов. И капризное Слово не прощает небрежного отношения – писать нужно о том, что действительно интересно.

А Светлану Николаевну по-прежнему интересовал Грин:

– Я в то время прочитала книгу Валентины Ивашовой «Английский роман». И поехала к автору в МГУ советоваться: могу ли я писать диссертацию о Грине. Валентина Васильевна отнеслась ко мне внимательно, объяснила: в Воронеже заниматься этой темой не получится. Я заявила: «Или буду писать о Грине, или вообще не буду писать».

Сейчас профессор Филюшкина смягчает акценты: мол, в этой фразе много категоричности, ненужного максимализма. Думается, лукавит. Иначе поступить она вряд ли могла. Борцы не живут наполовину и ничего не боятся.

Света рискнула перейти из «Коммунара» в ВГУ с нагрузкой в 269 лекционных часов. Не сломалась, когда после живой газетной работы окунулась в преподавательскую рутину: до пяти утра готовишься к занятию, в восемь читаешь лекцию. Не испугалась возглавить кафедру после своей наставницы:

– Я просто сказала себе: второй Аллы Борисовны Ботниковой нет.

И стала первой Светланой Николаевной Филюшкиной.

* * *

Квартиру Светлана Николаевна делит с таким количеством соседей, что жителям «коммуналки» и не снилось. В ее «однушке» хозяйничают книги. Художественные и научные. Старые и пахнущие типографской краской. Отдельно стоят учебники, которые написал сын.

В комнате нас двое, но, кажется, что есть и третий собеседник – Саша Филюшкин. Сын смотрит с фотографий, улыбается с афиши, висящей над кроватью. Называть известного ученого по имени мне неловко, но в материнском «Саша» столько нежной гордости, что и мне незнакомый историк кажется чуточку родным:

– Это мои книги. А это труды Саши. Их, конечно, больше… Сын инициативный, сейчас продвигает идею разделения историков по профилям. Хочет, чтобы по-разному готовили узких специалистов: учителей, археологов, работников музеев…

Светлана Николаевна не мамаша, но мать. Никаких превосходных степеней, только аргументы, только уважение к другому талантливому ученому.

Очевидно, роман со Словом у Саши начался не без материнского участия. А потом сын скрепил себя брачными узами с наукой и переехал в Петербург. Там возможностей высказаться больше. Обрученная с ВГУ Светлана Николаевна осталась коротать дни с сожителями-книгами.

Правда, тосковать ей некогда: много пишет и по-прежнему преподает.

– Иногда меня упрекают: «Надо было сосредоточиться на творчестве, литературной критике, а вы ударились в преподавание». Но мне сейчас критиковать трудно. Я плохо разбираюсь в книжных новинках, не всё принимаю. И современное литературоведение не люблю. Оно перенасыщено зарубежными терминами. Но если красивые словечки перевести на русский язык, выясняется, что всё это мы уже знаем. «Одежка» другая, но за ней ничего не стоит.

А я очень трепетно отношусь к Слову. Каждый день думаю: «Как это Слово прочувствовать?» Напишешь что-то, перечитаешь и понимаешь: не то. Почему сразу этого не поняла? Еще труднее заставить почувствовать Слово других.

Но преподаватель должен это уметь. На студентов я не жалуюсь, они ребята талантливые. Одно плохо: много списывают с интернета, а я на Википедию не надеюсь. На своих занятиях учу ребят мыслить творчески. Мы и анализируем произведения, и сами пишем. Недавно разбирали рассказ Борхеса «Хлеб». Это история супругов, проживших вместе сорок лет. Голодные годы. Однажды ночью жена просыпается от шума на кухне – муж отрезает себе лишний кусок хлеба. Нужно прочувствовать переживания героев. Она не хочет уличить любимого, который боится смотреть ей в глаза. А следующим вечером от своей доли хлеба отказывается.

Вдруг слышу в аудитории в аудитории смех. Ребята стали отпускать шуточки о семейных отношениях. Я промолчала, а на следующем занятии говорю:

– Вы стали смеяться, потому что не голодали. И это хорошо. Вы не знаете, каково делить поросячью картошку. Каково, когда плачет сестра, потому что лишний кусок отдают тебе – самой маленькой и слабой.

Ребята стали оправдываться. Мы объяснились, помирились. Теперь они будут писать сочинение. И моя задача – каждого похвалить. Сказать правду, но не обидеть.

Мне Валентина Васильевна Ивашова – женщина резкая – иногда заявляла: «Плохо ты стала писать». Некоторых такая критика убивает. А я злюсь и говорю: «Докажу!»

Светлана Николаевна всем уже доказала, что она одаренный ученый и педагог. Что же теперь, остановиться? Но она, неутомимая бунтарка, вечно в творческом поиске. И каждый день доказывает что-то важное самой себе. Листает странички «Золотого руна», продолжает работать со Словом.

Мария Репина

Михаил Семенович

ЦВЕТ

(1872–1919)

Доктор ботаники, профессор.

Открыл явление хроматографии.

Окончил физико-математический факультет Женевского (Швейцария) университета (1896). С 1897 года научный сотрудник биологической лаборатории П. Ф. Лесгафта в Санкт-Петербурге, одновременно преподаватель ботаники на курсах воспитательниц и руководительниц физического образования. С 1901 года ассистент кафедры анатомии и физиологии растений Варшавского университета, с 1908 года профессор ботаники и микробиологии Варшавского политехнического института. Член Петербуржского общества естествоиспытателей. С 1917 года профессор кафедры ботаники и директор Ботанического сада Юрьевского университета. С 1918 года профессор Воронежского госуниверситета. В ВГУ приехал в составе ученых и преподавателей Юрьевского университета в 1918 году.

ПЕРВООТКРЫВАТЕЛЬ ХРОМАТОГРАФИИ

Среди выдающихся ученых, приехавших в Воронеж из Юрьева, особое место занимает Михаил Семенович Цвет, который известен как ботаник, физиолог и биохимик растений, создатель метода хроматографического анализа, ставшего впоследствии предтечей новой междисциплинарной науки «Хроматография».

Жизненный путь этого великого ученого был тернист, необычен и наполнен драматическими коллизиями. Некоторая определенность национального происхождения (отец Семен Николаевич Цвет, управляющий Каменец-Подольской казенной палаты, – русский; мать Мария Николаевна де-Дороцца – итальянка, родившаяся в турецком городе Кютафья).

Смерть матери после родов – первый факт роковых для Михаила Семеновича событий в его жизни.

Второе обстоятельство, не позволившее полностью реализовать М. С. Цвету свои интеллектуальные задатки и возможности, – слабое здоровье и постоянные скитания (вплоть до своей женитьбы на Елене Александровне Трусевич в 1907 году Михаил Семенович не имел квартиры и ночевал на лабораторном столе). А ведь к этому времени Цвет уже имел звание приват-доцента, был известен в кругах Европы и России как автор «метода адсорбционного анализа» и был награжден Орденом Святого Станислава III степени).

Третий фактор – неблагожелательность многих иностранных и отечественных коллег по научному цеху, их людская зависть и недобросовестность в признании заслуг Михаила Семеновича (здесь уместно вспомнить отношение к научным данным Цвета и созданного им хроматографического метода глав немецкой химической школы Р. Вильштеттера, Г. Рейнбольда, Ф. М. Шартца, Т. Липмаа, Л. Марчевского).

В России эстафету отрицательного отношения к Цвету от Н. А. Монтеверде и В. К. Залесского принял К. А. Тимирязев, не веривший в существование двух форм хлороформа.

Четвертое обстоятельство, сыгравшее роковую роль в жизни М. С. Цвета, – война и две революции (вынужденные переезды вместе с женой в период с 1 августа 1914 года по 31 августа 1918 года: Австрия – Смоленск – Варшава – Москва – Нижний Новгород – Беслан – Юрьев – Воронеж).

Умер Михаил Семенович Цвет в расцвете своих творческих сил, в возрасте 47 лет, в Воронеже. Этому трагическому событию предшествовали тяжелые для семьи Цвета месяцы, потраченные на то, чтобы хоть как-то благоустроиться в незнакомом городе.

Следует отметить, что для Воронежа 1918–1919 годы были трудными временами. Накануне прибытия в наш город первого эшелона с эвакуированными из Юрьева преподавателями и студентами территория Воронежской губернии была очищена от кайзеровских войск. Однако одновременно с этим началось наступление белогвардейцев генерала П. Н. Краснова, что привело к окружению Воронежа. Несмотря на трудные условия Гражданской войны, местные и центральные правительственные органы Советской Республики старались содействовать устройству на новом месте как университета, так и его преподавателей.

В размещении и создании приемлемых условий прибывших из Тарту сотрудников университета приняли участие и жители города. Цвету и его жене предоставил комнату во флигеле своего двухэтажного дома № 18 по улице Батуринской (прежде Халютинской) преподаватель Зооветеринарного института (впоследствии профессор ВГУ) Алексей Иванович Веревкин.

Следует напомнить, что Михаил Семенович никогда не отличался богатырским здоровьем. Напряженный труд в неблагоприятных материальных условиях в течение многих лет, полная отдача всех сил любимому делу по разработке и совершенствованию основ науки «Хроматография», большая педагогическая нагрузка привели к резкому ухудшению здоровья по прибытии в Воронеж. Михаил Семенович в 1911 году перенес операцию по удалению аденоидов, потерял много крови, что в дальнейшем привело к декомпенсированному пороку сердца (по свидетельству профессора медфакультета университета И. В. Георгиевского).

Между семьей А. И. Веревкина и Цветами сложились теплые, дружественные отношения. Хозяин, его жена и дочь всячески старались помочь приезжим на новом месте. Несмотря на свою болезнь и плохое самочувствие, Михаил Семенович включился в работу по организации учебного процесса и по устройству кафедры. Но положение Михаила Семеновича осложнялось тем, что от дома Веревкиных к университету он мог добираться только пешком из-за отсутствия какого-либо транспорта. Слабое сердце не позволяло ученому идти на работу через весь город. На обращение Цвета в Правление университета с просьбой «отвести временно для проживания две маленькие комнатки» в заведуемом им Ботаническом институте. Ответа не было в течение нескольких месяцев. Подобная черствость и безде-

ятельность администрации не позволили Михаилу Семеновичу вовремя приступить к проведению учебных занятий. В связи с этим ему перестали выплачивать жалование, как тогда поступали с людьми, саботирующими выполнение своих обязанностей. И только после обращения Цвета в Комиссариат народного просвещения ему стали выплачивать зарплату и был решен вопрос с проживанием в здании Ботанического института. Можно полагать, что подобная коллизия стоила ученому здоровья…

…К 1917 году о предложенном им хроматографическом методе знали известные ученые как по публикациям (более 50 статей), так и по материалам, представляемым в различные российские университеты для участия в конкурсах на замещение вакантных должностей, а также по выступлениям Цвета на Симпозиумах и Менделеевских Съездах по химии и физике. Весьма лестная оценка об открытии и научном предвидении Михаила Семеновича была дана академиком А. С. Фаминцыным (1910), известными учеными в области химии и биологии Д. И. Ивановским (1917), И. П. Бородиным (1910), В. Ф. Хмелевским (1910), В. В. Куриловым (1911), Б. Б. Гриневецким (1916), Ф. Чанеком (1913), Н. В. Любименко (1916, 1935) и др.

На научные труды Цвета ссылались и недавние оппоненты Л. Мархлевский, Р. Вильштеттер, Н. А. Монтеверде, А. Столль. Поэтому вполне обоснованным стал факт представления Корнелиусом-Ван-Висселингом (Нидерланды) кандидатуры М. С. Цвета соискателем на Нобелевскую премию, (в Стокгольме в 1917 году возобновил работу Нобелевский Комитет по химии). Из 24 представленных кандидатов 15 были сняты из-за несоблюдения формальных требований. Среди оставшихся был Михаил Семенович, кандидатуру которого представлял биохимик О. Хаммаратен. Член Комитета отметил разработку Цветом хроматографического анализа как «самого оригинального метода и самого значительного вклада метода в науку». Хаммартеном было правильно определено то место, которое установлено хроматографии в мировой науке, но Комитет не мог руководствоваться успехами в перспективе (по завещанию А. Нобеля его премией отмечаются работы, выполненные или в текущем году, или старые работы, важность которых была доказана в текущем году). Это явилось первой причиной отказа Михаилу Семеновичу в звании Нобелевского лауреата. Второй причиной было присуждение Нобелевской премии по химии в 1915 году Вильштеттеру именно за исследования хлорофилла с использованием хроматографического метода, открытого и предложенного русским ученым.

Еще в 1901 году в Петербурге на XI Съезде естествоиспытателей и врачей и повторно в 1903 году в Варшавском Обществе естествоиспытателей (официальная дата открытия хроматографии) за несколько лет до Вильштеттера, Цвет доказал и эффективность открытого им метода и наличие в хлорофилле нескольких окрашенных компонентов. Фактически даже в 1912 году и до 1932 года при полном признании неоспоримости вывода Цвета о наличии двух форм хролофилла

Р. Вильштеттер и другие представители немецкой школы химиков не дали хроматографическому методу русского ученого должной оценки, а если его и цитировали, то чаще всего с критических позиций, не считая возможным, чтобы ботаник был химиком-профессионалом.

Исходя из упомянутой выше первой причины отказа М. С. Цвету в звании нобелевского лауреата, аналогичная судьба постигла таких выдающихся химиков, как Д. И. Менделеев, С. Канницаро, М. Бертло, которые выдвигались почти ежегодно, но Нобелевский комитет их отклонял, так как их открытия были признаны задолго до 1901 года – до начала награждения премиями. Можно считать, что если бы жизнь Михаила Семеновича не оборвалась так рано, то самое большое через полтора десятка лет он стал бы нобелевским лауреатом, так как в 30-е годы XX века было доказано величие предложенного хроматографического метода, за успешное использование которого стали нобелевскими лауреатами П. Каррер (1937 год; исследование витамина А и В, каротиноидов и флавинов); Р. Кун (1938 год; изучение витаминов и каротиноидов); Л. С. Ружичка (1939 год; работы по высшим терпенам и полиметиленам); А. Ф. Бутенандт (1939 год; установление состава половых гормонов).

А в 1918 году на заключительном заседании Нобелевского комитета предпочтение было отдано немецкому химику Ф. Габеру за синтез искусственного аммиака. Не будет лишним отметить, что Габер являлся создателем отравляющего газа, который в Первую мировую войну Германия использовала против Франции, России, Бельгии и других стран.

Вплоть до 80-х годов в научных кругах зарубежных стран и России бытовало мнение, что при жизни М. С. Цвета и вплоть до 1936 года его работы были малоизвестны. Но факты говорят об обратном. Только из-за многолетней дискредитации или полного замалчивания метода Цвета Р. Вильштеттером и другими химиками (в том числе немецкими) в 20–30-е годы прошлого столетия сложилось мнение о мизерном вкладе российского ученого в появлении науки «Хроматография». И только благодаря изданию первой монографии «Хроматографический адсорбционный метод» в 1937 году Л. Цехмейстера и Л. Чолноки метод Цвета был признан.

Уже к началу 1950-х годов в потоке публикаций по хроматографии стали издаваться монографии и тематические сборники, посвященные различным видам хроматографических систем. Согласно Я. И. Яшину (1994 год), к началу 1990-х годов ежегодно стало появляться более 1200 публикаций (общее число около 300 тысяч названий) по хроматографии. В настоящее время (в том числе и в России) 70 % всех видов анализа выполняется с использованием хроматографических методов.

В чем же проявилась привлекательность нового метода, предложенного Михаилом Семеновичем? Во-первых, сам хроматографический метод, по определению академика Юрия Александровича Золотова, – это гибридный метод, сочета-

ющий в себе одновременно и возможности проведения анализа, и возможности осуществления выделения, разделения и концентрирования веществ. Во-вторых, помимо фронтальной хроматографии (при которой анализируемая смесь непрерывно подается на колонку с сорбентом без дополнительной подвижной фазы), Цвет впервые использовал прием, называемый теперь проявительной хроматографией (промывка колонки через первично полученную хроматограмму чистым растворителем).

Примечательно, что об аналогичных опытах, представленных русским ученым в 1903 году, шведский химик А. Тизелиус сообщил в 1940 году, после чего десятки зарубежных авторов несправедливо стали именовать Тизелиуса первооткрывателем этих видов хроматографии. Вообще-то, подобная недобросовестность зарубежных ученых по отношению к их российским коллегам наблюдается довольно часто. Основы вытеснительной хроматографии, предложенные М. С. Цветом в 1910 году (вытеснительная десорбция с помощью активно сорбирующихся элюентов) и повторенные в 1943 году А. Тизелиусом, связывают за рубежом с именем последнего. В этом ряду следует отметить также бумажную хроматографию, которую Михаил Семенович использовал при капиллярном и капельном анализе. При этом он представил теоретические расчеты миграции сорбата в адсорбенте и установил, что природа растворителя и его миграция идентичны процессам расслоения и в колонке, и в слое бумаги. Однако метод бумажной хроматографии приписывается в зарубежных изданиях А. Д. Мартину и Р. Л. М. Сингу, работавшим по данной проблеме в сороковых годах.

Теоретические выкладки М. С. Цвета (1910) по занесению воды «в число жидких адсорбентов», а также по возможности диссоциации «полярной адсорбции» за счет взаимодействия противоположно заряженных частиц (т. е. ионов) положили начало ионообменной хроматографии (Г. Шваб, 1937–1940). К середине 1940 годов ионный обмен уже был использован весьма успешно в двух атомных проектах (США и СССР) при выделении урана из руды.

Особое место в становлении хроматографии как науки (т. е. теоретических основ хроматографии) занимают исследования Цвета по установлению адсорбционных рядов и адсорбционно-десорбционого обмена. Это позволило использовать открытый им динамический процесс десорбции как для разработки новых методических приемов, так и для внесения поправок в формулировки и теоретические расчеты, которые имелись у химиков и физиков, изучавших адсорбцию в статических условиях. Он, дополнительно к вышесказанному, впервые установил, что в хлорофилл-белковом комплексе зеленый пигмент связан с протеиновыми веществами.

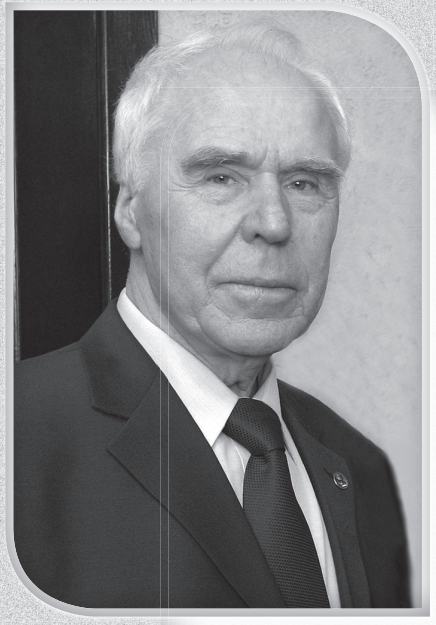
О незаурядных физико-химических знаниях Цвета, высочайшей оценке проведенных им многолетних исследований по выявлению природы веществ, находящихся в живой клетке, говорил нобелевский лауреат Р. Л. М. Синг: «Цвет был таким же хорошим физико-химиком, как и настоящим ботаником, когда он вы-

двинул ясные идеи о принципах и механизмах хроматографии». Исходя из современных представлений, именно Михаил Семенович является первооткрывателем метода хроматографии и основоположником науки о ней без всяких намеков на биологическое образование. Согласно мнению академика РАН Ю. А. Золотова, современная терминология подразумевает под хроматографией четыре понятия: наука, процесс, явление и метод:

Хроматография – 1) наука о межмолекулярных взаимодействиях и переносе молекул или частиц в системе несмешивающихся и движущихся относительно друг друга фаз; 2) процесс дифференцированного многократного перераспределения веществ или частиц между несмешивающимися и движущимися относительно друг друга фазами, приводящих к обособлению концентрационных зон индивидуальных компонентов исходных смесей этих веществ или частиц; 3) явление природы, при котором наблюдается образование концентрационных зон на неподвижной фазе при движении вдоль нее второй фазы со смесью веществ (М. С. Вигдергауз, 1978; Я. Янак 1984; В. Г. Березки, 1999); 4) метод разделения смесей веществ или частиц, основанный на различии в скоростях их перемещения в системе несмешивающихся и движущихся относительно друг друга фаз. Все эти трактовки имели место в трудах М. С. Цвета с различной глубиной проникновения в их суть (Е. М. Сенчекова, 2000).

Плодотворные идеи Михаила Семеновича, которые перешагнули многие десятилетия, сохраняют и теперь должное, достойное место в науке, несмотря на громадный прогресс хроматографии во всех ее ипостасях в начале второго века своего существования. Имя М. С. Цвета включено в число десяти крупнейших ученых-химиков XX столетия (по Ю. А. Золотову, 1995).

Владимир Селеменев

Николай Михайлович

ЧЕРНЫШОВ

(1932–2017)

Доктор геолого-минералогических наук, профессор, член-корреспондент РАН, заслуженный деятель науки РФ.

Научная деятельность: фундаментальные исследования по геологии, петрологии и металлогении раннего докембрия Центральной России. Научное обоснование наличия и последующее открытие в Центре России ряда платиноидно-медно-никелевых и золото-платинометалльных месторождений. Фундаментальные исследования медно-никелевых и платинометальных рудномагматических систем (РМС), создание геолого-генетических моделей их формирования, эволюции и степени продуктивности.

Окончил геологический факультет Воронежского госуниверситета (1955). В 1955–1958 годах старший геолог треста «Армцветметразведка» (Армянская ССР). С 1958 года ассистент, доцент, профессор, заведующий (с 1968) кафедрой минералогии и петрологии Воронежского государственного университета.

ЧЕЛОВЕК-КЛАД

Как теперь он сам вспоминает, геологом он стал на третьем курсе университета, будучи на практике в Уссурийской тайге. Был там один эпизод… Или эпопея… Даже не знаю, как сказать. В общем, будущему членкору Академии наук, а тогда 21-летнему студенту Николаю Чернышову, выпало пройти по тайге 14-дневный маршрут. Из лагеря на базу и обратно. В одиночку. Собака, ружье, рюкзак с вещами плюс рюкзак с найденными по пути минералами. Камнями.

Не был студент Чернышов городским хлюпиком, вполне себе здоровый парень, спортсмен, лыжник, пловец, а вот, надо же, когда двинулся в этот маршрут, мелькнула у него мысль: все-таки зря я, наверное, на геофак поступил.

А вот когда всё закончилось… «Тогда пришло, – как говорит сейчас мне Николай Михайлович, – знаете, есть такое ощущение – мужика. Я понял, что могу, наверное, всё. Я могу один спать в тайге. Могу один ходить куда угодно. Могу обеспечивать себя едой: заколол красную рыбу и сварил ее».

И хоть похудел в том походе студент на четырнадцать килограммов, однако вернулся из него с убеждением, что геология – занятие для него, Николая Чернышова.

Это теперь слова «геология» и «Чернышов» – почти синонимы. А ведь в 1950 году он поступил на геологический факультет Воронежского университета, можно сказать, случайно. Закончил Чуевскую (Добринскую) школу-интернат, что в Липецкой области, почти круглым отличником. Перечитал всё, что было в школьной библиотеке, в сельской библиотеке. Классику, советских писателей – само собой. А еще тогда, в конце 40-х, выпускалось множество научно-популярных брошюр – по физике, биологии, астрономии и т. д. И их Чернышов читал запоем – интересно было всё.

«У меня очень сильно шли физика и математика, – рассказывает Николай Михайлович. – Школьные педагоги ориентировали на инженерную специальность». И было у него после школы желание поехать поступать либо в Казанский, либо в Харьковский авиационный институт. Поехал в Харьковский, а остался в Воронеже.

Ехал с другом, который учился в Харькове. Навестил друзей в ВГУ. Николай Чернышов зашел с ним за компанию, прочитал все объявления о приеме. Его заинтересовала фигура Митрофана Степановича Точилина – декана геофака. А Точилина заинтересовал любознательный выпускник. И Чернышов подал документы на геологический.

Случай? Несомненно. Но чем случай отличается от судьбы – кто знает?

Да и случай тот имел под собой, говорит сейчас Чернышов, какую-то базу. Он ведь не только о физике читал много, но и о геологии. Имел, в общем, представление о том, чем придется заниматься.

А еще он дал себе слово ни в коем случае не возвращаться туда, откуда приехал: нищета, убогость, разруха послевоенного деревенского существования не способствовали сохранению теплых чувств к малой родине.

Он здорово учился, на третьем курсе стал сталинским стипендиатом. В ту пору вообще хорошо учиться было, как выразились бы сейчас, престижно. Люди, пережившие страшную войну, голод 1946–1947 годов, четко знали, чего они хотят. Студент Чернышов пропадал в университете с восьми утра до одиннадцати вечера. («Ну, только если не надо было бежать на тренировку, – говорит мне Николай Михайлович, – тренировка – это святое».)

Впрочем, усердное отношение к делу касалось не только Чернышова, и не только студентов. На их глазах воронежцы в считанные годы восстановили разрушенный город. «Стыдно было, – говорит, – плохо учиться, когда народ так здорово работает».

Воспоминания об общем подъеме народного духа волнуют его до сих пор, поскольку ни с чем подобным больше сталкиваться не приходилось. «И не о политике вовсе речь. Она никакого отношения к этому не имеет, – убежден Чернышов. – Я почти всегда ощущал умение делиться. Если у тебя чего-то не хватает – тебе всегда помогут».

У него был хороший университет – замечательная самодеятельность, спорт, друзья… «Мы все друг друга знали. Я, например, знал всех физиков. Они знали всех геологов, потому что у нас были совместные лекции».

В хорошей компании и учиться приятно. На втором курсе студент Чернышов открыл не известную палеонтологам ракушку, сделал доклад – получил премию. На третьем, в той самой Уссурийской тайге, – нашел не известный доселе минерал.

И сложилась судьба.

Пересказывать биографию Николая Чернышова все равно, что читать курс истории отечественной геологии, начиная с 1950-х годов. В середине 50-х, еще будучи студентом, он работал в Шамлугской геолого-разведочной партии в Армении. После тайги-то без всякого страха спускался на всю ночь в Ахтальскую заброшенную шахту. «Там 17 горизонтов», – говорит он и сейчас таким тоном, что даже непосвященному

в геологию становится жутковато: ну представьте – 17 этажей вниз, в темноту. В пределах Ахтальского рудного поля Чернышов первым выявил крупную вулканическую постройку и доказал ее решающую роль в формировании и локализации рудных тел. Заодно там же было найдено 24 ранее не известных на этом месторождении минерала и, главное, разработан комплекс поисковых критериев, с помощью которых были открыты самые разные месторождения полезных ископаемых.

Вокруг энергичного человека постепенно начинает образовываться своя научная школа. Какое-то время (1965–1967) Чернышов поработал деканом родного геологического факультета. Но административная работа не оставляла времени и сил для главного предназначения и интереса – для поиска.

Николай Михайлович оставил деканат и возглавил кафедру минералогии и петрологии ВГУ. Случилось это в 1968 году. Возглавляет кафедру он по сию пору. Не то, что в ВГУ, полагаю, во всей стране нет ни одного такого примера.

В конце 1960-х – начале 1970-х годов Николай Чернышов первым провел фундаментальные исследования по геологии, петрологии и металлогении раннего докембрия Центральной России. И первым же научно обосновал наличие здесь никеленосных объектов. Теоретический прогноз был подтвержден открытием больших никелевых месторождений в Воронежской области.

По запасам это месторождение является крупнейшей в стране базой цветных (никель, медь, кобальт) и благородных (золото, платиноиды) металлов. В буквальном смысле золотое дно.

Можно много говорить о том, что Николай Чернышов сделал первым. Если человеку дан талант поисковика, жажду открытий ему утолить практически невозможно. Чернышов первым теоретически обосновал, а затем и лично открыл крупную Курско-Воронежскую золото-платиносную провинцию. Совсем недавно он выявил большой источник благородных металлов в пределах железорудных месторождений Курской магнитной аномалии.

Когда благородный человек занимается благородными металлами – в этом есть какое-то правильное созвучие. Этакая рифма судьбы.

Всю жизнь занимаясь поиском богатств (и находя их) Чернышов не озолотился. Поскольку понимает простую истину: те богатства, что в земле, – они не личные, они общественные.

У него были хорошие учителя. Сначала в школе. Казалось бы, откуда в послевоенной Добринке взяться квалифицированным педагогам? Только потом Чернышов узнал, что его учителя были ссыльными из столичных городов.

Потом – в университете, в котором, насколько можно судить, всегда учили не только знаниям, но и правилам поведения. Вера Николаевна Преображенская, выдающийся геолог, дважды пересекшая прикаспийскую пустыню, часто приглашала их, всегда голодных студентов, к себе на обед. Натурально подкормить ребят. А когда они, практиканты, возвращались из Уссурийской тайги, не было денег на проезд. Послали телеграмму декану Точилину. Митрофан Степанович выслал деньги на проезд и даже сверх того. Когда они вернулись, с ними рассчи-

тались. «Платили тогда геологам очень хорошо», – вспоминает Николай Михайлович. Пришли студенты в бухгалтерию университета сдавать финотчет и заодно вернуть деньги декана. А бухгалтер говорит: это ваш личный долг перед Точилиным, то были его деньги.

– Ну, какой бы декан сейчас так поступил, – улыбаясь говорит мне профессор Чернышов.

Вообще, разницу между «тогда» и «сейчас» он ощущает очень остро.

– Я студентом рвался на Дальний Восток, на Камчатку, – говорит. – А сейчас даже на крымскую практику не хотят ехать. Хотят сидеть в офисе.

Впрочем, тут же оговаривает: у москвичей ситуация еще хуже, поэтому на полевых работах, которые ведутся, например, на Урале, главная сила – воронежские студенты. «Все-таки, – настаивает, – воронежская школа геологов сохранилась». И чтобы я не заподозрил его в нескромности (а я и не думал), добавляет веско: «Потому что у нас были хорошие учителя».

Спрашиваю про положение дел в ВГУ сейчас:

– Я вижу, – говорит Николай Михайлович, – как университет развивается количественно. Но он не может развиваться качественно, потому что управление вузами Министерство настолько тупо и настолько недальновидно…

Прошу уточнить.

– Вот есть фундаментальный курс «Минералогия», который я читаю студентам. Нам его преподавали полтора года, потом свели до года. А теперь я должен прочитать этот курс не за 120, а за 14 часов. Но ведь минералогия лежит в основе всей геологии. Да на минералах нужно набить глаз, студенты должны отличать их по виду, по весу, по запаху. Не будет же геолог с собой в экспедицию гору справочников таскать.

Помимо этого, нагоняет тоску и материальная сторона дела. И не про себя говорит Чернышов. При маленькой заработной плате, сетует, преподаватели утрачивают мотивацию для постоянных занятий со студентами. Прочел лекцию – и ушел. Упаси бог, не осуждает Чернышов коллег, просто его волнует будущее.

Ради будущего он, отметивший 80-летие человек, по-прежнему читает лекции.

– Они разные, – говорит Николай Михайлович о студентах, – с ними интересно. Общаясь с ними, вольно или невольно обогащаешься. Они все-таки народ с какой-то надеждой. Не унылые.

Герман Полтаев

Печатается по: Университетская площадь. 2012. № 5. С. 63–66.

P.S. Николай Михайлович Чернышов – член-корреспондент Российской Академии наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации. Почетный разведчик недр. Академик Российской академии естественных наук и Международной академии наук экологии, безопасности человека и природы. Награжден орденом «Знак Почета». Его имя включено в Большую российскую энциклопедию, Российский энциклопедический словарь.

Виктор Григорьевич

ШАМАЕВ

(1950 г.р.)

Кандидат исторических наук, профессор, подполковник запаса, почетный работник высшего профессионального образования РФ.

Награжден орденом Мужества.

Занимается историей органов госбезопасности СССР/РФ, историей военного образования.

Окончил Коломенское высшее командное артиллерийское училище (1970), исторический факультет Коломенского государственного педагогического института (1976), юридический факультет Воронежского филиала Московского государственного социального университета (2001). Командир взвода (1970–1973), секретарь комсомольской организации, пропагандист (1973–1977). Преподаватель (с 1977), старший преподаватель (с 1986), доцент (с 1995), профессор (с 2002) военной кафедры Воронежского госуниверситета, помощник ректора ВГУ по военному образованию.

СПАСИБО ЗА МУЖЕСТВО!

26 апреля 1986 года.
Катастрофа на Чернобыльской АЭС.
Сначала власти пытались замолчать события.
Но над Европой поползли зловещие облака.
Появилась скупая информация.
Подробности минимальные.
Позже чернобылец В. Шовконистый напишет горькие слова:

Обречены – облучены.
Какими вы по счету были
На совести своей страшны?!
Мы помним. Многие забыли.
Мы помним. Мы обречены.

В лексиконе появилось горькое слово «Ликвидатор».
Ликвидатор – это тот, кто был призван ликвидировать последствия взрыва.
Последствия, размеры которых знали только специалисты.
Ну, и власть, которая суетливо приуменьшала опасность.
Среди ликвидаторов оказался и Виктор Григорьевич Шамаев.
О тех днях подполковник запаса Шамаев вспоминать не любит.
Больно.
Это не метафора – это реальная боль, не дающая жить.
И все-таки.

Газета «Воронежский университет» – помещение на станции – насосная 4-го энергоблока. Работе предшествовали «ожесточенные бои» между руководством АЭС и ОГОЗом (опергруппой особой зоны). Руководство настаивало на дезактивации помещения до уровней, позволяющих гражданским специалистам снимать насосы. ОГОЗ была против: слишком уж высоко загрязнение объекта.

И всё же работы начались. При проведении разведки и составлении картограммы стало ясно, что биостенка слаба, необходимо параллельно ей ставить защитный экран, чтобы обеспечить работу дезактиваторов.

Средства дезактивации «современные»: ведра, лопаты, ломы, кувалды и т. п.

Первые ведра с «мусором» – и обязательный замер загрязненности. Результат ошеломляющий! Сильное беспокойство солдат выливается в неформальный митинг.

Вступать в полемику не стали. Работу продолжили силами офицеров.

Потихоньку, один за другим, подключились к работе и солдаты, но в своеобразной форме: «Ну-ка, командир, погуляй в коридоре». И забирали лопату. Работа пошла активнее.

И еще пример. Ликвидация спецукрытия «Малый саркафаг», которое было поставлено для хранения высокоактивных элементов в 1983 году после произошедшей аварии с расплавлением тепловыводящей сборки. Там у отдельных элементов мощность дозы источника превышала двухсотенную рентгеновскую отметку; т. е. выходила за пределы измерения прибора ДП-5.

Рабочие цеха дезактивации отказались там работать за обычную плату. По крайней мере, так нам объяснили. Тогда за работу взялись неприхотливые «биороботы», т. е. солдаты в возрасте от 30 до 45 лет. Отбирали с двух батальонов только добровольцев. В шутку группу называли «смертники».

Организатор работ, по наряду, подполковник В. Г. Шамаев. Предельно допустимое время пребывания в помещении – 45 секунд. Заходили по два человека. Офицеры, после первого захода, сдавали свои дозиметры, чтобы «не допустить переоблучения», продолжали руководить постоянно, с каждой группой.

Я понимаю, почему Виктор Григорьевич, даже спустя годы, не хочет вспоминать о Чернобыле.

Быть смертником – это не шутка.

Это вызов судьбе, давшей шанс сохранить жизнь.

Работа…

Смотреть со стороны – работа не сложная. Манипулятором (громкое название щипцов типа каминных) достать из конвейера радиоактивные стержни, положить в ведро и отнести в мусорный контейнер. Но радиация делает свое дело. Действия становятся автоматическими и не всегда контролируются мозгом. День заканчивается. Свет в помещении становится розовым, потом красным. Это полопались в глазах кровеносные сосуды. Немилосердно дерет горло, затем голос: бета-ожог гортани. Голова раскалывается. Ноги ватные. В архивах Министерства обороны вряд ли вы найдете упоминание об этом «Малом саркафаге». Там хранилась маловыразительная запись: такие-то просто убирали мусор…

В сентябре 2016 года Виктору Григорьевичу Шамаеву вручат знак «Защитник Отечества от радиационных катастроф»…

Вот уже десять лет, как я знакома с этим человеком.

Подполковник Шамаев вел у нас занятия. Занятия были интересными, но о Чернобыле – ни слова.

Только программный материал.

А ведь было о чем рассказать.

В университете Виктор Григорьевич свой человек.

Служит здесь с семьдесят седьмого.

Окончил в 1970 году Коломенское Высшее командное артиллерийское училище.

В 1976 году – Коломенский государственный пединститут.

Специальность – историк.

В 2006 году Шамаев получает диплом Московского государственного социального университета по специальности «юриспруденция».

Потом были учеба в аспирантуре нашего университета и успешная защита диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук.

Были статьи, учебные пособия, книги.

Книга «Опаленные временем» получила диплом в номинации «Лучшее историко-биографическое краеведческое издание» на VII Сибирском межрегиональном конкурсе изданий для высших учебных заведений, проходящем в Новосибирске.

Сегодня подполковник Виктор Григорьевич Шамаев – помощник ректора по военному образованию.

Это не спецкурс.

Это ответственная работа, связанная с подготовкой кадров для Российской армии.

Подготовкой, отвечающей всем современным требованиям.

Работа, надо признать, изнурительная.

В армии, как известно, приказы не обсуждаются, а исполняются.

Поэтому, когда в мае 2010 года из Министерства обороны Российской Федерации пришла просьба прекратить обучение граждан по специальности гражданского профиля в учебных военных центрах, все вузы так и поступили.

Тысячи курсантов писали «Прошу меня отчислить»…

Почти год шла необъявленная борьба.

Подполковник В. Г. Шамаев считал, что нужно дать возможность курсантам завершить обучение.

И добился своего.

Правда, в гарнизонной поликлинике Шамаеву поставили диагноз «инфаркт».

Шамаев продолжает работать.

При его активном участии в университете началась подготовка по специальности «военная журналистика».

Подполковник Шамаев – настоящий офицер.

Такие люди в запасе не значатся.

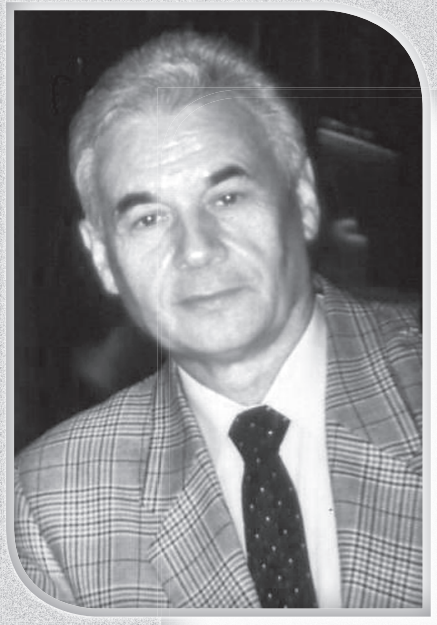
Они всегда в строю.

Кавалер ордена Мужества и 17 медалей и знаков отличия, почетный работник высшего профессионального образования РФ, обладатель медали «Патриот Родины»…

Какой может быть разговор о запасе.

Виктор Григорьевич Шамаев работает.

Ольга Сыщикова

Владимир Алексеевич

ШАПОШНИК

(1935 г.р.)

Доктор химических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ.

Основные работы относятся к области мембранной электрохимии. Построены математические модели электродиализа с ионообменными мембранами. Обнаружены нелинейные явления переноса ионов при электродиализе амфолитов: барьерный и циркуляционный эффекты, стимулированный транспорт биполярных ионов через ионоселективные мембраны.

Окончил химический факультет Воронежского госуниверситета (1958). С 1958 года начальник смены, начальник отделения комбината по производству кремнийорганических полимеров в городе Данков Липецкой области. С 1966 года ассистент, доцент кафедры аналитической химии Воронежского технологического института, с 1979 года заведующий кафедрой органической химии Воронежского сельскохозяйственного института, с 1983 года профессор, заведующий (1988–1998) кафедрой аналитической химии ВГУ.

ГЛАВНОЕ, ЧТОБЫ БЫЛО ИНТЕРЕСНО

Позвонила Владимиру Алексеевичу по телефону. Договорились о встрече. Разговор начался с неожиданного признания профессора:

– Не люблю телефонов.

– Почему?

– Отец был редактором «Коммуны». Член бюро обкома партии. С детства досаждали звонками – и по службе, и по разным делам.

– Отец – журналист, а вы химик. Почему?

– Отец видел меня гуманитарием. Хотел, чтобы я поступил на истфак. Но у нас в 28-й школе был замечательный учитель химии, и это определило выбор.

Слушаю Владимира Алексеевича и вижу перед собой человека из «несегодняшнего» мира – мальчика, подростка, затем взрослого парня, который сам прокладывал свою жизненную колею и не желал идти по тропе, проложенной отцом.

Сегодня больше уповают на опеку родителей, которые, как известно, лучше знают, каким путем должны идти их чада.

Володя Шапошник выбрал свой путь самостоятельно.

– В седьмом классе у меня дома была небольшая лаборатория, в которой я с друзьями проводил разнообразные опыты, – рассказывает Владимир Алексеевич. – Кроме того, я помогал нашему учителю проводить «Вечера чудес». Ходили по школам и показывали ребятам разные химические фокусы. Так что на химфак университета шел вполне осознанно. А после химфака был завод в Данкове. Крупное химическое предприятие, которое меня научило ничего не бояться – ни взрывов, ни пожаров.

– Сколько лет отдали Данкову?

– Более трех лет. Это была хорошая школа. Так что в аспирантуру я пришел, хорошо представляя, что такое химическое производство.

Потом была аспирантура в технологическом институте.

В 1966 году Владимир Алексеевич защитил кандидатскую диссертацию. В 1979-м его пригласили заведовать кафедрой органической и физической химии в сельскохозяйственный институт. После защиты докторской диссертации в совете Ленинградского университета в 1982 году Владимир Алексеевич вернулся в госуниверситет на кафедру аналитической химии.

В 1985-м В. А. Шапошник получил звание профессора. В 1986-м был приглашенным профессором в Университете Мартина Лютера в Галле, где читал курсы по химической технологии и физической химии мембранных процессов.

В 1988 году Шапошник возглавил кафедру аналитической химии и руководил ею десять лет.

«Служенье муз не терпит суеты», – сказал поэт. А служение науке? Разве оно требует перехода с одного места работы на другое?

Владимир Алексеевич работал в технологическом институте, в СХИ и, наконец, вернулся на свою «историческую родину» в ВГУ. Что произошло?

– Это общемировая практика обновления коллективов, в которых ты работаешь, – поясняет профессор. – В Германии, к примеру, нельзя получить повышение в должности в своем коллективе. Это трудно – искать новые коллективы, но при этом новички обогащают их своими идеями, а коллективы в свою очередь обогащают тебя своим опытом. Помните у Маркса: «В науке нет широкой столбовой дороги, и только тот достигнет ее сияющих вершин, кто, не страшась усталости, карабкается по ее каменистым тропам…».

Трудная научная стезя выпала на долю Владимира Алексеевича Шапошника. Сначала не хотели проводить по конкурсу, потому что его научные интересы «не совпадали» с научными направлениями кафедры, потом не дали возможности защищать докторскую диссертацию в родных стенах.

– Одно время положение было нестабильно сложное, я даже искал работу в школе, – рассказывает Владимир Алексеевич.

Но всё обошлось. Сегодня профессор Шапошник читает курсы по аналитической химии, химии мембранных процессов, экоаналитической химии, актуальным вопросам химии. Он читал курсы в Санкт-Петербургском, Кубанском, Вятском и Тюменском университетах, в университетах Галле, Парижа, Руана, Ольденбурга, Бургаса. Востребован профессор Шапошник отечественной и мировой научными школами.

Под руководством Владимира Алексеевича защищено 17 кандидатских и три докторские диссертации.

Одно из самых важных достижений профессора – исследования при получении ультрачистой воды. На них сегодня ссылаются ученые США и Европы. Но чего это стоило профессору мало кто знает.

– В 1975 году из Киева приезжал профессор Гнусин с докладом по этой проблеме. Однако созданные им установки работали три дня. Мы поставили задачу создания непрерывного метода. Нас материально поддержал ИМИ полупроводникового машиностроения.

– И что? – спрашиваю я. – Получили результат?

– Получили, – отвечает профессор. – Сложность заключалась в том, что надо было постоянно наблюдать за процессом. Аспирант Решетникова и лаборант Никулин (ныне профессор) работали по двенадцать часов в сутки. И в будни, и в выходные. И добились результата. Через 15 лет такое производство появилось в США, а сейчас во всём мире по этой технологии работают десятки фирм.

Сегодня профессор Шапошник озабочен новыми идеями.

– Считается, что если из воды выделить водород, то это будет самое экологичное топливо. Но сделать такую установку в университете невозможно – нет на факультете соответствующего оборудования. Нашелся один энтузиаст, доктор технических наук Ключников, который помог с созданием такой установки. Работа в самом разгаре.

Учебных занятий у Владимира Алексеевича – четыре лекции в неделю. Один из самых небанальных курсов – «Философские проблемы химии» и «История философии и науки». Эти курсы Шапошник читает аспирантам и магистрам.

– Почему химик заинтересовался философией? – спрашиваю.

– Потому что химия и философия всегда шли рядышком. После школы я мечтал поступить на философский факультет, но все-таки интерес к химии перевесил. Доклад на Всемирном конгрессе по философии вернул интерес к проблемам критерия демаркации в теории познания и эволюционной логики. Однажды я выступил со статьей на философскую тему. Молодые преподаватели философского факультета заинтересовались, просили продолжить работу. Так возник спецкурс.

– Устаете?

– Устаю. Нормально – это когда одна-две лекции в неделю и оснащенные лаборатории. А у меня четыре, и лаборатории с оборудованием моего аспирантского времени. Удручает то, что приезжают к нам учиться из стран Востока и Африки, имея дома лучшую аппаратуру для исследований. Но наука не стоит на месте – ежегодно требуется обновлять материал. Из-за этого я вынужден больше заниматься теорией. Особое удовольствие получаю от квантовой химии.

Кроме родного вуза Владимир Алексеевич успел поработать в Германии, Франции, Болгарии.

– Что вам дали зарубежные поездки?

– В Англии я услышал оценки их образования от знаменитого ученого Пиппарда – «Попугаи плодят попугаев». Там стремятся к тому, чтобы студенты, аспиранты самостоятельно выбирали тему исследования. Надо не просто давать систему определенных знаний. Хорошая оценка в зачетке – это еще не всё. Надо учить студента мыслить самостоятельно. Человек должен верить в свои возмож-

ности открытия принципиально нового. Он должен знать, что ему многое по силам. Стоит только захотеть. Люди привыкли к тому, что ими кто-то командует. А так жить нельзя, надо инициативно работать!

– А свободное время у вас есть?

– Нет у меня свободного времени. Велик соблазн заниматься всем и сразу. Раньше любил спорт и был чемпионом области по прыжкам.

– Однажды вы выбрали науку как дело своей жизни. Вы довольны выбором?

– Доволен. Я люблю повторять слова Эйнштейна: «Наука – это единственное, что позволяет нам избежать серости повседневной жизни». Однажды я выступал на международной конференции после известного московского ученого. Когда шли на заседание я его спрашиваю: «Вот сейчас будет ваш доклад. Вам чего хочется – аплодисментов или дискуссии?», – и он, не задумываясь, ответил: «Мне дискуссии не нужны».

Потом выступил я, и разгорелась дискуссия. И я был счастлив.

Ирина Ковган

Иван Иванович

ШМАЛЬГАУЗЕН

(1884–1963)

Профессор ВГУ, академик Академии наук Украинской ССР (1922), Академии наук СССР (1935), заслуженный деятель науки Украинской ССР (1935).

Сфера научных интересов: сравнительная анатомия и эмбриология, эволюционная морфология, биокибернетика, феногенетика и формообразование организмов, происхождение низших позвоночных.

Окончил естественное отделение физико-математического факультета Киевского университета (1907). В 1918–1921 годах профессор физико-математического факультета Воронежского госуниверситета. С 1921 года профессор Киевского госуниверситета. В 1939–1948 годах заведующий кафедрой дарвинизма Московского госуниверситета. В 1936–1948 годах директор Института эволюции морфологии и экологии животных имени А. Н. Северцова Академии наук СССР. С 1948 года старший научный сотрудник, заведующий лабораторией эмбриологии Зоологического института Академии наук СССР.

НЕУТОМИМЫЙ БОРЕЦ ЗА НАУКУ

Иван Иванович Шмальгаузен родом из Киева. Родился он 11 апреля 1884 года в семье известного ботаника, профессора Петербургского и Киевского университетов – Ивана Федоровича Шмальгаузена, известного своими исследованиями флоры территорий Российской империи, Альп и Средиземноморья, а также трудами по палеоботанике.

Детство Ивана Шмальгаузена прошло в Киевском ботаническом саду, где у его отца там была казенная квартира.

После окончания гимназии в 1901 году Иван Шмальгаузен поступил на естественное отделение физико-математического факультета Киевского университета Святого Владимира. Однако осенью того года из-за забастовок университет закрыли и весь первый курс был уволен.

Через год Шмальгаузена вновь приняли в университет, и там он начал работать в химической лаборатории под руководством профессора Николая Андреевича Бунге.

Студенту Шмальгаузену повезло: он стал учеником выдающегося ученого, академика Алексея Николаевича Северцова.

В 1905 году Иван Шальгаузен опубликовал свою первую научную работу, написал он ее на немецком языке.

Еще через год выходит новая работа Шмальгаузена «Свод сведений по развитию конечностей позвоночных животных». За этот труд Шмальгаузен получил золотую медаль.

Обучаясь в университете, Шмальгаузен сам начал преподавать в качестве ассистента сначала у профессора М. М. Воскобойникова на Высших женских курсах (1905–1906), а на следующий год – у профессора А. Н. Северцова в Зоотомической лаборатории Киевского университета.

Прослушал полный курс университетского преподавания по специальности «зоология и сравнительная анатомия», а зимой 1908/09 И. И. Шмальгаузен сдал государственные экзамены.

Получив долгожданный диплом, Шмальгаузен продолжил работать ассистентом-лаборантом у профессора А. Н. Северцова. И после отъезда профессора в Москву Шмальгаузен, проработав еще год в Киеве, в 1912 году сдал магистерские экзамены и вслед за своим учителем отправился в Москву.

В 1913 году Иван Шмальгаузен стал приват-доцентом Московского университета. Через год защитил магистерскую.

В 1916 году он успешно защитил докторскую диссертацию.

Научная карьера Ивана Ивановича развивалась стремительно. В 1918 году Шмальгаузен становится профессором Юрьевского университета. Началась оккупация Прибалтики немецкими войсками, и летом было решено эвакуировать весь персонал Юрьевского университета в Воронеж.

В нашем городе Шмальгаузен провел три года, занимаясь, главным образом, преподаванием на физико-математическом и медицинском факультетах Воронежского университета.

С его именем связано основание кафедры зоологии в ВГУ. Он возглавлял Кабинет сравнительной анатомии (1918–1919) ВГУ. Работая на кафедре, читал соответствующие курсы студентам естественных специальностей, а также курс эмбриологии студентам-медикам. С 1919 года он читал еще и общий курс зоологии в Институте народного образования, а в 1920–1921 годах – такой же курс в Сельскохозяйственном институте.

Тяжелые годы Гражданской войны сказались на материальном обеспечении Воронежского университета: не доставало необходимого оборудования, специализированной литературы, поэтому в течение трех лет пребывания в Воронеже деятельность Шмальгаузена ограничивалась главным образом преподаванием. Однако и в Воронеже ученый изучал наземных животных и начал готовить курс «Основы сравнительной анатомии», который завершил в 1923 году уже в Киеве.

В 1920 году И. И. Шмальгаузена избрали профессором Киевского высшего института народного образования (бывшего университета), а летом 1921 года Иван Иванович переехал в Киев. Там он читал курсы эмбриологии, общей биологии и эволюционной теории и в последний год своего пребывания в Киеве – даже курс генетики.

В июне 1922 года И. И. Шмальгаузен был избран действительным членом (академиком) Всеукраинской Академии наук.

В Киеве Иван Иванович был председателем Общества естествоиспытателей, председателем Ученого совета Карадагской биологической станции, а в 1930 году организовал 4-й Всесоюзный съезд зоологов, анатомов и гистологов. С 1935 года до самого переезда в Москву был депутатом Киевского горсовета.

В 1935 году Иван Иванович был избран академиком АН СССР, и ему было предложено заведование лабораторией экспериментальной зоологии и морфоло-

гии. В этом же году, после присоединения к Академии Биологического института имени К. А. Тимирязева, Шмальгаузен был назначен директором этого института. В 1936 году, после смерти академика А. Н. Северцова, Иван Иванович был избран директором Института эволюционной морфологии им. акад. А. Н. Северцова АН СССР, и указанные учреждения были включены в состав этого института. В 1938 году Шмальгаузен был избран профессором и заведующим организованной им кафедры дарвинизма в Московском государственном университете.

В начале 30-х годов Иван Иванович разработал теорию роста животных организмов, основные положения которой сохранили свое значение до наших дней. В 40–50-х годах ученый пришел к двум крупным общебиологическим обобщениям, обогатившим материалистическую теорию эволюции Ч. Дарвина. Его труд «Организм как целое» до сих пор служит настольной книгой для многих биологов, занимающихся индивидуальным и историческим развитием организмов.

На посту директора Института эволюционной морфологии академик Шмальгаузен состоял до 14 августа 1948 года.

Именно этот год стал решающим в судьбе Ивана Ивановича. В августе 1948 года состоялось расширенное заседание Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им. В. И. Ленина (августовская сессия ВАСХНИЛ), организованное Т. Д. Лысенко и его сторонниками. Это было ключевое событие в противостоянии «мичуринской агробиологии» и классической генетики.

После ареста Н. И. Вавилова Шмальгаузен, обладавший большим научным авторитетом, стал одной из основных фигур, мешавших торжеству антинаучных взглядов Т. Д. Лысенко, и поэтому на августовской сессии ВАСХНИЛ в 1948 году он, как чуть ли не главный «вейсманист-морганист», был подвергнут шумной, глумливой и невежественной критике, а затем был отстранен от преподавательской работы и снят со всех должностей. Его заклеймили как сторонника «менделизма-морганизма», и несколько последующих лет Иван Шмальгаузен вообще оставался без работы.

Позже эту сессию назовут эталоном организации идеологических погромов в науке. Печально известная сессия завершилась разгромом генетики и временной победой лысенковщины. На партийно-правительственном уровне были приняты меры, которые парализовали экспериментальную биологию и биологическое образование. В Академии наук была произведена «чистка рядов», составлены списки сотрудников, публикации которых свидетельствовали об их приверженности хромосомной теории наследственности, и списки приверженцев мичуринской биологии (к чести Академии, в соотношении 9:1), пересмотрены срочно издательские планы. На биофаке МГУ и во многих других вузах страны квалифицированные преподаватели были заменены «мичуринцами». В результате несколько выпусков биологов было отрезано от серьезной современной биологии. Генетика, в том виде, в каком она была известна во всём мире, была запрещена. Разгром советской школы классической генетики на несколько десятилетий затормозил развитие биологии в России.

Только высокий авторитет Ивана Ивановича Шмальгаузена в научном мире спас его от более серьезной кары за защиту «буржуазной лженауки», как тогда позиционировали генетику. В 1948 году Шмальгаузен был приглашен академиком Е. Н. Павловским на должность старшего научного сотрудника, а затем (в 1955 году) заведующего созданной для него лаборатории эмбриологии Зоологического института АН СССР (ныне лаборатория эволюционной морфологии им. акад. И. И. Шмальгаузена Института проблем экологии и эволюции РАН).

В Зоологическом институте Шмальгаузен вернулся к сравнительной анатомии, в частности, к проблеме происхождения наземных позвоночных. Свою борьбу за свободу науки, борьбу против замещения науки ее противоположностью – идеологией, Иван Иванович не оставлял никогда. В 1955 году подписал «Письмо трехсот».

В 1950-е годы, лишенный возможности преподавать, Шмальгаузен возвысил голос, ратуя за восстановление разрушенного в результате Августовской сессии ВАСХНиЛ биологического образования.

В начале 1956 года Иван Иванович обратился с письмом в ЦК КПСС, указывая правительству на срочную необходимость «реорганизации дела подготовки кадров молодых специалистов». Иван Иванович писал: «В наших вузах с 1948 года преподается только так называемая мичуринская генетика, которая при безнадежно устаревших методах работы не может дать ничего положительного ни для теории, ни для практики. Между тем число квалифицированных генетиков, которые могли бы быть использованы для преподавания научной генетики в университетах, исчисляется теперь уже единицами. Их нужно использовать (не работая по специальности, они с каждым днем теряют свою квалификацию). Совершенно так же обстоит дело с преподаванием дарвинизма. ...Пора прекратить пустую болтовню, подносимую студентам под видом генетики и дарвинизма. <…> Во всём этом нужны правительственные мероприятия. Другого выхода нет».

Шмальгаузен внес важный вклад в ряд разделов биологии: эмбриологию, эволюционную морфологию и эволюцию. Работа ученого о стабилизирующем отборе оказалась недоступной западным биологам во времена «эволюционного синтеза», но должна рассматриваться как одна из основополагающих.

Ивану Ивановичу Шмальгаузену в 1935 году за плодотворную научно-педагогическую деятельность было присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки». В 1945 году в связи с 220-летием АН СССР вручен орден Трудового Красного Знамени.

Постановлением Президиума АН СССР в 1963 году Шмальгаузену была присуждена Золотая медаль имени И. И. Мечникова.

В конце пятидесятых И. И. Шмальгаузен был избран почетным академиком Естественноисторической Академии наук (Леопольдины) в Галле, которая в 1959 году наградила его Дарвиновской медалью.

7 октября 1963 года Иван Иванович Шмальгаузен скончался в Москве. Похоронен на Новодевичьем кладбище.

Юлия Рафаэльян

Юрий Эдуардович

ШТУКМАН

(1917–1977)

Заслуженный тренер СССР, мастер спорта СССР.

Выступал за ДСО «Спартак». Окончил Высшую школу тренеров (Москва, 1946). Преподаватель в Воронежском государственном пединституте (1948–1950), Воронежском госуниверситете (1950–1969). С 1969 года старший преподаватель-тренер Воронежской Школы высшего спортивного мастерства и специализированной детско-юношеской школы олимпийского резерва (последняя носит ныне его имя). Тренер сборной команды СССР (с 1956).

Воспитал свыше 40 мастеров спорта высокого класса, в том числе олимпийских чемпионок Т. Люхину и Л. Бурду, чемпионку мира И. Первушину. Среди учеников Штукмана тренеры В. Расторопский, Г. Коршунов, В. Федоров, Р. Александрова, И. Вечерская и другие.

В Воронеже ежегодно проводятся всероссийские турниры имени Ю. Э. Штукмана, П. Ф. Корчагина, М. А. Генкина.

ОН БЫЛ ПАТРИОТОМ УНИВЕРСИТЕТА

Эта история о спортивном тренере. Причем тренере необычном, кто во всём стремился быть новатором, первопроходцем. Знавшие его люди рассказывают, что это был человек, который жил спортом, превратив его в свои будни, в свою любовь, в свою жизнь. Звали этого человека Юрий Эдуардович Штукман. Тот самый легендарный тренер, воспитавший олимпийских чемпионок по спортивной гимнастике. Причем все они были выпускницами Воронежского университета.

…Спорт он полюбил еще в детстве. Позже говорил, что его поразила красота человеческого тела, которая может быть только у спортсмена. Юношей организовывал дворовые цирки, где на самодельных снарядах старался вместе с друзьями-сверстниками постигать мастерство. Любил бегать, прыгать. Потом появился друг, который увлекался футболом, баскетболом и боксом, но перетянуть Штукмана на свою сторону ему не удалось. Его уже увлекала гимнастика. На всю жизнь.

Его карьера как тренера началась в Москве еще в тридцатые годы. Там у него была группа, которая занималась спортивной гимнастикой. Работали много, кропотливо. Параллельно учился, в 1946 году окончил престижную Высшую школу тренеров. А потом переехал в Воронеж, где в университете Штукман создал из обыкновенных студенток свою всемирно известную школу гимнастики. Здесь же он встретил и женщину всей своей жизни – Римму Александрову. Разница в возрасте – пятнадцать лет – их никогда не смущала. Сначала он тренировал ее, потом провожал до дома, а потом они поженились и прожили в браке двадцать один год.

Кто как не Римма Алексеевна может рассказать о жизни великого Штукмана?

– Вообще-то Юра не только гимнастику хорошо преподавал. Он еще был асом в математике. Он родился педагогом. До войны поступил на физмат, вместе с тем сам тренировался и работал тренером в «Динамо». А потом сломал ногу. А тут война… Ну, с ним особенно не церемонились в госпитале, он же обычный, невоенный. Поступало много раненых, поэтому некогда было лечить его ногу. У него был такой перелом, что пока нога не срастется, Юру ни в коем случае нельзя было купать. А в больнице, да еще в то время, это было обязательно – режим. Вот Юру однажды неправильно искупали, и кости на сломанной ноге сместились. Потом они неправильно срослись. Так он всю жизнь потом и хромал…

Во время эвакуации, его отправили в село Малые Алабухи – это в Воронежской области. Там работал учителем математики и физкультуры. Забавно, правда? Уже там он не просто вел физкультуру, а придумывал всякие упражнения разной степени сложности. Он всегда знал, что будет преподавать гимнастику.

Потом умерла Юрина мама, и он переехал к сестре в Москву. Там окончил Высшую школу тренеров, поработал немного и вернулся в Воронеж. Получил направление в пединститут, потом пришел в школу гимнастики. Здесь я его впервые и увидела. Мы как раз напротив этой школы жили, и я ходила туда заниматься. Сначала у нас преподавала Клавдия Федоровна Дубинина, а потом он. Юра набрал группу, в которой оказалась и я. И он стал нас тренировать. Конечно, было трудно, снарядов было мало, и все они, по сравнению с нынешними, выглядели примитивно. Но мы верили ему, верили в себя и занимались, делали всё, что он говорил.

Потом Юрий Эдуардович работал в Воронежском университете (преподавал в ВГУ девятнадцать лет – с 1950 по 1969 год), вел физкультуру и, насколько я помню, отвечал за историко-филологический факультет. А годы послевоенные. Ребята уже взрослые приходили на занятия. И им, конечно, трудно было и учебой заниматься, и спортивные нормативы сдавать. И он всё это прекрасно понимал… А нас он не бросал. Тренировки были регулярно. Я как раз уже поступила учиться в университет на химфак. Юра нас водил по разным залам, где были гимнастические снаряды. Хорошо хоть, что куда бы ни пришли, везде нас пускали. Ходили на речку, ходили в парк (сегодня это «Орленок»), где сами делали себе снаряды, в спортивные залы на заводе радиотехники, в техникуме путей сообщения, ну и, конечно, в стенах родного университета. В прямом смысле.

В красном корпусе у нас была двадцать седьмая комната – наш спортзал, там у нас ковер лежал, правда, он весь сыпался и крошился, но это же был ковер! И снаряды там тоже были. А «конь» у нас в коридоре стоял. И мы в коридоре сигали и прыгали. Ректором тогда был Борис Иванович Михантьев. Это он выделил нам эту самую 27-ю аудиторию. У нас на химфаке все девчонки были в Михантьева влюблены.

Ну, а мы, воспитанницы, обожали своего тренера. Во-первых, за хорошее отношение. Он никогда не кричал, никогда не злился. Всегда был тактичным, терпеливо объяснял, как нужно правильно выполнить упражнение. А во-вторых, он, конечно, был профессионалом. Учил всему: как одеваться, какие прически делать, какие купальники шить. Он знал толк в одежде. И, между прочим, у

него был персональный портной в Москве, в ГУМе, который шил ему самые модные костюмы…

Именно Штукман первым в стране ввел хореографические элементы в гимнастику. Он всегда сам продумывал и составлял наши выступления. Подбирал музыку, очень любил классику, особенно Баха и Листа. Что и говорить – он жил гимнастикой, ею дышал. Он во всём искал гармонию, искал что-то новое, чего никто и никогда еще не использовал.

Даже дома он оставался таким дотошным. У нас ремонт два года шел, потому что Юре всё время не нравилась мебель или обои в квартире. И он покупал другое. Всё время искал что-то новое, сам создавал уют. Человек был невероятно общительный, со всеми дружбу заводил.

В семьдесят седьмом его не стало. Врачи обнаружили какую-то переродившуюся ткань в легких, которая мешала ему дышать. От этого он и умер. Ему было только шестьдесят.

То, что Штукман сделал для спортивной гимнастики, трудно оценить, ведь он отдал ей жизнь….

Римма Алексеевна в 1954 году стала мастером спорта СССР по спортивной гимнастике. Кроме того, она абсолютная чемпионка РСФСР 1954 и 1957 годов. Долгое время сама была тренером, за что в 1985 году получила звание заслуженного тренера РСФСР, а в 1989 году стала заслуженным тренером СССР. Воспитала знаменитых гимнасток Веру Колесникову (чемпионка мира и Игр доброй воли) и Татьяну Тужикову (призер чемпионата мира). В 1989 году Р. А. Александрова была награждена орденом «Знак почета». Сейчас она на пенсии, но гимнастика не отпускает ее. До сих пор Римма Алексеевна регулярно ходит в школу гимнастики и помогает тренерам и воспитанникам.

Своими воспоминаниями о Юрии Эдуардовиче поделилась и его выпускница ВГУ Тамара Алексеевна Замотайлова (Люхина), чемпионка двух Олимпиад, абсолютная чемпионка СССР:

«К Штукману в группу я попала позже, чем Римма Александрова. Когда я училась в школе, в шестом классе, у нас проводилось первенство школы по гимнастике. Туда входили такие упражнения, как лазанье по канату, брусья разновысокие, вольные упражнения на полу, гимнастические кольца. Это первенство я выиграла, а судить его пришли девочки из группы Юрия Эдуардовича – Т. Гаврилова и В. Радугина. Меня заметили и пригласили в группу. В первый раз я пришла к Штукману в декабре 1952 года. Потом, года на два позже, пришла Ира Первушина, тоже выпускница ВГУ и чемпионка мира 1962 года.

После того, как я окончила среднюю школу, нужно было куда-то поступать. У меня было два заявления: на геологический и на химический факультеты. Но мне сказали, что, если я хочу продолжать заниматься спортом, то нужно идти только на химический, потому что тренировки должны быть регулярными, а на геологическом факультете график не позволит делать этого. Вот я в 1956 году и поступила на химфак ВГУ, на кафедру высокомолекулярных соединений. Учеба, тренировки – весь день был расписан. Занимались, где придется. Это уже потом,

в 1970 году Штукману зал выделили, а поначалу-то тренировались, где только можно. Сначала ежедневно по четыре-пять часов, а летом вообще переходили на двухразовые тренировки, т. е. занятия были дважды в день.

Он, конечно, был удивительным человеком. Гимнастике был фанатично предан. Ведь он до последнего своего дня в спортзал приходил. Всё думал, работал, разрабатывал новые сложнейшие комбинации на брусьях. Юрий Эдуардович учил всему: акробатике, хореографии, ведь он очень хорошо знал и любил балет, все вольные упражнения сам ставил, учил нас понимать настоящую музыку. Мы всегда выступали под классику.

А поскольку он еще и математику знал, то помогал нам и задачи решать. Да вообще он хотел, чтобы все мы – учились, он понимал, что образование необходимо современному человеку.

В 1963 году я окончила университет. Выбор работы был очевиден: оставаться в университете, потому что института физкультуры тогда еще не было. Вот я и устроилась в проблемную лабораторию, где проработала больше семи лет. И работала, и тренировалась, а потом съездила на Олимпийские игры 1964 года. В том же году я ушла в декрет.

В 1974-м пришла работать в школу Штукмана, а в 1978-м – в школу высшего спортивного мастерства, где до сих пор и работаю. Вообще с гимнастикой я никогда не расставалась».

Школа Юрия Штукмана известна во всей России. Хотя официальное название она получила только в 1999 году, спустя 22 года после смерти своего основателя. За 30 лет тренерской работы Юрий Эдуардович воспитал более 40 спортсменов высокого класса. К самым титулованным именам упомянутых в статье его учениц добавлю еще двукратную олимпийскую чемпионку Любовь Бурду и чемпионку СССР Алевтину Демьяненко.

Сегодня в память о Юрии Эдуардовиче Штукмане ежегодно проводятся всероссийские турниры и соревнования. Им гордится Воронеж. О нем знает страна. Лучше и больше, чем сказали о нем, люди его знавшие, уже не получится. Единственное, что лично у меня вызывают рассказы об этом человеке, – восхищение. Он был первопроходцем.

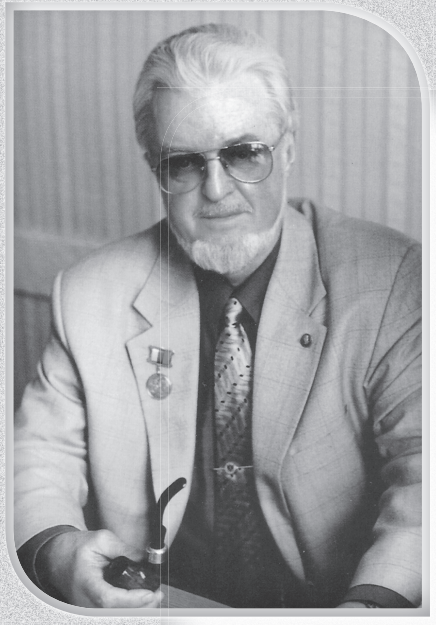
Когда Штукман был на пике тренерской славы, и его воспитанницы собирали, что называется, всё золото мира, его настойчиво звали работать в Москву. Юрий Эдуардович всегда отказывался.

Как-то журналисты спросили: почему?

– Я не стесняюсь этих слов, – ответил Штукман, – действительно я патриот Воронежа и нашего университета. Люблю своих учеников, работу. Эта любовь связала меня с Воронежем навсегда.

Ангелина Белокопытова

Печатается по: Университетская площадь. 2013. № 6. С. 76–78.

Андрей Павлович

ЩЕРБАКОВ

(1941–2004)

Доктор биологических наук, профессор, академик ВАСХНИЛ, заслуженный деятель науки РФ, лауреат Государственной премии РФ.

Сфера научных интересов: общая теория эффективного плодородия почв, агрохимия и агроэкология.

Окончил биолого-почвенный факультет Воронежского госуниверситета (1963). С 1963 года инженер, аспирант, старший преподаватель, доцент, профессор, заведующий (1980–1985) кафедрой агрохимии, с 1985 года заведующий кафедрой почвоведения и агрохимии, в 1970–1973 годах декан по работе с иностранными учащимися, в 1984–1988 годах проректор ВГУ, одновременно в 1988–1997 годах директор Всесоюзного (с 1992 года Всероссийского) научно-исследовательского института земледелия и защиты почв от эрозии в городе Курске. Председатель Воронежского отделения Всесоюзного общества почвоведов (1985). Неоднократно выступал с лекциями и докладами во многих ведущих университетах мира.

«НАУКА, МУЗЫКА, СПОРТ – ЭТО НЕ ЖИЗНЬ, А ЧУДО!»

Жил Андрей Павлович Щербаков в свое удовольствие. Удовольствий у академика Щербакова было три – наука, музыка, спорт.

Любил говорить:

– Наука, музыка, спорт – это не жизнь, а чудо!

К жизни относился с уважением.

Знал ей цену.

Мог погибнуть трижды. Первый раз – в октябре сорок восьмого в Ашхабаде, во время землетрясения. Семья Щербаковых жила тогда в Туркмении, где служил отец. Погибли две сестры семилетнего Андрея. Сам он уцелел.

Второй раз – летом пятьдесят девятого в Каменной степи. Группа первокурсников биофака ехала в грузовике в Докучаевский институт. Грузовик перевернулся. Были жертвы. Андрей остался жив.

В семьдесят втором прямо на взлетной полосе загорелся самолет, в котором Щербаков был пассажиром.

В семьдесят третьем ансамбль «Лада», гастролировавший на Ближнем Востоке, давал концерт в лагере палестинских беженцев. Андрей – артист ансамбля. Только-только как закончился концерт, начался обстрел.

Может, поэтому Андрей Павлович Щербаков так азартно относился к тем возможностям, которые открывались перед ним.

Был кандидатом в мастера спорта – играл в сборной юношеской (потом – во взрослой) команде области по волейболу.

Был лауреатом Всесоюзного смотра самодеятельного творчества.

Был лауреатом Государственной премии России, действительным членом Российской академии сельскохозяйственных наук, заслуженным деятелем науки Российской Федерации.

Всё было: и чины, и звания, и престижные должности (заведующий кафедрой в университета, директор Научно-исследовательского института земледелия и защиты почв от эрозии в Курске, проректор ВГУ), и любовь и зависть окружающих.

– Талант! – с уважением говорили одни.

– Балалаечник, – снисходительно говорили другие.

…Мы познакомились с Андреем на «Весне» пятьдесят девятого. Вышел на сцену актового зала застенчивый статный парень с копной светлых волос и с балалайкой в руках.

И балалайка запела.

Зал слушал зачарованно, а потом взорвался аплодисментами.

Парень невозмутимо раскланялся и исчез за кулисами.

– Кто такой? – спросил я.

– Какой-то Щербаков. Первокурсник.

С той поры «какой-то Щербаков» стал своим в шумном и дружном коллективе университетской агитбригады – выступал на концертах, ездил в подшефный Большеприваловский детский дом.

И всё это – безотказно.

А за кулисами этого публичного мира текла другая жизнь.

Сосредоточенная, но интересная, ставшая смыслом существования.

Учеба, аспирантура, защита диссертаций, статьи, конференции, доклады, монографии, признание коллег.

Подсчитал однажды – побывал в тридцати семи странах мира на всех материках, кроме Австралии (туда тоже было приглашение, но приболел). Любимое присловие – фраза, сказанная Николаем Ивановичем Вавиловым: «Жизнь коротка – надо спешить».

Нет, нет, торопливым человеком Андрей Павлович Щербаков не был. Напротив, перелистывая сейчас страницы его биографии, понимаю: алгоритмы жизни Андрея Павловича были заведомо очевидны.

Как у большинства.

После вуза – армия (а как же – изволь отслужить два года), после армии – аспирантура, после аспирантуры – естественный карьерный рост (ассистент, доцент, профессор), женитьба на Жене Старковой, рождение дочери Елены – словом, всё как у всех.

Но была в этой относительно короткой жизни (всего-то шестьдесят три года) удивительная неповторимость: Андрей Павлович Щербаков жил взахлеб.

Радостно жил.

Энергично.

Презирая сопутствующие каждому человеку недомогания, болезни, усталость.

Преуспел не только в карьере – в настоящем деле.

Ушел, оставив после себя около пятисот научных работ, семнадцать кандидатов наук, пятнадцать докторов и бесчисленное количество научных идей, которые сегодня воплощаются в жизнь его учениками.

Землепользование (точнее – сбережение земли) – одна из самых важных забот Андрея Павловича Щербакова.

Говорил озабоченно:

– К земле относимся небрежно. Стремимся запускать в оборот как можно больше пашни. А нужно это? Человечество за всю свою писаную и неписаную историю превратило самые плодородные земли в пустыни.

Сегодня человек обрабатывает около полутора миллиардов гектаров земли – мы топчем и рыхлим наши поля. А что в результате? Каждую минуту на планете возникает около десяти гектаров пустыни.

И вот ведь что интересно: каждое социальное изменение сказывается на состоянии земледелия. По крайней мере, в России всегда было именно так. Вспомните реформы шестидесятых годов девятнадцатого века, столыпинские реформы, коллективизацию, целину. Волевые решения никогда не приносили пользы земле. Любое воздействие на землепашца отзывается снижением качества почв.

Вспоминая монологи Андрея Павловича о земле и отечественных землепашцах (само слово «земледелец», между прочим, исчезло из нашего лексикона вместе с заботливым отношением к земле), думаю о том, как истончился слой размышляющей отечественной интеллигенции, по-настоящему озабоченной судьбой родимой земли.

А еще вспоминаю, каким счастливым выглядел Андрей, вернувшийся из Москвы с Государственной премией на лацкане светлого пиджака (одевался всегда элегантно). Как рассказывал о приеме в Кремле их восьмерки (премию дали коллективу ученых), какие рисовал планы будущих работ по сохранению почвы.

А что в реальности изменилось к лучшему за эти годы?

Земля неухожена, гибнет без настоящего хозяина.

Как-то Андрей с горечью рассказывал, что во время известных событий во Франции шестьдесят восьмого года (молодежь бунтовала тогда во многих странах Западной Европы) пострадал знаменитый эталон русского героизма, хранившийся в Париже: вандалы бросали его куски в полицию.

А отечественные вандалы разве не уничтожают отечественный героизм?

Да и не только его.

Так и живем…

…В 2001 году Андрей Павлович радостно отметил свое шестидесятилетие. Слово «радостно» здесь вполне уместно, потому что академик Щербаков не стремился подвести итоги своей работы, а просто вместе с близкими, друзьями, коллегами легко перешагнул из одного десятилетия в другое.

Искренне полагая, что впереди еще годы счастливой жизни.

И – радовался будущему. Вместе со всеми.

Валерий Григорьевич Артюхов, декан биолого-почвенного факультета, очень точно подметил одну из характерных черт Андрея Павловича: «Конечно, как нормальный творческий человек, он был честолюбив, но он никогда не противопоставлял себя окружающим, берег собеседника (редкое, между прочим, качество), не действовал разрушительно (хотя энергии профессору Щербакову было не занимать). Когда видишь таких людей, как он, хочется работать».

В этом году Андрею Павловичу Щербакову могло бы исполниться семьдесят лет.

К сожалению, юбилей стал поминальной датой.

А как хотелось бы, чтобы вышел на сцену актового зала статный, моложавый, улыбающийся человек и что-нибудь спел бы под гитару.

Ну, например:

Не оставляйте стараний, маэстро!
Не убирайте ладони со лба.

Очень любил эту песню Булата Окуджавы Андрей Щербаков.

Про себя, кажется, пел…

Лев Кройчик

Владимир Наумович

ЭЙТИНГОН

(1924–2014)

Кандидат экономических наук, профессор, заслуженный экономист РФ, почетный гражданин города Воронежа.

Известный в стране специалист в области менеджмента. Создал управленческую научную школу. Входил в состав ряда отраслевых и региональных экспертных, консультационных и методических советов.

Окончил географический факультет Воронежского госуниверситета (1959). В 1941–1952 годах служил в армии и органах государственной безопасности. Участник Великой Отечественной войны. В 1952–1964 годах экономист машиностроительного завода имени В. И. Ленина в Воронеже. С 1964 года научный сотрудник, заведующий лабораторией, директор научно-исследовательского экономического института, доцент, профессор, заведующий кафедрой экономики труда и основ управления ВГУ.

В 2018 году на здании экономического факультета ВГУ была установлена мемориальная доска профессору В. Н. Эйтингону.

ЕГО НАЗЫВАЛИ ПЕТРОМ ПЕРВЫМ

Зеленые улицы Москвы дышали теплым июньским воздухом. По Рождественскому бульвару шел парень. На лице парня была решимость. Впрочем, и походка тоже выдавала это. Не замечая прохожих, парень что-то шептал, словно споря с кем-то. Надо сказать, редким прохожим тоже было не до этого странного мальчишки, решительно куда-то направлявшегося, – шла первая неделя войны, и у каждого были свои заботы.

Звали парня Владимир Эйтингон. Он только-только закончил девятый класс школы № 170 и шел домой, чтобы объявить родителям о своем решении уйти на фронт. Впрочем, трудных объяснений не последовало.

– Я, было, стал переживать, – сказал отец, выслушав сына, – прошла уже неделя со дня начала войны, а мой сын до сих пор не ушел добровольцем.

Мама плакала, но перечить не стала. Пройдут годы, и Владимир Наумович Эйтингон будет с благодарностью вспоминать о своих родителях – Науме Исаковиче и Анне Исаковне, которые никогда не докучали ему нудными наставлениями, но в нужный момент всегда давали сыну почувствовать, что он не одинок, что у него есть точка опоры в этой жизни.

– Решения парень должен уметь принимать сам, – говаривал Наум Исакович.

Так было и на этот раз, хотя, в сущности, речь шла о жизни и смерти. Никто не упрекнул бы этого худенького парнишку с едва пробивающимися усиками в том, что он, отгуляв положенные каникулы, вернулся бы в десятый класс, доучился, дожил бы до восемнадцати и уж потом, получив повестку из военкомата, одел военную форму.

Но Володя не стал ждать повестки. Чего греха таить, как и у многих его сверстников, душа его жаждала героических баталий с неизменными подвигами и, возможно, даже с наградами. Жизнь, однако, быстренько освободила вчерашнего школьника от иллюзий.

В отдельной мотострелковой бригаде особого назначения, куда попал Эйтингон, к парнишке первоначально относились несколько снисходительно, но это снисхождение касалось только мелких уступок. Через какое-то время и эти мелкие поблажки исчезли – перед пулей все равны.

– Конечно, было страшно, – вспоминает о том времени Владимир Наумович. – Смерть гуляла где-то совсем рядом: однажды пуля срезала завязки шапки-ушанки и лишь чудом не задела головы. Но ведь воевала вся страна…

В марте сорок второго Владимир Эйтингон начал службу в органах государственной безопасности. Сначала служил в Москве (с периодическими выездами на передовую), затем в Ленинграде (в разгар блокады). А в пятидесятом оказался в Воронеже. После Москвы и Ленинграда израненный войной Воронеж не смотрелся – руины, руины, руины. Да еще бесчисленное множество заборов, за которыми едва теплилась стройка. К нормальной жизни город возвращался трудно, но это была мирная жизнь, и старшему лейтенанту Эйтингону предстояло в этой жизни участвовать.

Участвовать несмотря на то, что над ним и его отцом – известным советским разведчиком – сгущались тучи.

Сталин в очередной раз затеял чистку «органов». Назревало «дело врачей». Из органов убирали людей с нехорошими фамилиями. Тогда-то отца посадили в первый раз. Былые заслуги генерал-майора Н. И. Эйтингона в счет не шли: перед войной Наум Исакович был одним из резидентов советской разведки на Востоке и в Европе, имел прямое отношение к убийству ненавистного Сталину Троцкого (возможно, это в конечном счете и спасло генералу жизнь), в годы войны руководил разведывательно-диверсионной деятельностью против гитлеровцев. А в пятьдесят третьем – новый арест генерала Эйтингона. В пятьдесят седьмом Н. И. Эйтингон осужден по знаменитой 58-й статье на двенадцать лет. Отца выпустят лишь в шестьдесят четвертом, а реабилитация придет посмертно – в девяносто втором.

Хватило волнений и сыну. Демобилизовали, выселили из казенной квартиры. Жизнь надо было начинать сначала. Как и полагалось честному советскому человеку, пошел Владимир Наумович проходить «рабочую закалку» на заводе. Устроился в пятьдесят втором на машиностроительный завод им. Ленина и – цепкий, хваткий, головастый – двинулся по всем ступенькам: диспетчер, начальник планово-распорядительного бюро, начальник цеха, начальник производства…

Размышляя над превратностями судьбы своего героя, я думал, что все тяготы жизни помогла перенести вера в Бога.

Спросил об этом Владимира Наумовича.

– Я убежденный атеист, – живо возразил Эйтингон. – Мне кажется, человечество прошло такой огромный путь и столько узнало на этом пути, что после всего этого верить в застывшие догматы – значит неуважительно относиться к человечеству. В моем представлении вера – это надежда на высшее заступничество. Вспоминаю один эпизод: находясь в заграничной поездке, зашел с друзьями в костел. Вдруг туда забежала девушка, опустилась на колени, помолясь, вскочила и убежала. «Замаливает грехи минувшей ночи», – усмехнулся один из сопровождавших. Нет, нет, это не то. Верить в загробную жизнь – примитив. Нужно жить жизнью сегодняшней и отвечать за то, что сделаешь сейчас.

Я слушал Владимира Наумовича и… не соглашался с ним – у человека должна быть надежда, и эта надежда живет в вере. И если не вера, то что же поможет человеку победить все тяготы? Но спорить с Эйтингоном? С человеком, утвердившим себя вопреки многочисленным враждебным обстоятельствам в этой жизни?!

…Преуспевающий работник завода им. Ленина, В. Н. Эйтингон не имел высшего образования. Это раздражало не только кадровиков – это смущало и самого Эйтингона. Владимир Наумович поступает на заочное отделение географического факультета. Специализируется по кафедре экономической географии.

Учился студент-заочник вполне прилично – во вкладыше в диплом, полученном в пятьдесят девятом, преобладают только отличные и хорошие оценки. Удовлетворительно оценены были знания будущего декана экономического факультета только по картографии и основам сельскохозяйственного производства. Впрочем, это не помешало выпускнику Эйтингону защитить на «отлично» дипломный проект на тему «Воронежский машиностроительный завод». Семь лет работы на предприятии, отнюдь не книжное знание производства – всё это превратило дипломное сочинение в серьезное, обстоятельное научное исследование, посвященное экономической жизни родимого предприятия. Я говорю «родимого» без всякой иронии. Завод не был для Эйтингона убежищем – он стал точкой приложения его энергии, его реального интереса к жизни.

А еще Владимир Эйтингон в те годы был … тренером заводской футбольной команды «Торпедо». (И сегодня Владимир Наумович строен, спортивен. Что же говорить о далеких сороковых-пятидесятых? Увлекался тогда легкой атлетикой, играл в баскетбол, волейбол, футбол.)

Летом торпедовцы играли в футбол, зимой – в русский хоккей. Под руководством своего тренера команда добилась неплохих успехов – побеждала в городском и областном чемпионатах. Взошла и футбольная звезда Эйтингона. Прекрасный организатор, Владимир Наумович становится сначала председателем секции футбола в областном совете общества «Труд», а через некоторое время – президентом областной федерации футбола. Именно в те годы, когда Эйтингон возглавил федерацию, получил в области развитие массовый футбол, появились новые футбольные поля.

– Кстати, – грустно замечает Владимир Наумович, – раньше в Воронеже спортплощадок было куда больше, чем сейчас.

Естественно, энергичный президент занимался и командами мастеров. Воронежский «Труд» обрел тогда славу крепкого середнячка, успешно выступал в первой лиге отечественного футбола, являясь одним из лидеров зоны.

К славе блестящего организатора науки этот давний эпизод с футбольными интересами Владимира Наумовича, кажется, мало что добавляет, но сущность эйтингоновского характера выражает точно: во всех своих делах Эйтингон – абсолютист, приблизительности не терпит, порученное выполняет идеально и всегда знает не только что надо сделать, чтобы прийти к искомому результату, но и как лучше его добиться.

Может, поэтому так велик авторитет Владимира Наумовича в университетских кругах: последние лет десять-пятнадцать входит профессор Эйтингон в число тех, кто неофициально составляет «мозговой центр» ВГУ – ни одна принципиально важная проблема, касающаяся жизни вуза, без непосредственного участия Владимира Наумовича не решается. На всех «судьбоносных» совещаниях головы присутствующих обычно повернуты к Эйтингону: а что по данному поводу думает он?

…Всё началось с того, что совнархоз одобрил идею об открытии в университете новой исследовательской лаборатории в области экономики и организации производства. В новое научное подразделение понадобились сотрудники. Вполне естественно, что в числе приглашенных оказался Эйтингон.

Понятно, что на заводе классного специалиста отпускать не хотели, но, во-первых, за совнархозом маячил грозный обком (а с этими организациями не поспоришь), во-вторых, к этому времени Владимир Наумович уже был университетским аспирантом-заочником по кафедре политэкономии, и было ясно, что заводские масштабы становятся тесноватыми для этого энергичного человека.

Так начинается в жизни нашего героя новый этап – научный. Замечу – вполне закономерный этап, принесший Владимиру Наумовичу, как мне кажется, наибольшее удовлетворение и общественное признание.

Трудно начинать с нуля? Трудно! Но всю свою жизнь Владимир Наумович «охотился» за знаниями. И тогда, когда после войны экстерном закончил среднюю школу (помните – на фронт Володя Эйтингон ушел после девятого класса), и тогда, когда поступал на географический факультет, и тогда, когда в шестьдесят первом решает стать аспирантом. Снова – за книги, снова – учеба. Впрочем, с книгой Владимир Наумович работать любил всегда.

– Я всю жизнь ежедневно отвожу час или два на чтение. И считаю это обязательным, – объясняет Эйтингон. – Во время чтения мой мозг отдыхает, и я расслабляюсь.

Насчет отдыха и расслабления, я думаю, Владимир Наумович несколько кривит душой: все, кто знает Эйтингона, в один голос говорят – есть ощущение, что Эйтингон работает круглосуточно. Замечу, что читает книги профессор не только

на русском языке, но и по-английски, и по-испански. Знаком и с немецким. Так что в заграничных командировках иной раз обходится без переводчика.

Вероятно, принимая решение о переходе в университет, руководствовался Эйтингон еще и некоторым духом авантюризма – не каждый рискнет бросить дело, в котором достиг огромных успехов, и начать совершенно новую карьеру с совершенно новыми задачами и далеко не очевидными результатами. Но, может, это не авантюризм, а точный расчет: Владимир Наумович – человек прагматичный, беспочвенных фантазий избегает. Может, заведомо всё наперед рассчитал Эйтингон, зная, что будет и директором Научно-исследовательского экономического института при ВГУ, и заведующим кафедрой экономики труда и основ управления (с 1982 года), и деканом экономического факультета (с марта 1985-го)?

Деканом Эйтингон стал при далеко не единогласном голосовании на Совете факультета: 25 человек – «за», 9 – «против». Я обращаю внимание на эти цифры вот почему: один из самых больших (по набору) факультет в университете долгое время ничем не блистал – и учили по старинке (как говорится, «на счетах»), и притока молодых кадров не наблюдалось. Конечно, виноваты были в том не только университетские экономисты – в большинстве хорошие специалисты и знатоки своего дела. Дело в том, что государство с неразвивающейся экономикой вовсе не нуждалось в динамичных экономистах-исследователях. Умеешь подбить годовой баланс – и славно! Главное, чтоб крестики-нолики сходились!

Приход Эйтингона в деканат означал «тихую революцию»: грянули очевидные перемены, которых не все желали. Отсюда и девять черных шаров. Но был уже 85-й. Время, позже названное «перестройкой». Тут всё сошлось: и время, востребовавшее таких людей, как Эйтингон; и Эйтингон со своим стратегическим мышлением и жаждой работы; и университет, сделавший в середине 1980-х ставку на людей энергичных, деятельных и дееспособных. Так что повезло всем – и университету, и факультету, и Эйтингону.

С появлением на экономфаке нового декана начались перемены: были пересмотрены программы и структуры спецкурсов, коренным образом переделаны общеобразовательные программы (с учетом лучших достижений современной науки), стали больше внимания уделять математизации экономических дисциплин. Факультет активно включился в реализацию европейских программ, была открыта бизнес-школа, получила дальнейшее развитие инфраструктура факультета, компьютер стал одним из важнейших компонентов учебного процесса. И, пожалуй, самое главное – пошли защиты. Только под руководством Владимира Наумовича двадцать аспирантов защитили свои кандидатские диссертации.

А самое последнее достижение декана Эйтингона – строительство пристройки к факультету. Известно, что финансирование вузов в стране в последние годы шло только по двум так называемым «защищенным» статьям – зарплате сотрудников и стипендии студентов и аспирантов. Если говорить откровенно, «защита» была хилой – нищенские суммы получают и маститые ученые, и студенты. С опозданиями, с задержками – но получают.

А конъюнктура рынка – интерес к экономическому образованию велик – потребовала расширения учебных площадей. Откуда их брать? Скандалить с соседями – географами и журналистами? Владимир Наумович пошел другим путем – затеял строительство на собственные факультетские средства. Деньги у факультета к этому времени – началу девяностых – появились: вузы и факультеты получили некую самостоятельность – право распоряжаться своими внебюджетными фондами. Основной приток средств во внебюджетный фонд – за счет расширения образовательных услуг, за счет приема в вуз на контрактной основе, за счет прямых договоров с предприятиями (вам нужны высококлассные специалисты – платите!). Появился на факультете и мощный цикл второго высшего образования (тоже на платной основе) – заочное и вечернее. Всё это обеспечивало постоянный и довольно значительный приток средств.

И вот выстроен новый учебный блок с поточными аудиториями, рассчитанными на большое число студентов, с помещениями обслуживания – кафе, гардеробом, книжным магазином. Созданы новые компьютерные классы, в новом филиале библиотеки – многие тысячи томов специальных изданий на иностранных языках.

По заслугам – и честь. Наград у Эйтингона много: к военным орденам и медалям добавились мирные – медали «За доблестный труд», юбилейные, знаки победителя соцсоревнования и «Ударник X пятилетки», Диплом почета и две бронзовые медали ВДНХ, почетный знак Минвуза СССР «За отличные успехи в работе». Профессор Эйтингон – член Академии международного бизнеса и двух российских академий.

Регалии? Нет, это просто маленькая толика признания обществом того факта, что Владимир Наумович Эйтингон потрудился на своем веку отменно.

Я знакомился с мнением студентов о своем декане. Вот одно из них:

– Эйтингон – это «мотор», точнее, двигатель факультета, он везде успевает и всё делает с юношеским задором и улыбкой. Всё время, как я здесь учусь, Владимир Наумович обновляет и модернизирует факультет… Я рада, что у нас такой декан. Эйтингон – это Петр Первый экономического факультета.

Вот, пожалуйста, уже и формула есть – «Петр Первый»! И верно – первый: одним из первых декан Эйтингон перевел факультет на многоуровневую систему подготовки специалистов-бакалавров и магистров, открыл новые специальности, ввел в учебные программы новые курсы.

Но и педагог профессор Эйтингон блестящий! Шел к нему на лекцию, думал – трудно будет понять курс, читаемый для магистров. Понял! И не потому, что Владимир Наумович излагал материал упрощенно – он читал лекцию свободно, четко, объясняя трудные места особо, подыскивая знакомые слушателям аналогии. Речь шла о диагностике экономики, и я понял, с каким прекрасным диагностом имеют дело будущие экономисты.

На экзамен к Владимиру Наумовичу мне попасть не удалось, но один из студентов поделился секретом (видимо, почерпнутым из собственной практики):

– Эйтингон, он хитрый. Он билетами не пользуется. Сажает перед собой двух человек и спрашивает перекрестно. И если вдруг видит, что ты чего-то не знаешь, отправляет в библиотеку за нужной книжкой. Сходишь, на глазах у Эйтингона прочтешь, ну он и доволен. Спрашивает дальше…

– Ничего не успеваю, – признался Владимир Наумович. – На следующий срок деканом не останусь: уйду в преподаватели. Много времени отнимает рутинная работа – бумаги, прием посетителей, ответы на бесконечные телефонные звонки. Когда заниматься творчеством?

Творчество – это исследования, работа с аспирантами, руководство дипломными и курсовыми работами, подготовка к лекциям.

– А на отдых время есть? – спрашиваю.

– Отдых? – улыбается Владимир Наумович. – А что это такое?

– Всю жизнь отец уделял больше времени работе, чем семье, – рассказывает Елена Владимировна, дочь Владимира Наумовича. (А семья Эйтингонов, кстати, полностью университетская. Жена Валентина Георгиевна, «лестгафтовка», тренер по плаванию, работала на кафедре физвоспитания. Дочь – старший преподаватель кафедры русского языка деканата по работе с иностранными студентами.) – Эту черту, отец унаследовал от своих родителей. Так у них было принято. Когда была маленькой, то воскресенья проводила либо у папы на работе, либо у мамы. Папа совершенно не умеет отдыхать: приносит домой кипы документов и работает с ними дома. А в будни уходит рано утром и приходит поздно вечером. Как он выдерживает такие нагрузки, не представляю!

– А какой Владимир Наумович дома? – спрашиваю.

– Такой же, как и на работе – настойчивый, за всё переживающий. Если ссорится – быстро отходит. И очень любит меня и маму.

– А за шалости не наказывал в детстве?

– Ну, что вы! Мне кажется, папа этого делать не умеет.

Александр Королев

Печатается по: Университетская площадь : Очерки. Воспоминания. Воронеж, 1998. С. 221–230.

Светлана Владимировна

ЯНЦ

(1933 г.р.)

Директор зональной научной библиотеки ВГУ (1968–2006), заслуженный работник культуры РФ, почетный работник высшего образования РФ.

Автор более 100 работ по проблемам развития вузовских библиотек, культуре библиотечного труда, внедрению новых информационных технологий в библиотечное дело. Составитель и редактор многих библиографических пособий и других справочных изданий.

Окончила географический факультет Воронежского госуниверситета (1956), где работала ассистентом (1956–1959). Сотрудник (с 1959 года), директор (1968–2006) зональной научной библиотеки ВГУ. С 1968 года член президиума Центральной научно-методической библиотечной комиссии Министерства образования СССР, межведомственной библиотечной комиссии Воронежской области.

КАК ПРОЙТИ В БИБЛИОТЕКУ?

Признаюсь: я – человек косный. Поэтому, когда при мне произносили магические слова «биополе», «внутренняя энергетика человека», я лишь дипломатично помалкивал – откуда взяться неразгаданным тайнам в конце двадцатого века?

А ныне – уверовал. И виной тому Светлана Владимировна Янц, моя соседка по огороду, расположенному в уютной деревеньке Успенская Хавка.

В те годы, когда страну поставили на колени на шести сотках садовых участков, мы со Светланой Владимировной оказались плечом к плечу в рядах борцов за аграрное благополучие собственных семей.

И вот прихожу я однажды рано утром на свой огород и вижу, что посреди борозд недавно посаженной мною картошки воткнуты какие-то хилые палочки, свидетельствующие, что здесь кто-то что-то в землю закопал. Подозрение пало на соседку. Но зачем ей мои сотки?

А тут как раз происходит явление трудовому народу Светланы Владимировны со взводом домочадцев: надо сказать, что дружные Янцы всегда появлялись на огороде в большом количестве – сама Светлана Владимировна, сыновья, снохи, внуки.

– Светлана Владимировна, – говорю я со всей любезностью, на которую только был способен, – не скажете ли вы, кто воткнул эти замечательные палочки в мою землю?

– Скажу, – добродушно откликается соседка. – Эти палочки вчера ночью воткнула я. Приехала в сад поздно, привезла семена тыквы. Думаю, чего ждать до утра – пойду-ка посажу. А в темноте, видимо, перепутала участки. Вы уж меня извините.

Что было делать? Не выколупывать же посаженные семена. Оставил всё как есть. И что же? Ближе к осени на моем огороде,

заглушая чахлые ростки картофельной ботвы, зеленела широкая листва тыквы. Уродилась тыква в тот год.

Вот тогда я и поверил, что слова «энергетика человека» могут быть наполнены конкретным содержанием: более энергичной женщины, чем Светлана Владимировна Янц, я не знаю до сих пор. Удивительный человек!

Мы знакомы почти шестьдесят лет. Встречались мы в общих компаниях за праздничным столом, в ее рабочем кабинете, в библиотеке, на собраниях и заседаниях, на садовом участке, и всегда Светлана Владимировна оставалась добродушно-покладистой, немногословной, сдержанной – т. е. сама собой…

…В сорок четвертом при освобождении Севастополя погиб ее отец – Владимир Михайлович Буковшин, командир подводной лодки ПЛ-6 Б4-5. Спустя два года – в сорок шестом – умерла мама Анастасия Лаврентьевна…

Я выписываю эти строчки из автобиографии Светланы Владимировны и пытаюсь представить себе состояние девочки, оставшейся одинокой посреди огромной разоренной страны, когда все бросились в долгожданную мирную жизнь. И кому какое дело было до сироты-школьницы?

Конечно, Светлана Буковшина не осталась совсем одна – была бабушка Агафья Ивановна, была тетя (мамина сестра) Татьяна Лаврентьевна, были двоюродные братья и сестры. Но кто возместит потерю мамы и папы? (Много-много лет спустя, вернувшись после очередного Дня Победы из Севастополя со встречи моряков-подводников Светлана Владимировна будет показывать фотографии, на которых она запечатлена с фронтовыми товарищами капитан-лейтенанта В. М. Буковшина, будет рассказывать о том, как ее встречали отцовы сослуживцы, как ласково называли «доченькой», как давали адреса, но всё это будет потом – спустя годы, когда всё устоялось, когда стали пристальнее и чаще оглядываться назад, ища в минувшем поддержку и опору, а тогда – сразу после войны, да и потом, было очень тяжело, и плакать хотелось, а слез не было.)

Не пропала, не затерялась – окончила в Воронеже школу, поступила на географический факультет университета, получила специальность гидролога (вероятно, чтобы хоть как-то прикоснуться к морской биографии отца), работала на кафедре гидрологии суши, попала под сокращение штата, последние без малого сорок лет работает в библиотеке университета, с 1968 по 2006 год ее директор.

Записи трудовой книжки скуповаты, характера человека не раскрывают. Не был… не привлекался… не состоял… не участвовал… А если участвовал – тогда что?

* * *

Светлана Владимировна участвовала (и участвует!) в Жизни.

Выглядит это так.

– Вы знаете, что значит руководить женским коллективом? – спрашивает меня Раиса Васильевна Кадменская, сотрудница библиографического отдела библиотеки.

Я честно признаюсь: не знаю, что значит руководить женским коллективом.

– Вот, – говорит Раиса Васильевна, – а Светлана Владимировна руководит женским коллективом (мужчин у нас – раз-два и обчелся!) уже почти тридцать лет. И это значит: те, у кого дети занимаются с утра, работают в первую смену; кому надо – поближе к дому. И виды работ Светлана Владимировна учитывает: кто на выдаче стоит, кто – в отделе обработки. В зависимости от многих факторов. Да мало ли у работающих женщин проблем!

Свидетельств проблем у работающих женщин действительно много. Дверь в директорском кабинете редко закрыта наглухо: люди идут и идут. Иной раз всплакнут вместе – директорша и посетительница – и легче станет. Порой, утерев слезы, Янц идет выяснять отношения в главный корпус, в ректорат, в профком. Надо сказать, в общем хоре университетских голосов звонкий голос Светланы Владимировны слышен хорошо.

Помню, лет восемь тому назад, когда у многих факультетов появилась возможность для внебюджетного финансирования, на совещании деканов впервые был поднят вопрос о выделении средств для пополнения университетской библиотеки.

– Пяти процентов вполне достаточно! – веско сказал декан факультета, обладавшего одним из самых крупных внебюджетных фондов.

Остальные молчали, в уме высчитывая, сколько ж это выйдет – пять процентов!

– Да вы что! – обиделась Светлана Владимировна, присутствовавшая на совещании. – Нам же подписаться надо на все научные издания! Нам периодика нужна в четыре читальных зала! Нам учебники для тринадцати факультетов нужны! Новинки художественной литературы! Вы знаете, сколько стоит один реферативный журнал по химии?

Деканы не знали, сколько стоит годовая подписка на реферативные журналы, но им было жалко денег, заработанных потом и кровью.

– А студентов вам не жалко? – читала по глазам Светлана Владимировна деканские мысли. – Они что – неучами должны расти?

Сошлись на десяти процентах. Цифра эта по нынешним временам немалая.

А ведь книги в университетскую библиотеку не только приобретают – их дарят. В девяносто седьмом различные организации и частные лица передали в библиотеку свыше двадцати одной тысячи книг. Это – администрация Президента России, Американское математическое общество, международный фонд «Культурная инициатива», Воронежская епархия, издательство «Век», Центрально-Черноземное книжное издательство… – шестьдесят дарителей.

Помните фильм Леонида Гайдая «Операция “Ы”»? Верхом наивности Труса, сыгранного Георгием Вициным, был вопрос к сторожихе склада, заданный грабителем в двенадцать часов ночи: «Как пройти в библиотеку?» Кто в те годы интересовался библиотеками? Не будем обольщаться – наверное, и сегодня дорогу на дискотеку спрашивают охотнее и чаще. Но вот цифра – услугами университетской библиотеки в минувшем году пользовались двадцать три тысячи воронежцев.

Я говорю «воронежцев», потому что сегодня наша библиотека – один из немногих реально действующих очагов культуры города.

Воистину, дорога к Храму пролегает через библиотеку!

– А вы можете, придя в отдел, сразу сказать, что хорошо в отделе, а что плохо? – спросила меня Нина Митрофановна Федосова.

– Нет, не могу, – признался я.

– Вот, – улыбнулась Нина Митрофановна, – а когда Светлана Владимировна приходит в отдел, то сразу видит какое-то наше упущение или промах.

– И топает ногами, бранится, угрожает уволить? – предположил я.

– Ну что вы? – засмеялась Нина Митрофановна, – Светлана Владимировна – очень добрый человек.

Зная Светлану Владимировну много лет, вполне соглашаюсь с этой характеристикой. Добрый – не снисходительно всё прощающий, не молчаливо уступающий агрессии оппонента, не равнодушно соглашающийся с чьей-то точкой зрения. Добрый потому, что Янц очень требовательна к себе. Эта требовательность, пожалуй, и выпестовала из выпускницы географического факультета директора научной библиотеки ВГУ, головной библиотеки вузов Черноземья. Эта требовательность постоянно отправляет Янц в дорогу – за опытом, за знаниями.

Сегодня легче, видимо, назвать вузовскую библиотеку, в которой еще не побывала Светлана Владимировна, нежели перечислить те библиотеки страны, где зоркие глаза воронежской гостьи подмечали что-то интересное. Москва, Петербург, Саратов, Екатеринбург, Томск… Методические совещания, конференции. Янц – здесь, Янц – там.

Книга должна работать – и библиотека проводит дни информации, занятия для студентов по библиографии, устраивает регулярно выставки. Много лет проводил свои встречи в библиотеке клуб «Воронежский библиофил», которым руководил великий знаток книги профессор Олег Григорьевич Ласунский. Недаром библиотеке присвоена первая категория.

Еще характерный пример. В девяносто шестом университет открывал новый факультет – социологии и психологии. А по регламенту для открытия факультета требуется, в частности, справка из библиотеки – о том, как создаваемый вновь факультет обеспечен учебниками и учебными пособиями по профилю подготовки специалистов. Библиотекари сели к компьютеру и получили ответ: в фондах книгохранилища содержится четыре тысячи наименований только первоисточников. Москва была удовлетворена.

Что Москва? Соединенные Штаты удовлетворены деятельностью нашей библиотеки. На рабочем столе Светланы Владимировны я разглядел несколько характерных конвертов, в которых деловые люди обычно рассылают свою корреспонденцию.

– Европа беспокоит? – поинтересовался я.

– Америка, – вздохнула Янц. – Шлют и шлют письма.

На фирменных конвертах издательского дома «Кто есть кто в Америке» из штата Нью-Джерси было размашисто написано: Поздравляем! Ваша биография отобрана для публикации». Оказывается, четвертый раз за последние годы Светлана Владимировна Янц попадает в престижное издание «Кто есть кто в мире». И вот, готовя 15-й выпуск этого издания, господин Пауль Каннинг любезно интересовался у дорогой Светланы Владимировны, какие события в ее жизни достойны внимания читателей книги.

Насколько я понял, к своей всемирной известности Светлана Владимировна относится спокойно. Гораздо большее беспокойство вызывают у нее текущие, повседневные дела.

Однажды сотрудница библиотеки Любовь Александровна Кац выиграла всероссийский грант и три месяца стажировалась в библиотеке Конгресса США. Победу своей сотрудницы в отборочном конкурсе – претендентов было несколько десятков – Янц восприняла как свою собственную удачу:

– Знай наших!

А когда сотрудница вернулась из Штатов и рассказала о высокой степени технологической оснащенности американских библиотек, где место громоздких ящиков с картотекой заменяют компьютеры, мгновенно реагирующие на поиск читателями нужной информации, Светлана Владимировна столь же мгновенно гордость за подчиненную материализовала в дело: сегодня в библиотеке 36 компьютеров.

– Конечно, – говорит Светлана Владимировна, четыре десятка компьютеров на всю библиотеку – это мало. Мы прошли только часть пути, но главное – мы движемся в нужном направлении. Формируется фонд CD-ROM. Пока что это справочные диски. Закуплен электронный вариант Британской энциклопедии, Большого Оксфордского словаря английского языка, Российской национальной библиографии начиная с 1980 года.

Фонд библиотеки велик – почти 2 миллиона 800 тысяч книг. И он постоянно обновляется: учебники, как и научные знания, в них содержащиеся, устаревают довольно быстро.

– Трудность нынешнего комплектования, – признается Янц, – не в том, что у нас не достает средств на приобретение необходимой литературы – факультеты деньги дают. Проблема в другом – издательства прекратили выпуск тематических планов. Ориентироваться во все возрастающем потоке книжно-журнальной продукции стало труднее, и всё же мы внимательно следим за новинками, имеющими принципиальное значение для наших потенциальных читателей.

А читателей в библиотеке много. 12 читальных залов и 10 абонементов, обслуживающих университет (да ведь и город активно пользуется библиотечными фондами), ежегодно принимают 900 тысяч человек.

В библиотеке работает около 200 человек.

В разгар сессии в библиотеку лучше не заходить: читальные залы забиты до отказа (шпаргалка – она ведь тоже первоисточника требует!). У столов выдачи

книг – длинные, утомительные очереди страждущих. «Книга на руках», – вполголоса сообщают библиотекари… Но и в обычные дни библиотека не пустует. У ее сотрудников всегда есть дело.

Обменный фонд поддерживает сотрудничество с научными учреждениями всех континентов: книги университетских ученых отправляются в Австралию, Германию, США, Египет, Израиль, Францию, Швецию, Англию, Италию, Латинскую Америку. Идет научная литература и в вузы России стран СНГ.

В 1991 году Светлана Владимировна Янц приняла участие в работе 57-й сессии ИФЛА в составе официальной делегации библиотекарей России.

Только строчка из автобиографии, а за ней годы упорного восхождения к международному признанию. Сегодня это – как само собой разумеющееся. А в шестьдесят пятом, вспоминает старейший работник библиотеки Алла Васильевна Романенко, боялись ехать на конференцию в Казань. Страшно!

– Сколько было сомнений, а потом оказалось – интересно! – говорит Алла Васильевна. – И самое главное – очень полезно!

С людьми такого склада, как Янц, всегда интересно.

В середине шестидесятых группа сотрудников библиотеки оказалась в Москве – резервный фонд Исторической библиотеки передавал часть книг воронежцам. Бригада из четырех человек (Янц в том числе) отбирает книги, связывает стопки, переносит с третьего этажа вниз – к контейнеру, который выбила энергичная Светлана Владимировна. Уф! Кажется сил больше нет! Устали…

– Девочки! – командует Янц. – Идем в Кремлевский Дворец. На «Лебединое озеро». Рябинкина танцует…

Зональный совет в Курске. Напряженная работа, все устали. Скорей бы в гостиницу. Янц настоятельно предлагает идти в театр.

– Ворчим, внутренне сопротивляемся, но идем, – вспоминает Алла Васильевна Романенко. – А после спектакля хором кричим: «Спасибо, Янц!»

…Может, поэтому университетская библиотека сегодня уникальное культурное учреждение города. И люди, работающие в ней (за небольшую, в общем-то, плату), тоже уникальны. Потому что со встречи с ними начинается для многих работа с книгой. Подчеркиваю – работа, а не просто чтение.

А работа – занятие серьезное, ума требующее, опыта, знаний. Как уж тут обойтись без библиотекаря?

Вот, пожалуйста, мы и познакомились: Светлана Владимировна Янц, заслуженный работник культуры России, почетный работник высшего образования России, кавалер двух правительственных наград. Одна из них – медаль «За доблестный труд».

Лев Кройчик

Печатается по: Университетская площадь : Очерки. Воспоминания. Воронеж, 1998. С. 241–250.

СОДЕРЖАНИЕ

Лев Кройчик. От составителя ... 3

Анатолий Михайлович АБРАМОВ ... 4
Тамара Никонова. Лирика и эпос профессора Абрамова ... 5

Прокопий Гаврилович АДЕРИХИН ... 9
Его называют «Учитель» ... 10
Из воспоминаний Ирины Лазаревой ... 10
Из воспоминаний Ростислава Сегедина ... 12

Виктор Михайлович АКАТКИН ... 14
Олег Алейников. Звенья судьбы ... 15

Эдуард Константинович АЛГАЗИНОВ ... 19
Мария Репина. Как декану стать отцом факультета? ... 20

Георгий Владимирович АНТЮХИН ... 24
Светлана Гладышева. И оживали легенды… ... 25

Валерий Григорьевич АРТЮХОВ ... 30
Мария Репина. Жизнь замечательного профессора Артюхова ... 31

Юрий Петрович АФИНОГЕНОВ ... 37
Юлия Рафаэльян. «33 года в кресле декана – рекорд для нашего университета» ... 38

Олег Яковлевич БАЕВ ... 41
Мария Репина. Профессия – криминалист ... 42

Илья Ильич БАРАБАШ-НИКИФОРОВ ... 46
Илья Барабаш-Никифоров. Вехи моей жизни ... 47

Анатолий Григорьевич БАСКАКОВ ... 51
Светлана Шеина. «Я – чистый математик» ... 52

Петр Григорьевич БОГАТЫРЕВ ... 56
Алла Ботникова. Богатырев, о котором писал Шкловский ... 57

Василий Васильевич БОЛОЗНЕВ ... 61
Владимир Пластинин. От солдата до генерала ... 62

Иван Иванович БОРИСОВ ... 64
Ирина Ковган. Человек с университетом в сердце ... 65

Юрий Григорьевич БОРИСОВИЧ ... 69
Николай Близняков. Деликатный Борисович ... 70

Илья Николаевич БОРОЗДИН ... 76
Воронеж и Ашхабад в жизни и судьбе профессора Бороздина ... 77
Из воспоминаний Полины Бороздиной ... 77
Из воспоминаний Аллы Ботниковой ... 80

Алла Борисовна БОТНИКОВА ... 83
Андрей Фаустов. Во все времена… ... 84

Николай Нилович БУРДЕНКО ... 88
Анна Русанова. Нилыч ... 89

Александр Петрович ВАЛАГИН ... 93
Лев Кройчик. Жизнелюб ... 94
Григорий Евгеньевич ВЕДЕЛЬ ... 98
Юлия Рафаэльян. Такая долгая, долгая, долгая жизнь ... 99
Савва Гаврилович ВИШНЯКОВ ... 103
Виктор Сиротин. Человек, который умел отстаивать свои взгляды ... 104
Лилия Тимофеевна ГИЛЯРОВСКАЯ ... 108
«Заслуги Гиляровской трудно переоценить» ... 109
Из воспоминаний Надежды Щербаковой ... 109
Из воспоминаний Ларисы Гусевой ... 109
Из воспоминаний Светланы Булгаковой ... 110
Из воспоминаний Ларисы Коробейниковой ... 110
Из воспоминаний Ольги Гальчиной ... 110
Из воспоминаний Татьяны Пожидаевой ... 111
Из воспоминаний Натальи Сапожниковой ... 111
Из воспоминаний Виктора Бочарова ... 111
Из воспоминаний Владимира Эйтингона ... 111
Из воспоминаний Дмитрия Ендовицкого ... 111
Сергей Владимирович ГОЛИЦЫН ... 113
Константин Хмелев. «Мы с тобой говорить только мысленно будем отныне…» ... 114
Владимир Васильевич ГУСЕВ ... 118
Лев Кройчик. Дорога длиною в жизнь ... 119
Эвелина Павловна ДОМАШЕВСКАЯ ... 134
Илья Кесслер. Быть первой – не каждому дано ... 135
Николай Павлович ДУБИНИН ... 139
Вечное движение ... 140
Из воспоминаний Николая Дубинина ... 140
Из воспоминаний Ивана Заянчковского ... 141
Евгения Постникова. Успехи кафедры генетики ... 141
Из книги Н. П. Дубинина «Вечное движение» ... 141
Александр Андреевич ДУБЯНСКИЙ ... 144
Ростислав Сегедин. Выбор ... 145
Антон Владимирович ДУМАНСКИЙ ... 147
Незабываемое ... 148
Из книги «Химический факультет Воронежского государственного университета» ... 148
Из воспоминаний Ростислава Неймана ... 148
Тамара Александровна ДЬЯКОВА ... 151
Наталья Гааг. Сохранив себя, ощутить гармонию жизни ... 152
Александр Трофимович ЕПРИНЦЕВ ... 159
Ирина Ковган. Сын Отечества ... 160
Николай Владимирович ЕФИМОВ ... 163
Всеволод Тихонов. Создатель собственной научной школы ... 164

Владимир Павлович ЗАГОРОВСКИЙ ... 166
Ольга и Павел Загоровские. Всегда первый ... 167
Сергей Александрович ЗАПРЯГАЕВ ... 171
Ирина Ковган. Супермен ... 172
Борис Абрамович ЗОН ... 175
Юлия Рафаэльян. Профессор Зон учит думать самостоятельно ... 176
Игорь Николаевич ЗОРНИКОВ ... 179
Елена Акаткина. Он спешил делать добро… ... 180
Дюис Данилович ИВЛЕВ ... 183
Александр Шишкин, Татьяна Семыкина, Олег Горбенко, Светлана Вульман
Дюис Данилович в Воронеже ... 184
Валентин Михайлович ИЕВЛЕВ ... 189
Сергей Куцев. Материаловедение – наука тонкая ... 190
Валерий Сергеевич КАВЕЦКИЙ ... 194
Александр Воробьев. Лучший декан физического факультета ... 195
Станислав Георгиевич КАДМЕНСКИЙ ... 197
Елена Тюрина. «Будущее высшей школы зависит от того, что будет с Россией» ... 198
Михаил Дмитриевич КАРПАЧЕВ ... 201
Ирина Короткова. «Беспамятства не искупишь деньгами и властью» ... 202
Борис Михайлович КОЗО-ПОЛЯНСКИЙ ... 207
Лариса Кожевникова. Учитель ... 208
Лев Дмитриевич КОКОРЕВ ... 214
Екатерина Роганова. Служенье истине ... 215
Горислав Валентинович КОЛОСОВ ... 222
Этот внесистемный Колосов ... 223
Из воспоминаний Вадима Кулиничева ... 223
Из воспоминаний Владимира Тулупова ... 224
Из воспоминаний Маргариты Стюфляевой ... 224
Из воспоминаний Татьяны Хомчук-Черной ... 225
Из воспоминаний Льва Кройчика ... 226
Александр Самуилович КРАВЕЦ ... 227
Елена Ищенко. Университетский философ ... 228
Тамара Александровна КРАВЧЕНКО ... 234
Лев Кройчик. Судьба… ... 235
Наум Яковлевич КРАСНЕР ... 238
Человек сугубо штатской внешности ... 239
Из биографии Наума Краснера ... 239
Из интервью газете «Воронежский курьер» ... 239
Из воспоминаний Исаака Руссмана ... 241
Из воспоминаний Бориса Суворова ... 242
Из воспоминаний Владимира Эйтингона ... 242

Марк Александрович КРАСНОСЕЛЬСКИЙ ... 244
Петр Забрейко. Мой учитель и друг ... 245
Селим Григорьевич КРЕЙН ... 253
Евгений Семенов. Рядом с Крейном ... 254
Алексей Александрович КРЕТОВ ... 259
Светлана Шеина. «Надо менять отношение к филологам» ... 260
Олег Григорьевич ЛАСУНСКИЙ ... 265
Дмитрий Дьяков. Опыт сопротивления пустоте ... 266
Анатолий Николаевич ЛАТЫШЕВ ... 270
Татьяна Волошина. Верный рыцарь науки ... 271
Мария Афанасьевна ЛЕВИТСКАЯ ... 274
Под сенью Левитской ... 275
Из воспоминаний Эвелины Домашевской ... 275
Из воспоминаний Валерия Кавецкого ... 276
Из дневников М. А. Левитской ... 277
Из Указа Президиума Верховного Совета СССР ... 278
Владимир Семенович ЛИСТЕНГАРТЕН ... 279
Елена Бебчук. Постоянно доступен ... 280
Игорь Кириллович МАРШАКОВ ... 283
Ирина Короткова. Любимчик судьбы ... 284
Сергей Иванович МАШКИН ... 288
Сергей Машкин. Ботаника – моя судьба ... 289
Валентин Пименович МЕЛЕШКО ... 294
Владимир Селеменев. Ученый и организатор науки ... 295
Федор Николаевич МИЛЬКОВ ... 299
Владимир Михно, Анатолий Нестеров, Владимир Федотов. Ген пространства ... 300
Борис Иванович МИХАНТЬЕВ ... 307
Валентин Рахманин. Творящий время ... 308
Олег Павлович НЕГРОБОВ ... 315
Елена Рузанова. «Нас ждут не менее семи миллионов открытий» ... 316
Александр Иосифович НЕМИРОВСКИЙ ... 322
Людмила Коротких. Биография эпохи ... 323
Тамара Александровна НИКОНОВА ... 327
Виктор Акаткин. Попытка портрета ... 328
Сталь Никанорович ПЕНЗИН ... 332
Владимир Листенгартен. Сталь Пензин – человек кино ... 333
Николай Алексеевич ПЛАКСЕНКО ... 337
Владимир Чепилов. «Сорок лет мы люди штатские. А всё помнятся бои» ... 338
Галина Михайловна ПОГОРЕЛЕНКО ... 341
Елена Акаткина. Сильная, светлая, добрая ... 342

Зинаида Даниловна ПОПОВА ... 345
Иосиф Стернин. Наша Зинаида Даниловна ... 346
Анатолий Дмитриевич ПРЯХИН ... 351
Оксана Лихойванова. Человек, который привык всё делать сам ... 352
Лев Павлович РАПОПОРТ ... 358
Мария Лепилова. Рап ... 359
Игорь Павлович РАСПОПОВ ... 365
Анатолий Ломов. Четырнадцать воронежских лет ... 366
Валентин Сидорович РАХМАНИН ... 368
Лев Кройчик. Обыкновенный Рахманин ... 369
Василий Эдуардович РЕГЕЛЬ ... 377
Михаил Карпачев. Первый ректор ... 378
Игорь Ефимович РИСИН ... 381
Человек, рожденный быть ученым ... 382
Лев Кройчик. Из интервью с профессором Рисиным, заведующим кафедрой региональной экономики и территориального управления ... 382
Владимир Валентинович РОДИОНОВ ... 385
Юлия Рафаэльян. Дело всей жизни ... 386
Юрий Алексеевич РЫЛОВ ... 389
Человек-камертон ... 390
Из воспоминаний Людмилы Гришаевой ... 390
Из воспоминаний Алексея Кретова ... 391
Владислав Анатольевич СВИТЕЛЬСКИЙ ... 393
Алла Ботникова. Сокровенный человек ... 394
Владимир Федорович СЕЛЕМЕНЕВ ... 399
Владимир Шапошник. Сим победиши! ... 400
Леонид Леонидович СЕМАГО ... 403
Эдуард Ефремов. Его всюду знали… ... 404
Константин Карлович СЕНТ-ИЛЕР ... 407
Александра Степынина. Ученый из первого призыва ... 408
Владислав Петрович СКОБЕЛЕВ ... 412
Лев Кройчик. Неоконченный разговор ... 413
Алексей Иванович СЛИВКИН ... 417
Мария Репина. Первооткрыватель ... 418
Валентина Ивановна СОБИННИКОВА ... 421
Борис Подгайный. Легендарная Валентина Ивановна ... 422
Владимир Иванович СОБОЛЕВ ... 428
Александра Мелёшина. «Нематематическая» биография Владимира Соболева ... 429
Юрий Николаевич СТАРИЛОВ ... 433
Юрий Старилов. Профессор – это профессия ... 434
Иосиф Абрамович СТЕРНИН ... 447
Лариса Дьякова. Настоящий подвижник ... 448

Ольга Дмитриевна ТЕКУТЬЕВА ... 451
Лев Кройчик. «Железная леди» ... 452
Сергей Николаевич ТИТОВ ... 456
Елена Якушкина. Краски жизни Сергея Николаевича Титова ... 457
Митрофан Степанович ТОЧИЛИН ... 461
Воин, педагог, ученый ... 462
Из воспоминаний Николая Чернышова ... 463
Из воспоминаний Ирины Коваль ... 465
Юрий Игоревич ТРЕЩЕВСКИЙ ... 466
Лев Кройчик. Работник ... 467
Владимир Васильевич ТУЛУПОВ ... 471
Лев Кройчик. Владимир Тулупов как явление современной модели управления ... 472
Яков Александрович УГАЙ ... 476
Иветта Цалитис. «Всё надо делать с любовью» ... 477
Борис Тимофеевич УДОДОВ ... 482
Сергей Савинков, Андрей Фаустов. Воспитатель мысли ... 483
Из воспоминаний Александра Валагина ... 485
Андрей Анатольевич ФАУСТОВ ... 487
Ольга Сконечная. Андрей Фаустов: имя и характер ... 488
Сергей Савинков. Человек с проницательно умными глазами ... 490
Светлана Николаевна ФИЛЮШКИНА ... 491
Мария Репина. Слово о зарубежнике ... 492
Михаил Семенович ЦВЕТ ... 497
Владимир Селеменев. Первооткрыватель хроматографии ... 498
Николай Михайлович ЧЕРНЫШОВ ... 504
Герман Полтаев. Человек-клад ... 505
Виктор Григорьевич ШАМАЕВ ... 509
Ольга Сыщикова. Спасибо за мужество! ... 510
Владимир Алексеевич ШАПОШНИК ... 513
Ирина Ковган. Главное, чтобы было интересно ... 514
Иван Иванович ШМАЛЬГАУЗЕН ... 518
Юлия Рафаэльян. Неутомимый борец за науку ... 519
Юрий Эдуардович ШТУКМАН ... 523
Ангелина Белокопытова. Он был патриотом университета ... 524
Андрей Павлович ЩЕРБАКОВ ... 528
Лев Кройчик. «Наука, музыка, спорт – это не жизнь, а чудо!» ... 529
Владимир Наумович ЭЙТИНГОН ... 533
Александр Королев. Его называли Петром Первым ... 534
Светлана Владимировна ЯНЦ ... 541
Лев Кройчик. Как пройти в библиотеку? ... 542

Литературно-художественное издание

ГЛАВНЫЙ КОРПУС

Сто имен
в судьбе Воронежского университета

Составитель –
Кройчик Лев Ефремович

Под общей редакцией
Ендовицкого Дмитрия Александровича

Редактор *Ю. С. Гудкова*
Компьютерная верстка *Е. Е. Комаровой*

Подписано в печать 02.08.2018. Формат 70×100/16
Усл. п. л. 45,2. Уч.-изд. л. 44,8. Тираж 100. Заказ 37

Издательский дом ВГУ
394018 Воронеж, пл. Ленина, 10
Отпечатано в типографии Издательского дома ВГУ
394018 Воронеж, ул. Пушкинская, 3